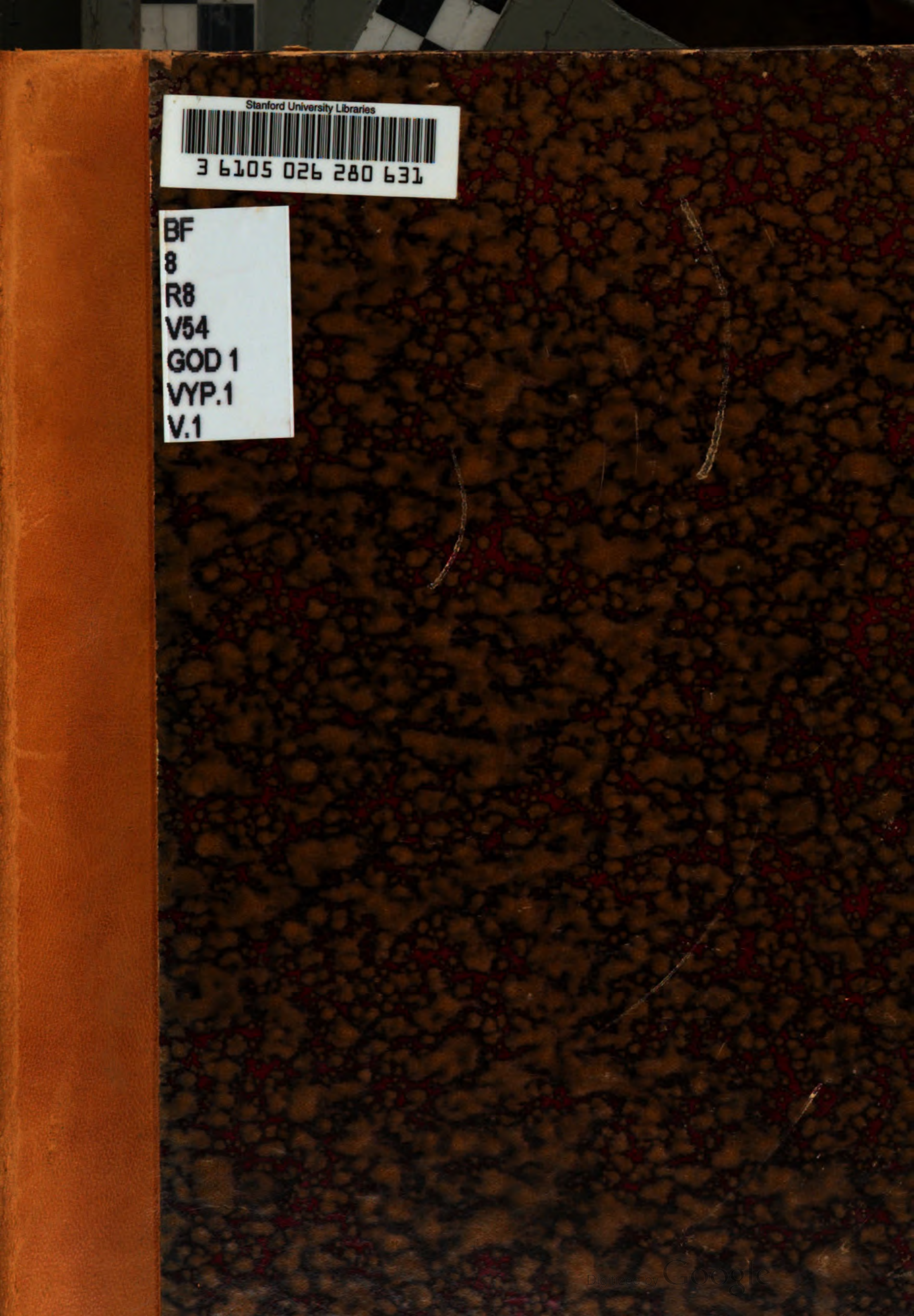
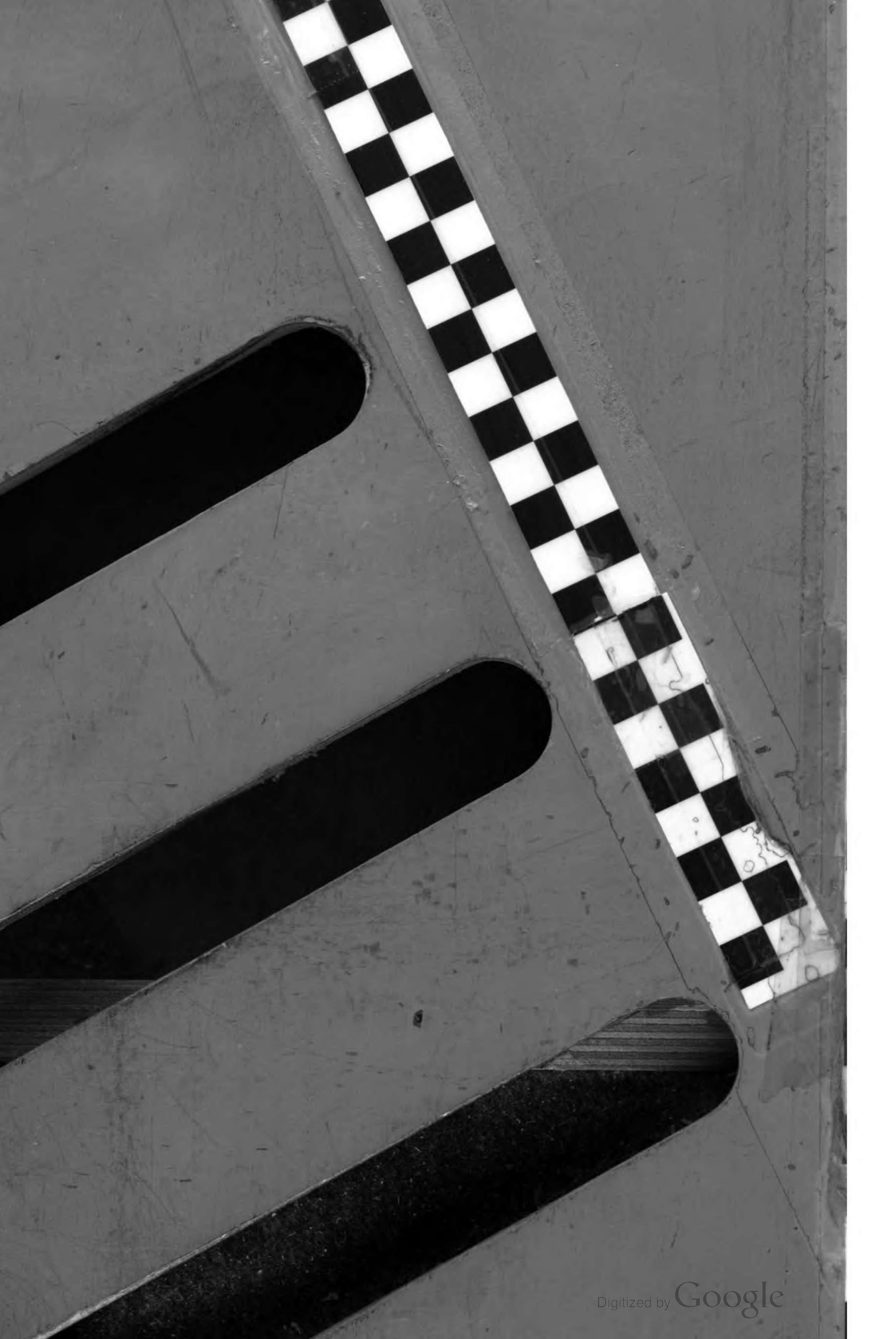
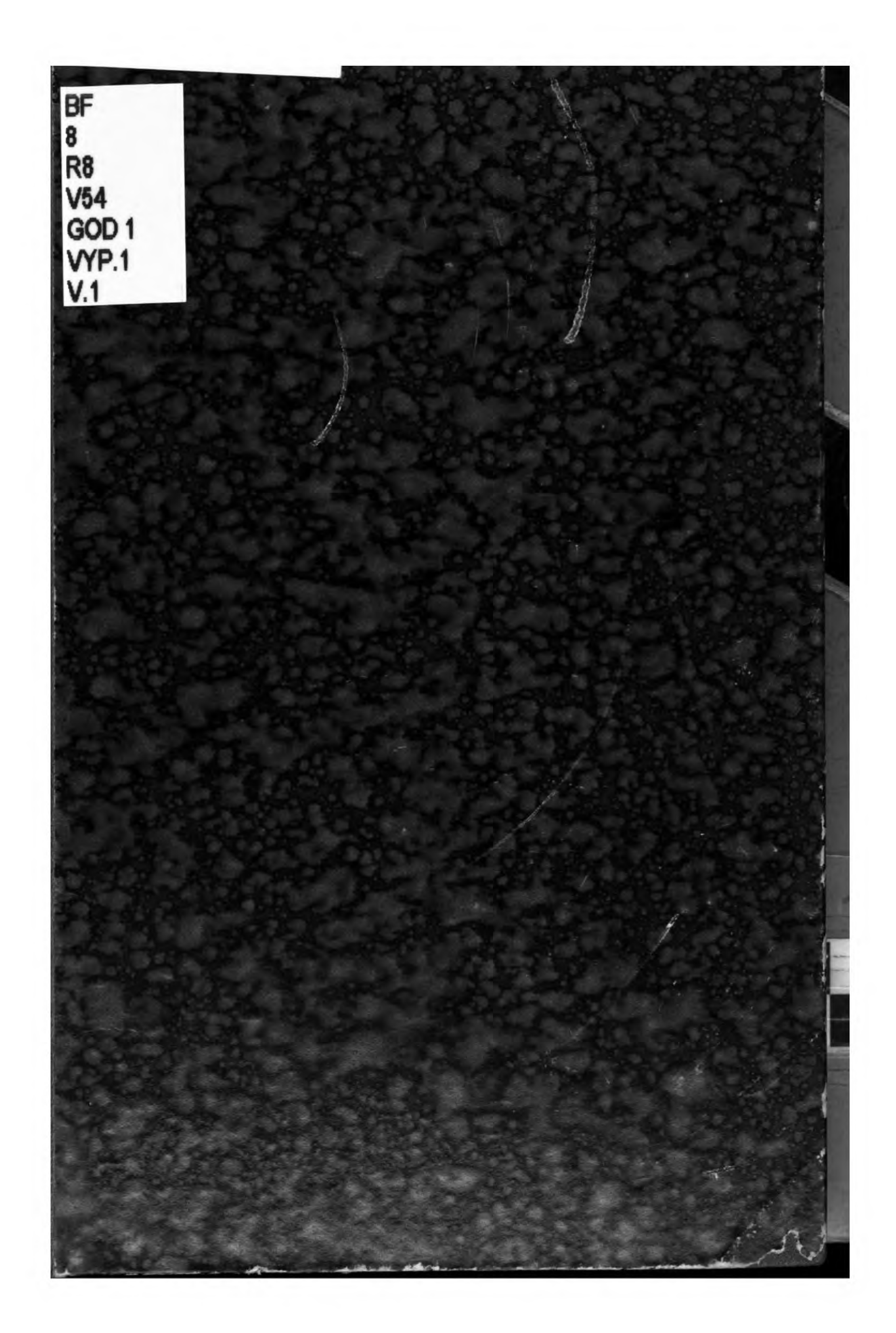

Stanford University Libraries
3 6105 026 280 631
BF
8
R8
V54
GOD 1
VYP.1
V.1

BF
8
R8
V54
GOD 1
VYP.1
V.1

Digitized by Google

Вѣстникъ Психологіи,

КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГІИ и ГИПНОТИЗМА

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

акад. В. М. БЕХТЕРЕВА и проф. В. С. СЕРЕБРЕНИКОВА.

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ:

прив.-доц. Н. О. ЛОССКІЙ—общей психологіи.

д-ръ А. Ф. ЛАЗУРСКІЙ и д-ръ А. А. КРОГІУСЪ—экспериментальной психологіи.

А. П. НЕЧАЕВЪ—педагогической психологіи.

проф. Л. В. БЛУМЕНАУ и д-ръ А. Э. БАРИ—психопатологіи.

прив.-доц. В. П. ОСИПОВЪ—гипнотизма.

Д. А. ДРИЛЬ и проф. В. Ф. ЧИЖЪ—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Годъ I-й. Вып. 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1904.

Отъ редакціи.

Въ современномъ русскомъ обществѣ обнаруживается ясное стремленіе къ болѣе близкому ознакомленію съ вопросами психологіи, и притомъ не только общей, но и физіологической и экспериментальной, дѣлающихъ въ послѣднее время чрезвычайно быстрые успѣхи. Это объясняется какъ особенностями переживаемой эпохи, такъ и необычнымъ развитіемъ самой психологіи, подвергающей пересмотру и провѣркѣ наиболѣе важные и основные вопросы психической сферы и опирающейся на экспериментъ въ рѣшеніи многихъ своихъ задачъ. Врядъ ли нужно указывать на значеніе для психологіи эксперимента, который уже далъ блестящіе результаты не только въ области пограничной между физіологіей и психологіей, какъ физіологіи органовъ чувствъ и психофизикѣ, но и по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ самой психологіи.

Между многочисленными отраслями психологіи особенно важное практическое значеніе пріобрѣтаетъ между прочимъ педагогическая психологія, въ которой въ новѣйшее время сталъ примѣняться въ обширныхъ размѣрахъ экспериментальный методъ изслѣдованія, давшій уже заслуживающіе вниманіе практическіе результаты. Нѣтъ надобности пояснять, что всѣ вообще основанныя на экспериментѣ и наблюденіи данныя педагогической психологіи должны возбуждать живой интересъ среди педагогическаго персонала, сознающаго недостатки существующей системы воспитанія и образованія.

Съ другой стороны, за послѣднее время стала возбуждать особый интересъ и патологическая психологія, черпающая свои выводы и положенія изъ наблюденій надъ душевными и нервными больными и освѣщающая этимъ путемъ многія темныя стороны психической дѣятельности. Достаточно указать здѣсь на все ученіе

объ афазіи, на патологическое расчлененіе сознанія и на явленія второго «я», чтобы дать понятіе о томъ значеніи, которое заняла патологическая психологія въ разрѣшеніи многихъ психологическихъ вопросовъ.

Наряду съ экспериментальной и патологической психологіей въ послѣднее время выдвинулось ученіе о внушеніи и гипнотизмѣ. какъ особомъ психическомъ состояніи. Гипнотизмомъ съ одной стороны пользуются для изученія природы душевныхъ явленій, съ другой стороны гипнотическое внушеніе примѣняютъ съ практическими цѣлями въ области педагогики и медицины. Въ этомъ отношеніи западно-европейская литература даетъ обширный и поучительный матеріалъ, интересный въ особенности для педагоговъ и еще въ большей мѣрѣ для врачей, для которыхъ знакомство съ гипнотизмомъ и внушеніемъ вообще является практически важнымъ, для лицъ же, занимающихся невропатологіей и психіатріей, даже настоятельно необходимымъ.

Наконецъ, есть еще одна область знанія, которая стала интересовать современное образованное общество и въ особенности юридическій міръ, — мы говоримъ о криминальной антропологіи съ психологіей преступности, которая все болѣе и болѣе начинаетъ завоевывать права гражданства среди другихъ научныхъ дисциплинъ. О ея практическомъ значеніи нѣтъ надобности распространяться, достаточно указать на тотъ глубокій интересъ, съ которымъ прислушивается современное общество къ выводамъ этой новой науки, чтобы оцѣнить всю важность знакомства съ нею для всѣхъ вообще образованныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, наша русская литература до послѣдняго времени далеко не отражала собою того научнаго движенія, которое обнаруживается за послѣднее время въ Западной Европѣ. Въ то время, какъ на Западѣ мы имѣемъ множество отдѣльныхъ сочиненій, посвященныхъ педагогической, экспериментальной и физіологической психологіи, гипнотизму и криминальной антропологіи, у насъ такія сочиненія являются единицами. Съ другой стороны, на Западѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ періодическихъ изданій, посвященныхъ психологіи, гипнотизму и криминальной антропологіи, въ Россіи же до сего времени мы не имѣемъ еще органовъ, по-

священныхъ исключительно какой-либо изъ поименованныхъ выше отраслей знанія. У насъ есть, правда, почтенный органъ „Вопросы философіи и психологіи“, но журналъ этотъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ распространеніе философскихъ знаній въ Россіи. Если въ немъ удѣляется довольно значительное мѣсто и вопросамъ психологіи, то дѣло идетъ здѣсь преимущественно о психологіи въ ея отношеніи къ философіи, тогда какъ новый органъ имѣетъ въ виду всестороннюю разработку самой психологіи, какъ положительной науки, съ ея отдѣлами: общей, экспериментальной, педагогической и патологической психологіей, а также разработку вопросовъ, связанныхъ съ развитіемъ ученія о внушеніи и гипнозѣ и тѣхъ данныхъ, которыя относятся къ области общественной психологіи и криминальной антропологіи.

Руководясь этимъ, мы полагаемъ, что «Вѣстникъ психологіи, гипнотизма и криминальной антропологіи», долженствующій обнять собою всѣ поименованныя области знанія, отвѣчаетъ насущной потребности русскаго образованнаго общества. Журналъ этотъ по своему содержанію долженъ служить отраженіемъ новѣйшихъ успѣховъ во всѣхъ поименованныхъ областяхъ знанія; кромѣ оригинальныхъ статей онъ будетъ заключать въ себѣ критическіе обзоры, рефераты и рецензіи по возможности всѣхъ важнѣйшихъ сочиненій и журнальныхъ статей, посвященныхъ вопросамъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма.

I. Оригинальныя статьи.

Біологическое значеніе психики.

Акад. В. М. Бехтерева.

Если мы условимся понимать психику въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и будемъ разумѣть подъ этимъ понятіемъ внутреннюю переработку внѣшнихъ воздѣйствій, выражающуюся особыми субъективными явленіями, начиная отъ общаго совершенно не дифференцированнаго самоощущенія или самочувствія и кончая высшими сферами сознанія, и приводящую къ активности организмовъ въ окружающей средѣ, то безъ сомнѣнія мы не будемъ въ состояніи отказать въ психикѣ даже простѣйшимъ организмамъ, ибо до какихъ бы низкихъ предѣловъ жизни мы ни спускались, мы вездѣ встрѣтимся съ активной реакціей организмовъ на внѣшнія вліянія,—реакціей, опредѣляемой не столько характеромъ внѣшнихъ воздѣствій на организмъ, сколько внутренними побужденіями, вытекающими изъ природы самого организма.

Правда, со стороны нѣкоторыхъ изъ біологовъ (Бючли, Румблеръ) прилагались усилія къ тому, чтобы всѣ проявленія дѣятельности низшаго существа свести на механическія причины, но до сихъ поръ всѣ попытки этого рода терпѣли фіаско и никакія сравненія живой протоплазмы съ кристалломъ или съ т. наз. искусственными клѣтками не выдерживаютъ критики именно потому, что, представляя извѣстное подобіе съ простѣйшими организмами въ отношеніи роста и отложенія частицъ, всѣ такія системы тѣмъ не менѣе остаются мертвыми или инертными массами, не обнаруживающими по отношенію къ окружающимъ условіямъ никакой активности, основанной на внутренней переработкѣ внѣшнихъ вліяній и обусловливаемой внутренними побужденіями, какъ это мы наблюдаемъ во всѣхъ вообще организмахъ.

Въ силу вышесказаннаго мы признаемъ психику основнымъ проявленіемъ жизни и полагаемъ, что въ мірѣ нѣтъ живого существа безъ психики, иначе говоря, безъ внутренней переработки внѣшнихъ воздѣйствій, сопутствуемой внутренними или субъективными переживаніями и выражающейся тѣми или иными активными проявленіями.

Эти послѣднія являются въ общемъ столь же характеристичными объективными проявленіями внутреннихъ процессовъ, какъ характерны для психики тѣ субъективныя переживанія, которыя мы открываемъ въ насъ самихъ при

изслѣдованіи собственной психики, а такъ какъ послѣднія въ другихъ организмахъ по самой сути дѣла представляются недоступными для нашего изслѣдованія, то, оставаясь на почвѣ объективности и не прибѣгая къ аналогіямъ для опредѣленія содержанія психики въ животномъ царствѣ, мы можемъ пользоваться активными проявленіями организмовъ, какъ показателями степени и качества вышеупомянутой внутренней переработки. Въ этомъ отношеніи большее или меньшее разнообразіе въ проявленіи активности живого существа въ его отношеніяхъ къ окружающему міру и, соотвѣтственно тому, большая или меньшая независимость его отъ вліяній окружающей природы должны служить и мѣриломъ большаго или меньшаго развитія внутреннихъ процессовъ, обнимаемыхъ понятіемъ психики.

Если мы съ этой точки зрѣнія окинемъ взоромъ все животное царство, то мы встрѣтимся съ однимъ поразительнымъ явленіемъ, а именно вмѣстѣ съ постепеннымъ восхожденіемъ отъ низшихъ типовъ животныхъ къ высшимъ, мы находимъ въ общемъ и большее разнообразіе въ активныхъ проявленіяхъ организма, а слѣдовательно и большее развитіе психики.

Начиная отъ простѣйшихъ и моллюсковъ, обладающихъ лишь зачатками психики, мы поднимаемся въ животномъ мірѣ какъ бы по своеобразной психической лѣстницѣ, доходя постепенно до высшихъ типовъ животныхъ, отличающихся все большимъ и большимъ развитіемъ психики, пока не дойдемъ до человѣка—этого царя природы, по справедливости гордящагося своими умственными богатствами.

Надо впрочемъ замѣтить, что не вездѣ и всюду эта психическая лѣстница идетъ параллельно внѣшнему развитію видовъ. Такъ, по достиженіи безпозвоночными животными замѣчательнаго развитія психики въ представителяхъ муравьевъ, пчелъ и термитовъ, выражающагося поразительно разнообразными отношеніями къ окружающему міру, мы видимъ затѣмъ съ наступленіемъ первичныхъ типовъ позвоночныхъ животныхъ въ видѣ amphyoxus lanceolatus и рыбъ какъ бы пониженіе психическихъ отправленій по сравненію съ высшими суставчатыми. Такимъ образомъ, хотя и замѣчается въ общемъ прогрессивное развитіе психики въ мірѣ животныхъ, но это развитіе не идетъ вездѣ и всюду параллельно восходящимъ ступенямъ физическаго развитія видовъ.

По этому вопросъ о томъ, имѣется ли правильное, строго законосообразное соотношеніе между развитіемъ психики и физической организаціей, не можетъ быть рѣшенъ такъ просто, какъ можетъ показаться съ самаго начала. Для выясненія его мы прежде всего должны спросить себя, какой принципъ долженъ быть принятъ для мѣрила большаго или меньшаго совершенствованія физической организаціи?

Обычное дѣленіе животныхъ по типамъ безъ сомнѣнія отличается большой условностью и даже искусственностью.

Если бы мы, напр., приняли за принципъ большаго совершенствованія

физической организаціи ея бóльшую или меньшую приспособленность къ окружающимъ условіямъ и бóльшую или меньшую степень защищенности организаціи отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, то безъ сомнѣнія намъ пришлось бы многихъ низшихъ животныхъ, переносящихъ безнаказанно какъ весьма низкія, такъ и весьма высокія температуры, поставить выше остальныхъ животныхъ, организмъ которыхъ можетъ переносить колебанія температуры лишь въ весьма узкихъ предѣлахъ.

Далѣе. руководясь тѣмъ же принципомъ, намъ пришлось бы человѣка поставить много ниже болѣе низкихъ позвоночныхъ, такъ какъ неоспоримо, что природа дала послѣднимъ, по сравненію съ человѣкомъ, лучшія условія для защиты отъ непогоды въ наружныхъ покровахъ, снабдила ихъ болѣе цѣпкими когтями и болѣе крѣпкими мышцами, служащими для нападенія и обороны отъ враговъ, дала имъ лучшіе способы передвиженія, подвижную ушную раковину для лучшей оріентировки въ отношеніи грозящей опасности, болѣе зоркіе глаза, видящіе даже при слабыхъ освѣщеніяхъ, болѣе сильный желудокъ и т. п.

Еще менѣе того мы можемъ брать за мѣрило высшей физической организаціи развитіе системы органовъ кровообращенія и дыханія. Чѣмъ напр. органы кровеобращенія и дыханія хуже у низшихъ позвоночныхъ и птицъ, нежели у человѣка, а между тѣмъ можно ли сравнивать даже въ физическомъ отношеніи организмъ человѣка съ организмомъ птицы или низшихъ млекопитающихъ.

Естественно, что, руководясь развитіемъ такихъ важнѣйшихъ жизненныхъ органовъ, какъ система кровеобращенія и дыханія, мы тщетно стали бы искать законосообразное соотношеніе между физическимъ развитіемъ организмовъ и ихъ психикой.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ, какъ мѣрило совершенствованія физической организаціи, развитіе нервной системы животныхъ.

По крайней мѣрѣ общее раздѣленіе животныхъ на 1) животныхъ, лишенныхъ нервной системы, 2) животныхъ, снабженныхъ узловой нервной системой и 3) животныхъ позвоночныхъ, т. е. снабженныхъ центральной нервной системой, отвѣчаетъ въ общемъ послѣдовательной градаціи въ совершенствованіи видовъ. Но должно помнить, что и этотъ принципъ не можетъ служить всюду вполнѣ точнымъ мѣриломъ совершенствованія физической организаціи. По крайней мѣрѣ, принявъ за мѣрило бóльшаго совершенствованія физической организаціи принципъ относительнаго развитія нервной системы, намъ пришлось бы поставить самыхъ низшихъ изъ рыбъ выше суставчатыхъ, снабженныхъ прекрасно развитыми органами передвиженія, и обладающихъ относительно хорошимъ развитіемъ органовъ чувствъ, не говоря уже о высоко развитой психикѣ болѣе высокихъ типовъ суставчатыхъ, какъ извѣстныхъ всѣмъ пчелъ и муравьевъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ можно ли поставить, напр., простѣйшаго представителя рыбъ, извѣстнаго подъ именемъ amphyoxus, въ

отношеніи его физической организаціи выше такихъ суставчатыхъ, какъ пчелы и муравьи съ превосходно развитыми члениками, съ прекрасно приспособленными органами движенія и съ хорошо развитыми органами внѣшнихъ чувствъ, какъ то осязанія, обонянія, вкуса и зрѣнія. Врядъ ли найдется вообще кто либо, который бы отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Очевидно, что для выясненія принципа совершенствованія физической организаціи, мы должны отбросить всякія условности въ раздѣленіи животныхъ по принципу ихъ большей или меньшей приспособленности или по внѣшнимъ особенностямъ строенія ихъ организма. На нашъ взглядъ единственнымъ, наиболѣе общимъ мѣриломъ совершенствованія организаціи видовъ должна быть большая или меньшая дифференцировка и развитіе ихъ органовъ чувствъ и движенія, представляющихъ въ общей совокупности истинный показатель отношенія организма къ окружающимъ условіямъ.

Такъ какъ въ прямой связи съ дифференцировкой и развитіемъ органовъ чувствъ у животныхъ, обладающихъ нервной системой, идетъ и большее относительное развитіе головнаго мозга, который у суставчатыхъ представленъ надглоточнымъ узломъ, то есть полное основаніе полагать, что большее или меньшее сосредоточеніе нервной системы, въ смыслѣ бо́льшаго или меньшаго развитія высшаго центральнаго органа, можетъ служить дѣйствительнымъ мѣриломъ совершенствованія физической организаціи, покрайней мѣрѣ у животныхъ, обладающихъ нервной системой.

Соотвѣтственно этому всѣ животныя распредѣляются въ правильномъ восходящемъ ряду по принципу послѣдовательнаго совершенствованія физической организаціи. При этомъ у простѣйшихъ животныхъ, лишенныхъ нервной системы, у которыхъ составныя части нервной системы высшихъ животныхъ разлиты какъ бы во всей протоплазмѣ (въ пользу чего говоритъ болѣе близкій составъ протоплазмы низшихъ животныхъ къ составу нервной клѣтки, по сравненію съ протоплазмой другихъ не нервныхъ тканей высшихъ животныхъ), совершенствованіе физической организаціи опредѣляется исключительно большимъ или меньшимъ развитіемъ и дифференцированіемъ органовъ движенія и чувствительности. Руководясь этимъ и опредѣляя совершенствованіе физической организаціи безпозвоночныхъ по большей или меньшей дифференцировкѣ и развитію органовъ чувствъ и движенія, мы должны поставить высшихъ суставчатыхъ въ смыслѣ совершенства ихъ физической организаціи выше наиболѣе низкихъ позвоночныхъ, какъ напр. amphyoxus lanceolatus.

Что касается позвоночныхъ, то, уступая въ своихъ низшихъ представителяхъ въ отношеніи своей физической организаціи высшимъ суставчатымъ, они затѣмъ по своему развитію органовъ чувствъ и движенія и по сосредоточенію нервной системы въ головномъ мозгу превосходятъ всѣхъ вообще животныхъ. Здѣсь относительный вѣсъ головнаго мозга, взятый по сравненію съ вѣсомъ спиннаго мозга, а еще лучше вѣсъ мозговыхъ полушарій по сравненію съ вѣсомъ спиннаго мозга вмѣстѣ съ мозговымъ стволомъ, является

наиболѣе точнымъ мѣриломъ развитія физической организаціи, такъ какъ имъ именно и опредѣляется большее или меньшее развитіе и дифференцировка органовъ чувствъ и движенія у этихъ животныхъ.

Признавъ вышеуказанный принципъ для опредѣленія относительнаго совершенства физической организаціи, мы можемъ установить, какъ общій законъ, что параллельно качественному совершенствованію физической организаціи въ смыслѣ бо̀льшаго развитія и дифференцированія органовъ чувствъ и органовъ движенія, въ мірѣ живыхъ существъ идетъ и большее развитіе и дифференцированіе психики.

Такъ, у простѣйшихъ, лишенныхъ спеціальныхъ органовъ чувствъ и движенія, мы не можемъ предполагать въ отношеніи психики ничего другого кромѣ элементарной раздражительности, сопутствуемой состояніемъ болѣе или менѣе общаго самоощущенія,—раздражительности, которая въ еще болѣе слабой степени проявляется и у растеній. У инфузорій, снабженныхъ уже зачатками органовъ (каковы напр. инфузоріи-охотники), дѣло очевидно уже не ограничивается простой раздражительностью и самоощущеніемъ, а первая дифференцируется такимъ образомъ, что даетъ этимъ животнымъ возможность опредѣлять по крайней мѣрѣ направленіе, въ которомъ находится добыча, годная для ихъ питанія. Равнымъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемъ извѣстную дифференцировку и въ отношеніи органовъ, предназначенныхъ для улавливанія добычи.

Если мы теперь сравнимъ ихъ дѣятельную жизнь съ жизнью подобной прозябанію, низшихъ обладателей узловой нервной системы, лишенныхъ спеціализированныхъ органовъ чувствъ и движенія, то врядъ-ли кто, несмотря на отсутствіе нервной системы у первыхъ, поставитъ ихъ въ психическомъ отношеніи ниже вторыхъ.

Далѣе, изъ животныхъ, обладающихъ узловой нервной системой, болѣе высокіе представители, какъ суставчатыя, а изъ нихъ особенно пчелы и муравьи, снабжены хорошо дифференцированными органами передвиженія и достаточно развитыми органами чувствъ (зрѣніе, обоняніе, вкусъ, осязаніе). Въ этомъ отношеніи они навѣрное имѣютъ преимущество въ своей физической организаціи предъ низшими позвоночными, напр., рыбами, у которыхъ кромѣ общей чувствующей поверхности имѣется органъ зрѣнія и слабо развитый органъ вкуса; имѣется-ли у рыбъ еще и слухъ, какъ извѣстно, подвергается большому сомнѣнію, но во всякомъ случаѣ, если онъ и имѣется, то лишь въ очень несовершенномъ развитіи. При этомъ должно быть принято во вниманіе, что зрѣніе и обоняніе благодаря той средѣ, въ которой живутъ рыбы, несомнѣнно не даютъ имъ возможности оріентироваться на большія разстоянія. Съ другой стороны, и органы движенія рыбъ, будучи отлично приспособлены для общаго передвиженія тѣла въ такой средѣ, какъ вода, не настолько дифференцированы, чтобы позволять производить отдѣльныя resp. обособленныя движенія различныхъ частей тѣла, за исключеніемъ хвостоваго отдѣла.

Все это несомнѣнно говоритъ за низшую въ качественномъ отношеніи физическую организацію рыбъ по сравненію съ высшими представителями суставчатыхъ. Естественно поэтому, что и психика рыбъ, насколько она проявляется въ активности и разнообразіи приспособительной работы въ цѣляхъ обезпеченія своего существованія, значительно уступаетъ психикѣ высшихъ суставчатыхъ, каковы пчелы и муравьи съ ихъ замѣчательными постройками, раздѣленіемъ труда, домашнимъ скотомъ у муравьевъ и т. п.

Земноводныя и пресмыкающіяся въ физическомъ отношеніи стоятъ несомнѣнно выше рыбъ, такъ какъ зрѣніе ихъ даетъ возможность оріентироваться на большія пространства, что вѣроятно справедливо также и по отношенію къ обонянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ кромѣ осязанія и вкуса эти животныя несомнѣнно обладаютъ еще, хотя и слабо развитымъ, слухомъ. Затѣмъ и органы ихъ передвиженія имѣютъ преимущество предъ плавниками рыбъ. Соотвѣтственно этому и психика этихъ животныхъ неоспоримо стоитъ на высшей ступени развитія по сравненію съ психикой рыбъ.

Птицы, какъ извѣстно, кромѣ другихъ органовъ чувствъ, имѣютъ прекрасно развитой слухъ и зрѣніе и значительно болѣе дифференцированные органы передвиженія, приспособленные какъ для передвиженія по наземной поверхности, такъ и для передвиженія въ воздушной средѣ, и безъ сомнѣнія въ психическомъ отношеніи птицы стоятъ много выше земноводныхъ и пресмыкающихся.

Что касается млекопитающихъ, то большинство изъ нихъ обладаетъ относительно хорошимъ развитіемъ, конечно, въ неодинаковой степени, всѣхъ пяти органовъ чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ органы передвиженія, хотя и не даютъ имъ возможности, подобно птицамъ, быстро переноситься на громадныя разстоянія чрезъ воздушное пространство, но за то лучше приспособлены для передвиженія по наземной поверхности и для выполненія отдѣльныхъ движеній, крайне важныхъ въ цѣляхъ пользованія органами тѣла въ формѣ орудій. Соотвѣтственно этому и психическое развитіе большинства млекопитающихъ несомнѣнно выше психическаго развитія птицъ. Исключеніе составляютъ такія млекопитающія, какъ рыбообразныя, которыя представляютъ собою значительный регрессъ, какъ въ физическомъ отношеніи въ смыслѣ сравнительной недостаточности развитія органовъ чувствъ и органовъ движенія, такъ и въ психическомъ отношеніи. Эти животныя такимъ образомъ вновь доказываютъ, какъ неправильно пользоваться строеніемъ внутреннихъ органовъ для раздѣленія животныхъ по степени совершенствованія ихъ физической организаціи и что единственно вѣрнымъ принципомъ такого дѣленія животныхъ можетъ быть большее или меньшее дифференцированіе ихъ органовъ чувствъ и органовъ движенія.

Что касается наконецъ человѣка, то, уступая нѣкоторымъ животнымъ въ отношеніи тонкости обонянія, его другіе органы чувствъ, какъ слухъ, зрѣніе, осязаніе и вкусъ достигаютъ такой дифференцировки въ ощущеніяхъ, какую мы

не встрѣчаемъ ни у одного изъ болѣе низкихъ животныхъ. Да и обоняніе, если и не отличается у человѣка такой остротой, какъ напр. у собакъ, то все же даетъ столь дифференцированныя ощущенія, какъ вѣроятно у немногихъ животныхъ. Независимо отъ того органы движенія у человѣка, если и уступаютъ органамъ движенія нѣкоторыхъ животныхъ въ ловкости и силѣ, то во всякомъ случаѣ такой органъ, какъ рука, приспособленная для крайне тонкихъ дифференцированныхъ движеній, даетъ человѣку огромное преимущество по сравненію со всѣми животными, а его языкъ, приспособленный для членораздѣльной рѣчи, есть несравненный даръ, котораго лишены всѣ остальныя живыя существа.

Ясно, что и здѣсь превосходная физическая организація въ смыслѣ большаго дифференцированія органовъ чувствъ и движенія или то, что мы называемъ качественнымъ развитіемъ физической организаціи, совпадаетъ съ высокимъ развитіемъ психики, какого мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ представителей животнаго царства.

Но если существуетъ строгій параллелизмъ въ животномъ мірѣ между качественнымъ развитіемъ или совершенствованіемъ физической организаціи и развитіемъ психики, то естественно, что и каждый отдѣльный видъ въ своемъ историческомъ развитіи долженъ представлять параллелизмъ качественнаго развитія своей физической организаціи въ смыслѣ большаго или меньшаго ея совершенствованія и качественнаго же развитія психическихъ отправленій. По понятнымъ причинамъ на животныхъ это положеніе прослѣдить нелегко, но для человѣка этотъ фактъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Если мы обратимся къ людямъ прежнихъ эпохъ, то врядъ-ли мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что столь важные органы движенія, какъ рука и языкъ, у нихъ не достигали такого совершенства, какое мы видимъ въ современномъ человѣчествѣ. Въ самомъ дѣлѣ и ремесла, и другія производства, требующія тонкаго дифференцированнаго движенія пальцевъ руки, не говоря о письменной рѣчи и сложныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, а равно и необычайно богатое развитіе членораздѣльной рѣчи, все это есть достояніе человѣка позднѣйшихъ историческихъ эпохъ; первобытный же человѣкъ обладалъ навѣрное лишь грубыми движеніями руки и сравнительно несложною примитивною рѣчью съ небольшимъ запасомъ словъ, вѣроятно, даже много меньшимъ, чѣмъ обладаютъ, напр., современные намъ дикари.

Врядъ ли надо упоминать, что и столь тонкое дифференцированіе органовъ чувствъ, особенно болѣе высшихъ изъ нихъ, какъ напр. слуха и зрѣнія, какое мы наблюдаемъ въ современномъ человѣчествѣ, съ основаннымъ на этомъ тонкомъ дифференцированіи органовъ чувствъ замѣчательномъ развитіи двухъ важнѣйшихъ искусствъ—музыки и живописи, не могло быть доступно не только первобытному человѣку, но даже и историческому человѣку прежнихъ эпохъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ-ли есть какой либо поводъ къ сомнѣнію въ томъ, что наряду съ менѣе совершенной физической организаціей первобытный человѣкъ

и даже человѣкъ древнихъ историческихъ эпохъ обладалъ въ общемъ и меньшимъ развитіемъ психической сферы. Доказательствомъ тому служитъ съ одной стороны сравнительно малый по размѣрамъ черепъ доисторическаго человѣка и меньшій по сравненію съ современнымъ человѣкомъ черепъ людей древнихъ историческихъ эпохъ, съ другой стороны сравнительно слабое развитіе индустріи и культуры у людей древнихъ историческихъ эпохъ и еще въ большей мѣрѣ у первобытнаго доисторическаго человѣка.

Совершенствованіе или прогрессивное развитіе однако не составляетъ въ животномъ мірѣ обязательнаго явленія для всѣхъ видовъ, такъ какъ имѣется еще обширный міръ животныхъ съ явно регрессивнымъ развитіемъ.

Это регрессивное развитіе обнаруживаютъ тѣ животныя, которыя влачатъ паразитическое существованіе. Казалось бы съ физической стороны здѣсь всѣ условія были благопріятными, но оказывается, что многіе изъ паразитовъ, особенно изъ тѣхъ, которые живутъ внутри тѣла другихъ животныхъ представляютъ въ большей или меньшей степени регрессивное развитіе своего организма, выражающееся атрофіей всѣхъ вообще органовъ, исключая конечно органовъ питанія, размноженія и орудій прикрѣпленія къ чужому организму. Болѣе высокіе органы въ условіяхъ паразитическаго существованія оказываются конечно излишними, ненужными, и потому естественно, что они атрофируются. Но удивительнѣе всего, что эти животныя, которыхъ природа снабдила столь благопріятными условіями существованія на счетъ другихъ, не извлекаютъ для своей организаціи соотвѣтственной пользы, которая выражалась бы наряду съ атрофіей ненужныхъ органовъ преимущественнымъ развитіемъ другихъ сторонъ дѣятельности организма. Можно было бы думать напр. что такія животныя должны выигрывать въ психическомъ отношеніи, такъ какъ, будучи обставлены благопріятно въ отношеніи своего пищевого довольствія, они почти не затрачиваютъ энергіи на соревнованіе другъ съ другомъ и на жизненную борьбу. Но оказывается какъ разъ напротивъ—паразитныя животныя обладаютъ обыкновенно и наименьшимъ психическимъ развитіемъ.

Итакъ, наряду съ регрессомъ физической организаціи у всѣхъ паразитныхъ животныхъ обнаруживается и ясный регрессъ ихъ психики, иначе говоря, и здѣсь подтверждается указанный выше параллелизмъ между состояніемъ физической организаціи и психикой.

Вышеуказанный параллелизмъ между большимъ или меньшимъ совершенствованіемъ физической организаціи и развитіемъ психической сферы совершенно понятенъ, если мы примемъ во вниманіе ту тѣсную связь между тѣлеснымъ и психическимъ, которая проявляется вездѣ и всюду. Для всякаго должно быть ясно, что при несовершенной физической организаціи не можетъ быть особенно высокаго психическаго развитія, и что, съ другой стороны, большее развитіе психической сферы предполагаетъ и болѣе совершенную физическую организацію.

Другой вопросъ—чѣмъ обусловливается качественное развитіе или совер-

шенствованіе физической организаціи и параллельное ея соотношеніе съ развитіемъ психической сферы.

Со времени Ч. Дарвина происхожденіе видовъ, какъ извѣстно, объясняется дѣйствующимъ при условіи борьбы за существованіе естественнымъ отборомъ, который, будучи основанъ на случайно являющихся отклоненіяхъ физической организаціи, состоитъ въ переживаніи наиболѣе приспособленныхъ организмовъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на той критикѣ, которой подверглось это ученіе за позднѣйшій періодъ времени. Послѣдняя, какъ извѣстно, если и не устраняетъ вполнѣ это ученіе, то во всякомъ случаѣ сильно его ограничиваетъ, удѣляя вліянію естественнаго отбора сравнительно скромную роль въ развитіи организмовъ и происхожденіи видовъ, и, во всякомъ случаѣ, далеко не отмежевывая естественному отбору ту всеобъемлющую роль, которую ему придавали какъ создатель этого ученія Ч. Дарвинъ, такъ и его послѣдователи. Тѣмъ не менѣе это ученіе остается среди біологовъ господствующимъ еще и понынѣ и мы также не склонны отрицать его значеніе въ вопросѣ о происхожденіи видовъ, но мы далеки отъ того, чтобы приписывать ему въ эволюціи организмовъ исключительную роль.

Какъ извѣстно, большинствомъ авторовъ признается, что въ мірѣ животныхъ путемъ естественнаго отбора постепенно видоизмѣняется физическая организація въ смыслѣ большаго приспособленія ея къ окружающимъ условіямъ.

Что касается развитія собственно психики, то послѣдняя вводится въ сферу дѣйствія естественнаго отбора лишь постольку, поскольку тѣ или другіе психическіе акты разсматриваются, какъ полезныя привычки, возникающія на почвѣ прирожденныхъ измѣненій и передающіяся въ потомство. Что касается сознательныхъ проявленій психики съ характеромъ волевыхъ движеній, гдѣ дѣйствуетъ личный выборъ, то они не подводились обыкновенно, да и не могутъ быть подводимы безъ натяжекъ подъ дѣйствіе естественнаго отбора.

Такимъ образомъ Дарвиновскій естественный отборъ имѣетъ въ виду исключительно приспособленіе организмовъ къ окружающей средѣ, безразлично, будетъ ли это приспособленіе заключаться въ качественномъ улучшеніи или наоборотъ, въ ухудшеніи физической организаціи.

Извѣстно, что большее или меньшее приспособленіе организма къ даннымъ окружающимъ условіямъ ничуть не совпадаетъ съ большимъ или меньшимъ дифференцированіемъ органовъ. Напротивъ того, въ извѣстныхъ случаяхъ приспособленіе требуетъ атрофіи нѣкоторыхъ органовъ, какъ это мы видимъ, напр., у подземныхъ животныхъ, у рыбообразныхъ млекопитающихъ и у большей части паразитовъ. Такимъ образомъ очевидно, что переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, какъ того требуетъ естественный отборъ, не обезпечиваетъ по существу не только постепеннаго психическаго развитія животныхъ, не только не объясняетъ намъ параллельнаго развитія физической организаціи и психики въ ряду животныхъ, но даже и качественное совершенствованіе

физической организацiи видовъ является ничуть не безусловно необходимымъ съ точки зрѣнiя естественнаго отбора, такъ какъ все опредѣляется большей или меньшей приспособленностью ихъ къ данной средѣ.

Если въ мiрѣ животныхъ мы видимъ тѣмъ не менѣе постепенное совершенствованiе физической и психической организацiи видовъ, начиная отъ простѣйшихъ до человѣка включительно,—совершенствованiе организацiи не въ смыслѣ большей приспособленности ея къ окружающимъ условiямъ, а въ смыслѣ качественной ея эволюцiи, выражающейся все большимъ и большимъ дифференцированiемъ органовъ чувствъ и органовъ движенiя и соотвѣтственнымъ психическимъ развитiемъ, то очевидно, что, кромѣ естественнаго отбора долженъ быть какой-либо иной факторъ въ природѣ живыхъ существъ, который обезпечивалъ бы прогрессивное качественное развитiе ихъ физической организацiи и психики.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ выяснить роль упражненiя, какъ одного изъ важныхъ агентовъ, содѣйствующихъ качественному развитiю органовъ.

Значенiе упражненiя органовъ для ихъ развитiя доказывается лучше всего наблюденiями на людяхъ. Врядъ ли надо долго останавливаться на вопросѣ о томъ значенiи, какое имѣетъ для развитiя органовъ чувствъ постоянное и частое упражненiе. Что слухъ развивается путемъ упражненiя, извѣстно хорошо всѣмъ пiанистамъ. Точно также извѣстно, что зрѣнiе изощряется подъ влiянiемъ частаго упражненiя. Примѣромъ могутъ служить дикари которые, находясь постоянно среди природы, могутъ отличать отдаленнѣйшiе предметы съ гораздо большей легкостью, нежели европейцы. Равнымъ образомъ всякому извѣстно, какъ развивается при частомъ упражненiи нашъ глазомѣръ. Извѣстно также особенное развитiе вкуса у всѣхъ гастрономовъ. Точно также у лицъ, опредѣляющихъ сорта винъ и чая, изощряется въ необычайной степени какъ вкусъ, такъ и обонянiе. Съ другой стороны извѣстно, что и осязанiе обостряется при постоянномъ упражненiи, какъ то доказываютъ изслѣдованiя, производимыя надъ слѣпыми.

Роль упражненiя въ развитiи органовъ чувствъ вообще столь общеизвѣстна, что врядъ ли даже надо его доказывать.

Далѣе извѣстно всѣмъ, какое значенiе имѣетъ упражненiе для дифференцированiя двигательныхъ органовъ. Не говоря о томъ, что при постоянномъ упражненiи двигательные органы гипертрофируются, отсутствiе же упражненiя приводитъ къ ихъ атрофiи, на чемъ настаивалъ еще Ламаркъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что подъ влiянiемъ упражненiя легко достигается и большая тонкость и вообще лучшая дифференцированность отдѣльныхъ движенiй, что между прочимъ доказывается пiанистами и музыкантами, пользующимися струнными инструментами.

Но если это такъ, то большее дифференцированiе путемъ упражненiя двигательной сферы должно отражаться и на пользованiи органами чувствъ, такъ какъ существеннымъ условiемъ правильнаго воспрiятiя является между прочимъ и точность движенiй.

Извѣстно, что всякое активное воспріятіе требуетъ не только впечатлѣнія, дѣйствующаго на органы чувствъ, но и опредѣленныхъ двигательныхъ импульсовъ, которые состоятъ въ движеніи головы и ушей при слушаніи, въ движеніи глазъ и головы при смотрѣніи, въ движеніи ноздрей и головы при обнюхиваніи, въ движеніи языка и губъ при вкушеніи, въ движеніяхъ рукъ и ногъ при ощупываніи.

Отсюда очевидно, что вмѣстѣ съ тонкостью движенія связывается непосредственнымъ образомъ и тонкость воспріятія. Такимъ образомъ роль упражненія въ совершенствованіи какъ органовъ чувствъ, такъ и органовъ движенія болѣе, чѣмъ очевидна. Слѣдовательно, упражненіе оказываетъ непосредственное вліяніе на физическую сферу, приводя ее къ большему совершенствованію. Отсюда ясно, что качественная эволюція физической организаціи находится въ прямой зависимости отъ упражненія.

Въ мірѣ человѣка вліяніемъ упражненія объясняется развитіе руки, какъ органа, наиболѣе приспособленнаго для тонкихъ отдѣльныхъ движеній, столь важныхъ для развитія ремеселъ и искусства, и развитіе рѣчи, которое, безъ сомнѣнія, также обязано упражненію, поддерживаемому интересами умственнаго общенія людей другъ съ другомъ. Такимъ образомъ ни подъ какимъ видомъ нельзя ставить прогрессивное совершенствованіе физической организаціи въ зависимость исключительно отъ однихъ физическихъ или чисто механическихъ условій, но необходимо имѣть въ виду еще и важное вліяніе такихъ моментовъ, какъ упражненіе, возникающее подъ вліяніемъ психическихъ импульсовъ.

Должно имѣть въ виду, что постоянное упражненіе, какъ всѣмъ извѣстно, оказываетъ непосредственное вліяніе и на развитіе самой психической сферы, свидѣтельствомъ чему служитъ все наше воспитаніе и школьное образованіе. Да и усовершенствованіе органовъ, достигаемое упражненіемъ, само по себѣ содѣйствуетъ большему психическому развитію вторичнымъ образомъ.

Никто не станетъ отрицать, что болѣе совершенная въ качественномъ отношеніи физическая организація благопріятствуетъ и развитію психики. Нѣтъ надобности доказывать, что тотъ, кто путемъ упражненія развилъ въ себѣ слухъ, будетъ имѣть болѣе точное слуховое воспріятіе, будетъ имѣть возможность вырабатывать болѣе правильныя слуховыя представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имѣть и лучшую слуховую память. Съ другой стороны организмъ, усовершенствовавшій свой зрительный органъ путемъ упражненія, имѣетъ всѣ шансы выработать и болѣе точныя зрительныя представленія и т. п.

Отсюда понятно, почему въ мірѣ животныхъ совершенствованіе физической организаціи и развитіе психической сферы идутъ всегда рука объ руку, и наблюдается полный параллелизмъ между качественной эволюціей физической организаціи въ вышеуказанномъ смыслѣ и развитіемъ психики.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что путемъ упражненія достигается совершенствованіе какъ физической организаціи, такъ и психической сферы, а это само по себѣ даетъ преимущество такому организму въ жизненной борьбѣ

предъ всѣми прочими сородичами, которые не достигли такой же степени совершенства.

Здѣсь упражненіе и развивающаяся подъ вліяніемъ его привычка являются въ роли факторовъ, обезпечивающихъ болѣе быстрое оріентированіе въ окружающихъ условіяхъ и въ то же время дающаго возможность осуществлять цѣлесообразные двигательные акты съ большей быстротой и меньшей затратой энергіи.

Такъ какъ съ другой стороны первоисточникомъ упражненія, какъ и всякаго самостоятельнаго двигательнаго импульса, является психика, то отсюда выясняется и значеніе послѣдней въ біологическомъ отношеніи.

Если приспособленіе организмовъ вообще играетъ роль въ отношеніи ихъ переживанія, то спрашивается, какое мы имѣемъ основаніе ограничивать понятіе приспособленія въ смыслѣ лишь соотвѣтственнаго физическаго сложенія. Понимаемое же въ широкомъ смыслѣ, приспособленіе обнимаетъ собою какъ непосредственное вліяніе психики на физическую сферу организма, такъ и цѣлый рядъ сложныхъ актовъ, съ помощью которыхъ организмъ активно борется съ окружающими условіями и защищаетъ себя отъ вредныхъ вліяній окружающей среды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наука уголовной антропологіи, ея предметъ и задачи.

Д. А. Дриля.

Не знаемъ, многіе ли читатели помнятъ первыя впечатлѣнія, произведенныя появленіемъ труда Туринскаго профессора Cesare Lombroso—«L'Uomo delinquente» (Преступный человѣкъ), который, по всей справедливости, можно считать началомъ новой эпохи въ изученіи явленій человѣческой преступности и дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею. Конечно, существовали нѣкоторые предшествующіе труды того же направленія, но они прошли мало замѣченными и потому до поры оставались почти безъ вліянія.

Трудомъ проф. Lombroso производился коренной переворотъ въ научной области уголовнаго права. До его появленія существовавшая наука уголовнаго права занималась изученіемъ преступленія, его различныхъ родовъ и видовъ, какъ общихъ отвлеченныхъ юридическихъ сущностей. Только попутно и отчасти затрогивался самъ дѣятель преступленія и при томъ, какъ какая-то отвлеченная всегда сама себѣ равная величина, — преступникъ. Изучались также и различныя средства воздѣйствія на преступника, но изучались съ

точки зрѣнія принциповъ, перешедшихъ и усвоенныхъ безъ всякой провѣрки отъ болѣе или менѣе глубокой и темной старины [1]),—съ точки зрѣнія принциповъ воздаянія зломъ за зло или отмщенія, уравненія зла преступленія и наказанія (возмездіе), устрашенія и терроризированія какъ самого дѣятеля преступленія, такъ и другихъ, ему подобныхъ, т. е. преступниковъ въ возможности.

И все это изучалось—если при такой постановкѣ еще можно говорить объ изученіи, въ точномъ смыслѣ этого слова—методомъ умозрительнымъ, почти безъ всякихъ справокъ съ краснорѣчивою рѣчью явленій живой дѣйствительности.

Трудъ проф. Lombroso указалъ иныя задачи и выступилъ съ иными пріемами изслѣдованія. Для установленія точныхъ соотношеній между особенностями дѣятеля преступленія и преступными дѣяніями—на сколько такое установленіе возможно—онъ направилъ изученіе на ближайшаго фактора преступленія,—дѣйствительнаго живого преступника, въ индивидуальномъ разнообразіи его особенностей, и не только въ его настоящемъ, но и въ его наслѣдственномъ и индивидуальномъ физическомъ и психическомъ прошломъ и въ разнообразіи *общественныхъ* условій его существованія. При этомъ въ изученіи онъ примѣнялъ точные методы естествознанія, которые дали уже блестящіе результаты въ отрасляхъ науки, ими разрабатывавшихся, и благодаря которымъ человѣкъ все болѣе вскрываетъ тайники природы, овладѣваетъ ея тайнами и направляетъ ея явленія.

Эта новая постановка изученія вопроса о человѣческой преступности, какъ уже замѣчено, производила коренной переворотъ въ области науки уголовнаго права. Приходилось измѣнять основныя точки зрѣнія и устанавливать новыя начала [2]). «Совершалось вступленіе положительной науки въ область права», какъ справедливо указывали на первомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ профессора Benedict и Holtzendorff, и «будущій прогрессъ уголовнаго законодательства» ставился въ зависимость отъ естествознанія, которому «нашъ вѣкъ обязанъ своими лучшими открытіями».

Такова великая, не умирающая заслуга проф. Lombroso въ одной изъ важнѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія, заслуга, отводящая ему почетное мѣсто въ наукѣ, тѣмъ болѣе, что, являясь иниціаторомъ, онъ въ то же время съумѣлъ обратить общее вниманіе на новое направленіе въ изученіи явленій человѣческой преступности, въ многообразіи ихъ факторовъ, привлекъ къ нему многихъ работниковъ и заложилъ прочныя его основанія, которымъ предстоитъ дальнѣйшее широкое развитіе на благо человѣчества, настоятельно нуждающагося въ тщательномъ изученіи и послѣдующемъ устраненіи многихъ

[1]) Впослѣдствіе журналъ будетъ имѣть случай коснуться исторической стороны вопроса о наказаніи.

[2]) См. «Congrès intern. d'Anthropol. criminel». (Compte rendu), стр. 67 и сл. «Les fondements et le but de la responsabil. pénale».

общественныхъ золъ, тѣсно связанныхъ съ самымъ генезисомъ явленій человѣческой преступности.

Всѣ, сколько-нибудь внимательно вчитывавшіеся и вдумывавшіеся въ пользующійся громкою извѣстностью трудъ проф. Lombroso и во всѣ слѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ его основныхъ началъ, конечно, признаютъ, что во всемъ, только что о немъ сказанномъ, нѣтъ преувеличеній и переоцѣнки. Неудивительно, что впечатлѣніе, произведенное этимъ трудомъ, въ первое время было велико, даже болѣе или менѣе подавляюще. Приходилось имѣть дѣло не съ общими разсужденіями, а съ громко говорящими фактами. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія, вѣками установившіяся въ тогдашней наукѣ уголовнаго права и преемственно переходившія отъ сѣдой старины, отъ наиболѣе младенческихъ эпохъ въ жизни человѣчества, не могли, конечно, скоро капитулировать и сойти со сцены. Привычка властвуетъ въ физической и *психической* природѣ человѣка и могущественно вліяетъ на всѣ результаты его дѣятельности. И вотъ, послѣ первыхъ моментовъ замѣшательства въ рядахъ послѣдователей стараго направленія, наступилъ періодъ ожесточенной критики и даже отрицанія [1]).

Все новое обыкновенно не появляется на свѣтъ вполнѣ развитымъ и безошибочнымъ. Послѣдующему времени оно предоставляетъ дальнѣйшее развитіе и разработку уже сдѣланнаго и устраненіе недосмотровъ и погрѣшностей. То же, конечно, имѣло мѣсто и по отношенію къ труду проф. Lombroso. На ряду съ указанными выдающимися достоинствами, онъ представлялъ весьма много глубоко уязвимыхъ сторонъ, являвшихся слѣдствіемъ спѣшности работы, недостаточной обоснованности весьма многихъ важныхъ обобщеній и погрѣшностей въ самой постановкѣ и въ нѣкоторыхъ пріемахъ изученія.

Здѣсь мы не станемъ вдаваться въ подробности [2]) и упомянемъ только о нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ погрѣшностяхъ и въ особенности объ одной изъ нихъ, которая представляла и представляетъ еще, поистинѣ, ахиллесову пяту италіянской школы, т. е. работъ проф. Lombroso и его италіянскихъ учениковъ [3]). Говоря послѣднее, мы имѣемъ въ виду ученіе о какомъ то *преступномъ* типѣ, бывшемъ первоначально универсальнымъ, а впослѣдствіи выродившемся въ частичный,—въ типъ *прирожденнаго* или *неисправимаго преступника*.

Если писатели классической школы уголовнаго права возсоздавали какого то единаго отвлеченнаго преступника, какую то мало опредѣленную величину,

---

[1]) На Брюссельскомъ международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ одинъ изъ сторонниковъ классической школы заявлялъ, напр., что уголовно-антропологическая школа будто бы представляетъ собою только фактъ историческій.

[2]) Подробности см. въ работѣ Д. Дриль—«Малолѣтніе преступники». Выпускъ первый. 1884 г.

[3]) Къ сожалѣнію существуютъ нѣкоторые сторонники этого ученія и внѣ италіянской школы.

совершавшую нарушенія уголовнаго закона, лишенную дѣйствительныхъ плоти и крови, и состоящую только изъ злого умысла и злой воли, то въ своемъ трудѣ и проф. Lombroso пріурочилъ къ одной общей этикеткѣ единый анатомо-физіолого-психологическій типъ, отмѣченный патолого-регрессивнымъ характеромъ, типъ особой разновидности,—единаго преступнаго человѣка (Uomo delinquente), впослѣдствіи, подъ вліяніемъ указаній критики, съузившійся до одного общаго типа прирожденнаго или неисправимаго преступника, хотя на установленіе того и другого научныя данныя не давали права. Оба были результатомъ примѣненія не соотвѣтствующихъ пріемовъ изученія; оба основывались на вычисленіи процентныхъ отношеній различныхъ признаковъ уклоненій, раздѣльно наблюдаемыхъ у лицъ, значительно различающихся по особенностямъ ихъ существа и дѣятельности. Изъ искусственной совокупности такихъ признаковъ и составился одинъ *сборный* типъ сначала «преступнаго человѣка» вообще, а потомъ «прирожденнаго или неисправимаго преступника». типъ, въ его отдѣльныхъ частяхъ наблюдаемый у очень многихъ вовсе не преступныхъ людей, но въ его совокупности почти не наблюдаемый ни у кого и изъ преступниковъ.

Помимо способа образованія, типъ этотъ грѣшитъ и въ самомъ его понятіи. Въ этомъ сложномъ понятіи соединяются понятія двухъ различныхъ порядковъ,—біологическаго (прирожденный) и юридическаго (преступникъ). Мало того, понятіе *прирожденной преступности* грѣшитъ еще и въ другомъ направленіи. Оно, въ сущности, исключаетъ вліяніе одного изъ основныхъ факторовъ преступности—вліяніе условій окружающей среды, вліяніе общественныхъ условій, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ данный преступникъ. Понятіе *прирожденной* преступности, очевидно, исключаетъ зависимость послѣдней отъ явленій, слѣдующихъ за рожденіемъ преступника, и устанавливаетъ зависимость только отъ условій, предшествовавшихъ этому рожденію, отъ условій, среди которыхъ жили восходящіе преступника, условій, которыя воплотились въ организаціи этихъ восходящихъ и отъ нихъ наслѣдственно переданы природѣ дѣятеля преступленія, вслѣдствіе чего послѣдній, еще только появляясь на свѣтъ, уже представлялся лицомъ «отмѣченнымъ судьбой», предопредѣленнымъ къ преступленію или иначе «прирожденнымъ и неисправимымъ преступникомъ».

Опытъ, конечно, учитъ насъ, что существуютъ болѣе или менѣе несовершенныя, недостаточныя и уклоняющіяся психо-физическія организаціи отъ самаго дня ихъ рожденія. Но тотъ же опытъ показываетъ, что и такія организаціи, при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ жизненной обстановки, хотя и обнаруживаютъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ недостатки своей природы, тѣмъ не менѣе не совершаютъ тѣхъ грубо вредоносныхъ дѣйствій, которыя законы общества считаютъ нужнымъ запрещать подъ страхомъ наказанія, и, слѣдовательно, не становятся преступниками. Съ другой стороны опытъ показываетъ, что и натуры отъ природы достаточныя, подвергаясь

длительно вліянію неблагопріятныхъ условій окружающей ихъ жизненной обстановки, разстраиваются, оскудѣваютъ, утрачиваютъ свою физическую и психическую уравновѣшенность и тогда, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ жизненныхъ толчковъ, впадаютъ иногда и въ преступленія.

Ученіе объ особомъ анатомо-физіолого-психологическомъ типѣ прирожденнаго или неисправимаго преступника, въ свою очередь, привело послѣдователей итальянской школы и къ другимъ ошибочнымъ воззрѣніямъ и, между прочимъ, къ той жестокости въ выборѣ мѣръ борьбы съ народившимся уже преступникомъ, которая, будучи противна здоровому и спасительному чувству гуманности, справедливо вызывала упреки и указанія, что новое направленіе пошло здѣсь не впередъ, а назадъ къ эпохамъ человѣческаго варварства *).

То же ученіе повліяло отчасти и на существенныя погрѣшности въ разработкѣ важнаго вопроса,—вопроса о научной классификаціи преступниковъ. Классификація, предложенная итальянской школой, слѣдующая: 1) преступники случайные, 2) преступники привычные или профессіональные, 3) преступники прирожденные или неисправимые, 4) преступники по страсти и 5) преступники душевно-больные. Не безъинтересно отмѣтить, что даже противники школы признали первую и вторую группу чуть не открытіемъ. Присмотримся, однако, поближе.

Вотъ первый преступникъ. Онъ не представляетъ никакого исключительнаго типа и въ прошломъ на своемъ счету не имѣетъ преступленій, а настоящее совершилъ подъ вліяніемъ дурныхъ условій жизни. По классификаціи это случайный преступникъ. Спросимъ, однако: почему не всѣ, находясь въ дурныхъ жизненныхъ условіяхъ, совершаютъ преступленія? Скажутъ: въ данномъ случаѣ и по отношенію къ данной натурѣ были на-лицо особо неблагопріятныя условія, которыхъ нѣтъ въ другихъ и у другихъ. Возможно, но это надо доказать. А не могло-ли быть, что причины главнѣйшимъ образомъ крылись въ какихъ-либо и притомъ даже унаслѣдованныхъ недостаткахъ натуры, которыя, *при данныхъ обстоятельствахъ*, и вызвали преступленіе. Несомнѣнно, что и это предположеніе надо доказать, но одна уже его возможность показываетъ всю шаткость классификаціи.

Второй преступникъ. На его счету уже много и даже одинаковыхъ преступленій. По классификаціи это преступникъ привычный. Спросимъ, однако: почему онъ впадалъ въ преступленія, почему послѣ перваго онъ повторно совершалъ и послѣдующія? Крылась-ли причина того въ особенностяхъ внѣшнихъ условій или главнымъ образомъ въ привычкѣ, которая—что не слѣдуетъ упускать изъ вида—у различныхъ лицъ представляется величиною далеко не однозначной. Одни сравнительно легко отстаютъ отъ привычекъ и усваиваютъ новыя, тогда какъ другіе отвыкаютъ лишь съ большимъ трудомъ.

*) Въ ходѣ своего развитія итальянская школа въ послѣднее время значительно отступила отъ своей начальной суровости. См. «Compte rendu» V Международнаго уголовно-антропологическаго конгресса.

Третій преступникъ. Съ физической стороны онъ представляетъ наружные признаки вырожденія и регресса, а съ тѣмъ вмѣстѣ и различныя неблагопріятныя и, въ ихъ генезисѣ, *весьма сложныя* черты характера, которыя подходятъ подъ *сборныя* описанія «души преступника», описанія, страдающія крайней недостаточностью научнаго анализа. По классификаціи это преступникъ прирожденный или неисправимый. О немъ мы уже говорили и теперь еще только замѣтимъ, что нѣкоторые, представляя сходныя психофизическія особенности, тѣмъ не менѣе во всю жизнь не совершаютъ преступленій. Скажутъ: то латентные прирожденные преступники. Но, вѣдь, преступникъ только тотъ, кто нарушилъ уголовный законъ, при наличности опредѣленныхъ юридическихъ условій. Поэтому можно быть чѣмъ угодно, только не латентнымъ преступникомъ.

Четвертый преступникъ. Онъ совершилъ преступленіе, руководимый страстью. Поэтому онъ принадлежитъ къ категоріи преступниковъ по страсти, между которыми существуетъ лишь одна сходная черта,—всѣ они совершаютъ преступленія не въ спокойномъ состояніи, а подъ вліяніемъ той или иной страсти. Но вѣдь страсти, даже и тогда, когда онѣ еще не достигаютъ предѣловъ, при которыхъ вполнѣ подходятъ подъ понятія душевныхъ разстройствъ, весьма различны и разнозначны, а потому и не допускаютъ уравниванья.

Пятый преступникъ. Онъ душевно-больной и, слѣдовательно, въ сущности, не преступникъ, потому что онъ не представляетъ наличности всѣхъ необходимыхъ юридическихъ условій преступности.

Такова классификація. Съ научной стороны она, очевидно, равна нулю, а съ практической—даже величинѣ отрицательной, будучи способна вводить въ заблужденія. Въ основной своей части она построена на внѣшнихъ признакахъ очень общаго характера и потому равнозначна наклеиванію ничего, въ сущности, не говорящихъ этикетокъ. Между тѣмъ ея различныя категоріи хотятъ сдѣлать основою различій въ мѣропріятіяхъ, примѣняемыхъ къ преступникамъ, подводимымъ подъ ея подраздѣленія. Но гдѣ же будетъ тогда широкая научная индивидуализація, о которой такъ много говорятъ и которая дѣйствительно необходима? Скажутъ, индивидуализація будетъ въ предѣлахъ каждой категоріи. Тогда для чего же будетъ служить вся эта ничего не говорящая классификація, въ качествѣ основы въ выборѣ практическихъ мѣропріятій, если послѣднія будутъ основывать на нестѣсняемомъ ничѣмъ индивидуальномъ изученіи дѣйствительныхъ преступниковъ?

Если хотятъ правильно изучать и классифицировать послѣднихъ, какъ различныя психофизическія организаціи, то необходимо ихъ изучать въ различіяхъ ихъ *психофизическихъ* особенностей, и при томъ не статистическимъ методомъ, а при посредствѣ тщательнаго индивидуальнаго изученія. Тольке такое изученіе, достаточно расширенное, можетъ и дѣйствительно даетъ научную классификацію *типовъ уклоненій*, которые, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ неблагопріятныхъ условій окружающей обстановки, обусловливаютъ суще-

ствованіе наклонностей къ различнымъ видамъ преступленій. Но этимъ путемъ полученная классификація не будетъ похожа на представленную.

Неудивительно, что слабо или почти вовсе необоснованная гипотеза о существованіи какого-то особаго *преступнаго* типа или типа *прирожденнаго преступника* послужила, какъ наиболѣе слабое мѣсто, предметомъ наибольшихъ нападокъ и сильнѣйшихъ ударовъ критики, особенно со стороны противниковъ новаго положительнаго направленія въ уголовномъ правѣ вообще. Торжественно провозглашая свою побѣду въ вопросѣ о *преступномъ* типѣ, какъ общую побѣду, послѣдніе забывали и забываютъ, что вовсе не въ ученіи объ этомъ типѣ заключается сущность новаго направленія, а въ томъ, на что указывалось, какъ на неумирающія заслуги Lombroso, и что между наукою уголовной антропологіи, съ одной стороны, и проф. Lombroso и его работами, и даже между всею итальянскою школою и ея работами, съ другой,—нельзя поставить знака равенства. Между тѣмъ, нападая на промахи проф. Lombroso, доходили до того, что провозглашали уголовно-антропологическую школу только фактомъ исторіи.

Но не будемъ останавливаться на различныхъ эпизодахъ борьбы двухъ направленій,—стараго, ведущаго начало отъ глубокой старины и теперь отживающаго, и новаго развивающагося и, на благо человѣчества, твердо идущаго къ господству. Отмѣтимъ только одно явленіе.

Не смотря на всѣ нападки и отрицанія сторонниковъ классицизма въ наукѣ уголовнаго права, факты, собранные и постоянно собираемые уголовной антропологіей въ собственной и въ сопредѣльныхъ научныхъ областяхъ такъ вѣски и рѣчь ихъ такъ убѣдительна, что постепенныя уступки—эти мосты къ переходу, стали неизбѣжны. На этой-то почвѣ подготовляющагося признанія и возникло дѣленіе на школы,—уголовно-антропологическую и соціологическую, дѣленіе, которое—если его рассматривать только по существу—представляетъ плодъ какого-то страннаго недоразумѣнія.

Сторонники второй утверждаютъ, что уголовно-антропологическая школа отводитъ слишкомъ много мѣста факторамъ индивидуальнымъ,—личнымъ свойствамъ дѣятелей преступленія, тогда какъ послѣднее почти всецѣло представляетъ собою результатъ вліянія соціальныхъ факторовъ, изученію которыхъ и должно быть удѣляемо чуть-ли не исключительное вниманіе.

Странный недосмотръ и странное недоразумѣніе. Кто изъ послѣдователей уголовно-антропологической школы когда-либо отрицалъ вліяніе соціальныхъ факторовъ? Утверждаютъ только, что соціальные факторы, вызывающіе преступленія, дѣйствуютъ не непосредственно и что ихъ вліяніе предварительно проходитъ чрезъ индивидуальныя болѣе или менѣе стойкія ухудшенія психофизическаго существа дѣятелей преступленія. Даже и проф. Lombroso въ самыхъ начальныхъ своихъ работахъ отводилъ—какъ на это, между прочимъ, было указано и на Брюссельскомъ или 3-мъ международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ—соціальнымъ факторамъ должное мѣсто. Отдѣльные

послѣдователи названной школы, соотвѣтственно своей основной спеціальности или потребности даннаго времени, могутъ, конечно, обращать въ своихъ работахъ преимущественное вниманіе на изученіе той или другой группы факторовъ и давать относящіяся къ ней монографіи, но послѣднія, очевидно, не равнозначны признанію авторами существованія только одной группы факторовъ. Мы не знаемъ человѣка внѣ общества *), но не знаемъ и общества безъ человѣка и окружающей космической среды. Поэтому наука, въ ея полнотѣ— что всецѣло признаетъ уголовно-антропологическая школа—не можетъ изучать преступленіе и преступность, какъ результатъ однихъ антропологическихъ, или соціологическихъ, или космическихъ факторовъ. Она должна изучать ихъ, какъ общій результатъ всѣхъ трехъ видовъ факторовъ. Только тогда изученіе будетъ полно, всесторонне, а слѣдовательно и научно.

Прикладная наука уголовнаго права, въ ея конечной цѣли, задается изученіемъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ дѣяніями, рѣшительно несовмѣстимыми съ сколько-нибудь правильною общественною жизнью—преступленіями. Для этого же, какъ и всегда, она должна направляться на изученіе причинъ, т. е. факторовъ явленій, потому что, только зная и устраняя послѣдніе, можно бороться съ производимыми ими слѣдствіями. Безъ этого борьба всегда будетъ неуспѣшна.

Въ данномъ случаѣ факторы *ближайшимъ образомъ* (т. е. непосредственные факторы) кроются въ самомъ преступникѣ, въ его преступности,— въ *болѣе или менѣе* установившихся и стойкихъ особенностяхъ его двойственно-единаго психофизическаго существа, которое, какъ учитъ опытъ, измѣнялось и измѣняется въ своихъ особенностяхъ съ одной стороны на пространствѣ жизни поколѣній (законъ наслѣдственности), а съ другой—на пространствѣ личной жизни, подъ вліяніемъ всей суммы окружающихъ внѣшнихъ условій и соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ жизненныхъ опытовъ и упражненій. При этомъ съ измѣненіемъ особенностей измѣняется въ ту или другую сторону и весь характеръ дѣятельности: человѣкъ единовременно совершенствуется, прогрессируетъ или вырождается и регрессируетъ, какъ въ структурѣ своего психо-физическаго существа, такъ и въ ея функціяхъ.

Сказаннымъ вполнѣ ясно намѣчаются предметъ и задачи уголовной антропологіи или уголовнаго права, какъ науки. Задачи эти—изучить преступнаго человѣка или, правильнѣе, преступныхъ людей, въ разнообразіи ихъ особенностей, слагающихся подъ *опредѣленными вліяніями общественной среды* (сюда войдетъ изученіе полноты соціальныхъ факторовъ), и при томъ изучить эти особенности въ ихъ генезисѣ и, руководствуясь данными изученія, намѣтить, провѣряя показаніями разнообразнаго опыта, дѣйствительныя средства борьбы съ преступностью. Тщательное изученіе космически-соціальныхъ факто-

*) Существуютъ разсказы о крайне рѣдкихъ примѣрахъ одичалыхъ людей, которые, однако, при всякихъ условіяхъ, не могутъ дать мѣста для возраженій сказанному.

ровъ, приводящихъ къ психофизическому регрессу породы (вырожденію), который, въ качествѣ недостаточностей структуры, въ свою очередь обусловливаетъ недостаточности функціональной дѣятельности и въ томъ числѣ различные пороки и преступленія, даетъ прочный фундаментъ для обоснованія преимущественно широкихъ мѣръ общественнаго упорядоченія и *съ тѣмъ вмѣстѣ* предупрежденія нарожденія преступниковъ, исходящихъ изъ среды болѣе или менѣе дурно-уравновѣшенныхъ, порочныхъ и недостаточныхъ психофизическихъ организацій. Изученіе же индивидуальныхъ особенностей преступниковъ, въ связи съ изученіемъ процесса развитія этихъ особенностей, даетъ столь же прочный фундаментъ преимущественно для обоснованія дѣйствительныхъ мѣръ къ обезвреженію (исправленію) уже народившихся преступниковъ.

Таковы и только таковы—что бы ни говорили наши почтенные юристы—предметъ и задачи науки о преступномъ человѣкѣ, въ ея цѣломъ—называйся она уголовной антропологіей или, по старому, уголовнымъ правомъ—науки, задающейся конечною цѣлью изысканія дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ человѣческой преступностью и огражденія общества отъ зла преступленія. Указываемый же криминалистами классиками предметъ науки уголовнаго права *)—это въ существѣ весьма свободный коментарій дѣйствующихъ уголовныхъ законодательствъ, представляющихъ собою пережитки глубокой старины, но не наука о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ преступностью общественнаго человѣка, живущаго, развивающагося или вырождающагося и дѣйствующаго при и подъ вліяніемъ всей совокупности многообразныхъ условій окружающей его внѣшней среды. Напротивъ, при изложенномъ взглядѣ, вытекающемъ изъ самой природы изучаемыхъ явленій, наука о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ человѣческой преступностью входитъ, какъ и быть должно, въ кругъ естественныхъ или—если угодно, для большей опредѣленности—естественно-общественныхъ наукъ, хотя и имѣетъ своею конечною цѣлью служеніе правовымъ интересамъ общества.

Въ указанной единственно правильной постановкѣ задачи уголовной антропологіи (уголовное право тѳ жъ), конечно, представляются весьма широкими и соприкасаются со всѣми сторонами великаго соціальнаго вопроса. Но иначе и быть не можетъ. Преступленія—это въ полномъ смыслѣ слова болѣзни соціальнаго организма, которыя, какъ и болѣзни организма индивидуальнаго, требуютъ для своего устраненія изученія полноты производящихъ ихъ факторовъ и содѣйствующихъ имъ условій.

Такъ понимаетъ редакція журнала предметъ и задачи науки уголовной антропологіи и такъ она будетъ стремиться разрабатывать и осуществлять ихъ на его страницахъ, всегда руководствуясь при этомъ результатами наблюденія и опыта.

*) См. между прочимъ въ «Правѣ» 1902 г. №№ 51 и 52 статью нашего извѣстнаго криминалиста Н. С. Таганцева «Предметъ науки уголовнаго права», а также его «Русское уголовное право», т. I. стр. 7 и сл.

Нравственная эволюція и вырожденіе [1]).

Проф. Л. В. Блуменау.

Изъ общихъ идей, завѣщанныхъ намъ минувшимъ вѣкомъ, самая широкая и плодотворная—несомнѣнно, идея *эволюціи*. Выйдя изъ геологіи и біологіи, она скоро проникла во всѣ отрасли знанія, кончая ученіемъ о нравственности. Еще *Kant*, бывшій во многомъ другомъ предвѣстникомъ эволюціонизма [2]), считалъ нравственный законъ («категорическій императивъ») чѣмъ-то метафизическимъ, берущимъ начало не въ познаваемой природѣ человѣка, а въ его сущности («нуменѣ»); и только эволюціонная точка зрѣнія привела къ открытію, что нравственность—продуктъ соціальнаго и даже *біологическаго* развитія.

Дѣятельность, направленная на сохраненіе вида, началась у живыхъ существъ гораздо раньше проявленія нравственныхъ чувствъ: не только актъ размноженія, но и различныя приспособленія для защиты потомства, встрѣчаются, какъ у низшихъ животныхъ, такъ и у растеній. Существованіе и развитіе этой дѣятельности обезпечивается сначала естественнымъ подборомъ и наслѣдственностью; позднѣе, въ животномъ мірѣ, возникаютъ соотвѣтствующіе ей инстинкты или влеченія [3]), и лишь мало-по-малу изъ инстинктовъ развиваются нѣжныя чувства, впервые выводящія личность изъ узкаго эгоизма, каковы—любовь между двумя особями разнаго *пола* и любовь родителей къ *дѣтямъ*.

Біологическая же необходимость заставила людей—какъ, впрочемъ, и многихъ животныхъ—сплотиться въ *общества*. Общественныя группы слагались, конечно, не по какимъ-либо договорамъ или взаимнымъ симпатіямъ; напротивъ, все говоритъ за то, что наши доисторическіе предки были вовсе

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ юбилейномъ собраніи врачей С.-Петербургской клиники душевныхъ болѣзней 19 ноября 1902 года, напечатана здѣсь почти безъ измѣненій. Только нравственная философія *Nietzsche* изложена нѣсколько обстоятельнѣе, на основаніи не одного «Зоратустры», но и другихъ его сочиненій (съ которыми я прежде не былъ знакомъ). Остальныя дополненія къ тексту рѣчи помѣщены въ выноскахъ.

[2]) Не говоря уже объ астрономической теоріи *Kant*'а, достаточно сослаться на его работу «Idee zu einer allgemeinen Geschichte» (1784), чтобъ показать, какъ близко подошелъ этотъ великій умъ къ эволюціонному міровоззрѣнію.

[3]) Первоначальнымъ стимуломъ этихъ влеченій является чувство удовлетворенія, связанное съ выполненіемъ всякой привычной или унаслѣдованной дѣятельности.

не склонны къ альтруизму и отличались большой свирѣпостью; извѣстная степень жестокости присуща даже культурному человѣку и составляетъ настолько постоянное въ немъ качество, что нѣкоторые психіатры, напр. *Möbius*, считаютъ отсутствіе ея аномаліей. Но, разъ у людей (сначала, безъ сомнѣнія— у членовъ одной семьи) явилась необходимость жить сообща, то само собою потребовалось извѣстное ограниченіе личнаго эгоизма и жестокости, безъ чего ни одно общество не могло бы существовать [1]). Повиновеніе старшимъ, уваженіе къ жизни и собственности единоплеменниковъ, вѣрность данному слову и т. п. предписывалось общественнымъ авторитетомъ подъ страхомъ наказаній, поощрялось наградами, *внушалось*. Путемъ долгой привычки и наслѣдственности въ человѣкѣ сложились, наконецъ, такъ называемые *соціальные инстинкты*, сохранившіе, впрочемъ, оттѣнокъ принужденія, характеръ обязанности или *долга* [2]). Но общественная жизнь создала въ немъ и новыя чувства. Во-первыхъ, это тѣ чувства, которыя *Spencer* въ своей Психологіи называетъ «эго-альтруистическими», и которыя, можетъ быть, правильнѣе было бы назвать *соціо-эгоистическими*, т. е. чисто эгоистическія чувства, но общественнаго происхожденія и полезныя обществу, каковы: любовь къ похвалѣ или *самолюбіе*, боязнь порицанія или *стыдъ*. Во-вторыхъ, это настоящія *альтруистическія* (человѣколюбивыя) чувства; кромѣ простой привычки къ людямъ и кромѣ чувства *солидарности*, вызываемаго общностью интересовъ и взаимными услугами, здѣсь должно быть упомянуто въ особенности о чувствѣ *состраданія* или *симпатіи*, въ основѣ котораго лежитъ извѣстная заразительность чувствованій, а также дѣятельность воображенія, заставляющая насъ переживать внутренно страданія подобныхъ намъ существъ. Возникая сначала въ тѣсномъ кругу семьи или рода, симпатія распространяется затѣмъ на лицъ одного сословія, одной народности, на человѣчество вообще и даже отчасти на животныхъ. Съ развитіемъ ея альтруистическіе акты становятся добровольными, начинаютъ выполняться помимо внѣшняго авторитета и часто даже вопреки ему.

Соціальные инстинкты и чувства составляютъ, несомнѣнно, основу нравственности [3]). Но съ усложненіемъ общественной жизни, съ увели-

---

[1]) Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ самъ естественный подборъ, такъ какъ въ борьбѣ побѣждали только хорошо дисциплинированныя группы.

[2]) Кто-то удачно назвалъ инстинктъ «памятью рода». Понимая «долгъ» какъ унаслѣдованный соціальный инстинктъ, мы видимъ глубокій психологическій смыслъ въ ученіи *Kant*'а о долгѣ, какъ категорическомъ императивѣ, предшествующемъ сознательному мышленію. *Cuvier* сравнивалъ нравственный инстинктъ съ своего рода сомнамбулизмомъ; *Guyot* называетъ долгъ «возвышенной формой одержимости», а остроумный *Vinet*—«предразсудкомъ добра».

[3]) Изъ всего сказаннаго видно уже, что нельзя говорить о «нравственномъ чувствѣ» въ единственномъ числѣ, какъ это дѣлается иногда психологами и психіатрами. Смотря по личному взгляду (и, надо прибавить, по личному складу характера), моралисты выдвигаютъ на первый планъ то одно, то другое изъ нрав-

ченіемъ числа объектовъ симпатіи, нерѣдко при томъ не совмѣстимыхъ и стоящихъ въ противорѣчіи, пріобрѣтаетъ все больше значенія другой необходимый моментъ всякой эволюціи—*интеграція* или упорядоченіе, подчиненіе частностей общему принципу. Это—*интеллектуальная* сторона нравственности, на которой особенно настаивалъ *Hartmann* въ спорѣ съ *Schopenhauer*'омъ [2]). Продуктомъ подчиненія чувствъ разуму является *справедливость*, «caritas sapientis» *Leibnitz*'a. Высшій принципъ предписываетъ намъ нерѣдко подавлять въ себѣ тѣ или другія симпатіи; даже извѣстная жестокость въ формѣ «нравственнаго негодованія», требованія возмездія и т. п. можетъ получить этическую санкцію; и, конечно, такой санкціи заслуживаютъ законныя требованія эгоизма, хотя бы уже потому, что для служенія обществу каждый долженъ прежде всего жить самъ, развивать въ себѣ способности, найти свое мѣсто въ обществѣ.

Необходимымъ условіемъ каждой эволюціи являются *индивидуальныя уклоненія* въ положительномъ, *выгодномъ* смыслѣ. Естественный подборъ самъ по себѣ ничего не творитъ,—онъ только отбираетъ выгодное. Такъ и нравственный прогрессъ немыслимъ безъ отдѣльныхъ индивидовъ, превышающихъ нравственный уровень своего времени. Я умышленно говорю «уровень» и избѣгаю слова «норма», потому что это слово часто ведетъ къ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые авторы, какъ, напр., въ послѣднее время *Luzzato* [3]), говоря о нравственной нормѣ, вполнѣ послѣдовательно называютъ «ненормальнымъ» все то, что ее превышаетъ. Но съ «ненормальнымъ» у насъ связано представленіе о патологическомъ; эволюція же не патологическій процессъ, и то, что обусловливаетъ ее, не можетъ, поэтому, называться ненормальнымъ.

Даже далеко не всѣхъ, стоящихъ въ нравственномъ отношеніи *ниже* средняго уровня своей эпохи и націи, можно считать ненормальными. Во-первыхъ, во всякомъ народѣ или государствѣ есть не только разные слои насе-

ственныхъ чувствъ: *Kant*, какъ извѣстно, придавалъ главное значеніе чувству долга, *Schopenhauer* чувству состраданія; въ новѣйшее время состраданіе нашло горячаго противника въ лицѣ *Nietzsche* (см. ниже). Несомнѣнно одно, – что существуетъ нѣсколько *нравственныхъ типовъ*, подобно тому какъ есть нѣсколько типовъ интеллектуальныхъ.

²) *Hartmann*, Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins, 1879. Современная психологія (особенно французская школа) доказала двигательную силу представленій («idées-forces»). Наклонность идей переходить въ дѣйствіе (или задерживать ранѣе вызванное дѣйствіе) независимо отъ какихъ-либо чувственныхъ импульсовъ оцѣнена въ этическомъ отношеніи преимущественно *A. Fouillée* (La Liberté et le Déterminisme). Впрочемъ, нравственныя идеи принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя сильно волнуютъ чувство; увлеченіе правдой и возвышенностью идеала составляетъ также одну изъ нравственныхъ эмоцій.

³) Archivo di Psichiatria, 1900.

ленія, каждый со своимъ уровнемъ развитія, но часто и такіе уголки, которые не подходятъ ни подъ какой уровень. Такъ, итальянскій криминологъ *Penta* [1]) описалъ недавно категорію преступниковъ, которыхъ онъ называетъ «первобытными» (primitivi). Это уроженцы глухихъ деревень или маленькихъ городковъ, едва тронутыхъ культурой. У себя дома они ничѣмъ не отличаются отъ остального населенія, раздѣляютъ съ нимъ его понятія о добрѣ и злѣ, признаютъ, напр., кровавую месть и т. п. Но передъ государственнымъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ страны они—преступники. А сколько такихъ «primitivi» въ нашемъ обширномъ отечествѣ съ его медвѣжьими углами и культурнымъ разнообразіемъ! И что удивительнаго, если такой обитатель первобытной деревни, попавъ почему-нибудь въ столицу, начинаетъ вести себя въ ней, какъ «хулиганъ» или еще того хуже?

Но и въ культурной средѣ индивидуальныя условія воспитанія и жизни складываются иногда такъ неблагопріятно, что человѣкъ, вовсе не будучи ненормальнымъ, отличается, однако, значительными нравственными дефектами. Всѣ подобные случаи понятны съ эволюціонной точки зрѣнія; но цѣлый рядъ другихъ случаевъ оставался бы необъяснимымъ, если бъ на помощь къ ученію объ эволюціи не пришла другая теорія—*теорія вырожденія*.

Замѣчательно, что въ томъ самомъ 1857 году, когда *Spencer* сдѣлалъ первый набросокъ своей эволюціонной теоріи [2]), появилось и знаменитое сочиненіе *Morel*'я: «Traité des dégénérescences». Суть *Morel*'евскаго ученія заключалась въ томъ, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ вредныхъ моментовъ человѣческая порода портится и путемъ наслѣдственности даетъ постепенно физически и нравственно ухудшающіеся типы. При поверхностномъ взглядѣ вырожденіе могло быть понято (и дѣйствительно понималось нерѣдко) какъ обратная эволюція или *инволюція*. Но, если бъ такой взглядъ былъ вѣренъ, ученіе *Morel*'я не представляло бы собой ничего новаго. Вѣдь самъ *Spencer* говорилъ, что принципъ эволюціи «подразумѣваетъ существованіе *другого общаго принципа*, по которому дурно приспособленная особь должна или исчезнуть, или дать меньшее по численности потомство, наслѣдующее ея несовершенства и стремящееся исчезнуть со временемъ». [3]) Достаточно, однако, вдуматься въ это опредѣленіе инволюціи, чтобы понять разницу. По *Spencer*'у, плохо приспособленная особь передаетъ потомству *свои несовершенства*, напр. свою слабость мышцъ, свои психическія недостатки и пр.; если она или ея потомство погибаетъ, то это происходитъ вслѣдствіе неравной борьбы съ болѣе совершенными врагами или соперниками. По ученію же *Morel*'я—особь, даже хорошо приспособленная, подъ вліяніемъ постороннихъ вредныхъ причинъ (заразныхъ болѣзней, отравленій, травмъ и т. п.) несетъ ущербъ въ самомъ

---

[1]) Rivista mensile di Psichiatria forense, 1901.
[2]) Въ статьѣ: «Progress, its Law and Cause».
[3]) Principles of Ethics, I, § 69.

корнѣ своей врожденной организаціи и передаетъ потомству не тѣ или другія частныя разстройства, а порчу организаціи вообще или *порчу породы*. Эта порча можетъ выражаться у потомковъ совсѣмъ иными признаками или разстройствами; она ведетъ къ гибели рода *сама собою*, независимо отъ условій борьбы за существованіе, такъ какъ, не будучи исправлена примѣсью къ роду здоровыхъ элементовъ, неминуемо прогрессируетъ и приводитъ, въ концѣ концовъ, къ безплодію. Словомъ, мы имѣемъ дѣло съ особой *патологической наслѣдственностью*, которая существенно отличается не только отъ наслѣдственной передачи нормальныхъ качествъ, но и отъ прямого унаслѣдованія нѣкоторыхъ аномалій. Можно страдать наслѣдственной близорукостью, наслѣдственной слабостью памяти, даже извѣстными унаслѣдованными недостатками нравственности, не будучи еще вырожденнымъ.

Я позволилъ себѣ эти разъясненія, потому что еще и въ наши дни нѣкоторые авторы неправильно противополагаютъ вырожденіе эволюціи, какъ два соотносительныхъ понятія, или, по крайней мѣрѣ, даютъ такія опредѣленія, которыя ведутъ къ смѣшенію вырожденія съ инволюціей. [1]) Во избѣжаніе недоразумѣній я буду говорить о вырожденіи, конечно, только въ *Morel*'евскомъ смыслѣ, т. е. какъ о патологической порчѣ породы.

Существенное значеніе имѣетъ для насъ теперь фактъ, что при вырожденіи, чѣмъ бы оно ни было обусловлено, нравственная дѣятельность человѣка, въ ея цѣломъ, прежде всего подвергается опасности. Уже *Morel* писалъ, что вырожденіе даетъ начало *порочнымъ натурамъ* (natures vicieuses), и весьма опредѣленно высказывалъ мнѣніе, что такія личности являются *наибольшимъ препятствіемъ къ умственно-нравственному прогрессу человѣчества*.

Чѣмъ же, какими чертами выражается эта нравственная несостоятельность вырожденныхъ? Прежде всего здѣсь слѣдуетъ упомянуть о такъ назыв. *нравственномъ помѣшательствѣ* (moral insanity), которое, кстати, въ послѣднее время служитъ предметомъ спора. Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о томъ, имѣется ли при moral insanity исключительный недостатокъ нравственныхъ чувствъ или также умственная тупость. Однако, самъ *Näcke* [2]), относящій большинство подобныхъ случаевъ къ тупоумію, признаетъ, что «нравственный дефектъ стоитъ при этомъ на первомъ планѣ»; кромѣ того, онъ не отрицаетъ вполнѣ чистыхъ случаевъ нравственной анэстезіи при неповрежденномъ интеллектѣ, но считаетъ ихъ только крайне рѣдкими (verschwindend selten).

---

[1]) Самое слово «вырожденіе» приводитъ, впрочемъ, нерѣдко къ сбивчивости. Такъ, отмѣчая фактъ уменьшенія мышечной силы у культурнаго человѣчества приписываютъ его «вырожденію» расы. Конечно, о *Morel*'евскомъ вырожденіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и упомянутый фактъ является только однимъ изъ примѣровъ нормальной инволюціи органовъ, менѣе нужныхъ для существованія рода.

[2]) Авторъ недавно вышедшей монографіи: «Ueber die sogenannte Moral Insanity» Wiesbaden, 1902.

Какъ бы то ни было, но вѣроятно каждому психіатру приходилось наблюдать лицъ, умственно болѣе или менѣе хорошо развитыхъ, но обнаруживающихъ *отсутствіе альтруистическихъ чувствъ*, даже такихъ примитивныхъ, какъ любовь къ родителямъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ (быть можетъ, у большинства) видъ чужого страданія не только не вызываетъ жалости, но доставляетъ особаго рода удовольствіе. Классическимъ примѣромъ можетъ служить въ нашей художественной литературѣ Лиза Хохлакова (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»), которой хотѣлось бы распять маленькаго мальчика: «онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть». Такова же въ новѣйшей французской литературѣ героиня одного изъ романовъ *Mirbeau* (Jardin des supplices), англичанка, находящая удовольствіе въ созерцаніи различныхъ китайскихъ пытокъ.

Въ рѣзкой формѣ нравственное помѣшательство встрѣчается, по счастью, сравнительно рѣдко; но извѣстная *тупость* альтруистическихъ чувствъ присуща многимъ вырожденнымъ, и къ этой категоріи относится, вѣроятно, немало безсердечныхъ «struggle-for-lifer'овъ», слишкомъ легко жертвующихъ карьерѣ всѣми симпатіями. [1]) Было бы, однако, большою несправедливостью думать, что нравственная тупость свойственна, въ большей или меньшей степени, всѣмъ дегенерантамъ. Несомнѣнно есть между ними много и настоящихъ альтруистовъ. Повышенная психическая заражаемость и извѣстная живость фантазіи дѣлаютъ ихъ иногда особенно способными переживать чужія страданія. Развѣ не блестящій примѣръ этой способности такъ наз. «стигматизированные», у которыхъ идея распятія вызывала даже появленіе красныхъ пятенъ на ступняхъ и ладоняхъ?

Но, хотя альтруистическія чувства и составляютъ существенную часть нравственности, тѣмъ не менѣе, какъ сказано много раньше, для нормально развитой нравственной дѣятельности требуется еще нѣчто большее,—то, что я назвалъ интеграціей, упорядоченіемъ поведенія. Въ недостаткѣ этого момента, т. е., въ безпорядочности или *неуравновѣшенности* и заключается главная причина нравственнаго банкротства большей части вырожденныхъ. Не даромъ ихъ такъ часто называютъ «неуравновѣшенными». Уродливая неравномѣрность развитія, составляющая главную черту дегенеративной организаціи, обусловливаетъ то, что одни влеченія и чувства выпадаютъ совершенно, другія, напротивъ, бываютъ ненормально сильны. Такъ, нѣкоторые дегенеранты отличаются слишкомъ мягкимъ характеромъ, полнымъ отсутствіемъ жестокости: «Я кротче голубя, во мнѣ нѣтъ желчи!» жалуется Гамлетъ, этотъ вѣчный типъ неуравновѣшеннаго. Чувства страха, стыда, самолюбія могутъ также отсутствовать или, наоборотъ, быть болѣзненно повышены. И, какъ есть между вырожден-

1) Недостатокъ состраданія и другихъ человѣколюбивыхъ эмоцій встрѣчается, впрочемъ и у нормальныхъ людей, при чемъ онъ можетъ уравновѣшиваться хорошо развитымъ нравственнымъ инстинктомъ (чувствомъ долга) или нравственными побужденіями интеллектуальнаго свойства.

ными крайніе эгоисты, такъ встрѣчаются и такіе, у которыхъ влеченіе къ жизни и ея удовольствіямъ настолько ослаблено, что ихъ самопожертвованіе является иногда замаскированнымъ самоубійствомъ.

Отдѣльныя влеченія навязываются ихъ сознанію съ непреодолимой силой. Иногда предметами такихъ влеченій бываютъ высокія идеи: «большинство фанатическихъ борцовъ за какую нибудь идею, говоритъ проф. *Корсаковъ*, принадлежитъ къ лицамъ, представляющимъ въ большей или меньшей степени признаки прирожденной психопатической конституціи». [1]) Это именно *фанатическіе* борцы,—въ нихъ нѣтъ терпимости, цѣннаго качества людей уравновѣшенныхъ, которымъ ничто человѣческое не чуждо, которые понимаютъ относительность всего, въ томъ числѣ и нашихъ идеаловъ. Впрочемъ, рука объ руку съ благородными стремленіями, въ душѣ дегенерантовъ уживаются часто порочныя, извращенныя влеченія,—«идеалъ Содомскій рядомъ съ идеаломъ Мадонны», говоря словами *Достоевскаго*.

Импульсивность влеченій дѣлаетъ невозможнымъ подчиненіе чувствъ разуму, и въ результатѣ получается та *анархія инстинктовъ и чувствъ*, которую слѣдуетъ считать болѣе характернымъ и важнымъ явленіемъ дегенераціи, чѣмъ недостатокъ человѣколюбивыхъ эмоцій.

Ко всему сказанному нужно добавить, что постоянныя колебанія чувственнаго тонуса и энергіи дѣлаютъ дегенерантовъ неспособными къ правильной, систематической работѣ. Чувствуя себя неприспособленными къ общественной жизни съ ея дисциплиной, они часто кончаютъ тѣмъ, что становятся сознательными врагами общества.

Тотъ разладъ нравственной дѣятельности, который составляетъ отличительную черту характера вырожденныхъ, напоминаетъ собою функціональное состояніе мышцы, подвергшейся перерожденію. Одни виды возбудимости оказываются въ такой мышцѣ утраченными, другіе, наоборотъ, повышенными; наблюдаются извращенія реакціи, непроизвольныя фибриллярныя подергиванія; но волевыя сокращенія всегда болѣе или менѣе ослаблены, и физіологическое значеніе органа, въ цѣломъ, понижено.

Точно также понижена, въ цѣломъ, и соціологическая цѣнность вырождающейся личности, и нѣмецкіе писатели хорошо выражаютъ это словомъ «Minderwerthigkeit», которое часто употребляется ими теперь, какъ синонимъ неуравновѣшенности.

Конечно, то или другое свойство дегенерантовъ можетъ случайно оказаться полезнымъ человѣчеству; мы знаемъ изъ исторіи, что иногда бывали полезны и настоящіе сумасшедшіе, какъ Іоанна д'Аркъ или какъ юродивый, спасшій, по преданію, Новгородъ тѣмъ, что поднесъ кусокъ сырого мяса Ивану Грозному. При исключительныхъ условіяхъ обществу нужны бываютъ, напр. и жестокіе люди съ нравственной анэстезіей. Несомнѣнно также, что между

---

[1]) Курсъ Психіатріи, изд. 2-е, стр. 989.

дегенерантами были даровитыя, даже геніальныя личности и, между прочимъ, выдающіеся моралисты, какъ Сократъ, Pascal, Auguste Comte, Schopenhauer. Но всѣмъ, что они сказали хорошаго, разумнаго, вѣчнаго, человѣчество обязано не ихъ дегенераціи, а, напротивъ, тому, что въ нихъ осталось пощаженнымъ, уцѣлѣвшимъ отъ вырожденія; на долю же послѣдняго нужно отнести большую часть одностороннихъ выводовъ и туманныхъ ученій—крайній пессимизмъ Schopenhauer'а, мистицизмъ Pascal'я и Comte'а. И когда Nietzsche говоритъ о себѣ, что онъ «обязанъ своей философіей болѣзни», онъ не сознаетъ того, сколько въ этихъ словахъ скрыто горькой ироніи.

Если эволюціонное ученіе произвело переворотъ въ теоріи нравственности, поставивъ ее на біологическую почву, то ученіе о вырожденіи оказываетъ, въ свою очередь, особенное вліяніе на практическую мораль, освѣщая съ новой стороны многіе ея вопросы. Создается то, что нѣмцы называютъ «Gattungsmoral», т. е. *мораль рода* или *расы*. [1]) Всѣ нравственныя цѣли—благо человѣчества, процвѣтаніе родины или хотя бы счастье одной семьи—признаются съ новой точки зрѣнія осуществимыми вполнѣ только при томъ условіи, если человѣчество, народъ или семья будутъ состоять изъ удачныхъ, нормально-развитыхъ особей. И эта «мораль рода» предъявляетъ свои требованія, какъ къ отдѣльнымъ индивидамъ, такъ и къ цѣлому обществу.

Отдѣльной личности она предписываетъ, прежде всего, *беречь и развивать въ себѣ дары полученной отъ рода организаціи*—какъ таланты, данные хозяиномъ, въ извѣстной притчѣ. Съ точки зрѣнія *эволюціонной* теоріи, основанной на *однородной* наслѣдственности, т. е. на передачѣ потомству одинаковыхъ качествъ, представляется важнымъ, чтобы каждый развивалъ въ себѣ способности, наиболѣе цѣнныя для жизни въ культурномъ обществѣ, т. е. умственныя и нравственныя качества; теорія же вырожденія учитъ, что для сохраненія и наслѣдственной передачи этихъ цѣнныхъ качествъ нужна забота о *здоровьи вообще* и охраненіе себя отъ извѣстныхъ вредныхъ

---

[1]) Кромѣ самого *Darwin*'а и нѣкоторыхъ его послѣдователей - натуралистовъ, лишь мимоходомъ касавшихся вопросовъ морали, здѣсь слѣдуетъ упомянуть въ особенности о *Francis Galton*'ѣ, изложившемъ въ своемъ «Hereditary genius» всѣ главныя основанія морали рода, а также объ австрійскомъ мыслителѣ *Ritter von Carneri*, книга котораго «Der moderne Mensch» только что вышла седьмымъ изданіемъ. Въ публикѣ гораздо большей извѣстностью пользуются, конечно, сочиненія *Nietzsche*, что объясняется, какъ блестящимъ литературнымъ дарованіемъ этого писателя, такъ и самой парадоксальностью его идей. *Nietzsche* былъ увлекающимся и одностороннимъ проповѣдникомъ той же морали рода. Онъ видѣлъ въ вырожденіи величайшее зло человѣчества (Also sprach Zorathustra, S 110). Улучшить «species Homo», «открыть глаза и совѣсть для обсужденія того, при какихъ условіяхъ это растеніе проявляло наибольшую силу роста» (Jenseits von Gut und Böse, § 44)—такъ понималъ онъ задачу новой морали, къ рѣшенію которой онъ считалъ необходимымъ привлечь физіологовъ и врачей (Zur Genealogie der Moral, S 54). Ниже мы увидимъ, къ какимъ крайнимъ выводамъ пришелъ этотъ мыслитель.

вліяній. Такимъ образомъ, многія требованія *эгоизма*, которыя до сихъ поръ игнорировались этикой, становятся теперь обязательными именно въ этическомъ смыслѣ. Послѣдователи *Kant*'а могли считать, напр., требованіе воздержанности «гипотетическимъ императивомъ». «Если хочешь быть здоровымъ, будь воздержанъ; это велѣніе условное, предполагающее цѣль и указывающее средство; но ты можешь освободить себя отъ него, если откажешься отъ здоровья». Такъ разсуждали они; мы же теперь, послѣ всего, что знаемъ о пріобрѣтенномъ вырожденіи и патологической наслѣдственности, *не можемъ* отказаться отъ здоровья. Воздержанная жизнь называется, впрочемъ, нравственною и на обычномъ языкѣ; но подъ воздержаніемъ понимается часто и отказъ отъ нормальныхъ, требуемыхъ природою удовольствій: мы вѣдь все еще несовсѣмъ освободились отъ аскетическихъ идеаловъ средневѣковья. [1]) Нельзя поэтому не согласиться со *Spencer*'омъ, [2]) что «раціональная этика должна *настаивать* на удовольствіяхъ, полезныхъ для ума и тѣла», и что «выполненіе каждой жизненной функціи есть въ извѣстномъ смыслѣ нравственная обязанность».

Особенно существеннымъ образомъ должно сказаться вліяніе новой точки зрѣнія въ вопросѣ о *бракѣ* [3]). Но съ этимъ вопросомъ мы входимъ уже въ кругъ требованій, предъявляемыхъ моралью рода къ *обществу*.

Не общество ли взяло на себя роль руководителя человѣческой эволюціи, ту роль, которая прежде исполнялась естественнымъ подборомъ? Вся культура— не что иное, какъ замѣна естественнаго подбора искусственнымъ. Но біологическій подборъ удалялъ изъ человѣчества больныхъ и хилыхъ и тѣмъ улучшалъ породу; такъ поступали и нѣкоторые изъ древнихъ обществъ, напр. въ Спартѣ, гдѣ хворыхъ дѣтей убивали, и гдѣ слабымъ, больнымъ, слишкомъ молодымъ или старымъ людямъ запрещалось вступать въ бракъ. Наши же современныя общества, отказавшись отъ спартанской жестокости, приходятъ, напротивъ, различными своими учрежденіями на помощь слабымъ; въ этомъ направленіи дѣйствуютъ и благотворительность и сама медицина. И, поддерживая существованіе больныхъ и престарѣлыхъ, наше общество въ громадномъ большинствѣ случаевъ не ставитъ имъ никакихъ препятствій къ произведенію потомства. Въ результатѣ получается, правда, доказываемое статистикой уве-

[1]) Человѣкъ такъ долго смотрѣлъ злымъ взглядомъ на свои природныя влеченія, что они въ концѣ концовъ сроднились въ немъ съ «нечистой совѣстью». У кого хватитъ силы на обратную попытку—породнить съ нечистой совѣстью *неестественныя* влеченія, всѣ эти стремленія къ сверхчувственному, противному инстинкту, животной природѣ,—словомъ всѣ наши старые, жизневраждебные, клевещущіе на міръ идеалы?» (*Nietzsche*. Zur Genealogie der Moral. S. 110).

[2]) Principles of Ethics, I, § 71.

[3]) «Новая этика, говоритъ шведская писательница *Ellen Key*, назоветъ безнравственнымъ только тотъ союзъ мужчины съ женщиной, который даетъ начало дурному потомству или создаетъ неблагопріятныя условія для развитія потомства». (Das Iahrhundert des Kindes. Uebersetz. von Fr. Maro).

личеніе средней продолжительности жизни и, пожалуй, увеличеніе населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ухудшеніе породы.

Такъ говорили еще *Darwin* и другіе натуралисты. Въ послѣднее время, съ ученіемъ о вырожденіи, вопросъ еще болѣе обострился, и нашелся мыслитель, который осмѣлился сдѣлать слѣдующій безпощадный выводъ: «Слабые и неудачные должны гибнуть,—это первое положеніе *нашего человѣколюбія; и нужно еще помогать имъ въ этомъ*». [1]) .Онъ отвергъ христіанскую мораль, основанную на состраданіи и любви къ ближнему. Состраданіе, говорилъ онъ, [2]) дѣйствуетъ депрессивно (какъ «мультипликаторъ страданія»), и главное—оно идетъ въ разрѣзъ съ закономъ развитія, т. е. съ закономъ подбора. Любовь одному—-варварство, разъ она приводитъ къ ущербу всѣхъ прочихъ. [3]) Сущность истинной нравственности не въ томъ, чтобъ имѣть въ виду ближайшія послѣдствія нашихъ поступковъ,—это лишь узкая и мѣщанская мораль; [4]) выше любви къ ближнему стоитъ любовь къ дальнему и грядущему. [5]) Новую скрижаль ставлю я надъ вами, братья мои: *будьте жестоки!*» [6])

Вся обычная мораль, которую *Nietzsche* называетъ «стадной» или «рабской», развилась, по его объясненію, изъ страха передъ сильнымъ, «тропическимъ» человѣкомъ. Подъ вліяніемъ этого страха былъ желателенъ и дѣйствительно воспитался противоположный типъ—ручное, стадное животное, больной человѣкъ-звѣрь. Мораль объявила войну высшему типу человѣка; она предала проклятію всѣ природные его инстинкты, сдѣлала изъ нихъ экстрактъ «зла». [7]) Но есть другая мораль—«мораль господъ», сильныхъ, для которыхъ нѣтъ «добраго» и «злого», а существуетъ «благородное» и «презрѣнное».. Въ этой средѣ культивируются такія качества, какъ храбрость, властолюбіе, гордость, великодушіе и уваженіе къ равнымъ себѣ; состраданіе считается чѣмъ то жалкимъ, презрѣннымъ. [8])

И, въ своемъ увлеченіи силой, [9]) волей къ могуществу (Wille zur Macht), *Nietzsche* дошелъ до восхваленія хищныхъ людей, такихъ злодѣевъ, какъ Cesare Borgia, и до другихъ нелѣпыхъ выводовъ, которые должны быть приписаны

---

[1]) *Nietzsche*, Antichrist, § 2.

[2]) Тамъ же, § 7.

[3]) Ienseits von Gut und Böse, § 67.—«Состраданіе ко всѣмъ было бы жестокостью и варварствомъ по отношенію къ тебѣ, мой другъ ближній». (Тамъ же, § 82).

[4]) Morgenröthe, § 146.

[5]) Also sprach Zarathustra, s. 88.

[6]) Тамъ же, s. 312.

[7]) Antichrist, § 5.

[8]) См. въ особенности Ienseits, стр. 239 и друг.—Что дѣйствительно существуютъ разные нравственные типы (и не только два, указываемыхъ *Nietzsche!*), на это я обращалъ уже вниманіе выше.

[9]) А было время, когда самъ *Nietzsche* (въ Morgenröthe, § 548) осуждалъ поклоненіе силѣ, въ которомъ онъ видѣлъ остатокъ рабской привычки. «Важно знать, справедливо замѣчалъ онъ, насколько сила подчиняется чему нибудь высшему»,

отчасти его врожденной неуравновѣшенности, отчасти же (въ послѣднихъ его произведеніяхъ)—начинавшемуся уже душевному разстройству [1]).

Но, оставивъ всѣ крайности и отказавшись «содѣйствовать гибели слабыхъ», мы должны, однако, обсудить вопросъ: что дѣлать обществу? позволять ли напр., вырожденнымъ вступать въ бракъ? Многіе отвѣчаютъ на это отрицательно. Но запрещеніе брака уже потому не ведетъ къ цѣли, что возможны внѣбрачныя связи. И вотъ, нѣкоторые, какъ *Schinz*, [2]) *Näcke* [3]) и др., приходятъ къ тому, что предлагаютъ *кастрацію* дегенерантовъ, по крайней мѣрѣ—наиболѣе вредныхъ, напр. преступниковъ, неизлѣчимыхъ пьяницъ, падучныхъ, нравственно-помѣшанныхъ. Въ американскомъ штатѣ Мичиганѣ подобный законопроектъ едва даже не прошелъ въ парламентѣ. Но такого рода предложенія слѣдуетъ тоже назвать крайними. Не говоря о ихъ негуманности, вправѣ ли мы утверждать, что обладаемъ уже теперь непогрѣшимымъ и точнымъ, а не суммарнымъ только, знаніемъ патологической наслѣдственности, что въ каждомъ данномъ случаѣ можемъ предсказать навѣрно, каково будетъ потомство? Развѣ не извѣстны случаи, гдѣ отъ пьяницъ, безнравственныхъ и даже душевно-больныхъ отцовъ или матерей рождались не только здоровые, но и сильные духомъ люди—Фридрихъ Великій, Байронъ, Бетховенъ?.. [4]) И затѣмъ, было бы ошибочно думать, что біологическій подборъ такъ уже совершенно бездѣйствуетъ въ человѣческомъ обществѣ. Нѣтъ, слабые и неудачные гибнутъ и безъ нашего содѣйствія, гибнутъ даже несмотря на наше противодѣйствіе! Крайнія степени вырожденія, какъ извѣстно, сопровождаются безплодіемъ: идіоты, а по *Bêchet* [5]) и большинство эпилептиковъ, безплодны; по изслѣдованіямъ *Simmonds*'а алкоголизмъ часто (въ 61% случаевъ) ведетъ къ азооспермiи [6]); дѣти чахоточныхъ и сифилитиковъ сплошь и рядомъ рож-

---

[1]) *Möbius* въ недавно вышедшей брошюрѣ (Ueber das Pathologische bei Nietzsche, Wiesbaden, 1902) доказываетъ, что у Nietzsche былъ прогрессивный параличъ, начавшій обнаруживаться еще въ августѣ 1881 года, и что, слѣдовательно, «Зоратустра» и всѣ позднѣйшія сочиненія написаны имъ въ теченіе болѣзни. Съ мнѣніемъ *Möbius*'а трудно согласиться; но при оцѣнкѣ упомянутыхъ сочиненій нужно имѣть въ виду, что отдѣльныя части ихъ возникли, повидимому, въ разное время. Такъ, IV часть «Зоратустры» появилась въ печати позднѣе, и въ первыхъ изданіяхъ книги ея не было; въ «Антихристѣ» многое принадлежитъ несомнѣнно болѣе ранней эпохѣ, и въ 1888 году были сдѣланы только «добавленія», какъ упоминаетъ и самъ *Möbius*.

[2]) Des causes pathologiques de la responsabilité limitée etc., 1899.

[3]) Archiv für Kriminal-Anthropologie, 1900.

[4]) Съ другой стороны—если ужъ предлагать кастрацію, то нѣтъ основанія ограничиваться одними тяжелыми случаями вырожденія, такъ какъ наиболѣе опасные для общества «dégénérés supérieurs» происходятъ часто отъ лицъ, едва тронутыхъ невропатіей.

[5]) Цитир. по *Kende*, Entartung des Menschengeschlechts, 1902.

[6]) Deutsch. Arch. f. klin. Medicin, 1898.—Атрофическія измѣненія въ яичникахъ женщинъ-пьяницъ также описаны нѣкоторыми (см. диссертацію д-ра *Фронтковскаго*, 1901).

даются преждевременно и большею частью умираютъ до совершеннолѣтія; даже неврастеники нерѣдко страдаютъ безсиліемъ, и цѣлый рядъ вырожденныхъ отклоняется отъ пути продолженія рода различными половыми извращеніями, въ которыхъ также можно видѣть одну изъ цѣлесообразныхъ мѣръ природы.

Поэтому общество сдѣлаетъ лучше, если предоставитъ природѣ удалять неспособное къ жизни и займется пока, съ одной стороны, призрѣніемъ вредныхъ дегенерантовъ въ особыхъ пріютахъ или колоніяхъ, а съ другой—и это главное!—приметъ мѣры *профилактическія*. Едва ли не самыя настоятельныя изъ нихъ—мѣры противъ *алкоголизма*, отъ котораго у насъ «загноился народъ», по выраженію *Достоевскаго*. [1]) Такія мѣры уже приняты въ 22 штатахъ Сѣв. Америки, при чемъ въ 6 изъ нихъ продажа спиртныхъ напитковъ запрещена вовсе; и въ результатѣ получилось, что эти шесть штатовъ, бывшіе прежде самыми захудалыми, сдѣлались теперь одними изъ наиболѣе процвѣтающихъ. Будемъ надѣяться, что и въ нашемъ отечествѣ труды работающей теперь алкогольной комиссіи и благія начинанія отдѣльныхъ лицъ увѣнчаются со временемъ такимъ же успѣхомъ.

Необходима, далѣе, и борьба съ *сифилисомъ*, который, по замѣчанію проф. *В. М. Тарновскаго* (на VIII Пироговскомъ Съѣздѣ), еще болѣе грозенъ для потомства, чѣмъ для самихъ больныхъ, и борьба съ *туберкулезомъ* посредствомъ санаторій; нужны, наконецъ, всѣ мѣры къ улучшенію гигіеническихъ условій. Большинство этихъ мѣръ, конечно, не въ рукахъ врачей, но наше дѣло — говорить и повторять обществу, что вырожденіе—его величайшій врагъ, и что на борьбу съ нимъ оно не должно жалѣть средствъ.

И есть уже доказательства тому, что наша проповѣдь не гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Я приведу только одно изъ нихъ, чисто литературнаго характера, указавъ на то, какое видное мѣсто занимаетъ вопросъ о вырожденіи въ современной изящной литературѣ, и какъ относятся къ нему нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся художниковъ слова.

Прежде всѣхъ здѣсь слѣдуетъ назвать писателя, который въ цѣлой серіи романовъ провелъ красной нитью идею патологической наслѣдственности. Я говорю о недавно погибшемъ *Emile'*ѣ *Zola*. Его «Естественная и соціальная исторія одной семьи»—семьи Rougon-Macquart'овъ—вся служитъ какъ бы художественной иллюстраціей теоріи вырожденія. Цѣлый рядъ дегенеративныхъ типовъ проходитъ передъ читателемъ, начиная съ прабабкой-истеричкой, долгая жизнь которой догораетъ въ домѣ умалишенныхъ; сначала идутъ люди съ разнузданными страстями, большіе честолюбцы (Eugène Rougon) или прожигатели жизни (въ La Curée), среди которыхъ встрѣчаются также полусвятые (Анжелика въ Le Rêve), мистики (L'Abbé Mouret) и неуравновѣшенные геніи,

[1]) О связи алкоголизма съ *преступностью* можно судить уже по тому, что, по совершенно сходящимся статистикамъ двухъ учрежденій—одного въ Старомъ Свѣтѣ (St-Anne въ Парижѣ), другого въ Новомъ (State Reformatory въ Нью-Іоркѣ)—около 50% преступниковъ, признанныхъ вмѣняемыми, были потомками пьяницъ.

одержимые художественной идеей, выполнить которую они не въ силахъ (L'Oeuvre). Затѣмъ, въ Assomoir'ѣ развертывается безподобная во всей литературѣ картина алкоголизма съ его послѣдствіями; далѣе слѣдуетъ рядъ убійствъ (La Bête humaine), проституція въ лицѣ Nana, грубый деревенскій развратъ (La Terre), и все заканчивается прусскимъ погромомъ, являющимся какъ бы возмездіемъ за вырожденіе расы. Картины были такъ мрачны, въ нихъ было столько отталкивающаго и безнравственнаго, что самого автора долго обвиняли въ склонности къ грязному или считали отъявленнымъ пессимистомъ. И какъ то не замѣчалось при этомъ, какой призывъ къ здоровой, разумной жизни скрывался между строками,—пока вся серія не завершилась «Докторомъ Паскалемъ», выразителемъ авторскаго міровоззрѣнія. Тогда оказалось, что у этого мнимаго пессимиста была горячая любовь и вѣра въ *жизнь*. Для его Паскаля «жизнь была богомъ, великимъ двигателемъ, душою вселенной; и у нея не было другого орудія кромѣ наслѣдственности,—наслѣдственность дѣлала міръ, такъ что зная ее и владѣя ею, люди могли бы устраивать міръ по своему. Въ немъ (докторѣ), видѣвшемъ вблизи себя болѣзни, муки и смерть, пробуждалось дѣятельное состраданіе врача, и онъ говорилъ себѣ, что можно было бы ускорить приходъ всеобщаго счастья, обезпечивъ здоровье всѣмъ людямъ». И романъ кончался оптимистически: «Несмотря на больныхъ и сумасшедшихъ, жизнь не перестаетъ творить—въ надеждѣ, конечно, что когда-нибудь придутъ здоровые и разумные люди». [1])

Каковы бы ни были недостатки Zola, но идея патологической наслѣдственности со всѣмъ разнообразіемъ ея проявленій была понята имъ, въ общемъ, правильно; чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ его литературныхъ противникахъ, напр. о Генрихѣ Сенкевичѣ, который въ своихъ «Письмахъ о Zola» обнаружилъ совершенное непониманіе дѣла.

Другой выдающійся писатель нашего времени, норвежецъ *Henrik Ibsen*, далъ въ своихъ драмахъ также такую серію дегенерантовъ, что драмы эти послужили недавно даже темой для диссертаціи французскому врачу *Geyer*'у. [2]) Съ особенной силой Ibsen поставилъ вопросъ о патологической наслѣдственности въ знаменитой драмѣ «Призраки» («Gengangere»). Основной идеей ея является отвѣтственность родителей передъ своими дѣтьми. Женщина, продолжая состоять, по увѣщанію пастора, въ брачномъ союзѣ съ пьяницей и развратникомъ, производитъ на свѣтъ сына, у котораго обнаруживаются наклонности отца и, въ концѣ концовъ, развивается неизлѣчимая мозговая болѣзнь. Ibsen, какъ и Zola, проповѣдникъ здоровья; и у него выразителемъ авторскаго жизнепониманія

---

[1]) Тотъ же идеалъ самодовлѣющей здоровой жизни съ такой же, если не съ большею еще, выразительностью ставится и въ позднѣйшихъ романахъ Zola, напр., въ «Fécondité».

[2]) Étude médico-psychologique sur le théatre d'Ibsen. Thèse de Paris, 1902.— См. также статью проф. *Régis*'а: «La folie dans l'art dramatique» въ La Revue 1902, octobre.

служитъ также врачъ, д-ръ Стокманъ («Врагъ народа»). «Неправда, говоритъ онъ, что культура дѣлаетъ людей безнравственными; нѣтъ! глупость, бѣдность и страданія, словомъ всѣ несовершенства жизни, вотъ настоящія причины испорченности... Недостатокъ кислорода парализуетъ совѣсть».

Въ одной изъ первыхъ драмъ *Gerhart*'а *Hauptmann*'а (Vor Sonnenaufgang) молодой соціаль-демократъ Loth говоритъ: «Я безповоротно рѣшилъ передать потомкамъ полученную мною наслѣдственность безъ малѣйшаго ущерба»; и, вѣрный этому принципу, онъ отказывается жениться на дѣвушкѣ съ дурною наслѣдственностью. Въ драмѣ «Праздникъ примиренія» (Friedensfest), наоборотъ, членъ невропатической семьи спрашиваетъ себя, вправѣ ли онъ вступить въ бракъ съ здоровой дѣвушкой.

Какъ мы видимъ, названные писатели находятся подъ сильнымъ вліяніемъ ученія о вырожденіи. О Zola и Ibsen'ѣ еще *Lombroso* сказалъ, что они учатъ тому же, чему и психіатры. Но нельзя не упомянуть и о томъ, что у другихъ, особенно у новѣйшихъ беллетристовъ, замѣчается склонность *идеализировать* дегенеративные типы.

Такъ, уже у *Достоевскаго* всѣ симпатіи лежали на сторонѣ такихъ личностей, какъ князь Мышкинъ («Идіотъ»). [1]) Въ одномъ мѣстѣ названнаго романа герой его «говорилъ себѣ, что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а, стало быть, и высшаго бытія, ничто иное какъ болѣзнь, какъ нарушеніе нормальнаго состоянія... И, однако же, онъ всетаки дошелъ, наконецъ, до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: что же въ томъ, что это болѣзнь? рѣшилъ онъ,—какое до того дѣло, что это напряженіе ненормально, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей?» и т. д.

Что больные передъ эпилептическимъ приступомъ или въ маніакальномъ состояніи испытываютъ пріятныя ощущенія, это извѣстно изъ клиническаго опыта, и Достоевскій описалъ здѣсь подобное ощущеніе вѣрно и, надо думать, на основаніи самонаблюденія, такъ какъ рѣчь идетъ о падучномъ. Немного странный выводъ простителенъ, конечно, больному князю Мышкину, который въ этой діалектикѣ искалъ, быть можетъ, самоутѣшенія.

Но вотъ, подобныя же мысли высказываются и развиваются другимъ нашимъ писателемъ, болѣе молодого поколѣнія и—что особенно замѣчательно—съ медицинскимъ образованіемъ. Въ разсказахъ и пьесахъ *А. Чехова*, на сѣромъ фонѣ изображаемой имъ русской жизни, если кто и выдѣляется, въ хорошемъ смыслѣ, то это почти исключительно неуравновѣшенныя, невропатическія натуры; таковы всѣ эти Ивановы, дяди Вани, самыя имена которыхъ

---

[1]) Тонкая наблюдательность и искусство, съ которымъ Достоевскій изображалъ различныхъ дегенерантовъ, хорошо извѣстны каждому и достаточно оцѣнены проф. *В. Ф. Чижомъ* въ его книжкѣ: «Достоевскій, какъ психопатологъ».

какъ бы говорятъ, что такихъ людей на Руси очень много. Можетъ явиться мысль, что условія нашей жизни дѣлаютъ лучшихъ изъ насъ неврастениками; однако, самъ авторъ держится, повидимому, другого взгляда: мѣстами у него проглядываетъ мысль, что источникомъ такъ наз. благородныхъ чувствъ является болѣзненное состояніе души. Нигдѣ эта мысль не выражена такъ ясно, какъ въ разсказѣ «Черный монахъ». Герой разсказа, магистръ, по временамъ галлюцинируетъ, и въ эти періоды самочувствіе его (какъ и у князя Мышкина) лучше, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Но дѣло не въ этомъ; главный интересъ въ томъ, что говоритъ больному магистру его призракъ, монахъ: «А почему ты знаешь, спрашиваетъ онъ, что геніальные люди, которымъ вѣритъ весь свѣтъ, тоже не видѣли призраковъ? Говорятъ же теперь ученые, что геній сродни умопомѣшательству. Другъ мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображенія насчетъ нервнаго вѣка, переутомленія, вырожденія и т. п. могутъ серьезно волновать только тѣхъ, кто цѣль жизни видитъ въ настоящемъ, т. е. стадныхъ людей». И дальше: «Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ—все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка... Повторяю, если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо» Затѣмъ уже самъ герой разсказа восклицаетъ: «Какъ счастливы Будда, Магометъ или Шекспиръ, что добрые родственники и доктора не лечили ихъ отъ экстаза и вдохновенія! Если бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калій, работалъ только 2 часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки».

Не правда ли, удивительное заключеніе для писателя-врача! Но ужасенъ конечно, не столько врачебный, сколько общечеловѣческій пессимизмъ Чехова. Вѣдь при такой альтернативѣ—или стадный человѣкъ, или психопатъ—выборъ былъ бы, дѣйствительно, очень труденъ, и, въ концѣ концовъ, пришлось бы всетаки избрать первое, т. е. «пойти въ стадо», потому что нельзя же предпочесть сумасшествіе, какимъ бы пріятнымъ самочувствіемъ оно иногда ни сопровождалось. Но, по счастью, такой альтернативы нѣтъ въ дѣйствительности. Выдающіеся люди даже и по *Lombroso* не всѣ психопаты, а ужъ извѣстно, какъ старался *Lombroso* подгонять факты подъ свою теорію. Знаетъ ли, напр., нашъ уважаемый писатель, почему итальянскій ученый призналъ ненормальнымъ Шекспира, имя котораго упоминается въ разсказѣ? Потому только, что Шекспиръ былъ будто бы бездѣтенъ (хотя и это оказывается теперь невѣрнымъ, такъ какъ у него было три дочери). Вотъ одинъ изъ примѣровъ поспѣшности выводовъ *Lombroso*!

У новѣйшихъ авторовъ, занимавшихся вопросомъ о геніальности, результаты получились совсѣмъ иные. Такъ, *Ellis*, изслѣдовавшій недавно біографіи 902 извѣстныхъ англичанъ, нашелъ помѣшательство лишь въ 5%

случаевъ [1]); а по *Regnard'*у, изъ числа болѣе, чѣмъ 400 великихъ людей, только 11 (т. е. менѣе 3%) были сумасшедшими [2]).

Я не стану говорить о другихъ писателяхъ, стремящихся идеализировать болѣзненныя состоянія; такихъ писателей теперь много, и это направленіе считается моднымъ.

Въ заключеніе скажу только одно. Благоговѣйное отношеніе къ психозу, ожиданіе вѣщаго слова отъ человѣка, одержимаго душевнымъ разстройствомъ,—все это отнюдь не ново. Наоборотъ, такая точка зрѣнія свойственна по-преимуществу младенческому періоду человѣчества. На языкѣ многихъ древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и на старомъ языкѣ евреевъ (по *Lombroso*), одно и то же слово означало часто и «пророкъ» и «помѣшанный». Вспомнимъ, какую роль играли въ средніе вѣка истеричные и помѣшанные, какимъ вліяніемъ на простой народъ пользуются еще и теперь разные юродивые, «Божьи люди» и такіе сумасшедшіе, какъ Кондратій Малеваный; и мы поймемъ, гдѣ коренится этотъ взглядъ на родство геніальности съ помѣшательствомъ, который мы склонны приписывать *Moreau* и *Lombroso*. Заслуга *Lombroso*, по моему мнѣнію, скорѣе въ томъ, что онъ призналъ въ нѣкоторыхъ мнимыхъ геніяхъ настоящихъ душевно-больныхъ. И наша наука, которая въ свое время открыла стигматы истеріи на тѣлѣ вѣдьмъ и колдуновъ, которая еще недавно разглядѣла признаки вырожденія на лицахъ преступниковъ, пойдетъ и впредь тѣмъ же путемъ, исправляя заблужденія человѣчества, уча людей смотрѣть на больного брата разумнымъ взглядомъ, non admirari, non indignare, sed *intelligere*.

Что такое внушеніе?

Акад. В. М. Бехтерева.

Вопросъ о томъ, что такое внушеніе, есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ новѣйшей психологіи и общественной жизни, получившій въ послѣднее время огромное практическое значеніе, благодаря въ особенности изученію гипнотизма; тѣмъ не менѣе нынѣ твердо установлено, что внушеніе вообще является актомъ гораздо болѣе широкимъ, нежели собственно гипнотическое внушеніе, такъ какъ первое проявляется въ бодрственномъ состояніи и притомъ наблюдается въ общественной жизни вездѣ и всюду, при весьма разнообразныхъ условіяхъ.

Не смотря однако на огромную практическую важность внушенія, его

---

[1]) The popular Science monthly, 1901.

[2]) Génie et folie. Paris, 1899.

психологическая природа до сихъ поръ еще представляется въ такой степени мало изученной, что этому понятію различные авторы придавали и придаютъ весьма различное значеніе.

Уже въ своей работѣ «Роль внушенія въ общественной жизни» [1]) я обратилъ вниманіе на разнорѣчія авторовъ по этому поводу и на ту путаницу, которая отъ этого происходитъ. «Еще недавно этотъ терминъ, говорю я, не имѣлъ особаго научнаго значенія и употреблялся лишь въ просторѣчіи главнымъ образомъ для обозначенія наущеній, съ той или другой цѣлью производимыхъ одними лицами другимъ. Лишь въ новѣйшее время этотъ терминъ получилъ совершенно спеціальное научное значеніе вмѣстѣ съ расширеніемъ нашихъ знаній о психическомъ вліяніи однихъ лицъ на другихъ. Но этимъ терминомъ стали уже злоупотреблять, прилагая его къ тѣмъ явленіямъ, къ которымъ онъ не относится, и нерѣдко прикрывая имъ факты, остающіеся еще недостаточно выясненными. Несомнѣнно, что отъ такого злоупотребленія научнымъ терминомъ происходитъ не мало путаницы въ освѣщеніи тѣхъ психологическихъ явленій, которыя относятся къ области внушенія».

Если мы обратимся къ литературѣ предмета, то мы встрѣтимся съ самыми разнообразными опредѣленіями внушенія. По опредѣленію Lefèvre'a [2]), книга котораго только-что появилась, явленія внушенія и самовнушенія состоятъ въ ассимиляціи мыслей, вообще какихъ либо идей, допущенныхъ безъ мотива и случайно, и въ ихъ быстромъ превращеніи въ движенія, въ ощущенія или въ актъ задержки.

Liébeault подъ внушеніемъ признаетъ вызываніе словомъ или жестами въ гипнотикѣ представленія, слѣдствіемъ котораго возникаетъ то или иное физическое или психическое явленіе.

По Bernheim'у внушеніе есть такое воздѣйствіе, при посредствѣ котораго представленіе вводится въ мозгъ и имъ принимается.

Löwenfeld [3]) подъ внушеніемъ понимаетъ представленіе психическаго или психо-физическаго характера, которое своимъ осуществленіемъ проявляетъ необыкновенное дѣйствіе, вслѣдствіе ограниченія или прекращенія ассоціаціонной дѣятельности.

Тотъ же авторъ въ своей книгѣ приводитъ цѣлый рядъ опредѣленій внушенія, сдѣланныхъ другими авторами. Изъ многочисленныхъ опредѣленій внушенія мы приведемъ лишь наиболѣе существенныя.

Forel подъ внушеніемъ понимаетъ вызываніе такого динамическаго измѣненія нервной системы, когда возникаетъ представленіе, что это измѣненіе наступило, наступаетъ или наступитъ

Moll даетъ сходственное этому опредѣленіе. По нему внушеніемъ назы-

---

[1]) См. Обозр. псих. 1898 и Отд. изд. Спб., 1898.

[2]) Dr. L. Lefèvre, Les Phénomènes de suggestion et d'auto-suggestion etc. Paris. 1903.

[3]) См. Löwenfeld. Гипнотизмъ. Переводъ д-ра Ляссъ. Саратовъ. 1903.

вается тотъ случай, когда результатъ обусловливается тѣмъ, что вызываютъ представленіе объ его наступленіи.

По Wundt'у внушеніе есть ассоціація съ сопутствующимъ ей съуженіемъ сознанія по отношенію къ представленіямъ, которыя, возникая, не даютъ противоположнымъ связямъ проявиться.

По Schrenk-Notzing'у внушеніе выражается ограниченіемъ ассоціацій въ отношеніи опредѣленнаго содержанія сознанія.

Vincent говоритъ, что «подъ внушеніемъ мы понимаемъ обыкновенно совѣтъ или приказаніе, въ состояніи же гипноза внушеніе есть произведенное на психику впечатлѣніе, которое вызываетъ за собою непосредственное приспособленіе мозга и всего отъ него зависящаго».

По Hirschlaff'у [1]) подъ внушеніемъ слѣдуетъ понимать со стороны гипнотизёра утвержденіе, немотовированное и не соотвѣтствующее дѣйствительности, со стороны же гипнотизируемаго реализацію этого утвержденія.

Löwenfeld справедливо возстаетъ противъ этого крайне узкаго опредѣленія, такъ какъ согласно этому опредѣленію пришлось бы исключить не только всѣ терапевтическія внушенія, которыя по Hirschlaff'у должны быть разсматриваемы не какъ внушенія, а какъ совѣты, надежды и пр., но и цѣлый рядъ явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ противовнушеній, также долженъ быть исключенъ изъ области внушенія, такъ какъ они стоятъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью.

Да и сколько неопредѣленнаго въ самомъ понятіи «не соотвѣтствующій дѣйствительности». Напр. дается спящему внушеніе: проснувшись, взять со стола папироску и закурить, и онъ выполняетъ это по внушенію. Спрашивается, много ли тутъ несоотвѣтствующаго дѣйствительности, а между тѣмъ безспорно, что мы здѣсь также имѣемъ дѣло съ внушеніемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Приведеніе другихъ опредѣленій внушенія излишне и безполезно, такъ какъ и вышеизложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какъ много путаницы, неяснаго и неопредѣленнаго вводится въ понятіе о внушеніи.

Очень характеристично по этому поводу начинаетъ свою книгу Б. Сидисъ [2]): «Психологи употребляютъ терминъ «внушеніе» такъ безпорядочно что читатель часто не уясняетъ себѣ его настоящаго значенія. Иногда этимъ названіемъ пользуются для означенія тѣхъ случаевъ, когда одна идея ведетъ за собою другую, и такимъ образомъ отождествляютъ внушеніе съ ассоціацией. Нѣкоторые настолько расширяютъ область внушенія, что включаютъ въ нее всякое вліяніе человѣка на своихъ собратій. Другіе съуживаютъ внушеніе и внушаемость до простыхъ симптомовъ истерическаго невроза. Такъ поступаютъ сторонники Сальпетріерской школы. Нансійская же школа называетъ внушеніемъ причину, вызывающую то особое состояніе духа, при которомъ явленія

[1]) См. Löwenfeld, loco cit. стр. 31.

[2]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія. Пер. д-ра Колокодова. Спб. 1902.

внушаемости чрезвычайно выступаютъ впередъ». Само собою разумѣется, что столь неясное положеніе вопроса о внушеніи приводитъ по Б. Сидису къ большой путаницѣ въ психологическихъ изслѣдованіяхъ, относящихся до внушенія, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Самъ Б. Сидисъ, поясняя внушеніе на нѣсколькихъ примѣрахъ, останавливается на опредѣленіи Больдвина [1]), по которому «подъ внушеніемъ понимается большой классъ явленій, типическимъ представителемъ которыхъ служитъ внезапное вторженіе въ сознаніе извнѣ идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечныя и волевыя усилія—свои обычныя послѣдствія». Б. Сидисъ справедливо считаетъ его недостаточнымъ, онъ находитъ во внушеніи еще другія важныя черты, которыя состоятъ въ томъ, что внушеніе воспринимается субъектомъ *безъ критики* и выполняется имъ почти *автоматически*.

Но независимо отъ того во внушеніи имѣется еще элементъ, безъ котораго опредѣленіе является неполнымъ. «Этотъ элементъ или факторъ составляетъ преодолѣніе или обходъ противодѣйствія субъекта. Внушенная идея насильно вводится въ потокъ сознанія, она нѣчто чуждое, нежеланный гость, паразитъ, отъ котораго сознаніе субъекта стремится избавиться. Потокъ сознанія индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость равновѣсія. Этотъ элементъ противодѣйствія имѣлъ въ виду д-ръ I. Grossmann, опредѣляя внушеніе, какъ «процессъ, въ которомъ какое-нибудь представленіе пытается навязаться мозгу» [2]).

Въ концѣ концовъ Б. Сидисъ останавливается на такомъ опредѣленіи внушенія: «Подъ внушеніемъ понимается вторженіе въ умъ какой либо идеи; встрѣченная бо́льшимъ или меньшимъ сопротивленіемъ личности, она наконецъ принимается безъ критики и выполняется безъ обсужденія, почти автоматично» [3]).

Опредѣленіе это, выраженное въ такомъ видѣ, стоитъ довольно близко къ сдѣланному мною ранѣе опредѣленію внушенія, [4]), но тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть признано вполнѣ достаточнымъ. Прежде всего далеко не всегда внушеніе встрѣчается тѣмъ или другимъ сопротивленіемъ со стороны личности внушаемаго лица. Это наблюдается чаще всего въ тѣхъ гипнотическихъ внушеніяхъ, которыя касаются нравственной сферы внушаемаго лица или же противорѣчатъ установившимся отношеніямъ даннаго лица къ тѣмъ явленіямъ, которыя служатъ предметомъ внушенія. Въ большинствѣ же другихъ случаевъ внушеніе входитъ безъ всякаго сопротивленія со стороны лица, которому производится внушеніе, нерѣдко оно проникаетъ въ его психическую сферу совершенно незамѣтно, не смотря даже на то, что дѣйствуетъ въ бодрственномъ состояніи.

---

[1]) Baldiwin «Psychology» vol. II.

[2]) Zeitschrift f. Hupnotismus, August 1893.

[3]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, перев. д-ра М. Колоколова. Спб. 1902 стр. 19.

[4]) См. Бехтеревъ. Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898, стр. 2.

Что это такъ, доказываетъ примѣръ, заимствованный изъ книги Охоровича: «О мысленномъ внушеніи», приводимый самимъ Б. Сидисомъ:

«Мой другъ П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остроумный игралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а мы, остальные, разговаривали около двери. Я замѣтилъ, что мой другъ, когда совсѣмъ погружался въ игру, имѣлъ обыкновеніе насвистывать арію изъ «Madame Angot». Я уже собрался ему въ аккомпаниментъ отбивать ритмъ на столѣ; но въ этотъ разъ онъ сталъ насвистывать маршъ изъ «Пророка».

Послушайте, сказалъ я товарищамъ, мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ «Пророка» на «La fille de madame Angot».

Сначала я сталъ отбивать маршъ, потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно перешелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи моего пріятеля. П. со своей стороны внезапно перемѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать «Madame Angot». Всѣ разсмѣялись. Мой другъ былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевы, чтобы замѣтить что нибудь. «Начнемъ опять, сказалъ я, и вернемся къ «Пророку». Немедленно мы опять услыхали замѣчательную фугу Мейербера. Все, что мой другъ зналъ, было только то, что онъ что-то насвистывалъ».

Нѣтъ надобности пояснять, что здѣсь не было мысленнаго внушенія, а было внушеніе слуховое, которое проникало въ психическую сферу совершенно незамѣтно для внушаемаго лица и безъ всякаго съ его стороны сопротивленія.

То же самое мы имѣемъ и въ другихъ случаяхъ. Возьмемъ еще примѣръ изъ Б. Сидиса:

«У меня въ рукахъ газета, и я начинаю ее свертывать; вскорѣ я замѣчаю, что мой другъ, сидящій противъ меня, свернулъ свою такимъ же образомъ. Мы говоримъ, что это случай внушенія» [1]).

Мы можемъ привести и много другихъ аналогичныхъ примѣровъ, гдѣ внушеніе входитъ въ психическую сферу незамѣтно для самого лица и безъ всякой борьбы и сопротивленія съ его стороны.

Вообще можно сказать, что внушеніе, по крайней мѣрѣ въ бодрственномъ состояніи, гораздо чаще проникаетъ въ психическую сферу именно такимъ незамѣтнымъ образомъ и во всякомъ случаѣ безъ особой борьбы и сопротивленія со стороны внушаемаго лица. Въ этомъ и заключается общественная сила внушенія. Возьмемъ еще примѣръ изъ того же Б. Сидиса: «Среди улицы на площади, на тротуарѣ останавливается торговецъ и начинаетъ изливать цѣлые томы болтовни, льстя публикѣ и восхваляя свой товаръ. Любопытство прохожихъ возбуждено, они останавливаются. Скоро нашъ герой становится центромъ толпы, которая тупо глазѣетъ на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивленіе. Еще нѣсколько минутъ, и толпа начинаетъ покупать вещи, про которыя торговецъ внушаетъ, что онѣ «прекрасныя, дешевыя».

---

[1]) В. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 10.

«Уличный ораторъ взлѣзаетъ на полѣно или на повозку и начинаетъ разглагольствоватъ передъ толпой. Грубѣйшимъ образомъ онъ прославляетъ великій умъ и честность народа, доблесть гражданъ, ловко заявляя своимъ слушателямъ, что съ такими дарованіями они должны ясно видѣть, какъ зависитъ процвѣтаніе страны отъ той политики, которую онъ одобряетъ, отъ той партіи, доблестнымъ поборникомъ которой онъ состоитъ. Его доказательства нелѣпы его мотивы презрѣнны и однако онъ обыкновенно увлекаетъ за собой массу, если только не подвернется другой ораторъ и не увлечетъ её въ другомъ направленіи. Рѣчь Антонія въ «Юліи Цезарѣ» представляетъ превосходный примѣръ внушенія».

Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе внушенія не осуществилось бы, какъ скоро было бы замѣчено всѣми, что торговецъ не въ мѣру расхваливаетъ свои предметы, что уличный ораторъ преувеличиваетъ значеніе своей партіи, вздорнымъ образомъ восхваляя ея заслуги. По крайней мѣрѣ всѣ, для которыхъ ясна вздорность и лживость увѣреній, въ такихъ случаяхъ тотчасъ же отходятъ отъ такихъ ораторовъ, вокругъ которыхъ остается только довѣрчивая толпа слушателей, мало понимающая въ дѣлѣ, не замѣчающая ни грубой лести, ни лживыхъ заявленій и потому легко поддающаяся внушенію.

Итакъ въ дѣйствіи послѣдняго, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ ничего «насильственнаго», нѣтъ ничего такого, что должно быть «преодолѣваемо», наконецъ нѣтъ и ничего такого, отъ чего «сознаніе субъекта стремится избавиться». Все происходитъ самымъ обычнымъ, естественнымъ порядкомъ и однако это есть настоящее внушеніе, которое вторгается въ психическую сферу, какъ тать, и производитъ въ ней роковыя послѣдствія. Нѣтъ конечно надобности доказывать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны человѣка, котораго оно имѣетъ въ виду, и тѣмъ не менѣе оно проникаетъ въ сознаніе, какъ паразитъ, послѣ извѣстной борьбы, почти насильственнымъ способомъ.

Одинъ изъ прекрасныхъ поэтическихъ примѣровъ внушенія, проникающаго въ сознаніе послѣ извѣстной борьбы, представляетъ внушеніе со стороны Яго на Отелло, который первоначально встрѣчаетъ это внушеніе сильнымъ сопротивленіемъ, но затѣмъ постепенно поддается ему, когда «ядъ ревности» начинаетъ совершать въ душѣ Отелло свою губительную работу. Также и нѣкоторыя изъ внушеній, производимыхъ въ гипнозѣ, иногда встрѣчаются извѣстнымъ противодѣйствіемъ со стороны гипнотизируемаго лица. Особенно часто это случается съ лицами, которымъ внушаютъ произвести поступокъ, противорѣчащій ихъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ французскихъ авторовъ по степени сопротивленія лица, которому производятся внушенія, противорѣчащія общепринятымъ нравственнымъ понятіямъ, находили возможнымъ даже опредѣлять нравственность даннаго лица.

Очевидно, что въ гипнозѣ личность б. частью не вполнѣ устраняется, она только потухаетъ въ извѣстной мѣрѣ и, встрѣчая внушеніе, противное убѣжденію, противодѣйствуетъ ему въ той или другой мѣрѣ.

Тѣмъ не менѣе ничего обязательнаго и даже характернаго для внушенія въ противодѣйствіи ему со стороны лица, которому производится внушеніе, мы не имѣемъ, такъ какъ множество внушеній вступаетъ въ психическую сферу того или другого лица безъ малѣйшаго сопротивленія съ его стороны. Одному лицу, находящемуся въ бодрственномъ состояніи, я говорю, что у него начинаетъ стягивать руку въ кулакъ, что всю его руку охватываетъ судорога и ее притягиваетъ къ плечу, и это внушеніе тотчасъ же осуществляется. Другому я говорю, что онъ не можетъ брать рукой окружающихъ предметовъ, что она у него парализована, и оказывается, что съ этихъ поръ въ самомъ дѣлѣ онъ лишился употребленія руки. Все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по прежнему владѣютъ своей рукой. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нѣтъ и тѣни сопротивленія.

Поэтому мы не можемъ согласиться съ Б. Сидисомъ, когда онъ говоритъ, что «черта сопротивленія есть *основная* часть внушенія или что «потокъ сознанія индивидуума борется со внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость равновѣсія». Въ этой борьбѣ и въ сопротивленіи для внушенія нѣтъ никакой необходимости, вслѣдствіе чего сопротивленіе личности не можетъ и не должно входить въ опредѣленіе внушенія. Нельзя также думать, что внушеніе не допускаетъ критики. Сопротивленіе внушенію, гдѣ оно имѣется, вѣдь и основано на критикѣ, на уясненіи внутренняго противорѣчія внушаемой идеи съ убѣжденіями даннаго лица, на несогласіи съ нимъ его «я». Иначе вѣдь не было бы и сопротивленія. Отсюда очевидно, что внушеніе въ извѣстныхъ случаяхъ не исключаетъ даже и критики, не переставая быть въ то же время внушеніемъ.

Это обычно замѣчается въ слабыхъ степеняхъ гипноза, когда личность еще относится съ критикой ко всему окружающему и въ томъ числѣ къ внушенію. Одному лицу я внушаю въ гипнозѣ, что по пробужденіи онъ долженъ взять со стола фотографическую карточку, которую онъ увидитъ. Когда онъ проснулся, онъ почти тотчасъ же осматриваетъ поверхность стола и останавливаетъ свой взоръ на опредѣленномъ мѣстѣ. Вы что нибудь видите, спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь съ нимъ, намѣреваясь уйти; но онъ все еще обращаетъ свой взоръ на столъ. Не нужно ли вамъ что нибудь сдѣлать?—спрашиваю я. «Мнѣ хотѣлось взять эту карточку, но мнѣ ее не надо!» отвѣчаетъ онъ и уходитъ, не выполнивъ внушенія и очевидно борясь съ нимъ. Очень хорошій тому примѣръ мы находимъ также у Б. Сидиса. Человѣку, находящемуся въ слабой степени гипноза, дѣлается внушеніе, что онъ, услышавъ стукъ, возьметъ сигаретку и зажжетъ ее. «Пробудившись онъ помнилъ все. Я быстро стукнулъ нѣсколько разъ. Онъ всталъ со стула, но сейчасъ же сѣлъ опять и, смѣясь, воскликнулъ: «Нѣтъ я не стану этого дѣлать!». «Что дѣлать?» спросилъ я. «Зажечь сигаретку, это безсмыслица!» А вамъ очень хотѣлось это сдѣлать?» спросилъ я, представляя желаніе прошедшимъ, хотя

было ясно, что онъ теперь съ нимъ борется. Онъ не отвѣтилъ. Я снова спросилъ: «Вы очень желали это сдѣлать?» «Не очень» отвѣчалъ онъ коротко и уклончиво».

Такимъ образомъ «принятіе безъ критики внушенныхъ идей и дѣйствій» также не составляетъ безусловной необходимости для внушенія, хотя и безспорно, что большинство внушеній входитъ въ психическую сферу, какъ о томъ говорилось ранѣе, безъ всякаго сопротивленія.

Равнымъ образомъ полнаго автоматизма мы не находимъ и въ осуществленіи внушенія. Извѣстно, какъ часто мы встрѣчаемъ даже у лицъ, погруженныхъ въ гипнозъ, что внушеніе осуществляется не безъ нѣкоторой борьбы. То же мы наблюдаемъ и въ случаяхъ послѣгипнотическаго внушенія. Иногда эта борьба кончается тѣмъ, что внушеніе, бывшее на пути къ осуществленію, въ концѣ концовъ остается не осуществленнымъ вовсе, какъ это было въ только что приведенныхъ примѣрахъ. Правда это противодѣйствіе бываетъ различно, смотря по силѣ внушенія, по его характеру, по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ, тѣмъ не менѣе оно возможно и во многихъ случаяхъ существуетъ. Слѣдовательно и двигательный автоматизмъ далеко не можетъ считаться неотъемлемой принадлежностью внушенія.

Итакъ, внушеніе входитъ часто въ психическую сферу незамѣтно, безъ всякаго насилія, иногда вызываетъ борьбу со стороны личности внушаемаго субъекта, подвергается съ его стороны даже критикѣ и выполняется далеко не всегда автоматично.

Надо впрочемъ замѣтить, что въ другихъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно входитъ въ психическую сферу какъ бы насильственнымъ образомъ, и, будучи принято безъ всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполнѣ автоматически. Примѣромъ такихъ внушеній можетъ служить способъ внушенія аббата Faria, дѣйствовавшаго однимъ приказаніемъ. Къ этому же порядку внушенія относится и всѣмъ извѣстная команда, которая основана вездѣ и всюду не столько на силѣ страха за непослушаніе и на сознаніи раціональности подчиненія, сколько на дѣйствительномъ внушеніи, которое въ этомъ случаѣ врывается въ сознаніе насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумыванія и критики, приводитъ къ автоматическому выполненію внушенія.

Очевидно, что сущность внушенія заключается не въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ его особенностяхъ, а въ особомъ отношеніи внушеннаго къ «я» субъекта во время воспріятія внушенія и его осуществленія. Вообще говоря, внушеніе есть одинъ изъ способовъ воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, которое производится намѣренно или ненамѣренно со стороны внушающаго лица и которое можетъ происходить или незамѣтно для лица, которому производится внушеніе, или же съ его вѣдома и согласія.

Для выясненія сущности внушенія мы должны имѣть въ виду, что наше воспріятіе можетъ быть активнымъ и пассивнымъ. При первомъ обязательно участвуетъ «я» субъекта, которое направляетъ вниманіе, сообразуясь

съ ходомъ нашего мышленія и окружающихъ условій, на тѣ или другіе предметы и явленія. Послѣднія, входя въ психическую сферу при участіи вниманія и усваиваясь путемъ обдумыванія и размышленія, становятся прочнымъ достояніемъ личнаго сознанія или нашего «я».

Этотъ родъ воспріятія, приводя къ обогащенію нашего личнаго сознанія, лежитъ въ основѣ нашихъ взглядовъ и убѣжденій, такъ какъ дальнѣйшимъ результатомъ активнаго воспріятія является работа нашей мысли, приводящая къ выработкѣ болѣе или менѣе прочныхъ убѣжденій. Послѣднія, входя въ содержаніе нашего личнаго сознанія, временно скрываются за порогомъ сознанія, но такъ, что каждую минуту по желанію «я» они вновь могутъ быть оживлены путемъ воспроизведенія пережитыхъ представленій.

Но кромѣ активнаго воспріятія многое изъ окружающаго міра мы воспринимаемъ пассивно безъ всякаго участія нашего «я», когда вниманіе наше чѣмъ либо занято, напр. при сосредоточеніи на какой либо мысли или когда вниманіе наше, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, ослаблено, какъ это наблюдается, напр. въ состояніи разсѣянности. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предметъ воспріятія не входитъ въ сферу личнаго сознанія, а проникаетъ въ другія области нашей психической сферы, которыя мы можемъ назвать общимъ сознаніемъ. Это послѣднее является достаточно независимымъ отъ личнаго сознанія, благодаря чему все, что входитъ въ сферу общаго сознанія, не можетъ быть нами по произволу вводимо въ сферу личнаго сознанія. Но тѣмъ не менѣе продукты общаго сознанія могутъ при извѣстныхъ условіяхъ входить и въ сферу личнаго сознанія, причемъ источникъ ихъ первоначальнаго возникновенія не всегда даже и распознается личнымъ сознаніемъ.

Цѣлый рядъ разнородныхъ впечатлѣній, входящихъ въ психическую сферу при пассивномъ воспріятіи безъ всякаго участія вниманія и проникающихъ непосредственно въ сферу общаго сознанія, помимо нашего «я», образуетъ тѣ неуловимыя для насъ самихъ воздѣйствія окружающаго міра, которыя отражаются на нашемъ самочувствіи, придавая ему нерѣдко тотъ или другой чувственный тонъ, и которыя лежатъ въ основѣ неясныхъ мотивовъ и побужденій, нерѣдко нами испытываемыхъ при тѣхъ и другихъ случаяхъ. Сфера общаго сознанія вообще играетъ особую роль въ психической сферѣ каждаго лица. Иногда впечатлѣніе, воспринятое пассивно, входитъ, благодаря случайному сцѣпленію идей, и въ сферу личнаго сознанія въ видѣ умственнаго образа, новизна котораго насъ поражаетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ образъ этотъ, принимая пластическія формы, возникаетъ въ видѣ особаго внутренняго голоса, напоминающаго навязчивую идею, или даже въ видѣ сновидѣнія или настоящей галлюцинаціи, происхожденіе которой обычно лежитъ въ сферѣ продуктовъ дѣятельности общаго сознанія. Когда личное сознаніе ослабѣваетъ, какъ это мы наблюдаемъ во снѣ или въ глубокомъ гипнозѣ, то на сцену сознанія выдвигается работа общаго сознанія, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни съ условіями дѣятельности личнаго сознанія, вслѣдствіе чего въ сно-

видѣніяхъ, какъ и въ глубокомъ гипнозѣ, представляется возможнымъ все то, о чемъ мы не можемъ даже и помыслить въ сферѣ личнаго сознанія.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что внушеніе относится именно къ порядку тѣхъ воздѣйствій на психическую сферу, которое происходитъ помимо нашего «я», проникаетъ непосредственно въ сферу общаго сознанія. Еще въ своей работѣ: «Роль внушенія въ общественной жизни» (Спб. 1898 г.) я опредѣлилъ внушеніе послѣ соотвѣтствующихъ разъясненій слѣдующимъ образомъ:

«Такимъ образомъ, внушеніе сводится къ непосредственному прививанію тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому,—прививанію, происходящему безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны сознанія». Я пояснилъ при этомъ, что «въ этомъ опредѣленіи содержится существенное отличіе внушенія, какъ способа психическаго воздѣйствія одного лица на другое, отъ убѣжденія, производимаго всегда не иначе, какъ при посредствѣ логическаго мышленія и *съ участіемъ личнаго сознанія*».

Все, что входитъ въ сферу *личнаго* сознанія, вступаетъ въ соотношеніе съ нашимъ «я» и, такъ какъ все въ личномъ сознаніи, благодаря отношенію къ «я», находится въ строгомъ соотвѣтствіи и координаціи, служащей выраженіемъ единства личности, то очевидно, что все, входящее въ сферу личнаго сознанія, должно подвергаться соотвѣтственной критикѣ и переработкѣ, приводящей къ убѣжденію. Но несомнѣнно также, что кромѣ убѣжденія, дѣйствующаго на другое лицю силой логики и непреложными доказательствами и возникающаго при посредствѣ личнаго сознанія, слѣдуетъ различать внушеніе, дѣйствующее на психическую сферу «путемъ непосредственнаго прививанія психическихъ состояній, т. е. идей, чувствованій и ощущеній» [1]), не требуя участія личнаго сознанія и логики.

Я и теперь долженъ поддерживать тотъ же взглядъ и полагаю, что внушеніе, въ отличіе отъ убѣжденія, проникаетъ въ психическую сферу помимо личнаго сознанія, входя безъ особой переработки непосредственно въ сферу общаго сознанія и укрѣпляясь здѣсь, какъ всякій вообще предметъ пассивнаго воспріятія.

Когда по внушенію у человѣка развивается судорога въ рукѣ или наоборотъ рука совершенно парализуется, спрашивается, что обусловливаетъ осуществленіе этого внушенія? Непосредственное проникновеніе внушаемой идеи въ сферу сознанія, не координированную съ «я» субъекта, вслѣдствіе чего послѣднее не властно надъ этимъ внушеніемъ и не можетъ ему противодѣйствовать. Но что мѣшаетъ «я» съ его волевымъ вниманіемъ допустить внушеніе проникнуть въ общее сознаніе? Отчего оно не вводитъ его въ сферу личнаго сознанія? Оттого, что воля парализуется вѣрой въ силу гипноза и внушенія и субъектъ не можетъ на внушеніи сосредоточить волевого вниманія, оно улав-

[1]) См. Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898.

ливается лишь непроизвольнымъ вниманіемъ, которое и вводитъ внушеніе въ сферу общаго, а не личнаго сознанія, давая тѣмъ самымъ извѣстный просторъ автоматизму.

Такимъ образомъ, если бы подъ внушеніемъ мы понимали всякое вообще непосредственное вліяніе на человѣка помимо его «я» или личнаго сознанія, то мы могли бы отождествить эту форму воздѣйствія на насъ окружающихъ условій съ формой пассивнаго воспріятія, происходящаго безъ всекаго участія «я» субъекта. Но подъ внушеніемъ обыкновенно принято понимать воздѣйствіе одного лица на другое, которое очевидно происходитъ при посредствѣ пассивнаго воспріятія, т. е. помимо участія личнаго сознанія или «я» субъекта въ отличіе отъ воздѣйствія иного рода, происходящаго всегда при посредствѣ активнаго вниманія съ участіемъ личнаго сознанія и состоящаго въ логическомъ убѣжденіи, приводящемъ къ выработкѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ. Внушеніе и убѣжденіе такимъ образомъ являются двумя основными формами воздѣйствія одного лица на другое. Хотя въ числѣ способовъ психическаго воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ кромѣ убѣжденія и внушенія мы можемъ различать еще приказаніе, какъ требованіе, предполагающее за собой силу, способную заставить выполненіе приказываемаго, и примѣръ, возбуждающей подражаніе, а также совѣты, надежды, желанія и пр. Но эти формы воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, кромѣ чисто автоматическаго подражанія, по моему мнѣнію, не могутъ быть причисляемы къ основнымъ, такъ какъ при анализѣ нетрудно убѣдиться, что какъ приказаніе, такъ и примѣръ дѣйствуютъ частью путемъ того же убѣжденія, частью путемъ внушенія. Несомнѣнно, что въ извѣстной мѣрѣ и приказаніе, и примѣръ дѣйствуютъ совершенно подобно внушенію и даже не могутъ быть отъ него отличаемы; въ остальномъ же какъ приказаніе, такъ и примѣръ, дѣйствуя на разумъ человѣка, могутъ быть вполнѣ уподоблены логическому убѣжденію.

Такъ, приказъ дѣйствуетъ прежде всего силой страха за возможныя послѣдствія непослушанія, чрезъ сознаніе необходимости выполненія въ силу разумности подчиненія вообще и т. п. Въ этомъ отношеніи приказаніе дѣйствуетъ совершенно подобно убѣжденію. Но независимо отъ того приказаніе дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ и непосредственно на психическую сферу, какъ внушеніе. Какъ извѣстно, терминъ «внушеніе» до введенія его въ психологію предпочтительно употреблялся публикой для выраженія властнаго вліянія одного лица на другое. Лучшимъ примѣромъ вліянія приказа, какъ внушенія, можетъ служить команда, которая дѣйствуетъ, какъ извѣстно, не только путемъ страха предъ послѣдствіями за непослушаніе, но и путемъ прямого внушенія, не давая возможности здраво обсудить предметъ команды. Точно также и примѣръ, съ одной стороны, дѣйствуетъ несомнѣнно на разумъ путемъ убѣжденія въ полезности того, что человѣкъ видитъ и слышитъ, съ другой стороны примѣръ можетъ дѣйствовать и на подобіе психической заразы, иначе говоря, путемъ прямаго внушенія, какъ совершенно невольное и безотчетное подражаніе.

Въ этомъ отношеніи мы напомнимъ о заразительномъ вліяніи публичныхъ казней, о самоубійствахъ изъ подражанія, о передачѣ путемъ подражанія судорожныхъ болѣзненныхъ формъ и т. п.

Что касается другихъ формъ воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, какъ требованіе, совѣты, выраженіе надежды или желанія, то въ сущности онѣ не имѣютъ въ виду ничего болѣе, какъ предоставить матеріалъ для сужденія другому лицу, а слѣдовательно имѣютъ въ виду поддержать или укрѣпить въ немъ опредѣленное убѣжденіе, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ и эти формы воздѣйствія могутъ вліять непосредственно на сознаніе на подобіе внушенія.

Такимъ образомъ какъ приказаніе, такъ и примѣръ, а равно и другія формы психическаго воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ дѣйствуютъ въ однихъ случаяхъ путемъ убѣжденія, въ другихъ случаяхъ путемъ внушенія, чаще же они дѣйствуютъ одновременно и какъ убѣжденіе, и какъ внушеніе и потому не могутъ быть разсматриваемы, какъ самостоятельные способы воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, подобно убѣжденію и внушенію.

Löwenfeld между прочимъ настаиваетъ на различіи въ опредѣленіяхъ самого процесса внушенія (suggeriren) отъ результата его, извѣстнаго подъ названіемъ собственно внушенія (suggestion). Само собою разумѣется, что это два различные процесса, которые не должны быть смѣшиваемы другъ съ другомъ. Но по нашему убѣжденію только такое опредѣленіе и можетъ быть признано наиболѣе подходящимъ и болѣе правильнымъ, которое обнимаетъ и самый способъ воздѣйствія, характерный для процесса внушенія, и результатъ этого воздѣйствія. Дѣло въ томъ, что для послѣдняго характеренъ не только результатъ, но и самый способъ, какимъ онъ достигнутъ, равно какъ для процесса внушенія характеренъ не только самый процессъ или способъ воздѣйствія на психическую сферу, но и результатъ этого воздѣйствія. Поэтому то и въ словахъ «внушать» мы подразумѣваемъ не только особый способъ воздѣйствія на то или другое лицо, но и возможный результатъ этого воздѣйствія, и съ другой стороны въ словѣ «внушеніе» мы подразумѣваемъ не только достигнутый результатъ въ психической сферѣ даннаго лица, но и въ извѣстной мѣрѣ тотъ способъ, который привелъ къ этому результату.

По нашему мнѣнію въ понятіи внушенія прежде всего содержится элементъ непосредственности воздѣйствія. Будетъ ли внушеніе производиться постороннимъ лицомъ при посредствѣ слова, или воздѣйствіе производится при посредствѣ какого либо явленія или дѣйствія, т. е., имѣемъ ли мы словесное или конкретное внушеніе, оно всегда вліяетъ не путемъ логическаго убѣжденія, а непосредственно воздѣйствуетъ на психическую сферу, помимо сферы личнаго сознанія или по крайней мѣрѣ безъ переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходитъ настоящее прививаніе идеи, чувства, эмоціи или того или иного психо-физическаго состоянія.

Равнымъ образомъ и тѣ состоянія, которыя извѣстны подъ названіемъ самовнушенія и которыя не требуютъ постороннихъ воздѣйствій, возникаютъ

обычно непосредственно въ психической сферѣ, когда, напр., то или другое представленіе проникло въ сознаніе, какъ нѣчто готовое въ формѣ внезапно явившейся и поразившей сознаніе мысли, въ формѣ того или иного сновидѣнія, въ формѣ видѣннаго примѣра и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ психическія воздѣйствія, возникающія помимо посторонняго вмѣшательства, прививаются къ психической сферѣ также непосредственно въ обходъ критикующаго и самосознающаго «я» или того, что мы называемъ личнымъ сознаніемъ.

Такимъ образомъ внушать—значитъ болѣе или менѣе непосредственно прививать къ психической сферѣ другого лица идеи, чувства, эмоціи и другія психо-физическія состоянія, иначе говоря воздѣйствовать такъ, чтобы по возможности не было мѣста критикѣ и сужденію; подъ внушеніемъ же слѣдуетъ понимать непосредственное прививаніе къ психической сферѣ даннаго лица идеи, чувства, эмоціи и другихъ психо-физическихъ состояній, помимо его «я», т. е. въ обходъ его самосознающей и критикующей личности.

Если внушеніе есть ничто иное, какъ воздѣйствіе одного лица на другое путемъ непосредственнаго прививанія идеи, чувства, эмоціи и другихъ психофизическихъ состояній безъ участія личнаго сознанія даннаго лица, которому производится внушеніе, то очевидно, что оно можетъ проявляться легче всего въ томъ случаѣ, когда проникаетъ въ психическую сферу или незамѣтно, вкрадчиво, при отсутствіи особаго сопротивленія со стороны «я» субъекта, или по крайней мѣрѣ при пассивномъ отношеніи послѣдняго къ предмету внушенія или же, когда оно сразу подавляетъ психическое «я», устраняя всякое сопротивленіе со стороны послѣдняго.

Опытъ дѣйствительно подтверждаетъ это, такъ какъ внушеніе можетъ быть вводимо въ психическую сферу или мало-по-малу, путемъ постоянныхъ заявленій одного и того же рода, или же сразу на подобіе повелительнаго приказа.

Но безъ сомнѣнія внушеніе легче всего удается въ гипнозѣ, при которомъ личное сознаніе утрачивается въ большей или меньшей степени и на сцену выступаетъ сфера общаго или безличнаго сознанія. Когда личное сознаніе ослабѣло, или утрачено, какъ въ гипнозѣ, то естественно, что внушеніе входитъ непосредственно въ сферу общаго сознанія, минуя «я» субъекта и не встрѣчая съ его стороны какого либо противодѣйствія, по крайней мѣрѣ въ болѣе глубокихъ степеняхъ гипноза.

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ гипноза противодѣйствіе внушеніямъ и существуетъ, то степень этого противодѣйствія во всякомъ случаѣ находится въ извѣстной зависимости отъ глубины гипноза. Чѣмъ послѣдній глубже, тѣмъ и внушеніе встрѣчаетъ меньше сопротивленія. Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что и характеръ внушенія вліяетъ на сопротивляемость субъекта, такъ какъ только внушенія, противорѣчащія всему складу даннаго лица и особенно его нравственнымъ воззрѣніямъ, встрѣчаютъ обыкновенно то или другое противодѣйствіе со стороны гипнотизируемаго лица. Но это противодѣйствіе далеко не такого рода, чтобы опытный гипнотизаторъ не могъ его обойти и преодолѣть.

Только что указанный фактъ объявляется очевидно тѣмъ, что въ менѣе глубокомъ гипнозѣ «я» субъекта, т. е. его личное сознаніе, если и остается, то въ общемъ далеко не отличается такой стойкостью, какъ въ нормальномъ состояніи, благодаря чему и противодѣйствіе его не можетъ быть столь полнымъ и совершеннымъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ.

О силѣ дѣтской памяти.

А. П. Нечаева.

Великая эпоха возрожденія наукъ и искусствъ послужила началомъ возрожденія и для школьнаго дѣла. Гуманисты ясно показали недостатки схоластической системы воспитанія и подготовили почву для плодотворной дѣятельности Коменскаго, Локка и Руссо, этихъ родоначальниковъ новой педагогіи. Что же новаго внесли эти писатели въ пониманіе школьнаго дѣла? Въ чемъ заключалась убійственная сила ихъ критики средневѣковыхъ пріемовъ воспитанія? Что заставляетъ насъ ставить рядомъ имена этихъ трехъ писателей, столь различныхъ между собою и по общественному положенію, и по характеру, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія на многіе вопросы?

Не останавливаясь на частностяхъ, можно сказать, что сила всѣхъ этихъ писателей заключалась въ глубокомъ пониманіи необходимости согласовать пріемы воспитанія и обученія съ особенностями психическаго развитія воспитанника. Всѣ главные недочеты схоластическаго воспитанія, съ точки зрѣнія этихъ великихъ педагоговъ происходили отъ незнанія дѣтской природы и неумѣнія понять ея отличіе отъ душевной жизни взрослаго человѣка. Душевныя силы учащихся то переоцѣнивались, то, напротивъ, оцѣнивались слишкомъ низко. Съ одной стороны, дѣтямъ предлагаютъ для изученія книги, которыя, по своей формѣ и содержанію, соотвѣтствуютъ запросамъ взрослаго, а иногда и философски подготовленнаго человѣка (вспомнимъ, напримѣръ, что однимъ изъ распространенныхъ пособій въ схоластическихъ школахъ была книга Боеція «De consolatione»); съ другой стороны, въ общемъ отношеніи къ учащимся сказывается взглядъ на нихъ, какъ на существа, несравненно болѣе низкія, чѣмъ учитель или воспитатель,—существа безъ правъ на личное уваженіе и свое индивидуальное счастье.

Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, на которые обратили вниманіе великіе основатели новой педагогики, былъ вопросъ о воспитаніи памяти. Это, дѣйствительно былъ вопросъ, нуждавшійся въ особенномъ изученіи. Стоитъ лишь почитать описанія занятій въ средневѣковой школѣ для того, чтобы понять въ какую мучительную, тупоумную работу обращались тогда упражненія въ заучиваніи, какой грубый, невѣжественный взглядъ на развитіе памяти лежалъ въ ея основѣ!

Что же произошло съ тѣхъ поръ? Насколько подвинулось теперь пониманіе особенностей дѣтской памяти?

Вопросъ этотъ чрезвычайно сложенъ, и въ настоящей замѣткѣ я не берусь разсмотрѣть его во всей полнотѣ. Мнѣ хочется теперь коснуться только одной стороны его, а именно—вопроса о *силѣ* дѣтской памяти.

Недавно еще было время, когда убѣжденіе въ особенной силѣ дѣтской памяти было господствующимъ и когда, подъ вліяніемъ этого убѣжденія, старались пріурочить къ дѣтству и отрочеству запоминаніе по возможности всего того, чѣмъ впослѣдствіи долженъ пользоваться умъ: заучивалось безконечное количество иностранныхъ словъ, грамматическихъ правилъ и исключеній, которыя могли «пригодиться впослѣдствіи», зубрилось множество географическихъ и историческихъ именъ, которыя «впослѣдствіи могли встрѣтиться», и т. п. Педагоги какъ будто боялись, что вотъ упустишь время, когда память отличается особенной силой, а потомъ человѣкъ и не сможетъ, какъ слѣдуетъ, запомнить того, что ему надо. Практическія слѣдствія отсюда были самыя печальныя. Предлагая учащимся запоминать матеріалъ, цѣнность котораго для умственной работы выяснится имъ только нѣсколько лѣтъ спустя, заставляли ихъ нести скучный, подневольный трудъ, который естественно могъ внушать имъ мысль, что пріобрѣтеніе знаній не радость жизни, а истинное несчастье, подстроенное злыми учителями. Эта мысль поддерживалась не только неинтересностью учебной работы, но и ея чрезмѣрнымъ количествомъ, которое, въ свою очередь опять-таки находило свое оправданіе въ убѣжденіи, что дѣтская и отроческая память отличаются особенной силой. Какъ же! Надо было возможно лучше использовать это драгоцѣнное время и заставить ученика *именно въ этотъ періодъ* запомнить какъ можно больше изъ того, что ему «пригодится впослѣдствіи»!..

Слава Богу, въ настоящее время мы можемъ съ увѣренностью сказать, что подобнаго рода педагогическіе пріемы были основаны на психологическихъ заблужденіяхъ, вытекали изъ неправильнаго взгляда на развитіе памяти въ школьномъ возрастѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ психологія изъ метафизической науки начала превращаться въ строго-наблюдательную, явился настойчивый вопросъ; на какихъ собственно фактахъ строится утвержденіе, будто въ дѣтствѣ и отрочествѣ память отличается особенной силой?

При обсужденіи этого вопроса, на первыхъ порахъ (какъ обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отдавать отчетъ въ застарѣлыхъ предразсудкахъ) часто допускалась ошибка, которая въ логикахъ извѣстна подъ именемъ *petitio principii*: желая *доказать существованіе* особенной силы дѣтской памяти, ссылались не на факты, наблюдаемые въ дѣтствѣ, а на другія явленія, которыя объяснялись *предположеніемъ* особенной силы дѣтской памяти. Говорили: посмотрите на стариковъ, они многое забыли изъ пережитаго въ позднѣйшее время, а дѣтскія воспоминанія у нихъ еще крѣпко держатся! Это оттого, что память въ дѣтствѣ особенно сильна!... Но вѣдь

здѣсь намъ дается не наблюденіе надъ процессомъ запоминанія у дѣтей, а наблюденіе надъ процессомъ воспоминанія у стариковъ, при чемъ это наблюденіе *объясняется* (и, съ моей точки зрѣнія, совершенно невѣрно [1]) *предположеніемъ* особенной силы памяти въ дѣтствѣ. Такія ссылки неубѣдительны. Мы должны поискать другихъ фактовъ. Гдѣ же они?

Если мы будемъ приводить отдѣльныя случайныя наблюденія надъ запоминаніемъ дѣтьми тѣхъ или другихъ фактовъ, о которыхъ позабыли даже взрослые, наблюдавшіе вмѣстѣ съ дѣтьми данный рядъ явленій, то это опять таки не будетъ убѣдительнымъ доказательствомъ особенной силы дѣтской памяти: вѣдь вопросъ идетъ не о томъ, *есть-ли* память въ дѣтствѣ и могутъ ли дѣти, *при однихъ условіяхъ*, прочно запоминать то, что взрослые *при другихъ условіяхъ* запоминаютъ плохо... Если ребенокъ запомнилъ форму пуговицы у знакомаго «дяди», а мы, разговаривая съ этимъ «дядей», хотя и смотрѣли на пуговицу, но запомнили не ее, а содержаніе разговора, то, конечно, на основаніи этого, нельзя еще утверждать, что у ребенка память сильнѣе, чѣмъ у насъ. Сравненіе силъ возможно только при испытаніи ихъ въ равныхъ условіяхъ. Но что же мы видимъ при подобнаго рода испытаніяхъ?

Эксперименты, производившіеся въ этомъ направленіи въ Англіи, Америкѣ, Германіи, Франціи, Швейцаріи и Россіи [2]), показали, что если предлагать лицамъ разнаго возраста (отъ 3 до 40 лѣтъ) запоминать ряды впечатлѣній, данныхъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то результаты запоминанія, въ общемъ, оказываются лучшими у лицъ болѣе старшаго возраста: изъ даннаго ряда впечатлѣній (словъ, чиселъ, буквъ, слоговъ, картинъ, знаковъ, звуковъ и пр.), воспринятыхъ одинаковое число разъ и въ одинъ и тотъ же періодъ времени дѣти въ состояніи воспроизвести несравненно меньше, чѣмъ взрослые. При этомъ обнаружилось, что память дѣтей школьнаго возраста растетъ не прямо пропорціонально количеству лѣтъ испытуемыхъ. Въ ростѣ памяти замѣчаются извѣстныя колебанія, аналогичныя тѣмъ, какія наблюдаются при изслѣдованіяхъ физическаго развитія дѣтей. Въ частности обнаружилось, что съ наступленіемъ перваго періода полового развитія (12—14 лѣтъ) сила памяти временно падаетъ. Не этотъ ли фактъ, недостаточно изслѣдованный и односторонне понятый, послужилъ основаніемъ для утвержденія Бенеке [3]) (а вслѣдъ за нимъ

---

[1]) Ср. мой «Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей» ч. I стр. 73 (1903 г.).

[2]) *Jacobs*, Mind, v. XII, 1887; *Bolton*, The American Journal of Psychology, vol. IV, 1891; *Bourdon*, Revue philosophique, t. 37, 1894; *Lobsien*, Zeitschr. für Psychologie, Bd. 27, 1901; *Meumann*, Über Ökonomie und Technik des Lernens, Leipzig, 1903; *Нечаевъ*, Современная экспер. психологія въ ея отнош. къ вопр. школьнаго обученія, Спб. 1901; Труды по Экспер. педагогич. психологіи, подъ ред. Нечаева, вып. I—II, 1901, 1902; *Кауфманъ*, *Нечаевъ* и *Тычино*, Русская Школа, 1903, янв.

[3]) *Бенеке*, Руководство къ воспитанію и обученію, § 22.

и Ушинскаго) [1]), что «у большей части дѣтей уже довольно рано (часто даже ранѣе двѣнадцатаго года) замѣчается извѣстное ослабленіе памяти»? *Временный* упадокъ (или, лучше сказать, временная задержка) въ развитіи памяти былъ принятъ не только за *окончательную* остановку въ ея развитіи, но даже за начало обратнаго процесса. Дѣйствительно, и Бенеке, и Ушинскій всякое проявленіе усиленной памяти въ послѣдующіе возрасты стараются объяснить не какъ дѣйствіе памяти, взятой, такъ сказать, самой по себѣ, а какъ результатъ развитія другихъ способностей, содѣйствующихъ памяти. Бенеке выражается по этому поводу очень ясно: «Память,—говоритъ онъ,—дѣйствительно усиливается съ годами, но, слѣдуетъ замѣтить, усиливается *только въ тѣхъ отношеніяхъ*, въ которыхъ уже *ранѣе возникшіе слѣды* могутъ служить матеріалами для образованія *новыхъ комбинацій*». То же самое приблизительно говоритъ и Ушинскій: «Въ юности, когда въ человѣкѣ пробуждаются съ особенною силою и идеальныя стремленія, и тѣлесныя страсти, работа механической памяти естественно становится на второй планъ; но мы ошиблись бы, сказавъ, что память вообще въ юношескомъ возрастѣ ослабѣваетъ. Она такъ же сильна, но только въ отношеніи тѣхъ ассоціацій, которыя находятся въ связи съ стремленіями юности».

Мы видимъ, что даже такіе великіе педагоги, какъ Бенеке и Ушинскій, были сбиты съ толку недостаточно полными (въ то время) наблюденіями надъ развитіемъ памяти до и послѣ наступленія періода половой зрѣлости. И на этой почвѣ развилось столь распространенное въ настоящее время мнѣніе, будто послѣ 12—14 лѣтъ можетъ усиливаться одна только «разсудочная» память, память же «механическая» ослабѣваетъ. Насколько это мнѣніе противорѣчитъ фактамъ, можно судить по слѣдующему заключенію *Вундта*, сдѣланному имъ на основаніи цѣлаго ряда экспериментальныхъ изслѣдованій разныхъ авторовъ: «По очень распространенному мнѣнію у зрѣлаго человѣка должна быть сильнѣе логическая память, а у ребенка—механическая. Это различіе можно было бы признать вѣрнымъ развѣ только въ томъ отношеніи, что взрослый обыкновенно не находитъ никакого интереса въ какомъ бы то ни было механическомъ запоминаніи и поэтому вообще не тратитъ на него усилій, между тѣмъ какъ ребенокъ принуждается къ этому. Но, взятое само по себѣ, это положеніе ложно. *Память взрослаго человѣка вообще отличается большей производительностью, чѣмъ память ребенка* — и это обнаруживается при заучиваніи безсмысленнаго матеріала такъ же ясно, какъ и при запоминаніи матеріала, имѣющаго логическую связь» [2]).

Итакъ, всѣ точныя изслѣдованія, произведенныя до сихъ поръ надъ развитіемъ памяти въ разномъ возрастѣ, говорятъ одно: у насъ нѣтъ ровно никакихъ фактовъ, которые позволяли бы утверждать, что память въ дѣтствѣ

[1]) *Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, I, XXV.
[2]) *Wundt*, Grundzüge der physiologischen Psychologie, 1903, III, 594.

отличается особенной силой, и, напротивъ, есть масса наблюденій, показывающихъ, что съ возрастомъ (по крайней мѣрѣ отъ 3 до 40 лѣтъ) способность запоминанія увеличивается. Конечно, въ данномъ случаѣ открывается большой просторъ для разныхъ теорій, желающихъ объяснить, *почему* съ возрастомъ увеличивается способность запоминанія: дѣйствуетъ ли здѣсь память «въ собственномъ смыслѣ этого слова»? или память «не въ собственномъ смыслѣ»? или, быть можетъ, все дѣло въ разномъ характерѣ вниманія у дѣтей и взрослыхъ? или, быть можетъ, память сама по себѣ даже вовсе не существуетъ?.. теперь мы этими вопросами заниматься не будемъ. Насъ интересуетъ не столько терминологія, сколько самый фактъ, взятый въ его педагогическомъ значеніи. Можно ли утверждать, что работа заучиванія (въ какомъ бы то ни было отношеніи) дѣтямъ дается легче и приводитъ къ болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ заучиваніе въ болѣе позднемъ возрастѣ? Слѣдуетъ ли, на основаніи этого стараться нагромождать на первые годы школьнаго обученія побольше «механическаго матеріала», который «пригодится впослѣдствіи»? Или, обдумывая школьную работу учащихся, мы должны почаще ставить себя на ихъ мѣсто и помнить, что работа, тяжелая для нашей собственной памяти, подавно будетъ тяжела для ребенка?..

Недавно П. Ѳ. Каптеревъ, въ статьѣ «О дѣтской памяти», написанной по поводу моей книги [1]), придалъ старому мнѣнію объ особенной силѣ дѣтской памяти нѣсколько новый оборотъ. Онъ находитъ, что «не безъ основанія можно говорить *объ особенно сильной дѣтской памяти*, придавая этому выраженію *не тотъ смыслъ, чтобы* дѣтская память не могла усовершенствоваться, чтобы *она превосходила по силѣ памяти дальнѣйшихъ возрастовъ*, а въ смыслѣ *преобладанія процессовъ запоминанія надъ прочими умственными процессами дѣтскаго возраста*» [2]).

При такомъ толкованіи «особенной силы дѣтской памяти», прежде всего вносится большая неясность въ психологическую терминологію. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что «можно говорить» *объ особенной силѣ* памяти дѣтства, которая *не превосходитъ силу* памяти позднѣйшихъ возрастовъ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это можно было логически мыслить.

Но оставимъ въ сторонѣ терминологію и займемся существомъ дѣла. Г. Каптеревъ старается спасти старое мнѣніе объ особенной силѣ дѣтской памяти указаніемъ на то, что въ дѣтскомъ возрастѣ процессы запоминанія преобладаютъ надъ прочими умственными процессами. Противъ этого положенія возражать трудно. Оно, въ сущности, является другой стороной экспериментально-установленнаго положенія, что дѣти, въ общемъ, больше поддаются внушенію, чѣмъ взрослые. Но какъ еще далеко отъ этого положенія до того признанія «особенной силы дѣтской памяти», на которомъ такъ часто строятся

[1]) Русская Школа, 1903, октябрь.

[2]) Курсивъ мой.

психологически-нелѣпые планы обученія! Какимъ скромнымъ тономъ звучитъ допущеніе г. Каптерева (со всѣми его оговорками, что дѣтская память «не превосходитъ по силѣ памяти позднѣйшихъ возрастовъ»), въ сравненіи съ тѣми страстными нападками, какія пришлось мнѣ выдержать всего два года тому назадъ за то, что я рѣшился утверждать, что «теперь въ научномъ спорѣ едва ли можно ссылаться на особенную силу дѣтской памяти, какъ на нѣчто, не требующее доказательствъ» [1])!..

Однако я боюсь, что признаніе «особенной силы дѣтской памяти» даже въ формулѣ П. Ѳ. Каптерева можетъ привести къ нежелательнымъ педагогическимъ выводамъ. Могутъ сказать: такъ какъ въ дѣтствѣ память отличается всетаки особенной силой (хотя бы по сравненію съ развитіемъ разсудка), то часто механическому запоминанію, при обученіи дѣтей, слѣдуетъ отдавать преимущество передъ осмысленнымъ. Вотъ противъ этого то вывода я и хотѣлъ предостеречь читателей. Само собою разумѣется, что взрослый человѣкъ имѣетъ возможность гораздо шире пользоваться при запоминаніи всякаго рода ассоціаціями, чѣмъ ребенокъ. Но и ребенку, въ его работѣ заучиванія, сильно помогаетъ всякое ассоціированіе, осмысливающее его работу,—*и даже въ большей степени, чѣмъ взрослому*. Разница въ трудности заучиванія осмысленнаго и безсмысленнаго матеріала для взрослаго приблизительно выражается отношеніемъ $^1/_{10}$ (опыты Эббинггауса и Бинэ), а для школьника—отношеніемъ $^1/_{25}$ (опыты Бинэ и Анри).

Итакъ, въ чемъ же пресловутая «особенная сила дѣтской памяти»? Въ чемъ ее можно вскрыть? Какимъ методомъ можно убѣдиться въ ея существованіи? Что цѣннаго можетъ дать ея признаніе педагогическому дѣлу?

До сихъ поръ мы видѣли, что допущеніе этого положенія вносило одну только путаницу въ психологію и много недоразумѣній въ педагогику. Пора открыто признать это мнѣніе ошибочнымъ. Но при этомъ надо думать, что лица, выясняющія неосновательность этого мнѣнія, совершаютъ какое то особое «открытіе». Эта честь (которую между прочимъ приписываетъ мнѣ г. Каптеревъ) принадлежитъ современнымъ изслѣдователямъ развѣ лишь въ очень и очень относительномъ смыслѣ. Самая же мысль о слабости дѣтской памяти (какъ видно изъ эпиграфа этой статьи) была ясно высказана еще Аристотелемъ. «Очень молодые люди и старики,—говоритъ онъ,—безпамятны» [2])

[1]) Современная эксперим. психологія, стр. 22. Ср. статьи по поводу этой книги: А. И. Введенскаго (Ж. М. Н. П. 1901, дек.) и Ю. И. Айхенвальда (Вопр. фил. и псих., 1901, ноябрь).

[2]) Περὶ μνήμης, I.

Психопатологическія черты героевъ Максима Горькаго.

Д-ра М. Шайковича.

За послѣднее время въ развитіи знаній какъ о здоровой, такъ и о больной душѣ человѣка замѣчается несомнѣнный прогрессъ. Многіе возлагаютъ большія надежды на экспериментальную психологію, говоря, что опытъ и примѣненіе мѣры и числа поставятъ психологію въ разрядъ наукъ точныхъ. Другіе настаиваютъ на неменьшемъ значеніи такъ наз. индивудуальной психологіи или, какъ нѣкоторые выражаются, характерологіи, предполагая не безосновательно, что непосредственное наблюденіе всего душевнаго склада личности въ ея реальной, а не искусственной, жизненной обстановкѣ даетъ болѣе плодотворные результаты, чѣмъ хотя бы экспериментальная психологія, предметомъ изученія которой могутъ быть только простѣйшіе душевные акты. И дѣйствительно, методъ непосредственнаго наблюденія, употребляемый также индивидуальной психологіей, оказалъ не маловажныя услуги при изученіи больной души человѣка. По крайней мѣрѣ имъ по преимуществу до сихъ поръ пользовалась клиническая психіатрія и ему же она обязана тѣми свѣдѣніями, которыми располагаетъ въ настоящее время. Но какъ ни цѣнно то, что пріобрѣтено этими научными методами, какъ ни прекрасно будущее, которое сулятъ намъ поклонники экспериментальной психологіи, все таки, я думаю, душевная дѣятельность, по самой своей природѣ, въ силу ея несомнѣнной и исключительной субъективности, такова, что безъ чувственнаго познаванія черезъ посредство образовъ многое останется недоступнымъ для упомянутыхъ научныхъ методовъ. А потому интуиція, художественное творчество, мнѣ кажется, будетъ еще долго снабжать насъ, психіатровъ, цѣннымъ матеріаломъ, разобраться въ которомъ, показать, что въ немъ является плодомъ художественнаго увлеченія и что принадлежитъ реальной дѣйствительности, провѣренной современными объективными методами, составляетъ немаловажную задачу.

Что въ рукахъ художниковъ слово есть тонкое орудіе, которымъ они могутъ проникать въ сокровенная больной души человѣка—доказательствъ, я думаю, не требуется. Довольно вспомнить одного Достоевскаго, произведенія котораго далеко еще не разобраны съ психіатрической точки зрѣнія, не смотря на первую попытку проф. Чижа *), сдѣланную еще въ 1885 году. Послѣ этихъ словъ естественно было бы ожидать въ нижеслѣдующемъ продолженіе этой попытки, тѣмъ не менѣе я намѣренъ обратиться къ произведеніемъ Максима

*) В. Чижъ. Достоевскій, какъ психопатологъ. Москва 1885

Горькаго, имѣя въ виду особенную современность этого писателя. Всякому извѣстно, какъ читается Горькій, сколько вниманія ему удѣлила критика какъ наша, такъ и иностранная. Даже критики, непріязненно къ нему относящіеся, не могутъ не признать въ немъ крупную художественную силу и несомнѣнный талантъ. Талантъ же его направленъ въ значительной мѣрѣ на раскрытіе души особой категоріи современнаго намъ человѣка, отношеніе котораго къ современной и всякой вообще общественной жизни таково, что заслуживаетъ особливаго вниманія.

Имѣя въ виду отмѣтить психопатологическія черты дѣйствующихъ лицъ нашего писателя, мнѣ кажется наиболѣе правильнымъ такой путь.

Всѣхъ героевъ Горькаго (исключая разсказъ «Ошибка», который имѣетъ спеціальный интересъ) нужно разсматривать и классифицировать съ точки зрѣнія общественно-психологической, такъ какъ всѣ они представляютъ собою несомнѣнно продуктъ извѣстныхъ общественно-психологическихъ условій.

Какъ-же нужно смотрѣть на тѣ или другія болѣзненныя черты, если онѣ будутъ обнаружены у кого либо изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа? Каково ихъ происхожденіе, что ихъ вызвало? Отвѣтить на всѣ эти вопросы не легко. Отвѣтить на нихъ полностью, значитъ указать первопричину душевныхъ уклоненій въ человѣческомъ обществѣ, которая, вѣроятно, также стара, какъ старъ родъ человѣческій. Я сказалъ въ человѣческомъ обществѣ, такъ какъ при разборѣ героевъ Горькаго, повторяю, нельзя не имѣть въ виду общественной точки зрѣнія. И такъ, несмотря на указанныя затрудненія, нужно отмѣтить, что въ жизни вообще и отраженной въ произведеніяхъ нашего писателя, въ частности, болѣзненныя уклоненія происходятъ подъ вліяніемъ психобіологическихъ и соціальныхъ условій. Какія изъ нихъ являются первичными, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ ихъ вліяніе и взаимодѣйствіе оказывается несомнѣннымъ. Получившаяся такимъ образомъ болѣзненная душевная организація оказываетъ громадное вліяніе на судьбу какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлаго общества, подвергаясь въ свою очередь вліянію со стороны послѣдняго. И тѣ или другія болѣзненныя черты въ душевномъ складѣ данной личности отнюдь не говорятъ противъ соціально-нравственнаго ихъ происхожденія во многихъ, я сказалъ бы, большинствѣ случаевъ, а наоборотъ только подчеркиваютъ это происхожденіе. Вѣдь соціально-нравственныя условія оказываютъ вліяніе, выражаясь не только въ соціально-нравственной же формѣ, но и въ психо-біологической. Такъ, экономическое, правовое положеніе рабочаго и нравственное его самочувствіе сказывается не только въ томъ, что онъ бѣденъ, безправенъ и нравственно угнетенъ, обезличенъ, а въ томъ еще, что онъ становится алкоголикомъ и имѣетъ особенную привиллегію предъ другими заражаться инфекціонными болѣзнями и внѣполовымъ путемъ сифилисомъ, имѣть рахитическихъ и туберкулезныхъ дѣтей и т. п. Вотъ наглядная метаморфоза соціальныхъ условій въ біологическія. Такимъ образомъ, отмѣчая въ герояхъ Горькаго тѣ или другія уклоненія въ психикѣ, я не только не умаляю воздѣйствія

соціально-нравственныхъ условій на происхожденіе всего душевнаго облика данной личности, но наоборотъ подчеркиваю эти условія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ближайшею производящею причиною должны быть признаны психобіологическія условія, роль-же соціальныхъ сводится, хотя и къ основнымъ, но болѣе отдаленнымъ, какъ Krafft-Ebing выражается, предрасполагающимъ моментамъ. Болѣзненныя черты въ отдѣльной личности даютъ намъ основаніе заподозрить неблагополучіе въ обществѣ и наоборотъ.

Такова моя основная точка зрѣнія, которую я считаю нужнымъ прежде всего отмѣтить. Въ дальнѣйшимъ перейду къ разбору отдѣльныхъ типовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

Альфредъ Бинэ. Экспериментальное изслѣдованіе умственной дѣятельности. Alfred Binet. L'étude expérimentale de l'intelligence. Paris. 1903 г. 309 стр.

Въ первой главѣ своей интересной и во многихъ отношеніяхъ поучительной книги авторъ пользуется случаемъ, чтобы еще разъ подчеркнуть тѣ особенности, которыми отличаются его изслѣдованія отъ психологическихъ экспериментовъ прежней, «Вундтовской» школы. Главное отличіе состоитъ въ томъ, что изслѣдуемый не является такимъ пассивнымъ, почти безгласнымъ исполнителемъ предписаній экспериментатора, какъ это было прежде; ему предоставляется гораздо большая свобода, но за то всѣ его слова, жесты и дѣйствія во время производства эксперимента тщательно наблюдаются экспериментаторомъ, а по окончаніи опыта изслѣдуемый долженъ подробнѣйшимъ образомъ описать содержаніе своего сознанія за все время опыта. Методъ этотъ позволяетъ автору заняться изученіемъ преимущественно высшихъ процессовъ интеллектуальной сферы. Послѣ такого вступленія читатель нѣсколько удивленъ, когда узнаетъ изъ второй главы, что вся книга представляетъ собою почти исключительно результатъ изслѣдованій, производившихся въ теченіи болѣе года на двухъ дѣвочкахъ, хорошо знакомыхъ автору: одной, Маргаритѣ, было $14^1/_2$ другой, Армандѣ, 13 лѣтъ. Впрочемъ, дѣвочки отличались, повидимому, раннимъ умственнымъ развитіемъ, а совершенное незнаніе ими научной психологіи и поэтому полное отсутствіе предвзятыхъ точекъ зрѣнія являлось, по мнѣнію автора, весьма важнымъ преимуществомъ. Что касается внѣшней обстановки опыта, то она отличалась крайней простотой: для большинства опытовъ требовались только, по мѣткому выраженію автора, «перо, немного бумаги и много терпѣнія».

Первыя главы посвящены изслѣдованію вопроса о томъ, каково содержаніе представленій у каждаго даннаго лица («ce qu'on pense») и какъ возникаютъ эти представленія («comment la pensée se développe»). Для достиженія этой цѣли авторъ сначала просилъ изслѣдуемую записывать въ теченіе опредѣленнаго времени все, что ей придетъ въ голову, но затѣмъ перешелъ

къ другому методу, болѣе, по его мнѣнію, совершенному, а именно, къ «подыскиванію словъ». Испытуемый долженъ написать одно за другимъ 20 словъ, какихъ ему угодно, по содержанію не имѣющихъ между собой никакой грамматической связи. По окончаніи опыта экспериментаторъ отбираетъ листъ и читаетъ написанныя слова вслухъ, требуя подробныхъ разъясненій насчетъ того, что обозначаетъ каждое написанное слово и какимъ образомъ возникло оно въ сознаніи испытуемаго.

Всѣ полученныя слова авторъ дѣлитъ на 6 группъ: 1) оставшіяся не объясненными; для объясненія этой группы онъ предлагаетъ нѣсколько гипотезъ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться; 2) названія присутствующихъ объектовъ, обиліе которыхъ (у Маргариты) указываетъ на преобладающее вліяніе внѣшней среды; 3) слова, относящіяся къ самому испытуемому (также свойственны преимущественно М—тѣ); 4) воспоминанія; здѣсь существуетъ одно интересное различіе въ качествѣ воспоминаній у разныхъ лицъ: одна (М) припоминаетъ чаще недавнія событія, другая (А)—событія болѣе или менѣе давнишнія; 5) абстракціи; 6) продукты воображенія.

Въ главѣ о теченіи представленій или, какъ авторъ выражается, о развитіи мысли, указывается на невозможность свести весь этотъ процессъ къ ряду механическихъ ассоціацій: иногда, напр., два слова связаны между собой такой же простой ассоціаціей, какъ и два предыдущія, а между тѣмъ испытуемый утверждаетъ, что онъ въ этотъ моментъ уже перешелъ къ совершенно новому объекту, новой «темѣ» мышленія; кромѣ того, подчеркивается значеніе полусознательныхъ ассоціацій, уже отмѣченныхъ прежними наблюдателями.

Другая серія опытовъ: каждое отдѣльное слово произносилось вслухъ экспериментаторомъ, и испытуемый долженъ былъ подробно разсказать, что возникало при этомъ у него въ сознаніи. Обыкновенно думаютъ, что слово тотчасъ же вызываетъ въ сознаніи образъ, ассоціированный съ нимъ. На дѣлѣ же здѣсь имѣетъ мѣсто болѣе сложный процессъ, который въ полномъ своемъ объемѣ состоитъ изъ слѣдующихъ 4-хъ стадій: человѣкъ слышитъ произнесенное слово; онъ понимаетъ его смыслъ; у него является усиліе вызвать соотвѣтствующій образъ или точно формулировать мысль; наконецъ—образъ появляется въ сознаніи.

Интересна глава «О мышленіи безъ образовъ» (la pensée sans images). На основаніи полученныхъ имъ данныхъ авторъ считаетъ возможнымъ заключить, что бываютъ случаи, когда мы мыслимъ о чемъ-нибудь съ полною опредѣленностью, несмотря на то, что въ сознаніи въ данный моментъ еще отсутствуютъ сколько-нибудь ясные образы словъ или предметовъ. «Мысль есть безсознательный душевный актъ, который для того, чтобы сдѣлаться сознательнымъ, нуждается въ словахъ и образахъ»; «можно понять смыслъ слова, не представляя себѣ ничего, т. е. не имѣя никакого образа». Что касается вопроса о психологической природѣ понятій, то ни одна изъ существующихъ теорій не была вполнѣ подтверждена опытами Binet; главную роль въ образованіи понятій играютъ не образы, наличность или отсутствіе которыхъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, а «направленіе мысли къ совокупности вещей» или извѣстное «намѣреніе духа» (intention de l'esprit). Отсюда новый терминъ, которымъ авторъ называетъ свои воззрѣнія на образованіе понятій: интенціонизмъ.

Желая изслѣдовать сравнительную живость и отчетливость зрительныхъ образовъ у своихъ двухъ испытуемыхъ, авторъ примѣнилъ способъ, который на первый взглядъ кажется очень сомнительнымъ, но который, по его увѣре-

нію, отличается не только удобопримѣнимостью, но и значительной степенью точности: онъ просилъ отмѣчать степень яркости зрительнаго образа баллами, установивши для этого 20-ти-балльную систему. Оказалось, что А оцѣнивала обычно яркость своихъ образовъ гораздо ниже, чѣмъ М.: у первой средняя оцѣнка=5, у второй=15. Что здѣсь разница не въ способѣ оцѣнки, а дѣйствительно въ живости образовъ, доказывается тѣмъ, что и словесныя описанія, даваемыя Армандой, указывали также на большую неясность и расплывчатость ея образовъ по сравненію съ образами Маргариты. Далѣе выяснилось, что воспоминанія о реальныхъ, видѣнныхъ ранѣе предметахъ, отличаются большею яркостью, чѣмъ образы, созданные фантазіей, напр., наружность дѣйствующихъ лицъ или обстановка въ какомъ-нибудь читанномъ ранѣе романѣ.

Образы, появляющіеся въ сознаніи, не остаются неподвижными; они постоянно мѣняются, причемъ измѣнчивость эта можетъ или вполнѣ подчиняться волѣ изслѣдуемаго, или же, наоборотъ, быть совершенно независимой отъ нея.

Первая особенность свойственна М., которая можетъ какъ угодно мѣнять свои образы, тогда какъ у А. они мѣняются независимо отъ ея желанія и часто вопреки ему. Дальше идутъ слѣдующіе опыты: писаніе фразъ какого угодно содержанія; дополненіе фразъ, данныхъ съ пропусками; развитіе даннаго сюжета; свободное вызываніе воспоминаній. Результаты въ общемъ сводятся къ тому, что «направленіе идей у М. практическое, а у А.—поэтическое». Опыты съ описаніемъ объектовъ аналогичны тѣмъ, которые были произведены авторомъ въ 1893 г. вмѣстѣ съ V. Henri. Они показали, что М. принадлежитъ къ описательному типу (type descriptif), а А.—къ типу съ развитымъ воображеніемъ (t. imaginatif).

Въ послѣдующихъ главахъ рѣчь идетъ о силѣ произвольнаго вниманія, объ измѣреніи времени простой реакціи, объ измѣреніи памяти, наконецъ, объ изслѣдованіяхъ относительно того, на что больше обращены вниманіе и интересъ испытуемаго,— на явленія ли внѣшняго міра, окружающей среды или на явленія внутренняго. субъективнаго міра (externospection и internospection по терминологіи автора). Любопытно замѣчаніе—на нашъ взглядъ въ значительной степени справедливое—по поводу измѣренія времени реакціи: «эти изслѣдованія принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя, быть можетъ, наиболѣе обѣщали и наименѣе дали». При изслѣдованіи памяти выяснилось, что способность заучивать наизусть какой-нибудь отрывокъ вовсе не идетъ параллельно со способностью воспроизводить рядъ словъ послѣ однократнаго ихъ прочтенія; «въ одно и то же время М. заучиваетъ значительно большее число стиховъ, чѣмъ А.», между тѣмъ какъ количество словъ, воспроизведенныхъ тою и другой послѣ однократнаго чтенія, представляется почти одинаковымъ. Авторъ пытается объяснить это кажущееся противорѣчіе тѣмъ, что сила памяти у нихъ одинакова, но произвольное вниманіе у А. слабѣе, чѣмъ у М. Опыты относительно преобладающаго направленія мыслей показали, что А. въ своей внутренней жизни «является субъективистомъ, а М.—объективистомъ».

Таково содержаніе книги. Намъ хотѣлось бы въ заключеніе отмѣтить двѣ ея отличительныя черты, которыя на нашъ взглядъ дѣлаютъ ее особенно интересной. Во-первыхъ, авторъ, насколько намъ извѣстно, впервые поставилъ себѣ задачей изслѣдовать экспериментальнымъ путемъ не одинъ какой-нибудь обособленный душевный процессъ, а цѣлый рядъ важнѣйшихъ умственныхъ процессовъ, съ тѣмъ, чтобы изучить по возможности всю интеллектуальную сферу даннаго лица. Такой способъ обслѣдованія является во всякомъ случаѣ новинкой въ психологіи и хотя представляетъ значительныя затрудненія

чисто техническаго характера (достаточно сказать, что изслѣдованіе надъ двумя лицами длилось больше года), но за то можетъ, какъ намъ кажется, дать много новыхъ данныхъ, въ особенности для индивидуальной психологіи. Вторую особенность составляетъ сравнительная простота во внѣшней обстановкѣ опытовъ и чрезвычайно внимательное отношеніе къ даннымъ самонаблюденія и вообще ко всѣмъ подробностямъ наблюдаемаго душевнаго процесса.

Въ связи съ этимъ стоитъ слѣдующее требованіе автора, которое, на нашъ взглядъ, нельзя не признать правильнымъ: «не только слѣдуетъ отбросить всякое быстрое испытаніе на неизвѣстныхъ лицахъ, но и должно кромѣ того предпочитать такіе опыты, которые можно произвести на лицахъ извѣстныхъ намъ по своему характеру и образу жизни». Повторяемъ еще разъ, что если и не со всѣми методами и заключеніями автора можно согласиться, то все же въ книгѣ его читатель найдетъ много интереснаго и заслуживающаго вниманія.

А. Лазурскій.

Д-ръ Филиппъ. Умственные образы.

Dr. T. Philippe. L'image mentale. 1903. 148 стр.

Авторъ даетъ въ своей книгѣ подробный анализъ состава, образованія и распаденія умственныхъ образовъ. Образы эти, подобно живымъ организмамъ, возникаютъ, ростутъ, видоизмѣняются и умираютъ. Въ нихъ нѣтъ ничего абсолютно неподвижнаго, ничего безусловно постояннаго. Они текучи и измѣнчивы, какъ сама жизнь.

Каждый образъ представляетъ продуктъ въ высшей степени сложныхъ условій. Въ составъ образовъ могутъ входить какъ элементы прежняго опыта, такъ и элементы, данные непосредственно, т. е. ощущенія. Чѣмъ выше психическое развитіе, тѣмъ большее значеніе имѣютъ элементы воспроизведенные; въ развитомъ сознаніи эти послѣдніе элементы, накопленные въ теченіи долгаго опыта, организованные и объединенные, вліяютъ на характеръ воспріятія гораздо больше, чѣмъ входящія въ составъ послѣдняго ощущенія. Обыкновенно считаютъ, что эти накопленные элементы являются простымъ отпечаткомъ, простымъ фотографическимъ снимкомъ данныхъ прошлаго опыта. Справедливо-ли, однако, такое мнѣніе? Не являются-ли наши образы зданіями, создаваемыми по отдѣльнымъ кусочкамъ, мозаичными произведеніями, сложенными изъ отдѣльныхъ камешковъ.

Для выясненія этого вопроса авторъ выбираетъ образы зрительные, какъ наиболѣе доступные для анализа. Образы эти авторъ классифицируетъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, по времени возникновенія, во-вторыхъ, по сложности состава ихъ.

Мы можемъ отличать образы, возникшіе очень давно, образы, возникшіе въ самомъ близкомъ прошломъ, и, наконецъ, безчисленное количество образовъ, служащихъ намъ для повседневнаго обихода. Образы давнишніе имѣютъ неопредѣленный, смутный характеръ, они не могутъ, поэтому, дать цѣннаго матеріала для анализа. Образы, только что возникшіе, не могутъ, конечно, быть многочисленными и легко переходятъ въ послѣднюю изъ вышеуказанныхъ группъ, представляющихъ для насъ наибольшій интересъ. Группа эта является тѣмъ источникомъ, изъ котораго мы черпаемъ матеріалъ при процессахъ воспроизведенія и воспріятія. Образы этой группы ведутъ какъ-бы особую жизнь—

они встрѣчаются, сливаются другъ съ другомъ, пополняютъ и видоизмѣняютъ другъ друга.

Съ другой стороны можно, какъ мы сказали, классифицировать образы по сложности состава ихъ. Мы отличаемъ, во-первыхъ, самые простые образы, стойкіе, компактные, мало пропитывающіеся посторонними элементами. Во-вторыхъ образы самые сложные, которыхъ нельзя имѣть въ сознаніи сразу, которые приходится создавать путемъ постепеннаго присоединенія отдѣльныхъ элементовъ. Наконецъ, наиболѣе многочисленный рядъ образовъ, среднихъ между упомянутыми двумя группами. Послѣдніе образы возможно въ общихъ ихъ очертаніяхъ имѣть въ сознаніи одновременно, охватить ихъ однимъ взглядомъ; для того, однако, чтобы разсмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ, необходимо послѣдовательно переходить съ одной точки зрѣнія на другую. Авторъ занимается анализомъ послѣдней группы образовъ, имѣющей въ нашей жизни наибольшее значеніе, являющейся какъ-бы фондомъ для всей нашей умственной дѣятельности.

На основаніи тщательно произведенныхъ опросовъ авторъ характеризуетъ составъ образовъ слѣдующимъ образомъ. Всякій образъ заключаетъ въ себѣ двоякаго рода элементы. Одни входятъ въ самый составъ его, образуютъ какъ-бы тѣло его; другіе можно сравнить съ одеждою—они являются дополненіемъ первыхъ, дополненіемъ, однакожъ, необходимымъ. Дополненіе это опредѣляетъ положеніе и роль даннаго образа въ средѣ другихъ. Оно не входитъ въ составъ самаго образа и является чѣмъ-то для него постороннимъ. Мы присоединяемъ его къ образу на основаніи тѣхъ или иныхъ логическихъ соображеній, мы не *представляемъ* себѣ этихъ чертъ, но *знаемъ*, что онѣ вообще присущи подобнаго рода образамъ; мы дополняемъ данный образъ этими чертами, чтобы тѣмъ самымъ опредѣлить значеніе и положеніе его въ ряду другихъ образовъ. Среди элементовъ, входящихъ въ составъ самаго образа, мы опять таки различаемъ нѣсколько группъ.

При стремленіи фиксировать въ своемъ сознаніи самый образъ, намъ прежде всего представляется туманной силуэтъ, въ которомъ смутно вырисовывается нѣсколько основныхъ линій. Затѣмъ мы видимъ въ немъ съ большею подробностью отдѣльныя части. Обыкновенно части эти представляются намъ раздѣленными промежутками, которыхъ мы не въ состояніи ничѣмъ заполнить. Но и самыя части мы не можемъ разсмотрѣть какъ слѣдуетъ; чуть попробуемъ мы сдѣлать это, какъ онѣ расплываются предъ нашимъ взоромъ. Только въ сравнительно немногихъ образахъ способны мы съ полною, почти галлюцинаторною ясностью видѣть нѣкоторыя части; части эти всегда немногочисленны и отрывочны. Но онѣ являются чѣмъ-то гораздо большимъ, чѣмъ остальные воспроизведенные элементы. По характеру своему онѣ приближаются къ ощущеніемъ. Такъ, если мы воспроизводимъ образъ какой-нибудь хорошо знакомой намъ страницы, мы можемъ, внимательно вглядѣвшись въ него, въ буквальномъ смыслѣ слова прочитать нѣкоторыя, напечатанныя на этой страницѣ, слова. Эти-то детали, живые свидѣтели нашихъ прежнихъ воспріятій, даютъ образу его индивидуальность, связываютъ его съ конкретнымъ воспріятіемъ. Онѣ являются живыми клѣтками, вокругъ которыхъ группируются вторичные элементы. Если онѣ исчезаютъ, то данный образъ умираетъ какъ таковой, теряетъ свою индивидуальность. Остаются только образованныя имъ ассоціативныя связи. Эти связи имѣютъ однако гораздо большее значеніе, чѣмъ воспроизведеніе опредѣленнаго индивидуальнаго воспріятія. Онѣ являются матеріаломъ для всей нашей умственной дѣятельности. Образы, съ которыми

мы обращаемся въ нашей повседневной жизни, неясны, смутны, оторваны отъ опредѣленныхъ воспріятій, но за то мы знаемъ связь ихъ другъ съ другомъ, и этого для насъ достаточно. Образъ, полученный отъ непосредственнаго воспріятія, пропитывается элементами другихъ, болѣе или менѣе близкихъ ему образовъ, пропитывается также и элементами логическими; за этими новыми элементами теряется самое ядро индивидуальнаго образа. Итакъ, обычные образы являются какъ-бы мозаичными произведеніями, сложенными изъ цѣлой массы многихъ кусочковъ. Индивидуальныхъ образовъ у насъ, сравнительно, очень немного. Если мы часто видимъ какой-нибудь предметъ, то у насъ не увеличивается количество индивидуальныхъ образовъ его—напротивъ, въ этомъ случаѣ образы легко теряютъ свою индивидуальность, обобщаются и сокращаются въ числѣ. Я не въ состояніи припомнить, напр., опредѣленную булавку, опредѣленное А—я видѣлъ подобные предметы столько разъ, что они слились для меня въ одинъ общій болѣе или менѣе неопредѣленный образъ, охватывающій цѣлую массу индивидуальныхъ, единичныхъ образовъ. Отъ такого соединенія отдѣльныхъ образовъ детали каждаго изъ нихъ представляются, однако, не болѣе глубокими и рѣзкими, какъ предполагаетъ теорія наложенія образовъ; соотвѣтствующія детали различныхъ образовъ незамѣтно переходятъ другъ въ друга, дѣлаются болѣе неопредѣленными, какъ-бы расплываются.

Авторъ изслѣдовалъ экспериментальнымъ путемъ развитіе и измѣненіе образовъ у дѣтей и юношей. Тотъ-же самый образъ воспроизводился испытуемымъ чрезъ различные промежутки времени, причемъ испытуемый каждый разъ думалъ, что воспроизводитъ образъ въ послѣдній разъ. Измѣненіе образа происходило въ различныхъ направленіяхъ. Чаще всего происходило оно въ томъ смыслѣ, что индивидуальныя особенности стирались и воспроизведенный образъ приближался къ какому-нибудь общему типу.

Въ заключеніе своего изслѣдованія авторъ ставитъ вопросъ, можетъ-ли психологія ограничиваться изученіемъ явленій сознанія. Не представляется-ли жизнь сознанія поверхностною и ограниченною, за которою развертывается другая, болѣе глубокая и важная жизнь. Психологія, ограничивавшая свое изслѣдованіе явленіями сознанія, оставляла не замѣченными самые существенные факты душевной жизни. Она изучала и анализировала только неподвижныя состоянія сознанія, она давала только анатомію души. Современная психологія стремится схватить самое теченіе психической жизни. Она имѣетъ дѣло не съ неподвижными формами, а съ живыми явленіями. Она даетъ физіологію души. Ей принадлежитъ будущее. Только она въ состояніи открыть законы, управляющіе теченіемъ душевной жизни.

Авторъ даетъ очень тщательный анализъ образовъ; въ этомъ его несомнѣнная заслуга; нельзя, однако-же, согласиться безъ оговорокъ со всѣми его положеніями. Такъ, сдва-ли справедливо мнѣніе автора, что только тѣ части, которыя мы въ состояніи воспроизвести съ полною, галлюцинаторною ясностью, связываютъ данный образъ съ конкретнымъ воспріятіемъ, придаютъ образу опредѣленную индивидуальность въ нашихъ глазахъ (ср. стр. 45). Неясные силуэты, смутно вырисовывающіяся общія линіи могутъ сыграть совершенно такую-же роль; при появленіи ихъ въ сознаніи у насъ точно такъ-же можетъ возникнуть чувство связи ихъ съ какимъ-нибудь конкретнымъ воспріятіемъ: неясно воспроизведенный образъ можетъ явиться намъ съ присущей ему индивидуальностью. Съ другой стороны, при вполнѣ ясномъ, отчетливомъ представленіи нѣкоторыхъ деталей возникающаго у насъ образа у насъ можетъ быть сознаніе, что образъ этотъ не связанъ съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ

воспріятіемъ, а является, напр., продуктомъ воображенія. Воспризнаніе являющагося у насъ въ сознаніи индивидуальнаго образа зависитъ не только отъ большей или меньшей отчетливости нѣкоторыхъ деталей его, но и отъ многихъ другихъ условій, какъ выяснили это Леманъ, Гефдингъ, Зандеръ, Крэпелинъ и др.

Совершенно неосновательными представляются намъ затѣмъ нападки автора на психологію, изслѣдующую только явленія сознанія. Нельзя, конечно, игнорировать смутно сознаваемыхъ психическихъ процессовъ. «Психологія сознанія», однако, не думаетъ уклоняться отъ изслѣдованія также и этого матеріала. Изслѣдованіе-же абсолютно безсознательныхъ психическихъ процессовъ никогда, конечно, не можетъ сдѣлаться задачею эмпирической науки. Самъ авторъ, краснорѣчиво возвѣщающій наступленіе новой эры въ психологіи, все время остается въ области фактовъ сознанія. У него намѣчается, правда, стремленіе признать за образами самостоятельное существованіе внѣ нашего сознанія. Образы уходятъ изъ области сознанія въ міръ безсознательнаго. Тамъ живутъ они, встрѣчаются, вступаютъ другъ съ другомъ въ различныя взаимоотношенія; если они возвращаются затѣмъ въ область сознанія, то уже иными, чѣмъ вышли.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, послѣдовать за ними въ этотъ міръ.

А. Крогіусъ.

Э. Крэпелинъ. Объ измѣреніи утомленія. E. Kraepelin. Ueber Ermüdungsmessungen.—Arch. f. d. ges. Psych. Bd. I. H. 1. 1903.

Въ означенной статьѣ авторъ излагаетъ основы, на которыхъ долженъ быть устанавливаемъ методъ измѣренія утомленія и утомляемости развивая въ ней съ обычнымъ тонкимъ знаніемъ предмета весь рядъ соображеній, которыя приходится при этомъ принять во вниманіе. Невозможно поэтому реферировать ее въ деталяхъ, но слѣдуетъ указать на значеніе ея, какъ вѣскаго memento въ виду чрезмѣрныхъ надеждъ, возлагаемыхъ въ послѣднее время на не хлопотливый, сравнительно, способъ массовыхъ изслѣдованій на учащихся. Можно убѣдиться изъ нея, что для правильнаго толкованія добытыхъ такимъ путемъ данныхъ, они во многомъ нуждаются въ предварительномъ рѣшеніи еще множества частныхъ вопросовъ, которые могутъ быть выяснены лишь постепенно кропотливымъ трудомъ и опытами на отдѣльныхъ лицахъ.

Изъ заключеній автора особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ, по которому единственнымъ мѣриломъ для сравненія утомляемости разныхъ лицъ можетъ служить пока лишь продолжительность отдыха, нужная для того, чтобы по возобновленіи работы производительность ея оказалась выше, чѣмъ при большей или меньшей продолжительности отдыха. Моментъ этотъ обусловленъ обратнымъ отношеніемъ двухъ факторовъ—утомленія и упражненія, изъ которыхъ вліяніе перваго прекращается раньше, чѣмъ вліяніе послѣдняго. Такимъ образомъ ранѣе указаннаго момента производительность работы бываетъ уменьшена вслѣдствіе вліянія утомленія, а послѣ него—вслѣдствіе прекращающагося вліянія упражненія. Наступленіе его зависитъ каждый разъ отъ индивидуальности изслѣдуемаго.

М. Фалькъ.

А. Врешнеръ. Къ психологіи словесныхъ показаній. A. Wreschner. Zur Psychologie der Aussage.—Arch. f. d. ges. Psych. Bd. I. H. 1. 1903.

Авторъ сообщаетъ результаты опытовъ, предпринятыхъ имъ по образцу изслѣдованій Stern'а, о памяти сложныхъ фактовъ дѣйствительности. Какъ извѣстно, съ этой цѣлью Stern показывалъ изслѣдуемымъ лицамъ картины, изображающія въ обстановкѣ дѣйствительной жизни различныя дѣйствія или событія, и заставлялъ ихъ передать словами черезъ разные промежутки времени, отъ 5 дней до нѣсколькихъ недѣль, сохранившіяся о нихъ воспоминанія о подробностяхъ видѣннаго. При этомъ оказалось, что воспроизведеніе послѣднихъ связано съ множествомъ ошибокъ, количество которыхъ доходитъ иногда до 28%. Wreschner основательно указываетъ по этому поводу на то, что при постановкѣ опытовъ, которой придерживался Stern, нѣтъ точнаго и постояннаго комплекса фактовъ, по отношенію къ которому могли бы быть вычислены процентныя числа ошибокъ, вслѣдствіе чего процентныя данныя Stern'а имѣютъ лишь весьма условное значеніе. Чтобы избѣжать этого основного недостатка, авторъ точно опредѣлилъ по пунктамъ тѣ элементы картины, воспроизведеніе которыхъ требовалось отъ изслѣдованныхъ лицъ, напр., количество изображенныхъ на ней людей, животныхъ, предметовъ, взаимное расположеніе ихъ другъ къ другу, ихъ позы и положенія, особенности и цвѣтъ отдѣльныхъ частей костюма и т. д. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ отнести количество правильныхъ и невѣрныхъ воспроизведеній къ опредѣленному числу поставленныхъ вопросовъ. Помимо этого существеннаго исправленія метода, главные результаты опытовъ заключаются въ томъ, что хуже всего запоминаются цвѣта и формы предметовъ, лучше всего взаимное расположеніе ихъ и позы. Память для личныхъ особенностей изображенныхъ на картинѣ фигуръ оказалась лучше памяти другихъ принадлежностей послѣднихъ, напр., особенностей одежды, находящихся у нихъ въ рукахъ предметовъ и т. под.

М. Фалькъ.

М. де Флери. Эстетика, какъ явленіе памяти. M. de Fleury, De l'esthétique en tant que phénomène de mémoire (Bullet. de l'Inst. Psychol. 1902, № 2).

Авторъ старается показать, что эстетическія чувства въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ происхожденіемъ явленіямъ памяти. Анализируя музыкальныя воспріятія, авторъ убѣдился, что новые не извѣданные мотивы встрѣчаются иногда чувствомъ недовольства и даже враждебности; затѣмъ, при повтореніи, слушатель начинаетъ различать нѣкоторые оттѣнки въ общемъ хаосѣ звуковъ—и въ дальнѣйшемъ онъ уже радостно привѣтствуетъ знакомые мотивы. Такимъ образомъ, здѣсь эстетическая идея можетъ связываться съ явленіями памяти. Позднѣе слушатель невольно научается находить красоты въ музыкально-слуховыхъ воспріятіяхъ и именно въ тѣхъ, которыя прежде были чужды его душѣ. Авторъ объясняетъ эти явленія слѣдующимъ механизмомъ. При первичныхъ или вторичныхъ слуховыхъ воспріятіяхъ музыкальная фраза достигаетъ клѣтокъ сѣраго коркового вещества, не проникая въ сознаніе и не входя въ психическую личность слушателя. Она остается подсознательной и игнорируется воспринявшимъ ее субъектомъ. Но вотъ, спустя 2 или 3 дня, непроизвольно, музыкальная тема вдругъ вспоминается, возобновляется, даже когда о ней совсѣмъ не думаютъ; она вызывается какъ бы издалека и посте-

пенно принимаетъ форму психически цѣлаго слухового феномена, сопровождаясь соотвѣтствующей эстетической эмоціей. Это—явленіе аффективной памяти, изученной Рибо. Авторъ склоненъ допустить подобное же значеніе памяти въ вопросахъ поэзіи и живописи.

Ю. Португаловъ.

Е. Бутру. **Психологія мистицизма**. E. Boutroux, La Psychologie du mysticisme («Bullet. de l'Inst. Psychol.» 1902, № 1).

Существенной чертою мистицизма является экстазъ, т. е. состояніе, при которомъ всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ прекращается и въ душу проникаетъ такое чувство, какъ будто бы она сообщается съ внутреннимъ объектомъ, съ совершеннымъ безконечнымъ существомъ—Богомъ. Однако, этими данными не исчерпывается все о мистицизмѣ, представляющемъ собою своеобразное явленіе душевной жизни. Авторъ реферируемой работы различаетъ въ мистицизмѣ пять фазъ. Первая—это трудно опредѣлимое состояніе души, удачно характеризуемое нѣмецкимъ словомъ «Sehnsucht». Это—состояніе неопредѣленнаго, тревожнаго желанія, весьма живого и способнаго разростись въ мощную духовную страсть. Во второй фазѣ мы видимъ усиліе субъекта трансформироваться изъ своего собственнаго «я», изъ своей психической сущности. Усиліе это неизбѣжно проявляется борьбой, причемъ побѣда здѣсь достигается посредствомъ самоочищенія и аскетизма. Третья фаза—уже упомянутое нами состояніе экстаза, при которомъ происходитъ непосредственное единеніе души съ объектомъ ея созерцанія; но это состояніе временно; реальная жизнь личности снова возвращается; однако воспоминаніе о явленіяхъ, созерцаемыхъ во время экстаза, отнынѣ представляется для мистика регулирующимъ жизненнымъ принципомъ. Этотъ возвратъ къ прежней жизни, одухотворенный новымъ психическимъ содержаніемъ, составляетъ четвертую фазу. Въ пятой фазѣ мы видимъ стремленіе мистика развить и реализировать во всей полнотѣ эту сверхъестественную жизнь, предчувствіе которой въ немъ пробудилось. Съ этой точки зрѣнія мистиковъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни исключительно предаются созерцанію совершеннаго существа и смотрятъ на земную жизнь какъ на препятствіе, отдѣляющее ихъ отъ истиннаго объекта ихъ желанія: они желаютъ умереть (аскетическій мистицизмъ). Другіе, не отрѣшаясь отъ обыденной жизни, стремятся внести въ нее принципъ сверхъестественнаго начала («жизнерадостный» мистицизмъ). Подобное состояніе духа достигается мистиками посредствомъ интроспекціи; однако интроспективный методъ въ психологіи вовсе не представляется эксцентричнымъ и имѣетъ много сходнаго съ методомъ внѣшняго наблюденія, но въ мистицизмѣ интроспекція не такова: она не довольствуется созерцаніемъ поверхности душевныхъ явленій и углубляется внутрь; при этомъ мистики надѣются, что усиліями рефлексіи можно интимнѣе проникнуть въ свою внутреннюю сущность. Мистикъ стремится коснуться «дна души». Второй путь развитія мистицизма—это методъ внутренней экспериментаціи.

Вся жизнь мистика представляетъ серію авто-экспериментовъ. Въ результатѣ такой точки зрѣнія оказывается, что мистикъ придаетъ первичное значеніе въ душевной жизни чувству и дѣйствію, а потомъ уже сознанію, причемъ въ области чувства главную роль играетъ божественная любовь («Tantum intelligitur, Deus quantum diligitur»).

Закончивъ психологическое изслѣдованіе мистицизма, авторъ подвергаетъ послѣдній критикѣ съ точки зрѣнія объективной научной психологіи и сводитъ явленія мистицизма къ самовнушенію и состоянію моноидеизма; однако онъ тутъ же замѣчаетъ, что самовнушеніе и моноидеизмъ суть явленія, присущія не только мистикамъ, но и геніальнымъ людямъ, присущія даже простому нормальному человѣку, проводящему въ жизни строго и прямолинейно какую-нибудь идею или принципъ; мистицизмъ лишь наиболѣе ярко и своеобразно проявляетъ эти феномены. При этомъ авторъ задается интереснымъ вопросомъ, существуетъ ли у насъ, какъ сознательныхъ существъ, кромѣ индивидуальной жизни, еще возможная міровая жизнь, и въ какой мѣрѣ она реальна; является ли наше сознаніе, по которому мы разобщены другъ съ другомъ, абсолютной реальностью или простою формою, скрывающею всеобщее проникновеніе и сліяніе душъ подъ давленіемъ единаго міроваго принципа? Съ другой стороны, если для насъ возможны два существованія—одно развитое и непосредственно видимое, индивидуальное, а другое почти еще безсознательное, но высшее универсальное, то каково отношеніе этихъ двухъ состояній и какимъ путемъ должны мы слѣдовать, чтобы довести послѣднее до полной реальности? Большинство мистиковъ преслѣдуетъ эту задачу аскетическимъ путемъ, т. е. разсматриваетъ эти два состоянія, какъ взаимно противорѣчивыя; авторъ же не видитъ основанія для признанія несовмѣстимости жизни индивидуальной и жизни міровой и думаетъ, что обѣ онѣ могутъ быть согласованы. Въ заключеніе авторъ высказывается, что изученіе явленій мистицизма есть дѣло не простого любопытства и даже не только научной любознательности, но захватываетъ вопросы о жизни и назначеніи человѣчества.

Ю. Португаловъ.

2. *Психопатологія.*

Клуге. (О мышечномъ чувствѣ и его изображеніи у Гюи де Мопассана. Kluge. Allg. Zeischrift für Psych. Bd. 60, 3 Heft.).

Въ введеніи къ своей статьѣ, авторъ упрекаетъ многихъ современныхъ психіатровъ, старавшихся изучить произведенія писателей съ психіатрической точки зрѣнія, въ томъ, что они слишкомъ поправляютъ и дополняютъ художественныя произведенія и наконецъ, часто разбираютъ и самое личность автора.

Читающая публика, узнавъ, что лучшіе писатели и выведенные ими типы—дегенераты или ненормальные люди, невольно презрительно относится къ подобнымъ выводамъ, и престижъ психіатровъ въ значительной степени умаляется (изъ русской жизни можно привести нападки, которымъ недавно подвергался Н. Н. Баженовъ по поводу своихъ статей о Гоголѣ).

Подобныя нападки, конечно, удерживаютъ многихъ психіатровъ отъ хотя бы чисто психологическаго разбора художественныхъ произведеній; до сихъ поръ, напр., никто еще не занялся изученіемъ такого тонкаго психолога и наблюдателя какъ Guy de Maupassant, обладавшаго способностью нѣсколькими словами нарисовать цѣльныя картины самыхъ сокровенныхъ проявленій нормальной и патологической жизни души.

Живость и правдоподобность его картинъ объясняется его способностью схватывать все съ чрезвычайной точностью и съ особой силой прочувствовать

имъ написанное. Конечно, произведенія такого писателя имѣютъ огромное значеніе для изученія возникновенія въ насъ представленій, тѣмъ болѣе, что Maupassant намъ даетъ возможность анализировать его собственную больную душу.

Удивительнымъ даже кажется, что Maupassant, едва-ли слыхавшій что-либо о мышечномъ чувствѣ, именно послѣднему, «la chair», приписываютъ выдающуюся роль въ вызываніи представленій.

Авторъ реферируемой статьи довольно пространно объясняетъ, что всѣ наши представленія возникаютъ именно благодаря нашему мышечному чувству. Органы чувствъ даютъ простыя воспріятія, «свѣтъ», «звукъ»; но для того, чтобы получить полную картину наблюдаемаго, мы должны произвести цѣлый рядъ движеній, хотя бы глазными яблоками; и при возникновеніи представленій выдающуюся роль играютъ эти сохранившіяся въ памяти мышечныя движенія, такъ называемое мышечное чувство. Для воспріятія и переработки представленій необходима равномѣрная дѣятельность цѣлой группы мышцъ. При разнаго рода разстройствахъ кровообращенія и дыханія подобное равномѣрное дѣйствіе нарушается, возникаютъ антагонистическія движенія, и нарушенное теченіе возбуждаетъ чувство неудовольствія.

Авторъ разбираетъ 2 произведенія Maupassant'a «Lui» et «le Horla». Герой перваго разсказа хочетъ непремѣнно жениться на совершенно ему безразличной особѣ съ исключительной цѣлью имѣть около себя живое существо. Онъ находится въ тревожномъ состояніи, такъ что считаетъ себя преслѣдуемымъ въ квартирѣ чужимъ человѣкомъ; онъ находится въ состояніи угнетенія, усугубляемаго осенней мокрой холодной погодой. Вернувшись изъ многолюднаго кафе, гдѣ онъ попутно искалъ развлеченія, герой входитъ въ свою комнату полный подозрительности. Онъ устремляетъ взоръ на огонь въ каминѣ и на стоящее передъ послѣднимъ кресло; въ его памяти возникаютъ тѣ мышечныя ощущенія, которыя онъ испытывалъ, когда самъ сидѣлъ въ этомъ креслѣ; онъ съ особенной живостью воспроизводитъ эти ощущенія и въ то же время (мышечными) движеніями глазъ «рисуетъ» образъ сидящаго въ креслѣ человѣка; благодаря всѣмъ этимъ движеніямъ и ощущеніямъ, онъ ясно видитъ передъ собой другого человѣка—онъ галлюцинируетъ. Такимъ образомъ въ этомъ разсказѣ Guy de Maupassant, едва-ли знавшій что либо о мышечномъ чувствѣ, проводитъ мысль, какъ психологически галлюцинаціи возникаютъ именно благодаря мышечному чувству.

Въ другомъ разсказѣ, относящемся по мнѣнію Kluge уже къ періоду начальнаго стадія прогрессивнаго паралича, отъ котораго, какъ извѣстно, погибъ Guy de Maupassant, послѣдній расказываетъ, какъ, сидя на берегу Сены, онъ обратилъ вниманіе на большое парусное судно изъ Бразиліи, которому онъ придумалъ фантастическое имя «Le Horla». Затѣмъ авторъ описываетъ свое собственное душевное состояніе: онъ необычайно веселъ, въ приподнятомъ настроеніи, мышечныя движенія значительно облегчены, почему онъ много гуляетъ и даже поетъ; затѣмъ, видимо, наступаетъ реакція, повышенная работа мышцъ смѣняется недостаточной дѣятельностью ихъ, наступаетъ періодъ угнетенія. Его органы чувствъ, дѣятельность коихъ находится, главнымъ образомъ, въ связи съ мышечнымъ чувствомъ, даютъ ему недостаточно яркія картины внѣшняго міра, кажущіяся ему странными и неправильными. И подобно неправильной работѣ мышечныхъ аппаратовъ отдѣльныхъ органовъ чувствъ, во всѣхъ мышцахъ тѣла и въ покрывающей ихъ кожѣ возникаютъ странныя ощущенія; неизвѣстное зло (mal) начинаетъ зрѣть въ «его крови и мясѣ» (dans le sang et dans la chair). Допытываясь до при-

чины измѣненія своей личности (чему способствуетъ нѣкоторое сознаніе болѣзни), онъ придаетъ большое значеніе небольшой газетной замѣткѣ объ эпидемической болѣзни, свирѣпствующей въ Бразиліи и по своимъ явленіямъ похожей на его собственное заболѣваніе. Моментально онъ вспоминаетъ о бразильскомъ кораблѣ на Сенѣ; онъ переживаетъ тотъ моментъ, когда онъ наблюдалъ за этимъ кораблемъ, онъ воспроизводитъ тѣ мышечныя ощущенія, которыя тогда испытывалъ; и благодаря обману памяти онъ значительно измѣняетъ эти ощущенія: ему кажется, что на этомъ кораблѣ онъ видѣлъ какое-то загадочное существо; послѣднее спрыгнуло на берегъ, оно крикнуло свое имя «Le Horla». Теперь онъ находится во власти этого существа, оно причиной всѣхъ его болѣзненныхъ ощущеній. Несмотря на послѣднія, авторъ все-таки чувствуетъ въ себѣ силу вступить въ борьбу съ «Le Horla», онъ хочетъ поймать послѣдняго; прикидываясь читающимъ книгу, авторъ выслѣживаетъ своего врага, напрягая съ возможнымъ усиліемъ свое мышечное и тактильное чувство, и дѣйствительно, онъ чувствуетъ присутствіе «Le Horla», чувствуетъ какъ послѣдній читаетъ одновременно съ нимъ черезъ его плечо, и даже касается его уха. Затѣмъ авторъ описываетъ яркими красками, но ясно обнаруживая уже признаки паралитическаго слабоумія, какъ умираетъ «Le Horla». Но скоро послѣ кратковременнаго удовлетворенія возникаютъ въ его душѣ старыя сомнѣнія и авторъ заканчиваетъ свой дневникъ, полный предчувствія о близкой кончинѣ.

А. Бари.

Солье. «Я» умирающихъ. D-r Sollier. Sur le Moi des Mourants. (Bulletin de l'Institut général psychologique. № 1. 1903).

Авторъ касается вопроса о душевномъ состояніи при приближеніи смерти.

Случай, приводимый имъ, касается одной молодой женщины нервной, подверженной обморокамъ, отчаянной морфинистки и крайне истощенной. Ее лишили морфія на 24 часа. Къ концу этого срока внезапно послѣдовала прогрессивная слабость. Въ то же время больная почувствовала неимовѣрную боль въ головѣ, смѣнившуюся вскорѣ состояніемъ полнаго благополучія. Больная стала замѣчать, что предъ ней проносится вся ея жизнь, какъ будто-бы всѣ событія были отпечатаны на полотнѣ, спускавшемся предъ ней сверху внизъ. Событія слѣдовали въ порядкѣ, обратномъ дѣйствительности съ замѣчательною точностью воспроизведенія. Далѣе, больная чувствовала, что она какъ-бы исчезаетъ, и при этомъ испытала родъ благополучія и покоя. Она чувствовала и понимала, что это наступаетъ смерть. Наконецъ, она упала въ обморокъ съ полной остановкой дыханія, причемъ пульсъ не ощущался почти въ теченіе 7 минутъ. Инъекція изъ эфира и морфина спасли больную.

Это душевное состояніе продолжалось нѣсколько секундъ *).

Очнувшись, больная сдѣлалась анэстетичной, часто теряла сознаніе, но сохранила точное воспоминаніе о случившемся. По мнѣнію автора, въ данномъ случаѣ играетъ первую роль анэстезія. Ей и аналгезіи нужно приписать чувство благополучія и явленіе наплыва воспоминаній. Механизмъ воспоминанія идентиченъ здѣсь возобновленію личности при истеріи.

Ю. Португаловъ.

---

*) Это состояніе было описано самою больною, избѣгшей смерти, но бывшей на краю гибели.

Н. Васкидъ и Кл. Вюрпа. Къ вопросу о психо-физіологіи умирающихъ. Предчувствіе смерти съ возстановленіемъ сознанія у душевно-больныхъ. N. Vaschide et Kl. Vurpas. Contribution a la psycho-physiologie des mourants. Pressentiment de la mort avec réapparition de la conscience chez des aliénés. (Bullet. de l'Inst. Gén. Psych. 1902 № 4).

Авторы описываютъ три случая предчувствія смерти. Въ первомъ случаѣ дѣло шло о маніакальной больной, погибшей при чрезмѣрно высокой температурѣ. При этомъ наблюдалось: 1) улучшеніе и даже полное излеченіе душевной болѣзни подъ вліяніемъ лихорадочнаго процесса; 2) ощущеніе и предвидѣніе смерти вслѣдъ за пораженіемъ организма токсико-инфекціоннымъ и гипертермическимъ процессомъ. Въ двухъ другихъ случаяхъ авторы наблюдали прогрессивныхъ паралитичекъ, причемъ констатировали наличность проблесковъ сознанія, чувства и даже отчасти разума при приближеніи смерти этихъ больныхъ, равно какъ и предчувствіе послѣдней. Изъ этихъ данныхъ авторы дѣлаютъ слѣдующіе выводы:

1) Приближеніе смерти можетъ иногда проявиться извѣстной степенью ясности сознанія.

2) Предчувствіе смерти — чувство реальное и замѣчательное по своей одновременности съ проясненіемъ сознанія.

Ю. Португаловъ.

---

3. Гипнотизмъ.

Грассэ. Гипнотизмъ и внушеніе. Grasset. L'hypnotisme et la suggestion. Paris. 1903.

Новый обширный трудъ профессора Grasset, составляющій книгу свыше 500 страницъ, посвященъ всестороннему разсмотрѣнію вопросовъ, составляющихъ область гипнотизма и внушенія. Въ началѣ своего труда авторъ для объясненія сущности явленій гипноза и внушенія пользуется теоріей «высшаго автоматизма или низшаго психизма»; теорія заключается въ признаніи высшаго психическаго центра, центра личнаго «я», сознательнаго, свободнаго и отвѣтственнаго, находящагося въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ подчиненныхъ ему центровъ, какъ, напр., слуховой, зрительный, общей чувствительности, движенія и др.; для ясности авторъ изображаетъ теорію графически: подчиненные центры онъ представляетъ въ видѣ вершинъ угловъ многоугольника, связанныхъ, кромѣ того, съ общимъ высшимъ центромъ сознанія; психическая дѣятельность, возникающая въ подчиненныхъ центрахъ, при условіи хотя бы временнаго подавленія контроля этой дѣятельности со стороны высшаго центра, есть дѣятельность автоматическая, подсознательная, полигональная, по выраженію Grasset; возможностью функціонированія полигональныхъ центровъ въ ихъ связи между собою, при возможности искусственно подавлять контроль со стороны высшаго центра, авторъ и объясняетъ явленія гипнотизма и внушенія, разсматривая всѣ проявленія его съ указанной точки зрѣнія. Объясненіе, конечно, не новое, высказанное въ литературѣ ранѣе Grasset, которому принадлежитъ остроумное графическое изображеніе теоріи и заслуга строгаго проведенія высказаннаго взгляда при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ явленій гипноза. Переходя къ характеристикѣ гипноза или состоянія внушаемости, авторъ приходитъ къ заключенію, что единственное его характерное

свойство есть внушаемость, и что гипнозъ необходимо рѣзко различать отъ натуральнаго сна, кумберландизма, столоверченія, спиритизма, истеріи, сомнамбулизма и другихъ явленій и состояній. Не всѣ могутъ быть приведены въ гипнотическое состояніе, а только тѣ, у которыхъ удастся вызвать расчлененіе между высшимъ центромъ и полигональными центрами; къ этой категоріи лицъ относятся, преимущественно, невропаты, въ обширномъ смыслѣ слова; такія лица нерѣдко могутъ быть загипнотизированы помимо ихъ согласія, хотя сопротивленіе гипнозу всегда ему препятствуетъ; для внушенія сонъ не является необходимымъ, возможно внушеніе въ бодрственномъ состояніи, частичный гипнозъ, по выраженію автора. Обращаясь къ изученію степени и разновидностей гипнотическаго состоянія, Grasset основательно отвергаетъ искусственную классификацію школы Charcot: онъ не принимаетъ и классификаціи Richet, Liébault и Bernheim'a, какъ основанныя исключительно на глубинѣ сна, а предлагаетъ собственную классификацію, основанную на активности полигональной сферы въ гипнотическомъ состояніи, отъ чего зависитъ и степень внушаемости. Подвергая болѣе тонкому анализу явленія гипноза, Grasset подробно разбираетъ всевозможные случаи внушеній въ гипнозѣ и такъ наз. постгипнотическихъ внушеній или внушеній, которыя должны быть выполнены черезъ извѣстный періодъ времени послѣ гипноза, когда гипнотизируемый уже находится въ бодрственномъ состояніи. Заслуживаетъ вниманія отдѣлъ внушеній въ сферѣ органовъ непроизвольнаго движенія; исполненіе такихъ внушеній, казавшееся не такъ давно загадочнымъ (внушеніе появленія красноты на кожѣ, пузырей отъ ожога, кровотеченія, уничтоженіе метеоризма и т. п.), въ настоящее время объясняется анатомо-физіологическими данными, добытыми въ значительной степени русскими изслѣдователями, о чемъ упоминаетъ и Grasset. Мы должны были бы возразить Grasset относительно его заявленія, что внушаемость—единственное характерное свойство гипноза, если бы, принимая во вниманіе литературныя данныя авторовъ, изучавшихъ объективные признаки гипноза, онъ самъ въ гл. VI не пришелъ къ заключенію, что внушаемость не исчерпываетъ всей характеристики гипноза. Въ главѣ о лѣчебномъ значеніи гипноза разсматриваются различныя условія его примѣненія, и, конечно, устанавливается взглядъ, что гипнозъ есть лѣчебное средство, для котораго существуютъ показанія и противопоказанія; слѣдуетъ различать гипнозъ и внушеніе отъ психотерапіи, какъ общаго понятія, т. е. необходимо различать случаи, въ которыхъ врачъ дѣйствуетъ внушеніемъ, прививая извѣстную идею (выраженіе акад. В. М. Бехтерева) внушаемому лицу, воздѣйствуя на его полигональную сферу, и случаи, въ которыхъ врачъ дѣйствуетъ при помощи убѣжденія на высшій психическій центръ. По самому своему свойству значеніе гипнотизма и внушенія не ограничивается областью медицины, въ особенности потому, что являясь средствомъ далеко не безразличнымъ, онъ можетъ въ рукахъ гипнотизаторовъ-профановъ, въ рукахъ эксплоататоровъ и въ рукахъ злонамѣренныхъ людей привести къ печальнымъ послѣдствіямъ какъ для гипнотизируемаго, такъ и для окружающихъ; поэтому не медицинское примѣненіе гипноза требуетъ категорическаго запрещенія и ограниченія законодательнымъ порядкомъ (напр., публичныя представленія); изъ сочиненія Grasset узнаемъ нѣкоторые интересные курьезы относительно ограниченія въ примѣненіи гипноза: во Франціи церковь, какъ и вездѣ, наиболѣе консервативная соціальная единица, наконецъ, признала, въ лицѣ Парижскаго архіепископа, цѣлесообразность терапевтическаго пользованія гипнозомъ; въ то же время военный и морской министры, исходя изъ какихъ то эфемерныхъ осно-

ваній, запретили пользованіе гипнозомъ военнымъ врачамъ! Grasset разбираетъ возможные случаи примѣненія гипноза съ преступной цѣлью, какъ случаи, въ которыхъ гипнотизированное лицо является жертвою и обвинителемъ, преступникомъ и обвиняемымъ, наконецъ, свидѣтелемъ. Экспериментальное изученіе гипноза авторъ разрѣшаетъ не только врачамъ, но и другимъ серьезнымъ начнымъ работникамъ, юристамъ, біологамъ, психологамъ, но непремѣннымъ условіемъ ставитъ участіе въ опытахъ врача. Въ заключеніе своего труда Grasset касается вопросовъ о мысленномъ внушеніи, ясновидѣніи, телепатіи и спиритизмѣ; въ принципѣ, въ вѣкъ открытія Рентгеновскихъ лучей и безпроволочнаго телеграфа, онъ не считаетъ эти явленія невозможными, но не признаетъ ихъ доказанными сколько-нибудь убѣдительно. Наконецъ, Grasset выясняетъ различіе между гипнозомъ и напоминающими его состояніями, какъ сомнамбулизмомъ, амбулаторнымъ автоматизмомъ и др. Книга Grasset написана прекраснымъ языкомъ, затрогиваетъ всевозможныя стороны вопроса, объективно освѣщаетъ ихъ, содержитъ исторію вопроса и весьма полную литературу предмета; она смѣло можетъ быть рекомендована не только врачамъ, юристамъ и психологамъ, но и вообще лицамъ, желающимъ ознакомиться съ современнымъ положеніемъ ученія о гипнотизмѣ и внушеніи.

В. Осиповъ.

—

Мильнъ Брамвель. Леченіе запоя и затяжнаго пьянства внушеніями въ гипнозѣ. J. Milne Bramwell. (On the treatment of dipsomania and chronic alcoholism by hypnotic suggestion. The Quarterly Journal of Inebriety. April. 1903.

Д-ръ Milne Bramwell въ Лондонѣ опубликовалъ результаты леченія имъ запойныхъ пьяницъ и затяжныхъ алкоголиковъ внушеніями въ гипнозѣ, причемъ случай помѣщался имъ въ рубрику «излеченныхъ» лищь тогда, если больной пересталъ пить не менѣе, какъ три года, но опытъ того же автора говоритъ, что это совершенно произвольное дѣленіе. Такъ, среди больныхъ Bramwell'я есть не пьющіе уже болѣе 10-ти лѣтъ и всетаки говорить объ излеченіи здѣсь трудно: возвратъ всегда возможенъ и, дѣйствительно, одинъ изъ больныхъ автора запилъ послѣ 8 лѣтъ вполнѣ трезвой жизни. Статистика Bramwell'я цѣнна, однако, въ томъ отношеніи, что большинство его больныхъ принадлежали къ запойнымъ пьяницамъ—категоріи, которая, по единодушному свидѣтельству всѣхъ авторовъ, наиболѣе трудно поддается леченію. Всѣхъ случаевъ за послѣднія 10 лѣтъ у Bramwell'я 76. Изъ нихъ выздоровѣли 28: 17 мужчинъ и 11 женщинъ; средній возрастъ больныхъ 40 лѣтъ; среднее количество сеансовъ—30. Въ 36 случаяхъ (26 мужчинъ и 10 женщинъ) получилось значительное улучшеніе: больные выпивали очень рѣдко и къ нимъ вернулась ихъ работоспособность. Въ 12 случаяхъ (10 мужчинъ и 2 женщины) результатъ былъ ничтожный и, не смотря на настойчивое леченіе, пьянство продолжалось. Авторъ, повидимому, лечилъ исключительно гипнозомъ, такъ какъ онъ ничего не говоритъ о примѣненіи какихъ либо фармацевтическихъ средствъ и другихъ способахъ лечебнаго воздѣйствія.

А. Пѣвницкій.

Д-ръ Францъ Риклинъ. О примѣненіи гипноза при эпилептическихъ амнезіяхъ. D-r Franz Riklin. Zur Anwendung der Hypnose bei epileptischen Amnesien. Journal für Psychol. und Neurol., 1903, Bd. II, Heft 1.

Докторъ Riklin приводитъ случай, гдѣ ему удалось у типичнаго эпилептика устранить въ состояніи гипноза эпилептическую амнезію. Дѣло касается молодого субъекта 25 лѣтъ, страдавшаго съ 9-лѣтняго возраста типичными судорожными припадками падучей. Отецъ больного былъ алкоголикъ, а братъ страдалъ эпилепсіей. Припадки у больного повторялись вначалѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, а затѣмъ участились и стали наблюдаться каждыя двѣ недѣли. Въ лечебницѣ для эпилептиковъ, гдѣ авторъ наблюдалъ больного, у него были обнаружены какъ типическіе припадки, такъ и состоянія «absence». Эти послѣднія заключались въ томъ, что больной начиналъ внезапно прыгать по комнатѣ и смѣяться; оборонялся отъ лицъ, желавшихъ его удержать, щекоталъ ихъ и кричалъ смѣясь: «Hä-hä, hä-hä». Затѣмъ, мяукая, онъ дѣлалъ видъ, что гладитъ какое-то животное, а именно кошку. При пробужденіи больного, у него наблюдалась полная амнезія всего происходившаго во время припадка.

Въ декабрѣ 1902 года авторъ произвелъ первый сеансъ гипноза, причемъ больной довольно легко уснулъ. Данный ему въ руки бархатный воротникъ онъ принялъ за кошку и соотвѣтствующимъ образомъ съ нимъ обращался.

Въ февралѣ 1903 года съ больнымъ случился припадокъ «absence», состоявшій въ томъ, что больной началъ внезапно смѣяться, кричать «hä-hä, «hä-hä», причемъ лицо было красно и взглядъ неподвиженъ. Затѣмъ онъ началъ щекотать служителя Б., гладить его руку, повторяя «Miau, miau», и обращался вообще съ рукой служителя, какъ съ кошкой. На предложеніе служителя отправиться на работу, больной, указывая на полъ, сказалъ: «мыши, мыши». Затѣмъ больной вынулъ изъ кармана сахаръ, началъ его ѣсть, приговаривая: «хорошо, очень хорошо». Послѣ этого больной постепенно сталъ приходить въ себя и не сохранилъ ни малѣйшаго воспоминанія о случившемся.

16-го Февраля 1903 года былъ снова примѣненъ гипнозъ. Больной немного труднѣе заснулъ, нежели въ первый разъ, причемъ въ состояніи гипноза онъ вначалѣ вспомнилъ только, что 14-го Февраля у него было головокруженіе. Когда же авторъ произнесъ слово «мыши», то больной внезапно заявилъ, что тогда были мыши, которыя бѣгали по комнатѣ; что кромѣ того у него была кошка на рукахъ и что онъ говорилъ: «Miau»; что кошка поймала мышь. Кромѣ того, больной вспомнилъ, что около него былъ служитель Д., который звалъ его на работу. Почему онъ говорилъ: «hä-hä», больной не объясняетъ. На краткій вопросъ автора «было-ли хорошо?» больной вспоминаетъ, что онъ что-то ѣлъ.

По пробужденіи больного отъ гипнотическаго сна, онъ сохраняетъ въ памяти разсказанное имъ въ гипнозѣ, между тѣмъ какъ до гипноза онъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

Ввиду того, что припадки «absence» у больного имѣли чисто эпилептическій характеръ (истерическіе симптомы у больного совершенно отсутствовали), авторъ приходитъ къ заключенію, что возможно въ гипнозѣ устранять амнезію объ эпилептическихъ сумеречныхъ состояніяхъ сознанія, какъ и объ истерическихъ, и что устраненіе амнезіи гипнозомъ не можетъ служить для дифференціальной діагностики эпилептической амнезіи отъ истеріи; Heilbronner между тѣмъ полагаетъ, что перваго рода амнезіи не устранимы гипнозомъ.

Ю. Бѣлицкій.

4. Криминальная антропологія.

Мануврье. О методѣ изслѣдованія преступниковъ. Manouvrier. Remarques sur la méthode dans l'étude des criminels. (Bulletin de l'Institut général psychologique. 1903. № 1).

Подвергнувъ изслѣдованію извѣстное число мальчиковъ, задержанныхъ за воровство, авторъ указываетъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ невропатическихъ субъектовъ, всѣ остальныя дѣти сдѣлались преступными не подъ вліяніемъ патологическихъ условій, а подъ давленіемъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, психологическій анализъ которыхъ обнаруживаетъ возможность ихъ рокового воздѣйствія и на индивидуумовъ, обладающихъ полнѣйшимъ психофизическимъ здоровьемъ. Изученіемъ этихъ внѣшнихъ условій обыкновенно пренебрегаютъ изслѣдователи, желающіе подвести факты подъ готовыя теоріи. Авторъ же думаетъ, что никакія лабораторно-инструментальныя изслѣдованія и никакія самыя точныя цифры не могутъ быть убѣдительными, если не будетъ обращаться вниманія на психо-соціологическія условія, оказывающія давленіе на нравственное поведеніе личности. Никоимъ образомъ нельзя замѣнять терминъ «преступникъ» терминомъ «ненормальный», какъ это привыкъ дѣлать Ломброзо. Преступленіе и добродѣтель не могутъ быть научно изучаемы безъ антропологическаго изученія преступныхъ и добродѣтельныхъ людей. Изученіе же это не можетъ быть научнымъ, если оно будетъ пренебрегать соціологіей и психологіей.

Ю. Португаловъ.

Р. д'Аллоннъ. Относительность преступленія. R. d'Allonnes. La relativité du crime. (Bulletin de l'Institut général psychologique. 1903. № 1).

Отрицая существованіе біологически опредѣленнаго типа преступника, обыкновенно ссылаются на *относительность* преступленія. Авторъ задается цѣлью проанализировать, дѣйствительно-ли можно вооружаться противъ всякой концепціи о преступномъ типѣ, даже лишенной анатомическихъ фантазій Ломброзо — лишь на основаніи факта измѣнчивости въ пониманіи преступныхъ дѣяній подъ вліяніемъ различій соціальной среды и различныхъ эпохъ. Авторъ высказываетъ мысль, что возможна доктрина о психологическомъ типѣ преступника, даже если отвергнуть цѣликомъ анатомическія данныя Ломброзо—доктрина, совершенно независимая отъ статистики и соціологіи преступленія. По мнѣнію соціологовъ, преступленія, какъ особой естественной формы, не существуетъ: оно есть отношеніе соціальное —отношеніе одного лица къ другому или къ цѣлому обществу. Искать специфическихъ чертъ преступности въ черепахъ, челюстяхъ и т. п.—значитъ, по мнѣнію соціологовъ, искать мораль въ анатоміи; это теологія, мистицизмъ, а не наука. Однако—думаетъ авторъ—въ этихъ мысляхъ болѣе діалектики, чѣмъ истины. Во-1-хъ, самъ Ломброзо отлично понимаетъ относительность преступленія и самъ привелъ въ пользу ея много этнографическихъ данныхъ. Во-2-хъ, нельзя вооружаться противъ параллелизма между моралью и физическимъ міромъ. Если этотъ параллелизмъ кажется страннымъ соціологу, то онъ можетъ быть доказанъ экспериментальною психологіей. Кромѣ того, соціальная оцѣнка дѣянія или типа можетъ варіировать, въ то время какъ самый типъ и его органическія условія могутъ *не* измѣняться. Часто, конечно, личность или типъ мѣняютъ свою реакцію по отношенію къ средѣ, но иногда, наоборотъ, типы остаются устойчивыми, а общественное мнѣніе и

соціальная реакція видоизмѣняются. Такимъ образомъ, изъ факта *относительности* преступленія ничего еще нельзя вывести противъ возможности существованія преступнаго типа. Біологи внесли кое-что въ смыслѣ оправданія анатомическаго типа преступника; остается изученіе его *психологическихъ* типовъ. Въ этомъ направленіи тоже нѣчто сдѣлано, хотя и не систематично: установлены клинико-психологическія черты (нравственная нечувствительность, импульсивность, недостаточность задерживательнаго начала и т. д.). Въ этіологіи этихъ типовъ играютъ роль не только общественная среда, но и индивидуально-органическія условія. Итакъ, въ наше время задачей уголовной антропологіи является *психологическое* изученіе преступныхъ типовъ.

Ю. Португаловъ.

Августъ Боско. Преступность въ различныхъ государствахъ Европы. Augusto Bosco. La delinguenza in vari Stati di Europa.

Наблюденіе надъ движеніемъ преступности, сдѣланное по одинаковымъ правиламъ и методу въ различныхъ странахъ за одинъ и тотъ же періодъ времени, можетъ обнаружить причины преступленій и ихъ отношеніе къ другимъ проявленіямъ общественной жизни. Эта мысль и вдохновила Августа Боско, выпустившаго недавно очень обстоятельную книгу о преступности въ государствахъ Европы.

Авторъ задался цѣлью прослѣдить и сравнить ходъ преступности въ главнѣйшихъ государствахъ Европы — Италіи, Франціи, Испаніи, Австріи, Германіи, Англіи, Ирландіи и Шотландіи. Задача обширная и крайне трудная; она требуетъ глубокаго знанія не только законодательствъ различныхъ государствъ, но и организаціи въ нихъ судебной практики. Мы имѣли бы совершенно ложный взглядъ на увеличеніе серьезной преступности во Франціи, если бы изучали только число ежегодныхъ осужденій въ судахъ присяжныхъ, не обращая вниманія на все увеличивающееся стремленіе прокурорскаго надзора передавать дѣла въ исправительные суды. То же самое происходитъ и въ Англіи, гдѣ во многихъ случаяхъ дѣла, подлежащія компетенціи суда присяжныхъ или трехмѣсячныхъ сессій (sessions trimestrielles) мировыхъ судей, передаются на сокращенное разбирательство одного судьи. Необходимо установить также общую мѣру для статистическихъ таблицъ, составленныхъ по различнымъ методамъ, и отдѣлить важныя преступленія отъ менѣе затрагивающихъ общественный строй. Что касается послѣдняго, то классическое различіе между преступленіемъ и проступкомъ не можетъ служить вездѣ точнымъ критеріумомъ: одно и то же преступленіе, смотря по законодательствамъ, относится то въ одну, то въ другую группу.

Чтобы избѣжать, насколько возможно, подобныхъ недоразумѣній, Боско составилъ таблицы, въ которыхъ резюмировалъ съ 1861 г. статистическія данныя преступности въ восьми указанныхъ государствахъ, отдѣляя, насколько позволяли статистическія таблицы и законы, проступки въ собственномъ смыслѣ отъ другихъ нарушеній и серьезныя преступленія отъ незначительныхъ. Обширныя примѣчанія, приложенныя къ каждой таблицѣ, позволяютъ достаточно подробно ознакомиться съ уголовнымъ законодательствомъ каждой страны. Эти таблицы съ примѣчаніями, въ которыхъ мы находимъ число осужденій по всѣмъ судебнымъ вѣдомствамъ, помѣщены въ концѣ книги и составляютъ въ сущности основаніе труда ученаго статистика. Нужно изучить ихъ, чтобы

отдать себѣ полный отчетъ, какъ великъ трудъ, который взялъ на себя авторъ, и, пробѣжавъ ихъ, можно съ полнымъ довѣріемъ приступить къ чтенію тѣхъ главъ, гдѣ онъ показываетъ движеніе преступности въ каждой странѣ и дѣлаетъ свои заключенія.

Указавъ вкратцѣ методъ, принятый Боско, приступимъ къ краткому изложенію его выводовъ.

Въ Италіи тяжкія преступленія значительно уменьшились за послѣдніе 20 лѣтъ, и число убійствъ все уменьшается. Наоборотъ, число возмущеній противъ власти, подлоги и менѣе важныя преступленія противъ личности идутъ увеличиваясь. Преступленія противъ нравственности остаются безъ измѣненій. Число кражъ различно каждый годъ и нѣтъ возможности указать, какому закону подчиняются его колебанія. Въ общемъ, Боско выводитъ заключеніе, что условія преступности въ Италіи все болѣе приближаются къ условіямъ другихъ Европейскихъ государствъ.

Во Франціи увеличеніе преступности, указанное въ статистическихъ данныхъ до 1895 г., не такъ значительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Увеличились только маловажныя преступленія, а убійства и преступленія противъ нравственности уменьшились. Съ 1895 г., подъ вліяніемъ счастливыхъ законодательныхъ реформъ (законы 1891 и 1895 гг.), рецидивъ значительно сократился; наоборотъ, авторъ указываетъ на полный неуспѣхъ закона о ссылкѣ рецидивистовъ (relegation).

Въ Испаніи среднее число убійствъ, повидимому, не измѣняется; это число здѣсь значительнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. То же самое замѣчается и относительно грубыхъ (de violence) преступленій противъ личности и вообще всей преступности. Что характерно для Испаніи, такъ это незначительность преступниковъ изъ класса буржуазіи.

Въ Австріи тяжкія преступленія уменьшаются; увеличиваются, наоборотъ, незначительные проступки и понижается средній возрастъ преступниковъ, что указываетъ на болѣе раннюю преступность. Особенно интересны выводы автора изъ нѣмецкой статистики преступленій. Въ этой странѣ, по его мнѣнію, преступность находится въ тѣсной связи съ соціальнымъ развитіемъ. Демографическимъ и экономическимъ измѣненіямъ, происходящимъ отъ увеличенія населенія и богатства, соотвѣтствуютъ, съ одной стороны, увеличеніе числа преступленій и болѣе ранняя преступность, а съ другой — смягченіе характера преступленій, уменьшеніе тяжкихъ преступленій, такъ что самыя буйныя проявленія дѣлаются какъ бы монополіей лицъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ населенія или по своимъ обычаямъ или по чувству.

Страницы, посвященныя Англіи, Ирландіи и Шотландіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, но невозможно въ нѣсколькихъ строкахъ оцѣнить по достоинству книгу Боско, обширныхъ заключающихся въ ней свѣдѣній и тщательность, съ которой онъ показываетъ значеніе законодательныхъ реформъ и стараніе частной благотворительности въ дѣлѣ изъятія малолѣтнихъ отъ дурного вліянія.

Вообще трудно дать подробный анализъ книги въ 300 страницъ, наполненной цифрами и содержащей въ обширныхъ размѣрахъ сущность почти всего, написаннаго о статистикѣ преступленій почти за 40 лѣтъ. Укажемъ только, что общіе выводы, къ которымъ приходитъ Боско въ концѣ книги, очень утѣшительны. Признавая, что статистика преступленій не можетъ быть вполнѣ точнымъ указателемъ преступности, онъ все-таки приходитъ къ убѣжденію, что преступность ослабляется, серьезные проступки уменьшаются, но

въ то же время законодательства создаютъ все новые, имѣющіе характеръ простыхъ нарушеній и не указывающіе собой на развращенность ихъ совершителей. *Ф. Малининъ.*

Каллари. Проституція и проститутка въ Сициліи. Archivo di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale. Vol. XXIV, fasc. III ed fasc. IV. Въ этихъ двухъ выпускахъ напечатаны, между прочимъ, подъ заглавіемъ: «Проституція и проститутка въ Сициліи» (Prostituzione e prostituta in Sicilia), болѣе важныя для уголовной антропологіи выдержки изъ готовившейся къ выходу въ свѣтъ книги доктора Каллари (Callari) «О проституціи въ Сициліи».

Авторъ наблюдалъ и тщательно изучилъ съ физіологической и психологической сторонъ 300 проститутокъ изъ Сициліи. Большое вниманіе онъ обращалъ при этомъ, конечно, на различныя встрѣчавшіяся аномаліи, которыя въ среднемъ составили 9,8%, и на наслѣдственность, отражавшуюся или на физическомъ, или на нравственномъ состояніи его кліентокъ въ видѣ туберкулоза, сифилиса, гонорреи и др. венерическихъ болѣзней или въ видѣ идіотизма, эпилепсіи, истеріи. Цѣлая глава отведена авторомъ на описаніе различныхъ проявленій половой психопатіи. Изъ всевозможныхъ болѣзненныхъ извращеній этого рода среди сицилійскихъ проститутокъ чаще всего встрѣчаются саффизмъ, трибадизмъ и искусственное раздраженіе клитора. Случаи педерастіи, феллизма и др. противоестественныхъ сношеній очень рѣдки. Встрѣчаются и другія ненормальности, выражающіяся въ томъ, что для полового возбужденія нѣкоторыя женщины должны видѣть мученія мужчины или получать отъ него удары, пощечины, укусъ или—какъ это наблюдается у извращенныхъ субъектовъ того и другого пола—слышать запахъ его пота.

Изъ нервныхъ болѣзней у проститутокъ чаще всего встрѣчается истерія, дѣйствующая заразительнымъ образомъ и передающаяся отъ одной паціентки къ другой.

Подробно останавливается авторъ на описаніи, въ какой степени и какъ проявлялись у его кліентокъ различныя чувства, каковы: месть, зависть, корыстолюбіе, ненависть, ложь, доброта, материнское чувство, привязанность, суевѣріе и т. д.

Изъ 300 изслѣдованныхъ женщинъ 15 были татуированы или своими возлюбленными, или подругами. По большей части татуировка помѣщалась на груди и на рукахъ. Изъ 15 татуированныхъ 11 были совершенно нормальны и не имѣли никакихъ признаковъ вырожденія; остальныя 4 были полныя дегенератки. *Ф. Малининъ.*

Леви. Преступность въ произведеніяхъ писателей древней Греціи. La criminalita negli scrittori della Grecia antica. Эта статья доктора Леви представляетъ выдержки изъ прекраснѣйшей, по мнѣнію редакціи журнала, готовившейся къ выходу книги: «Il delitto e la pena nel pensioro dei Greci antichi»—изслѣдованіе видовъ преступности по литературнымъ памятникамъ древней Греціи, начиная съ Гомера, и взгляды древнихъ мыслителей на ея происхожденіе.

Въ первобытныя времена, описанныя Гомеромъ, и преступность была первобытная, не утонченная, не сложная. При этомъ нѣкоторыя преступныя,

согласно современному взгляду, наклонности и черты въ то время считались скорѣе доблестью, какъ, напримѣръ, коварство Одиссея, обратившееся даже въ эпитетъ при его имени. Преступленія того времени имѣли кровавый характеръ, что мы видимъ изъ Иліады и Одиссеи и позднѣе изъ трагедій Еврипида, Эсхила и Софокла. Интересны два случая убійства и покушенія на него въ состояніи душевнаго разстройства въ произведеніяхъ Еврипида—«Геркулесъ въ бѣшенствѣ» и Софокла — «Аяксъ».

Съ развитіемъ Аѳинскаго государства, съ новыми условіями жизни и взаимныхъ отношеній, вызванныхъ народившейся культурой, къ прежней кровавой преступности присоединяется новая, имѣющая характеръ обмана, козней, политическаго недовольства, возмущенія противъ старой уже колеблющейся религіи. У Антифонта мы находимъ изображеніе обвиняемой въ отравленіи мачихи за то, что она отравила мужа. У Андоцида описывается ужасный для того времени случай разбитія статуи Гермеса въ 415 г. до Р. Х. и заключенія въ тюрьму Алкивіада и другихъ представителей знатнѣйшихъ фамилій, по подозрѣнію въ совершеніи этого преступленія.

Въ произведеніяхъ другихъ писателей и ораторовъ находятся указанія на цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній различнаго характера: тутъ и клевета, и адюльтеръ, и проституція, и сводничество, и преступленія политическія, и религіозныя и еще новый видъ преступности, состоящій въ противоестественныхъ проявленіяхъ любви и близости между полами.

О томъ, какъ въ то время смотрѣли на преступность и являлась-ли мысль о болѣзненномъ ея происхожденіи, мы также узнаемъ изъ произведеній той эпохи. Исократъ указываетъ, напримѣръ, на возможность предупредить преступленіе изолированіемъ лицъ, возбуждающихъ подозрѣніе своими странными поступками. Еще болѣе ясные взгляды на типъ преступника и на соотношеніе между эпилепсіей и преступленіемъ находимъ мы у трагиковъ и ученыхъ того времени. Въ «Трактатѣ о воздухѣ, водѣ и землѣ» отрицается божественное происхожденіе эпилепсіи, по отношенію къ которой до того времени не находили иного объясненія. По мнѣнію трактата, эпилепсія такая же болѣзнь, какъ и другія. Происходитъ она отъ мозга, подобно большинству человѣческихъ страданій. Причина ея — перемѣна вѣтра: южный вѣтеръ борется съ ней, сѣверный усиливаетъ ее. Безуміе тоже происходитъ отъ мозга: если мозгъ сдѣлается слишкомъ влажнымъ, онъ начинаетъ двигаться и этимъ повреждаетъ зрѣніе и слухъ, которые начинаютъ путаться въ получаемыхъ впечатлѣніяхъ, а языкъ выражаетъ эту путаницу. Платонъ также выражалъ въ своихъ трудахъ почти современные взгляды на занимающій насъ предметъ. Профессоръ Артуръ Берзано въ своемъ очеркѣ «О безуміи, геніи и преступности въ философіи Платона» говоритъ, что современная, такъ называемая, ломброзовская теорія была уже неясными штрихами набросана у Платона. «Все, что говорится»—пишетъ этотъ философъ—«о невоздержаніи страстей и о сознательномъ совершеніи преступленій, невѣрно, потому что нѣтъ добровольныхъ злодѣевъ, а дѣлается человѣкъ такимъ, вслѣдствіе несчастнаго физическаго устройства или дурного воспитанія, и со всякимъ можетъ случиться такое несчастіе противъ его воли».

Ф. Малининъ.

III. Корреспонденціи.

Отчетъ о диспутѣ Н. О. Лосскаго.

Въ воскресенье, 9-го ноября, въ актовомъ залѣ Университета состоялась защита Н. О. Лосскимъ диссертаціи: «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма», представленной имъ на соисканіе степени магистра философіи. Въ блестящей вступительной рѣчи диспутантъ развилъ свои главныя положенія. Во всякомъ психическомъ состояніи можно найти элементы, переживаемые какъ «мои» и какъ «данные мнѣ». Всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ «мое», заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта, мое стремленіе, чувствованіе моей активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія. Такое состояніе кажется мнѣ произведеннымъ мною (2-ое положеніе). Изо всѣхъ элементовъ волевого акта самыми существенными, однако, являются стремленія, которыя могутъ сознаваться какъ «мои» даже въ томъ случаѣ, если они не связаны съ остальными элементами волевого акта «Мое» стремленіе есть причина «моей» перемѣны, и другія, необходимо предшествующія перемѣнѣ обстоятельства служатъ лишь поводомъ къ возникновенію перемѣны. «Я» есть относительно непроизводное единство стремленій, единство цѣлестремительныхъ актовъ. «Данныя мнѣ» состоянія сознанія образуютъ объективный міръ, распадающійся также на относительно непроизводныя единства. «Данныя мнѣ» состоянія сознанія суть «мои» состоянія другихъ «я» (обоснованіе этого положенія послѣдуетъ въ сочиненіи по теоріи познанія). «Я» и «не-я», какъ таковыя, сознаются всегда, но опознаются рѣдко. Если какія-нибудь сложные ряды психическихъ состояній кажутся вовсе не имѣющими отношенія ни къ «я», ни къ «не-я», то стоитъ только воспроизвести ихъ и обратить на нихъ вниманіе съ этой стороны, какъ тотчасъ-же окажется, что одни изъ нихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ чувствуются какъ «мои», другіе чувствуются, какъ «данные мнѣ», но мы раньше только не замѣчали, не опознавали этихъ чувствованій.

Первый оппонентъ, проф. А. И. Введенскій призналъ за диспутантомъ выдающіяся дарованія и умѣнье работать, и указалъ, прежде всего, на достоинство работы- цѣльность и стройность ея. Положенія автора построены, однако, на шаткихъ предпосылкахъ. Правда, невозможно прямо опровергнуть ихъ, невозможно, однако-же, доказать и справедливость ихъ. Диспутантъ строитъ психологію на метафизикѣ, возвращается, такимъ образомъ, къ уже отжившимъ направленіямъ психологіи. Авторъ исходитъ изъ признанія активной духовной субстанціи. Между тѣмъ, прежде всего сомнительно, можемъ-ли мы говорить о непосредственномъ сознаніи активности. Многіе психологи (Münsterberg въ своихъ болѣе раннихъ произведеніяхъ, Titchener), какъ извѣстно, отрицаютъ таковое. Можно полагать, что сознаніе активности дано не непосредственно, а создано путемъ умозаключенія.

Второе возраженіе А. И. Введенскаго касалось вопроса, возможно-ли, исходя отъ переживанія чувства активности, заключать къ реальной активности сознанія. Авторъ долженъ былъ бы доказать это, между тѣмъ онъ этого не дѣлаетъ. Онъ не опровергаетъ ученій, утверждающихъ противное; такъ, онъ не даетъ опроверженія матеріализма; не опровергается, вообще, существованіе реальности, которая могла бы лежать внѣ всякаго сознанія, вступать въ опытъ только по временамъ, давая

при столкновеніи съ сознаніемъ восріятіе. Авторъ не даетъ затѣмъ полной критики и параллелистическаго ученія; онъ критикуетъ только ученіе, утверждающее, что всякому физическому процессу соотвѣтствуетъ психическій; между тѣмъ параллелистъ, высказывающій, что всякому психическому процессу соотвѣтствуетъ физическій, еще не утверждаетъ обратнаго.

Затѣмъ проф. А. И. Введенскій указалъ, что авторъ употребляетъ термины «мой» и «данный мнѣ» въ различныхъ смыслахъ. Въ первой части книгъ авторъ пользуется терминомъ «мой» въ томъ смыслѣ, что извѣстныя состоянія сознанія переживаются, какъ зависящія въ своемъ возникновеніи отъ моня. Если подставить точное значеніе термина мой въ положеніе 2-ое (см. выше) и нѣкоторыя другія, то получится тавтологія. Во второй части книги термину «мой» приписывается другое значеніе, «мой» является антитезой чужимъ состояніямъ сознанія; «данными мнѣ» элементами являются, въ такомъ случаѣ, чужія состоянія сознанія; необходимо было бы доказать, что «данныя мнѣ» состоянія (въ томъ числѣ и мысли, воспоминанія, «стремленія во мнѣ») дѣйствительно суть процессы чужого сознанія.

Наконецъ, проф. А. И. Введенскій указалъ на то, что авторъ придаетъ понятію сознанія слишкомъ широкое значеніе, отожествляя его съ бытіемъ. Сознаніе вообще опредѣляется, какъ прямое, непосредственное знаніе. Поэтому напр., ощущеніе слѣдуетъ отнести къ познавательнымъ процессамъ. Оно предполагаетъ извѣстное различеніе. «Толчковъ сознанія» безъ какой бы то ни было диффеpенціаціи мы указать не можемъ. Послѣ возникновенія ощущенія мы можемъ, конечно, еще такъ или иначе истолковывать его, причемъ вносимъ въ процессъ толкованья новые элементы, заимствованные изъ другихъ данныхъ опыта. Подобнымъ же привнесеніемъ новыхъ элементовъ въ толкованье психическихъ состояній объясняется различеніе въ переживаньяхъ «моихъ» и «данныхъ мнѣ» элементовъ. Въ самихъ переживаньяхъ такая противоположность содержится далеко не всегда. Подраздѣленіе состояній сознанія на «мои» и «данныя мнѣ» условно и произвольно, такъ же, какъ условны и произвольны границы «я». Тѣ же самыя переживанья, напр., «данныя мнѣ» стремленія я могу разсматривать то какъ «мои», то какъ «данныя мнѣ», въ зависимости отъ того, какъ широко беру я границы своего «я».

На возраженія проф. Введенскаго диспутантъ отвѣтилъ слѣдующее. По его словамъ, онъ не порвалъ еще въ своемъ сочиненіи связи съ критическою философіею и избѣжалъ метафизики, какъ трансцендентнаго знанія, какъ ученія о вещахъ въ себѣ, выходящаго за предѣлы всякаго опыта. Даже въ главѣ о «Личности» онъ чисто феноменалистически опредѣляетъ я, какъ относительно непроизводное единство стремленій, слѣдовательно, говоритъ не о какой-либо метафизической субстанціи, а о связи явленій.

Если Мюнстербергъ, Тиченеръ и др. отрицаютъ самое существованіе чувствованія активности, то это, по мнѣнію диспутанта, не колеблетъ его работы, потому что, всматриваясь въ утвержденія Тиченера, Мюнстерберга и др., можно замѣтить, что они отрицаютъ не фактъ сознаванія активности, а теоріи активности сознанія. Отрицать фактъ сознаванія активности они уже потому не могутъ, что занимаются именно анализомъ его, доказывая, напр., что сознаваніе активности складывается изъ ощущеній и т. п. элементовъ.

Что же касается ученія о реальной активности сознанія, диспутантъ призналъ это ученіе не абсолютно необходимымъ для своихъ теорій, такъ какъ онъ настаиваетъ лишь на томъ, что всѣ перемѣны, относимыя нами къ нашему я, заключаютъ въ себѣ чувствованіе активности, которое однако можетъ быть и иллюзорнымъ; далѣе, онъ утверждаетъ, что всѣ «мои» перемѣны въ сознаніи причиняются

«моими» стремленіями, но подъ словомъ причиняется онъ разумѣетъ лишь необходимое предшествованіе одного явленія другому, такъ что это понятіе активности сознанія еще не противорѣчитъ требованіямъ критической философіи. Диспутантъ признаетъ, что во второй главѣ своего сочиненія, защищаясь отъ такихъ противниковъ волюнтаризма, какъ матеріалисты, и критикуя параллелизмъ, онъ не выяснилъ вопроса объ отношеніи тѣла къ духу до конца, такъ какъ основательное рѣшеніе этихъ проблемъ требуетъ помощи со стороны теоріи знанія; не желая вводить въ сочиненіе по психологіи трактатовъ изъ области теоріи знанія, онъ позволилъ себѣ прямо примкнуть къ тѣмъ направленіямъ въ гносеологіи, которыя обосновываютъ идеалистическія ученія о мірѣ. На самомъ дѣлѣ диспутантъ не принадлежитъ къ числу сторонниковъ идеализма и обосновываетъ свои взгляды на отношеніе между духомъ и тѣломъ иначе, именно допускаетъ реальное взаимодѣйствіе между тѣлесною и душевною жизнью, опираясь на особое направленіе въ теоріи знанія, которое онъ называетъ мистическимъ эмпиризмомъ.

Такъ какъ диспутантъ не опубликовалъ еще своего обоснованія мистическаго эмпиризма, то поэтому въ сочиненіи по психологіи онъ и принужденъ былъ примкнуть къ одному изъ существующихъ, но не раздѣляемыхъ имъ гносеологическихъ направленій.

Наконецъ, въ отвѣтъ на утвержденіе проф. А. И. Введенскаго, что термины «мой» и «данный мнѣ» употреблены въ разныхъ мѣстахъ сочиненія въ разныхъ смыслахъ, и что во второмъ и четвертомъ тезисѣ они употреблены въ смыслѣ, «произведенный мною» и «не произведенный мною», такъ что второй и четвертый тезисъ оказываются просто тавтологією, диспутантъ указалъ на то, что первоначально онъ въ своемъ сочиненіи разумѣетъ подъ словами «мой» и «данный мнѣ» вовсе не теорію зависимости или независимости отъ я состояній сознанія, а два реальныя чувствованія, сообщающія состояніямъ сознанія различную окраску, именно чувствованіе, которымъ окрашено, напр., ощущеніе твердости, и чувствованіе, которымъ окрашенъ, напр., процессъ сравниванія или процессъ апперципированія, т. е. оттѣнки сознанія, которые можно было бы назвать также словами чувствованіе объективности и чувствованіе субъективности. Построивъ на основаніи изученія «моихъ» душевныхъ процессовъ теорію я, какъ единства «моихъ» состояній сознанія, онъ, по его словамъ, получилъ вслѣдъ за этимъ право смотрѣть на «данныя» состоянія, какъ на состоянія, не относящіяся къ сферѣ я, а принадлежащія объективному міру.

По поводу сдѣланнаго проф. Введенскимъ опредѣленія сознанія, какъ прямого, непосредственнаго знанія, диспутантъ замѣтилъ, что въ этомъ опредѣленіи болѣе общее понятіе (сознаніе) подводится подъ менѣе общее понятіе (знаніе), такъ что согласно этому опредѣленію нужно было бы думать, что опосредствованное, напр., научное знаніе не есть сознаніе. Такъ какъ процессъ знанія необходимо требуетъ сравненія, и такъ какъ матеріалъ для сравненія долженъ предшествовать самому процессу сравненія, то диспутантъ полагаетъ, что процессамъ знанія должны предшествовать процессы сознанія, не заключающіе еще въ себѣ знанія, не опознанные, не интеллектуальные.

И. И. Лапшинъ указалъ на широту захваченнаго диспутантомъ вопроса. Въ послѣдніе годы психологическія изслѣдованія получили въ значительной степени какъ бы атомистическій характеръ. Изслѣдуются какія-нибудь частныя стороны душевной дѣятельности внѣ связи ихъ съ цѣлымъ. Такія изслѣдованія, игнорирующія связь части съ цѣлымъ, не могутъ быть плодотворными. Работа диспутанта представляетъ, поэтому, въ настоящее время особенную цѣнность. Затѣмъ И. И. Лапшинъ спросилъ диспутанта, въ какое отношеніе ставитъ онъ причинность сознанія

съ толкованіемъ причинности, какъ связи всѣхъ элементовъ опыта, какъ результата сплошности опыта. Далѣе И. И. Лапшинъ указалъ на неполноту анализа ученія объ эвдемонистической мотиваціи (диспутантъ сводитъ это ученіе почти къ тавтологія); не принятъ во вниманіе, напр., одинъ существенный моментъ—установленіе іерархіи цѣнностей въ зависимости отъ постоянства мотивовъ (Meinong, Ehrenfels). Перейдя затѣмъ къ вопросу о классификаціи характеровъ, И. И. Лапшинъ указалъ на игнорированіе ею нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ. Устанавливая типы чувственный, эгоцентрическій и сверхличный, мы должны, напр., отнести братьевъ Карамазовыхъ къ различнымъ типамъ. Черты, свойственныя имъ всѣмъ, характерныя для «Карамазовщины», остаются неотмѣченными.

И. И. Лапшину диспутантъ отвѣтилъ, что онъ имѣлъ въ виду необъятную сложность причинъ всякаго явленія и именно поэтому въ восьмомъ тезисѣ, говоря о томъ, что всякая «моя» перемѣна причиняется «моими» стремленіями, прибавилъ въ скобкахъ слово «отчасти», такъ какъ желалъ подчеркнуть, что стремленіе есть лишь часть причины перемѣнъ. Что касается основаній классификаціи характеровъ, диспутантъ призналъ схематичность своего дѣленія и указалъ на то, что онъ не могъ идти дальше перваго подраздѣленія характеровъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему пришлось бы дать цѣлую монографію о характерахъ, что вывело бы его изъ рамокъ его сочиненія, пересматривающаго самыя важныя общія ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

Въ преніяхъ принимали, кромѣ того, участіе проф. Н. Е. Введенскій г. Кирилловъ и г. Жаковъ. Они указали, между прочимъ, на недостаточность критерія для отдѣленія «моихъ» отъ «данныхъ мнѣ» состояній сознанія, на то, что не выяснена взаимная связь элементовъ, входящихъ въ «данныя мнѣ» состоянія сознанія; коснулись, наконецъ, вопроса объ отношеніи гносеологическихъ взглядовъ диспутанта къ реализму.

Диспутантъ былъ признанъ достойнымъ искомой имъ степени, что было привѣтствовано громкими и долгими рукоплесканіями.

А. Крогіусъ.

Отчеты о засѣданіяхъ обществъ.

Въ Русскомъ Обществѣ Нормальной и Патологической Психологіи засѣданіе 7-го октября 1903 г.

Докладъ Л. С. Павловской и В. Н. Елеонской: Экспериментальное изслѣдованіе способности сужденія.

Докладчицами былъ поставленъ рядъ опытовъ, состоявшихъ въ томъ, что испытуемаго просили дать опредѣленіе того или иного понятія, причемъ вопросъ задавался всегда въ одной и той же формѣ: «что такое желѣзо?», что такое . . . столъ?» и т. д. Отвѣты подробно записывались. Попутно измѣрялось при помощи хроноскопа также время, протекшее между заданнымъ вопросомъ и полученнымъ на него отвѣтомъ. Всѣ полученные отвѣты докладчицы дѣлятъ на 3 группы. Первая группа—типичныя сужденія, требующія наиболѣе продолжительнаго времени; вторая—привычныя или воспроизведенныя сужденія, представляющія собой простое воспроизведеніе тѣхъ сужденій, которыя были уже образованы и высказываемы даннымъ лицомъ когда-нибудь прежде; наконецъ, третью группу составляютъ тѣ случаи, гдѣ не было вовсе сужденія, а была простая ассоціація. Кромѣ того, выяснилось много подробностей относительно типовъ мышленія, вліянія усталости, привыканія, настроенія и т. д.

А. П. Нечаевъ указалъ на то, что докладчицами были оставлены безъ изслѣдованія тѣ логическіе законы, отъ которыхъ зависитъ выборъ того или иного опредѣленія и которые являются наиболѣе важнымъ элементомъ сужденія.

Л. С. Павловская думаетъ, что вопроса этого, можетъ быть, вовсе нельзя рѣшить опытнымъ путемъ; во всякомъ случаѣ, докладчицы не считали себя вправѣ рѣшать его такъ или иначе, такъ какъ не имѣли на это достаточныхъ опытныхъ данныхъ.

Проф. В. С. Серебрениковъ. Изслѣдованіе касается не всѣхъ сужденій, а только одного вида ихъ, именно опредѣленій. Между тѣмъ, этотъ видъ сравнительно мало пригоденъ для данной цѣли, такъ какъ отвѣтъ здѣсь сводится въ большинствѣ случаевъ къ простому воспроизведенію по категоріи тождества.

Предсѣдатель Акад. В. М. Бехтеревъ. Такъ какъ психологія сужденія— вопросъ чрезвычайно сложный, то докладчицы поступили правильно, ограничившись на первый разъ только однимъ видомъ сужденій, именно опредѣленіемъ. Далѣе, онѣ справедливо выдѣляютъ въ особую группу тѣ сужденія, которыя онѣ называютъ воспроизведенными: здѣсь мы имѣемъ нѣчто большее, чѣмъ простую ассоціацію, на что указываетъ между прочимъ и большая ихъ продолжительность по сравненію съ случаями простой ассоціаціи. Интересенъ также тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ утомленія типическія сужденія дѣлаются рѣже, уступая мѣсто воспроизведеніямъ. Фактъ этотъ характеризуетъ утомленіе съ качественной стороны.

Въ преніяхъ принимали участіе также А. Ѳ. Лазурскій, П. Е. Снѣсаревъ, М. Л. Фалькъ и Ф. Ф. Фишеръ.

Далѣе слѣдовало сообщеніе д-ра **А. Л. Щеглова:**

Экспериментально-психологическія изслѣдованія по вопросу о работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ.

Референтъ произвелъ рядъ сравнительныхъ изслѣдованій относительно умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ и непреступныхъ дѣтей того же возраста. Первые изслѣдовались въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, вторыя — въ начальныхъ и ремесленныхъ училищахъ. Оказалось, что скорость простой реакціи и реакціи выбора у малолѣтнихъ преступниковъ менѣе значительна, чѣмъ у дѣтей непреступниковъ; то же слѣдуетъ сказать и относительно скорости простѣйшихъ и привычныхъ ассоціацій. Приспособляемость къ работѣ, способность быстро развивать максимальную умственную дѣятельность у малолѣтнихъ преступниковъ также выражена слабѣе, чѣмъ у не-преступниковъ. Кромѣ того преступники обнаруживаютъ при работѣ быструю утомляемость и значительныя колебанія вниманія *).

Засѣданіе 4-го Ноября 1903 г.

Пренія по докладу д-ра А. Л. Щеглова (заглавіе доклада—см. выше).

Д-ръ В. П. Осиповъ указалъ на то, что дѣти, содержащіяся въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, не представляютъ собой вполнѣ однороднаго матеріала, а значительно разнятся другъ отъ друга по своему общественному положенію, образованію, состоянію здоровья и т. д.

Акад. В. М. Бехтеревъ отмѣтилъ, что до сихъ психическая сфера преступниковъ еще вовсе не подвергалась экспериментальному изслѣдованію, если не считать работы Ломброзо, который, впрочемъ, изучалъ только элементарные душевные процессы. Такимъ образомъ работа референта, изслѣдовавшаго болѣе сложныя

*) Пренія по докладу А. Л. Щеглова, за позднимъ временемъ, были отложены до слѣдующаго засѣданія.

проявленія душевной дѣятельности, является первой въ этомъ родѣ. Опредѣляя умственную продуктивность испытуемыхъ по количеству задачъ, ими рѣшенныхъ, слѣдовало бы принимать во вниманіе не только общее количество рѣшенныхъ задачъ, но также и тотъ фактъ, сколько задачъ было рѣшено правильно: важно не только количество, но и качество произведенной работы.

Въ преніяхъ принимали участіе также А. А. Крогіусъ, Е. И. Радинъ и Л. М. Пуссенъ.

Докладъ д-ра **Е. П. Радина: Методика психологическаго изслѣдованія бреда и краткій обзоръ ученій о бредѣ.**

По мнѣнію референта, психологическая переработка клиническаго матеріала возможна лишь при приложеніи къ нему метода сравнительной психологіи. Въ качествѣ типичнаго бреда имъ взята параноя или бредовое помѣшательство. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ подвергнуть критикѣ ассоціаціонныя объясненія бреда (Вернике, Цигенъ, Щербакъ): общія черты ихъ — абстрактность и злоупотребленіе аналогіей. Односторонними являются также и другія теоріи бреда. Значительный свѣтъ въ ученіе о бредѣ можетъ внести энергетическая психологія (Бехтеревъ, Краинскій).

Д-ръ Г. Я. Трошинъ. Ассоціаціонное ученіе о бредѣ представляетъ собою огромный шагъ впередъ по сравненію съ прежними метафизическими ученіями. Отрицая его и пытаясь основаться на энергетикѣ, Вы возвращаетесь къ метафизикѣ.

Докладчикъ. Новѣйшія энергетическія ученія (напр., Оствальда) являются по своимъ методамъ строго научными и ничего общаго съ метафизикой не имѣютъ.

Акад. В. М. Бехтеревъ согласенъ съ докладчикомъ въ томъ, что психологическій методъ изслѣдованія долженъ быть примѣняемъ при рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ психіатріи. Что же касается энергетизма, то примѣнять эту точку зрѣнія къ рѣшенію психіатрическихъ проблемъ является въ настоящее время еще преждевременнымъ. При объясненіи бреда нельзя стоять на какой-нибудь односторонней точкѣ зрѣнія: въ одномъ случаѣ причиной бреда можетъ явиться нарушеніе хода ассоціацій, въ другомъ—разстройство эмоціональной сферы, въ третьемъ—отсутствіе задержки, въ четвертомъ—галлюцинаціи и иллюзіи и т. д.

Въ преніяхъ принимали участіе также В. П. Осиповъ, А. А. Крогіусъ, М. Л. Фалькъ, Ф. Ф. Фишеръ и А. Л. Щегловъ. *А. Лазурскій.*

Въ Философскомъ Обществѣ. 14 октября въ 8 час. вечера, въ залѣ совѣта Университета происходило засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Введенскаго. Засѣданіе открылось рѣчью И. И. Лапшина, посвященною памяти почившаго члена-учредителя общества М. М. Филиппова. Ораторъ охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ личность покойнаго, какъ писателя-философа и публициста, и сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о бодрости духа, которую сохранилъ покойный до конца своихъ дней, не смотря на постигшія его превратности судьбы.

Затѣмъ слово было предоставлено **А. А. Крогіусу**, который прочелъ докладъ на тему: **«О нѣкоторыхъ особенностяхъ душевной жизни слѣпыхъ».** Содержаніе доклада сводится къ слѣдующему: докладчикъ произвелъ, во-первыхъ, изслѣдованіе относительно воспріятія слѣпыми и зрячими пространственныхъ отношеній. Слѣпымъ и зрячимъ (съ завязанными глазами) давались различныя фигуры, вырѣзанныя изъ картона. Фигуры эти обводились съ помощью

различныхъ типическихъ движеній, употребляемыхъ при ощупываніи вообще. Затѣмъ только что ощупанныя формы воспроизводились или тѣмъ-же движеніемъ, которымъ были восприняты, или-же какимъ нибудь другимъ движеніемъ. Оказалось, что во всѣхъ случаяхъ слѣпые дѣлали, въ среднемъ, большія ошибки, чѣмъ зрячіе. Особенно рѣзки были разницы въ величинѣ ошибокъ при ощупываніи какой-нибудь формы однимъ движеніемъ и при воспроизведеніи ея другимъ. Зрячіе, очевидно, гораздо лучше слѣпыхъ устанавливаютъ одинъ общій масштабъ для различныхъ двигательно-осязательныхъ ощущеній. Докладчикъ объясняетъ полученные имъ результаты тѣмъ, что у зрячихъ къ осязательно-двигательнымъ ощущеніямъ всегда присоединяются зрительныя представленія. Послѣ этого докладчикъперешелъ къ разсмотрѣнію содержанія представленій слѣпыхъ, причемъ указалъ, между прочимъ на то, что слова, обозначающія спеціально зрительныя представленія зрячихъ (напр. цвѣта) служатъ для слѣпыхъ выразителями, по преимуществу, эмоціональнаго характера этихъ представленій. Затѣмъ докладчикъ отмѣтилъ важное значеніе для слѣпого слуховыхъ ощущеній, причемъ сообщилъ, что слѣпые истолковываютъ и запоминаютъ эти ощущенія лучше, чѣмъ зрячіе. Послѣ этого докладчикъ перешелъ къ своимъ изслѣдованіямъ памяти, произведеннымъ по методу Ebbinghaus'a. Докладчикъ давалъ заучивать ряды безсмысленныхъ слоговъ, ряды словъ различнаго значенія и стихотворенія. Слѣпые, какъ оказалось, заучивали все въ $1^1/_2$—2 раза скорѣе зрячихъ. Какъ изъ своихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, такъ и изъ собранныхъ имъ наблюденій докладчикъ дѣлаетъ выводъ, что слѣпые въ высшей степени внимательно сравниваютъ и систематизируютъ свои впечатлѣнія. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ интересъ слѣпыхъ къ анализу душевной жизни и стремленіе ихъ къ религіозному и художественному творчеству.

Послѣ небольшого перерыва начались по поводу доклада пренія, въ которыхъ приняли участіе: В. С. Серебрениковъ, П. И. Вознесенскій, П. П. Лебедевъ, В. М. Каринскій, Я. Н. Колубовскій, Г. П. Недлеръ и А. И. Введенскій. Первый изъ оппонентовъ отозвался о докладѣ съ большою похвалою. Онъ указалъ на осмотрительность и тщательность произведенныхъ докладчикомъ экспериментальныхъ изслѣдованій и на научную цѣнность добытаго при помощи ихъ результата. — Нарисованную докладчикомъ картину душевной жизни слѣпыхъ онъ находитъ цѣльною и съ психологической точки зрѣнія согласною въ своихъ частяхъ. Если слѣпые судятъ объ окружающемъ мірѣ и живыхъ существахъ главнымъ образомъ на основаніи слуховыхъ ощущеній, если притомъ вниманіе ихъ останавливается по преимуществу на душевныхъ движеніяхъ другихъ, то не удивительно, что у слѣпыхъ оказывается особенно развитою эмоціональная сторона. А это въ свою очередь стоитъ въ прямой связи съ отмѣченнымъ у нихъ докладчикомъ стремленіемъ къ художественному и религіозному творчеству, потому что художественная творческая дѣятельность вызывается чувствованіями и въ чувствованіяхъ же находитъ оцѣнку своихъ произведеній. Другіе оппоненты подтвердили мнѣніе докладчика, что у слѣпыхъ развита фантазія, что они обнаруживаютъ особенный интересъ къ психологическимъ анализамъ и къ постиженію того, что доступно зрячимъ. Замѣчанія оппонентовъ касались частностей доклада. Было указано, напр., что докладчикъ судилъ объ осязательныхъ ощущеніяхъ слѣпыхъ не прямо, а косвенно, на основаніи воспроизведенія этихъ ощущеній, что его изслѣдованія относятся не ко всѣмъ, а лишь къ одному виду осязательныхъ ощущеній, именно тѣхъ, которыя касаются различенія пространственныхъ величинъ и формъ, что у слѣпыхъ, надъ которыми производились опыты, обращалось спеціально вниманіе на развитіе слуха, и что, въ то время какъ зрячіе различаютъ пространственныя величины и формы, руководствуясь осязательно-зрительными предста-

вленіями, слѣпые вынуждены дѣлать это на основаніи однихъ осязательныхъ представленій. Въ заключеніе предсѣдатель поблагодарилъ референта за интересный и поучительный докладъ. Засѣданіе окончилось въ 12 часовъ ночи.

В. Серебрениковъ.

Въ «Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ при С.-Петербургской Духовной Академіи. 27-го октября, въ залѣ Совѣта Академіи въ 6 час. вечера происходило, подъ предсѣдательствомъ проф. В. С. Серебреникова, при участіи проф.: Д. П. Миртова, А. П. Высокоостровскаго и И. Г. Троицкаго и 75 членовъ общества, 48-е очередное засѣданіе, на которомъ студентъ **А. И. Оранскій** прочелъ докладъ на тему: **«Мистицизмъ въ теоріи познанія В. С. Соловьева»**. Въ печатной повѣсткѣ были изложены четыре основныхъ положенія доклада и указана литература вопроса. Главный тезисъ доклада заключался въ томъ, что В. С. Соловьевъ былъ мистикомъ ума, а не сердца, и что поэтому его теорія мистическаго воспріятія является простою рабочею гипотезою, отъ которой онъ въ поискахъ за истиною могъ отказаться такъ же легко, какъ отказался отъ увлекавшихъ его въ свое время воззрѣній матеріализма и односторонняго идеализма. Оппоненты не соглашались съ докладчикомъ. Опираясь на свидѣтельства лицъ, близко знавшихъ В. С. Соловьева, и на его собственныя сочиненія, они доказывали, что В. С. Соловьевъ былъ искренне-религіозный человѣкъ, поэтъ и мистикъ въ душѣ, что его теорія представляетъ собою законченное цѣлое и что въ своемъ ученіи о трансцендентномъ тройственномъ актѣ мистическаго воспріятія онъ основывался, подобно Канту, учившему о трансцендентной апперцепціи, на опредѣленныхъ эмпирическихъ данныхъ. Пренія отличались большою оживленностью. Докладчика за его интересный докладъ и энергичную защиту своихъ положеній собраніе поблагодарило дружными аплодисментами. Засѣданіе окончилось въ 9 час. 40 мин. вечера.

Въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 11 и 25 Октября 1903 года были заслушаны два интересныхъ доклада **по вопросу о неопредѣленныхъ приговорахъ**, вызвавшихъ оживленныя пренія.

Первый докладчикъ **Г. Н. Штильманъ**, разбирая основанія классическихъ теорій уголовнаго права, исходящихъ отъ представленія о неограниченной свободѣ воли, доказывалъ, что въ настоящее время преступника судятъ за направленіе его воли, въ сторону зла и поэтому опредѣляемое наказаніе сообразуется съ внѣшнимъ выраженіемъ воли — преступнымъ дѣяніемъ. За него судъ назначаетъ напередъ опредѣленное наказаніе, а тюремная администрація, уже безъ всякаго участія суда, исполняетъ его, не имѣя права ни уменьшить, ни видоизмѣнить его. И вотъ преступникъ случайный задерживается въ тюрьмѣ до истеченія срока напередъ опредѣленнаго наказанія и отъ того только развращается, а закоренѣлый преступникъ отъ тюремнаго сидѣнія не теряетъ и не пріобрѣтаетъ ничего, т.-е. и въ томъ, и другомъ случаѣ наказаніе не достигаетъ своей цѣли.

Новѣйшія завоеванія въ области изученія человѣческой души приводятъ къ тому, что свобода воли подвергается основательнымъ сомнѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительное разрѣшеніе существующихъ проблемъ о преступленіи и наказаніи выдвигаетъ вопросъ о необходимости пересмотра существующихъ уголовныхъ системъ и введенія неопредѣленныхъ приговоровъ. Защитники послѣднихъ не требуютъ, однако, радикальнаго измѣненія всей дѣйствующей пенитенціарной системы, признавая, что понадобится много времени и средствъ, хотя бы даже

для солидной подготовки, еще до введенія этого института, соотвѣтствующаго тюремнаго персонала. Для защитниковъ пока важно выясненіе принципіальной годности или негодности предлагаемой новой мѣры, противъ которой референтъ не находитъ у сторонниковъ идеи возмездія и основаннаго на ней «опредѣленнаго» осужденія никакихъ серьезныхъ возраженій.

Основное достоинство неопредѣленныхъ приговоровъ докладчикъ видитъ въ осуществленіи при нихъ кардинальнаго требованія уголовной политики — тщательной индивидуализаціи принудительныхъ воздѣйствій, въ приспособленіи ихъ къ преслѣдуемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣли и къ особенностямъ живой личности преступника. Самое «неопредѣленное» наказаніе является въ одинаковой мѣрѣ страшнымъ для всѣхъ категорій преступниковъ случайныхъ и легкомысленныхъ, наслѣдственно предрасположенныхъ и въ конецъ испорченныхъ. Существующія уголовныя уложенія уже вносятъ частичныя, но серьезныя поправки, напр., допущеніемъ уголовнаго досрочнаго освобожденія, при которомъ тюремная администрація прямо уже какъ бы поправляетъ невольную ошибку судьи.

Докладчикъ подробно остановился на уложеніи Швейцарскаго кантона Швицъ, на нашемъ новомъ уголовномъ уложеніи, на германскомъ уложеніи и на проектѣ всеобщаго швейцарскаго уложенія. Въ заключеніе г. Штильманъ высказалъ такое убѣжденіе: «въ странахъ, охваченныхъ политической реакціей, неопредѣленное наказаніе явилось бы весьма опаснымъ для гражданской свободы институтомъ. Этимъ то и объясняется столь сильное предубѣжденіе противъ него въ современной Германіи. По этой же самой причинѣ о широкомъ примѣненіи неопредѣленнаго наказанія въ некультурныхъ, патріархально управляемыхъ и находящихся въ состояніи политическаго броженія странахъ не можетъ быть, очевидно, и рѣчи». Положенія доклада г. Штильмана слѣдующія:

А. Институтъ опредѣляемыхъ впередъ по суду наказаній завершаетъ собою систему, основанную на индетерминистическомъ объясненіи преступности и сообразующую, соотвѣтственно этому, репрессію не съ личностью преступника, а съ тяжестью совершеннаго имъ преступленія.

Б. Отдѣляя судей отъ органовъ, завѣдующихъ исполненіемъ наказанія, опредѣленный приговоръ обрекаетъ и тѣхъ и другихъ на одинаково непроизводительную работу.

В. Идея неопредѣленныхъ приговоровъ органически связано съ детерминистическимъ міропониманіемъ, сосредоточивающимъ судей не на внѣшнемъ эффектѣ преступленія, а на его симптоматическомъ значеніи для распознанія личности преступника.

Г. Неопредѣленное наказаніе направляется не на отомщеніе преступнику, а на приноровленіе его къ условіямъ гражданскаго общежитія или на лишеніе возможности наносить дальнѣйшій вредъ общественному правопорядку.

Д. Главнѣйшія достоинства неопредѣленныхъ приговоровъ заключаются въ томъ, что только они дѣлаютъ возможною дѣйствительную индивидуализацію принудительнаго воздѣйствія, приспособленіе его къ живой личности преступника.

Е. Неопредѣленное наказаніе является въ равной мѣрѣ страшнымъ и вразумительнымъ для всѣхъ категорій преступниковъ.

Ж. Выгоды неопредѣленнаго наказанія настолько очевидны, что оно начинаетъ проникать даже и въ современные уголовные кодексы, построенные на совершенно враждебныхъ ему принципахъ.

Второй докладчикъ, **А. И. Люблинскій**,—противникъ введенія института неопредѣленныхъ приговоровъ. Свое изложеніе онъ началъ утвержденіемъ, что новую теорію выдвинули и защищаютъ, главнымъ образомъ, психологи и психіатры (Кре-

елинъ), для которыхъ преступленіе—болѣзнь, а наказаніе ея—леченіе. Практики, непосредственно соприкасающіеся съ тюрьмой и ея бытомъ, противники этойтеоріи

Брюссельскій тюремный конгрессъ, отвергнувшій эту теорію, лишній разъ подтвердилъ ея несостоятельность. Исправленіе преступной личности, которое сообразно этой теоріи составляетъ цѣль наказанія, предполагаетъ, прежде всего, болѣе или менѣе продолжительный срокъ заключенія и, стало быть, недостижимо въ случаяхъ наказанія краткосрочнымъ лишеніемъ свободы. Поэтому даже горячіе поклонники института неопредѣленныхъ приговоровъ (Листъ) принуждены отступить отъ послѣдовательнаго проведенія своего принципа. Существенный недостатокъ теоріи неопредѣленныхъ приговоровъ—игнорированіе общественно-воспитательнаго значенія наказанія. По этой теоріи лицо карается не за данное преступленіе, а вообще за свое поведеніе. Такимъ образомъ, смѣшиваются далеко неравнозначащія дѣянія, напр., разбой и кража, стирается различіе въ тяжести того и другого преступленія, игнорируется степень общественнаго негодованія и, какъ слѣдствіе этого, уничтожается соотвѣтствіе между интенсивностью выраженнаго въ наказаніи общественнаго порицанія и затрогиваемыми преступленіемъ общественными интересами и требованіями общественной совѣсти.

Наиболѣе трудныя и даже принципіально непреодолимыя препятствія, по мнѣнію докладчика, заключаются въ опредѣленіи срока и состоянія исправленія, Констатировать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по индивидуальнымъ свойствамъ всякаго «исправившагося» заключеннаго—значитъ приставить ко всѣмъ преступникамъ по особому психіатру, что, конечно, немыслимо; констатировать же исправленіе по чисто формальнымъ заранѣе установленнымъ общимъ даннымъ, это—развивать подобострастіе, угодливость и лицемѣріе преступниковъ, т. е. не исправленіе, но приспособленіе къ требованіямъ того тюремнаго начальства (конечно, низшіе тюремные агенты), отъ котораго зависитъ участь заключеннаго. Переходя къ описанію давно извѣстнаго Эльмирскаго реформаторія, докладчикъ старается указать на недостатки, неустр йства и безрезультатность всѣхъ американскихъ реформаторій. При неопредѣленныхъ приговорахъ свобода гражданина, добытая и то еще не вездѣ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы, по мнѣнію докладчика, подвергается громадной и серьезной опасности, такъ какъ и наказаніе, и прекращеніе его будутъ поставлены въ зависимость отъ почти неуловимаго признака—исправленія, которое не можетъ быть ни провѣрено, ни описано въ законѣ, а потому тѣ негласныя соображенія тюремной администраціи, которыми она будетъ руководиться, при выпускѣ заключеннаго, всегда дадутъ основаніе обществу къ подозрѣнію и обвиненію администраціи и даже самого правительства въ преслѣдованіи совершенно постороннихъ цѣлей, например̆ъ, политической.

Докладчикъ остановился на разсмотрѣніи норвежскаго уложенія и предложенія Листа объ устройствѣ вторичнаго суда для окончательнаго рѣшенія участи заключеннаго; онъ закончилъ свой докладъ указаніемъ, что примиреніе защитниковъ и противниковъ новой теоріи вполнѣ возможно на почвѣ института уголовнаго досрочнаго освобожденія.

Г. Люблинскій формулировалъ слѣдующія положенія:

1) Принятіе или непринятіе института неопредѣленныхъ приговоровъ не обусловливается детерминистическимъ или индетерминистическимъ разрѣшеніемъ вопроса о свободѣ воли.

2) Рекомендуя примѣнять ко всѣмъ преступникамъ исправительный режимъ, составляющій необходимое условіе системы неопредѣленныхъ приговоровъ, сторонники этого института, въ его чистомъ видѣ, нарушаютъ выдвигаемый ими принципъ индивидуализаціи наказанія.

3) Существеннымъ недостаткомъ теоріи неопредѣленныхъ приговоровъ является игнорированіе общественно-воспитательнаго значенія наказанія.

4) Кладя въ основу системы неопредѣленныхъ приговоровъ цѣль исправленія, сторонники этой теоріи придають исправленію преувеличенное значеніе сравнительно съ другими цѣлями наказанія и, въ частности, подрываютъ значеніе устрашающаго вліянія наказанія.

5) Трудная достижимость исправленія и полная невозможность его констатированія дѣлаютъ его непригоднымъ критеріемъ для опредѣленія момента прекращенія наказанія.

6) Идея неопредѣленныхъ приговоровъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ требованіями гарантій личной свободы.

7) Всѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ теорія неопредѣленныхъ приговоровъ и которыя совмѣстимы съ современнымъ правовоззрѣніемъ, достигаются институтомъ условнаго досрочнаго освобожденія.

Принципіальнымъ защитникомъ «великаго новшества въ сферѣ карательной дѣятельности государства» выступилъ Д. А. Дриль. Строго опредѣливъ, что онъ будетъ разумѣть подъ словомъ наказаніе (причиненіе страданія правонарушителямъ въ цѣляхъ вызвать страхъ) Д. А. прежде всего замѣтилъ, что онъ не знаетъ другой области, въ которой царила бы такая путаница понятій, какъ въ уголовно-правовой области. И это понятно. Понятія этой области идутъ отъ глубокой, сѣдой старины. Въ ней спутались въ одно цѣлое пережитки различныхъ ступеней культуры. Тутъ и понятіе мести, выкупа и многое другое. Вѣру въ спасительную силу наказанія говорившій считалъ однимъ изъ тѣхъ суевѣрій, какихъ много. Вообще въ области уголовнаго права все сомнительно, все подгнило и обветшало и держится лишь традиціей. Обращаясь къ исторіи наказанія, мы видимъ, что наказанія всегда примѣнялись, и при томъ жесточайшія, а между тѣмъ преступленія не только не уменьшались, но даже количественно возрастали. Прекрасную историческую демонстрацію представляетъ исторія душевно-больныхъ. И здѣсь прежде были бичи, цѣпи, темные карцеры, вертящіеся стулья и другія средства укрощенія. И что же? Больные находились въ постоянномъ возбужденіи и состояніи сосредоточеннаго бѣшенства. Но вотъ прежняя система стала смѣняться системой нестѣсненія (no restraint), а потомъ даже и системой открытыхъ дверей (open door), а въ результатѣ: уменьшеніе числа буйныхъ, увеличеніе числа выздоравливающихъ. Говорятъ о необходимости точнаго соотвѣтствія между тяжестью преступленія и наказанія. Но спрашивается, какимъ масштабомъ точности и справедливости за предумышленное, напримѣръ, убійство намѣрили 20 лѣтъ каторги, а не 30, не 10, не 3 года? Гдѣ какія-либо основанія? Все, ни на чемъ не основанное измышленіе и произволъ. Говорятъ объ устрашеніи. Но страхъ—слабый задерживающій факторъ. Онъ дѣйствуетъ моментами, и при совершеніи преступленій обыкновенно не занимаются сравнительнымъ измѣреніемъ угрозъ наказанія, значащимися въ кодексахъ и не имѣющими подъ собой никакихъ научныхъ основаній. Вѣра въ «устрашеніе» хорошо иллюстрируется слѣдующими примѣрами. Президента Греви упрекали въ томъ, что неутвержденіемъ смертныхъ приговоровъ онъ будто бы содѣйствуетъ развитію тяжкой преступности несовершеннолѣтнихъ. Явился Карно, который не затруднялся въ этомъ, тѣмъ не менѣе преступность несовершеннолѣтнихъ не пала, а продолжала возрастать. Проф. Листь, на основаніи данныхъ нѣмецкой статистики — а вѣдь нѣмецкія тюрьмы не стѣсняются въ средствахъ устрашенія— пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: a) вѣроятность учиненія преступленія больше для лицъ, уже подвергшихся наказанію; b) эта вѣроятность возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ уже отбытыхъ наказаній, и c) вмѣстѣ съ продолжительностью ихъ срока.

Ясно поэтому, что существующая устрашительно-карательная система — ничто иное, какъ фабрикація преступниковъ за общественный счетъ. Для того же, чтобы утверждать «общественно воспитательное» значеніе наказанія нѣтъ ни фактовъ, ни доказательствъ.

Признавая такое значеніе, мы становимся въ рѣзкое противорѣчіе съ исповѣдуемымъ нами же христіанскимъ ученіемъ, давно выраженнымъ въ притчахъ о блудномъ сынѣ и заблудшей овцѣ.

Говорятъ о неопредѣленныхъ приговорахъ, какъ о новшествѣ, но они уже давно знакомы Россіи на практикѣ. Они примѣняются въ нашихъ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, въ которыхъ подростки остаются до 18 л., а по новому уложенію и до 21 г, и которыя даютъ наилучшіе результаты. Но, конечно, для успѣшной борьбы съ преступностью, кромѣ неопредѣленныхъ приговоровъ, необходимо и многое другое и, прежде всего, широкія мѣры предупрежденія или общественно-государственнаго упорядоченія, направленныя на изсушеніе самыхъ источниковъ преступности. Необходимо также и очищеніе тюремъ: условное осужденіе, дѣятельный патронатъ и многое другое.

В. Д. Набоковъ главнымъ образомъ возражалъ Д. А. Дрилю въ его общей оцѣнкѣ уголовнаго права и карательной дѣятельности государства, относительно же института неопредѣленныхъ приговоровъ онъ приходилъ къ выводамъ, въ общемъ одинаковымъ съ заключеніями г. Люблинскаго. М. М. Боровитиновъ сдѣлалъ очень интересное указаніе относительно того, что при новой системѣ будетъ вырабатываться особая тюремная дисциплина, которая врядъ-ли явится дѣйствительной подготовкой къ самостоятельной жизни честнымъ трудомъ. Совмѣщеніе функцій судьи и исполнителя въ лицѣ тюремной администраціи нежелательно, такъ какъ послѣдняя, озабоченная сохраненіемъ порядка, благоустройства и тишины, естественно будетъ стремиться къ освобожденію наиболѣе опасныхъ въ этомъ смыслѣ элементовъ.

Далѣе оппонентъ остановился на принципіальныхъ возраженіяхъ противъ неопредѣленныхъ приговоровъ и пришелъ къ заключенію, что лица, являющіяся ихъ сторонниками, собственно говоря, отрицаютъ институтъ наказанія, предлагая замѣнить его предупредительными мѣрами, исправленіемъ, воспитаніемъ, леченіемъ и т. п. Противъ желательности предупредительныхъ мѣръ никто, разумѣется, не споритъ, но ихъ не слѣдуетъ ограничивать преступниками.

В. В. Пржевальскій, защитникъ института неопредѣленныхъ приговоровъ, разбивая доводы противниковъ, указалъ, что наиболѣе жестокія наказанія всегда вызывали наиболѣе жестокія преступленія. Тюрьма не пріучаетъ къ свободѣ, но путемъ установленія прогрессивной системы возможно постепенное пріученіе къ ней. Вопросъ о прекращеніи неопредѣленнаго наказанія можетъ, по мнѣнію г. Пржевальскаго, рѣшать и судъ, съ допущеніемъ защиты и со всѣми вообще гарантіями состязательнаго процесса.

С. К. Гогель, высказываясь защитникомъ новаго института, указалъ на частные неточности и пропуски, а главное на то, что вообще «наука уголовнаго права тѣмъ и занимается, что все больше и больше отстаетъ отъ требованій жизни и указаній практики» и если она, какъ и для условнаго досрочнаго освобожденія, не нашла еще теоретической формулировки неопредѣленныхъ приговоровъ, то вслѣдствіе этого не приходится отказываться отъ желательнаго распространенія новаго благодѣтельнаго института.

И. Г. Щегловитовъ, резюмируя пренія, остановился, между прочимъ, на томъ, что, «опредѣленнаго приговора» требуетъ прежде всего общественная совѣсть. Это лучше всего видно изъ практики суда присяжныхъ засѣдателей, у ко-

торыхъ весьма нерѣдко вызываетъ неудовольствіе назначеніе судомъ слишкомъ короткаго или продолжительнаго срока наказанія. Въ частности г. Щегловитовъ считаетъ, что свобода личности вовсе еще не укрѣпилась настолько, чтобы возможно было дальнѣйшее движеніе впередъ и примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ.

Ф. Малининъ.

IV. Хроника.

Весной 1904 года предполагается экспериментально-психологическій конгрессъ въ Гиссенѣ. Иниціаторами его являются: Эббингаузъ (Бреславль), Экснеръ (Вѣна), Гроосъ (Гиссенъ), Герингъ (Лейпцигъ), фонъ-Крисъ (Фрейбургъ), Кюльпе (Вюрцбургъ), Мейманнъ (Цюрихъ), Мюллеръ (Геттингенъ), Шуманнъ (Берлинъ), Зибекъ (Гиссенъ), Зоммеръ (Гиссенъ), Штумпфъ (Берлинъ), Ціэнъ (Галле). Мотивы, которыми руководствовались названныя лица при устроеніи съѣзда, слѣдующіе: въ Германіи до сихъ поръ не существуетъ еще общихъ періодическихъ собраній для представителей всѣхъ направленій въ психологіи, какія, напримѣръ, ежегодно практикуются для представителей этой науки въ Америкѣ. Между тѣмъ такіе съѣзды тѣмъ болѣе необходимы, что развитіе науки и практической жизни предъявляетъ къ психологіи все больше новыхъ требованій и спеціалистамъ по разнымъ отдѣламъ психологіи до крайности важно вступать иногда въ личныя сношенія, обсуждать сообща стоящіе на очереди вопросы и совмѣстно вырабатывать методы изслѣдованій. Конгрессъ назначенъ на 18—20 Апрѣля новаго стиля. Доклады будутъ дѣлаться исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Изслѣдованіе дѣтей при Кларкскомъ университетѣ (въ Америкѣ).

Почти девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при Кларкскомъ университетѣ былъ напечатанъ первый вопросникъ для изслѣдованія дѣтей. Въ настоящее время такихъ вопросниковъ выпущено уже болѣе ста и опубликовано болѣе пятидесяти статей и работъ, всецѣло или отчасти основывающихся на результатахъ этихъ вопросовъ. Лишь немногіе изъ нихъ оказались совершенно не удавшимися. Многіе лучшіе вопросники потребовали новой серіи вопросовъ и фактовъ. Цѣлый рядъ намѣченныхъ вопросовъ еще не вполнѣ разработанъ и множество плановъ для новыхъ работъ находятся въ разныхъ стадіяхъ обработки. При новомъ главномъ центрѣ этой отрасли психологіи имѣются двѣ обширныя комнаты, предназначенныя спеціально для такого рода работъ. Въ одной изъ нихъ производятся вычисленія, дѣлаются выборки изъ полученныхъ данныхъ и собирается литература; въ другой комнатѣ находится спеціальная библіотека по изслѣдованію дѣтей, включающая въ себѣ начало всѣхъ послѣдующихъ вопросниковъ и статей по этому предмету, а также литературу по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ въ этой области.

Въ минувшій лѣтній семестръ профессоръ Голлъ (St. Hall) объявилъ рядъ ежедневныхъ бесѣдъ по вопросамъ объ изслѣдованіи дѣтей, ихъ методахъ и результатахъ. Это совершенно новый курсъ, включающій приблизительно двѣнадцать темъ.

Каждый слушатель этого курса получалъ программу и обязывался сдѣлать какую нибудь законченную работу на указанную тему, а также по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, разрабатываемымъ въ настоящее время, чтобы выяснить логическую сторону предполагаемой работы и указать ея недостатки и промахи.

На будущій годъ, во время регулярныхъ занятій, эта работа будетъ разбита

на рядъ еженедѣльныхъ упражненій на протяженіи всего года. Эти занятія включать въ себѣ разработку около сорока важнѣйшихъ темъ. При этомъ много вниманія будетъ удѣлено разсужденіямъ объ источникахъ ошибокъ, о различныхъ методахъ и ихъ сравнительныхъ достоинствахъ и о многихъ новыхъ задачахъ, вошедшихъ въ составъ логики.

Отъ времени до времени въ теченіи года будутъ публиковаться тщательно составленныя библіографіи по спеціальнымъ вопросамъ.

Благодаря пожертвованіямъ г-на Артура С. Эстабрукъ, въ размѣрѣ тысячи долларовъ и пожертвованію Карнеджинскаго института, въ размѣрѣ двухъ тысячъ долларовъ, явилась возможность выписать для этихъ изслѣдованій хорошо освѣдомленнаго и надежнаго руководителя, все время котораго находится въ распоряженіи требующихъ помощи студентовъ, сочиненія или работы которыхъ такъ или иначе соприкасаются съ этой отраслью знанія.

Наконецъ, въ настоящее время вырабатываются методы совмѣстной работы по этой спеціальности для Клэркскаго университета и нѣкоторыхъ другихъ избранныхъ институтовъ, профессора и члены которыхъ всегда интересовались этого рода работой или обнаруживали способность къ ней. Это, надо полагать, обезпечитъ полученіе данныхъ въ требуемомъ родѣ и въ достаточномъ количествѣ.

Международная научно-промышленная выставка «Дѣтскій Міръ», состоящая подъ **Августѣйшимъ** покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Выставка открыта 22 Ноября въ Таврическом дворцѣ и будетъ продолжатся до конца Января. Въ составъ ея входятъ самые различные предметы дѣтскаго обихода: платье, игрушки, посуда, образцовыя дѣтскія и классныя комнаты, учебныя пособія, книги, модели дѣтскаго сада съ образцами фребелевскихъ работъ, исполненныхъ дѣтьми, посѣщающими садъ, работы учениковъ различныхъ пріютовъ и профессіональныхъ школъ, примѣрная палата больницы принца Петра Ольденбургскаго и т. д.

Изъ иностранныхъ отдѣловъ наиболѣе интересны Австрійскій и Германскій. Первый изъ нихъ очень обширенъ. Въ немъ слѣдуетъ отмѣтить выставленныя въ большомъ количествѣ наглядныя пособія для народныхъ школъ, а также пособія для обученія отсталыхъ, слабоумныхъ или не владѣющихъ всѣми чувствами дѣтей. Въ Германскомъ отдѣлѣ, кромѣ наглядныхъ пособій, интересны рисунки учениковъ народныхъ школъ, сдѣланные прямо съ натуры.

Кромѣ промышленнаго и учебнаго отдѣла есть еще и научный, находящійся въ вѣдѣніи проф. Мед. Академіи Н. П. Гундобина. Здѣсь публика знакомится съ разнообразными пріемами ухода за дѣтьми: на куклахъ и снимкахъ показано, какъ надо пеленать, носить, купать ребенка, какъ содержать недоносковъ; показанъ процессъ оспопрививанія, выставлены таблицы, показывающія составъ женскаго, коровьяго и козьяго молока и т. д., однимъ словомъ все главное, что можетъ относиться къ дѣтской и школьной гигіенѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставлено также множество гипсовыхъ слѣпковъ, показывающихъ, какъ искривляется позвоночникъ при неправильномъ ношеніи ребенка на рукахъ и неудобномъ сидѣніи въ школѣ и какой вредъ приносить плохо приспособленная одежда. Большой интересъ вызываетъ альбомъ со снимками больныхъ, рахитическихъ и истощенныхъ дѣтей изъ клиники проф. Н. П. Гундобина. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ павильоны врачебно-воспитательнаго заведенія И. Маляревскаго, пріюта для дѣтей калѣкъ и паралитиковъ Василеостровскаго Отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Пріюта во имя Царицы Небесной и др. подобнаго рода заведеній. Сюда же относятся выставленные Лабораторіей экспериментальной педагогической психологіи при педаго-

гическомъ музеѣ аппараты для изслѣдованія психическихъ особенностей дѣтей школьнаго возраста и діаграммы, представляющія результаты изслѣдованій по экспериментально-педагогической психологіи, сдѣланныхъ слушателями Педагогическихъ Курсовъ Военно-Учебныхъ Заведеній подъ руководствомъ завѣдующаго Лабораторіей А. П. Нечаева.

Изъ остальныхъ отдѣловъ слѣдуетъ отмѣтить отдѣлъ Этнографическій. Художественный отдѣлъ не представляетъ ничего интереснаго.

Въ апрѣлѣ 1904 года откроется (въ Нюренбергѣ) первый международный съѣздъ по школьной гигіенѣ.

Педагогическое Общество при Московскомъ Университетѣ организуетъ (при участіи Московскаго Губернскаго Земства) общеобразовательные курсы для учащихъ въ народныхъ школахъ. Подобные же курсы организуются многими земствами другихъ губерній (Тульской, Тверской, Воронежской, Владимірской, Костромской и проч.). Почти на всѣхъ этихъ курсахъ предполагается чтеніе лекцій по педагогической психологіи.

V. Некрологъ.

Гербертъ Спенсеръ †.

25-го Ноября (8-го Дек.) телеграфъ принесъ печальную вѣсть о кончинѣ Герберта Спенсера. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ универсальныхъ умовъ нашего вѣка; въ исторіи развитія человѣческой мысли имя его оставило глубокій, непреходящій слѣдъ. Спенсеръ былъ первымъ, понявшимъ все значеніе эволюціонной точки зрѣнія, основанной на данныхъ современной науки. По мнѣнію Спенсера, мы никогда не можемъ знать, что представляютъ изъ себя вещи, если не знаемъ происхожденія и роста ихъ. Во всемъ міровомъ развитіи имѣетъ мѣсто процессъ дифференціаціи и интеграціи, вездѣ происходитъ переходъ отъ безсвязнаго, неопредѣленнаго, однороднаго къ связному, опредѣленному, разнородному; это превращеніе обнаруживаетъ и міръ, какъ цѣлое, и всѣ его составныя части: звѣздныя туманности, планетная система, земля, какъ неорганическая масса, каждый организмъ, будь то растеніе или животное, аггрегаты организмовъ во всѣ геологическіе періоды, человѣческій духъ, общество, всѣ продукты соціальной дѣятельности. Заслуга Спенсера въ томъ, что онъ первый примѣнилъ принципъ эволюціи ко всѣмъ областямъ знанія; исходя изъ этого принципа, онъ создалъ обширную, всеохватывающую философскую систему.

Гербертъ Спенсеръ родился 20-го Апрѣля 1820 г. въ Дерби. Онъ происходилъ изъ старой учительской семьи. Его дѣдъ, отецъ и дядя были учителями. Сначала воспитывался онъ у родителей, съ 13-ти же лѣтъ - въ домѣ дяди своего, священника англиканской церкви. Послѣдній былъ человѣкомъ съ широкимъ образованіемъ и яснымъ умомъ. Онъ горячо интересовался общественными вопросами и принималъ активное участіе въ чартистскомъ движеніи. Отъ него получилъ молодой Спенсеръ первые уроки обществовѣдѣнія. Когда Спенсеру исполнилось 17 лѣтъ, отецъ предложилъ ему сдѣлаться учителемъ. Въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ Спенсеръ преподавалъ въ той самой школѣ, въ которой учился мальчикомъ. Вскорѣ, однако ему предложили мѣсто техника при постройкѣ Лондонъ-Бирмингамской желѣзной

дороги, и онъ съ удовольствіемъ принялъ это мѣсто. Карьера инженера соотвѣтствовала его стремленіямъ къ положительному знанію, его математическимъ способностямъ, его интересу къ техническимъ изобрѣтеніямъ. Около десяти лѣтъ занимался онъ, съ нѣкоторыми перерывами, инженернымъ дѣломъ. Въ тоже время онъ много работалъ надъ своимъ образованіемъ и писалъ въ различныхъ изданіяхъ статьи по общественнымъ вопросамъ. Въ 48-мъ году ему предложили мѣсто помощника редактора въ Economist'ѣ. Мѣсто это было для него очень выгодно; оно давало ему порядочный доходъ, и оставляло ему сравнительно много времени для собственныхъ занятій. Въ ближайшіе два года онъ закончилъ свое первое большое сочиненіе: «Social Statics», начатое имъ весною 1848 г.

Затѣмъ, въ 53-мъ году выходятъ его основанія Психологіи. Онъ дѣлитъ психологію на двѣ, рѣзко другъ отъ друга отграниченныхъ области: психологію субъективную и психологію объективную. Методъ первой—самонаблюденіе, второй—внѣшнее наблюденіе. Послѣдняя смотритъ на психическія явленія, какъ на одинъ изъ видовъ жизненныхъ проявленій вообще, является, такимъ образомъ, однимъ изъ отдѣловъ біологіи. Жизнь вообще заключается въ постоянномъ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Наше психическое развитіе представляетъ, въ сущности, тоже постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Различные фазисы психическаго развитія—рефлексъ, инстинктъ, память, разумъ, чувство, воля—представляютъ различныя стадіи такого приспособленія. Низшая форма психической жизни есть дѣятельность рефлекторная. Усложняясь, рефлексъ переходитъ въ инстинктъ. Послѣдній характеризуется тѣмъ, что за цѣлою комбинаціею впечатлѣній слѣдуетъ цѣлая комбинація движеній. При дальнѣйшемъ усложненіи психическихъ явленій, они утрачиваютъ автоматическій характеръ, возникаетъ память и разумъ. Чувство и воля тоже развивается постепенно изъ низшихъ формъ психической дѣятельности. Чувства всегда сопутствуютъ актамъ познанія; подобно послѣднимъ, они возникаютъ тамъ, гдѣ дѣйствіе перестаетъ совершаться автоматически. Волевые поступки отличаются отъ автоматическихъ тѣмъ, что при первыхъ есть всегда предварительное сознаніе о томъ, что должно быть выполнено. Разсматривая происходящія параллельно съ развитіемъ психической жизни измѣненія въ нервной системѣ, мы видимъ, что въ послѣдней совершаются процессы дифференціаціи и интеграціи. Затѣмъ Спенсеръ переходитъ къ изложенію субъективной психологіи, которое начинаетъ съ анализа высшихъ проявленій психической жизни. Разлагая сложныя образованія на болѣе простыя составныя части, онъ приходитъ, наконецъ, къ простѣйшему элементу душевной жизни—къ сознанію сходства и различія. Всякую психическую дѣятельность можно опредѣлить, какъ дифференціацію и интеграцію—постоянную перемѣну и сліяніе—состояній сознанія. Таковы мысли, легшія въ основу психологіи Спенсера.

Періодъ отъ 48 до 58-го г. есть собственно то время, когда у Спенсера зародился и созрѣлъ тотъ планъ, выполненію котораго онъ посвятилъ за тѣмъ всю свою жизнь. Въ теченіи этого времени у него развилось и окрѣпло убѣжденіе, что законъ эволюціи охватываетъ всѣ явленія дѣйствительности, что онъ долженъ, поэтому, служить основаніемъ для построенія цѣльной системы человѣческихъ знаній. Обоснованію и развитію этой мысли Спенсеръ рѣшилъ посвятить свою жизнь. Онъ разсчиталъ, что дѣло это потребуетъ, по крайней мѣрѣ, двадцати лѣтъ труда. На первыхъ же порахъ ему пришлось бороться съ серьезными препятствіями. Состояніе здоровья его было таково, что онъ не могъ заниматься интенсивною работою больше трехъ часовъ въ сутки. Въ то же время матеріальное положеніе его было незавидное. Небольшое состояніе свое онъ истратилъ на лѣченіе, а печатаніе трудовъ приносило ему только убытки. Въ 58-мъ году Спенсеръ объявилъ подписку

на изданіе предпринятаго имъ сочиненія. Въ 60-мъ году онъ въ видѣ «проспекта» опубликовалъ то, что намѣревался написать. Отъ этой своей первоначальной программы Спенсеръ отступилъ только въ мелочахъ. Дальнѣйшая работа, продолжавшаяся около 40 лѣтъ, представляла только развитіе основныхъ мыслей, изложенныхъ въ «проспектѣ». Благодаря, главнымъ образомъ, содѣйствію Юманса, ему удалось довести свой трудъ до конца. Съ середины семидесятыхъ годовъ имя его стало пріобрѣтать все большую извѣстность. Изданія сочиненій стали приносить ему доходъ, достаточный для удовлетворенія его скромныхъ потребностей. Съ внѣшней стороны жизнь его представляетъ мало интереснаго; она вся была посвящена труду—возведенію грандіознаго зданія Синтетической Философіи.

VI. Указатель новѣйшихъ русскихъ сочиненій по нормальной и патологической психологіи.

1. Баженовъ, Н. Н. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. 1) Внѣуниверситетская дѣятельность и значеніе С. С. Корсакова, какъ врача и учителя. 2) Больные писатели и патологическое творчество. 3) Символисты и декаденты. 4) Юбилейный годъ въ исторіи психіатріи. 5) Область и предѣлы внушенія. 6) Душевная драма Гаршина. 7) Болѣзнь и смерть Гоголя. М. 1903. 159 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2. Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. (Второе изданіе). Индивидуальная психологія. Переводъ съ французскаго Е. И. Максимовой и А. В. Савицкой подъ редакціей профессора А. И. Введенскаго. Спб. 1903. VI+215 стр. Ц. 1 р.

3. Викторовъ, П. П. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. I. Изд. 2-е, доп. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

4. Гергардъ, Адель и Симонъ, Елена. Материнство и умственный трудъ. Переводъ съ нѣм. М. Кучинскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 40 к.

5. Городенскій, Н. Нравственное сознаніе человѣчества. Св.-Тр. Сергіева Лавра. 1903. Ц. 2 р.

6. Джемсъ, Уильямъ. Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904. Изданіе М. В. Пирожкова. XIV+375 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли.—Стоитъ-ли жить?—Чувство раціональности.—Рефлекторные акты и теизмъ.—Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма.—Философъ-моралистъ и моральная жизнь.—Великіе люди и среда.—Значеніе индивидуумовъ.—О нѣкоторыхъ гегелизмахъ.—Труды Общества для психическихъ изысканій.

7. Жанэ, Пьеръ. Неврозы и фиксированныя идеи. I. Экспериментальныя изслѣдованія разстройствъ воли, вниманія и памяти, эмоцій и идей навязчиваго характера и ихъ лѣченіе. (Работы психологической клиники въ Сальпетріерѣ)—Переводъ съ французскаго М. П. Литвинова. Спб. 1903. 428 стр. Ц. 3 р. Издательство О. Н. Поповой.

8. Катанова, Н. Психика жизни—Логическое изслѣдованіе. I. Спб. 1903. Ц. 30 к.—То-же. II. Спб. 1903. Ц. 40 к.

9. Queyrat, Fr. Развитіе мышленія у дѣтей. (Логика ребенка и ея воспитаніе). Спб. 1904. Ц. 40 к.

10. Липпсъ, Г. Ф. Основы психофизики. Переводъ Г. А. Котляра. Спб. 1903. 104 стр. Ц. 40 к. Издательство О. Н. Поповой. (Общеобразовательная библіотека. Серія V, № 3).

11. Лосскій, Н. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903. IV+300 стр. Ц. 1 р. 50 к.

12. Ляминъ. А. А. Сны и сновидѣнія. Гипнотизмъ. Спиритизмъ. Телепатія. Ясновидѣніе. Очеркъ. М. 1904. Ц. 1 р.

13. Малининъ, В. Прогрессивная эволюція сознательнаго начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Нижній-Новгородъ. 1902. 4+219+2 стр.+1 табл. Ц. 1 р. 50 коп.

14. Мальцевъ, Н. Психологія нравственнаго вліянія одной личности на другую. Опытъ православно-христіанскаго рѣшенія вопроса на основаніи морально-психологическихъ данныхъ въ произведеніяхъ епископа Θеофана и Θ. М. Достоевскаго. Казань 1902. 196+II стр. Ц. 1 р.

15. Моргенстіэрнъ, И. Ф. (И. Моргенштернъ). Психо-графологія или наука объ опредѣленіи внутренняго міра человѣка по его почерку. Спб. 1903. 693 стр. Ц. 8 р.

16. Нечаевъ, А. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Часть первая. Процессы умственной жизни. Спб. 1903. 187 стр. Ц. 1 р.

17. Сегенъ, Э. Воспитаніе, гигіена и нравственное лѣченіе умственно ненормальныхъ дѣтей. Переводъ съ франц. М. П. Лебедевой подъ редакціей В. А. Енько. Спб. 1903. 8+XIV+319 стр. Ц. 2 р. Изданіе М. Л. Лихтенштадтъ.

18. Соколовъ, П. Вѣра. Психологическій этюдъ. М. 1902. 120+1 стр. Ц. 60 к.

19. Тардъ, Г. Личность и толпа. Очерки по соціальной психологіи. Перевелъ съ франц. Е. А. Предтеченскій. Спб. 1903. II+178 стр. Ц. 1 р. Изданіе А. Большакова и Д. Голова.

20. Фино, Ж. Философія долговѣчности. Переводъ съ французскаго изданія О. А. Литинскаго. Спб. 1903. 164 стр. Ц. 60 к. Издательство О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія IV, № 9 и 10).

21. Фонсегривъ, Ж. Элементы психологіи. Переводъ студентовъ Московской духовной академіи подъ редакціей П. П. Соколова. Второе изданіе. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

22. Челпановъ, Г., проф. О памяти и мнемоникѣ. Популярный этюдъ. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 60 к.

23. Челпановъ, Г., проф. Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ. (Публичныя лекціи, читанныя въ Кіевѣ въ 1898—1899 году). 2 изд. ред. журнала «Міръ Божій». Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

24. Шиповъ, Н. Н. О материнскомъ инстинктѣ. Смоленскъ 1903. 232 стр. Ц. 90 к.

25. Штеррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Переводъ А. А. Крогіуса. Съ предисловіемъ автора и акад. В. М. Бехтерева. Спб. 1903.

26. Юмъ, Д. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding). Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1902. 1+193 стр. Ц. 1 р.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
На обложкѣ.	14 снизу	Врешперъ	Врешнеръ
49	1 сверху	объявляется	объясняется
54	11 снизу	надо	не надо
54	6 снизу	памяти (какъ видно изъ эпиграфа этой статьи) была	памяти была
55	2 сверху	Шайковичи	Шайкевича.

I. Оригинальныя статьи.

Царствіе Божіе внутрь насъ.

(Психолого-соціологическій этюдъ).

I.

Стремленіе къ пріятному, стремленіе къ наслажденію, исканіе счастья, какъ наслажденія длящагося, и погоня за нимъ во всѣ времена жизни человѣчества были сильнѣйшими двигателями въ дѣятельности людей. Но въ чемъ же заключается это жадно искомое счастье, гдѣ оно?

Въ дивной книгѣ евангельскаго ученія находимъ краткій отвѣтъ-указаніе: «Царствіе Божіе» — это состояніе высшаго совершеннѣйшаго счастья, счастья длящагося — не гдѣ-нибудь, а «внутри васъ, въ васъ самихъ». «Не придетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ тамъ».

Въ той же дивной книгѣ, на-ряду съ этимъ отвѣтомъ-указаніемъ, находимъ заповѣдь-обѣщаніе: «всего болѣе ищите Царствія Божія»—этого свѣтлаго внутренняго состоянія—«и все прочее приложится вамъ», то есть будетъ его необходимымъ слѣдствіемъ, какъ бы его внѣшнимъ дополненіемъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается полное ученіе объ искомомъ счастьи человѣка и человѣчества и намѣчается путь къ его достиженію.

Въ настоящемъ наброскѣ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать попытку выясненія психо-физіологическихъ основъ жадно искомаго человѣкомъ счастья и указать на прикладную сторону ученія объ этихъ основахъ въ области явленій общественной жизни.

Скажутъ пожалуй: приводимая заповѣдь-обѣщаніе, отъ которой вы исходите, относится къ высшей духовно-нравственной области. Несомнѣнно. Но вѣдь духовное, высоконравственное, съ одной стороны, и органическое съ другой—неразрывно слиты въ существѣ человѣка съ его двухсторонностью. Первыя, какъ показываетъ всегда ближайшее изученіе, необходимо предполагаютъ второе и потому, вотрѣчаясь съ первыми, мы научно вправѣ и, въ интересахъ знанія, должны отыскивать соотвѣтствующее второе. Какова природа связи?

Праздный вопросъ—вопросъ о тайнѣ бытія..Оставимъ его, какъ неуяснимый, и руководствуясь указаніями всего нашего опыта—этого единственно вѣрнаго руководителя при изученіи, будемъ вращаться въ области для насъ доступнаго. Она вовсе не мала; напротивъ, необъятно обширна.

Бросимъ взглядъ назадъ. Въ исторіи человѣчества предъ нами пройдутъ тогда непрерывной чередой вѣка и своеобразныя эпохи съ свойственными имъ измѣненіями въ общественныхъ настроеніяхъ, въ самочувствіяхъ людей, измѣненіями, отражающимися на всѣхъ сторонахъ общественной жизни и придающими ей различные цвѣта и оттѣнки.

Постепенно и послѣдовательно сходятъ съ жизненной арены въ могилу старѣйшіе слои дѣйствующаго человѣчества, а всѣ слѣдующіе за ними нисходящіе слои соотвѣтственно продвигаются впередъ, занимая мѣста своихъ предшественниковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и развертывающаяся предъ нами историческая картина. Выступаютъ, постепенно примѣшиваясь къ старымъ, новые типы дѣятелей, а съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно измѣняются нравы, зараждаются новыя влеченія, складываются новые общественные идеалы, постепенно вырисовывающіеся на измѣняющемся въ своихъ оттѣнкахъ фонѣ общаго господствующаго настроенія.

Для примѣра и сопоставленія возьмемъ эпоху расцвѣта Римской республики съ ея здоровыми, сильными духомъ, свободолюбивыми людьми-гражданами, отличавшимися строгими нравами, выдержкою и любовью къ родинѣ, достигавшей силы религіознаго чувства. Возьмемъ эпоху самовластной, распущенной диктатуры и тріумвиратовъ, отмѣченныхъ потоками крови и проявленіями жестокости. Возьмемъ эпоху послѣдующей развращенной имперіи, когда люди, по мѣткому выраженію Гиббона, стали *неспособны* имѣть благородныя мысли, когда въ обиліи появились придумывавшіе способы постоянно наслаждаться ѣдой *желудочные* люди — эти какіе-то ходячіе желудки, съ ихъ желудочными влеченіями, мыслями и міросозерцаніемъ, въ родѣ обжоры Виттелія, изобрѣтавшаго лакомыя блюда, когда въ обиліи появились также представители отвратительнѣйшихъ извращеній полового чувства, въ родѣ Тиверія и Нерона, и когда въ желудочномъ и половомъ развратѣ въ общественныхъ баняхъ и за чудовищными пиршествами, вмѣстѣ съ мужчинами и женщинами, приняли участіе и подростки. Возьмемъ также время, близко предшествовавшее великой французской революціи,—время Вольтера, Дидро, д'Аламбера, бар. Гольбаха и др., съ его крайней распущенностью нравовъ и руководящимъ принципомъ исключительной заботы о себѣ и своихъ грубо чувственныхъ наслажденіяхъ, съ его извѣстнымъ выраженіемъ: «Послѣ насъ хоть потопъ», и время послѣдующее за нимъ, когда постепенно подготовленная предшествующими общественными нестроеніями и неурядицами широко разлилась могучая волна кровавой революціи, со всѣми ея ужасами, выдвинувшая въ качествѣ направителей общественныхъ движеній такихъ людей, какъ Маратъ, этотъ въ точномъ смыслѣ слова fou lucide, требовавшій человѣческихъ головъ десятками и

сотнями тысячъ для водворенія общественнаго мира и спокойствія, какъ не брезгливый въ нравственномъ отношеніи Дантонъ, свободно пользовавшійся услугами самыхъ ужасныхъ убійцъ и организовавшій боевыя арміи sansculott'овъ, какъ лицемѣрный и кровожадный Робеспьеръ и мн. друг.; возьмемъ далѣе время послѣдующей реставраціи съ ея своеобразными дѣятелями. При сравнительномъ сопоставленіи всѣхъ этихъ эпохъ, мы замѣтимъ значительное различіе въ типахъ людей, дѣйствовавшихъ на открытой общественной аренѣ, въ ихъ нравахъ, влеченіяхъ, настроеніяхъ и всемъ нравственномъ обликѣ и характерѣ вообще. Въ этихъ данныхъ случаяхъ, какъ и всегда, различіе въ преобладающихъ характерахъ дѣйствующихъ личностей и придавало каждому данному времени, каждой эпохѣ ихъ своеобразныя историческія черты.

Отъ массовыхъ сопоставленій перейдемъ къ индивидуальнымъ явленіямъ, къ опыту нашей повседневной жизни. Что видимъ мы на каждомъ шагу кругомъ себя. Одинъ, несмотря на богатство и, *казалось бы, полноту внѣшней возможности счастья*, постоянно сумраченъ, недоволенъ, брюзгливъ и болѣе или менѣе подавленъ. Жизнь бьющая сильнымъ и свѣтлымъ ключемъ не для него; она ему недоступна, несмотря на наличность ея внѣшнихъ условій; онъ, въ существѣ, несчастливъ. Другой, напротивъ, почти постоянно ясенъ, веселъ, жизнерадостенъ, хотя окружающее, въ своихъ условіяхъ, повидимому, почти не улыбается ему и даетъ не мало невзгодъ и напастей. Одинъ ко всѣмъ относится недружелюбно, черство, холодно и какъ-то раздражительно озлобленно. Другой, напротивъ, ко всѣмъ добръ, сочувственъ, благожелателенъ и готовъ положить душу свою за ближнихъ своихъ, которыми для него являются люди вообще.

Для сравнительнаго противоположенія укажу, съ одной стороны, хотя бы на примѣръ молодого человѣка изъ наблюденій, приводимыхъ у Krafft-Ebing'a въ его «Psychopathia sexualis», который съ самаго ранняго дѣтства не имѣлъ, какъ выражаются, сердца, холодно относился къ своимъ родителямъ и былъ лишенъ нравственнаго и соціабельнаго чувства. Или укажу на наблюденіе Esquirol'я. Въ немъ передъ нами нѣкто г-жа L. Она всегда отличалась очень труднымъ характеромъ, обнаруживала отвращеніе къ труду, проявляла чрезвычайную жестокость и стремленіе къ мучительству, которое впослѣдствіи перешло во внушавшее ужасъ всѣмъ окружавшимъ неудержимое влеченіе къ человѣкоубійству. Она постоянно твердила, что преступленіе должно совершиться, что родъ человѣческій долженъ погибнуть и *затопиться въ крови*. На указанія объ извращенности и чудовищности ея влеченій, L обыкновенно отвѣчала, кладя руку на свою голову: «Какова бы ни была эта голова, хороша или дурна, но вы ея не измѣните; такова уже моя организація, и вы меня не сдѣлаете другой, нежели я есть; впрочемъ, я довольна собой».

Съ другой стороны, напомню свѣтящій намъ яркимъ, чистымъ свѣтомъ со страницъ исторіи, поистинѣ, величественный и благородный образъ симпа-

тичнѣйшаго англійскаго гуманитатора-практика — Роберта Оуэна, на примѣрѣ котораго слѣдуетъ воспитывать молодежь. Вся его долгая высокоодухотворенная жизнь — это одно сильное чувство благожелательности и неусыпная забота о созданіи счастья «труждающихся и обремененныхъ»; это неусыпный трудъ для достиженія высокой цѣли. Преслѣдуемый раздраженіемъ, клеветой и даже насмѣшками онъ до конца дней своихъ сохранилъ особенности своей высокоодухотворенной натуры и живѣйшій интересъ ко всѣмъ вопросамъ общаго блага, сохранилъ до глубокой старости и свои чистыя мечты о «новомъ *нравственномъ* мірѣ».

Изъ русской жизни напомню сравнительно недавно умершаго «вольнаго крестьянскаго врача» С. И. Сычугова, всецѣло, безъ остатка, отдавшаго себя на беззавѣтное служеніе вскормившему его родному народу, который массами издалека стекался къ своему «доброму доктору», «безсребренику», «праведнику», жившему, какъ говорили крестьяне, «по-божески». Вся его чистая жизнь — это трудъ и подвигъ на благо «меньшаго брата», всего лучше охарактеризованный въ надписи на погребальномъ вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ этой безвременно погибшей свѣтлой личности: «Доброму крестьянскому врачу, другу народа» [1]).

Ясно: что̀ по отношенію къ однимъ представлялось бы чистѣйшей утопіей — по отношенію къ другимъ являлось не болѣе, какъ необходимымъ слѣдствіемъ особенностей ихъ существа. Я считаю нужнымъ особенно подчеркнуть это замѣчаніе и просить читателя запомнить его.

Понятно, что преобладаніе въ ту или другую эпоху жизни общества тѣхъ или другихъ натуръ, ихъ выступленіе въ большемъ числѣ на жизненную арену, особенно среди направляющихъ классовъ населенія, должно глубоко измѣнять историческую картину и придавать своеобразную окраску всѣмъ событіямъ общественной жизни.

Мнѣ скажутъ пожалуй: въ приводимыхъ примѣрахъ вы сравниваете величины несоизмѣримыя, — явленія изъ области душевныхъ разстройствъ и явленія нормальной душевной жизни. На это отвѣчу, что область первыхъ — это область какъ бы опытовъ, которые для насъ производитъ природа. Въ ней слагаемыя душевной жизни человѣка только чрезмѣрно усиливаются или чрезмѣрно ослабляются и даже выпадаютъ въ общей и изъ общей суммы дѣятельностей, чѣмъ роль и значеніе каждаго изъ нихъ для насъ болѣе раздѣльно и наглядно выясняется. Очевидно, поэтому, что полное основаніе для сравненія имѣется на-лицо.

II.

Посмотримъ теперь, въ чемъ же заключаются основы отмѣченнаго различія душевныхъ типовъ, различія обликовъ человѣческой личности. Заклю-

---

[1]) Описаніе его жизни см. «Русск. Вѣдом.» 1903 г. №№ 37 и 38.

чаются ли онѣ въ области ума, въ области представленій, мыслей, идей, поскольку, конечно, эта область можетъ быть выдѣляема и обособляема отъ другихъ областей въ существѣ человѣка? Рѣшительно нѣтъ. Давая этотъ отвѣтъ, я, однако, далекъ отъ мысли отрицать чрезвычайно важное значеніе умственнаго міра, міра представленій, мыслей, идей во всей экономіи душевной жизни. Образовавшіяся и ассоціировавшіяся представленія, мысли, идеи, особенно ставши привычными, получаютъ чрезвычайно важное значеніе въ душевной жизни человѣческой личности. Явленія внушенія и внушаемости одно изъ доказательствъ тому. Я утверждаю только, что вліяніе представленій, мыслей, идей, во-первыхъ, *посредственное*, а, во-вторыхъ, что оно, по крайней мѣрѣ въ настоящей стадіи человѣческаго развитія, дѣйствуетъ медленно и еще сравнительно слабо даже въ наиболѣе интеллигентныхъ слояхъ современнаго намъ общества, какъ это ясно показываютъ, между прочимъ, на каждомъ шагу наблюдаемые факты рѣзкаго разлада между словомъ, между умственными построеніями и дѣломъ.

Поэтому можно основательно утверждать, что сильнѣйшіе факторы, образующіе основу, *остовъ* личности кроются въ другой области, поскольку — повторяю — такія области могутъ быть обособляемы въ сложномъ существѣ человѣка. Конечно, и въ этомъ отношеніи по отдѣльнымъ типамъ личностей замѣчаются большія различія, которыя съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія, быть можетъ, еще болѣе увеличатся. Какъ далеко можетъ пойти впередъ прогрессирующее развитіе вліянія интеллектуальности въ экономіи душевной жизни личности — покажетъ только отдаленное будущее, но изучать это будущее предстоитъ уже его современникамъ. Мы же будемъ наблюдать только настоящее. Запросимъ факты.

Обратимся къ формѣ душевныхъ разстройствъ, извѣстной подъ именемъ folie à double forme, съ присущими ей рѣзкими періодическими измѣненіями всей картины душевной жизни. Періоды омраченія и подавленности чередуются у ея представителей съ періодами просвѣтлѣнія и возбужденности, при сохраненіи во время тѣхъ и другихъ правильности формальнаго мышленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается рѣзкое измѣненіе не только общей окраски мышленія, но также и его содержанія и измѣненіе оцѣнки всего окружающаго. Умственный *запасъ*, какъ показываетъ все послѣдующее, остается тотъ же, хотя, конечно, съ нѣкоторыми обычными измѣненіями, вызываемыми теченіемъ времени. И что же? Измѣняются процессы нервнаго питанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ учитъ опытъ, измѣняется въ ту или другую сторону и *яркость чувствованій*, вслѣдствіе чего личность ихъ носителя почти преображается: многое изъ нея временно какъ бы выпадаетъ. Одни представленія и ихъ ассоціаціи погружаются куда-то въ глубь подъ поверхность сознанія, тогда какъ другія, по своему содержанію болѣе соотвѣтствующія характеру переживаемаго въ данное время періода, всплываютъ наверхъ и тамъ держатся.

Припомню здѣсь демонстрированный при мнѣ амбулаторный случай изъ

клиники покойнаго проф. Ball'я, вполнѣ однородный съ предшествующими по своему психологическому содержанію. То былъ случай молодого человѣка, испытавшаго въ два пріема рѣзкія измѣненія: въ первый разъ въ окраскѣ воспріятій изъ внѣшняго міра, въ самомъ способѣ ихъ чувствованія, если можно такъ выразиться, во второй—въ ощущеніяхъ или чувствованіяхъ отъ органовъ его собственнаго тѣла. Слѣдствіемъ этого двойнаго измѣненія было рѣзкое измѣненіе всей психической личности. «Съ тѣхъ поръ *моя личность исчезла совершенно*»—вдумчиво, печально и медленно разсказывалъ намъ этотъ странный больной, сохранившій вполнѣ логическую правильность своего мышленія. «Не смотря на все то, что я дѣлаю»—пояснялъ онъ далѣе—«чтобы вернуть снова это исчезнувшее «я»—я не могу достигнуть этого». «Отъ меня не осталось ничего болѣе, какъ только пустое тѣло». «Личность совершенно исчезла и мнѣ кажется, что я умеръ два года тому назадъ (когда произошла перемѣна въ самочувствіи), и что вещь (т. е. теперешній онъ), которая существуетъ, не напоминаетъ ничего, что имѣло бы отношеніе съ прежнимъ моимъ «я».

И вотъ прежній самый заурядовой скромный работникъ, подъ вліяніемъ *органически* зародившагося сомнѣнія, сводившагося съ психической стороны къ поблѣднѣнію всѣхъ чувствованій, превращается въ какого-то сомнѣвающагося во всемъ философа, *принудительно* и *неудержимо* задающагося самыми общими вопросами бытія: «Что я такое? Что такое всѣ эти вещи, созданныя какъ я? Развѣ все окружающее меня существуетъ дѣйствительно? Зачѣмъ я? Кто я?» и т. д.

Напомню также характерный случай, разсказанный въ работѣ д-ра Loiseau. У одной женщины довольно надолго прервались регулы и тогда у нея возгорѣлось неодолимое желаніе покончить съ собой. Она пошла на мостъ съ твердымъ намѣреніемъ броситься въ воду. Во время пути регулы появились и—по ея словамъ—она сейчасъ же *почувствовала*, что самыя мысли ея рѣзко измѣнились, все представилось въ другомъ свѣтѣ и она довольная и просвѣтленная немедля вернулась домой.

Въ такіе моменты измѣненія чувствительности, ея просвѣтленія сами субъекты поясняютъ, что у нихъ «теперь другая голова, что они не имѣютъ прежнихъ мыслей, что они видятъ все ясно и воспоминанія къ нимъ возвращаются».

Въ ноябрьской книжкѣ «Archives do neurologie» за 1902 г. въ статьѣ-замѣткѣ д-ра Paris о генезисѣ бредовыхъ идей разсказанъ чрезвычайно поучительный случай больной съ оскудѣлой организаціей, страдавшей тѣмъ, что называютъ бредомъ преслѣдованій, которыя она стала объяснять себѣ совершенными будто бы ею преступленіями. Но какими? И она обращалась съ тоскливыми запросами къ своей памяти. Послѣдняя ясно и безъ колебаній отвѣчала ей. «Я не помню, чтобы когда-нибудь сдѣлала какое-либо зло: я не воровала, не убивала. Такъ за что же, Боже мой?!»

Несмотря, однако, на этотъ ясный отвѣтъ памяти, чувствованія, подсказывавшія объясненія, продолжали существовать и по прежнему громко звучали.

Какъ же примирить противорѣчіе двухъ властныхъ и убѣдительныхъ голосовъ? И вотъ больная, не имѣя возможности отдѣлаться ни отъ одного изъ нихъ, находитъ выходъ и начинаетъ думать, что преступленія, въ которыхъ, *какъ ей подсказывается*, ее обвиняютъ, она совершаетъ во время сна.

Въ этомъ примѣрѣ предъ нами, правда, разстроенный, но весьма поучительный внутренній міръ, бросающій свѣтъ на зависимость нѣкоторыхъ явленій душевной жизни личности.

Внимательно вглядываясь и вдумываясь во всѣ приведенные факты, мы видимъ, что въ нихъ имѣемъ дѣло съ различіемъ чувствованій, какъ съ основнымъ факторомъ, могущественно опредѣляющимъ окраску и самое содержаніе мышленія. Измѣняются чувствованія, значительно измѣняется и самый обликъ личности. И это понятно. Чувствованіе—основной и неразложимый далѣе элементъ психической жизни. Чувствованіями отъ собственнаго тѣла начинается эта жизнь, при самомъ ея зарожденіи у ребенка.

Общее сложное чувствованіе, чувствованіе самого себя или самочувствіе, отъ особенностей котораго зависитъ наше настроеніе въ каждое данное время, образуетъ собою основной фонъ личности, какъ величины отчасти постоянной, а отчасти измѣняющейся. Постоянной—поскольку та или другая окраска этого фона проходитъ чрезъ все ея существованіе, и измѣняющейся—поскольку въ ней происходятъ измѣненія и колебанія по возрастамъ и отдѣльнымъ моментамъ жизни.

Особенностями этого основнаго фона и опредѣляются типы личностей и ими же—часто незамѣтно для глаза—опредѣляется и направляется строй ихъ мышленія и характеръ ихъ проявленій во внѣ—въ словѣ и дѣлѣ. На этомъ уже фонѣ, *въ соотвѣтствіи съ его качествами*, вырисовываются всѣ остальные узоры душевной жизни личностей.

Теперь присмотримся немного ближе, но при этомъ не станемъ вдаваться въ какія бы то ни было подробности описанія соотвѣтствующаго физіологическаго механизма. Для большей ясности напомню только, что сложный организмъ человѣка образуется изъ отдѣльныхъ, хотя и взаимно связанныхъ и зависимыхъ системъ органовъ, выполняющихъ свои особыя функціи.

Отъ сложныхъ, въ свою очередь, органическихъ системъ или системъ органовъ сознаніемъ нашимъ постоянно получаются извѣстія. Это чувствованія бытія этихъ системъ органовъ и ихъ измѣняющихся состояній въ каждое данное время. За исключеніемъ только нѣкоторыхъ, болѣе сильныхъ и потому выдѣляющихся, разсматриваемыя чувствованія, которыя я назову *системными*, раздѣльно не улавливаются сознаніемъ, вслѣдствіе ихъ сравнительно недостаточной интенсивности и вслѣдствіе самой ихъ множественности. Они сливаются въ одинъ общій тонъ, въ одно общее чувствованіе,—чувствованіе своего въ различное время различно ощущаемаго существованія, въ разноцвѣтное—если можно такъ выразиться—и потому разнозначное въ экономіи душевной жизни самочувствіе.

Слагающія самочувствія системныя чувствованія у различныхъ индивидовъ и въ разное время ихъ жизни значительно разнятся количественно и кромѣ того они различаются другъ отъ друга и качественно или, иначе говоря, различаются по своей особой психической окраскѣ, подобно тонамъ различныхъ инструментовъ оркестра. Каждому по собственному опыту, конечно, хорошо извѣстно специфическое различіе чувствованій, идущихъ, напримѣръ, отъ сердца, пищеварительнаго канала, мускулатуры и проч.

Соотносительная сила и богатство развитія различныхъ органовъ и системъ ихъ по различнымъ лицамъ, а также и по различіямъ возрастовъ и временныхъ органическихъ состояній одного и того же лица значительно разнятся и колеблются, и вмѣстѣ съ тѣмъ разнится и колеблется полнота представительства различныхъ системныхъ чувствованій въ сложномъ тонѣ самочувствія. Различіе жизненныхъ условій, среди которыхъ въ различные періоды жизни приходится существовать различнымъ людямъ, вызываетъ у нихъ къ преимущественной дѣятельности различные органы и тѣмъ самымъ развиваетъ эти органы за счетъ другихъ, менѣе дѣятельныхъ.

Въ виду этого неудивительно, что и самочувствіе, въ своей окраскѣ, весьма разнится и колеблется по различнымъ лицамъ, возрастамъ, временнымъ органическимъ состояніямъ, причемъ оно оттѣняется иногда самыми причудливыми красками [1]). Случается, что, вслѣдствіе вліянія опредѣленныхъ органическихъ причинъ, цѣлые отдѣлы чувствованій на время почти или совсѣмъ выпадаютъ изъ самочувствія, а иногда тѣ же или другія чувствованія пріобрѣтаютъ чрезмѣрно яркую окраску и даже извращаются. При такихъ колебаніяхъ личность иногда измѣняется до неузнаваемости и ея психическая жизнь какъ бы разрывается на отдѣльныя части, которыя даже не соединяются между собою непрерывностью воспоминаній. Отсюда раздвоеніе и расщепленіе личности. Напомню извѣстное наблюденіе Felid'ы. Она сама называла одно изъ своихъ состояній «другою жизнію». Напомню также еще болѣе замѣчательный случай Louis V. У него наблюдалось до шести различныхъ главныхъ состояній и нѣсколько второстепенныхъ, разрывавшихъ и самую психическую жизнь какъ бы на отдѣльные куски [2]).

Можно сказать вообще, что на сколько отдѣльные люди разнятся, напримѣръ, по своимъ физіогноміямъ и ихъ временнымъ выраженіямъ, почти настолько же приблизительно они разнятся и по особенностямъ своего самочув-

---

[1]) Интересующихся фактами отсылаю, между прочимъ, къ моей работѣ по общей психологіи преступности (Малолѣтніе преступники, вып. 2-й).

[2]) Весьма интересны явленія, наблюдаемыя у истериковъ, когда, подъ вліяніемъ внушеній, у нихъ исчезаютъ анестезіи органическихъ системъ, причемъ къ самочувствію снова примѣшиваются выпавшія было изъ него специфическія системныя чувствованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣняется и обликъ личности. Сами больные говорятъ тогда, что они «чувствуютъ себя совсѣмъ иначе, не имѣютъ прежнихъ идей и все видятъ въ другомъ свѣтѣ».

ствія, что, въ свою очередь, обусловливаетъ не меньшія различія во всѣхъ ихъ влеченіяхъ и въ характерѣ ихъ реакціи на воздѣйствія внѣшняго волнующагося вокругъ нихъ міра явленій.

Я не стану касаться здѣсь чрезвычайно важнаго и интереснаго какъ въ чистой, такъ и въ прикладной психологіи вопроса о своеобразномъ вліяніи каждаго изъ системныхъ чувствъ на характеръ и строй психической личности. Скажу только, что по преобладанію въ различной мѣрѣ того или другого изъ нихъ въ сложномъ тонѣ самочувствія можно, съ полнымъ основаніемъ, классифицировать самые характеры людей.

По цѣли настоящей статьи я коротко коснусь только одного изъ системныхъ чувствъ. Это чувство я называю родовымъ, потому что на немъ зиждется не только продолженіе рода, но и объединеніе людей въ родъ, который, въ ходѣ исторіи постепенно разростается въ племя, народность и человѣческое общество вообще. Многообразныя измѣненія этого чувства лежатъ, повидимому, въ психофизіологической основѣ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ проявленій души человѣка, а его извращенія — напротивъ, въ основѣ самыхъ ужасныхъ и отталкивающихъ.

Начиная съ появившагося въ 1870 г. мемуара проф. Westphal'я—«Die conträre Sexualempfindung», литература, относящаяся къ изученію родового чувства въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, постепенно все разрастается, причемъ болѣе и болѣе выясняется его неизмѣримо важное вліяніе въ душевной жизни и дѣятельности людей, а чрезъ то, конечно, и въ исторіи человѣчества.

III.

«Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ». «Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь». «Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь его совершенна есть въ насъ». Такъ представляетъ себѣ христіанская религія Всесовершенное и Всеблаженное Существо — Высшій недосягаемый Идеалъ, къ которому человѣчество только можетъ и должно неустанно стремиться, и такъ она представляетъ себѣ Его отношеніе къ человѣку и людей другъ къ другу. Основой же любви, поскольку она есть и чувство человѣческое, является родовое чувство, въ качествѣ основы органическаго порядка.

Здѣсь я считаю нужнымъ тщательно подчеркнуть и отмѣтить, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и неправильнаго пониманія, что, говоря все это и упоминая о Высшемъ Идеалѣ, я далекъ отъ мысли вдаваться въ какое-либо обсужденіе и разборъ религіозныхъ вѣрованій и вѣроученій. Ихъ область— область иная. Я же теперь имѣю въ виду только изученіе существа человѣка какъ основы его счастья, со всѣмъ тѣмъ, что заложено въ это существо самою природою.

Лежащее въ основѣ любви, въ ея различныхъ проявленіяхъ, системное родовое чувство представляется однимъ изъ сильнѣйшихъ и властныхъ чувствъ.

Проф. Beaunis справедливо называетъ періодъ его пробужденія «какъ бы вторичнымъ рожденіемъ».

Существенною особенностью этого системнаго чувства, какъ мы его наблюдаемъ въ животномъ царствѣ вообще, является усиленное, часто непреоборимое, идущее до пожертвованія собой влеченіе испытывающаго его субъекта въ сторону другихъ ему подобныхъ. Остальныя системныя чувства сосредоточиваются на самомъ индивидѣ, какъ бы оограничиваются имъ и че оттѣняются элементомъ соціабельности, какъ системное родовое чувство. Во время своего подъема оно болѣе или менѣе преображаетъ испытывающее его существо, затрогиваетъ въ немъ всѣ мельчайшія фибры, болѣе или менѣе подавляетъ другія чувствованія; даже ощущенія боли иногда отпадаютъ, а съ ними вмѣстѣ отпадаютъ инстинктъ самосохраненія и представленія о личной опасности; наступаетъ то, что можно охарактеризовать только словомъ «самозабвеніе». Въ такіе болѣе исключительные періоды могучее системное родовое чувство порождаетъ состоянія величайшаго наслажденія, восторговъ и восхищеній, которыя заставляютъ забывать все окружающее, властвуютъ надъ всѣмъ существомъ и безраздѣльно, и повелительно руководятъ имъ, какъ это бываетъ въ случаяхъ экстаза.

Все сказанное не продуктъ фантазіи, а факты, которые я могъ бы приводить въ неограниченномъ изобиліи. Нѣкоторыя эпохи исторіи и нѣкоторыя общественныя движенія, имѣвшія рѣшающее значеніе, даютъ намъ яркіе и поразительные массовые примѣры этого рода. Очевидно, что съ чувствованіями, лежащими въ основѣ продолженія, сплоченія и преуспѣянія рода, постепенно развивающагося въ общество, природа связала сильнѣйшія органическія возбужденія, переходящія иногда почти въ область чудеснаго.

Особенно ярко обнаруживаются вліяніе и значеніе родового чувства въ экономіи душевной жизни въ эпоху его пробужденія, въ эпоху «какъ бы вторичнаго рожденія человѣка». Въ это время въ самочувствіе подростка начинаютъ врываться широкой волной вновь зазвучавшіе, прежде невѣдомые, но въ ихъ существѣ пріятные и сладкіе тоны. И вотъ, подъ вліяніемъ новаго психическаго фактора, все существо юнца или юницы рѣзко и на взглядъ всѣхъ измѣняется какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны, о которой я только и буду говорить. Съ этой поры постепенно начинается какъ бы новая жизнь.

Чувствованія становятся тоньше и глубже. Появляются незнакомыя прежде волненія, порывы и исканія чего-то невѣдомаго. Настроенія становятся гораздо болѣе измѣнчивыми и колеблющимися. Они начинаютъ оттѣняться большею или меньшею степенью восторженности, мечтательности и поэтичности. Весь окружающій міръ какъ бы одухотворяется, получаетъ иную окраску и иныя очертанія. Иногда проявляются небывалые до того таланты. Въ юной и

чистой душѣ развивается стремленіе къ общему, таинственному, непостижимому. Повременамъ переживаются восхитительные моменты. Зарождаются новыя прежде невѣдомыя влеченія, первоначально туманныя, неясныя, оттѣняемыя общимъ характеромъ влеченія къ идеалу, добру и красотѣ. Въ это время человѣкъ любитъ большею частью доброе, прекрасное, возвышенное. Онъ любитъ ихъ въ нихъ самихъ. Онъ болѣе или менѣе любитъ всю природу, весь міръ и населяющихъ его людей. Въ немъ иногда развиваются порывы къ самопожертвованію для самопожертвованія, для жертвы.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ настроеній глубоко измѣняется и умственная сфера. Нерѣдко проявляется блестящее воображеніе, умственныя способности значительно развиваются, измѣняются въ своемъ направленіи и начинаютъ сосредоточиваться на такихъ идеяхъ, которыя прежде не привлекали вниманія.

Здѣсь, говоря вообще, всѣ возвышенныя и благородныя чувства и движенія на-лицо: поэтичность, чувство красоты, привязанность, дружба, идеальная любовь, стремленіе къ добру, справедливости, порывы безкорыстнаго самопожертвованія и проч.

Но, конечно, въ этотъ необычайно важный періодъ жизни, когда подъ благотворными вліяніями могутъ формироваться и прочно закладываться возвышенные общественные идеалы, величайшее значеніе имѣетъ чистота, непорочность и отсутствіе загрязненности развитія, что обусловливается всѣмъ строемъ окружающей жизненной обстановки, примѣровъ и вліяній. Чрезвычайно важное значеніе имѣютъ также унаслѣдованныя особенности индивида, вырабатывавшіяся, въ свою очередь, опытами и образомъ жизни восходящихъ, но о всемъ этомъ, чтобы еще болѣе не осложнять и безъ того сложнаго вопроса, я говорить не буду, имѣя въ виду только наиболѣе общее.

IV.

Теперь, для уясненія всего послѣдующаго, бросимъ самый бѣглый взглядъ на главнѣйшія видоизмѣненія въ оттѣнкахъ и видахъ родового чувства.

Даже въ томъ изъ этихъ видовъ, который служитъ непосредственнымъ основаніемъ продолженія рода, наблюдается извѣстная сложность и различіе элементовъ. Съ ними мы знакомимся въ тѣхъ случаяхъ, когда эти элементы расчленяются, обособляются и одинъ какой-либо заполняетъ почти всю или всю сцену. О предполагаемомъ физіологическомъ механизмѣ, соотвѣтствующемъ этимъ явленіямъ, я здѣсь распространяться не стану.

Иногда родовое чувство проявляется почти исключительно однимъ своимъ элементомъ и проявляется въ формѣ только грубой чувственности, вспыхивающей болѣе или менѣе короткими вспышками. Въ наиболѣе чистомъ видѣ такой типъ наблюдается у нѣкоторыхъ идіотовъ.

Если вспышки чувственности проявляются не часто и не усиленно, тогда передъ нами выступаютъ натуры черствыя, сухія и чуждыя истинной благо-

желательности. Хорошо еще если онѣ окрашиваются развитіемъ умственной сферы и органовъ внѣшнихъ чувствъ. Въ такихъ случаяхъ получаются холодныя личности, дѣйствующія не «по влеченію сердца», а по соображеніямъ полезности.

Если, напротивъ, вспышки животной чувственности проявляются часто и сильно, то получается другой грубый типъ, неблагопріятныя особенности котораго отражаются на всемъ существѣ носителя: на настроеніи, съ его чувственнымъ сластолюбивымъ оттѣнкомъ, на направленіи и содержаніи мышленія съ его грубыми образами, а чрезъ то и на характерѣ всей дѣятельности. У такихъ натуръ преобладающее влеченіе опредѣляетъ все направленіе жизни и его удовлетвореніе становится главной и даже исключительной цѣлью. Неудержимыя влеченія иногда переходятъ всѣ предѣлы и въ корень истощаютъ дѣятельныя силы существа.

Въ другихъ примѣрахъ изъ той же области явленій передъ нами, напротивъ, выступаетъ иной элементъ родового чувства, который по противоположенію слѣдуетъ назвать идеальнымъ. Въ нихъ этотъ элементъ рѣзко обособляется и не зажигаетъ обычно вспыхивающаго элемента чувственной страсти. Онъ одинъ занимаетъ всю сцену, онъ очищаетъ и возвышаетъ чувство. Въ такихъ примѣрахъ любовь, по выраженію Esquirol'я, только въ головѣ, т. е. исключительно въ органѣ духовной жизни. Безумно полюбя г-жу Houdetot, Ж. Ж. Руссо говорилъ о своей любви: «Я люблю ее слишкомъ сильно, чтобы желать обладать ею».

У нѣкоторыхъ представителей этого вида элементъ чувственной страсти даже уничтоженъ вполнѣ. Имъ совершенно незнакомъ цѣлый разрядъ чувствованій и отношенія, вытекающія изъ чувственной страсти для нихъ нестерпимы. Такова, напримѣръ, одна госпожа М., интересное наблюденіе которой приведено въ работѣ д-ра Sérieux. Она испытывала влеченія любви, но исключительно духовной, идеальной и къ отношеніямъ страсти питала отвращеніе. Читая романы, она рѣшительно не понимала тѣхъ страницъ, которыя описывали явленія чувственной страсти.

Въ другихъ случаяхъ чистымъ идеальнымъ элементомъ только открывается сцена, а чрезъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени имъ зажигается и элементъ чувственной страсти, которая тогда охватываетъ все существо человѣка и тѣмъ проявляетъ свое конечное сродство въ источникѣ съ идеальнымъ элементомъ. Одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ этого рода разсказанъ у Moreau (de Tours) въ его «Psychologie morbide».

Въ болѣе же обычныхъ примѣрахъ, приводящихъ къ чистому браку и такому же продолженію рода, элементъ чувственной страсти и элементъ идеальный объединены и рѣзко не расчленяются. Въ нихъ дѣйствующія лица могутъ сказать словами г-жи Lespinasse: «Я люблю всѣми сторонами моего существа и моего духа».

Иногда родовое чувство не концентрируется всею силою своего идеаль-

наго элемента на одномъ существѣ противоположнаго пола, какъ это наблюдается у эротомановъ, а сосредоточивается безъ различія половъ на человѣкѣ и людяхъ вообще.

Что и въ этой своей формѣ чувство имѣетъ тотъ же источникъ доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что оно ярче вспыхиваетъ въ періодъ пробужденія родового чувства, что оно изсушается и утрачиваетъ полноту тоновъ при развратѣ и что обнаруживающійся въ языкѣ вѣковой опытъ народовъ называетъ его также именемъ любви.

Въ этомъ своемъ видѣ родовое чувство въ общемъ звучитъ ровнѣй. Оно свѣтитъ ровнымъ и яснымъ свѣтомъ. Оно согрѣваетъ и просвѣтляетъ все существо человѣка и представляется высокой, чистой и идеальной любовью не только къ близкимъ, но и ближнимъ, любовью, чуждой узко-эгоистическаго оттѣнка и иногда властно влекущей человѣка на высокіе подвиги самоотреченія и самопожертвованія по христіанской заповѣди, что нѣтъ больше той любви, какъ положить душу свою за други свои. Этотъ видъ чувства переходитъ за узкіе предѣлы семьи Въ культурно-общественномъ отношеніи онъ великій факторъ развитія общественности, ея совершенствованія.

Лица съ такимъ самочувствіемъ отличаются симпатичнѣйшими особенностями характера обыкновенно съ самаго ранняго дѣтства. Мягкость и деликатность натуры, доброта, искренность и духъ примиренія, отвращеніе отъ всякой лжи, хитрости, двоедушія--вотъ что въ большей или меньшей мѣрѣ отличаетъ ихъ съ ранняго возраста. Впослѣдствіи основныя свойства натуры, особенно при умственной одаренности, создаютъ изъ нихъ характеры высокаго типа. Обыкновенно это личности скромныя, великодушныя, глубоко преданныя, благодарныя и нравственно чистыя. Ихъ честность выше испытаній, имъ чужды ложь, хитрость и лицемѣріе. Ихъ привязанности глубоки и длительны. Они умѣренныя натуры и излишества противны имъ.

Напомню прекрасный образъ Песталоцци, которымъ въ теченіе всей его долгой трудовой жизни властно руководило чувство чистой возвышенной любви къ людямъ, особенно обездоленнымъ и загнаннымъ. «Я хочу» говорилъ онъ, «чтобы мои дѣти» — т. е. собранные имъ съ разныхъ концовъ чуждые ему оборвыши—«могли видѣть и угадывать, что мое сердце предано имъ, что ихъ счастье и радости—мое счастье и мои радости». Какъ велико и благотворно было значеніе его нравственной личности, просвѣтленной чистою любовью къ людямъ, всего лучше свидѣтельствуютъ слова надгробной монументальной надписи, начертанной его свободными согражданами, высоко чтившими и чтущими его память: «Здѣсь покоится Генрихъ Песталоцци, спаситель бѣдныхъ въ Цюрихѣ, отецъ сиротъ въ Станцѣ, наставникъ человѣчества въ Ивердинѣ, человѣкъ, христіанинъ, гражданинъ; все для другихъ, ничего для себя. Да будетъ благословенно имя его!»

Напомню также характерныя слова итальянскаго монаха-народолюбца, который, на увѣщанія, сдѣланныя ему передъ смертью, подумать о душѣ своей,

отвѣтилъ: «Некогда. Я долженъ подумать о народѣ... О душѣ моей подумаетъ Господь».

Особенно часто такіе типы встрѣчаются между истинно религіозными людьми, что и понятно. Состоянія души, которыя мы называемъ религіознымъ чувствомъ, *поскольку послѣднее связывается съ организмомъ и является только чувствомъ безъ опредѣленнаго содержанія и связи съ опредѣленными вѣроученіями*, имѣютъ своею базою то же системное родовое чувство, какъ это ясно обнаруживается во многихъ наблюденіяхъ. Религіозное чувство, по справедливому замѣчанію д-ра Compagne, немыслимо безъ чувствъ преданности, любви и благожелательства, въ основѣ которыхъ лежитъ чувство родовое. «Кто сомнѣвается въ этомъ» основательно говоритъ проф. Krafft-Ebing, «тотъ пусть вспомнитъ, какъ часто наблюдаются религіозныя мечтанія въ періодъ развитія подростковъ», пусть вспомнитъ «какую громадную роль чувственность играетъ въ религіозномъ помѣшательствѣ», пусть вспомнитъ и «о сладострастной мистикѣ, проникающей культы древнихъ народовъ».

У натуръ, охватываемыхъ истинно религіознымъ чувствомъ на-ряду съ служеніемъ Высшему Существу, которое проникаетъ всю вселенную, идетъ и беззавѣтное служеніе любимымъ дѣтямъ этого существа—людямъ, особенно страждущимъ, труждающимся и обремененнымъ. Одухотворяющій Промыселъ они провидятъ въ мельчайшихъ явленіяхъ міра, которыя, какъ бы они ни были ничтожны, имѣютъ для нихъ высшій смыслъ. Они съ готовностью и любовно совершаютъ истинные подвиги и не знаютъ мѣры жертвъ своихъ. Это высоко одухотворенныя натуры. Ихъ чувство глубоко и живо, но всегда высоко-терпимо. Они если и жалуются на что, то только на свои личныя слабости, отъ которыхъ постоянно стремятся освободиться. Они всегда дѣйствуютъ ради пользы другихъ, а на свою долю оставляютъ высокое и чистое сознаніе совершеннаго добра, которое возвышаетъ душу. Они счастливы своимъ чистымъ внутреннимъ міромъ и несутъ съ собою ясность и радость въ окружающій ихъ міръ. Вотъ всѣ подобныя личности и есть участники того Царствія Божія, того высшаго совершеннѣйшаго счастья, которое внутрь насъ и которое не можетъ быть восполнено обладаніемъ всѣми богатствами міра.

Но гдѣ путь къ этому счастью, гдѣ средства къ его достиженію?

V.

Изъ всего сказаннаго уже слѣдуетъ, что средства эти прежде всего сводятся къ правильной культурѣ чувствъ. Изъ совокупности послѣднихъ и образуется основной фонъ личности, на которомъ уже вырисовываются дальнѣйшіе узоры, въ зависимости отъ тѣней и оттѣнковъ основного фона.

Напомню, что еще древніе греки задавались идеей гармоническаго развитія, а новѣйшая наука, опираясь на факты, выдвинула понятія неуравновѣшенности и дурной уравновѣшенности, какъ синонимы понятія о физическомъ и нравственномъ вырожденіи породы.

Между тѣмъ въ современной жизни развитію низшихъ и дурныхъ чувствъ дается полный просторъ, тогда какъ для развитія высшихъ слишкомъ мало дѣлается. Въ этомъ направленіи глубоко грѣшитъ своимъ внутреннимъ строемъ и современная школа—если *говорить вообще*—поскольку она является и воспитательницею.

Развитіе слагающихъ самочувствіе системныхъ чувствъ, базирующееся на соотвѣтствующемъ индивидуальномъ развитіи системъ органовъ, *какъ и все въ существѣ человѣка, зависитъ отъ характера упражненій, отъ повседневныхъ опытовъ и подробностей обычнаго образа жизни.* Такимъ образомъ, культура чувствованій сводится къ воспитанію, но воспитанію, понимаемому въ широкомъ смыслѣ слова, *въ смыслѣ всей совокупности воздѣйствій окружающей среды и при томъ воспитанію не только словомъ, но и дѣломъ, повседневнымъ упражненіемъ.*

Здѣсь на помощь можетъ и должна являться творящая научная мысль и распространяемый его свѣтъ знанія. Правда, нельзя создать и вызвать увѣщаніемъ несуществующія чувствованія, нельзя велѣть чувствовать такъ, а не иначе, но можно создать обстановку, которая путемъ упражненій постепенно будетъ содѣйствовать выработкѣ и развитію желательныхъ чувствованій и ихъ ассоціаціи съ представленіями.

Въ концѣ 18 стол., когда дѣйствительность во многомъ представлялась чрезвычайно непривлядной, въ средѣ передовыхъ людей того времени развился могучій полетъ научной и философской мысли, зародились широкія гуманитарныя идеи и стали раздаваться голоса людей, мечтавшихъ о созданіи новой болѣе совершенной породы людей, путемъ правильнаго воспитанія. Зазвучала вдохновенная проповѣдь Ж. Ж. Руссо и подъ ея вліяніемъ, да подъ вліяніемъ общества молодежи, основаннаго извѣстнымъ Лафатеромъ, выступилъ въ дѣятельность великій педагогъ Песталоцци.

Но тому времени недоставало точныхъ знаній, недоставало точныхъ методовъ изслѣдованія, недоставало и развитія техники, создающей нужныя матеріальныя средства и практическія возможности. Начавшая развиваться техника того времени служила другимъ цѣлямъ и вызывала къ жизни тѣ явленія, которыя послужили зародышами современнаго строя съ его, поистинѣ, бѣшенной погоней за наживой, поклоненіемъ капиталу, какъ совокупности денежныхъ средствъ, и съ его развитіемъ себялюбивыхъ интересовъ, удовлетвореніе которыхъ, какъ мы видѣли, далеко отъ того, чтобы создавать истинное одухотворенное счастье.

Но съ той поры прошло уже много времени, и ростъ общества подготовилъ многое. Далеко подвинулся впередъ научный анализъ во всѣхъ областяхъ вѣдѣнія, усовершенствовались методы изслѣдованія, вооруженный знаніями умъ человѣка заглянулъ во многіе тайники природы и могущественно развилась техника, дающія практическія возможности для широко разлитыхъ усовершенствованій и благополучія. Недостаетъ пока только *широкаго распростра-*

ненія въ достаточно обширныхъ слояхъ общества идеаловъ, существованіе которыхъ нужно для подъема духа и творчества. Переживается періодъ усиленныхъ исканій лучшаго будущаго, исканій, вытекающихъ съ необходимостью изъ всей совокупности современныхъ условій жизни народовъ, уже переросшихъ многое.

Еще съ начала прошлаго 19 стол., подъ давленіемъ событій, стали возникать и развиваться нѣкоторыя учрежденія новаго строя. Ростъ ихъ, правда, прерывистъ, но въ общемъ устойчивъ. Этотъ поступательный ростъ и развитіе знаній и научнаго пониманія сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ явленіяхъ общественной жизни открываетъ новые болѣе свѣтлые горизонты.

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ науки и ея популяризаціи, при помощи живого и печатнаго слова, и состоитъ теперь въ томъ, чтобы указывать пути къ удовлетворенію начавшихся исканій, при посредствѣ совершенствованія самого человѣка, чрезъ которое для него становится доступно еще здѣсь на землѣ Царство Божіе, внутри насъ находящееся.

При осуществленіи этого условія въ нашъ грѣшный міръ внесется высшая разумность, которая не пытается бороться съ законами природы человѣка, а, напротивъ, умѣло пользуется ими и напередъ предвидитъ ихъ непреложное дѣйствіе. Тогда, быть можетъ, кое-что изъ того, что теперь признается утопіями только потому, что встрѣчаетъ на пути множественность противоположныхъ настроеній, получитъ возможность практическаго осуществленія, которое предполагаетъ развитіе благожелательности къ нашимъ ближнимъ, готовность служить имъ, работать для нихъ и находить высшее нравственное удовлетвореніе въ созерцаніи нарощенія общаго благополучія. Для всего этого побольше умственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго свѣта!

Признаю, что въ настоящей статьѣ я коснулся областей идеала, но вовсе ни невозможности. Тѣ идеалы, о которыхъ приходилось говорить, хотя постепенно и съ большими усиліями, возможны для осуществленія, потому что для послѣдняго существуютъ, какъ мы видѣли, основанія въ психофизической природѣ человѣка. Безъ идеаловъ же и идеаловъ высокихъ, но, конечно, научно обоснованныхъ отдѣльный человѣкъ и все общество въ духовномъ отношеніи мертвы. *Имъ можетъ быть свойственна только безуспѣшная погоня за счастьемъ, но не ясное, полное, длящееся счастіе, не внутреннее Царствіе Божіе*, котораго, по заповѣди христіанства, мы должны искать больше всего и прежде всего, потому что тогда и только тогда все прочее приложится намъ, какъ его необходимое слѣдствіе. Таковъ законъ нашего бытія.

Дмитрій Дриль.

Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни [1]).

Проф. В. С. Серебреникова.

Одною изъ характерныхъ особенностей современной психологіи служитъ ученіе о безсознательной душевной жизни. Къ предположенію безсознательныхъ душевныхъ процессовъ прибѣгаютъ психологи самыхъ различныхъ направленій. Въ этихъ процессахъ они стараются найти объясненіе загадочныхъ явленій ненормальной и нормальной душевной жизни. Но въ чемъ состоитъ природа безсознательныхъ процессовъ и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ субъекту сознательной душевной жизни,—остается не выясненнымъ. Между тѣмъ вопросы эти очень важны. Отъ такого или иного рѣшенія ихъ зависитъ общій взглядъ на душевную жизнь человѣка.

Ученіе о безсознательной душевной жизни ведетъ свое начало отъ Лейбница. Взглядъ Лейбница не потерялъ своего значенія до настоящаго времени. Подъ видимымъ вліяніемъ его находится наиболѣе крупный представитель современной психологіи—Вундтъ. Въ виду этого разъясненіе взгляда Лейбница должно представлять собою значительный интересъ [2]).

Ученіе Лейбница [3]) о безсознательной душевной жизни стоитъ въ тѣсной связи со всею его философскою системою и въ частности съ его метафизическимъ ученіемъ о душѣ.

[1]) Докладъ, читанный въ «Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ» при Духовной Академіи 3-го октября 1903 года.

[2]) Монографіи, относящіяся къ данному вопросу: *Capesius*, Der Apperceptionsbegriff bei Leibniz und dessen Nachfolgern, Hermannstadt, 1894; *Hohenemser*, Die Lehre von den kleinen Vorstellungen bei Leibniz, Heidelberg, 1899; *Rülf*, Die Apperception im philosophischen System bei Leibniz, Bonn, 1900; *Staude*, Der Begriff der Apperception in der neueren Psychologie, Separatabdruck aus Philos. Studien, I, 149 und folg.; *Sticker*, Die Leibnizschen Begriffe der Perception und Apperception, Bonn, 1900. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: монографія Рюльфа, дающая сравнительно болѣе правильное освѣщеніе взгляда Лейбница, и монографія Штиккера, представляющая собою довольно полное собраніе фактическаго матеріала, взятаго изъ сочиненій Лейбница и расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ.

[3]) Ученіе Лейбница излагается на основаніи его сочиненій въ изданіи: Gergardt, *Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz*, Berlin, 1—VII, 1875—1890. Ради краткости эти сочиненія цитуются безъ обозначенія имени издателя, съ указаніемъ лишь на томъ и страницу, при чемъ томы обозначаются римскими цифрами, а страницы арабскими. Такимъ образомъ цитатъ, напр., VI, 150-Соч. Лейбница въ изд. Гергардта, томъ 6, стр. 150.

I.

Душа, по ученію Лейбница, есть созданная Богомъ субстанціальная сила [1]). Силу нужно отличать отъ такъ называемой способности. Въ то время какъ способность есть простая возможность, которая для перехода въ дѣйствіе нуждается во внѣшнемъ возбужденіи, сила никогда не можетъ оставаться безъ дѣятельности. Всякая сила заключаетъ въ себѣ стремленіе къ опредѣленному ряду дѣйствій—измѣненій, которыя непосредственно и вызываются имъ. Эти измѣненія—дѣйствія могутъ встрѣчать для своего проявленія большія или меньшія препятствія въ окружающей средѣ, но прекратиться совсѣмъ не могутъ [2]). Существеннымъ дѣйствіемъ—проявленіемъ души служитъ воспріятіе [3]), почему безъ воспріятій душа не можетъ существовать ни одного момента. Они происходятъ въ ней непрерывно [4]). Съ этой стороны правъ былъ Декартъ, когда говорилъ: «душа мыслитъ всегда» [5]), если только подъ мышленіемъ разумѣть воспріятіе. Но онъ ошибочно предполагалъ, будто всѣ воспріятія души сознательны. Какъ справедливо указывалъ Локкъ, человѣкъ во время глубокаго сна и обморока находится въ безпамятствѣ и никакихъ сознательныхъ воспріятій не получаетъ [6]). Но въ свою очередь заблуждался также Локкъ, когда утверждалъ, что дѣятельность души въ это время пріостанавливается. На самомъ дѣлѣ не только душа, но даже тѣла никогда не могутъ придти въ абсолютный покой, потому что это было бы равносильно ихъ уничтоженію [7]). Во время сна и обморока душа продолжаетъ воспринимать, но только воспріятія ея не замѣчаются нами, почему у насъ не остается о нихъ никакого воспоминанія. Такимъ образомъ рядомъ съ воспріятіями замѣтными необходимо признать въ душѣ существованіе воспріятій незамѣтныхъ, или безсознательныхъ. Первыя могутъ быть названы *апперцепціями*, вторыя—*перцепціями* [8]).

II.

Какъ сила субстанціальная, существующая сама по себѣ, душа есть абсолютно простая единица. Она не имѣетъ никакихъ частей, на которыя можно было бы ее раздѣлить или которыя можно было бы передвинуть съ одного мѣста на другое. Поэтому никакимъ матеріальнымъ воздѣйствіямъ она не доступна. Ни окружающія тѣла, ни собственное тѣло, съ которымъ она

[1]) IV, 508: VI, 150 и мн. др.
[2]) IV, 472, 395; V, 100; VI, 609.
[3]) V, 148; II, 82.
[4]) V, 16, 46, 101; III, 311, 465.
[5]) V, 103 (ср. 107, 205); III, 474, 657.
[6]) V, 23.
[7]) V, 24, 46; VI, 516; III, 567.
[8]) VI, 600, 608—609; V, 148; III, 307.

соединена [1]), не могутъ дѣйствовать на нее непосредственно [2]). Всѣ дѣйствія души, всѣ ея воспріятія составляютъ, слѣдовательно, самопроизвольное обнаруженіе ея индивидуальной природы [3]).

Природа души представляетъ собою соединеніе безконечнаго съ конечнымъ. Она, съ одной стороны, безконечна, потому что служитъ отображеніемъ Божественнаго разума и воли и съ самаго начала своего существованія содержитъ въ себѣ безчисленное множество идей и стремленій, стоящихъ между собою въ опредѣленныхъ отношеніяхъ и образующихъ собою опредѣленную систему [4]). Съ другой стороны, она конечна, потому что составляетъ ограниченное временными условіями твореніе Божіе [5]) и обладаетъ безконечностью не дѣйствительною, а потенціальною [6]). Вслѣдствіе ограниченности души прирожденныя ей идеи и стремленія входятъ въ сознаніе и дѣлаются достовѣрными познаніями разума и свободными рѣшеніями воли не сразу, а постепенно, въ процессѣ безконечнаго послѣдовательнаго развитія. Какъ числа по опредѣленному закону прироста, напр., въ геометрической прогрессіи, постепенно переходятъ отъ безконечно малыхъ къ безконечно большимъ, такъ и душа по присущему ей закону развитія постепенно восходитъ отъ низшихъ формъ проявленія прирожденныхъ идей и стремленій къ высшимъ, отъ менѣе совершенныхъ воспріятій къ воспріятіямъ болѣе совершеннымъ [7]).

Точкою отправленія для закономѣрнаго самопроизвольнаго развитія души служитъ ея первичное состояніе, которое, въ силу присущаго ему стремленія, переходитъ въ другое состояніе, другое—въ третье, третье—въ четвертое и т. д.

---

1) Чтобы предлагаемое изложеніе ученія Лейбница не вызвало недоумѣній въ читателѣ, знакомомъ съ господствующимъ пониманіемъ этого философа, необходимо сдѣлать оговорку. Обыкновенно полагаютъ, что Лейбницъ отрицалъ реальное существованіе тѣлъ и считалъ ихъ проявленіемъ пассивной силы монадъ-душъ или даже смотрѣлъ на нихъ, какъ на субъективные, хотя и закономѣрные призраки, создаваемые душами. Но этотъ взглядъ не согласуется ни съ исторіей развитія Лейбницевой философіи, ни съ первоисточниками, взятыми въ ихъ совокупности и истолкованными въ связи съ обстоятельствами, при которыхъ они были написаны. Документальное разъясненіе этого потребовало бы слишкомъ много мѣста, и кромѣ того, не входитъ въ задачу настоящей статьи. Въ данномъ случаѣ достаточно замѣтить, что Лейбницъ **отрицалъ** не реальное существованіе тѣлъ, **а ихъ субстанціальное значеніе**. Тѣла, по ученію Лейбница, существуютъ, но не какъ самостоятельныя сущности, а какъ служебныя орудія, которыя, будучи всегда соединены съ душами, постоянно, въ силу предустановленной гармоніи (о ней рѣчь ниже), приспособляются къ нимъ и чрезъ посредство которыхъ души вслѣдствіе той же гармоніи находятся въ естественной связи со всѣмъ міромъ.

2) IV, 482-483, 451, 453, 458; III, 341; ср. II, 97, 99, 112, 121.

3) IV, 458, 440; V, 16, 66, 195, 373.

4) IV, 453, 434; III, 72; VI, 604; ср. V, 428—429.

5) III, 72; IV, 564; VI, 357, 449, 603, 613, 617.

6) IV, 437, 452; ср. V, 70, 77.

7) Ср. IV, 518, 544; II, 136; съ VI, 507—508, 606; VII, 308.

безъ конца [1]). Получается непрерывный рядъ послѣдовательно развивающихся воспріятій. Въ этомъ ряду съ точки зрѣнія предвѣдѣнія Божія нѣтъ ничего лишняго, ничего недостающаго. Каждое воспріятіе занимаетъ свое мѣсто и носитъ въ себѣ, съ одной стороны, слѣды предшествующихъ воспріятій, съ другой, залогъ будущихъ [2]). Взятыя въ совокупности, всѣ послѣдовательныя воспріятія, будутъ то перцепціи или апперцепціи, образуютъ собою одно цѣлое, одну душевную жизнь, въ которой постепенно раскрывается одна и та же индивидуальная природа души съ ея прирожденными идеями и стремленіями [3]). Съ этой стороны безсознательныя воспріятія являются однородными съ воспріятіями сознательными. Различіе ихъ сводится лишь къ степени [4]). Безсознательныя воспріятія составляютъ низшую форму обнаруженія прирожденныхъ идей и стремленій сравнительно съ сознательными воспріятіями [5]).

III.

Но что служитъ предметомъ безсознательныхъ воспріятій, какова ихъ природа, въ какомъ отношеніи они стоятъ къ сознающему субъекту и какъ дѣлаются сознательными? Отвѣтъ на эти вопросы дается ученіемъ Лейбница о связи души съ тѣломъ и окружающимъ міромъ.

Между душою и тѣломъ существуетъ отношеніе полнаго параллелизма. Нѣтъ ни одной перемѣны тѣла, которая не отражалась бы въ душѣ и, наоборотъ, нѣтъ ни одного измѣненія души, которое не находило бы соотвѣтствующаго отклика въ тѣлѣ. Этотъ параллелизмъ есть результатъ предустановленной Богомъ гармоніи. Богъ создалъ природу тѣла и души такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ развиваетъ перемѣны изъ своей основы и по своимъ законамъ, но перемѣны эти сходятся между собою [6]). Душа дѣйствуетъ по цѣлямъ; и въ то же время въ силу предустановленной гармоніи, въ ней находитъ мѣсто механическая причинность. Она достигаетъ своихъ цѣлей, отображая въ себѣ движенія тѣла, происходящія по механическимъ законамъ [7]). Но тѣло человѣка составляетъ часть матеріальнаго міра и, подобно другимъ тѣламъ, измѣняется подъ вліяніемъ движеній, идущихъ со стороны окружающихъ тѣлъ. И такъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ никакой пустоты, а каждое тѣло безъ конца дѣлимо, то зависимость одного движенія отъ другого должна простираться безъ конца. Почему въ мірѣ не можетъ произойти ни одной перемѣны, ни одного движенія,

---

[1]) V, 77; II, 91; IV, 476, 544; VI, 559.

[2]) IV, 485, 433, 438—440, 521, 563; I, 382; II, 39, 42, 126, 248, 282; III, 66; V, 16.

[3]) IV, 433, 438; II, 43, 57, 76.

[4]) IV, 563; III, 345.

[5]) V, 107, 127, 224.

[6]) IV, 458—459, 484—485; II, 91, 112—113; VI, 289—290, 557, 570; V, 106—107; III, 509; I, 383.

[7]) IV, 580; ср. 485, 461, 436.

которое не отражалось бы въ нашемъ тѣлѣ и чрезъ него—въ силу предустановленной гармоніи—въ нашей душѣ [1]).

Перемѣнъ въ мірѣ каждую минуту совершается безчисленное множество. Отражаясь въ душѣ, онѣ не могутъ оставаться разрозненными, потому что душа есть единая простая сущность. Для души, какъ единаго субъекта, созерцаемые предметы должны представлять собою нѣчто единое [2]). Но объединить ихъ активно силою мысли сознающій субъектъ не можетъ, потому что активная сила человѣческой мысли ограничена. Мы не можемъ ни различить безчисленнаго множества одновременно созерцаемыхъ предметовъ, ни понять существующихъ между ними отношеній. Поэтому они какъ бы сливаются сами собою и образуютъ для сознающаго субъекта одно непонятное цѣлое, одинъ смутно созерцаемый сложный предметъ, или одно безсознательное воспріятіе [3]). Такимъ образомъ предметомъ безсознательныхъ воспріятій служитъ окружающій міръ съ его перемѣнами. Благодаря безсознательнымъ воспріятіямъ душа является зеркаломъ вселенной [4]).

Безсознательныя воспріятія, взятыя сами по себѣ, имѣютъ вполнѣ опредѣленное содержаніе [5]). Съ одной стороны, они представляютъ собою точную копію движеній, совершающихся въ нашемъ тѣлѣ. А движенія эти служатъ проявленіемъ опредѣленныхъ силъ и, не смотря на свою кажущуюся безпорядочность, стоятъ между собою и къ остальнымъ движеніямъ міра въ опредѣленныхъ, строго урегулированныхъ отношеніяхъ, такъ что чрезъ нихъ осуществляется предначертанный Богомъ планъ развитія міра, какъ стройнаго космоса. Съ другой стороны, безсознательныя воспріятія являются внутренними событіями или перемѣнами души, въ которыхъ по закону постепенности раскрывается ея прирожденное содержаніе. Они служатъ различными, смѣняющимися въ опредѣленномъ порядкѣ формами воплощенія прирожденныхъ идей и стремленій, образующихъ собою одну стройную систему [6]).

Содержаніе безсознательныхъ воспріятій не только вполнѣ опредѣленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличается индивидуальнымъ характеромъ. Индивидуальность безсознательныхъ воспріятій обусловливается индивидуальною природою душъ. Каждая душа занимаетъ въ стройной системѣ міра опредѣленное мѣсто и сообразно съ этимъ а) обладаетъ индивидуальными прирожденными способностями и стремленіями, которыя у различныхъ душъ имѣютъ различныя степени совершенства, б) начинаетъ свое развитіе въ опредѣленный моментъ времени, когда другія души или еще не начали своего земного существованія,

---

[1]) II, 112—113; V, 107; VI, 546, 599, 617.

[2]) I, 61; II, 112; III, 72, 465; IV, 523.

[3]) VI, 627—628; IV, 547—548, 562.

[4]) IV, 434, 475, 532; V, 48 и мн. др.

[5]) IV, 574—575.

[6]) а) IV, 305—306, 479—480, 485; II, 94—95; б) VI, 69—70, 393—394, 430; VI, 505—506.

или уже прошли большее или меньшее количество стадій развитія и в) соединена съ индивидуальнымъ тѣломъ, которое занимаетъ свое особое пространственное положеніе и потому получаетъ отъ міра впечатлѣнія, отличныя отъ впечатлѣній всѣхъ другихъ тѣлъ. Вслѣдствіе этого хотя всѣ души безсознательно отображаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же міръ и смутно созерцаютъ въ немъ однѣ и тѣ же идеи и истины, но эти отображенія въ каждой душѣ имѣютъ свою индивидуальную окраску [1]). Индивидуальная опредѣленность безсознательныхъ воспріятій остается сама по себѣ неизвѣстною для сознающаго субъекта. Она познается и дѣлается достояніемъ личнаго сознанія постепенно чрезъ активную дѣятельность различенія и мысли.

Источникъ безсознательныхъ воспріятій находится въ душѣ. Они развиваются изъ первичнаго воспріятія подъ вліяніемъ естественнаго стремленія души къ постоянному закономѣрному переходу отъ одного воспріятія къ другому. Но причина, почему первичное воспріятіе естественно стремится перейти и дѣйствительно переходитъ въ послѣдовательный рядъ однихъ, а не другихъ безсознательныхъ воспріятій, заключается въ соединенномъ съ нею тѣлѣ. Въ силу предустановленной гармоніи, душа развиваетъ такія воспріятія, какихъ требуютъ перемѣны, или движенія, производимыя въ нашемъ тѣлѣ окружающимъ міромъ, почему смѣна ихъ, подобно смѣнѣ движеній, опредѣляется механическимъ закономъ причинности. Только благодаря этому наши безсознательныя воспріятія и являются отображеніемъ дѣйствительности, а не пустымъ призракомъ, лишеннымъ реальнаго значенія.

Такимъ образомъ, по своему происхожденію, безсознательныя воспріятія служатъ сразу выраженіемъ самопроизвольности и зависимости души, проявленіемъ ея активной и пассивной силы. Душа производитъ ихъ самопроизвольно, насколько они возникаютъ изъ ея нѣдръ и ведутъ ее къ осуществленію ея послѣдней цѣли. Но насколько они принимаютъ такую форму, какая требуется измѣнчивымъ состояніемъ міра, душа является пассивною, зависимою отъ міра и его механическихъ законовъ [2]). Правда, зависимость эта имѣетъ свою основу не въ самыхъ явленіяхъ, а въ мірѣ вѣчныхъ сущностей, или Божественныхъ идей. Богъ отъ вѣка созерцалъ систему міра съ его послѣдовательными перемѣнами, и эти созерцаемыя Имъ перемѣны послужили основаніемъ, почему Онъ создалъ нашу душу съ расположеніемъ къ такимъ, а не инымъ безсознательнымъ воспріятіямъ. Но какъ бы мы ни понимали зависимость души отъ тѣла и окружающаго міра, она составляетъ фактъ, и мы можемъ говорить о ней, пользуясь обычнымъ способомъ выраженія. Мы можемъ въ указанномъ выше смыслѣ (sub specie auternitatis) сказать, что окружающій міръ чрезъ посредство нашего тѣла вліяетъ на нашу душу и вызываетъ въ ней безсознательныя воспріятія. Въ соотвѣтствіе этому безсо-

---

[1]) IV, 514, 439—441, 484; V, 49 и мн. др.

[2]) I, 383; II, 90, 126; IV, 433—434, 440—441, 453—454, 486.

знательныя воспріятія могутъ быть названы не дѣйствіями, а пассивными состояніями души. «Монады, читаемъ у Лейбница, служатъ основою не только дѣйствій, но и противодѣйствій или страданій [1]) Монадѣ приписывается а) дѣйствіе, поскольу она имѣетъ отчетливыя воспріятія, и б) страданіе, поскольку она имѣетъ смутныя воспріятія [2]). Смутныя мысли указываютъ на наше несовершенство, страданія и зависимость отъ совокупности внѣшнихъ вещей, или матеріи, тогда какъ совершенство, сила, власть, свобода и дѣйствіе души состоятъ главнымъ образомъ въ нашихъ отчетливыхъ мысляхъ [3]). Душа испытываетъ перемѣны даже вопреки своему желанію, потому что она—рабъ своихъ чувствованій и смутныхъ мыслей, возникающихъ въ ней согласно съ состояніями ея тѣла и другихъ тѣлъ, стоящихъ къ нему въ отношеніи [4]). Душа иногда переходитъ отъ бѣлаго къ черному или отъ да къ нѣтъ, не зная, какъ это совершается, или, по крайней мѣрѣ, какъ бы непроизвольно, потому что вліяніе на нее смутныхъ мыслей и чувствованій зависитъ отъ тѣлъ [5]). Воспріятія, въ которыхъ выражаются законы движенія, слѣдуютъ одно за другимъ, подобно этимъ законамъ, въ порядкѣ дѣйствующихъ причинъ. А порядокъ произвольныхъ воспріятій, являющійся порядкомъ конечныхъ причинъ, согласуется съ природою воли» [6]).

IV.

Безсознательныя воспріятія составляютъ основу всей сознательной жизни человѣка [7]). Въ нихъ отображается вселенная со всѣми ея послѣдовательными перемѣнами. Задача человѣка—освѣтить личнымъ сознаніемъ эти отображенія, уразумѣть въ нихъ, подъ руководствомъ прирожденныхъ идей и стремленій, основы и цѣли міра и согласно съ уразумѣніемъ упорядочить свою личную жизнь.

Эта задача осуществляется человѣкомъ постепенно въ процессѣ развитія сознательной жизни чрезъ активную дѣятельность мысли.

Активная дѣятельность мысли начинается съ выдѣленія, или различенія въ безсознательномъ воспріятіи заключающихся въ немъ отдѣльныхъ предметовъ. Различеніе совершается чрезъ обращеніе вниманія [8]). Сознающій субъектъ останавливаетъ вниманіе на одномъ какомъ-либо предметѣ. Предметъ вслѣдствіе этого входитъ въ ясное сознаніе субъекта,—апперцепируется. Безсознательное воспріятіе, или перцепція, не теряя своего единства, распа-

[1]) III, 636.
[2]) VI, 615.
[3]) IV, 574.
[4]) IV, 547.
[5]) IV, 546.
[6]) IV, 580.
[7]) II, 91; IV, 523; III, 657; V, 49.
[8]) V, 108, 147.

дается на двѣ части: предметъ ясно сознаваемый, дѣлающійся достояніемъ личнаго сознанія, и предметы, остающіеся въ безсознательномъ состояніи.

Первоначально вниманіе опредѣляется силою впечатлѣнія. Аппе рципируются тѣ предметы, которые производятъ на душу наиболѣе сильное и рѣзкое впечатлѣніе. Такими предметами являются обыкновенно предметы или болѣе близкіе, или болѣе крупные, или дѣйствующіе на наиболѣе чувствительные органы тѣла [1]). Отсюда происходитъ случайный и безсвязный характеръ первоначальныхъ апперцепцій. Одни сознательныя воспріятія смѣняются другими не по логической связи между ними, а по ходу внѣшнихъ событій [2]). И такъ какъ въ первое время активная сила бываетъ слаба, то дѣятельность ея бываетъ не продолжительна. Послѣ нѣсколькихъ актовъ апперцепціи наступаетъ сонъ, когда снова входитъ въ силу пассивная перцепція. Таково состояніе дѣтей въ первые дни послѣ рожденія [3]).

Съ появленіемъ апперцепцій получаютъ начало два новыхъ фактора, опредѣляющихъ направленіе нашего вниманія. Первый факторъ есть привычка. Каждое воспріятіе, выходя изъ сознанія, оставляетъ въ душѣ слѣдъ, который продолжаетъ дѣйствовать все время и облегчаетъ вторичное воспріятіе того же предмета. Чѣмъ чаще возникаютъ воспріятія извѣстнаго рода, тѣмъ глубже становятся отъ нихъ слѣды и тѣмъ сильнѣе дѣлается у насъ расположеніе къ апперцепированію предметовъ этого рода предпочтительно предъ всѣми другими предметами, находящимися въ безсознательной области [4]). Другимъ факторомъ, который намѣчается Лейбницемъ, но оставляется безъ детальнаго разъясненія, служитъ интересъ. Мы никогда не остаемся равнодушными къ воспринимаемымъ предметамъ. Предметы, отвѣчающіе инстинктивнымъ стремленіямъ души и потому содѣйствующіе ея развитію, апперцепируются нами съ чувствомъ удовольствія, вслѣдствіе чего у насъ образуется интересъ къ этимъ предметамъ, или желаніе апперцепировать ихъ снова. Интересы, подобно слѣдамъ воспріятій, усиливаются отъ повторенія воспріятій. Чѣмъ чаще и больше удовлетворяется интересъ, тѣмъ сильнѣе онъ вліяетъ на апперцепцію [5]). Такимъ образомъ постепенно мы переходимъ отъ сознательнаго воспріятія предметовъ, сильно дѣйствующихъ, къ апперцепціи предметовъ наиболѣе привычныхъ и интересныхъ для насъ.

Привычка и интересъ дѣйствуютъ обыкновенно совмѣстно, причемъ интересъ служитъ главнымъ факторомъ, а привычка—добавочнымъ. При отсутствіи интереса привычныя впечатлѣнія не только не усиливаютъ вниманія къ себѣ, но даже ослабляютъ его. Мельникъ, напр., такъ привыкаетъ къ шуму мельничныхъ колесъ, что не замѣчаетъ его. Подобнымъ же образомъ

---

[1]) II, 90; VI, 611, 617.

[2]) IV, 546 - 547; 574.

[3]) Ср. V, 105; VI, 515.

[4]) II, 98; V, 105, 127; IV, 551—552, ср. 576—577.

[5]) V, 91; ср. IV, 576—577.

мы привыкаемъ къ будничной своей обстановкѣ, не представляющей для насъ ничего новаго и интереснаго, и не обращаемъ на нее никакого вниманія, когда бываемъ заняты чѣмъ-либо другимъ. Между тѣмъ при развитомъ интересѣ къ привычнымъ предметамъ мы можемъ апперцепировать ихъ даже въ томъ случаѣ, когда безсознательныя отображенія ихъ въ нашей душѣ очень слабы. Извѣстно, напр., говоритъ Лейбницъ, что нѣкоторыя лица привыкаютъ различать во вкусѣ мяса самые тонкіе оттѣнки, остающіеся для другихъ совершенно незамѣтными [1]).

Апперцепированные предметы объединяются сравнивающею дѣятельностью мысли. Мысль начинаетъ открывать существующія между ними отношенія и чрезъ эти отношенія созерцать ихъ вмѣстѣ, какъ одно цѣлое. Какъ совершается мысленное объединеніе созерцаемыхъ предметовъ, Лейбницъ не разъясняетъ подробно. Но общая точка зрѣнія его на это объединеніе довольно ясна и опредѣленна. Созерцаемые предметы объединяются постепенно, причемъ каждый актъ объединенія отпечатлѣвается, или отлагается на его результатѣ Предметы, связанные мыслью въ одинъ предметъ, переходятъ въ качествѣ одного предмета въ безсознательную область и въ такомъ видѣ потомъ апперцепируются. Одни и тѣ же въ общемъ движенія, отображаясь въ послѣдовательныхъ безсознательныхъ воспріятіяхъ, апперцепируются душою то какъ конкретныя представленія, постепенно усложняющіяся, то какъ понятія, дѣлающіяся постепенно болѣе общими, то, наконецъ, какъ чистыя идеи. Этимъ обусловливается постепенный ростъ сознательной жизни, въ которой новая работа мысли опирается на хранящіеся въ безсознательной области результаты предшествующихъ работъ и служитъ ихъ продолженіемъ [2]).

Первоначально воспринимаются мыслящимъ субъектомъ внѣшнія отношенія между вещами и ихъ перемѣнами. Мы замѣчаемъ сосуществующія свойства предметовъ и образуемъ чрезъ ихъ соединеніе конкретныя представленія отдѣльныхъ предметовъ. Останавливаемъ вниманіе на постоянно повторяющейся смѣнѣ однихъ событій другими и, закрѣпляя ихъ въ памяти, начинаемъ по предшествующимъ событіямъ угадывать послѣдующія. Но наши представленія не всегда бываютъ точны и наши догадки не всегда правильны. Мы судимъ о вещахъ въ этомъ случаѣ не на основаніи пониманія ихъ природы и причинныхъ связей, а на основаніи опыта. А опытъ никогда не можетъ быть источникомъ общаго безусловно достовѣрнаго знанія. Изъ того, напр., что въ нашемъ опытѣ явленіе В много разъ слѣдовало за явленіемъ А, нисколько не слѣдуетъ, что такъ будетъ всегда [3]). Вмѣстѣ съ образованіемъ конкретныхъ представленій пріобрѣтаютъ сознательную опредѣленность прирожденныя душѣ стремленія. Они переходятъ въ желанія однихъ предметовъ, воспріятіе которыхъ сопровождается чувствомъ удовольствія, и нежеланія дру-

[1]) V, 47; VI—515.

[2]) Ср., напр., IV, 543—554; V, 103, 104, 131—132.

[3]) V, 43—44; VI, 504—505 и мн. др.

гихъ, причиняющихъ намъ неудовольствіе. И какъ представленія въ своей смѣнѣ опредѣляются внѣшними отношеніями вещей, такъ и вызываемыя ими желанія представляютъ собою нѣчто неупорядочное. Поэтому и дѣятельность человѣка, мотивируемая желаніями, отличается неустойчивостью.

Но мало-по-малу активная сила души развивается и мы начинаемъ какъ бы прозрѣвать. Въ апперцепированныхъ предметахъ начинаютъ открываться нашему умственному взору раздѣльныя стороны и существующія между ними необходимыя отношенія. У насъ получается достовѣрное знаніе, но пока—пріуроченное къ конкретнымъ явленіямъ чувственнаго міра [1]). Наконецъ, мы научаемся отвлекать свой взоръ отъ чувственныхъ образовъ. Предъ нами возстаютъ прирожденныя идеи въ чистомъ своемъ видѣ и мы пріобрѣтаемъ общее достовѣрное значеніе вѣчныхъ истинъ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ въ дѣятельности человѣка происходитъ перемѣна. Теперь онъ начинаетъ руководиться въ своихъ поступкахъ не только темными влеченіями и прихотливыми желаніями, но и разумными убѣжденіями. Онъ начинаетъ дѣйствовать болѣе или менѣе свободно. И чѣмъ больше будетъ у человѣка разумныхъ убѣжденій, связанныхъ между собою въ стройное цѣлое, чѣмъ больше разовьются соотвѣтствующія этимъ убѣжденіямъ влеченія, тѣмъ свободнѣе и устойчивѣе будетъ поведеніе человѣка [3]).

Съ увеличеніемъ знаній сфера безсознательнаго постепенно съуживается. Но какъ бы знанія человѣка ни увеличивались, безсознательная жизнь никогда не можетъ уничтожиться, потому что сфера безсознательнаго безконечна, а активная сила человѣческой души ограничена [4]). Рядомъ съ знаніемъ всегда будетъ у человѣка незнаніе, рядомъ съ разумно-свободными рѣшеніями—дѣйствія инстинктивныя и стихійныя, вызываемыя механическимъ ходомъ безсознательной жизни съ ея безсознательными стремленіями. Отсюда—постоянная борьба духа съ плотью, разумныхъ влеченій съ неразумными [5]). Отсюда, по смыслу Лейбницева ученія, задача всякаго воспитанія и образованія—съ одной стороны, выработать возможно большее количество достовѣрныхъ знаній и привести ихъ въ стройную систему, съ другой, основываясь на дѣйствіи въ душѣ закона механической причинности, развить,—путемъ повторнаго удовлетворенія,—разумныя влеченія и дать имъ перевѣсъ надъ неразумными.

Постепенное развитіе активной силы души идетъ у различныхъ людей различно и прерывается паузами. Объясняется это гармоничнымъ устройствомъ міра, гдѣ повышенію активной дѣятельности однихъ существъ соотвѣтствуетъ

---

[1]) V, 79, 393—394, 430.
[2]) VI, 502—503.
[3]) VI, 238—289 и мн. др.
[4]) IV, 459, 550, 553; VI, 604, 617; ср. IV, 564.
[5]) IV, 564—565, 576.

пониженіе такой же дѣятельности другихъ, гдѣ бодрствованіе уравновѣшивается сномъ и жизнь смертью [1]).

V.

Противъ существованія безсознательныхъ представленій возражалъ Локкъ. Онъ считалъ абсурдомъ предполагать, что представленіе существуетъ въ душѣ и не сознается. Лейбницъ понималъ, какую опасность представляетъ для его системы мнѣніе Локка. Если бы правъ былъ Локкъ—система Лейбница должна была бы рушиться. Поэтому Лейбницъ не ограничился изложеніемъ своего взгляда на безсознательную душевную жизнь, но и привелъ доказательства въ пользу ея существованія.

Доказательства эти суть слѣдующія:

1) Въ мірѣ господствуетъ законъ постепенности. Все существующее, имѣя индивидуальныя природы, представляетъ собою рядъ, въ которомъ одно посредствомъ нечувствительныхъ степеней различія переходитъ въ другое. Въ этомъ ряду крайними предѣлами служатъ, съ одной стороны, ничто, съ другой, Богъ, а средину между ними занимаютъ неорганическія тѣла, растенія, животныя, люди и высшіе духи [2]).

Главное различіе между Богомъ и отдѣльными, созданными Имъ, субстанціями заключается въ степени ясности и отчетливости сознанія и происходящей отсюда степени самопроизвольности [3]). Богъ обладаетъ всесовершеннымъ знаніемъ всего дѣйствительнаго и возможнаго и дѣйствуетъ вполнѣ свободно. Онъ ясно и отчетливо созерцаетъ всѣ предметы со всѣми ихъ отношеніями и въ своихъ дѣйствіяхъ всегда избираетъ наилучшее. Что касается созданныхъ субстанцій, то онѣ могутъ быть подѣлены на три разряда [4]). 1) Высшіе духи и люди достигаютъ яснаго и отчетливаго знанія и полной свободы постепенно въ процессѣ безконечнаго развитія, при чемъ у первыхъ это развитіе совершается быстрѣе, у вторыхъ—медленнѣе. 2) Животныя лишены разума и свободы, но они надѣлены чувствомъ и памятью. Они получаютъ болѣе или менѣе ясные образы окружающихъ предметовъ и въ большей или меньшей степени запоминаютъ существующія между ними пространственныя и временныя связи. Сообразно съ этимъ въ своихъ дѣйствіяхъ они руководятся желаніями, которыя, подобно предметамъ ихъ опыта, бываютъ измѣнчивы, и темными инстинктами. 3) Обыкновенно думаютъ, что животнымъ царствомъ сознаніе обрывается. Но это мнѣніе не правильно. Въ силу закона постепенности необходимо признать, что сознаніе

---

[1]) V, 440-441, 508; VII, 308; ср. V, 48.

[2]) V, 49; VI, 543, 559—560, 537, 506—507, 548; III, 357; II, 124—126; ср. IV, 303.

[3]) VI, 537, 599—560, 617; V, 17.

[4]) II, 112; VII, 529—530; VI, 502, 608—611; ср. 138—139, 289—290.

существуетъ также въ растительномъ царствѣ, только—сознаніе неясное, постепенно переходящее въ самое темное, граничащее съ отсутствіемъ сознанія. Даже въ неограниченной природѣ, лишенной сознанія, мы имѣемъ все же нѣкоторое подобіе сознанія.

Обращаясь къ опыту, мы видимъ прямое подтвержденіе этого. Въ растеніяхъ, особенно, стоящихъ на границѣ между животнымъ и растительнымъ царствомъ, можно замѣчать нѣкоторые признаки не только самопроизвольности, но и чувствительности [1]). Самопроизвольность существуетъ и въ неорганическихъ тѣлахъ. Хотя всѣ тѣла опредѣляются въ своихъ движеніяхъ механическими законами, но самые законы подчинены высшимъ принципамъ избранія наилучшаго. Совершаемыя тѣлами движенія образуютъ собою опредѣленную систему средствъ къ осуществленію избранной Богомъ цѣли міра [2]). Но быть средствами къ осуществленію послѣдней цѣли міра тѣлесныя субстанціи могутъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если въ своихъ движеніяхъ онѣ будутъ связаны и строго согласованы между собою, если въ природѣ каждой изъ нихъ будетъ такъ или иначе отражаться весь міръ со всѣми его будущими перемѣнами, которыя онъ долженъ пройти въ своемъ движеніи къ послѣдней цѣли. Необходимо, слѣдовательно, признать, что и въ неодушевленныхъ тѣлесныхъ субстанціяхъ отражается или какъ бы отображается міръ съ его послѣдовательными перемѣнами. Но только отображенія эти не освѣщаются сознаніемъ и имѣютъ сходство съ безсознательными воспріятіями лишь въ томъ, что представляютъ собою закономѣрное сочетаніе безчисленнаго множества впечатлѣній въ единой простой природѣ субстанціи или, короче, соединеніе многаго въ единомъ [3]).

Ту же постепенность въ переходѣ отъ темнаго къ ясному и отчетливому сознанію мы находимъ и въ жизни отдѣльныхъ людей. Если мы возьмемъ душевную жизнь человѣка въ цѣломъ, начиная съ утробной его жизни [4]), то увидимъ, что разумно-свободная жизнь развивается на почвѣ чувственно-инстинктивной, а этой послѣдней предшествуетъ безсознательно-стихійная жизнь [5]). И въ каждый моментъ бодрственной жизни человѣка сфера сознанія представляетъ собою какъ бы неровную поверхность, на которой одинъ какой-либо предметъ, наиболѣе выдѣляющійся, постепенно переходитъ въ предметы незамѣтные. Предметъ этотъ можетъ то подниматься и принимать болѣе рѣзкія очертанія, то опускаться и приравниваться къ остальнымъ предметамъ. При всякомъ такомъ подъемѣ центральный предметъ дѣлается яснѣе, но за то темнѣютъ въ сознаніи остальные предметы [6]). Если же сфера со-

---

[1]) VII, 535; V, 126; VI, 543.

[2]) Ср. I, 22; VI, 542; IV, 444—445, 479—480; VII, 305—306.

[3]) II, 112, 121, 311; VI, 598, 608; VII, 529.

[4]) III, 508.

[5]) См. выше прим. 40—51.

[6]) Metaphys. Auseinandersetzungen mit Fardella, 1690 (*Stein*, Leibniz und Spinoza, Berlin, 1890, S. 323).

знанія нивеллируется, такъ что на ней не выступаетъ ни одного предмета, то человѣкъ впадаетъ въ состояніе безсознательности, засыпаетъ [1]).

2) Между душою и тѣломъ существуетъ полный параллелизмъ, такъ что всякое нам малѣйшее движеніе тѣла отражается въ душѣ. Но опытъ показываетъ, что доходятъ до сознанія лишь нѣкоторыя впечатлѣнія [2]). Предполагать, что остальныя впечатлѣнія проходятъ для души безслѣдно, нельзя. Это значило бы отрицать безъ достаточныхъ основаній существующее въ природѣ однообразіе и общую закономѣрность. Необходимо поэтому предположить, что впечатлѣнія не апперцепируемыя становятся достояніемъ безсознательной жизни [3]).

3) Каждый изъ насъ сознаетъ себя одною и тою же втеченіе всей жизни личностью, отвѣтственною за свои поступки [4]). Это тожество зависитъ не отъ памяти о прошедшей жизни, ибо не возможно припомнить всего пережитаго, а отъ реальнаго единства субъекта и происходящаго отсюда тожества душевной жизни, образующей одно непрерывное цѣлое, которое развивается по одному и тому же закону и въ которомъ настоящее полно прошедшимъ и чревато будущимъ [5]). А это необходимо предполагаетъ безсознательную душевную жизнь, которая связываетъ между собою періоды бодрствованія, прерывающіеся сномъ, и служитъ основаніемъ душевныхъ явленій, возникающихъ часто какъ бы ex abrupto [6]).

4) Втеченіе жизни человѣкъ пріобрѣтаетъ знанія. Знанія эти никогда не находятся въ сознаніи всѣ сразу. Сказать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ душѣ, нельзя, потому что, по требованію обстоятельствъ, мы можемъ припомнить ихъ. Они, слѣдовательно, хранятся въ памяти, но хранятся въ безсознательномъ состояніи—въ видѣ слѣдовъ и стремленій [7]).

5) Наши чувствованія являются показателями отношенія получаемыхъ впечатлѣній къ нашему совершенству или благополучію,—къ нашимъ прирожденнымъ стремленіямъ и развившимся изъ нихъ подъ вліяніемъ опыта желаніямъ. Но эти стремленія и желанія обыкновенно не сознаются нами, такъ что мы узнаемъ о нихъ по самымъ чувствованіямъ. Ихъ дѣйствіе, слѣдовательно, происходитъ безсознательно [8]).

6) Всякое дѣйствіе человѣка должно имѣть для себя достаточное основаніе. Основаніемъ человѣческихъ дѣйствій служатъ мотивы, которые всегда склоняютъ волю больше къ одному, чѣмъ къ другому. Но когда мы совер-

---

[1]) V, 105; VI, 515, 611; III, 311, 345.
[2]) VI, 553; IV, 458—459, 484-485; II, 311 и мн. др.
[3]) V, 106.
[4]) IV, 527, 436, 459—460, 462.
[5]) V, 104; II, 435, 264.
[6]) V, 48, 49.
[7]) V, 20, 45, 73, 75, 79; IV, 109, 426, 564.
[8]) IV, 441; ср. IV, 550—551; VI, 605—606.

шаемъ дѣйствія инстинктивныя или привычныя, рѣшающіе мотивы ихъ не сознаются нами. Они, слѣдовательно, дѣйствуютъ на насъ безсознательно [1]).

7) Существенною дѣятельностью души служитъ воспріятіе. Но чтобы воспринимать, нужно имѣть предметъ, подлежащій воспріятію. Предметомъ сознательныхъ воспріятій не можетъ быть самый процессъ воспріятія, потому что тогда воспріятіе воспріятія должно было бы простираться безъ конца и воспріятіе было бы не возможно [2]). Такимъ предметомъ могутъ быть лишь безсознательныя воспріятія, какъ состоянія души, возникающія въ ней независимо отъ активной дѣятельности сознающаго субъекта [3]).

А что безсознательныя воспріятія существуютъ, доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующіе факты.

а) На наше тѣло дѣйствуетъ внѣшнее впечатлѣніе. Если это впечатлѣніе, вслѣдствіе своей обычности, не возбуждаетъ къ себѣ никакого интереса или наша мысль занята другимъ предметомъ, то мы не апперцепируемъ его. Но стоитъ кому-нибудь обратить наше вниманіе на него и мы видимъ, что оно уже находится въ нашемъ сознаніи. А если впечатлѣніе, на которое намъ указываютъ, уже прекратилось, то и въ сознаніи оно представляется прекратившимся. Мы припоминаемъ, что получили какое-то ощущеніе но какое именно, не знаемъ, потому что не обратили на него вниманія. Эти случаи были бы не возможны, если бы впечатлѣнія не возбуждали въ душѣ безсознательныхъ воспріятій, нуждающихся лишь въ обращеніи на нихъ вниманія, чтобы перейти въ ясное сознаніе [4]).

б) Мы беремъ слабое впечатлѣніе и начинаемъ постепенно усиливать его до тѣхъ поръ, пока оно не вызоветъ сознательнаго воспріятія. Это воспріятіе составляетъ результатъ воздѣйствія на душу—не первоначальнаго впечатлѣнія и не отдѣльныхъ прибавокъ къ нему, которыя сами по себѣ остаются незамѣтными,—а всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Слѣдовательно, всякое впечатлѣніе, какъ бы слабо оно ни было, дѣйствуетъ на душу и воспринимается ею, такъ, что при постепенномъ усиленіи впечатлѣнія, усиливается въ соотвѣтствующей степени и воспріятіе его. Но только воспріятіе это первоначально находится въ безсознательной области, затѣмъ, по мѣрѣ усиленія, оно постепенно приближается къ ясному сознанію и наконецъ апперцепируется нами [5]).

в) Получаемыя нами впечатлѣнія представляютъ собою часто соединеніе многихъ различныхъ впечатлѣній. Шумъ толпы, напр., слагается изъ отдѣльныхъ голосовъ, сложная краска получается чрезъ смѣшеніе простыхъ и т. п. Эти впечатлѣнія апперцепируются нами въ цѣломъ и являются неуловимыми

[1]) V, 48, 105; III, 347, 402—403; VI, 129—130, 296—297; ср. 471-472.
[2]) V, 107—108.
[3]) IV, 454; ср. 451, 426.
[4]) V, 47.
[5]) V, 47, 121-122.

для насъ въ своихъ составныхъ частяхъ. Но если бы составныя части проходили для души безслѣдно, то не замѣчалось бы нами и цѣлое. Слѣдовательно, отдѣльные голоса и отдѣльныя краски воспринимаются нами, но до яснаго сознанія доходитъ лишь результатъ ихъ соединенія [1]).

г) Воспріятія цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и др. чувственныхъ качествъ вызываются различнаго рода движеніями, которыя съ ними ничего общаго не имѣютъ. Чтобы объяснить этотъ фактъ перехода движеній въ воспріятія, Локкъ, подобно Декарту, прибѣгалъ къ всемогуществу Божію. По его взгляду, Богу угодно было такъ устроить нашу природу, что опредѣленныя движенія тѣла вызываютъ опредѣленныя ощущенія души. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики. Естественныя явленія должны и объясняться естественно. А естественное объясненіе можетъ быть одно: зрительныя, слуховыя и пр. впечатлѣнія состоятъ изъ безчисленнаго множества мелкихъ движеній; всѣ эти движенія въ точности отображаются въ душѣ но, здѣсь, по причинѣ множества, сливаются въ одинъ образъ, ясный въ цѣломъ, но нераздѣльный въ частяхъ и потому непонятный для насъ по способу своего происхожденія [2]).

д) О существованіи безсознательныхъ воспріятій говоритъ, наконецъ состояніе сна. Между сномъ и бодрствованіемъ существуетъ постепенный переходъ, такъ что одно является прямымъ продолженіемъ другого [3]). Во время сна мы также получаемъ впечатлѣнія, и они дѣйствуютъ на нашу душу [4]) Но когда сонъ глубокъ, дѣйствіе это бываетъ слабо, такъ что ни одно впечатлѣніе не выдѣляется изъ другихъ и не замѣчается нами [5]). Мы замѣчаемъ получаемое впечатлѣніе и пробуждаемся отъ глубокаго сна лишь въ томъ случаѣ, когда оно отвѣчаетъ какому-либо сильному нашему интересу. Извѣстенъ, напр., говоритъ Лейбницъ, фактъ, что одно лицо пробуждалось отъ сна всякій разъ, какъ загасала въ его комнатѣ лампа. По мѣрѣ приближенія момента пробужденія, дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній постепенно усиливается и сонъ становится поверхностнѣе. Наконецъ, достаточно бываетъ небольшого добавочнаго впечатлѣнія—и мы пробуждаемся. Эти факты ясно показываютъ, что душа спящаго человѣка получаетъ безсознательныя воспріятія и что переходъ ихъ въ сознательныя опредѣляется тѣми же самыми условіями, отъ которыхъ онъ зависитъ въ бодрственномъ состояніи, т. е. ихъ силою и интересомъ. Не будь у спящаго человѣка безсознательныхъ воспріятій—его сознательная жизнь, по пробужденіи, была бы необъяснимымъ чудомъ, потому что возникала бы изъ ничего [6]).

---

[1]) V, 47; ср. IV, 459.
[2]) V, 48—49; IV, 550, 575 -576, 426.
[3]) VI, 610; V, 104; III, 521 прим.
[4]) V, 16, 102.
[5]) VI, 610, 522.
[6]) V, 23 - 24, 47; VI, 610.

Въ виду приведенныхъ общихъ соображеній разума и фактовъ ежедневной жизни сомнѣваться въ существованіи безсознательныхъ воспріятій и вообще безсознательныхъ душевныхъ состояній нельзя.

Все вышесказанное можно кратко резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Душа воспринимаетъ всегда, но не всѣ ея воспріятія сознательны. Кромѣ апперцепцій существуютъ перцепціи.

2) Перцепціи, или безсознательныя воспріятія, происходятъ изъ нѣдръ души и составляютъ низшую форму закономѣрнаго развитія ея прирожденнаго содержанія.

3) Въ силу предустановленной гармоніи, безсознательныя воспріятія служатъ копіей или отображеніемъ движеній, совершающихся въ нашемъ тѣлѣ подъ вліяніемъ воздѣйствій со стороны всего окружающаго міра, почему представляютъ собою сочетаніе безконечно многаго въ единомъ и, подобно движеніямъ, возникаютъ и смѣняются по механическимъ законамъ и являются пассивными состояніями души.

4) Безсознательныя воспріятія, съ одной стороны, даютъ матеріалъ для сознательной работы мысли, съ другой, являются хранителями результатовъ этой работы и тѣмъ обусловливаютъ постепенный ростъ или развитіе душевной жизни.

5) Развитіе душевной жизни проходитъ стадіи безсознательно-стихійной, чувственно-инстинктивной и разумно-свободной жизни и по существу своему есть процессъ телеологическій, цѣлью котораго служитъ постепенное уясненіе прирожденныхъ идей и стремленій и упорядоченіе по нимъ личной жизни.

6) Въ пользу существованія безсознательныхъ воспріятій и безсознательныхъ душевныхъ состояній вообще говорятъ какъ общія соображенія разума, такъ и факты ежедневной жизни, при чемъ изъ соображеній о дѣйствіи въ мірѣ закона постепенности открывается, что какъ душевная жизнь въ цѣломъ представляетъ собою постепенный переходъ отъ темнаго сознанія къ ясному и раздѣльному, такъ каждое душевное состояніе является для сознающаго субъекта въ видѣ неровной поверхности со множествомъ предметовъ, изъ которыхъ одинъ находится въ центрѣ и выступаетъ наиболѣе рельефно, а остальные образуютъ его обстановку, постепенно выравнивающуюся и теряющую свои очертанія—по мѣрѣ удаленія отъ центра.

Біологическое значеніе психики

Акад. В. М. Бехтерева.

(Продолженіе).

Значеніе непосредственнаго вліянія психики на физическую сферу въ біологическомъ отношеніи доказываютъ всѣмъ извѣстные факты съ измѣненіемъ цвѣта кожныхъ покрововъ у нѣкоторыхъ животныхъ въ зависимости отъ психическаго состоянія животнаго. Непосредственное вліяніе психики на физическую сферу здѣсь неоспоримо, а можно-ли отрицать, что прямое воздѣйствіе психики на окраску кожныхъ покрововъ и ихъ придатковъ остается безъ значенія въ развитіи такъ называемой покровительственной окраски? Вѣдь предѣлы непосредственнаго вліянія психики на пигментныя клѣтки въ кожныхъ покровахъ у животныхъ намъ ближе неизвѣстны; а между тѣмъ вполнѣ возможно, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ психика воздѣйствуетъ на окраску кожныхъ покрововъ соотвѣтственно даннымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, въ пользу чего говоритъ измѣнчивость цвѣта кожныхъ покрововъ у всѣмъ извѣстнаго хамелеона, обусловливаемая психическимъ его состояніемъ. Этимъ самымъ, конечно, ничуть не исключается тотъ фактъ, что большее или меньшее содержаніе пигмента въ кожныхъ покровахъ и ихъ придаткахъ можетъ зависѣть и отъ чисто внѣшнихъ условій, какъ напр., вліянія свѣта, тепла и пр. Необходимо лишь отмѣтить фактъ, что даже въ такихъ приспособительныхъ явленіяхъ, повидимому чисто пассивнаго характера, какъ покровительственная окраска, психическое вліяніе можетъ быть не безъ нѣкотораго вліянія, въ пользу чего говорятъ несомнѣнные факты.

Другимъ примѣромъ непосредственнаго воздѣйствія психики на физическую сферу могутъ представлять измѣненія цвѣта головныхъ украшеній у индюковъ и куръ. Если эти украшенія въ природѣ организаціи оказываются полезными въ какомъ бы то ни было отношеніи, то очевидно полезными оказываются также и тѣ психическія вліянія, которыя измѣняютъ синеватый цвѣтъ этихъ покрововъ на красный, вслѣдствіе обильнаго прилива къ нимъ крови. Затѣмъ выраженіе душевныхъ движеній, приводящее къ измѣненію внѣшности, также безъ сомнѣнія не можетъ считаться безразличнымъ факторомъ въ борьбѣ за существованіе, что доказано уже Дарвиномъ въ извѣстномъ сочиненіи «О выраженіи ощущеній» а это внѣшнее выраженіе всецѣло обусловлено опредѣленными психическими состояніями.

Съ иного рода непосредственнымъ воздѣйствіемъ психики на тѣлесную сферу мы встрѣчаемся въ такъ называемой мнимой смерти или оцѣпенѣніи, которое встрѣчается какъ у низшихъ животныхъ (напр. у маленькихъ жуч-

ковъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ внѣшнихъ вліяній), такъ и у высшихъ животныхъ до обезьянъ включительно [1]); оно есть тоже родъ приспособленія, большею частію полезнаго для жизни этихъ животныхъ — въ однихъ случаяхъ въ видѣ орудія защиты, въ другихъ случаяхъ въ видѣ орудія нападенія.

Во всякомъ случаѣ вышеприведенные факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что непосредственное воздѣйствіе психики на тѣлесную сферу не можетъ быть игнорируемо въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на приспособленіе организмовъ даже и въ томъ случаѣ, когда это приспособленіе является по сущности результатомъ естественнаго отбора. Активное участіе психики въ этихъ приспособительныхъ процессахъ представляется на нашъ взглядъ несомнѣннымъ, и потому самое приспособленіе этого рода мы можемъ назвать активно-пассивнымъ.

Но безъ сомнѣнія вліяніе психики въ приспособительной дѣятельности организма не ограничивается только вышеуказанными фактами.

Различеніе и выборъ движенія—эти два основныхъ психическихъ явленія, свойственныя каждому организму, представляютъ собою наиболѣе важное защитительное приспособленіе отъ разрушительныхъ вліяній окружающей природы. Ясно, что чѣмъ совершеннѣе различеніе и чѣмъ точнѣе выборъ слѣдующаго за нимъ движенія, тѣмъ больше шансовъ организму избѣгнуть вредныхъ вліяній окружающей природы, и тѣмъ больше шансовъ использовать ея благодѣтельныя вліянія.

Справедливость вышесказаннаго подтверждается на каждомъ шагу: когда гуси при сильномъ градѣ вытягиваютъ свое тѣло, шею и клювъ въ направленіи падающаго града, когда наши домашнія куры и другія птицы прячутся подъ навѣсъ во время ливня, когда отъ холода животное начинаетъ согрѣваться движеніемъ, когда отъ сильной жары и преслѣдуемыхъ имъ мухъ оно прячется въ воду, когда оно скрывается отъ враговъ и непогоды въ норахъ или прячется въ густую листву кустарниковъ,—развѣ все это не есть тоже родъ приспособленія организма къ окружающимъ условіямъ, приспособленія, въ основѣ котораго лежитъ уже активное отношеніе организмовъ къ окружающему міру, обусловленное ихъ психикой.

Такой родъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ, который можетъ быть названъ активнымъ приспособленіемъ въ отличіе отъ чисто физическаго или пассивнаго приспособленія, мы встрѣчаемъ уже у низшихъ животныхъ. Извѣстно напр., что краббы (родъ melia) въ цѣляхъ скрыванія себя, (что полезно какъ съ точки зрѣнія самозащиты, такъ и нападенія), пользуются водорослями, которыми они прикрываютъ свою спину (Бердэль). Далѣе, нѣкоторые виды краббовъ пользуются въ своихъ личныхъ цѣляхъ, вѣроятнѣе всего для защиты отъ враговъ, снабженными особыми жгучими органами анемонами,

[1]) Dr. W. Schoenichen. Der Scheintod, als Schutzmittel des Lebens. 1903.

которыхъ они почти постоянно носятъ въ своихъ клешняхъ. Такъ какъ извѣстно, что и анемоны чувствуютъ себя хорошо въ клешняхъ краббовъ и не избѣгаютъ послѣднихъ, то очевидно мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ видовъ симбіоза въ животномъ царствѣ.

Съ другой стороны муравьи, какъ извѣстно, пользуются тлей, какъ дойной коровой, а пепельно-сѣрый муравей точно такимъ же образомъ пользуется гусеницей голубого мотылька (Lycaena argus).

Въ вышеуказанныхъ примѣрахъ дѣло ограничивается лишь пользованіемъ окружающими условіями въ цѣляхъ своего существованія. Но кромѣ такого активнаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ въ мірѣ животныхъ играетъ большую роль и преобразованіе окружающихъ условій въ личныхъ цѣляхъ своего существованія, иначе говоря, соотвѣтственно потребностямъ своей организаціи. Это преобразованіе окружающихъ условій преслѣдуетъ столь важныя жизненныя задачи, какъ обезпеченіе и снабженіе себя подходящей пищей, сохраненіе этой пищи въ теченіе извѣстнаго періода, устраненіе и защиту отъ враговъ, защиту отъ неблагопріятныхъ физическихъ условій—холода или жары, излишней влажности или наоборотъ излишней сухости, привлеченіе къ себѣ особей другого пола для произведенія потомства, наилучшее обезпеченіе пищей своего потомства и т. п. Всякому понятно, что правильное выполненіе этихъ задачъ обезпечиваетъ и переживаніе данныхъ особей и сохраненіе ихъ потомства, а потому этотъ факторъ долженъ играть наисущественнѣйшую роль въ развитіи организмовъ, безъ котораго простое пассивное приспособленіе физической сферы организмовъ, какое мы имѣемъ въ естественномъ отборѣ, очевидно не могло бы обезпечить правильнаго совершенствованія видовъ.

Такое преобразованіе окружающихъ условій въ личныхъ цѣляхъ своей организаціи мы встрѣчаемъ уже на низшей ступени органическаго міра, между прочимъ, даже у слизняковъ, устраивающихъ себѣ удобное логовище на нижней поверхности грибной шапки. Но особеннаго развитія оно достигаетъ у высшихъ суставчатыхъ—термитовъ, пчелъ и муравьевъ, строющихъ себѣ обширнѣйшія жилища, въ которыхъ, между прочимъ, складываются большіе запасы питательнаго матеріала на зиму. Изъ жизни зонтичныхъ муравьевъ извѣстно между прочимъ, что они могутъ культивировать питательную для нихъ грибницу, образуя компотъ изъ размельченныхъ лоскутковъ кофейнаго дерева. Съ другой стороны муравьи-земледѣльцы, какъ извѣстно, воздѣлываютъ для себя особый злакъ, извѣстный подъ названіемъ колосовки (aristida stricta). Точно также преобразованіе окружающихъ условій въ цѣляхъ лучшаго охраненія потомства мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ рыбъ, строящихъ себѣ гнѣзда напр. у извѣстной всѣмъ колюшки), а также у рыбъ, устраивающихъ для икры нѣчто въ родѣ пловучихъ плотовъ, какъ у макропода и радужника, затѣмъ у гадовъ, скрывающихся отъ враговъ въ особыхъ норахъ, почти у всѣхъ птицъ, выводящихъ своихъ птенцовъ въ гнѣздахъ, и, наконецъ, у

млекопитающихъ, устраивающихъ себѣ норы и строющихъ логовища и болѣе сложныя постройки для жилья [1]).

Изъ птицъ, устраивающихъ для себя гнѣзда и жилища, особенно обращаютъ на себя вниманіе своими сложными постройками такъ называемые ткачи и шалашники, а также мѣдный дятелъ, живущій въ южныхъ частяхъ Сѣверной Америки, который, между прочимъ, устраиваетъ себѣ обширные запасы желудей въ сухихъ трубчатыхъ стволахъ высохшей агавы на все жаркое время года, когда о добычѣ для него питательнаго матеріала не можетъ быть и рѣчи.

Изъ млекопитающихъ большинство устраиваетъ для себя логовища и норы, но строительныя способности нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр., рѣчного бобра, могутъ быть признаны поразительными.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что въ созданіи болѣе благопріятныхъ условій существованія отдѣльныхъ видовъ играетъ роль не одна физическая природа, случайно уклонившаяся въ благопріятномъ смыслѣ при рожденіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психическій факторъ, который и обезпечиваетъ для организма большую или меньшую его способность преобразовывать окружающія условія соотвѣтственно своей организаціи.

Такимъ образомъ въ мірѣ животныхъ, кромѣ чисто физической приспособляемости, подчиняющейся закону естественнаго отбора, мы имѣемъ три важныхъ фактора, вліяющихъ на жизненныя условія видовъ: 1) пассивно-активное приспособленіе, 2) активное приспособленіе и 3) цѣлесообразное преобразованіе окружающихъ условій. Для объясненія перваго фактора примѣняли теорію естественнаго отбора, хотя несомнѣнно, что при объясненіи развитія этой формы приспособленія чисто психическія воздѣйствія также не могутъ быть исключаемы. Что же касается второго и третьяго фактора, то они по природѣ своей суть психическіе факторы. Въ виду этого эти формы приспособленія могутъ быть обобщены подъ однимъ общимъ названіемъ психическаго приспособленія, которое, какъ содержащее элементъ активности, отличающій его отъ чисто пассивнаго или физическаго приспособленія, включаетъ въ себя не только собственно приспособленіе психическаго характера къ окружающимъ условіямъ, но и приспособленіе при посредствѣ соотвѣтственнаго измѣненія послѣднихъ.

Само собою разумѣется, что въ общей жизненной борьбѣ должно происходить соревнованіе организмовъ на почвѣ вышеуказанныхъ психическихъ факторовъ, въ результатѣ котораго должно быть то, что мы имѣемъ полное основаніе называть психическимъ отборомъ. При этомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что борьба за существованіе, понимаемая въ смыслѣ борьбы однихъ организмовъ съ другими или отдѣльныхъ видовъ другъ съ дру-

[1]) Интересныя подробности, относящіяся къ этому предмету, можно найти въ сочиненіи Купэна: «Искусства и ремесла у животныхъ».

гомъ, согласно ученію Дарвина, опредѣляетъ лишь біологическія условія существованія организмовъ, но она не объемлетъ собою другой важный факторъ въ жизни организмовъ,—это борьбу ихъ съ окружающими условіями. Имѣется даже полное основаніе полагать, что борьба за существованіе, такъ сказать, борьба организмовъ другъ съ другомъ далеко не представляется столь всеобщею, непрерывною и столь напряженною, какъ это слѣдовало-бы по ученію Дарвина [1]). Тогда какъ борьба съ окружающими условіями дѣйствительно представляется, если и не непрерывною, то во всякомъ случаѣ всеобщею и нерѣдко крайне напряженною. Она во всякомъ случаѣ должна играть значительно большее значеніе въ жизни организмовъ, нежели собственно борьба за существованіе. Борьба съ окружающей природой и борьба за существованіе даютъ вмѣстѣ то, что мы и называемъ *жизненной борьбой*. Если въ борьбѣ за существованіе психика играетъ немаловажное значеніе на ряду съ физическими условіями организаціи, то въ борьбѣ съ окружающими вліяніями значеніе физической организаціи уступаетъ свое первое мѣсто психикѣ, создающей изъ окружающихъ условій защиту отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній и преобразующей эти условія въ цѣляхъ своей организаціи.

Само собою разумѣется, что тѣ особи, которыя успѣшнѣе могутъ укрываться и обороняться отъ своихъ враговъ, не одной силой мышцъ и присущими ихъ организму оборонительными средствами, но и при посредствѣ ловкости своихъ движеній и соотвѣтствующихъ психическихъ вліяній на свою организацію, а равно и соотвѣтствующими приспособленіями окружающихъ условій, которые путемъ особыхъ приспособленій могутъ лучше обезпечивать себѣ пропитаніе, которые лучше могутъ защищаться отъ непогоды и другихъ спеціальныхъ условій съ помощью норъ, построекъ и т. п., которые обставляютъ лучше уходъ за своими дѣтьми и т. п. имѣютъ болѣе шансовъ выжить по сравненію съ другими особями, менѣе успѣшно обставляющими себя въ указанныхъ отношеніяхъ. Иначе говоря, происходитъ переживаніе особей психически болѣе совершенныхъ, что и должно быть понимаемо подъ названіемъ психическаго отбора.

Значеніе психическаго отбора легко выясняется на примѣрѣ человѣка. Если мы возьмемъ физическую организацію человѣка, то мы увидимъ, что она во многомъ уступаетъ организаціи животныхъ въ смыслѣ обезпеченія жизненныхъ интересовъ. Такъ, многія изъ высшихъ животныхъ обладаютъ для защиты отъ холода и непогоды богатымъ волосянымъ или перистымъ покровомъ, снабженнымъ къ тому же сильными мышцами для движенія кожныхъ придатковъ, что можетъ быть не безъ значенія противъ насѣкомыхъ и иныхъ вредныхъ вліяній; многіе изъ животныхъ имѣютъ лучше развитый органъ обонянія, имѣютъ подвижную ушную раковину для собиранія звуковъ, дающихъ знать

[1]) См. критическія замѣчанія на этотъ счетъ у Н. Данилевскаго. Дарвинизмъ. 1885 г. I. Стр: 468—469.

объ опасности; нѣкоторыя изъ такихъ животныхъ имѣютъ глаза, расположенные по обѣимъ сторонамъ головы съ крайне хорошо развитыми мышечнымъ аппаратомъ и съ третьимъ вѣкомъ, затѣмъ нѣкоторые изъ ящерицъ снабжены даже третьимъ глазомъ на головѣ, многія животныя обладаютъ сильными и цѣпкими когтями, какъ орудіемъ обороны и лазанія. Пернатыя снабжены крыльями, позволяющими имъ улетать отъ враговъ и переноситься черезъ большія пространства. Затѣмъ всѣ низшія животныя имѣютъ огромное преимущество въ размноженіи, въ регенераціи утраченныхъ органовъ, въ непостоянствѣ своей внутренней температуры и т. п. [1]). Если, несмотря на то, человѣкъ представляется господиномъ въ животномъ царствѣ и получилъ распространеніе по всему земному шару, какъ ни одно изъ высшихъ животныхъ, то не доказываетъ ли это особо важнаго значенія психическаго фактора въ жизненной борьбѣ и не говоритъ ли это за существованіе психическаго отбора. Вѣдь если бы дѣйствовалъ въ животномъ царствѣ только одинъ естественный отборъ, то человѣкъ, какъ высшій перлъ творенія, долженъ былъ бы представлять собою совершеннѣйшее въ мірѣ существо въ смыслѣ физической защиты отъ враговъ и неблагопріятныхъ условій, чего мы однако не имѣемъ.

Далѣе, извѣстные въ мірѣ животныхъ явленія симбіоза врядъ ли безъ натяжекъ могутъ быть объяснены путемъ естественнаго отбора, тогда какъ они получаютъ вполнѣ правильное освѣщеніе съ точки зрѣнія, выдвигающей біологическое значеніе психики. Да и извѣстная въ мірѣ животныхъ общественность основана не столько на борьбѣ за существованіе между организмами, сколько на ихъ взаимодѣйствіи въ цѣляхъ лучшей борьбы съ окружающими условіями и преодолѣніи встрѣчаемыхъ на этомъ пути препятствій, причемъ самое взаимодѣйствіе становится возможнымъ только при участіи психики, какъ элемента, содѣйствующаго объединенію организмовъ въ группѣ той или другой величины. Если по отношенію къ низшимъ животнымъ, ведущимъ соціальную жизнь, вполнѣ законно сомнѣніе по вопросу о пониманіи ими смысла ихъ общежитія, то все же нельзя отрицать, что единственнымъ орудіемъ этого объединенія въ группы все же является психика, безъ которой ни о какомъ объединеніи не можетъ быть и рѣчи.

Если еще представляется не вполнѣ установленнымъ самый характеръ психическаго взаимоотношенія въ сообществахъ, напр., такихъ насѣкомыхъ, какъ муравьи, пчелы, термиты и др., гдѣ, вѣроятно, болѣе всего играетъ роль элементъ подражанія, то врядъ ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что у высшихъ животныхъ соціальное объединеніе имѣетъ основаніемъ болѣе или менѣе ясно сознаваемое чувство взаимности и солидарности интересовъ, а у человѣка и вѣроятно близкихъ къ нему животныхъ, сверхъ того, еще и сознаніе пользы общественныхъ условій существованія.

[1]) См. нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи у Видерсгейма. Строеніе человѣка съ сравнительно анатомической точки зрѣнія. Пер. Мензбира. Москва. 1900.

О біологическомъ значеніи соціальной жизни вообще здѣсь не мѣсто распространяться. Огромная важность его должна быть и такъ очевидна для всѣхъ и каждаго.

Добыча пищи и защита отъ враговъ viribus unitis, какъ извѣстно, практикуется многими животными. У тѣхъ животныхъ, у которыхъ общественныя условія быта достигли правильной организаціи, мы имѣемъ уже и принципъ раздѣленія труда, дающій возможность съ гораздо большей пользой утилизировать въ личныхъ цѣляхъ окружающія условія. Доказательствомъ той пользы, какую животныя извлекаютъ изъ раздѣленія труда, могутъ служить такія общественныя животныя, какъ пчелы и муравьи. Нѣтъ надобности говорить, что наибольшаго развитія раздѣленія труда достигаетъ въ мірѣ человѣкъ съ его гигантскими сооруженіями, съ его фабричнымъ и заводскимъ трудомъ, дающимъ при относительно малой затратѣ физическаго труда большее количество обработаннаго матеріала и притомъ нерѣдко лучшей цѣнности.

Здѣсь слѣдуетъ между прочимъ указать на то, что во многихъ явленіяхъ общественной жизни естественный отборъ нимало не повиненъ. Самъ Ч. Дарвинъ отлично понималъ, что теорія естественнаго отбора не можетъ быть распространяема по крайней мѣрѣ на всѣ виды сложной психической дѣятельности человѣка, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ его сочиненія: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ его».

«Хотя борьба за существованіе имѣла прежде и имѣетъ теперь весьма важное значеніе, но для высшей стороны человѣческой натуры другіе дѣятели являются еще болѣе важными. Такъ, нравственныя качества развиваются прямо или косвенно гораздо болѣе дѣйствіями привычки, мыслительныхъ способностей, воспитанія, развитія и пр. нежели посредствомъ естественнаго подбора, хотя соціальные инстикты, служащіе основаніемъ для развитія нравственнаго чувства могутъ быть съ увѣренностью приписаны этому послѣднему дѣятелю.» [1]).

Мы думаемъ однако, что все то что приложимо къ человѣку, приложимо въ той или другой мѣрѣ и къ животнымъ, такъ какъ иначе развитіе психики у человѣка явилось бы совершенно необъяснимымъ фактомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ч. Дарвинъ. «Происхожденіе человѣка». Спб. 1871, стр. 478.

Психопатологическія черты у героевъ Максима Горькаго.

Д-ра М. О. Шайкевича.

(Продолженіе).

Въ произведеніяхъ Горькаго, какъ и въ жизни, мы видимъ представителей различныхъ общественныхъ слоевъ.

Родовитое и чиновное дворянство, а также люди свободныхъ профессій мало обращаютъ на себя вниманіе нашего писателя.

Только разсказъ «Варенька Олесова», если не считать Медынскую («Фома Гордѣевъ») и ее окружающихъ, представляетъ исключеніе.

Прежде всего — старикъ Олесовъ — грубъ, озлобленъ, брюзга, живущій только своимъ прошлымъ и считающій только это прошлое хорошимъ, настоящій laudator temporis acti. деспотъ, тиранъ въ домѣ, циникъ — черты, такъ свойственныя старческому слабоумію, можетъ быть преждевременно появившемуся благодаря привычному пьянству и подагрѣ. Тетка Левицкая представляетъ своеобразную смѣсь самопожертвованія, доходящаго до героизма, чисто институтской наивности, грубости и сантиментальной мечтательности; не удовлетворенная же любовь на-ряду съ другими чисто физіологическими причинами, какъ у многихъ старыхъ, особенно, невропатическихъ дѣвственницъ дѣлаетъ все ея существо несомнѣнно болѣзненнымъ. Ея ненормальность сказывается въ ея душевной неуравновѣшенности, въ манерѣ себя держать, порывистости рѣчи и движеній и въ своеобразномъ, преимущественно романическомъ, содержаніи мыслей. Такія старыя дѣвы, какъ тетка Левицкая, часто, конечно, встрѣчаются въ жизни и служатъ къ сожалѣнію предметомъ насмѣшекъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ скорѣе достойны сожалѣнія, участія, какъ душевно ненормальныя. Въ данномъ же случаѣ тетка Левицкая помимо всего прочаго является человѣкомъ и высокихъ душевныхъ качествъ. Бенковскій — типичный невропатъ—«припадочный» (какъ его называетъ Полкановъ), поэтъ, у котораго метафизически-идеалистическое міровоззрѣніе съ оттѣнкомъ чисто личнаго пессимизма, ноющей тоски какъ-то жалко перемѣшаны съ поэтическими мечтаніями, слѣпою и довольно реальною любовью къ достаточно практичной женщинѣ и т. п. Весь его душевный складъ такъ часто присущъ людямъ невропатической конституціи, истеричнымъ, неврастеникамъ, и Полкановъ былъ правъ, думая про него: «Если-бы ты былъ убѣжденъ въ истинѣ твоей вѣры—ты былъ бы покоенъ. А ты вотъ кричишь. И не потому ты, братъ, кричишь, что ты идеалистъ, а потому, что у тебя скверные нервы». (Т. II, стр. 307).

Возбуждаетъ интересъ возможность того безсознательнаго или, вѣрнѣе, обморочнаго состоянія, въ которое привела страсть, охватившая приватъ-

доцента Полканова—этого человѣка съ несомнѣнно развитымъ умомъ, но «вялымъ сердцемъ», которому больше свойственно «упрямство страсти», чѣмъ «сила чувства». Изъ сопоставленія съ одной стороны Полканова и Бенковскаго, съ другой Вареньки—этого олицетворенія силы духа, живого, жизненнаго, хотя и дикаго, чуть ли не первобытнаго ума и красоты тѣла нельзя не усмотрѣть намека на ложность нашей чрезмѣрно культивированной (а не культурной) жизни, дающей людямъ хотя и развитой умъ, но ослабляющей нервы или правильнѣе нервно-психическую энергію, производящей «вялыя сердца», у которыхъ «упрямство страсти» можетъ вести къ состояніямъ положительно болѣзненнымъ.

На эту же тему написанъ съ большой ироніей маленькій, но сильный разсказъ «Еще о чортѣ». Стоитъ вспомнить только, какіе неблаговонные комки вытащилъ чортъ изъ сердца Ивана Ивановича, чтобы признать, какъ цѣнитъ Горькій здоровыя и сильныя чувства, безъ которыхъ и развитой умъ мало значитъ. Эту дряблость сердца нашей интеллигенціи, въ особенности если она соединяется съ «упрямствомъ страсти», и казнитъ нашъ писатель рукою Вареньки, когда она такъ дико, но сильно, не только физически, отдѣлала по нуждѣ и по слабости добродѣтельнаго приватъ-доцента.

Если я не говорю въ этомъ мѣстѣ о Ежовѣ (Фома Гордѣевъ), какъ представителѣ свободной профессіи, то потому, что онъ представленъ намъ уже на дорогѣ къ людямъ «внѣ общества», человѣкомъ, утратившимъ «свою точку» или вѣрнѣе точку приложенія своихъ силъ въ общественной работѣ. На его несомнѣнно талантливые, теперь только литературные, порывы можно смотрѣть уже, какъ на лебединую пѣсню.

Вы помните, что Ежовъ въ своихъ острыхъ писаніяхъ, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ въ своемъ городѣ, обращалъ особенное вниманіе на «хозяевъ,—устроителей жизни», какъ называетъ свое сословіе Маякинъ.

Что жизненный успѣхъ представителей этого «класса» помимо внѣшнихъ условій не мало зависитъ отъ ихъ душевныхъ силъ, ихъ крѣпости, несокрушимой энергіи, ума и даже таланта, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ такія фигуры, какъ Игнатъ Гордѣевъ, Яковъ и Тарасъ Маякины-Африканъ Смолинъ, Петунниковъ-сынъ и др.

Личность Игната Гордѣева такова, что мимо его нельзя пройти, не остановившись на немъ подробнѣе. Относительно его сына Фомы приходилось слышать мнѣніе психіатровъ, что Фома является типичнымъ неврастеникомъ или вѣрнѣе психоастеникомъ—человѣкомъ съ ослабленною душевною энергіею. О Фомѣ я намѣренъ говорить ниже. Здѣсь же скажу только объ Игнатѣ. Вѣдь и его неуравновѣшенность, его переходы отъ поразительной энергіи въ наживѣ къ необузданнымъ кутежамъ и въ дальнѣйшемъ къ покаянію тоже могутъ быть истолкованы, какъ болѣзненный симптомъ. Но не всякая, конечно, неуравновѣшенность, должна быть объяснена, какъ явленіе паталогическое, неуравновѣшенность является прежде всего слѣдствіемъ столкновенія, по край-

ней мѣрѣ, двухъ силъ. А силы эти могутъ быть самой разнообразной природы, безъ всякаго отношенія къ болѣзни: таковы, напримѣръ—жажда наживы и совѣсть—силы достаточныя для того, чтобы вывести человѣка изъ равновѣсія. Самъ Горькій объясняетъ своего Игната такъ: «Было какъ бы трое Гордѣевыхъ» или въ тѣлѣ Игната были какъ бы три души. Одна изъ нихъ самая мощная была только жадна, и когда Игнатъ жилъ, подчиняясь ея велѣніямъ,—тогда онъ былъ просто человѣкъ, охваченный неукротимой страстью къ работѣ. Эта страсть горѣла въ немъ дни и ночи, онъ всецѣло поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не могъ насытиться шелестомъ и звономъ денегъ. Онъ метался по Волгѣ вверхъ и внизъ, укрѣпляя и настраивая на ней сѣти, которыми ловилъ золото: онъ скупалъ по деревнямъ хлѣбъ, возилъ его въ Рыбинскъ на своихъ баржахъ; грабилъ, обманывалъ, иногда не замѣчалъ этого, иногда замѣчалъ и, торжествуя, открыто смѣялся надъ обманутыми имъ и въ безуміи своей жажды денегъ возвышался до поэзіи.»

Далѣе мы видимъ прекрасное описаніе его другой души—«буйной и похотливой», души «раздраженнаго голодомъ звѣря». Вслѣдъ за этимъ выступалъ какъ бы третій Гордѣевъ, Гордѣевъ кающійся, смиренный и въ покаяніи своемъ столь же безграничный и крайній, какъ и въ кутежахъ и наживѣ.

Описаніе всего душевнаго склада Игната Гордѣева не нуждается, конечно, въ похвалѣ. Но съ толкованіемъ, которое даетъ Горькій, не легко согласиться Вѣрнѣе смотрѣть на Игната такъ, какъ его понимаетъ Скабичевскій [1]). Онъ пишетъ: «эти періодическіе переходы происходили вовсе не отъ того, чтобы у Игната Гордѣева и въ самомъ дѣлѣ были три души. Это были полосы одной и той же могучей природы, одинаково необузданно-страстной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, и хорошихъ, и дурныхъ. Эта страстность, сила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣльность Игната и привлекаетъ наши взоры, заставляетъ насъ невольно любоваться на него даже въ минуты его грязныхъ оргій. Наконецъ, именно эти самыя полосы приравниваютъ его къ стариннымъ историческимъ русскимъ типамъ нѣкоторыхъ Московскихъ царей, бояръ и торговыхъ людей».

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, душевная мощь Игната Гордѣева не можетъ возбуждать сомнѣній, и его неуравновѣшенность указываетъ только на сложность его души, а не на ея слабость или же патологичность.

Но, если по словамъ Горькаго, жизненный успѣхъ Игната Гордѣева зависѣлъ отъ того, что онъ могъ, благодаря своей душевной мощи, легко справляться съ велѣніями совѣсти и побѣждать ее, то для Маякиныхъ, Смолиныхъ и т. п. это объясненіе еще болѣе подходитъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ и совѣсть то не говорила. Не особенно она, видно, трогала и тѣхъ лицъ, которыхъ охарактеризовалъ Фома Гордѣевъ въ своей отповѣди на блестящую рѣчь Маякина на пароходѣ. Среди нихъ есть лица съ несомнѣнными аномаліями въ

---

[1]) Скабичевскій. Новыя черты въ талантѣ М. Горькаго. Сборникъ, С. П. Б. 1901 г., стр. 132.

душевной сферѣ. Вотъ двѣ выписки: «Зналъ онъ также о Щуровѣ, что старикъ нажилъ двухъ женъ, одна изъ нихъ умерла въ первую ночь послѣ свадьбы въ объятіяхъ Ананія. Затѣмъ онъ отбилъ жену у сына своего, а сынъ съ горя запилъ и чуть не погибъ въ пьянствѣ, но во время опомнился и ушелъ спасаться въ скиты, на Иргизъ. А когда померла сноха-любовница, Щуровъ взялъ въ домъ себѣ нѣмую дѣвочку-нищую, по сей день живетъ съ ней, и она недавно родила ему мертваго ребенка. . . . . . («Фома Гордѣевъ» стр. 157)

А вотъ обращеніе Хрѣнова съ Машей въ повѣсти «Трое»: «теперь, когда она сѣла противъ свѣта лампы, онъ (Илья) хорошо видѣлъ ея фигуру. Она оперлась на спинку стула, свѣсивъ тонкія руки, и склонивъ голову на бокъ, учащенно дышала своей тонкой грудью. Была она какая то безплотная и казалась составленной изъ однѣхъ только костей. Ситецъ ея платья обрисовывалъ угловатыя плечи, локти, колѣни, и лицо у нея было страшно отъ худобы. Синеватая кожа туго натянулась на вискахъ, скулахъ и подбородкѣ, отъ этого ротъ ея былъ болѣзненно полуоткрытъ, тонкія губы не скрывали зубовъ, и на ея маленькомъ удлиненномъ лицѣ застыло выраженіе тупой боли, испуга. А глаза смотрѣли тускло и мертво.

— Хворала ты—спросилъ Илья.

— Нѣ-ѣтъ—медленно отвѣтила она.—Я совсѣмъ здоровая... Это онъ меня отдѣлалъ...

— Мужъ?

— Мужъ...

Ея протяжныя, не громкія слова звучали, какъ стоны, оскаленные зубы придавали лицу что-то рыбье и мертвое.. Какъ будто лицо это улыбалось той улыбкой, которой иногда улыбаются покойники...

— Ты ушла отъ него?

— Да-а... Я уже четвертый разъ... Когда не могу больше терпѣть и... убѣгаю... Прошлый разъ въ колодезь было хотѣла... а онъ поймалъ... и такъ билъ, такъ мучилъ...

— Ноги онъ мнѣ все ломаетъ...

— Ужъ я знаю. Онъ въ судѣ недавно сидѣлъ двѣ недѣли кряду... все судилъ... Приходилъ оттуда злой, голодный... Взялъ да щипцами самоварными грудь мнѣ ущемилъ и вертитъ и крутитъ... Какъ тряпку... Гляди-ка?

Она дрожащими пальцами растегнула платье и показала Ильѣ маленькія, дряблыя груди, покрытыя темными пятнами, точно изжеванныя.

— А плечи-то какъ исколотилъ, гляди-ка! И всю какъ есть... животъ изщипалъ весь, волосы подъ мышками выщипалъ... (стр. 304).—

Приведеннаго, мнѣ кажется, довольно, чтобы сдѣлать заключеніе о томъ, что Щуровъ и Хрѣновъ страдали по всей вѣроятности половымъ извращеніемъ, близкимъ къ такъ называемому садизму. [1])

---

[1]) Краффтъ-Эбингъ. Половая психопатія. Рус. пер. подъ редакц. проф. Ковалевскаго, 1887 года.

Имѣя въ виду, какъ уже было сказано, соціально-нравственныя условія, какъ основной аккордъ въ музыкѣ Горькаго, нельзя не отмѣтить, что купеческая среда, условія ея дѣятельности, возможность преуспѣванія въ ней, требуютъ прежде всего жизненной энергіи, активности душевныхъ силъ. Велѣнія совѣсти, какъ осуждающія не только отдѣльные пріемы этой профессіи, но можетъ быть и самую профессію, конечно, только мѣшаютъ. И потому среди преуспѣвающихъ мы встрѣчаемъ тѣхъ, которые умѣютъ побѣждать эти велѣнія, начиная съ Игната и Маякина, и кончая Щуровымъ и Хрѣновымъ. Болѣзненная порочность послѣднихъ, мнѣ кажется, отмѣчена только какъ моментъ умаляющій и уничтожающій велѣнія совѣсти, а слѣдовательно дающій возможность преуспѣвать. Я этимъ отнюдь не хочу навязать Горькому ту мысль, что купеческая дѣятельность какъ бы поощряетъ болѣзнь и порокъ, которые всюду съумѣли пустить корни. Я думаю только, что у Горькаго можно предположить ту мысль, что купеческая дѣятельность не заключаетъ въ себѣ элементовъ нравственныхъ по преимуществу, какъ дѣятельность священника писателя, учителя, врача, адвоката, а имѣетъ въ виду прежде всего личное обогащеніе и требуетъ отъ человѣка прежде всего душевной энергіи, которой совѣсть часто является помѣхой.

На этомъ мы и покончимъ съ типами изъ купеческой среды.

Непосредственная жизнь крестьянъ и рабочихъ немного находитъ себѣ мѣста въ произведеніяхъ Горькаго.

Здѣсь мы видимъ только Митрія (въ разсказѣ «На плотахъ») съ повышенными религіозно-мистическими стремленіями и отвращеніемъ къ обычной жизни (во грѣхѣ), Митрія, у котораго эти душевныя качества несомнѣнно обязаны его болѣзненной, невропатической организаціи.

Еще примѣръ ужаснаго смѣшенія жестокости съ тайнымъ плотскимъ вожделѣніемъ и цинизмомъ мы видимъ въ эпизодѣ «Выводъ», гдѣ обезумѣвшая толпа безчеловѣчно надругается надъ несчастной согрѣшившей женщиной.

Въ общемъ же, если Горькій заглядываетъ въ условія крестьянской и рабочей жизни, то постольку, поскольку она служитъ средой, изъ которой вышли такъ или иначе «не приспособившіеся» или въ видѣ жертвъ «отвергнутыхъ»

Говоря о «неприспособившихся», я разумѣю людей, которые при наличности извѣстныхъ внѣшнихъ условій не могутъ участвовать болѣе или менѣе продолжительно и постоянно въ творческой работѣ современнаго общества, причемъ эта ихъ неспособность зависитъ въ значительной степени отъ ихъ своеобразнаго душевнаго склада и ихъ отношенія къ общественной жизни вообще. Конечно, и самая неприспособленность можетъ быть абсолютной и относительной въ зависимости отъ многихъ внѣшнихъ условій.

Итакъ, всѣхъ такъ или иначе «неприспособившихся», которые представляютъ собою главный контингентъ персонажей Горькаго, можно раздѣлить на «отвергнутыхъ» и «отвергнувшихъ» или слабыхъ и сильныхъ, причемъ та или другая категорія лицъ можетъ осложняться въ большей или меньшей сте-

пени болѣзненною порочностью или просто болѣзненностью, а иногда послѣдняя можетъ выступать какъ главный самодовлѣющій факторъ.

«Отверженными» въ произведеніяхъ нашего писателя являются лица, которыя въ силу различныхъ сложныхъ условій не принимаютъ участія въ общемъ трудѣ всего общества, какъ это дѣлаетъ большинство его членовъ частью добровольно и сознательно, частью по нуждѣ, въ силу необходимости. Напротивъ, для нихъ трудъ является тѣмъ необходимымъ зломъ, къ которому они прибѣгаютъ только въ томъ случаѣ, если нельзя себѣ достать необходимаго болѣе легкимъ способомъ. Повторяю, причины, заставляющія ихъ такъ относиться къ формамъ труда и формамъ жизни, предлагаемымъ современнымъ обществомъ, такъ же разнообразны и сложны, какъ разнообразна и сложна та «надорганическая среда», въ которой живетъ человѣкъ и анализъ которой не входитъ въ нашу задачу. Но помимо «надорганической среды» оказываютъ свое вліяніе и чисто органическія, вѣрнѣе психобіологическія причины, которыя и служатъ предметомъ моего вниманія. Я отлично сознаю, что послѣднія въ свою очередь находятся въ сильной зависимости и отъ «надорганической среды», но все-таки и съ психобіологическими условіями приходится считаться и разсматривать ихъ самихъ по себѣ, помня, конечно, что онѣ представляютъ собою только часть общаго сложнаго цѣлаго.

Итакъ, прежде всего, въ чемъ же выражается отверженность этой категоріи героевъ Горькаго?

Люди эти не могутъ болѣе или менѣе продолжительно и добросовѣстно исполнять своихъ профессіональныхъ обязанностей. Если онъ сапожникъ, какъ Перфишка («Трое») и Гришка Орловъ, то онъ только тогда принимается за свое ремесло, когда уже продать нечего для того, чтобы купить водки. Или судьба учителя въ «Бывшихъ людяхъ», который, несмотря на свои высокія нравственныя качества, не могъ удержаться на мѣстѣ учителя, а также не могъ продолжать труда корреспондента, дававшаго ему кое-какой заработокъ а всякій разъ неизмѣнно вновь возвращался въ «ночлежку». Семейныя отношенія всѣхъ этихъ людей не то что не блещутъ добродѣтелями или же поражаютъ пороками, а просто несчастныя и нелѣпыя. Внутренній же ихъ міръ, ихъ желанія, мечты и надежды составляютъ постоянный переходъ отъ безшабашнаго пьянаго веселья къ безпредѣльной грусти и тоскѣ на ряду съ полнымъ бездѣліемъ и неспособностью къ работѣ. Нѣкоторые, конечно, преимущественно женщины, попадаютъ въ такую среду, гдѣ съ упомянутыми душевными качествами можно вполнѣ ужиться—это проституція и «ночлежка бывшихъ людей» вплоть до тюрьмы. Найти же болѣе или менѣе раціональный выходъ изъ ихъ тяжелаго и часто глубоко-трагическаго положенія, устроивъ себѣ болѣе сносное существованіе, какъ это удалось обоимъ Павламъ въ повѣсти «Трое» и въ драмѣ «Мѣщане», можетъ, конечно, не всякій. Нужны, очевидно, особенно благопріятныя условія. Такова приблизительно, конечно, внѣшняя характеристика, часто конечная судьба и общая совокупность усло-

вій, порождающая этихъ несчастныхъ «отверженныхъ». Но я намѣренъ остановиться на послѣднихъ, т.-е., условіяхъ, и показать, насколько болѣзненныя черты, такъ или иначе пріобрѣтенныя дѣйствующими лицами, играли роль производящихъ причинъ какъ въ ихъ окончательной физіономіи, такъ и ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Никто, конечно, не станетъ отрицать того, что психобіологическая основа человѣка играетъ большую роль въ его жизненной судьбѣ. Воспитаніе и общественныя условія, конечно, факторы первой важности. Но и органическая основа каждаго человѣка требуетъ несомнѣнно особливаго къ себѣ вниманія. Среди этихъ «отверженныхъ» мы встрѣчаемся прежде всего съ привычными пьяницами или, какъ Тетеревъ въ «Мѣщанахъ» со свойственнымъ пьяницамъ юморомъ [1]) называетъ себя, «потомственными алкоголиками и кавалерами Зеленаго Змія». Среди нихъ нужно отличать людей мягкихъ, доброй души, тоскующихъ и страдающихъ при видѣ всякаго зла, поэтовъ, романтиковъ по душѣ, но неизмѣнныхъ пьяницъ, пропивающихъ все и вся, сознающихъ всѣ ужасныя нравственныя послѣдствія ихъ болѣзненнаго влеченія и не могущихъ его побороть. Таковы учитель въ «Бывшихъ людяхъ», Перфишка въ повѣсти «Трое», Перчихинъ въ «Мѣщанахъ», актеръ («На днѣ»). Какъ начали пить эти несчастные, мы, къ сожалѣнію, не узнаемъ; разсказъ застаетъ ихъ уже пьющими, мотивируютъ же они свое пьянство общими неопредѣленными выраженіями, «тоска», «легче станетъ» и т. п. Вѣрнѣе всего предположить, что они, какъ говоритъ Тетеревъ, «потомственные алкоголики», т.-е., люди съ болѣзненно-ослабленною волею и болѣзненнымъ же влеченіемъ къ пьянству. Оно въ концѣ концовъ отражается губительно на всемъ ихъ нравственномъ складѣ: всѣ вѣроятно помнятъ, какъ Перфишка вмѣстѣ съ Матицей продалъ свою дочь старику-развратнику Хрѣнову. Наглядный примѣръ, насколько тотъ или другой душевный складъ человѣка имѣетъ вліяніе на все его будущее, мы видимъ въ судьбѣ «Троихъ», жившихъ, казалось, въ одинаковыхъ дурныхъ условіяхъ. Припомните Якова, этого маленькаго созерцателя-философа съ мягкимъ, привязчивымъ, легко подчиняющимся характеромъ и Павла, отчаяннаго, смѣлаго, живого, страстнаго поэта-самоучку. Объ Ильѣ въ другомъ мѣстѣ. Жизнь обоихъ складывалась отвратительно. Яковъ подъ конецъ является почти уже готовымъ алкоголикомъ. Павелъ тоже пьетъ въ началѣ, но Павелъ, хотя и пьетъ такъ же, какъ и Яковъ, отъ горя и отчаянія, но бурно, шумно и сильно, а Яковъ пьетъ тихо, одинъ и отъ слабости. Павелъ подъ конецъ выбивается и легче всѣхъ пріобщается къ настоящей жизни, Яковъ же погибаетъ, конечно, не столько отъ не къ мѣсту пришедшейся его философской созерцательности, сколько отъ его душевной мягкости, доходящей до слабости. И начинающееся у него пьянство есть только арена, гдѣ укладывается его слабая или ослабѣвшая душа. Но та же душевная слабость можетъ быть и унаслѣдована и проявляться болѣзненно. Конечно, въ дальнѣй-

[1]) Крэпелинъ. Введеніе въ психіатрическую клинику. Рус. пер. 1901 г.

шемъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ особенно часто выступать на этой печальной аренѣ, болѣзненность начинаетъ проявляться съ особенной яркостью. Вотъ характерное описаніе того состоянія, которое испытываетъ пьяница, когда у него наступаетъ непреодолимая потребность пить: «Черезъ день, много черезъ два, онъ (учитель), разбитый, утомленный и жаждущій, уже смотрѣлъ на ротмистра откуда-нибудь изъ угла тоскливыми и умоляющими глазами и трепетно ждалъ, когда смягчится сердце друга». «Учитель ловилъ своего друга опять таки гдѣ-нибудь въ темномъ углу и, крѣпко вцѣпившись въ его грязную шинель, весь дрожащій, облизывая сухія губы, невыразимыми словами, глубоко-трагическимъ взглядомъ смотрѣлъ въ его лицо.

— Не можешь?—угрюмо спрашивалъ ротмистръ.

Учитель молча и утвердительно кивалъ головой и затѣмъ уныло опускалъ ее на грудь, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ, длиннымъ и худымъ.

— Потерпи еще день... можетъ быть, справишься?—предлагалъ Кувалда. Учитель вздыхалъ и трясъ головой отрицательно, безнадежно. Ротмистръ видѣлъ, что худое тѣло друга все трепещетъ отъ жажды яда, и доставалъ изъ кармана деньги» (стр. 162 т. II).

Такимъ образомъ, я не ошибусь, если скажу, что хроническое пьянство, какъ одна изъ болѣзненныхъ формъ выраженія душевной слабости, часто тоже болѣзненной, унаслѣдованной или пріобрѣтенной при наличности суровой, неблагопріятной жизненной обстановки, является производящей причиной «отверженности» упомянутыхъ дѣйствующихъ лицъ. Но эта болѣзненная душевная слабость можетъ выражаться не только въ формѣ пьянства. Есть и другія формы—средства, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ быть «отвергнутъ обществомъ», выброшенъ за бортъ жизни въ мракъ «ночлежки бывшихъ людей». Въ эти формы-средства могутъ быть зачислены: вырожденіе, проституція и преступленіе. Такъ, въ той же повѣсти «Трое» несчастная подруга дѣтства «Троихъ», слабая, тщедушная, недоразвитая физически, мечтательная, довѣрчивая Маша, дочь паралитички и привычнаго пьяницы представляетъ всѣ признаки физическаго недоразвитія и душевной слабости въ такой степени, что ее могли продать старику Хрѣнову, у котораго она была только жертвой, сносившей весь ужасъ и пытки отъ совмѣстнаго сожительства съ такимъ извергомъ. Она и скрыться даже не могла, какъ слѣдуетъ; до того она была слаба и забита мужемъ! Другая, болѣе сильная, на ея мѣстѣ или совершила бы преступленіе, или давно покончила бы съ собою, словомъ нашла бы тотъ или иной выходъ, не допустивъ до такого продолжительнаго истязанія. Другой примѣръ выброшеннаго изъ жизни человѣка, хотя и не при помощи ослабившаго его вырожденія, представляетъ Уповающій въ разсказѣ «Дружки», умирающій отъ чахотки, какъ дикое животное въ лѣсу, но умирающій съ чисто христіанскимъ смиреніемъ. Несомнѣнный интересъ представляетъ Каинъ, хотя не столько съ психіатрической, сколько съ точки зрѣнія національной психологіи. Въ данномъ случаѣ можно видѣть, какъ подъ вліяніемъ всеобщаго по-

стояннаго и систематическаго гоненія какъ личнаго, такъ и національнаго, человѣкъ можетъ быть доведенъ до состоянія непрерывнаго страха, каждую минуту готоваго перейти въ ужасъ, доводящій его до безпамятства. «Что я людямъ? — восклицаетъ этотъ вѣчно гонимый человѣкъ. — Плевательница для ядовитой слюны ихъ. А что мнѣ люди? Гады, уязвляющіе меня во всѣ мѣста тѣла моего и въ душу мою... Зачѣмъ я живу на землѣ? И зачѣмъ только несчастіе знаю я?.. и въ солнцѣ нѣтъ луча для меня!» (159 стр.).

Та же душевная слабость, какъ первичная нормальная сторона души или же часто въ связи съ душевною уже тупостью, какъ проявленіе вырожденія, можетъ вести женщинъ, конечно, на путь проституціи, особенно привлекающей вниманіе нашего писателя. Такова Наташа («Однажды осенью»), Матица и Вѣра («Трое»), Настя («На днѣ»). Всякій, кто ихъ помнитъ, долженъ сказать, что эти женщины добрыя, мягкія, слабыя по природѣ своей, которыхъ обидѣть обмануть не составляетъ большого труда. Способность ихъ къ состраданію въ различныхъ мѣстахъ и при разнообразныхъ обстоятельствахъ показана авторомъ. Вспомните заботы Матицы о Машѣ, утѣшенія Наташи и несомнѣнную, хотя и своеобразно проявляемую любовь Вѣры къ Павлу. До чего сильна потребность чистой любви у этихъ несчастныхъ, доказываетъ прекрасный по своей яркой образности маленькій разсказъ «Болесь», гдѣ уродливая, не молодая, по виду грубая проститутка пишетъ и сама отвѣчаетъ воображаемому Болесю.

На эту же тему нарисованъ портретъ Насти «На днѣ». Видя въ этихъ женщинахъ столько иной разъ до наивности доходящей душевной мягкости, доброты, а подъ часъ просто слабости, трудно предположить, что ихъ толкнуло на эту торную дорогу что-либо иное, кромѣ душевной слабости не безъ нѣкотораго, конечно, «надрыва», какъ у Вѣры («Трое»). Я не говорю здѣсь, понятно, о внѣшнихъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, непосредственнаго стремленія къ разврату нѣтъ и въ поминѣ, а есть только желаніе болѣе легкимъ и наркотизирующимъ способомъ скрасить свое горестное положеніе, въ которомъ онѣ очутились благодаря своей душевной слабости, часто болѣзненной. Обычный же спутникъ ихъ жизни водка является для нихъ могучимъ пособіемъ.

Рѣзкій примѣръ душевной слабости и тупости и врожденнаго слабоумія, которыя сыграли немаловажную роль въ ея жизненной карьерѣ, представляетъ проститутка Аксинія Калугина въ разсказѣ «Васька Красный».

Ея описаніе можетъ служить образцомъ для клинической исторіи ея личности:

«Это была дѣвушка средняго роста, толстая и такая плотная—точно ее молотками выковали. Грудь у нея могучая, высокая, лицо круглое, ротъ маленькій съ толстыми ярко-красными губами. Безотвѣтные и ничего не выражавшіе глаза напоминали о двухъ бусахъ на лицѣ куклы, а курносый носъ и кудерки надъ бровями довершали ея сходство съ куклой»...

«Она шла своей тяжелой, качающейся походкой, безсмысленно улыбаясь

и поводя глазами справа на лѣво, чему ее научила хозяйка и что называлось «завлекать гостя». Ея глаза такъ привыкли къ этому движенію, что она начинала «завлекать гостя» прямо съ того момента, когда, пышно разодѣтая, выходила вечеромъ въ залъ еще пустой, и такъ ея глаза двигались изъ стороны въ сторону все время, пока она была въ залѣ: одна, съ подругами или гостемъ—все равно.

У нея была еще одна странность: обвивъ свою длинную косу, цвѣта новаго мочала, вокругъ шеи, она опускала конецъ ея на грудь и все время держалась за нее лѣвой рукой,—точно петлю носила на шеѣ своей... Она могла сообщить о себѣ, что зовутъ ее Аксинья Калугина, а родомъ она изъ Рязанской губерніи, что она дѣвица, «согрѣшила» однажды съ «Федькой», родила и пріѣхала въ этотъ городъ съ семействомъ «акцизнаго», была у него кормилицей, а потомъ, когда ребенокъ умеръ, ей отказали отъ мѣста и «наняли» сюда. Вотъ уже четыре года она живетъ здѣсь...

— Нравится?—спрашивали ее.

— Ничего. Сыта, обута, одѣта... только безпокойно вотъ... и Васька тоже... дерется все, чортъ...

— Зато весело!?

— Гдѣ?—спрашивала она, «завлекая гостя».

— Здѣсь-то... развѣ не весело?

— Ничего!..—отвѣчала она и, поворачивая головой, осматривала залъ, точно желая увидѣть, гдѣ оно тутъ, это веселье?

Говорила она густымъ басовымъ голосомъ, а смѣялась... какъ здоровый мужикъ, и вся тряслась отъ смѣха. Самая глупая и здоровая среди своихъ подругъ, она была меньше несчастна, чѣмъ онѣ, ибо ближе ихъ стояла къ животному» (т. III, стр. 305 и 306).

Послѣ этого прекраснаго, какъ художественнаго, такъ и почти клиническаго описанія врядъ-ли можно сдѣлать другое предположеніе, какъ то, что врожденное слабоуміе Аксиніи Калугиной является одной изъ главныхъ причинъ ея общественнаго положенія.

Слѣдовательно, изъ сдѣланнаго нами очерка, конечно, далекаго отъ полноты, мы вправѣ заключить, что упомянутыя лица попали на путь проституціи благодаря своей душевной слабости, какъ нормальной, такъ и чисто патологической—душевной черты, конечно, мало благопріятной въ борьбѣ за существованіе.

Та же душевная слабость можетъ вести и къ преступленію, но послѣднее, въ особенности болѣе крупное, требуетъ и большей душевной энергіи, по крайней мѣрѣ болѣе сильнаго душевнаго подъема, хотя бы и кратковременнаго. Поэтому среди «отверженныхъ» или слабыхъ мы и встрѣчаемся рѣдко съ преступными дѣяніями. Если же они и бываютъ, то незначительны, какими, напр., занимался Уповающій, являясь только вторымъ лицомъ, помощникомъ у болѣе активнаго «дружка» Пляши Ноги. Дядя Лунева—Горбунъ тоже только

помогаетъ обобрать умирающаго старика и потомъ отправляется замаливать свой грѣхъ, хотя и не особенно глубоко *). Постоянная готовность къ преступленію Гришки Орлова и убійство купца Полуэктова Ильей Луневымъ является тоже послѣдствіемъ слабыхъ сторонъ въ ихъ душѣ, но объ нихъ послѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О массовыхъ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ.

Д-ра М. П. Никитина.

Изъ С.-Петербургской клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Случаи массовыхъ галлюцинацій и иллюзій, описаніями которыхъ такъ богаты всѣ историческія эпохи, представляютъ собой одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ, указывающихъ на существованіе психической инфекціи.

Представляя одинаковый интересъ какъ для врача-психіатра, такъ и для психолога, случаи эти относятся къ области, составляющей общее достояніе того и другого.

Къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ наблюденій подобнаго рода фактовъ, сдѣланныхъ представителями той и другой спеціальности.

Тѣ источники, которымъ мы обязаны нашими свѣдѣніями относительно случаевъ коллективныхъ галлюцинацій и иллюзій, могутъ быть подраздѣлены на три категоріи. Первую изъ нихъ образуютъ историческіе документы, содержащіе въ себѣ описанія множественныхъ обмановъ чувствъ. Часть этихъ описаній касается случаевъ, имѣвшихъ мѣсто при дворахъ коронованныхъ особъ. Другая часть относится къ періодамъ, когда въ силу тѣхъ или другихъ причинъ нарушалось мирное теченіе жизни цѣлыхъ народовъ, когда народнымъ массамъ приходилось переживать моменты величайшаго возбужденія.

Таковы эпохи народныхъ бѣдствій, сопровождавшіяся распространеніемъ паническаго страха въ населеніи. Таковы періоды подъема народнаго духа, связаннаго съ общимъ увлеченіемъ той или другой идеей.

Вторую категорію источниковъ составляютъ отдѣльныя описанія случаевъ массовыхъ галлюцинацій и иллюзій, сдѣланныя въ новѣйшее время очевидцами, а иногда и жертвами подобнаго рода обмановъ чувствъ.

Наконецъ, третью категорію образуютъ тѣ единичныя наблюденія, которыя удалось произвести спеціалистамъ-врачамъ—случайнымъ свидѣтелямъ фактовъ, относящихся къ этой области.

Исторія даетъ намъ самый богатый матеріалъ относительно случаевъ

*) Прекрасный примѣръ человѣка, отвергнутаго жизнью, благодаря душевной слабости, соединенной съ нравственной дегенераціей, представляетъ баронъ («На днѣ»).

подобнаго рода. Многіе изъ нихъ пользуются общей извѣстностью. Сюда относится, напримѣръ, видѣніе, испытанное войсками Константина Великаго передъ началомъ сраженія въ 312 году и состоявшее въ появленіи на небѣ креста съ надписью «симъ побѣдиши».

Аналогичные случаи наблюдались неоднократно и впослѣдствіи во время войнъ, въ особенности тамъ, гдѣ къ воинственному пылу войскъ примѣшивалось состояніе религіознаго возбужденія.

По словамъ лѣтописца, русскіе обязаны своей побѣдой на Куликовомъ полѣ появленію небесной рати передъ отрядомъ войска, находившимся въ засадѣ. Когда главныя силы русскихъ начали уступать натиску враговъ, этотъ запасный отрядъ, готовясь вступить въ бой, увидѣлъ передъ собой сонмъ ангеловъ-заступниковъ во главѣ съ архистратигомъ Михаиломъ и св. воинами— Георгіемъ, Димитріемъ, Борисомъ и Глѣбомъ [1]).

Но ни въ какую эпоху не наблюдалось такой массы коллективныхъ видѣній, какъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Это становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнить то состояніе, которое переживала Европа, начиная съ конца XI вѣка, когда впервые раздался мощный призывъ Петра Пустынника, вплоть до конца XIII столѣтія. Съ того момента, какъ идея освобожденія Гроба Господня изъ подъ власти невѣрныхъ завладѣла умами, видѣнія начались повсемѣстно. При вступленіи крестоносцевъ въ предѣлы Палестины видѣнія эти принимаютъ массовое распространеніе. Во время битвы при Дорилеѣ участники перваго крестоваго похода видятъ Св. Георгія и Димитрія сражающимися въ ихъ рядахъ [2]). Въ разгарѣ сраженія при Антіохіи на глазахъ крестоносцевъ небесный отрядъ, закованный въ латы, спускается съ неба подъ предводительствомъ великомученика Георгія, Св. Димитрія и Св. Теодора [3]).

Въ день взятія Іерусалима, когда, послѣ недѣльной осады, войскамъ удалось наконецъ штурмовать городъ, но штурмъ былъ отбитъ, отрядъ провансальцевъ, который еще ожидалъ своей очереди вступить въ бой, внезапно увидѣлъ на вершинѣ горы Елеонской свѣтлаго рыцаря, который махалъ щитомъ, давая отряду знаки вступить въ городъ [4]).

Когда, въ 1187 году, Іерусалимъ былъ взятъ Саладиномъ, многіе монахи видѣли, какъ луна спустилась съ неба на землю и тотчасъ же снова поднялась на небосклонъ. Многочисленныя толпы христіанъ видѣли въ этотъ день, какъ въ городскихъ церквахъ изъ распятій и иконъ сочились кровавыя слезы [5]).

---

[1]) *Костомаровъ*. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. 1873 г., вып. 1, стр. 222.

[2]) *Michaud*. Histoire des croisades. 6 édit. vol. I, p. 178, année 1841.

[3]) Id. vol. I, p. 276.

[4]) *Michaud*. Histoire des croisades, vol. I, p. 339—340.

[5]) Id., vol. II, p. 296.

Въ средніе вѣка, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, часть духовенства и громадное большинство народа полагали, что рай и адъ, описанные въ Св. Писаніи, существуютъ гдѣ-нибудь на землѣ.

Многіе мореплаватели того времени, которыхъ буря забрасывала въ невѣдомыя имъ новыя мѣста, неоднократно грезили мыслью наткнуться на такую землю, гдѣ сосредоточены жилища праведниковъ. Многіе при своихъ невольныхъ скитаніяхъ испытывали мучительный страхъ при мысли о возможности быть занесенными въ страну вѣчныхъ мукъ.

И не разъ, въ минуты напряженнаго ожиданія, случалось, что глазамъ путешественниковъ представлялись тѣ картины, которыя они рисовали себѣ передъ этимъ въ своемъ воображеніи.

Нашимъ новгородскимъ купцамъ также случалось испытывать подобныя галлюцинаціи. Любопытныя указанія на этотъ счетъ мы встрѣчаемъ въ «Посланіи о земномъ раѣ» новгородскаго архіепископа Св. Василія [1]). Этотъ памятникъ относится къ срединѣ XIV вѣка. Авторъ посланія, сторонникъ мнѣнія о существованіи земного рая и ада, полемизируетъ съ тверскимъ епископомъ Θеодоромъ, который держался того взгляда, что земной рай, въ которомъ былъ Адамъ, уже не существуетъ, а есть только рай мысленный, духовный. Въ числѣ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ защиту своего мнѣнія, Василій ссылается на новгородцевъ, которые во время своихъ путешествій видѣли адъ и рай.

«Муки и нынѣ есть на Западѣ»,—пишетъ авторъ документа,—«много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому; на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубной и рѣка смоляная—Могръ, и вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ. А мѣсто святого рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ. Три было у нихъ юмы (лодки) и одна изъ нихъ, блуждая, погибла, а двѣ другія долго носило море вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. И видѣли они на горѣ Деисусъ написанное лазуремъ чуднымъ... И свѣтъ былъ на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣли, но былъ свѣтъ *многочестный* и свѣтился сильнѣе солнца. А на горахъ тѣхъ слышны были ликованія и голоса веселія».

Исторія мистицизма представляетъ много любопытныхъ примѣровъ коллективныхъ галлюцинацій.

Извѣстный англійскій мистикъ Пордеджъ, жившій въ XVII вѣкѣ, описываетъ одну такую галлюцинацію, испытанную имъ одновременно съ его многочисленными учениками [2]). Передъ ними въ торжественной церемоніи проходили силы ада во всемъ своемъ величіи. Князи тьмы возсѣдали на облачныхъ колесницахъ, влекомыхъ чертями въ образѣ грифовъ, драконовъ, львовъ медвѣдей и тигровъ; подлѣ шла блестящая свита второстепенныхъ дьяволовъ;

[1]) См. *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности. Часть I. 18?7.

[2]) Описаніе данной галлюцинаціи заимствовано изъ книги *Кандинскаго* «Общепонятные психологическіе этюды». Москва. 1881.

простые черти вмѣстѣ съ грѣшниками составляли воинство, парадировавшее по всѣмъ правиламъ, подъ командой дьяволовъ отвратительно-уродливаго вида, полу-людей, полу-животныхъ. Присутствовавшіе были въ состояніи видѣть описанную картину не только съ открытыми, но и съ закрытыми глазами.

Къ числу историческихъ галлюцинацій, пользующихся широкой извѣстностью, относится видѣніе, испытанное Карломъ XI, королемъ шведскимъ, и его свитой въ 1576 году. Это видѣніе настолько поразило короля, что онъ изложилъ его въ особомъ актѣ, который хранится въ настоящее время въ шведскомъ государственномъ архивѣ. Этотъ актъ былъ переведенъ на многіе языки. Существуетъ онъ и въ русскомъ переводѣ *). Я позволю себѣ изложить въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этого акта.

Король разсказываетъ въ немъ, что въ ночь съ 16 на 17 Декабря 1576 года онъ, «будучи болѣе обыкновеннаго мучимымъ своей меланхолической болѣзнью» (подлинныя слова), проснулся ночью и, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что въ государственномъ залѣ, расположенномъ въ помѣщеніи тогоже дворца, виденъ сильный свѣтъ. Дежурный придворный, на вопросъ Карла о причинѣ этого, отвѣтилъ, что это свѣтъ луны, отражаемый стеклами. Но король не удовольствовался этимъ и, продолжая всматриваться въ окна, заявилъ, что онъ видитъ тамъ людей. Нѣсколько минутъ спустя, король, побѣждая суевѣрный страхъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сановниковъ идетъ черезъ потайной ходъ въ государственную залу. Мало-по малу и его спутниками начинаетъ овладѣвать состояніе возбужденія, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что никто изъ свиты при выходѣ изъ спальни не рѣшается отперетъ дверь потайнаго хода. Всѣ охвачены мрачнымъ предчувствіемъ. Король самъ отпираетъ дверь и входитъ первымъ. Сначала онъ, а затѣмъ и его спутники видятъ, что помѣщеніе, въ которое они вошли, сплошь одѣто въ черное. Подойдя къ двери, ведущей въ залу, король снова самъ отпираетъ замокъ и, отворивъ дверь, тотчасъ отшатывается назадъ. Въ актѣ нѣтъ указаній на то, сообщилъ ли король въ этотъ моментъ своимъ спутникамъ то, что онъ увидѣлъ. Надо думать, что это было именно такъ. При входѣ въ залу присутствовавшимъ представилась слѣдующая картина.

За большимъ столомъ сидѣло 16 почтенныхъ мужей. Передъ каждымъ лежала большая книга. Среди нихъ находился молодой король лѣтъ 17 съ короной на головѣ. Онъ потрясалъ головой, и при каждомъ движеніи всѣ сидѣвшіе за столомъ ударяли одной рукой по лежавшимъ передъ ними книгамъ. Въ сторонѣ стояла плаха. Палачи съ засученными рукавами отрубали одну за другой головы лицъ, одѣтыхъ въ платье молодыхъ дворянъ. Въ сторонѣ стоялъ опрокинутый наполовину тронъ, а возлѣ него человѣкъ лѣтъ сорока съ королевской осанкой. Въ дальнѣйшемъ Карлъ передаетъ въ своемъ актѣ, какъ онъ обратился къ молодому королю, сидѣвшему за столомъ, съ вопросомъ,

*) См. *Битнеръ*. Вѣрить или не вѣрить? стр. 141.

что означаетъ происходящее. Тотъ отвѣчалъ, что это—событіе, которое произойдетъ много лѣтъ спустя, во время царствованія одного изъ потомковъ Карла. Послѣ этихъ словъ все исчезло, и Карлъ съ своими спутниками остались одни въ темномъ залѣ. Вернувшись къ себѣ въ спальню, король тотчасъ же записалъ все видѣнное. Вся свита подписалась подъ составленнымъ актомъ, призывая Бога въ свидѣтели того, что описанное королемъ было дѣйствительно видимо ими. Это клятвенное подтвержденіе придаетъ большую долю вѣроятія тому предположенію, что здѣсь шла рѣчь о настоящей коллективной аллюцинаціи, а не только о желаніи придворныхъ подтвердить реальность видѣнія Карла изъ опасенія противорѣчить больному королю.

Въ хроникѣ русскаго царствующаго дома также можно найти случаи, когда жертвами коллективной галлюцинаціи дѣлались десятки и даже сотни лицъ. Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ этого рода относится къ послѣднимъ днямъ жизни Анны Іоанновны [1]). 5 октября 1740 года императрицѣ вдругъ сдѣлалось дурно. Вплоть до дня своей смерти, т. е. до 17 октября, она чувствовала себя плохо и большей частью лежала въ постели. Настроеніе при дворѣ было тревожное. Ждали близкой смерти государыни, что грозило цѣлымъ рядомъ осложненій въ смыслѣ престолонаслѣдія. Эти ожиданія настолько сильно волновали умы, что вскорѣ многіе во дворцѣ начали испытывать галлюцинаціи, состоявшія въ появленіи двойника императрицы, который разгуливалъ въ залахъ дворца. Сначала этимъ видѣніямъ подвергались лишь отдѣльныя лица, но вскорѣ галлюцинаціи стали общими. Ежедневно, въ опредѣленные часы, дворцовая прислуга, часовые и дежурные офицера видѣли призракъ императрицы, лежавшей въ это время въ постели, идущимъ по заламъ въ порфирѣ и коронѣ или же сидящимъ на тронѣ. Узнавшій объ этомъ Биронъ самъ сдѣлался жертвой галлюцинаціи. Увидѣвъ призракъ сидящимъ на тронѣ, онъ отдалъ приказъ стрѣлять въ него, но пули не причиняли ему вреда и онъ по прежнему продолжалъ сидѣть въ величественной позѣ.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ во время франко-прусской войны среди крестьянъ прирейнскихъ областей, объятыхъ паническимъ страхомъ, развилась настоящая галлюцинаторная эпидемія, захватившая тысячи жителей и существовавшая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ [2]).

Участники эпидеміи, собираясь массами на улицахъ и площадяхъ своихъ деревень, видѣли на конькахъ крышъ и на старыхъ запыленныхъ стеклахъ оконъ фигуры всякаго рода, отчасти религіознаго, отчасти воинственнаго характера. Иногда это было изображеніе Мадонны, иногда распятіе, иногда фигуры зуавовъ, шпаги, пушки и т. д. Въ теченіе долгихъ часовъ собравшіяся толпы созерцали эти видѣнія, которыя у членовъ каждаго отдѣльнаго сборища были одинаковы. Эпидемія эта, начавшись въ Раштадтѣ—въ герцогствѣ Баден-

[1]) См. *Битнеръ*. Вѣрить или не вѣрить, а также *Погодинъ*. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Москва. 1881.

[2]) См. *Despine*. De la folie. Paris. 1875.

скомъ, мало-по-малу перешла во Францію, захватила Виссенбургскій округъ, достигла Страсбурга и, просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ прекратилась.

Въ 1885 году въ Италіи, во время холерной эпидеміи, вызвавшей панику въ населеніи, имѣлъ мѣсто случай коллективной галлюцинаціи, въ которой также приняли участіе цѣлыя толпы народа.

Мѣстомъ развитія галлюцинаціи была деревня Корано близъ Неаполя, жители которой увидѣли однажды на сосѣднемъ холмѣ, гдѣ находилась часовня, Мадонну, закутанную въ черную ризу и молящуюся о спасеніи человѣчества. Слухъ объ этомъ видѣніи быстро распространился по окрестности и вскорѣ въ Корано начали массами стекаться жители сосѣднихъ мѣстностей. Видѣніе продолжалось, и народное возбужденіе мало-по-малу приняло такіе размѣры, что итальянское правительство, въ цѣляхъ прекращенія галлюцинаторной эпидеміи, принуждено было уничтожить часовню и окружить холмъ полиціей.

Таковы наиболѣе типичные историческіе примѣры коллективныхъ галлюцинацій и иллюзій.

Переходя къ источникамъ второй категоріи, т. е. къ разсказамъ случайныхъ очевидцевъ подобнаго рода фактовъ, я позволю себѣ указать на нѣсколько описаній, относящихся къ сравнительно недавнему времени.

Одно изъ нихъ представляетъ собой докладъ, читанный въ 1855 году путешественникомъ Escayrac de Lauture въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ *). Во время одного изъ своихъ путешествій по Африкѣ Escayrac и его спутники, истомленные длиннымъ переходомъ по пустынѣ и палящимъ зноемъ, одновременно испытали галлюцинацію, содержаніе которой было одинаково у всѣхъ.

Вначалѣ они увидѣли передъ собой стѣну, которая раступилась передъ ними, затѣмъ имъ стало казаться, что они находятся какъ-бы на днѣ кратера. Когда это исчезло, и они снова увидѣли кругомъ себя песчаную пустыню, ихъ взорамъ начали представляться то караваны верблюдовъ, то стада животныхъ, исчезавшія также мгновенно, какъ они появлялись. Эскейракъ называетъ это явленіе ragle и говоритъ, что этотъ феноменъ далеко не рѣдокъ среди истомленныхъ усталостью, зноемъ и жаждой путешественниковъ по пустынямъ Африки. Онъ настаиваетъ на томъ, что ragle не имѣетъ ничего общаго съ миражемъ, который представляетъ собой чисто физическое явленіе. Какъ извѣстно, миражъ зависитъ отъ полнаго внутренняго отраженія свѣта на границѣ двухъ воздушныхъ слоевъ, имѣющихъ различную плотность вслѣдствіе разныхъ температуръ, и изображенія, получающіяся при этомъ, представляются опрокинутыми. Второй изъ упомянутыхъ случаевъ описанъ лейтенантомъ Жюльеномъ Феликсомъ въ Revue Scientifique, и касается коллективной иллюзіи, испытанной экипажемъ французскаго фрегата «La belle Poule» въ 1846 г.

*) Gazette des Hôpitaux civils et militaires. 1855. 20 Fevrier. № 21, Id. 3 Avril и. №. 39. См. также *Кандинскій*. Психологическіе этюды, стр. 195.

Разыгравшейся бурей фрегатъ былъ разъединенъ отъ другого французскаго судна. Экипажъ былъ охваченъ безпокойствомъ за участь своихъ товарищей. Послѣ долгихъ дней, проведенныхъ въ тревогѣ, однажды часовой увидѣлъ пропавшее судно, лишенное мачтъ. Вслѣдъ за нимъ увидѣли его всѣ остальные. Всматриваясь ближе, экипажъ различилъ, что это не судно, а плотъ, нагруженный людьми. На шлюпкахъ, которыя вели плотъ на буксирѣ, были выставлены сигналы бѣдствія. Тотчасъ же съ фрегата были спущены шлюпки на помощь погибающимъ товарищамъ. Приближаясь къ плоту, офицеры и матросы ясно видѣли группы людей, протягивающихъ къ нимъ руки съ просьбой поспѣшить и ясно слышали глухой шумъ голосовъ погибавшихъ. Когда, наконецъ, шлюпки подъѣхали къ самому мѣсту, то оказалось, что передъ ними было лишь нѣсколько вѣтвей съ листьями, унесенныхъ волнами съ сосѣдняго берега.

Переходя собственно къ медицинской литературѣ по вопросу о массовыхъ обманахъ чувствъ, приходится отмѣтить почти полное отсутствіе наблюденій подобнаго рода случаевъ со стороны врачей. Едва-ли не единственнымъ случаемъ, гдѣ развитіе коллективной галлюцинаціи протекало на глазахъ врачей, имѣвшихъ возможность выяснить нѣкоторыя сопутствующія обстоятельства, является наблюденіе спеціальной комиссіи надъ возникновеніемъ массовыхъ обмановъ чувствъ у малеванцевъ [1]).

«Случалось, что въ присутствіи комиссіи, посѣщавшей малеванцевъ»,— пишетъ проф. Сикорскій [2]),—«особенно среди религіознаго и молитвеннаго настроенія, многіе изъ присутствовавшихъ малеванцевъ *одни за другими* начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающій воздухъ и прочіе предметы, ища источника пріятныхъ запаховъ, которыми, какъ имъ казалось, наполнено было помѣщеніе. По разсказамъ всѣхъ, имѣвшихъ обонятельныя галлюцинаціи, запахи были пріятны. Одни называли эти запахи *сладкими*, другіе *ароматическими*, иные—*неземными*, *божественными*, иные, наконецъ, выражались: *пахнетъ Святымъ Духомъ*».

Около 3-хъ мѣсяцевъ тому назадъ въ Revue de l'hypnotisme [3]) было напечатано сообщеніе относительно случая массовой галлюцинаціи, имѣвшей мѣсто въ Неаполѣ. Сообщеніе это напечатано въ формѣ корреспонденціи и, повидимому, описанный случай не былъ прослѣженъ врачами на мѣстѣ.

Обитатели одного изъ городскихъ кварталовъ de la Santé заявили, что

---

[1]) Секта малеванцевъ возникла въ 1892 г. въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Основателемъ ея былъ Кондратій Малёванный, оказавшійся при изслѣдованіи душевно-больнымъ. Вызванное имъ религіозное движеніе вылилось въ форму настоящей психопатической эпидеміи, описанной въ прекрасной брошюрѣ *проф. И. А. Сикорскаго* «Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи». Кіевъ. 1893.

[2]) *Сикорскій*, op. cit. стр. 10.

[3]) Revue de l'hypnotisme. 1903. Août. 18 année. № 2, p. 63.

они видѣли статую Мадонны, проливающую кровавыя слезы. Мѣстный curé, къ которому обратились его прихожане съ разсказомъ о своемъ видѣніи, началъ убѣждать ихъ, что видѣнный ими образъ—не что иное, какъ созданіе ихъ фантазіи.

Тогда толпа, возмущенная такимъ толкованіемъ, бросилась на священника и избила его.

Приведенный литературный обзоръ позволяетъ намъ вывести два заключенія.

Во первыхъ: количество данныхъ, указывающихъ на возможность возникновенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ массовыхъ галлюцинацій и иллюзій такъ велико, что существованіе подобнаго рода фактовъ не подлежитъ сомнѣнію.

Во вторыхъ: въ литературѣ почти не имѣется описаній случаевъ коллективныхъ обмановъ чувствъ, сдѣланныхъ психологами и психіатрами, благодаря чему психологическая сторона этихъ явленій въ существующихъ описаніяхъ какъ-бы остается въ тѣни, а многія подробности, которыя могли-бы существенно способствовать пониманію механизма ихъ происхожденія, въ этихъ описаніяхъ совершенно не находятъ себѣ мѣста.

Это обстоятельство даетъ мнѣ право на опубликованіе одного случая коллективной иллюзіи, случайно протекшаго подъ моимъ наблюденіемъ съ начала до конца.

Случай этотъ имѣлъ мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ одной изъ окрестностей Саровскаго монастыря Тамбовской губ. Это было спустя недѣлю послѣ окончанія саровскихъ торжествъ.

Та картина, которую представлялъ собой монастырь во время оффиціальнаго торжества, не успѣла измѣниться значительно въ теченіе недѣли. Правда, толпы народа уже не были столь многочисленны, но все-же количество живущихъ въ монастырѣ богомольцевъ, пришедшихъ на поклоненіе святынѣ, достигало нѣсколькихъ тысячъ.

Среди нихъ продолжала царить та же атмосфера крайняго религіознаго возбужденія, поддерживаемая постоянными извѣстіями о новыхъ исцѣленіяхъ. Слухъ о каждомъ новомъ проявленіи божественной силы съ быстротой молніи облеталъ всю территорію монастыря и еще больше раздувалъ то пламя экзальтаціи, которымъ были воодушевлены массы.

28 Іюля, около полудня, я шелъ по дорогѣ, ведущей отъ монастыря къ источнику, въ которомъ купаются паломники. Вдоль дороги, на протяженіи версты, отдѣляющей источникъ отъ монастыря, имѣется цѣлый рядъ колодцевъ по своему внѣшнему виду вполнѣ напоминающихъ тотъ, изъ котораго проведена вода для купанья богомольцевъ. Около этихъ колодцевъ постоянно останавливаются проходящіе паломники, чтобы зачерпнуть воды, которая также считается святой. Поровнявшись съ однимъ изъ такихъ колодцевъ, я увидѣлъ группу крестьянъ и крестьянокъ, состоявшую человѣкъ изъ двадцати, столпившихся вокругъ перилъ.

Глаза всѣхъ были устремлены на дно колодца. На лицахъ—выраженіе живого, страстнаго любопытства. Стоявшіе около самаго сруба перевѣшивались черезъ перила, какъ будто стараясь что-то разсмотрѣть внизу. Тѣ, которые стояли сзади, заглядывали черезъ головы сосѣдей и старательно работали локтями, стараясь протѣсниться впередъ. Проходящіе мимо останавливались, привлеченные видомъ сборища. Толпа начала быстро расти. Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы о томъ, что здѣсь происходитъ.

— «Да вотъ, сейчасъ сказывали, на днѣ—два лика»,—раздался вдругъ голосъ одного изъ крестьянъ.

Эти слова произвели сенсацію. Возбужденіе толпы достигло высшихъ предѣловъ. Глаза присутствующихъ еще болѣе усиленно начали всматриваться въ дно колодца, но его очертанія мѣшали разсмотрѣть поверхность воды, отражающую голубое небо. Кто-то предложилъ разостлать надъ головами большую черную шаль. Только что это было сдѣлано, какъ въ толпѣ раздался пронзительный вопль одной изъ бабъ, стоявшихъ у сруба.

— «Вотъ, вотъ, батюшки мои родимые, какъ ясно-то! Ахъ, какая благодать! Отецъ Серафимъ!»

Въ толпѣ произошло смятеніе. Съ разныхъ сторонъ послышались восклицанія:

— «Вотъ, вотъ! видишь ты? вотъ, вотъ!»

— «Въ каблучкѣ онъ!»

— «И ручкой вонъ махаетъ!»

— «Ужъ вотъ какъ, вотъ какъ явственно!»

Иллюзія стала общей. Волненіе толпы достигло необычайныхъ размѣровъ. Тѣ, которымъ было видно дно колодца, съ затаеннымъ дыханіемъ, съ горящими глазами, устремленными внизъ, неподвижно стояли передъ срубомъ, какъ очарованные. Лишь съ трудомъ удавалось ихъ оттолкнуть отъ колодца ихъ заднимъ сосѣдямъ, которые, становясь на ихъ мѣсто, въ свою очередь, какъ-бы замирали, подавленные величіемъ дивнаго, неслыханнаго видѣнія.

Мнѣ также удалось пробраться впередъ. Заглянувъ внизъ, я увидѣлъ сквозь кристально-прозрачную толщу воды дно колодца, состоящее изъ бѣлаго известняка съ разбросанными по нему камешками и древесными сучками, образующими самыя причудливыя формы.

Но несмотря на всѣ старанія, я не былъ въ состояніи найти въ очертаніяхъ дна ничего, что имѣло бы хотя отдаленное сходство съ человѣческой фигурой.

Между тѣмъ, иллюзія продолжалась. Къ колодцу протискивались все новыя и новыя лица. Съ широко раскрытыми глазами, съ губами, дрожащими отъ волненія, расталкивали они толпу и, достигнувъ края колодца, останавливались неподвижно съ выраженіемъ блаженства на лицѣ.

Иллюзія длилась отъ 10 до 15 минутъ. Въ теченіе этого времени къ колодцу удалось протѣсниться по меньшей мѣрѣ сорока человѣкамъ. Цифра

эта можетъ быть опредѣлена, конечно, приблизительно. Собравшаяся толпа почти исключительно состояла изъ богомольцевъ и богомолокъ въ сермягахъ, лаптяхъ съ котомками за плечами. Я могъ насчитать въ толпѣ не болѣе 2—3-хъ лицъ, одѣтыхъ въ городское платье. Женщины въ толпѣ, несомнѣнно, преобладали.

Иллюзія продолжалась до тѣхъ поръ, пока къ колодцу не протискалась молодая бойкая женщина въ городскомъ платьѣ мѣщанки. Она только что подошла къ толпѣ и, не узнавъ еще о причинѣ сборища, съ помощью ловкихъ движеній быстро очутилась у самаго сруба. Видя, что другіе смотрятъ на дно, она также начала смотрѣть внизъ.

— «Ну, чего видать-то?»—спросилъ ее кто-то сзади.

— «Да чего, человѣчьи головы кругомъ видать, бѣлы камни видать, а больше ничего».

Если-бы все содержимое колодца вдругъ было вылито на присутствующихъ, то это врядъ-ли произвело-бы большій эффектъ, чѣмъ эти немногія слова человѣка, только что появившагося въ толпѣ и не зараженнаго общимъ настроеніемъ.

Брошенная искра скептицизма сдѣлала свое дѣло. Иллюзія исчезла—сначала у отдѣльныхъ лицъ, а затѣмъ и у остальныхъ, собравшихся около колодца. Обо всемъ теченіи иллюзіи я имѣлъ возможность судить, занося въ свою записную книжку тѣ восклицанія, которыя слышались кругомъ. Восторженные возгласы, отрывочныя слова и фразы относительно формы видѣнія, которыя слышались вначалѣ, мало-по-малу уступили мѣсто выраженіямъ сначала неувѣренности и колебанія, а затѣмъ и полнаго отрицанія присутствія какого-нибудь облика на днѣ колодца.

— «Ты видишь?»

— «Да вижу, словно. Господь знатъ!»

— «Настасья, да что ты, вѣдь все равно не видишь, пойдемъ!»

— «Намъ грѣшнымъ не показался. Кто достоинъ, тотъ видитъ!»—со вздохомъ сокрушенія произнесла старуха-богомолка.

Мало-по-малу толпа начала рѣдѣть.

— «Ну, коль не вижу, Господь съ нимъ!»

— «Дуня, наши ушли, пойдемъ!»

— «Митрій, пойдемъ, въ церкви посмотримъ!»

— «Вонъ, двугривенный вижу»,—заявилъ мальчуганъ лѣтъ тринадцати. Въ толпѣ послышался смѣхъ. Вокругъ колодца стало еще болѣе пусто.

Видѣніе больше не возобновлялось. Прислушиваясь къ разсказамъ тѣхъ, которые видѣли ликъ отца Серафима на днѣ колодца, и разспрашивая самъ нѣкоторыхъ крестьянъ, бывшихъ участниками иллюзіи, я имѣлъ возможность выяснить нѣсколько подробностей относительно характера видѣнія.

При этомъ оказалось, что иллюзорный образъ не всѣмъ представлялся въ одинаковомъ видѣ. Повидимому, одна черта была общей для всѣхъ. Это не

была настоящая живая фигура. Это было изображенiе, но не тождественное съ иконой, т. е. оно не казалось нарисованнымъ, а носило особый характеръ, точно опредѣлить который никто мнѣ не былъ въ состоянiи. Что касается самаго содержанiя видѣнiя, то оно оказалось различнымъ у отдѣльныхъ лицъ. Правда, всѣ видѣли образъ отца Серафима, но однимъ онъ представлялся во весь ростъ, другимъ по поясъ, третьи видѣли одинъ ликъ. Одни видѣли голову обнаженной, другiе—покрытой монашескимъ клобукомъ. Словомъ, здѣсь обнаружилось столько варьянтовъ, сколько ихъ существуетъ въ изображенiяхъ отца Серафима на иконахъ. Это обстоятельство послужило къ возникновенiю цѣлаго ряда споровъ между бывшими участниками иллюзiи. Я уже упоминалъ о томъ, что нѣкоторые видѣли, какъ фигура махала рукой. При обмѣнѣ впечатлѣнiями еще больше разногласiй обнаружилось относительно того мѣста, гдѣ было видно изображенiе. Оказалось, что одинъ видѣлъ его въ самой серединѣ колодца, другой съ краю, третiй тоже съ краю, но въ другомъ мѣстѣ и т. д. *Словомъ, хотя въ общемъ содержанiе видѣнiя и было одинаково у всѣхъ, но детали оказались различными у отдѣльныхъ участниковъ иллюзiи*,—обстоятельство въ высшей степени важное, дающее намъ ключъ къ пониманiю механизма явленiя [1]).

Попытаемся теперь намѣтить тѣ условiя, которыя благопрiятствовали возникновенiю даннаго явленiя. Несомнѣнно, что эти условiя соотвѣтствуютъ тѣмъ особенностямъ, которыя представляли участники иллюзiи. Особенности эти слѣдующiя:

1. *Они были невѣжественны.* Я упомянулъ о томъ, что толпа состояла почти исключительно изъ крестьянъ.

2. *Они были усталы.* Для поясненiя этого необходимо замѣтить, что громадное число саровскихъ богомольцевъ считало число верстъ, пройденныхъ ими пѣшкомъ, сотнями. Меньшая часть считала его десятками, немногiе отдѣльные паломники—тысячами, и среди нихъ не было почти ни одного, кто-бы не счелъ своимъ святымъ долгомъ «потрудиться» для угодника, исключая, конечно, больныхъ.

3. *Они были недостаточно сыты*, чтобы не сказать больше. Отчасти это недоѣданiе среди богомольцевъ было добровольнымъ, являясь частью принятаго ими на себя подвига.

---

[1]) Всякiй, знакомый съ явленiями внушенiя, знаетъ, что если лицу, подвергающемуся внушенiю, гипнотизеръ говоритъ, что передъ нимъ находится его знакомый, не описывая при этомъ ни его костюма, ни позы, ни выраженiя лица, то воображенiе гипнотизируемаго тотчасъ же дополняетъ детали представшей передъ нимъ фигуры. То же самое имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ. Баба, у которой подъ влiянiемъ религiознаго экстаза впервые возникъ въ сознанiи образъ отца Серафима, сыграла роль такого гипнотизера, и каждый участникъ иллюзiи видѣлъ фигуру на днѣ колодца соотвѣтственно тѣмъ образамъ воспоминанiя, которые у него были наиболѣе ярки.

4. *Они составляли толпу.*

5. *Они всѣ испытывали одинаковое настроеніе, благопріятствующее наступленію обмановъ чувствъ.*

Конечно, не всѣ изъ перечисленныхъ обстоятельствъ являются существенными въ одинаковой степени. Такъ, наблюденія показываютъ, что степень развитія интеллекта часто не играетъ роли при возникновеніи массовыхъ обмановъ чувствъ. Если это и справедливо вообще, то въ данномъ случаѣ низкій умственный уровень собравшихся, несомнѣнно, игралъ извѣстную роль, хотя и не первостепенную.

Слѣдующіе два фактора—усталость и истощеніе вслѣдствіе недостаточнаго питанія—являются болѣе существенными. Опытъ показываетъ, что однихъ этихъ условій часто бываетъ достаточно для развитія обмановъ чувствъ у здоровыхъ людей.

Наибольшую важность представляютъ послѣднія два обстоятельства—наличность толпы и общность настроенія ея участниковъ.

Наблюденія надъ толпой давно привели психологовъ къ убѣжденію, что внушаемость любого лица, взятаго въ отдѣльности, и внушаемость того-же лица, составляющаго часть толпы, представляютъ собой двѣ величины различныя, изъ которыхъ вторая превышаетъ первую. Этотъ фактъ въ послѣднее время былъ доказанъ экспериментально.

На основаніи своихъ опытовъ надъ школьниками, Binet пришелъ къ заключенію, что это повышеніе внушаемости отдѣльныхъ лицъ оказывается уже въ сильной степени при соединеніи ихъ въ группы, состоящія всего изъ 3-хъ человѣкъ. Послѣднее и наиболѣе существенное обстоятельство, имѣвшее мѣсто въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что здѣсь была не только толпа, но толпа, настроенная въ извѣстномъ направленіи. Это направленіе, состоящее въ ожиданіи чудесныхъ событій, не создалось въ моментъ образованія сборища. Оно жило въ сознаніи каждаго участника иллюзіи съ того момента, какъ онъ рѣшилъ предпринять паломничество.

Религіозный экстазъ каждаго возросталъ по мѣрѣ приближенія его къ цѣли путешествія, слухи о бывшихъ уже проявленіяхъ божественной силы подготовляли его постепенно къ воспріятію чудесныхъ явленій. По прибытіи въ монастырь къ дѣйствію *самовнушенія* присоединилось вліяніе тождественнаго настроенія окружающихъ—этотъ могучій факторъ, который акад. В. М. Бехтеревъ обозначаетъ терминомъ *взаимовнушенія*.

Такова та почва, на которую были брошены слова богомолки, впервые увидѣвшей ликъ отца Серафима на днѣ колодца. Какъ я уже упоминалъ, иллюзія, разъ начавшись, продолжалась до тѣхъ поръ, пока на сцену не выступило вліяніе *противовнушенія* со стороны женщины, не подготовленной соотвѣтствующимъ образомъ къ возникновенію иллюзорнаго воспріятія въ ея сознаніи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что основныя условія, благопріятствовавшія

возникновенію коллективной иллюзіи въ данномъ случаѣ, имѣли мѣсто и въ остальныхъ случаяхъ массовыхъ галлюцинацій и иллюзій, описанія которыхъ намъ оставила исторія и свидѣтельства очевидцевъ.

И если при просмотрѣ этихъ описаній не всегда удается установить наличность единичной галлюцинаціи въ качествѣ момента, предшествовавшаго наступленію массоваго обмана чувствъ и непосредственно вызвавшаго этотъ обманъ, то объясненія этого обстоятельства нужно искать въ томъ, что прежніе наблюдатели мало интересовались тѣмъ, чтобы найти причинную связь между явленіями.

То же самое приходится сказать и относительно полной идентичности образовъ, возникающихъ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ — идентичности, на которую указываетъ большинство прежнихъ наблюденій и которая не подтвердилась въ наблюдавшемся мною случаѣ.

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

Э. Мейманъ. Объ экономіи и техникѣ заучиванья. E. Meumann. Über Okonomie und Technik des Lernens. Leipzig. 1903.

Экспериментальное изученіе психологическихъ и педагогическихъ задачъ выдвигаетъ рядъ вопросовъ, весьма важныхъ для педагогической практики. Путемъ психологическихъ опытовъ получается возможность заглянуть въ сложныя условія психической работы, получается возможность поставить технику и цѣлесообразность заучиванія на научную почву. Психологическій опытъ даетъ указаніе того, какъ поставить умственную работу дѣтей въ наиболѣе выгодныя условія и надо надѣяться, что въ скоромъ времени на-ряду съ общей методикой преподаванія выступитъ новая отрасль методики — методика заучиванія.

Все ученіе проф. Меймана о методахъ заучиванія основывается на экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя стремятся къ точному измѣренію умственной работы. При подобныхъ опытахъ въ настоящее время особое вниманіе удѣляется индивидуальнымъ особенностямъ испытуемыхъ лицъ. Современная экспериментальная психологія стремится выяснить связь между общимъ складомъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ элементарными психическими свойствами, приближаясь этимъ путемъ къ рѣшенію вопроса объ индивидуальности.

Нѣкоторыя индивидуальныя особенности встрѣчаются на столько часто, что получается возможность соединять ихъ въ цѣлыя характерныя группы; такая группировка характерныхъ индивидуальныхъ особенностей имѣетъ огромное педагогическое значеніе.

Индивидуальныя особенности запоминанія очень многочисленны, но наиболѣе ярко и характерно выдѣляются двѣ изъ нихъ, а именно — 1) быстрота заучиванія и 2) точность и продолжительность запоминанія. Отсюда два типа людей—людей быстро заучивающихъ и людей медленно заучивающихъ. Характеръ и результаты психической работы этихъ двухъ группъ очень различны; основная причина этого различія кроется въ коренномъ различіи вниманія.

Быстро запоминающій типъ быстро приспособляетъ свое вниманіе къ предлагаемому матеріалу; медленно же заучивающій лишь постепенно достигаетъ максимума концентраціи. Запоминаніе находится въ тѣсной зависимости отъ напряженія вниманія. Быстро приспособляющійся типъ охватываетъ своимъ вниманіемъ болѣе обширный матеріалъ, а такъ какъ объемъ вниманія и его напряженность стоятъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи, то быстро приспособляющійся типъ усваиваетъ матеріалъ менѣе прочно, чѣмъ типъ медленно приспособляющійся, который своимъ вниманіемъ способенъ охватить менѣе обширный кругъ.

Типы заучиванія стоятъ въ несомнѣнной связи съ типами памяти или типами мышленія. Одни люди мыслятъ по преимуществу зрительными образами, другіе—слуховыми и, наконецъ, третьи—двигательными. Отсюда три основныхъ типа памяти — зрительная, слуховая и моторная. Чистые типы памяти почти не встрѣчаются, обыкновенно наблюдаются смѣшанные типы, причемъ одинъ изъ видовъ памяти преобладаетъ. Каждый типъ памяти имѣетъ свои выгодныя и свои отрицательныя стороны. Такъ какъ для полнаго психическаго развитія необходимымъ условіемъ является хорошая всесторонняя память, то желательно воспитаніе въ каждомъ человѣкѣ именно такой всесторонней памяти. Экспериментальнымъ путемъ доказано, что память способна совершенствоваться во всѣхъ направленіяхъ путемъ раціонально поставленныхъ упражненій, если только развитію ея не препятствуютъ какіе-либо физическіе недостатки внѣшнихъ органовъ чувствъ.

«Экономнымъ» заучиваніемъ называется тотъ способъ заучиванія, который ведетъ къ запоминанію въ наикратчайшій срокъ путемъ наиболѣе цѣлесообразной психической работы и съ наименьшей затратою времени и силы. Опытъ показываетъ, что самымъ выгоднымъ является заучиваніе предлагаемаго матеріала цѣликомъ, безъ дробленія его на части. Этотъ путь является въ то же время и единственно психологически правильнымъ, такъ какъ только онъ одинъ ведетъ къ правильному послѣдовательному построенію ассоціацій, гарантируетъ равномѣрное распредѣленіе вниманія и ведетъ къ наиболѣе прочному запоминанію.

Существуютъ два типа запоминанія—непосредственное запоминаніе, направленное къ единовременному запоминанію и единовременному воспроизведенію,—и продолжительное запоминаніе или запоминаніе въ полномъ смыслѣ слова. При непосредственномъ запоминаніи воспроизведеніе слѣдуетъ непосредственно вслѣдъ за воспріятіемъ, безъ помощи какого-либо промежуточнаго психическаго акта. Основою непосредственнаго запоминанія является единовременная напряженная концентрація; непосредственное воспроизведеніе происходитъ при помощи еще не отзвучавшихъ внѣшнихъ раздраженій; типъ памяти имѣетъ здѣсь огромное значеніе. Непосредственное запоминаніе исчезаетъ черезъ нѣсколько секундъ послѣ воспроизведенія, причемъ забываніе идетъ сначала быстро, потомъ замедляется.

Основнымъ условіемъ продолжительнаго запоминанія является повтореніе. Чѣмъ многочисленнѣе повторенія, тѣмъ прочнѣе запоминаніе, причемъ опытъ показываетъ, что выгоднѣе распредѣлять повторенія на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ нагромождать ихъ разомъ въ большомъ числѣ.

Сознательное заучиваніе осмысленнаго матеріала, какъ извѣстно, легче и прочнѣе механическаго запоминанія; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, на основаніи сказаннаго о повтореніи,—одно сознательное и осмысленное ознакомленіе съ матеріаломъ не даетъ еще прочнаго запоминанія; необходимы

повторенія, и повторенія многократныя, а тутъ выступаетъ уже механическое заучиваніе.

На основаніи психологическихъ опытовъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, оказывается, что дѣтская память слабѣе памяти взрослыхъ, и что память младшихъ дѣтей слабѣе памяти старшихъ дѣтей. Своего высшаго развитія память достигаетъ около 20—25 лѣтъ. У дѣтей наблюдаются тѣ же типы памяти и заучиванія, какъ и у взрослыхъ, ихъ запоминанію способствуютъ тѣ же условія, которыя способствуютъ запоминанію взрослыхъ. Дѣтская память способна совершенствоваться точно такъ же, какъ и память взрослыхъ. Къ сожалѣнію школьное дѣло въ настоящее время очень мало заботится о развитіи памяти; дѣтская память развивается за школьный періодъ лишь постольку, поскольку она должна развиться соотвѣтственно возрасту дѣтей. Между тѣмъ школа необходимо должна заботиться о развитіи и укрѣпленіи памяти. Нельзя, конечно, вводить въ школьную программу спеціальныхъ упражненій для укрѣпленія памяти, но весь школьный матеріалъ долженъ быть использованъ наиболѣе выгоднымъ для укрѣпленія памяти путемъ. Для этого прежде всего необходимо, чтобы преподаватель былъ знакомъ съ ученіемъ о памяти и заучиваніи. Онъ, не употребляя научныхъ терминовъ, долженъ указывать и разъяснять дѣтямъ индивидуальныя особенности ихъ памяти и наиболѣе выгодныя условія заучиванія. Но прежде всего необходимо вселить ученикамъ желаніе развивать и укрѣплять свою память, потому что совершенствоваться можетъ лишь тотъ, кто сознательно стремится къ совершенствованію. *А. Н. С.*

Хр. Пенчевъ. Изслѣдованія относительно экономіи и техники заучиванья. Chr. Pentschew, Untersuchungen zur Oekonomie und Technik des Lernens. Arch. f. d. ges. Psych. Bd. I. H. 4. 1903.

Изслѣдованіе это предпринято въ дополненіе къ работѣ Steffens'а, нашедшаго, что заучиваніе наизусть происходитъ, вопреки ожиданію, съ наименьшей тратою труда при условіи заучиванія матерьяла не частями, а сразу цѣликомъ. Но въ то время какъ Steffens усматриваетъ критерій получаемой такимъ образомъ экономіи въ одномъ сбереженіи времени, Pentschew основательно считаетъ необходимымъ для рѣшенія этого вопроса опредѣлить, кромѣ времени, еще число повтореній, нужныхъ для запоминанія и притомъ не только для первичнаго, но и для повторнаго черезъ извѣстный промежутокъ времени (24 часа); опредѣлить слѣдовательно *весь* потраченный трудъ и силу запоминанія.

Поставленные соотвѣтственно этимъ требованіямъ опыты въ другихъ также отношеніяхъ полнѣе опытовъ Steffens'а. Изслѣдованы 5 взрослыхъ и 5 дѣтей въ возрастѣ отъ 10—14 лѣтъ. Заучивались ряды безсмысленныхъ слоговъ и отрывки стихотвореній. Внесены извѣстныя усовершенствованія въ приспособленія для считыванія слоговъ. Тщательно занесены данныя самонаблюденія.

Оказалось въ большинствѣ случаевъ, что съ числомъ отрывковъ, на которые раздѣлялся заучиваемый матерьялъ, растетъ число нужныхъ для запоминанія его повтореній. Наименьшее число ихъ понадобилось при заучиваніи его цѣликомъ. Равнымъ образомъ при этомъ способѣ заучиванія наибольшею представляется и сила запоминанія. Преимущества его подтвердились не только при ограниченномъ объемѣ заучиваемыхъ отрывковъ, но даже рѣзче еще были выражены при примѣненіи болѣе обширнаго матерьяла.

Что касается времени, необходимаго для первичнаго и повторнаго заучи-

ванія при помощи какъ одного, такъ и другого способа, то оказалось, что данныя эти часто не идутъ параллельно съ числомъ повтореній, а взаимныя отношенія ихъ бываютъ самыя разнообразныя, изъ чего Р. заключаетъ, что «преимущества заучиванія цѣликомъ выражаются явственнѣе и доказательнѣе числомъ повтореній, чѣмъ потраченнымъ на нихъ временемъ». Въ виду опыта существующихъ работъ, къ сожалѣнію вполнѣ игнорируемыхъ авторомъ, выводъ этотъ не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Подобные факты, какъ, напр., что заученное первично цѣликомъ при помощи наименьшаго числа повтореній и въ наиболѣе короткій срокъ требуетъ для повторнаго заучиванія цѣликомъ часто хотя и меньшаго числа повтореній, однако большей затраты времени, чѣмъ для повторнаго заучиванія частями, показываютъ лишь, что одни и тѣ же лица пользуются для запоминанія при извѣстныхъ условіяхъ различными способами заучиванія, установленными прежними изслѣдователями, а именно—то мышечнымъ, то спеціальнымъ направленіемъ вниманія. Отсюда во второмъ случаѣ и утомленіе, которымъ авторъ хочетъ непосредственно объяснить несоразмѣрную съ многочисленностью повтореній, продолжительность заучиванія.

У дѣтей замѣчается, въ отличие отъ взрослыхъ, та особенность, что при запоминаніи безсмысленнаго матерьяла заучиваніе его по частямъ происходитъ легче, чѣмъ цѣликомъ.

Для занимающихся спеціально даннымъ вопросомъ интересъ представляютъ въ настоящей работѣ многія подробности, касающіяся ритма, предпочтенія начальныхъ и послѣднихъ частей заучиваемаго матерьяла и большей легкости запоминанія при заучиваніи вслухъ, хотя результаты эти и не являются новыми сами по себѣ. *М. Салькъ.*

А. Майеръ. Объ относительной продуктивности одиночной и совмѣстной работы школьниковъ. A. Mayer. Ueber Einzel u. Gesamtleistung des Schulkindes. Arch. f. d. ges. Psych. Bd. I. H. 2—3. 1903.

Въ очень тщательно проведенномъ и разработанномъ опытномъ изслѣдованіи авторъ пытается опредѣлить вліяніе совмѣстной работы на производительность умственнаго труда учащихся въ сравненіи съ тѣмъ, когда она исполняется каждымъ порознь. Число изслѣдованныхъ учениковъ—14, въ возрастѣ около 13 лѣтъ. Работа заключалась въ письмѣ по диктовкѣ, послѣ чего непосредственно слѣдовало другъ за другомъ: 2) изустное рѣшеніе 3 арифметическихъ задачъ; 3) пополненіе недостающихъ словъ въ небольшихъ разсказахъ, въ которыхъ отдѣльныя слова умышленно были пропущены («комбинаторная» дѣятельность); 4) заучиваніе наизусть одного ряда изъ 10 безсмысленныхъ слоговъ; 5) письменное рѣшеніе одной арифметической задачи. Работы эти должны были производиться въ части опытовъ «быстро и старательно», въ другой части ихъ—«возможно старательно» и въ третьей—«возможно быстро». По исполненіи ихъ каждымъ изъ учениковъ порознь, они исполняли подобную же работу всѣ вмѣстѣ, одновременно. Обо всѣхъ нихъ дается въ статьѣ подробная характеристика. О степени производительности работы авторъ судитъ на основаніи: 1) количества времени, понадобившагося для исполненія ея; 2) по количеству сдѣланныхъ ошибокъ; 3) по произведенію изъ обоихъ этихъ факторовъ другъ на друга, представляющему общій результатъ ихъ обоихъ.

Изложенныя постановки опытовъ, конечно, слишкомъ недостаточны, если искать въ нихъ выясненія вліянія на умственный трудъ того или иного пси-

хическаго момента. Въ частности счетъ и оцѣнки сдѣланныхъ ошибокъ слишкомъ для этого условны, а число ихъ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено на долю какого-нибудь опредѣленнаго психическаго фактора. Изслѣдованіе имѣетъ лишь педагогическую цѣль—выяснить зависимость производительности умственной работы отъ различныхъ, приведенныхъ выше, внѣшнихъ условій. Въ этомъ отношеніи оказалось, что диктовка, рѣшеніе арифметическихъ задачъ, въ особенности же заучиваніе наизусть идутъ лучше и скорѣе при совмѣстной работѣ, чѣмъ при совершеніи ихъ порознь, пополненіе же недостающихъ словъ въ разсказахъ происходитъ, напротивъ, при этомъ медленнѣе и неправильнѣе. Наиболѣе благопріятные результаты получаются при условіяхъ «быстрой и старательной», худшіе—при «возможно скорой» работѣ. Приписывая болѣе благопріятныя данныя при совмѣстной работѣ вліянію честолюбія учениковъ, авторъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что не слѣдуетъ пользоваться этимъ вліяніемъ при преподаваніи въ цѣляхъ развитія. На этомъ же основаніи не слѣдуетъ увлекаться чрезмѣрною группировкой учащихся, съ цѣлью успѣшности преподаванія, на способныхъ и неспособныхъ, такъ какъ участіе первыхъ является для послѣднихъ могучимъ побуждающимъ факторомъ. Преждевременнымъ слѣдуетъ считать выводъ, что значеніе классныхъ занятій выше, чѣмъ домашнихъ, особенно въ виду того, что условія для проявленія «комбинаторной» способности по опытамъ оказались неблагопріятнѣе именно при совмѣстной работѣ. Равнымъ образомъ въ изслѣдованіи нельзя усмотрѣть достаточныхъ данныхъ для оправданія вывода, по которому обычный способъ оцѣнки успѣховъ при помощи балльной системы долженъ считаться не удовлетворяющимъ своему назначенію.

Только что приведенные выводы автора лучше всего доказываютъ, что установленіе однихъ только числовыхъ отношеній между условіями работы и производительностью ея не даетъ еще никакихъ точекъ опоръ для какихъ бы то ни было сужденій, если не положить въ основу оцѣнки ихъ опредѣленныя психологическія понятія. Самъ авторъ оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ такому критерію, считая таковымъ «честолюбіе», и только благодаря этому становятся возможными практическіе выводы. Но выборъ этого критерія отнюдь не вытекаетъ изъ постановки опытовъ, а обусловленъ исключительно произволомъ. Благодаря подобной же натяжкѣ авторъ просматриваетъ противорѣчіе между данными, полученными относительно рѣшенія арифметическихъ задачъ и пополненія недостающихъ словъ разсказа, такъ какъ то и другое можетъ быть разсматриваемо какъ проявленіе одной и той-же «комбинаторной» способности. Наконецъ отсутствіемъ психологическаго критерія объясняется относительная бѣдность выводовъ, въ которой признается самъ авторъ, въ частности же невозможность установить столь важную связь данныхъ съ индивидуальными особенностями изслѣдованныхъ. Главное значеніе работы Mayer'а сводится такимъ образомъ къ тому, что онъ даетъ намъ довольно хорошій методъ для изображенія производительности умственнаго труда въ примѣненіи къ условіямъ школьной жизни. *М. Falькъ.*

Д-ръ З. Маршанъ. Экспериментальныя изслѣдованія эмоціональной сферы. Dr. Marchand. Recherches expérimentales sur les émotions (Revue de psychiatrie et de psychol. expériment. № 4. 1903).

Съ тѣхъ поръ какъ Ланге и Джемсъ дали новое толкованіе эмоціональнымъ явленіямъ, большинство авторовъ примкнуло къ ихъ теоріи. По Джемсу, органическія измѣненія влекутъ за собою ощущенія, а эти послѣднія вызыва-

ютъ эмоціи; мы печальны, потому что мы плачемъ; веселы, потому что смѣемся. Таковъ долженъ быть, по мнѣнію этого психолога, механизмъ нашихъ эмоцій которыя всегда являются элементами послѣдовательными, являются результатомъ физіологическихъ измѣненій: вазомоторныхъ, дыхательныхъ и друг. Желая провѣрить эту теорію экспериментальными данными, авторъ предпринялъ (вмѣстѣ съ *Vaschide'омъ*) рядъ опытовъ, имѣющихъ цѣлью установить отношенія послѣдовательности между физіологическими нарушеніями и эмоціональными состояніями. Наблюденіе двухъ субъектовъ, физіологическія эмоціональныя реакціи которыхъ были обострены, привели авторовъ къ результатамъ, которые не могутъ быть согласуемы съ теоріей Джемса. Субъектъ, бывшій предметомъ ихъ перваго наблюденія, подверженъ былъ эрейтофобіи или боязни покраснѣть. Эта болѣзнь, введенная въ носографическій кадръ душевныхъ болѣзней *Pitres* и *Régis* была подходящей формой для изученія состояній поблѣднѣнія и покраснѣнія въ ихъ взаимо отношеніи съ эмоціональными явленіями. Въ первой своей работѣ эти авторы заключили, что эмотивный элементъ преобладаетъ надъ интеллектуальнымъ и даже что покраснѣніе—явленіе физіологическое, сосудистое,—предшествуетъ боязни покраснѣнія—явленію эмоціональному.

Имѣя возможность изслѣдовать одного больного эрейтофобіей въ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ быть изолированъ отъ общества, *Marchand* и *Vaschide* предприняли анализъ послѣдовательности между эмотивной идеей и физіологическими явленіями. Больной, какъ вообще большая часть одержимыхъ навязчивыми идеями, могъ анализировать себя и давать цѣнныя замѣчанія касательно своихъ болѣзненныхъ явленій въ различные моменты опытовъ, производившихся при слѣдующихъ условіяхъ: экспериментаторы просили нѣсколько лицъ входить въ комнату, гдѣ находился испытуемый, нормальное сосудистое и дыхательное состояніе котораго было изучено; лица входили и выходили по данному знаку или предварительному соглашенію. Авторы разговаривали съ испытуемымъ лишь по окончаніи опыта и спрашивали его въ различные моменты его душевнаго состоянія. Получили они также весьма точныя графическія данныя. Заключенія авторовъ таковы, что въ данномъ случаѣ навязчивый страхъ покраснѣть, равно какъ и эмоція—суть мозгового происхожденія, что невро-сосудистыя и растительныя явленія оказываются нисколько не источникомъ, а напротивъ, слѣдствіемъ интеллектуальныхъ эмотивныхъ измѣненій у испытуемаго.

Предпринявъ изслѣдованіе отношеній между явленіями вазомоторными и респираторными по сравненію съ эмоціональными состояніями, *Marchand* и *Vaschide* пришли къ выводу, что измѣненія физіологическія всегда вторичны, послѣдовательны за явленіями эмоціональными; первичный же ходъ всему даетъ интеллектуальное начало. *Ю. Португаловъ.*

В. Файтъ. *Мѣсто удовольствія и страданія въ функціональной психологіи.* **W. Fite.** The place of pleasure aud pain in the functional psychology. Psychological Review. 1903. № 6.

Свою интересную статью Файтъ посвящаетъ рѣшенію вопроса о томъ, какую роль на-ряду съ инстинктами играютъ удовольствіе и страданіе. Какъ извѣстно, функціональная психологія (кладущая въ основу своего ученія дѣйствіе) въ лицѣ своихъ представителей James, Stout, Dewey считаетъ все развитіе дѣятельности не чѣмъ инымъ, какъ преобразованіемъ и взаимодѣйствіемъ другъ на друга различныхъ первичныхъ инстинктовъ. Каждый инстинктъ выражается въ стремленіи къ объекту. Если объектъ достигнутъ безъ всякой задержки,

мы имѣемъ дѣло съ психическимъ состояніемъ, именуемымъ инстинктомъ въ узкомъ смыслѣ, если же на пути инстинктъ вступилъ въ сочетанія или борьбу съ другими инстинктами, то получается только эмоція—активность ограничивается тѣломъ субъекта. Реакція инстинктивная въ узкомъ смыслѣ этого слова не доходитъ до сознанія. Сознаніе бываетъ только при борьбѣ инстинктовъ, т. е. начинается и кончается вмѣстѣ съ эмоціей. Эмоція кончается волевымъ актомъ—приспособленіемъ инстинкта въ формѣ добровольнаго выбора. Какую же роль играютъ удовольствіе и страданіе въ этой механикѣ инстинктовъ? Оба эти чувства могутъ возникать лишь при конфликтѣ инстинктовъ. Удовольствіе состоитъ въ сознаніи устраненія препятствія, страданіе—въ сознаніи неудачи такого устраненія. Но устраненіе или неустраненіе слѣдуетъ понимать въ смыслѣ процесса, а не результата. Если мы испытываемъ страданіе или удовольствіе по окончаніи борьбы, то это происходитъ только оттого, что въ такомъ случаѣ мы мысленно снова переживаемъ борьбу. Эмоціи характеризуютъ не самое цѣль, а достиженіе ея. Но при такомъ ученіи эмоціи возможны лишь при активныхъ состояніяхъ и Файтъ старается доказать, что въ основѣ всякой эмоціи лежитъ не стаціонарное состояніе, а борьба съ препятствіями. Такъ, пріятна не сытость, а процессъ насыщенія, не ощущеніе тепла, а ощущеніе согрѣванія. Фактъ этотъ имѣетъ существенное значеніе для этики. Мотивами дѣйствія являются не чувство удовольствія и страданія, а инстинкты. Мы стремимся не къ удовольствію, а къ различнымъ цѣлямъ. Удовольствіе только симптомъ того, что мы находимся на пути къ достиженію цѣли.

П. Люблинскій.

Фолькельтъ. О значеніи низшихъ ощущеній для эстетическаго прочувствованія. Johannes Volkelt. Die Bedeutung der niederen Empfindungen für die aesthetische Einfühlung. Zeitschrift für Psychol, und Physiol. der Sinnesorgane. Bd. 32. Heft I. S. 1—37.

Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о роли низшихъ ощущеній въ явленіи художественнаго прочувствованія (Einfühlung).

Самое прочувствованіе онъ опредѣляетъ, какъ сліяніе объекта съ чувствомъ. Это сліяніе совершается или непосредственно, или черезъ посредство нашего опытнаго знанія, напр., при помощи низшихъ ощущеній.

Въ числѣ послѣднихъ особенно выдающуюся, хотя и далеко не исключительную, роль играютъ ощущенія движенія. При этомъ слѣдуетъ различать ощущенія, переживаемыя нами въ дѣйствительности, и ощущенія, воспроизведенныя въ представленіи. И тѣ, и другія возникаютъ въ насъ на пути подражанія воспринятымъ движеніямъ, въ первомъ случаѣ на пути дѣйствительнаго подражанія, во второмъ—подражанія въ воображеніи. Иногда, впрочемъ, ощущенія движенія не возникаютъ въ насъ ни въ той, ни въ другой формѣ. Ихъ замѣняетъ въ большинствѣ такихъ случаевъ чисто опытное знаніе о значеніи тѣхъ или иныхъ движеній.

Ощущенія движенія, возникающія въ насъ черезъ подражаніе, не столько входятъ въ составъ явленія, именуемаго прочувствованіемъ, сколько способствуютъ ему, дополняя наше непосредственное впечатлѣніе отъ художественнаго предмета.

Помимо ощущеній движенія не лишенными значенія оказываются и другія; такъ напр. въ области красокъ и звуковъ роль посредниковъ при прочувствованіи зачастую играютъ ощущенія осязательныя и термическія.

На ряду съ прочувствованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова мы

встрѣчаемся съ прочувствованіемъ символическимъ, характеризующимся тѣмъ, что въ немъ непосредственное впечатлѣніе отъ предмета связывается съ какимъ нибудь побочнымъ значеніемъ его. Здѣсь низшія ощущенія получаютъ нѣсколько иной смыслъ. Имъ должно быть отведено мѣсто не только въ ряду условій, облегчающихъ явленіе прочувствованія, но и въ самомъ прочувствованіи. Являясь какъ бы творческой прибавкой къ непосредственному впечатлѣнію, они обогащаютъ и самое содержаніе нашихъ чувствъ.

Авторъ иллюстрируетъ всѣ положенія многочисленными примѣрами.

А. Римскій-Корсаковъ.

Максъ Дессуаръ. Значеніе въ эстетикѣ абсолютныхъ величинъ. Max Dessoir. Die aesthetische Bedeutung des absoluten Quantums. Zeitschrift für Psych. u. Physiol. der Sinnesorgane. Bd. 32. Heft I. S. 50—65.

Авторъ статьи старается показать на рядѣ примѣровъ, что художественная цѣнность предметовъ искусства, помимо всѣхъ прочихъ условій, опредѣляется не только относительными размѣрами его частей и относительной же интенсивностью средствъ изображенія, но также въ значительной мѣрѣ и соотвѣтствующими абсолютными величинами.

Объясняется это явленіе художественнымъ требованіемъ извѣстнаго имманентнаго отношенія между внутреннею значительностью содержанія съ одной стороны и внѣшней величиной и интенсивностью средствъ изображенія съ другой стороны.

Художественныя категоріи изящнаго и комическаго связаны съ небольшими, трагическаго и возвышеннаго съ большими количествами.

А. Римскій-Корсаковъ.

---

2. *Психопатологія.*

П. Жане. Навязчивыя состоянія и психастенія. Prof. Pierre Janet. Les obsessions et la psychasthénie. 1903. I. 738 p.—**Раймондъ и Жане.** Тоже, ч. II. Prof. Raymond et P. Janet. Les obsessions et la psychasthénie. 1903. II. 527 p.

Изъ двухъ приведенныхъ въ заглавіи томовъ рѣчь будетъ идти лишь о первомъ трудѣ проф. Janet, такъ какъ второй служитъ только какъ бы клинической иллюстраціей къ первому, своего рода архивомъ, въ которомъ собраны исторіи болѣзней, на основаніи которыхъ авторъ написалъ свое обширное изслѣдованіе о навязчивыхъ состояніяхъ и психастеніи. Въ своемъ изложеніи я, по возможности, буду слѣдовать дѣленіямъ и рубрикамъ, принятымъ самимъ авторомъ.

Въ предисловіи проф. Janet говоритъ, что въ этомъ сочиненіи онъ пользовался методомъ, предложеннымъ Ribot и состоящимъ въ томъ, чтобы соединить психопатологію съ психологіей, т. е. извлечь изъ психологіи все для объясненія данныхъ психопатологіи и наоборотъ *). Число всѣхъ больныхъ, наблюдавшихся авторомъ, равнялось 325, изъ нихъ 230 женщинъ и 95 мужчинъ; но особенно тщательному обслѣдованію подвергнуты и постоянно утилизируются имъ 5 больныхъ.

Все изслѣдованіе дѣлится на двѣ части. Въ первой части, состоящей

*) Введеніе этого метода приписываетъ себѣ и Störring. См. русскій переводъ Крогіуса. *М. Ш.*

изъ трехъ главъ, дается анализъ симптомовъ разсматриваемыхъ болѣзненныхъ состояній, во второй объясненіе ихъ и теорія всего заболѣванія.

Первая глава занята навязчивыми идеями. Навязчивыя идеи характеризуются какъ бы внезапнымъ возникновеніемъ помимо воли субъекта, своею продолжительностью и трудностью сопротивленія имъ.

У большинства такихъ больныхъ, которыхъ авторъ называетъ боязливыми (Scrupuleux), трудно добиться точнаго объясненія, выраженія ихъ идей, въ противуположность чистымъ неврастеникамъ. Это происходитъ не столько отъ боязни, сколько отъ чувства неудовлетворенности собой, чувства неполноты, недостаточности выраженія.

По содержанію навязчивыя идеи можно раздѣлить на святотатственныя, преступныя, стыдъ за себя и за свое тѣло и идеи ипохондрическія.

Нерѣдко преступныя навязчивыя идеи соединяются (въ особенности, когда есть исполненіе навязчивыхъ идей) съ стремленіемъ къ выполненію этихъ преступленій, какъ въ видѣ убійства, такъ и самоубійства. Онѣ находятся часто въ связи съ половыми влеченіями и мастурбаціей. Сюда же можно причислить импульсивныя стремленія къ бѣгству, алкоголю и т. п.

Что касается навязчиваго состоянія стыда за самого себя и свое тѣло, то состояніе это заключается въ своего рода недовольствѣ собой, которое относится какъ къ душевной, такъ и къ тѣлесной сферѣ. Какъ подвиды этого состоянія, авторъ приводитъ нѣкоторыя формы бреда сомнѣнія, состоянія обезличенія, эрейтофобію Pitres и Régis и др.

Не вдаваясь въ подробное описаніе и не приводя здѣсь полнаго перечня навязчивыхъ идей, остановимся только на общемъ характерѣ ихъ, какъ намъ его рисуетъ проф. Janet. Всѣ различные виды навязчивыхъ идей родственны между собой, на что указываетъ склонность ихъ замѣняться другъ другомъ и сочетаніе одной съ другой. Наблюдаются онѣ у больныхъ съ незатемненнымъ сознаніемъ, и потому такое состояніе называютъ свѣтлымъ помѣшательствомъ (folie lucide), бредомъ съ сознаніемъ (délire avec conscience) или навязчивымъ состояніемъ съ критикой (obsession avec critique). Появляются онѣ въ сознаніи благодаря какой-то скрытой ассоціаціи идей, причемъ нужно отмѣтить какъ бы патологическое усиленіе этой ассоціаціи, своего рода «манію фиксаціи идей» и нѣкоторое участіе воли субъекта въ ихъ появленіи, въ противуположность тому, что наблюдается при истеріи, гдѣ эта ассоціація вполнѣ автоматична.

Навязчивыя идеи склонны обнаруживаться въ дѣйствіи, обладаютъ нѣкоторой импульсивностью (морфиноманія, дипсоманія), но импульсивность ихъ не сильна, если нѣтъ осложненія какимъ либо другимъ состояніемъ (эклампсія, истерія). Навязчивыя идеи проявляются часто въ видѣ псевдо-галлюцинацій, по Кандинскому, или символическихъ галлюцинацій, по Falret. Кромѣ того онѣ сопровождаются значительной степенью вѣры въ ихъ реальность, не смотря на существующее въ то же время сомнѣніе,—отсюда характерное для этихъ больныхъ состояніе колебанія, сомнѣнія.

Вторая глава занята т. н. насильственными возбужденіями (agitations forcées). Больные жалуются, что безъ всякой видимой для нихъ причины они должны постоянно думать, что ихъ голова работаетъ помимо ихъ воли; иногда они принуждены выполнять безцѣльныя, безполезныя дѣйствія или же испытываютъ мучительныя чувства безъ достаточнаго къ тому повода. Эти состоянія могутъ соединяться съ навязчивыми идеями, но бываютъ и самостоятельными. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе подвиды:

Насильственныя возбужденія	1) Умственныя	Системныя—«маніи».
		Разлитыя—ruminatio mentalis (пережевываніе мыслей).
	2) Двигательныя	Системныя—тики.
		Разлитыя — приступы мышечнаго безпокойства.
	3) Чувственныя	Системныя—фобіи.
		Разлитыя—приступы страха.

Умственныя возбужденія, будучи систематизированы, принимаютъ видъ умственныхъ «маній», обращенныхъ часто на мелкіе, ничтожные предметы. При отсутствіи же систематизаціи они представляются въ видѣ безпрерывнаго хода мыслей (fuite de la pensée), своего рода «умственнаго пережевыванія» (rumination mentale).

Двигательныя возбужденія сопровождаютъ умственныя, но бываютъ и самостоятельными. Не будучи вполнѣ безсознательны, они тѣмъ не менѣе имѣютъ всѣ признаки насильственности. Системныя насильственныя движенія называются тиками.

Чувственныя возбужденія бываютъ большею частью непріятнаго свойства. Когда они систематизированы и соединены съ к. л. идеей, то принимаютъ видъ душевной боли (algie) или особаго состоянія страха (phobie). Разлитыя же выражаются неопредѣленнымъ состояніемъ томленія, тоски (angoisse).

Всѣ фобіи авторъ дѣлитъ на 1) фобіи, касающіяся собственнаго тѣла, 2) — внѣшнихъ предметовъ, 3) — положеній и 4) — идей. Въ основѣ первыхъ часто лежитъ дѣйствительно страданіе какого либо органа, но часто ничего подобнаго не бываетъ.

Состоянія томленія, тоски (angoisse) встрѣчаются при фобіяхъ и самостоятельно. При нихъ наблюдаются рядъ душевныхъ и физіологическихъ измѣненій (сердечныя, дыхательныя, вазомоторныя разстройства).

Въ третьей главѣ говорится о т. н. психастеническихъ стигматахъ. Авторъ понимаетъ подъ ними измѣненія въ психическихъ функціяхъ, независимыя отъ навязчивыхъ идей и насильственныхъ возбужденій и состоящія главнымъ образомъ въ особыхъ чувствованіяхъ, вліяющихъ на весь душевный складъ больного.

Прежде всего мы знакомимся съ основнымъ чувствомъ, т. н. чувствомъ неполноты (incompletude). Изъ психологовъ только Гефдингъ обратилъ должное вниманіе на особое чувство освобожденія, легкости, сопровождающее нормальные волевые акты. У психастениковъ этого основного вольнаго чувства не бываетъ, и оно, наоборотъ, всегда замѣняется чувствомъ неполноты, неоконченности. Изъ него отчасти вытекаютъ, отчасти примыкаютъ къ нему близкія чувствованія: трудности, нерѣшимости, чужого господства надъ собой, боязливости, задержки.

Чувство это сопровождаетъ умственные акты. Такъ, больные испытываютъ непріятныя ощущенія при умственной работѣ. Воспріятіе внѣшнихъ предметовъ у нихъ бываетъ нарушено. Отсюда недостаточное оріентированіе; иногда больнымъ кажется, что каждое новое воспріятіе было уже ими пережито. Нѣкоторые авторы склонны это разстройство относить къ нарушеніямъ памяти, тогда какъ авторъ на него смотритъ какъ на разстройство воспріятія.

Это чувство неполноты простирается не только на воспріятіе внѣшняго міра, но и на воспріятіе собственной личности; отсюда чувство чуждости собственнаго я, раздвоенія, полнаго обезличенія.

Въ число психастеническихъ стигматъ входятъ и другіе психологическіе недостатки (insuffisances psychologiques). Свойственнаго истеричнымъ съуженія поля сознанія здѣсь не бываетъ; равно здѣсь рѣдко наблюдаются анэстезіи, подсознательныя движенія (автоматическое письмо), гипнотическій сонъ и внушаемость. Зато у этихъ больныхъ рѣзко выступаетъ разстройство воли: лѣность, безпечность, нерѣшительность, длительность дѣйствій, запаздываніе и т. п. Умственныя разстройства выражаются въ неполной амнезіи, затруднительности комбинацій, грезахъ, разстройствѣ вниманія и др. Изъ нарушеній въ сферѣ эмоцій нужно отмѣтить: индифферентносіь, меланхолическое настроеніе, эмотивность, внезапность подъема чувства, потребность быть управляемымъ и т. п.

Къ физіологическимъ недостаткамъ относятся: разстройства нервныхъ функцій, цефалалгіи и рахіалгіи, разстройства сна, измѣненія рефлексовъ; разстройства пищеварительной функціи: расширеніе желудка, hyperaciditas, hypaciditas, усиленные чисто динамическіе запоры и поносы и т. п.; разстройство питанія, мочеотдѣленія, кровообращенія, вазомоторныя разстройства, измѣненія половыхъ функцій.

Суммируя все сказанное, психастеническія стигматы сводятся къ 1) неоконченности, неполнотѣ душевныхъ актовъ, 2) ослабленія чувства реальнаго, 3) физіологическимъ явленіямъ нервнаго истощенія. Этимъ заканчивается первая часть сочиненія.

Въ первой главѣ второй части проф. Janet излагаетъ патогенетическія теоріи разсматриваемаго болѣзненнаго состоянія, именно интеллектуальную (Westphal) и эмоціональную (Morel, Legrand du Saulle, Wernicke, Kraft-Ebing, Pitres и Régis) и переходитъ къ своей психастенической.

По этой теоріи суть страданія заключается въ общемъ мозговомъ ослабленіи, которое по отношенію къ душевнымъ явленіямъ выражается въ нарушеніи психическаго напряженія. А такъ какъ въ душевныхъ явленіяхъ существуетъ своего рода іерархія, по которой они могутъ быть раздѣлены на высшія и нисшія, то нарушенія психическаго напряженія и выражаются въ ослабленіи высшихъ и преобладаніи нисшихъ. Авторъ приводитъ цѣлую сложную таблицу душевныхъ явленій, какъ они представляются ему съ точки зрѣнія упомянутой іерархіи.

Первая по трудности и сложности душевная дѣятельность есть познаніе реальнаго или, какъ авторъ выражается, «функція реальнаго»; ее прежде всего и теряютъ больные, особенно если эта реальность воплощается въ соціальной, профессіональной и вообще новой сферѣ. Для надлежащаго воспріятія реальнаго необходимо нормальное вниманіе, увѣренность въ воспринимаемомъ и т. п.; между тѣмъ всѣ эти способности у больныхъ нарушены.

Итакъ, у психастениковъ прежде всего наблюдается пониженіе психическаго напряженія. Если это пониженіе быстро и кратковременно, то можно говорить о паденіи напряженія и о припадкѣ психолепсіи.

Психастенія имѣетъ близкое отношеніе къ эпилепсіи. Рѣзкой границы между ними не существуетъ, какъ показали Mikle, Pitres и Régis. Прежде всего то и другое заболѣваніе часто бываютъ одновременно. У эпилептиковъ наблюдается и чувство неполноты, и потеря чувства реальнаго, и

навязчивыя состоянія. Конечно страданія эти не тождественны. Но и тутъ, и тамъ суть заключается въ пониженіи психическаго напряженія, только при эпилепсіи оно болѣе глубоко и сильно, такъ что обнаруживается возбужденіемъ самыхъ нисшихъ двигательныхъ актовъ.

На пониженіе психическаго напряженія вліяютъ: болѣзни, усталость, эмоціи. Изъ эмоцій, особенно угнетающія обладаютъ способностью разлагать высшую синтетическую дѣятельность.

Пониженный душевный уровень такихъ больныхъ иногда особенно подъ вліяніемъ леченія внезапно и на болѣе или менѣе достаточное время повышается. Тутъ играютъ роль возбуждающія средства, движеніе, усилія вниманія и эмоціи. Положивъ въ основу психастеническую теорію. проф. Janet даетъ объясненіе главнымъ явленіямъ.

Насильственныя возбужденія объясняются слѣдующимъ образомъ. Больной, первоначально психастеникъ, дѣлаетъ какое либо высшее умственно усиліе, оказывается неспособнымъ и испытываетъ чувство неоконченностие невыполненности, неудовольствія. Но разъ затраченное усиліе, недостаточное, для выполненія высшаго умственнаго акта, не пропадаетъ, а какъ бы отклоняется (dérivation) и находитъ выраженіе въ нисшихъ актахъ, вплоть до физіологическихъ движеній.

Во второй главѣ разсматривается развитіе болѣзни. Изъ этіологическихъ моментовъ отмѣчаются: наслѣдственность, полъ и возрастъ. Женщины преобладаютъ, наиболѣе же благопріятнымъ возрастомъ нужно считать отъ 20 до 50 лѣтъ, а также періодъ возмужалости.

Изъ физическихъ условій упоминаются: усталость, излишество, травмы инфекціонныя болѣзни и т. п. Изъ нравственныхъ: характеръ, воспитаніе жизненная борьба, душевныя волненія. Авторъ различаетъ двѣ главныя формы болѣзни: острую и хроническую. Встрѣчаются также формы ремиттирующія и интермиттирующія. Оканчивается болѣзнь или относительнымъ излеченіемъ, или больные впадаютъ въ своего рода инертность и ведутъ вполнѣ изолированный образъ жизни.

Третья глава занята діагностикой и леченіемъ. Авторъ проводитъ отличительное распознаваніе съ острою и хроническою спутанностью, меланхолическимъ состояніемъ, прогрессивнымъ параличемъ и первичнымъ сумасшествіемъ.

Что касается предсказанія, то нужно имѣть въ виду: наслѣдственное отягощеніе, возрастъ, въ которомъ проявилась впервые болѣзнь, условія и форму, которую она приняла.

При леченіи надо руководствоваться правилами, принятыми въ терапіи неврозовъ вообще.

Таково содержаніе этого объемистаго труда, въ которомъ подвергнутъ тщательной разработкѣ имѣвшійся въ распоряженіи автора богатый матеріалъ.

Особенно цѣннымъ является объединяющій физіолого-психологическій принципъ, который кладется авторомъ въ основу и примѣняется послѣдовательно къ разнымъ сторонамъ этого разнообразнаго, столь неустойчиваго страданія. Психологическій анализъ, обычно для проф. Janet, не лишенъ глубины, хотя въ иныхъ мѣстахъ онъ болѣе остроуменъ, чѣмъ точно проведенъ, и нѣкоторые факты и явленія слишкомъ поспѣшно и схематично подгоняются подъ основную теорію. Такъ, чувство или, вѣрнѣе, состояніе общаго безпокойства авторъ объясняетъ основнымъ чувствомъ неполноты. Мнѣ кажется, если смотрѣть на вещи не предвзято, то во многихъ случаяхъ путемъ наблюденія и изъ разсказовъ самихъ психоастениковъ (которыхъ и проф.

Janet называетъ недурными психологами) нужно будетъ заключить, что неопредѣленное, безпредметное душевное безпокойство является основнымъ душевнымъ состояніемъ и болѣе близкимъ къ основнымъ физіологическимъ разстройствамъ. Чувство же неполноты психологически и логически можетъ вытекать изъ состоянія общаго душевнаго безпокойства. Кромѣ того, существеннымъ недостаткомъ труда является ненужная растянутость, масса запутанныхъ, сложныхъ рубрикъ, положеній, иллюстрацій, чрезмѣрная повторяемость и подчасъ болѣе остроумный, чѣмъ глубокій психологическій разборъ. Но всѣ эти замѣчанія не умаляютъ большихъ достоинствъ новаго труда проф. Janet.—Языкъ у него, какъ всегда, превосходный.

М. Шайкевичъ.

Ж. Дюма. Галллюцинаторные софизмы въ психологіи фанатиковъ. G. Dumas. Les sophismes d'hallucination dans la psychologie des fanatiques, (Bullet. de de l'Instit. Génér. Psych. 1903. № 2).

Авторъ приводитъ два случая душевныхъ заболѣваній, характерныхъ, по его мнѣнію, для «болѣзней религіознаго чувства». Первый случай касается еврейки 32 лѣтъ; она нисколько не интересовалась дѣломъ Дрейфуса; но во время душевной болѣзни, постигшей ее послѣ личнаго несчастія, у ней появились слуховыя галлюцинаціи, внушавшія ей, что она призвана спасти Дрейфуса и реабилитировать еврейскій народъ. Разсудокъ ея долго противодѣйствовалъ признанію за собой разумности этой миссіи, но «голоса» все время приводили ей доводы въ пользу этого, такъ что въ концѣ концовъ она сдалась *). Во второмъ случаѣ авторъ сообщаетъ о пасторѣ-галлюцинантѣ; послѣднему «голоса» внушали, что онъ Іисусъ Христосъ. Смиренный пасторъ долго противился такому неожиданному для него открытію, но *доводы* «голосовъ» постепенно становились столь убѣдительными и настойчивыми, что пасторъ призналъ въ себѣ личность Іисуса.

Особенность, которую здѣсь хочетъ подчеркнуть авторъ, заключается въ томъ, что на-ряду съ нормальной разсудочной и логической дѣятельностью у галлюцинантовъ совершается еще въ интензивной мѣрѣ подсознательная логическая дѣятельность, приводящая къ вышеуказаннымъ софизмамъ и укрѣпляющая такимъ образомъ бредовыя идеи.

Ю. Португаловъ.

Дюбуа де Сожонъ. О разстройствѣ вниманія у страдающихъ тикомъ. *Dr. Dubois de Saujon. Du trouble de l'attention chez les tiqueurs.* (Bulletin de l'Inst. psychol. 1902. № 1).

Лица, страдающія тикомъ, обыкновенно разсѣянны, эмотивны, боязливы; почти всѣ они обладаютъ своеобразнымъ душевнымъ складомъ, одержимы разнаго рода навязчивыми идеями, фобіями, крайне безвольны; характерны у нихъ особенно разстройства вниманія. Субъектъ, страдающій тикомъ, находится въ такомъ состояніи, какъ будто бы онъ пассивно, на подобіе зрителя, присутствуетъ при теченіи собственныхъ мыслей; но стоитъ ему самому вмѣшаться и попробовать обнаружить свою активность, какъ начинается тикъ за тикомъ. *Произвольное сосредоточеніе мысли на какомъ-либо объектѣ для наилучшаго познаванія послѣдняго* становится случай-

*) Авторъ сомнѣвается, что означенная больная не интересовалась дѣломъ Дрейфуса и полагаетъ, что интересъ этотъ былъ лишь незамѣтенъ для больной.

ной причиною тиковъ. При этомъ, разстройства вниманія бываютъ двоякаго рода: одни лица должны постоянно напрягать вниманіе для того, чтобы подавлять міоклоническія движенія, у другихъ же направленіе вниманія на тики увеличиваетъ эти послѣдніе, вмѣсто того чтобы уменьшать ихъ. Авторъ приводитъ интересные примѣры подобнаго рода состояній, а также сообщаетъ о терапевтическихъ пріемахъ, основанныхъ на принципѣ «абсолютной неподвижности» больного субъекта въ теченіе нѣкотораго времени.

Ю. Португаловъ.

---

3. Гипнотизмъ.

Dr. Paul Farez, профессоръ школы психологіи. **Сомноформъ и внушеніе** (Somnoforme et suggestion). Revue de l'hypnotisme. Февраль. 1903 г. **Онъ же. Психологія сомноформированнаго** (La Psychologie du somnoformisé) ib. іюль и августъ. 1903 г. **Онъ же. Внушеніе во время сна, вызваннаго дериватами галогеновъ этана и метана (внушеніе подъ этилъ-метиломъ)** (La suggestion pendant la narcose produite par quelques dérivés halogénés de l'éthane et du méthane (suggestion éthyl-méthylique), ib. сентябрь. 1903.

Д-ръ P. Farez, профессоръ Парижской школы психологіи, помѣстилъ въ «Revue de l'hypnotisme» цѣлый рядъ статей, посвященныхъ задуманному и разрабатываемому имъ методу гипноза, при которомъ можно постоянно получать состояніе глубокаго гипнотическаго сна. Послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, далеко не всегда встрѣчается при обыкновенныхъ способахъ усыпленія, между тѣмъ какъ больные вѣрятъ, что внушеніе можетъ быть дѣйствительнымъ лишь тогда, когда оно сдѣлано въ состояніи сна съ послѣдующей амнезіей и потому, не погружаясь въ сонъ, сохраняя воспоминаніе о сдѣланномъ имъ внушеніи, заранѣе убѣждены, что въ подобныхъ условіяхъ оно не подѣйствуетъ. Въ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ шло дѣло о литераторѣ, у котораго подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ появилась боязнь начинать работу (phobie de la mise en train), и у котораго обычные способы усыпленія не вызывали никакихъ намековъ на сонъ, проф. P. Farez примѣнилъ употребляемое въ зубной практикѣ для общей кратковременной анэстезіи средство — *сомноформъ* и, быстро достигши такимъ образомъ искусственнаго забытья съ послѣдующей амнезіей, увидѣлъ, что въ этомъ состояніи его внушенія хорошо воспринимаются больнымъ. и выздоровленіе пошло быстрыми шагами впередъ. Въ открытомъ имъ способѣ усыпленія, именуемомъ авторомъ *сомноформизаціей*, проф. Farez видитъ новую эру въ леченіи гипнозомъ, такъ какъ достиженіе большей глубины сна является желательнымъ и въ большинствѣ случаевъ способствуетъ внушенію. Сомноформъ проф. Farez есть механическая смѣсь хлористаго этила (60 частей), хлористаго метила (35 ч.) и бромистаго этила (5 ч.) [1]. Средство это не имѣетъ прижигающихъ свойствъ, не раздражаетъ слизистыхъ оболочекъ и при вдыханіи быстро приводитъ больного въ сонъ, причемъ ни засыпаніе, ни пробужденіе не сопровождаются никакими тяжелыми явленіями и сомноформизація можетъ быть практикуема надъ одѣтыми, раздѣтыми, лежащими или сидящими, молодыми и старыми, больными и здоровыми. Никакихъ тяжелыхъ послѣдствій отъ вдыханія этого газа не наблюдается.

---

[1]) Въ продажѣ въ Россіи и заграницей въ готовомъ видѣ не имѣется.

Если больному дать вдыхать 5,0 сомноформа, то онъ быстро засыпаетъ сномъ, вполнѣ похожимъ на естественный. Засыпая, такой больной испытываетъ наплывъ живыхъ грёзъ, которыя находятся въ связи съ только что видѣннымъ или состоятъ изъ тѣхъ сновъ, которые больной привыкъ ежедневно видѣть, засыпая. Далѣе, больной, если его оставить въ покоѣ, видитъ цѣлый рядъ сновидѣній, совершенно аналогично тому, какъ это происходитъ въ естественномъ снѣ. По пробужденіи онъ помнитъ ихъ очень короткое время, находясь еще въ состояніи просонокъ и затѣмъ забываетъ. Смотря по яркости и содержанію сновидѣній, больной различно реагируетъ на нихъ и часто жестикулируетъ и говоритъ во снѣ иногда выдавая свои затаенныя мысли или не сознаваемыя имъ навязчивыя идеи, которыя, такъ или иначе, часто совершенно незамѣтно для него вызываютъ у него предчувствія, страхи и перемѣны въ настроеніи. Такимъ образомъ, это состояніе можетъ быть использовано для «вызыванія подсознательнаго» (évocation du subconscient), обстоятельство очень важное для леченія нѣкоторыхъ болѣзненныхъ формъ. Пробуждаясь безъ всякихъ непріятныхъ ощущеній, больной часто не сразу приходитъ въ себя, находясь еще подъ впечатлѣніемъ только что испытанныхъ сновидѣній, и бываетъ очень удивленъ, видя вокругъ себя обстановку врачебнаго кабинета. Большинству больныхъ кажется, что они даже вздремнули, и они ничего не помнятъ о пережитомъ ими во снѣ. Таковы явленія сомноформнаго наркоза. Необходимая для этого доза, въ зависимости отъ личныхъ особенностей больного, колеблется въ сторону + и — отъ средней дозы въ 5,0. Если доза усилена, то больной впадаетъ въ состояніе гипернаркоза—тяжелаго, долгаго сна съ быстрымъ, шумнымъ, стерторознымъ дыханіемъ и полной амнезіей по пробужденіи. Наоборотъ, при дозѣ ниже средней—сознаніе не теряется, больной впадаетъ въ состояніе сладостнаго безволія, слухъ обостряется до того, что тихій голосъ врача слышится, какъ громъ, впечатлѣніе отъ рѣчи врача получается громадное, больной весь отдается волѣ гипнотизера, испытываетъ родъ психическаго опьяненія, подъема духа, счастья, и внушаемость его чрезвычайно повышается, такъ что въ немъ рождается сильнѣйшая увѣренность въ неизбѣжности исполненія того, что внушаетъ врачъ. Внушенія, дѣлаемыя больному во время сомноформизаціи, будятъ его отчасти, уменьшаютъ глубину наркоза и, если начать съ дозы, достаточной для гипернаркоза и одновременно дѣлать внушенія, то до самаго пробужденія больной будетъ находиться въ состояніи гипонаркоза.

Гипернаркозъ самъ по себѣ не представляетъ состоянія, пригоднаго для внушеній, но онъ очень удобенъ для лицъ, у которыхъ есть предубѣжденіе, что ихъ можно вылечить лишь внушеніями, сказанными во время глубокаго гипнотическаго сна. Гипергипнозъ и даетъ имъ этотъ глубокій сонъ. Хорошо пользоваться этимъ состояніемъ и для лицъ, которыя уходятъ изъ-подъ вліянія: одного сеанса гипергипноза часто совершенно достаточно, чтобы сломить ихъ сопротивленіе. Собственно, наркозъ подходитъ по проф. P. Farez къ случаямъ, гдѣ въ бодрственномъ состояніи безполезно говорить съ больнымъ, напр., при борьбѣ съ бредовыми идеями у душевнобольныхъ. Гипенаркозомъ можно пользоваться во многихъ случаяхъ, но особенно онъ удобенъ у лицъ, гдѣ у больныхъ въ гипнозѣ не развивается полной пассивности, гдѣ они чувствуютъ въ себѣ силу разсуждать, крититески относиться къ словамъ врача. Въ состояніи гипонаркоза не только они чувствуютъ себя въ полной власти гипнотизера, но вся душа ихъ чувствуетъ, какъ внушаемая мысль быстро ассимилируется ими. Иногда у истеричекъ первыя вдыханія сомноформа вызываютъ приступъ истероэпилепсіи, что не мѣшаетъ успѣху внушенія. *А. Пѣвницкій.*

Dr. Bourdon (de Meru). Новые факты въ психотерапіи: леченіе внушеніемъ вмѣсто хирургическаго вмѣшательства. Нравственная ортопедія. (Faits nouveaux de psychothérapie. — Opération chirurgicale évitée. — Orthopédie morale). Revue de l'hypnotisme. 1903. Novembre.

Dr. Bourdon приводитъ нѣсколько очень успѣшныхъ случаевъ изъ своей гипнотической практики. Изъ нихъ первый чрезвычайно интересенъ и удивителенъ. Дѣло шло о больной 40 лѣтъ, страдавшей раньше цѣлымъ рядомъ неврастеническихъ припадковъ и съ успѣхомъ лечившейся у д-ра Bourdon'a гипнозомъ. Въ настоящее время она обратилась къ нему по поводу припадковъ, вызываемыхъ сильнымъ опущеніемъ матки и, по словамъ спеціалистовъ, устранимыхъ лишь кровавымъ путемъ. Эта толстая, много рожавшая женщина принуждена постоянно носить повязку съ маточнымъ пессаріемъ и всетаки ей постоянно кажется, что вотъ-вотъ у нея матка выскочитъ наружу. Больная постоянно испытываетъ тяжесть и боли внизу живота, въ поясницѣ и бедрахъ. Стулъ и опорожненіе пузыря совершаются съ трудомъ. Изслѣдованіе больной подтвердило, что у нея сильное опущеніе матки безъ гипертрофіи шейки, которая въ стоячемъ положеніи больной находится у входа въ влагалище. Своды сглажены, особенно передній. Въ лежачемъ положеніи больной матка такъ глубоко западаетъ назадъ, что достать ее пальцемъ невозможно. Шейная часть матки застойно увеличена (указаній на величину тѣла матки нѣтъ!). Считая возможнымъ путемъ гипноза облегчить субъективныя ощущенія больной, авторъ подвергаетъ ее глубокому гипнотическому сну въ теченіе двухъ часовъ, дѣлаетъ ей внушенія, уничтожающія ея тяжелыя ощущенія и, чтобы закрѣпить эти внушенія, говоритъ ей, что выпаденіе матки у нея проходитъ, она возвращается на прежнее мѣсто и мочевой пузырь и прямая кишка могутъ свободно опорожняться. Dr. Bourdon не ожидалъ особаго эффекта отъ этихъ внушеній и былъ очень пораженъ, когда больная, явившись къ нему черезъ 2 недѣли съ мужемъ, сообщила, что совершенно поправилась, повязки не носитъ и выпаденіемъ матки не страдаетъ. Дѣйствительно, изслѣдованіе подтвердило, что отекъ шейной части матки исчезъ, матка почти не опущена, своды ясно выражены. Авторъ гипнотизировалъ больную еще 2 раза, такъ же долго, тоже съ промежуткомъ въ 2 недѣли и добился полнаго выздоровленія ея.

Интересенъ еще и третій случай автора. Дѣло идетъ о 12-лѣтнемъ мальчикѣ, который не хотѣлъ учиться, постоянно пропадалъ неизвѣстно гдѣ, былъ разсѣянъ, непослушенъ и лживъ. Dr. Bourdon случайно наткнулся на него въ лавкѣ его родителей, которые бранили его за дурныя отмѣтки. Dr. Bourdon вмѣшался въ эту сцену, разсказалъ, какъ внушеніемъ быстро исправляются дурныя дѣти, и тутъ же началъ говорить пораженному ребенку, что онъ совершенно измѣнится. Мальчикъ стоялъ, точно остолбенѣлый, съ широко раскрытыми глазами и послѣ такого сеанса почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ сну. Нѣсколькихъ такихъ сеансовъ было достаточно, чтобы мальчикъ совершенно исправился. Каждый разъ послѣ визита доктора онъ засыпалъ и потомъ упорно утверждалъ, *что спалъ и во время сеанса.* Это еще разъ подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ (акад. В. М. Бехтерева), что при внушеніи «на-яву» «больной не находится въ вполнѣ бодрственномъ состояніи, а въ особомъ гипноидномъ состояніи «выжидательнаго вниманія».

А. Пьвницкій.

Ф. Шренкъ-Нотцингъ. О внушеніи въ судебной медицинѣ. De la suggestion en médécine légale.—Archives d'anthropologie criminelle. Tome XVIII. 1903. № 119.

Въ началѣ своей статьи авторъ даетъ классификацію преступленій, совершаемыхъ при помощи внушенія. Всѣ преступные акты, относящіеся къ этой области, Schrenck-Notzing дѣлитъ на 3 группы: 1) преступленія, направленныя противъ лицъ, приведенныхъ въ состояніе гипноза; 2) преступленія, совершаемыя съ помощью этихъ послѣднихъ; 3) преступные акты, совершаемые при посредствѣ внушенія въ бодрственномъ состояніи.

Авторъ приводитъ въ своей статьѣ много примѣровъ преступленій каждой изъ этихъ трехъ категорій, какъ изъ литературы, такъ и изъ своей многолѣтней практики въ области судебной экспертизы. По мнѣнію автора, къ первымъ двумъ категоріямъ относятся почти исключительно преступленія, имѣющія своей подкладкой половое чувство, а также случаи нарушенія здоровья гипнотизируемыхъ со стороны гипнотизёровъ-профановъ и шарлатановъ. Въ виду послѣдней возможности, авторъ считаетъ безусловно необходимымъ запрещеніе примѣненія гипноза не-врачамъ.

Преступленіямъ послѣдней категоріи, т. е., совершаемымъ при посредствѣ внушенія на яву, авторъ придаетъ гораздо большее судебно-медицинское значеніе, чѣмъ преступнымъ актамъ двухъ первыхъ группъ. Рядомъ примѣровъ авторъ доказываетъ возможность не соотвѣтствующихъ дѣйствительности судебныхъ показаній, совершаемыхъ подъ вліяніемъ внушенія. Помимо этого внушеніе можетъ приводить къ самымъ разнообразнымъ преступленіямъ. Формы, въ которыхъ осуществляется внушеніе, могутъ быть различны: авторитетное убѣжденіе, настоящая фасцинація, психическая зараза, которую авторъ отождествляетъ съ подражаніемъ. Сильная эмоція, напр. любовь, можетъ создать почву, благопріятную для внушенія.

Авторъ указываетъ на необходимость признанія лицъ, находившихся въ моментъ совершенія преступленія подъ вліяніемъ внушенія—независимо отъ его формы—не отвѣтственными за свои поступки. По его мнѣнію, преступленія подобнаго рода должны быть разсматриваемы такъ же, какъ преступленія, совершаемыя душевно-больными подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей.

М. Никитинъ.

Franz Riklin. Уничтоженіе амнезіи у эпилептиковъ посредствомъ гипноза. Hebung epileptischer Amnesien durch Hypnose. Journal für Psychologie und Neurologie, 1903. Bd. I. Heft 5—6.

Авторъ приводитъ двѣ подробныхъ исторіи болѣзни, касающихся мужчины 37 лѣтъ и женщины 32 лѣтъ, страдавшихъ эпилептическими припадками, сопровождавшимися сумеречными состояніями сознанія; благодаря гипнозу Riklin'у удалось устранить амнезію припадковъ, имѣвшуюся у больныхъ.

Ю. Бѣлицкій.

---

4. *Криминальная антропологія.*

Проф. Г. Ашаффенбургъ. Преступность и борьба съ нею. Prof. G. Aschaffenburg. Das Verbrechen und seine Bekämpfung. Kriminalpsychologie für Mediciner, Juristen und Sociologen, ein Beitrag zur Reform der Strafgesetzgebung. Heidelberg. 1903.

Классическая школа уголовнаго права доживаетъ свои послѣдніе дни. Цѣлый рядъ новыхъ институтовъ въ борьбѣ съ преступностью, частью ограничивающихъ, частью ослабляющихъ существующую систему наказаній уже давно въ корень подорвалъ довѣріе къ основному воззрѣнію классической школы на наказаніе и на преступника. Если во главу угла классическихъ уголовныхъ теорій было положено ученіе о свободѣ воли и обоснованіе права наказанія классики видѣли собственно въ произвольномъ опредѣленіи поступковъ, причемъ наказаніе сообразовалось не съ самимъ преступникомъ, а съ внѣшнимъ выраженіемъ его воли—преступнымъ дѣяніемъ, то въ настоящее время новыя школы единодушно стремятся отвергнуть то положеніе, по которому количественная и качественная сторона примѣняемой репрессіи опредѣляется только тяжестью совершеннаго преступленія, является воздаяніемъ за него, его выкупомъ.

Книга профессора Ашаффенбурга весьма обстоятельно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общепонятно знакомитъ насъ съ факторами преступности и съ современной борьбой съ ней. Все содержаніе книги распадается, кромѣ введенія, на три почти равномѣрныя части: въ первой—говорится о соціальныхъ причинахъ преступленія, во второй—объ индивидуальныхъ основахъ его и въ третьей—о борьбѣ съ преступленіемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ считаетъ основной причиной преступленій соціальные факторы и потому останавливается на изложеніи ихъ особенно подробно. Экономическое и общественное положеніе имѣютъ большое значеніе въ отношеніи увеличенія нѣкоторыхъ родовъ и видовъ преступленій, такъ, напримѣръ существуетъ несомнѣнная связь между стоимостью необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и имущественными преступленіями и пр. Иногда учесть точно это взаимоотношеніе затруднительно, но, во всякомъ случаѣ, можно положительно утверждать, что между алкоголизмомъ, проституціей съ одной стороны и различнаго рода преступленіями съ другой—существуетъ и должна существовать тѣсная связь.

Въ ряду соціальныхъ причинъ преступленій авторъ разсматриваетъ, между прочимъ, вліянія расы, вѣроисповѣданія, сектантства, суевѣрій, спиртныхъ напитковъ и наркотическихъ средствъ, нравовъ, разврата, проституціи и т. д.

Въ частности мы находимъ у него очень интересныя замѣчанія, такъ, напримѣръ, указаніе на зависимость характера и рода преступленій отъ расы и культурнаго развитія, что въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, указаніе на полу-преступныя, такъ сказать, дѣянія — среднее между дозволеннымъ и запрещеннымъ, каковы: проституція, развратъ, азартныя игры, являющіеся лучшими поставщиками преступниковъ, при чемъ, однако, уголовная репрессія при современномъ положеніи вещей нисколько не вліяетъ не только на искорененіе, но даже и на уменьшеніе этой своеобразной преступной арміи.

Какъ это не кажется страннымъ и противорѣчивымъ съ общими взглядами автора, высказываемыми имъ въ разбираемой книгѣ, но онъ стоитъ за строгую регламентацію проституціи. Въ этомъ отношеніи его взгляды нѣсколько сходятся съ взглядами доктора C. Hülsmeyer'a, который въ своей извѣстной въ Германіи книгѣ: Staats-Bordelle. Praktische Lösung der Prostitutionsfrage. Dringende Vorstellungen an Behörden, Aerzte, Parlamentarier und Publicum разработалъ весьма подробный проектъ государственныхъ борделей, причемъ ограничилъ возрастъ государственныхъ проститутокъ 16 годами, число посѣтителей на каждую дѣвицу 6 и т. д. Въ концѣ концовъ онъ настаиваетъ на «умѣренной платѣ» за посѣщенія *въ соотвѣтствіи съ духовными и физическими качествами проститутокъ*. Такихъ ярыхъ противниковъ аболиціонизма въ

Германія очень много, но всѣ ихъ странные проекты и доказательства въ полезности регламентаціи мало въ общемъ убѣдительны.

Проф. Ашафенбургъ, говоря въ послѣдней части о борьбѣ съ преступностью, упускаетъ совершенно изъ виду, что режимъ регламентированной проституціи есть ничто иное, какъ закрѣпощеніе женщины въ ея позорномъ промыслѣ, что лишая женщину, подозрѣваемую въ проституированіи, гражданской полноправности и отнимая у ней участіе трудомъ въ экономическомъ оборотѣ, регламентація превращаетъ вынужденное, случайное и временное обращеніе къ торговлѣ своимъ тѣломъ въ ремесло главное, исключительное, постоянное, и что эта же регламентація создаетъ условія, которыя всегда будутъ служить какъ бы соединительнымъ переходнымъ мосткомъ между проституціей и преступностью...

Значеніе воспитанія и образованія, наряду съ семейнымъ положеніемъ, авторъ разсматриваетъ во второй части.

Онъ полагаетъ, что распространеніе образованія не отражается на преступности. Это—мнѣніе, съ которымъ многіе, конечно не будутъ согласны. Въ послѣднемъ докладѣ французскаго министра юстиціи о движеніи преступности во Франціи за 20 лѣтъ съ 1881 по 1900 г. *) говорится, напримѣръ: 1) что преступленія измѣняется въ зависимости отъ степени образованія преступника, и во 2), что распространеніе образованія повлекло за собой медленное, но, однако, постоянное уменьшеніе числа тяжкихъ преступленій. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній отвергать и выставляемыхъ въ книгѣ доказательствъ. Если образованіе оказываетъ вліяніе на преступность, то нельзя забывать, что, на ряду съ этимъ, современное положеніе рабочаго вопроса, заботы о рабочемъ классѣ, различные союзы, сообщества, товарищества и клубы рабочихъ, а также и все болѣе развивающаяся законодательная дѣятельность государства въ охраненіи рабочихъ отъ эксплуатаціи предпринимателей оказываютъ не меньше вліянія на пониженіе преступности.

Авторъ дѣлитъ всѣхъ преступниковъ на 7 группъ: Zufalls-, Affekts-, Gelegenheits-, Gewohnheits-, Rückfalls-, Vorbedachts- и Berufsverbrechern. Выступая противникомъ теоріи проф. Ломброзо, Ашаффенбургъ требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ широкаго участія психіатровъ во всѣхъ уголовныхъ процессахъ, признаетъ существованіе неисправимыхъ преступниковъ и считаетъ, что преступленія и душевныя болѣзни вырастаютъ на одной почвѣ,—физическомъ и духовномъ вырожденіи.

Въ послѣдней части авторъ прежде всего останавливается на мѣрахъ предупредительныхъ, считая ихъ лучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью. Существующія системы наказаній онъ признаетъ негодными. Связь между отбытіемъ наказанія и совершеніемъ послѣдующаго преступленія ясна. Дѣйствующую репрессію съ ея громадными расходами на тюремную организацію авторъ считаетъ какъ бы легализированной фабрикаціей преступниковъ. Чѣмъ чаще побываетъ преступникъ въ современной тюрьмѣ, тѣмъ меньше надежды на его исправленіе, тогда какъ каждая разумная предупредительная мѣра, направленная на улучшеніе матеріальнаго и духовнаго положенія населенія безусловно способствуетъ уменьшенію преступленій. Дѣйствительными репрессивными мѣрами авторъ признаетъ принудительное воспитаніе и исправленіе несовершеннолѣтнихъ, условное осужденіе, работные дома для

---

*) См. мою статью объ этомъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи за 1903 г. № 3.

бродягъ, лечебницы для алкоголиковъ и неопредѣленные приговоры. На послѣднихъ онъ останавливается нѣсколько подробнѣе. Уголовный судья, большею частью мало знакомый съ уголовными антропологіей и социологіей, преслѣдуя преступное дѣяніе и сосредоточивая все свое вниманіе на внѣшней его сторонѣ, совершенно машинально назначаетъ извѣстное, закономъ напередъ опредѣленное наказаніе, которое зачастую не сообразуется ни съ личностью, ни съ степенью испорченности, ни съ душевнымъ состояніемъ преступника. Тюремная администрація, нравственный и умственный уровень которой оставляетъ желать многаго, связана приговоромъ и равнодушно взираетъ, какъ закоренѣлые преступники, за истеченіемъ установленнаго приговоромъ срока наказанія, выходятъ изъ тюрьмы, чтобы продолжать свою преступную дѣятельность, а случайный преступникъ, давно уже «исправившійся», долженъ досиживать положенный срокъ безъ пользы для окружающихъ и во вредъ самому себѣ. Не въ законѣ, а въ самомъ исполненіи наказанія находится центръ тяжести репрессивной борьбы съ преступленіемъ, а потому основное достоинство неопредѣленныхъ приговоровъ заключается въ томъ, что только они способствуютъ послѣдовательному проведенію тщательной индивидуализаціи принудительныхъ воздѣйствій, приспособленію ихъ къ преслѣдуемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣли и къ живой личности преступника—что является безусловнымъ требованіемъ уголовной политики. — Попутно авторъ высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній, даже въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ въ тюрьмахъ, противъ чрезмѣрной регламентаціи проступниковъ и преступленій, противъ ненормальности бездушнаго шаблонно-мертвящаго отношенія къ живому существу, преступившаго законъ человѣка, котораго разсматриваютъ лишь съ точки зрѣнія апатіи и параграфовъ дѣйствующей карательной системы и т. д.

Трудъ профессора Ашаффенбурга предназначается для большой публики и, какъ таковой, заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. Можно быть несогласнымъ съ авторомъ по поводу нѣкоторыхъ его положеній напр. съ утвержденіемъ, что проституція есть эквивалентъ преступности и этимъ будто бы можетъ быть объяснима меньшая преступность среди женщинъ.

Скорѣе, казалось бы, слѣдовало сказать, что если % женской преступности значительно меньше % преступности мужчинъ, то это можетъ объясняться, до нѣкоторой степени, проституціей, такъ какъ экономическій стимулъ и въ преступленіи, и въ проституціи иногда одинаковъ, но это еще не даетъ достаточныхъ основаній утверждать, что проституція эквивалентъ преступности. Въ общемъ вся книга проникнута горячей вѣрой въ человѣка, желаніемъ подѣлиться съ обществомъ самыми послѣдними выводами науки, разъяснить и развить ихъ, дать возможность желающимъ спеціализироваться въ разсматриваемомъ предметѣ—оріентироваться въ научной литературѣ путемъ приведенія въ книгѣ массы источниковъ и т. д. Приэтомъ главное достоинство разбираемаго труда профессора Ашаффенбурга—это масса цѣнныхъ замѣчаній, интересныхъ мыслей, оригинальныхъ воззрѣній и строго научное изложеніе.

Прекраснымъ дополненіемъ къ нему могутъ служить для интересующихся обстоятельная статья д-ра Fr. Prinzing'а — «Soziale Factoren der Kriminalität» въ «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswisenschaft XXII, 4 Heft и блестящая рѣчь проф. Fr. v. Liszt, произнесенная имъ на заключительномъ собраніи С.-Петербургскаго съѣзда международнаго союза криминалистовъ о соціальныхъ факторахъ преступности.

Ф. Н. Маминъ.

Экономическія причины преступности. І. фонъ-Канъ. Les causes économiques de la criminalité par I. van Kan. Paris, 1903.

Эта довольно объемистая (480 стр.) и весьма интересная по своему содержанію книга. Какъ обзоръ и въ то же время критическое освѣщеніе мнѣній различныхъ авторовъ, высказывавшихся по данному вопросу, работа ф. Кана представляетъ очень цѣнное, вполнѣ научное произведеніе. Молодой изслѣдователь съ величайшей тщательностью и громадной эрудиціей излагаетъ взглядъ всѣхъ значительныхъ группъ ученыхъ разныхъ странъ и разныхъ отраслей науки—итальянской школы криминалистовъ (Ломброзо, Ферри, Гарофало и др.), Французской (Lacassagne, Тарда, Манувріе, Летурно и др.), такъ называемой terza scuola, писателей соціалистическаго направленія (Колаянни Денисъ, Лафарга и др.), криминалистовъ-патологовъ (Féré, Dallemagne, Laurent и др.), эклектиковъ (v. Hamel, Prins., Liszt и др.), спиритуалистовъ или неометафизиковъ (Joly, Proal, de Baets и др.), статистиковъ (Starke, Meyer, Müller и др.). Авторъ даетъ указаніе историческаго развитія взглядовъ на соотношеніе экономическихъ условій и преступности, начиная отъ писателей грекоримскаго античнаго міра и кончая современной философской и художественной литературой, помимо спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій. Этотъ обзоръ обширнаго и разнообразнаго матеріала сдѣланъ съ замѣчательнымъ для начинающаго писателя научнымъ безпристрастіемъ и основательностью критической оцѣнки.

Главные выводы, къ которымъ приходитъ лично авторъ, на основаніи разсмотрѣннаго имъ научнаго матеріала, резюмируются имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) При изслѣдованіи отношенія экономическихъ условій къ преступности необходимо строго отличать статическое изслѣдованіе отъ динамическаго, иными словами, состояніе преступности въ извѣстный опредѣленный моментъ въ различныхъ странахъ или въ различныхъ районахъ одной и той же страны и движеніе преступности во времени, измѣненія ея по отдѣльнымъ годамъ. Только динамическое изслѣдованіе можетъ привести къ опредѣленнымъ выводамъ относительно вліянія измѣненій экономическихъ условій на уровень преступности (преимущественно преступленій противъ собственности); распредѣленіе же преступности по отдѣльнымъ районамъ или даже классамъ населенія, при современномъ состояніи статистики, не всегда даетъ положительные результаты. 2) Дѣйствіе экономическихъ факторовъ не всегда и не вездѣ проявляется одинаковымъ образомъ Мы должны смотрѣть на преступность, а равно и на другія соціальныя и соціально-патологическія явленія, какъ на произведеніе мѣстной исторической среды (produit loco-historique). Преступность всякой данной страны можно разсматривать, какъ произведеніе постояннаго воздѣйствія сложныхъ причинъ, которыя въ предѣлахъ извѣстной территоріи обусловили то или иное развитіе самой жизни народа, породили характерныя для этой жизни проявленія. Современное состояніе всякаго общественнаго организма есть продуктъ его эволюціи въ прошломъ Такимъ образомъ, и патологическія явленія, какъ бродяжество, проституція, преступность, суть историческія послѣдствія предыдущей эволюціи. Но всякій общественный организмъ, всякая страна, провинція или даже отдѣльная мѣстность имѣютъ свою особую исторію, свои особыя формы жизни, образовавшіяся подъ вліяніемъ особыхъ специфическихъ для данной мѣстности условій. Отсюда слѣдуетъ, что климатъ, религія, нравственныя ученія, формы правленія, образованіе и также экономическія условія дѣйствуютъ неодинаково въ различныхъ странахъ и съ неодинаковой интенсивностью вліяютъ на зависящія отъ нихъ

явленія, между прочимъ, и на преступность. Поэтому въ извѣстномъ районѣ нужда и бѣдность требуютъ больше жертвъ, чтобы вызвать развитіе преступности, чѣмъ въ другомъ районѣ или въ другой странѣ. Поэтому при современной политической обособленности отдѣльныхъ государствъ неправильно говорить о преступности и ея этіологіи вообще, если понимать подъ этимъ что-либо иное, кромѣ той основы, резидуума, общаго различнымъ группамъ преступности, ту причинность преступности, которая служитъ основаніемъ частнымъ этіологіямъ послѣдней. Преступность Франціи, напримѣръ есть явленіе отличное отъ преступности Италіи или Германіи, образуясь изъ несходныхъ составныхъ элементовъ. Въ виду этого изслѣдованіе связи преступности съ экономическими отношеніями можетъ дать результаты, имѣющіе значеніе только для данной мѣстности. Ошибочны выводы о преступности вообще, основанные на данныхъ, касающихся только одной какой либо страны или района. Равно ошибочно заключеніе о причинахъ преступности въ отдѣльныхъ районахъ страны, если была изслѣдована преступность цѣлой страны, а не ея отдѣльныхъ частей. Заключенія необходимо должны быть ограничены предѣлами района наблюденія. Это не мѣшаетъ обобщенію; но обобщеніе должно быть позитивнымъ, опираться на данныя дѣйствительнаго наблюденія. Если наблюденіе даетъ тождественные или сходные результаты для значительнаго числа группъ, возможно болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, но всетаки не полная увѣренность. 3. На основаніи массы разнородныхъ и часто разнорѣчивыхъ изслѣдованій по вопросу о вліяніи экономическихъ условій на преступность можно придти къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ, несомнѣнность которыхъ болѣе или менѣе очевидна. Современная преступность, какъ и другія патологическія явленія,— бродяжество, проституція, развитіе духа недовольства и возмущенія тѣсно связана съ экономической структурой современнаго общества, съ чрезмѣрнымъ развитіемъ капитализма, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ имущества, пауперизмомъ, приводящимъ къ вырожденію физическому и моральному народныхъ массъ и поставляющимъ огромную армію дегенерантовъ—готовыхъ жертвъ преступности, съ лихорадочнымъ и болѣзненнымъ развитіемъ эгоистическаго способа производства, который, въ бѣшеной погонѣ за удовлетвореніемъ личнаго интереса, жертвуетъ благосостояніемъ рабочихъ, благосостояніемъ менѣе сильныхъ конкуррентовъ и ихъ семей, колеблетъ спокойное производство промысловъ и торговли и вноситъ необезпеченность и неувѣренность въ существованіе массы лицъ и семейныхъ группъ. Преступленія противъ собственности въ значительной мѣрѣ обусловливаются косвенно общимъ неудовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ, а непосредственно — проявленіями острой нужды и хронической нищетой. Преступленія противъ нравственности находятся въ обратной зависимости отъ степени благосостоянія. Матеріальная обезпеченность повышаетъ жизненные инстинкты, ведетъ къ большему потребленію алкоголя и въ концѣ концовъ обусловливаетъ бо́льшее число нарушеній половой нравственности. Относительно преступленій противъ личности вообще изслѣдователи сильно расходятся между собою. Большинство однако (Ферри, Ломброзо, Бурлэ, Фульдъ, Мейеръ, Форназари ди Верче) приходитъ къ тому выводу, что и преступленія противъ личности, какъ и противъ нравственности (въ противоположность корыстнымъ преступленіямъ) увеличиваются съ поднятіемъ экономическаго благосостоянія и уменьшается съ его паденіемъ.

Не отрицая значительной степени основательности и общаго духа научной сдержанности и предусмотрительности въ окончательныхъ выводахъ ф. Кана, мы полагаемъ, однако, что въ той ихъ части, которая относится къ методу

изслѣдованія и сравненія данныхъ о преступности, замѣтна нѣсколько излишняя осторожность, почти робость. Конечно, нельзя сравнивать между собою завѣдомо разнородныя. разнохарактерныя величины, какъ, напримѣръ, преступность Англіи и Россіи или Англіи и Индіи и дѣлать по аналогіи выводы, полученные на основаніи данныхъ по Англіи, для Россіи или Индіи. Вліяніе, напримѣръ, цѣнъ на хлѣбъ и урожаевъ на преступность названныхъ странъ будетъ совершенно неодинаково въ виду существеннаго различія въ ихъ экономическомъ строѣ. Но вполнѣ возможно сравненіе данныхъ о вліяніи экономическихъ условій на преступность въ странахъ, находящихся приблизительно на одинаковой стадіи экономическаго развитія, конечно, при условіи достаточной вѣрности статистическихъ чиселъ и ихъ удобосравнимости. При этомъ сравненіи различіе въ историческомъ прошломъ, на чемъ настаиваетъ ф. Канъ, не имѣетъ особо важнаго значенія. Историческое прошлое народа важно только постольку, поскольку оно отражается или частію сохраняется въ современныхъ условіяхъ жизни народа. Большинство чувствъ, желаній и дѣйствій народной массы (а равно и виновниковъ преступленій) обусловливается непосредственно ихъ окружающей жизненной, т. е. главнымъ образомъ экономической обстановкой. И при условіи сходства, однородности экономическихъ условій естественно проявляется и сходство народной психики, въ частности сходство характера преступности. На основаніи этого сходства основныхъ чертъ массовой психологіи разныхъ народовъ при наличности сходства экономическаго быта и возможно сравненіе данныхъ международной статистики (преступности или другихъ соціальныхъ явленій), сравненіе, требующее конечно, крайней, осторожности и осмотрительности, въ виду неоднородности данныхъ, различія въ способѣ ихъ обработки и пр., но тѣмъ не менѣе по существу вполнѣ возможное. Въ противномъ случаѣ, еслибъ всякое статистическое изслѣдованіе преступности имѣло бы цѣну и значеніе только для даннаго изслѣдованнаго района и то въ извѣстный только промежутокъ времени,—мы были бы лишены возможности получить какіе-либо общіе выводы и не могли бы выйти изъ заколдованнаго круга частичныхъ, несравнимыхъ между собою наблюденій. Задача криминалиста-соціолога состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлить отдѣльныя наблюденія и изслѣдованія по особымъ группамъ, на основаніи односторонности районовъ изслѣдованія, и затѣмъ установить закономѣрности въ каждой отдѣльной группѣ. При изученіи, какъ въ нашемъ случаѣ, вліянія экомомическихъ условій на преступность, слѣдовало бы распредѣлить европейскія страны на нѣсколько группъ, напр., страны съ преобладаніемъ земледѣлія, какъ главнаго занятія населенія (Россія, нѣкоторыя части Австро-Венгріи, балканскія страны), страны смѣшаннаго земледѣльчески-промышленнаго типа (Германія, большая часть Франціи, Италія, Испанія), страны торгово-промышленнаго типа (Англія, Бельгія, Голландія). Еще лучше было бы сравнивать между собою не отдѣльныя страны, а извѣстные сходные въ экономическомъ отношеніи районы отдѣльныхъ странъ, напр., сѣверъ Франціи и западъ Германіи, сѣверъ Италіи и сѣверо-восточныя провинціи Испаніи и т. п. Преступность городовъ слѣдуетъ выдѣлить изъ общей преступности и сравнить особо отъ нея, равно и сельскую преступность и т. д. При такомъ условіи сравненія находящихся въ сходномъ экономическомъ положеніи группъ населенія въ разныхъ странахъ могли бы получиться замѣчательныя аналогіи, гораздо большія, конечно, чѣмъ тѣ, которыя получаются теперь при огульномъ сравненіи общихъ чиселъ преступности по цѣлой странѣ безъ подраздѣленія ея на отдѣльныя группы по экономическимъ признакамъ (городское и сельское населеніе, земледѣльцы

и фабричные рабочіе и т. д.). Конечно, современная статистика еще не позволяетъ производить такого сравненія преступности по отдѣльнымъ классамъ населенія въ разныхъ странахъ (съ различіемъ отдѣльныхъ видовъ преступленій), сравненіе преступности по отдѣльнымъ районамъ одинаковаго экономическаго характера (напр. восточной Пруссіи и Привислинскаго Края или Рейнской провинціи и сѣверной Франціи) вполнѣ возможно и въ настоящее время. И понятно, что такія порайонныя изслѣдованія, имѣющія въ виду экономическое сходство мѣстностей, а не политическую принадлежность ихъ къ тому или другому государству, могутъ пролить гораздо больше свѣта на степень зависимости различныхъ формъ преступности отъ тѣхъ или иныхъ экономическихъ условій и ихъ измѣненій, чѣмъ пользованіе общими, итоговыми числами по цѣлому государству. Въ особенности это вѣрно относительно государства столь обширнаго какъ Россія, по которой, можно сказать съ увѣренностью, никакія итоговыя цифры не могутъ служить характеристикой для отдѣльныхъ районовъ. Въ этомъ случаѣ совершенно примѣнимы слова ф. Кана: ошибочно примѣнять законы причинной связи, установленные для цѣлой страны, ко всѣмъ ея отдѣльнымъ частямъ. *Е. Тарновскій.*

III. Корреспонденціи.

Отчеты о засѣданіяхъ обществъ.

Въ Русскомъ Обществѣ нормальной и патологической психологіи. Засѣданіе 9-го декабря 1903 г., подъ предсѣдат. Акад. В. М. Бехтерева.

Докладъ женщ.-врача **Н. Г. Лищиной**: *изслѣдованіе колебаній вниманія при воспріятіи однородныхъ зрительныхъ впечатлѣній.* Докладчицей былъ произведенъ надъ 7 интеллигентными лицами рядъ опытовъ, имѣвшихъ цѣлью выяснить, какъ колеблется вниманіе при запоминаніи ряда сложныхъ зрительныхъ впечатлѣній. Объектами запоминанія являлись небольшіе рисунки, изъ которыхъ каждый изображалъ какой-нибудь хорошо знакомый предметъ (животныя, растенія, мебель, предметы утвари, одежды и т. д.). Рисунки были выполнены на бѣлой бумагѣ тушью и состояли изъ однихъ контуровъ; тушовка употреблялась только тамъ, гдѣ безъ нея терялось сходство съ изображаемымъ предметомъ. Испытуемый сидѣлъ въ темной комнатѣ и разсматривалъ черезъ щель рисунки, укрѣпленные на вращающемся барабанѣ. Опытъ состоялъ въ томъ, что передъ изслѣдуемымъ проходили послѣдовательно 10 рисунковъ, изъ которыхъ каждый оставался передъ его глазами въ теченіе $1^1/_2$ сек.; затѣмъ онъ долженъ былъ воспроизвести весь рядъ и подробно описать каждый изъ рисунковъ. Результаты опытовъ были представлены графически въ видѣ кривыхъ. Оказалось, что наичаще воспроизводились въ каждомъ ряду первые и послѣдніе рисунки, середина же ряда обыкновенно запоминалась гораздо хуже. Докладчица объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ началѣ ряда вниманіе было наиболѣе напряжено, затѣмъ начинало постепенно падать, чтобы опять возрости къ концу ряда. Тѣ впечатлѣнія, которыя были восприняты наиболѣе внимательно, имѣютъ, по сравненію съ другими, больше шансовъ быть воспроизведенными; естественно поэтому, что начало и конецъ ряда воспроизводятся лучше, чѣмъ середина его. Кромѣ описаннаго главнаго колебанія вниманія у всѣхъ испытуемыхъ наблюдалась также вторичная волна,

приходившаяся на половинѣ ряда, т. е. на 14-ой сек. (общая продолжительность ряда равнялась 28 сек.). Изъ этихъ данныхъ докладчица заключаетъ, что вниманіе періодически колеблется и что періоды его колебанія у всѣхъ изслѣдованныхъ лицъ приблизительно одинаковы. Въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ опытахъ ряды были составлены такимъ образомъ, что въ каждомъ ряду было двѣ или три группы рисунковъ, по своему содержанію близко напоминавшихъ другъ друга; тѣмъ не менѣе колебанія при воспроизведеніи ряда остались тѣ же. Фактъ этотъ указываетъ на то, что главную роль здѣсь играютъ именно колебанія вниманія, а не что либо другое.

Д-ръ А. Л. Щегловъ сомнѣвается, чтобы колебанія кривой при воспроизведеніи обусловливались одними только періодическими колебаніями вниманія. Нѣкоторые авторы производили подобные же опыты, съ такимъ же приблизительно количествомъ словъ въ ряду, но только слова слѣдовали одно за другимъ значительно медленнѣе, такъ что продолжительность каждаго ряда была приблизительно вдвое больше, чѣмъ у докладчицы. Тѣмъ не менѣе, кривая воспроизведенія у нихъ имѣла совершенно тотъ же видъ, какъ и у докладчицы. Если бы ходъ этой кривой зависѣлъ исключительно отъ колебанія вниманія, то пришлось бы предположить, что въ ихъ опытахъ періоды колебаній вниманія были значительно продолжительнѣе, чѣмъ въ опытахъ докладчицы.

Докладчица отвѣтила, что она и не обобщаетъ полученныхъ выводовъ, а ограничивается констатированіемъ наблюдавшихся ею фактовъ.

Д-ръ В. П. Осиповъ видитъ главное значеніе опытовъ въ томъ, что у всѣхъ испытуемыхъ, не смотря на различіе ихъ памяти, кривая вниманія имѣетъ приблизительно одинаковый видъ. Интересно было бы поставить дополнительные опыты, взявши для каждаго ряда не десять, а большее количество словъ. Тогда кривая вниманія, достигшая на 10 словѣ своего второго максимума, должна будетъ снова опуститься, затѣмъ опять подняться и т. д.

Докладчица согласна съ тѣмъ, что подобнаго рода опыты представляли бы интересъ; нужно только соблюдать при этомъ осторожность, такъ какъ значительное увеличеніе числа словъ могло бы слишкомъ обременить память испытуемаго.

Проф. В. С. Серебрениковъ. Что вниманіе къ получаемымъ впечатлѣніямъ вліяетъ на ихъ запоминаніе, это не подлежитъ сомнѣнію. Но кромѣ вниманія запоминаніе опредѣляется и многими другими факторами. Когда нужно бываетъ запомнить рядъ безсвязныхъ впечатлѣній, главная работа усвоенія сводится къ преобразованію безсвязнаго многаго въ одно цѣлое. Это преобразованіе, какъ показываютъ тщательныя изслѣдованія Эббинггауза, Мюллера и его учениковъ—Шумана, Пильцекера, Іоста и Стэфенсъ, совершается обыкновенно такимъ образомъ, что изъ всѣхъ получаемыхъ впечатлѣній выдѣляются нѣкоторыя въ качествѣ центральныхъ пунктовъ, къ которымъ привязываются и около которыхъ группируются остальныя впечатлѣнія. Такими впечатлѣніями въ ряду обычно бываютъ первое и послѣднее, а если рядъ длиненъ, то къ нимъ присоединяется еще одно или нѣсколько впечатлѣній изъ середины. Въ полномъ согласіи съ этимъ оказались и полученные докладчицею результаты, почему объяснять ихъ исключительно вліяніемъ вниманія и дѣлать отсюда заключеніе о періодическомъ колебаніи вниманія нельзя. Далѣе слѣдуетъ пожалѣть, что докладчица не изслѣдовала подробнѣе, отчего слова воспроизводятся иногда въ иномъ порядкѣ, чѣмъ они были даны; можетъ быть оказалось бы, что и безпорядочное воспроизведеніе на самомъ дѣлѣ опредѣляется извѣстными законами.

Д-ръ Фалькъ. Вы подвергаете разсмотрѣнію только первую часть опыта, а именно запоминаніе впечатлѣній. Между тѣмъ кривая воспроизведенія зависитъ въ значительной степени также и отъ условій самого воспроизведенія, на что при опытахъ обыкновенно не обращаютъ достаточно вниманія; справедливость такого предположенія подтверждается также и многими наблюденіями изъ обыденной жизни.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Работа докладчицы представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ качествѣ объектовъ для запоминанія ею были взяты сложныя зрительныя впечатлѣнія, а именно рисунки. Что касается конечной цѣли работы, то имѣлось въ виду изслѣдовать, какъ запоминаются впечатлѣнія различныхъ родовъ: зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д. Докладчица изслѣдовала пока только зрительныя впечатлѣнія съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ впечатлѣніямъ другого рода. Этимъ отчасти объясняется отсутствіе детальнаго анализа различныхъ моментовъ, вліяющихъ на запоминаніе: ритма, группировки, объема сознанія и т. д.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ преніяхъ также принимали участіе д-ра: **Лазурскій, Ноишевскій, Фишеръ, Вертоградовъ и Пуссепъ.**

А. Лазурскій.

Въ С.-Петербургскомъ Философскомъ Обществѣ. Засѣданіе 11-го декабря 1903 г. подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Введенскаго.

Рѣчь **И. И. Лапшина** *о Ш. Ренувье.* Еще раньше, чѣмъ у нѣмцевъ раздался призывъ: «назадъ къ Канту», Ш. Ренувье во Франціи высказалъ то же мнѣніе. Тѣмъ не менѣе его нельзя назвать полнымъ, послѣдовательнымъ кантіанцемъ. Такъ, напр., время и пространство онъ причисляетъ къ категоріямъ. Вещь въ себѣ для него, какъ и для идеалистовъ, представляется абсурдомъ. Міръ, по Р., представляется конечной суммой конечныхъ существъ; то, что для Канта является постулатомъ вѣры (существованіе Бога, безсмертія души, свободы воли), Р. считаетъ извѣстнаго рода научными гипотезами, данными знанія, только еще несовершеннаго. Въ результатѣ получается имманентная метафизика. Ренувье признаетъ свободу воли, дѣйствующую не въ умопостигаемомъ мірѣ, какъ у Канта, а въ мірѣ феноменовъ, во времени. Для иллюстраціи этой мысли онъ написалъ «исторію Европы не такой, какой она была на самомъ дѣлѣ, а такой, какой она могла бы быть», если бы свободная воля людей направила ее иначе, чѣмъ это было («Ухронія»). Такимъ образомъ у Ренувье отсутствуетъ строгое разграниченіе области познаваемаго и непознаваемаго, знанія и вѣры. Для насъ, русскихъ, представляетъ интересъ его отношеніе къ Россіи: онъ живо интересовался русскимъ народомъ и русской литературой и возлагалъ большія надежды на будущность Россіи. (У Р. есть статьи о Достоевскомъ, Львѣ Толстомъ и А. А. Шпирѣ).

Докладъ **Ѳ. И. Щербатскаго**: *Очеркъ критическаго направленія въ буддійской философіи.* Относительно индійской философіи существуютъ противорѣчивыя мнѣнія. Большинство ученыхъ считали ее туманной и ненаучной; другіе же, въ особенности диллетанты, увлекались ею. Докладъ референта посвященъ былъ не всей буддійской философіи, а только ученію одной школы, возникшей около VII вѣка по Р. Х.; основателями школы были Дармакирти и его комментаторъ Дармоттара. Однимъ изъ основныхъ пунктовъ ученія этой школы является ея взглядъ на познаніе. Подъ познаніемъ они подразумѣваютъ тѣ психическія явленія, которыя предшествуютъ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ; примѣръ: ребенокъ, протягивающій губы къ груди своей

матери. Такимъ образомъ знаніе, по мнѣнію буддистовъ, стоитъ въ тѣсной связи съ опытомъ; внѣ опыта нѣтъ знанія. Взглядъ этотъ совершенно сходится со взглядами Канта на опытное знаніе; неудивительно, что послѣдователи школы Дармакирти получили въ Индіи названіе разрушителей, такъ какъ они, подобно Канту, разрушали ученія современныхъ имъ раціоналистовъ. Существуетъ, по ихъ мнѣнію, два источника знанія: «чистое воспріятіе», дающее матеріалъ познанія, и мышленіе, создающее изъ этого матеріала настоящее знаніе. Каждый изъ источниковъ познанія, въ отдѣльности взятый, не даетъ никакого результата; поэтому мысленное познаніе не можетъ идти за предѣлы чувственнаго опыта, — взглядъ, совершенно аналогичный Кантовскому. Что касается отношенія между этими двумя источниками познанія, то они по существу кореннымъ образомъ разнятся другъ отъ друга; иначе говоря, между ними существуетъ не логическая только, а генетическая разница. Этотъ пунктъ буддисты въ особенности поддерживали въ своей полемикѣ съ мимансаками, защищавшими противоположныя воззрѣнія. Совершенно такого же рода полемику пришлось вести Канту противъ школы Лейбница — Вольфа. Неодинаковые по своему происхожденію, оба упомянутые выше источника познанія различны также и по своей цѣнности. Интуиція или чувства, пассивная сторона познаванія преимущественно даетъ,по мнѣнію буддистовъ, истинное знаніе; чистое же, отрѣшенное отъ интуиціи мышленіе даетъ намъ воображаемое знаніе, такъ какъ всякая мысль есть лишь продуктъ нашего воображенія. Отсюда слѣдуетъ, что мы можемъ познавать вещи лишь такъ, какъ онѣ представляются нашимъ чувствамъ; сами же по себѣ вещи недоступны нашему познанію, такъ что мы можемъ опредѣлять ихъ только отрицательными признаками. Не трудно видѣть и здѣсь полную аналогію съ ученіемъ Канта о вещи въ себѣ и явленіи (ноумены и феномены). Далѣе, референтъ нашелъ у буддистовъ нѣкоторыя черты сходства съ ученіемъ Канта о схематизмѣ понятій; то же сходство замѣчается и во взглядахъ на сужденіе, которое, по мнѣнію буддистовъ, является центральнымъ актомъ познаванія; умозаключеніе по существу своему ничѣмъ не отличается отъ сужденія, представляя изъ себя лишь дальнѣйшее развитіе этого послѣдняго. Самое раздѣленіе (классификація) сужденій, какъ оно произведено буддистами, также имѣетъ извѣстныя черты сходства съ Кантовской таблицей категорій. Въ строгой связи съ общей теоріей познанія находится ученіе буддистовъ о личности. Они всегда подчеркиваютъ, что «я» не есть какая-либо особая субстанція, но что его содержаніе сводится всецѣло къ потоку представленій и сопровождающихъ ихъ чувствованій; единство представленій и стремленій въ нашемъ сознаніи мы противополагаемъ воспринимаемымъ нами объектамъ и называемъ это единство, эту совокупность стремленій нашей личностью, нашимъ «я». Надо сказать, впрочемъ, что взглядъ этотъ вовсе не исключаетъ синтеза сознанія: каждое отдѣльное стремленіе не отдѣлимо отъ общей совокупности стремленій, образующихъ личность—и наоборотъ; въ этомъ именно и состоитъ, по взгляду буддистовъ, синтезирующая дѣятельность сознанія. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, по мнѣнію докладчика, что теорія познанія была создана два раза: въ 7-мъ и въ 18-мъ вѣкахъ по Р. Х.

По окончаніи доклада предсѣдатель проф. А. И. Введенскій отмѣтилъ, что,если референтъ правъ въ проведеніи параллели между разбираемыми индійскими теоріями и философіею Канта, то слѣдуетъ отмѣтить тотъ поразительный фактъ, что на разстояніи 11 вѣковъ, на разныхъ концахъ земного шара возникла одна и та же теорія; уже одинъ этотъ фактъ говоритъ за достовѣрность этой теоріи. Сходство же между философіей Канта и философіей буддистовъ на-

столько велико, что какъ первому, такъ и послѣднимъ приходилось бороться съ одними и тѣми же противниками: сенсуалистами и эмпиристами съ одной стороны и раціоналистами съ другой.

К. Ѳ. Жаковъ указалъ на то, что чрезвычайно трудно сравнивать философскія воззрѣнія разныхъ народовъ съ разными культурами; при этомъ легко впасть въ ошибку и признать сходными такія явленія, которыя по существу своему различны. Философія Канта явилась результатомъ продолжительнаго развитія, при существованіи химіи и физики, которыхъ не было у индусовъ; поэтому у Канта мы имѣемъ стройную теорію, тогда какъ философія индусовъ представляется конгломератомъ воззрѣній, мало согласованныхъ другъ съ другомъ. Достаточно указать, что понятіе пространства индусовъ, повидимому, рѣзко отличается отъ понятія пространства Канта. Можно установить отдѣльныя черты сходства между Кантомъ и древними греками. Такъ, Протагоръ не знаетъ, что такое вещь въ себѣ, время для него—только форма мышленія; въ ученіи Аристотеля о сужденіяхъ много сходнаго съ ученіемъ Канта. Однако, никто не станетъ на этомъ основаніи проводить между ними параллели.

Докладчикъ. Мнѣ кажется, что возраженіе было бы основательно только въ томъ случаѣ, если бы были взяты отдѣльныя черты различныхъ буддійскихъ философовъ разныхъ школъ и сопоставлены съ аналогичными чертами ученія Канта. Между тѣмъ, въ докладѣ изложено ученіе только одной школы, основанной однимъ философомъ и его комментаторомъ.

В. М. Каринскій. Чтобы вполнѣ узнать какую-нибудь философскую систему, надо знать основной вопросъ, изъ котораго она зародилась. У Канта такимъ вопросомъ былъ слѣдующій: Какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія? Кантъ опредѣленнымъ образомъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Только въ томъ случаѣ, если у буддистовъ былъ подобный же исходный пунктъ, возможно проведеніе параллели между ними и Кантомъ.

Докладчикъ подтвердилъ существованіе у буддистовъ подобнаго вопроса, вызваннаго историческимъ ходомъ развитія ихъ философіи.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ преніяхъ принимали участіе *И. И. Лапшинъ*, *С. И. Грузенбергъ* и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ собраніи буддистовъ. *А. Лазурскій.*

Въ «Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ» при С.-Петербургской Духовной Академіи.

49-е засѣданіе 17-го ноября 1903 г.

В. А. Мельниковъ прочелъ докладъ на тему: *О колдовствѣ и порчѣ съ психологической точки зрѣнія*. Онъ развивалъ мысль, что таинственныя явленія колдовства и порчи вообще и русскаго кликушества въ частности составляютъ главнымъ образомъ результатъ внушенія и самовнушенія. Колдуны въ глазахъ простого народа являются носителями сверхъестественной силы, почему ихъ слова и дѣйствія производятъ на окружающихъ гипнотизирующее вліяніе. Это вліяніе среди людей, стоящихъ на низшей ступени развитія самосознанія, становится неотразимымъ, когда колдунъ соединяетъ свои заклинанія съ порчею восковой фигуры или иного какого-либо изображенія намѣченной имъ жертвы, потому что, по убѣжденію невѣжественнаго народа, лицо и изображеніе составляютъ нѣчто нераздѣльное. Кликушество вызывается колдунами лишь въ такихъ субъектахъ, которые, страдая истеріей, вѣрятъ въ

власть злыхъ духовъ надъ ними. У раскольниковъ нѣтъ этой вѣры; не встрѣчается среди нихъ и кликушества. Изъ послѣдовавшихъ за докладомъ преній выяснилось: а) мысль докладчика справедлива по отношенію къ нѣкоторымъ, разсматриваемымъ имъ, явленіямъ; но распространять ее на всѣ явленія было бы слишкомъ поспѣшно, тѣмъ болѣе, что самое внушеніе остается еще не вполнѣ выясненнымъ; б) докладчикъ не обратилъ вниманія на заклинательныя формулы, которыя имѣютъ значеніе въ глазахъ не только народа, но и колдуновъ: въ этихъ формулахъ сказывается глубочайшая вѣра людей въ возможность вліянія на сверхъестественный міръ при помощи нѣкоторыхъ, освященныхъ преданіемъ глубокой старины, словъ и дѣйствій; и в) у раскольниковъ Владимірской губерніи не только встрѣчается кликушество, но и сохранился чинъ изгнанія бѣсовъ изъ кликушъ. Предсѣдатель проф. В. С. Серебрениковъ поблагодарилъ докладчика за интересный и богатый фактическими данными докладъ и оппонентовъ за ихъ серіозныя замѣчанія.

50-е засѣданіе 27-го ноября 1903 г.

Засѣданіе открылось рѣчью Предсѣдателя. Напомнивъ присутствующимъ, что 27-е ноября есть день основанія Общества, проф. В. С. Серебрениковъ охарактеризовалъ дѣятельность Общества за три года его существованія, указалъ значеніе, какое имѣютъ дружныя совмѣстныя усилія разрѣшить основные вопросы жизни и знанія, и выразилъ желаніе, чтобы нравственная связь между членами Общества сохранилась на всю жизнь. Затѣмъ слово было предоставлено *И. М. Лихницкому*, который прочелъ докладъ на тему: *Идея долга въ этикѣ Гюйо.* Мастерскою рукою докладчикъ изобразилъ, какимъ образомъ, по ученію Гюйо, человѣкъ, стремящійся къ возможно полной и глубокой жизни, въ силу закона вѣчной производительности, безъ всякаго внѣшняго повелѣнія или нравственнаго закона, побуждаемый единственно своею природою, долженъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать не только въ сообществѣ съ другими, но и для другихъ и даже, подъ вліяніемъ естественнаго стремленія къ риску, долженъ жертвовать своею жизнью для блага другихъ. Въ заключеніе докладчикъ высказалъ нѣсколько общихъ критическихъ замѣчаній на ученіе Гюйо. Эти замѣчанія и послужили главнымъ предметомъ преній. Общій результатъ преній сводился къ слѣдующему. Гюйо, по своему настроенію, является идеалистомъ, который полагаетъ цѣнность жизни въ дѣятельномъ служеніи на пользу ближняго. Но его теоретическія воззрѣнія мало гармонируютъ съ этимъ настроеніемъ. Будучи эволюціонистомъ-эмпирикомъ, онъ отрицаетъ возможность достовѣрнаго раціональнаго знанія и не отводитъ мѣста свободнымъ усиліямъ человѣка. А безъ этого этическій принципъ его лишается своей основы. Онъ дѣлается поэзіей любящаго сердца, но никакъ не нормою, имѣющею обязательное значеніе для человѣческаго разума и, слѣдовательно, для всякаго мыслящаго человѣка. Проф. С. А. Соллертинскій отмѣтилъ важное значеніе мысли Гюйо о нравственности, какъ естественно-необходимомъ проявленіи человѣческой природы, и указалъ на необходимость этики, какъ особой, самостоятельной науки.

51-е засѣданіе 8-го декабря 1903 г.

Н. Н. Троицкій предложилъ вниманію Общества докладъ на тему: *Анализъ любви.* Въ своемъ докладѣ онъ проводилъ три тезиса: 1) любовь между лицами разнаго пола есть неясное симпатическое чувствованіе, развивающееся на почвѣ полового инстинкта, но не исчерпывающееся имъ; 2) ха-

рактерный для любви выборъ опредѣленнаго лица другого пола обусловливается идеаломъ, безсознательно вырабатывающимся изъ индивидуальныхъ психофизическихъ потребностей субъекта; и 3) чѣмъ глубже чувствуется цѣнность и необходимость другого лица для полноты индивидуальной жизни субъекта, тѣмъ самоотверженнѣе становится его любовь. Пренія по поводу этихъ тезисовъ были весьма разнообразны и отличались большою оживленностью. Особенно интересны были пренія по первому тезису. Было замѣчено, что слово любовь, сродное съ греч. lambano и санскр. lab, обозначаетъ vis attractiva и указываетъ на природное тяготѣніе одного лица къ другому. Это тяготѣніе имѣлъ въ виду Платонъ, когда говорилъ, что боги раздѣлили человѣческое существо на двѣ половины, вслѣдствіе чего до тѣхъ поръ не можетъ успокоиться одна половина, пока не отыщетъ другую и не составитъ съ нею полнаго существа. Такъ какъ человѣческая природа и ея запросы чрезвычайно разнообразны, то и любовь-тяготѣніе можетъ принимать самые различные виды. Она можетъ быть, съ одной стороны, грубо чувственною, основанною на половомъ инстинктѣ, съ другой, платоническою, въ которой половой инстинктъ не играетъ роли. Сообразно съ этимъ и присущая волненію любви нѣжность можетъ имѣть различный источникъ и характеръ. Но какой бы видъ любовь ни имѣла и какъ бы поверхностно или глубоко ни захватывала психику человѣка, она всегда состоитъ въ томъ, что одна личность отдаетъ себя другой и въ этой отдачѣ находитъ для себя высшее удовлетвореніе, полноту жизни. Какъ докладчикъ, такъ и оппоненты иллюстрировали свои мысли многочисленными примѣрами изъ художественныхъ произведеній и историческими фактами. Общество поблагодарило ихъ дружными аплодисментами.

26-го декабря 1903 г. въ залѣ Краснаго Креста состоялось засѣданіе комиссіи имени К. Д. Ушинскаго при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ взаимной помощи, посвященное памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго.

Предметами засѣданія были:

1) «Памяти К. Д. Ушинскаго» рѣчь А. П. Нечаева.

2) «Біологическія воззрѣнія и дѣло школы» рѣчь проф. В. А. Вагнера.

3) «Общеобразовательные курсы для народныхъ учителей» рѣчь Н. К. Кульмана.

На засѣданіи, кромѣ членовъ комиссіи Ушинскаго и членовъ Педагогическаго Общества взаимной помощи, присутствовало много народныхъ учителей и учительницъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ на 3-й съѣздъ по техническому и профессіональному образованію. Оживленныя пренія вызвала рѣчь Н. К. Кульмана; въ преніяхъ этихъ принимали участіе: А. С. Фаминцынъ, В. А. Вагнеръ, Н. И. Коробка, проф. Н. П. Гундобинъ и нѣкоторые изъ присутствующихъ на засѣданіи учителей.

А. П. Нечаевъ въ рѣчи, посвященной памяти К. Д. Ушинскаго, напомнилъ о тѣхъ великихъ завѣтахъ, которые оставилъ этотъ педагогъ нашей школѣ. Ушинскій глубоко понималъ значеніе научныхъ знаній для правильнаго веденія школьнаго дѣла. Онъ требовалъ внимательнаго изученія природы тѣхъ, кого мы хотимъ воспитывать. Но въ то же время онъ сознавалъ, что современная ему педагогика, какъ наука, находится въ младенческомъ состояніи. Послѣ смерти К. Д. Ушинскаго много новаго явилось въ наукѣ Подъ вліяніемъ успѣховъ экспериментальной психологіи и физіологіи явилась воз-

можность точнѣе изслѣдовать и природу воспитанника. Насколько сильно двинулось въ настоящее время научное изслѣдованіе педагогическихъ вопросовъ, видно изъ того, что теперь уже, подъ именемъ «педологіи», признается особая отрасль науки, посвященная точному изслѣдованію человѣка, какъ предмета воспитанія. При Клэркскомъ университетѣ (къ Америкѣ) въ настоящее время имѣется даже цѣлый «Педологическій институтъ», организованный для этой цѣли и оказывающій большое вліяніе на школьное дѣло. «Будемъ же надѣяться,—закончилъ А. П. Нечаевъ свою рѣчь,—что научное изученіе основъ педагогическаго дѣла, изслѣдованіе человѣка, какъ предмета воспитанія, широко разовьется и у насъ. Когда общество проникнется глубокимъ интересомъ къ наукѣ, несомнѣнно создастся настроеніе, наиболѣе благопріятное для пробужденія творческой дѣятельности педагоговъ. Съ особенной радостью могу сообщить, что эта надежда имѣетъ теперь и свое значительное реальное основаніе. Въ засѣданіи Совѣта Комиссіи К. Д. Ушинскаго, состоявшемся 22 декабря, В. Т. Зиминъ, имя котораго, какъ основатсля Бактеріологическаго Института при Томскомъ университетѣ, хорошо извѣстно сибирякамъ, выразилъ твердое намѣреніе нравственно и матеріально содѣйствовать основанію въ Петербургѣ Педологическаго Института имени К. Д. Ушинскаго».

Собраніе дружными аплодисментами выразило В. Т. Зимину благодарность.

В. А. Вагнеръ сказалъ приблизительно слѣдующее: послѣ того какъ основная идея дарвиновскаго ученія о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ выдержала дружный натискъ противниковъ, она скоро проникла въ разныя области науки и въ томъ числѣ — въ область соціологіи вообще, и въ дѣло школы въ частности. Горячая полемика ученыхъсъ міровыми именами, каковы: Генрихъ Спенсеръ, Уоллесъ, Геккель, Вирховъ и др., по вопросу о роли естественнаго отбора въ развитіи человѣческихъ обществъ, создала цѣлую литературу. По мнѣнію однихъ соціальный строй переживаемой нами эпохи неудовлетворителенъ, потому что естественный отборъ имѣетъ въ немъ недостаточно широкое приложеніе, прогрессъ выигралъ-бы, если бы подростающему поколѣнію была открыта конкурренція «на всѣхъ пунктахъ по всей линіи», и если бы дѣятельности этого благодѣтельнаго отбора, выталкивающаго слабыхъ, не препятствовалъ отборъ искусственный; по мнѣнію другихъ — соціальный строй нашей эпохи неудовлетворителенъ потому, что въ его основѣ лежатъ ничѣмъ не смягчаемые факты борьбы за существованіе, въ смыслѣ дарвиновскаго ученія. Ближайшее знакомство съ литературою этихъ двухъ теченій мысли скоро приводитъ насъ къ заключенію, что то, что разумѣется подъ искусственнымъ отборомъ, или какъ выражаютъ нѣкоторые авторы, — подъ результатами «ненормальной борьбы», за жизнь въ человѣческомъ обществѣ, есть въ сущности не искусственный, а тотъ же естественный отборъ Дарвина. Нельзя въ самомъ дѣлѣ называть отборъ искусственнымъ потому, что цѣли, которыя достигаются путемъ борьбы, лежащія въ основѣ такого отбора, — искусственны: машинное производство, для искусственныхъ цѣлей, для ложно понимаемыхъ условій существованія, не мѣшаетъ ему быть совершенно такимъ же орудіемъ борьбы, какимъ у дикаря является лукъ и стрѣла, а у животнаго когти и зубы. Эти соображенія даютъ намъ право оставить безъ разсмотрѣнія тѣ соображенія, по которымъ также искусственный отборъ будто-бы мѣшаетъ проявленію во всей своей силѣ отбору естественному. За вычетомъ же этихъ соображеній объ этомъ искусственномъ отборѣ и его роли въ процессѣ развитія человѣческихъ обществъ,—остается одинъ отборъ естественный, какъ факторъ, по мнѣнію авторовъ не только роковой, но и благодѣтельный.

Онъ одинъ царитъ въ развитіи культуры, одинъ руководитъ сю и направляетъ въ надлежащую сторону жизнь взрослыхъ и жизнь дѣтей. Что онъ царитъ въ современной намъ общественной жизни,—объ этомъ распространяться нѣтъ надобности; что онъ царилъ и продолжаетъ царить въ школѣ, это тоже не нуждается въ большомъ числѣ подтверждающихъ такое заключеніе фактовъ. Въ средніе вѣка, по свидѣтельству Паульсена, задачи школы, какъ-бы онѣ въ частностяхъ ни различались между собою, въ общемъ стояли ближе къ задачамъ самой жизни, какъ ихъ понимали руководители школъ. Сперанскій въ книжкѣ: «Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ», говоритъ, что деревенскія школы въ средніе вѣка были всѣмъ, чѣмъ угодно, никогда только онѣ не были именно народной школой: онѣ сразу отвѣчали на нѣсколько запросовъ общества и постоянно мѣнялись по времени и мѣсту. Очень характернымъ въ смыслѣ преслѣдуемыхъ школами задачъ является указъ Эдуарда Ш (1387 г.), въ которомъ значилось: «повелѣвается всѣмъ сеньорамъ, баронамъ, рыцарямъ и почтеннымъ гражданамъ добрыхъ городовъ нашихъ учить своихъ дѣтей по-французски, *чтобы они на войнѣ легче могли добывать нужныя свѣдѣнія*.

Городскія школы въ средніе вѣка отличались отъ деревенскихъ не много: вся разница сводилась только къ тому, что преподаваніе въ послѣднихъ было меньше, чѣмъ въ первыхъ.

Мало-по-малу, однако, измѣняется дѣло. Школѣ, на мѣсто учительскихъ цѣлей, начинаютъ ставить другія, высшія: «Надо заботиться о томъ, чтобы школа развивала понятія, развивала умъ, насаждала и укрѣпляла этическія начала». Казалось бы, что такимъ образомъ школа освободилась отъ вліянія естественнаго отбора, что высокія цѣли, которыя ей ставились, дѣлали борьбу за существованіе, въ качествѣ факторовъ, руководящихъ дѣломъ, излишними; но это только казалось. Колоссальный аппаратъ культурнаго человѣчества, называемый школою, дѣйствительно отбираетъ... только вовсе не то, что нужно; хуже этого—сами учредители этого аппарата до сихъ поръ еще не знаютъ ни того, что нужно отбирать, ни того, какъ слѣдуетъ это сдѣлать.

Тысячи причинъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать надлежащему рѣшенію задачи, и школа не имѣла возможности достигнуть поставленныхъ ей высшихъ этическихъ цѣлей. Подставили своимъ питомцамъ цѣлый рядъ другихъ, такъ сказать, поддѣльныхъ цѣлей: золотыя доски, баллы, пересадки, наградныя книги, медали серебряныя, медали золотыя, шифры и длинный реестръ взысканій, наказаній, ограниченій и пр., и пр., и пр. Вслѣдствіи всего этого цѣлью и заботою дѣтей сдѣлалось не стремленіе удовлетворить потребностямъ своей дѣтской души: *знать и понимать окружающій ихъ міръ явленій*, а *стремленіе стяжать бенефиціи и ускользнуть отъ возмездій*. Въ школѣ, такимъ образомъ, насаждалось и насаждается борьба за существованіе, съ тѣмъ же естественнымъ отборомъ и въ интересахъ тѣхъ же искусственныхъ цѣлей, какъ и въ обществѣ... Итакъ—явленія общественной жизни и жизнь школы съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ о томъ, что руководящими примѣрами развитія въ нихъ являются борьба за существованіе и естественный отборъ въ прямомъ общебіологическомъ смыслѣ; ни жизнь, ни наука не имѣютъ ничего возразить тѣмъ, кто является защитниками этого тезиса.

Другое дѣло утвержденіе авторовъ о томъ, что отборъ,—естественный для всего животнаго и растительнаго царства, является естественнымъ и для человѣчества, съ его культурными учрежденіями, что борьба за существованіе, въ дарвиновскомъ смыслѣ этого слова, представляетъ надежнѣйшій факторъ

прогресса. Біологія нашихъ дней даетъ намъ несомнѣнное право утверждать, вопреки мнѣнію Спенсера, Геккеля, Дрепера и др., что это не такъ. И если недавно еще возраженіе на эти тезисы нашло характеръ скорѣе протестовъ, чѣмъ опроверженій, то уже въ восьмидесятыхъ годахъ явились воззрѣнія по существу предмета, хорошо обоснованныя. Такъ, Нейратъ, соглашаясь съ тѣмъ, что конкурренція въ капиталистическихъ обществахъ—явленіе равноцѣнное борьбѣ за существованіе, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что естественнымъ отборомъ въ человѣческихъ обществахъ исчерпывается не все, что въ нихъ есть нѣчто болѣе сильное, чѣмъ борьба за существованіе—это *идеальные факторы* и борьба за идеалы.

Лафаргъ, соглашаясь съ тѣмъ, что поле битвы остается за болѣе приспособленными, выражаетъ справедливое сомнѣніе въ томъ, чтобы эти наиболѣе приспособленные были въ то же время и наиболѣе одаренными, и наиболѣе совершенными. Наконецъ, знаменитый Гёксли, одинъ изъ наиболѣе выдающихся натуралистовъ эпохи, такъ формулируетъ свой взглядъ на этотъ важнѣйшій вопросъ нашего времени. Размноженіе человѣка совершается безостановочно и влечетъ за собою жестокое состязаніе за средства къ существованію.

Борьба за существованіе стираетъ тѣхъ, кто менѣе способенъ приспособляться къ жизни. Но вліяніе этого *космическаго процесса* на эволюцію обществъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе формы ихъ цивилизаціи.

Соціальный прогрессъ является средствомъ, ограничивающимъ на каждомъ шагу могущество процесса космическаго и выдвигаетъ на смѣну ему другой процессъ, который мы можемъ назвать *этическимъ*.

Результатомъ этого процесса можетъ оказаться переживаніе не тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія, а тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія наилучшаго. Эти великія идеи натуралиста оказываются вполнѣ совпадающими съ идеалами современной соціологіи, указывающей на то же противорѣчія между процессами космическимъ и этическимъ, и требующей въ интересахъ цивилизаціи не покорнаго и пассивнаго подчиненія первому, а подчиненіе этого космическаго процесса—процессу этическому. Нужно, говоритъ Гизицкій, превратить естественный отборъ въ искусственный и сдѣлать такъ, чтобы этотъ послѣдній совершался не помимо насъ, а посредствомъ насъ, посредствомъ нашей оли, сознательно руководящей и направляющей движеніе развитія. Такъ закончилась къ началу XX вѣка борьба между противными воззрѣніями біологовъ и соціологовъ по одному изъ кардинальныхъ вопросовъ эволюціи человѣческихъ обществъ и факторовъ, эту эволюцію обусловливающихъ.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить здѣсь какія заключенія вытекаютъ отсюда для опредѣленія задачъ *школы грядущаго*,—вы сдѣлаете это и сами; я укажу лишь на одно изъ этихъ заключеній: мы, рядовые работники въ дѣлѣ національнаго просвѣщенія, не можемъ не чувствовать глубокаго удовлетворенія отъ того, что разладъ, еще недавно царившій между одной изъ важнѣйшихъ дисциплинъ знанія природы и соціологіей изчезъ...

Пусть-же это достигнутое усиліями человѣческаго генія согласіе будетъ руководящимъ и въ нашей дальнѣйшей дѣятельности, и въ дальнѣйшемъ эволюціонномъ процессѣ школьнаго дѣла.

Рѣчь Н. К. Кульмана Послѣ Крымской кампаніи въ связи съ общимъ возбужденіемъ раздалась горячая проповѣдь широкаго развитія въ населеніи образованія: учреждаются педагогическія общества, создается спеціально-педаго-

гическая печать, студенческая молодежь организуетъ воскресныя школы, нарождается общественная школа въ деревнѣ. Дореформенная Россія оставила русскому обществу плохое наслѣдіе, нужно было все начинать сызнова. Существенными оказались, прежде всего, двѣ задачи: уничтожить несочувственное отношеніе народа къ школѣ и подготовить достаточную армію учителей. Правительство и общественныя организаціи идутъ въ заботахъ объ этомъ рука объ руку, но никто не упрекнетъ насъ въ увлеченіи, если мы скажемъ, что главная роль здѣсь принадлежала земству. Оно устраиваетъ временные педагогическіе курсы и съѣзды. Съѣзды сразу же были признаны могучимъ факторомъ въ дѣлѣ на роднаго просвѣщенія, и министръ народнаго просвѣщенія вовсеподданнѣйшемъ докладѣ характеризовалъ ихъ, какъ источникъ добраго вліяе нія на училища, запаса новыхъ задачъ для дѣятельности учителей и даж средствъ къ ихъ выполненію. Начавшаяся, однако, реакція заставила дѣло съѣздовъ надолго умереть. Остались временные педагогическіе курсы: на нихъ читались лекціи по методикамъ, видные педагоги давали уроки, подъ ихъ руководствомъ занимались въ школѣ курсисты. Все это было въ свое время необходимо, отвѣчая потребностямъ минуты. Но жизнь шла впередъ, народный учитель развился, у него пробудились новые интересы, и педагогическіе курсы перестали удовлетворять. Это почувствовалось уже въ восьмидесятые года, но новыя стремленія на общемъ тускломъ фонѣ нашей дѣйствительности, при наступившей общественной неврастеніи, реализоваться не могли.

Въ девятидесятыхъ годахъ въ связи съ общественнымъ подъемомъ снова начали стучаться въ дверь назрѣвшіе вопросы, снова начали говорить объ измѣнившихся умственныхъ потребностяхъ народнаго учителя, и счастливый случай вызвалъ къ жизни новый типъ курсовъ. Въ 1899 году въ Павловскѣ подъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Константиновича разрѣшено было *въ видѣ опыта* устроить впервые *общеобразовательные* курсы. Опытъ удался во всѣхъ отношеніяхъ, и дѣло такихъ курсовъ въ Павловскѣ упрочилось. Обращаясь къ личнымъ впечатлѣніямъ, не только моимъ, но и всѣхъ вообще лекторовъ, долженъ сказать, что мы не представляли себѣ ясно народнаго учителя, какъ не представляли его и оффиціальныя сферы. Послѣднія глядѣли на него съ опаской, думали, что дворцовыя залы съ лекціями не только молодыхъ, но и извѣстныхъ уже ученыхъ, могутъ дѣйствовать на учителя растлѣвающимъ образомъ, вызвать въ немъ чувство сомнѣнія; мы полагали, что народному учителю нужно читать элементарные общіе курсы. Но уже первый годъ показалъ, что не это нужно народному учителю, и съ 1900 года на Павловскихъ курсахъ читаются лекціи по отдѣльнымъ историческимъ эпохамъ, періодамъ литературы, отдѣльнымъ писателямъ, вопросамъ физики, химіи, физіологіи и т. п., при чемъ популярность соединяется со строгой научностью. Результатомъ явилось необыкновенное умственное и нравственное возбужденіе слушателей, между лекторами и ими установилась самая тѣсная связь, не прекращавшаяся и въ зимніе мѣсяцы, когда съ разныхъ концовъ Россіи получались письма отъ павловскихъ курсистовъ, характеризующія могучее значеніе общеобразовательныхъ курсовъ. Для насъ, близко стоявшихъ къ курсамъ, ясно это значеніе, но общество не вполнѣ его понимаетъ, не представляютъ его и нѣкоторые представители высшей учебной администраціи, не разрѣшающей въ иныхъ мѣстностяхъ подобныхъ курсовъ. По адресу общеобразовательныхъ курсовъ посылаются упреки въ отрывочности, безсистемности, при чемъ забываютъ, что главная ихъ роль въ возбужденіи

самодѣятельности, стремленія къ образованію, работѣ мысли; настаиваютъ на необходимости при организаціи такихъ курсовъ выработать общую программу, но программы будутъ могилой для курсовъ, на которыхъ должна быть лектору предоставлена полная свобода, хотя общій *планъ* каждаго года необходимо вырабатывать, если курсы задумано устраивать ежегодно. Со всѣми этими заблужденіями нужно бороться, идею общеобразовательныхъ курсовъ нужно пропагандировать; нашъ историческій моментъ слишкомъ важенъ, необходимо ковать всякое общественное дѣло, пока оно горячо. Комиссія Ушинскаго отвѣтитъ своему широкому назначенію, если возьметъ на себя трудъ такой пропаганды. Всякое промедленіе въ распространеніи просвѣтительныхъ идей теперь особенно нежелательно. Въ послѣднія 40—50 лѣтъ въ нашей жизни народилось трагическое по своему смыслу явленіе — рознь между интеллигенціей и народомъ, пропасть между ними. Мнѣ могутъ сказать, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего исключительнаго, что то же наблюдалось и наблюдается въ Западной Европѣ. Но тамъ эта пропасть никогда не была такъ велика, а у насъ она, особенно при современномъ общественномъ движеніи, можетъ оказаться роковой.

Объ этомъ стоитъ подумать всѣмъ, кому дорого это движеніе и ясенъ его смыслъ. Пропасть эту можно уничтожить только однимъ способомъ—самымъ широкимъ и свободнымъ образованіемъ народа. Для этого нуженъ народный учитель, который самъ былъ бы образованъ и который понималъ бы значеніе того, что вокругъ него происходитъ. Учитель проситъ этого уже настойчиво, и высшіе круги интеллигенціи должны пойти навстрѣчу своему младшему брату-интеллигенту. Общеобразовательные курсы—вѣрнѣйшій и надежнѣйшій въ настоящее время путь».

На предстоящемъ *конгрессѣ по экспериментальной психологіи въ Гиссенѣ* (18—20 Апрѣля новаго стиля) предполагаютъ сдѣлать слѣдующія сообщенія: 1. *Ахъ* — а) О Гипповскомъ хроноскопѣ. б) Экспериментальное изслѣдованіе волевой дѣятельности. 2. *Аментъ*. Психологическія изслѣдованія надъ дѣтьми. 3. *Ашеръ*. О законѣ специфической энергіи органовъ чувствъ. 4 *Бенусси*. Новое доказательство въ пользу специфической свѣтлости цвѣтовъ. 5. *Дессуаръ*. Экспериментальное изслѣдованіе такъ называемыхъ общихъ ощущеній. 6. *Эббингаузъ*. О геометрически—оптическихъ иллюзіяхъ. 7. *Эльзенгансъ*. а) Задачи психологіи истолковыванья, какъ основы духовныхъ наукъ. б) Замѣчанія по поводу обобщенія чувствованій. 8. *Гроосъ*. Начала искусства и теорія Дарвина. 9. *Анри* О координаціи движеній. 10. *Конштаммъ*. Опредѣлители выраженія и выразительныя движенія. 11. *Кюльпе*. Опыты надъ процессомъ отвлеченія. 12. *Лай*. Сущность и задачи экспериментальной дидактики. 13. *Марбе*. О ритмѣ въ прозѣ. 14. *Марціусъ*. По вопросу о вліяніи психическихъ процессовъ на пульсъ и дыханіе. 15. *Мейманъ*. а) Расширеніе экспериментальнаго изслѣдованія памяти. б) Основы индивидуальной психологіи. 16. *Мюллеръ*. а) Отчетъ объ изслѣдованіи одного случая феноменальной памяти. б) О теоріи дополнительныхъ цвѣтовъ и о цвѣтовой слѣпотѣ. 17. *Шуманъ*. а) Необыкновенный случай цвѣтовой слѣпоты. б) Узнаваніе буквъ и словъ при мгновенномъ освѣщеніи. 18. *Зибекъ*. О психологіи наслажденія музыкою. 19. *Зоммеръ*. а) Объективная психопатологія. б) Демонстраціи: α) превращеніе пульса въ тоны, β) электромоторныя дѣйствія въ пальцахъ. 20. *Штумфъ*. О вмѣненіи. 21. *Чермакъ*. О воспріятіи глубины. 22. *Ваттъ*. Объ опытахъ съ реакціями. 23. *Вейгандтъ*. О психологіи сна. 24. *Врешнеръ*. Опыты надъ ассоціацією представленій. 25. *Цигенъ*. Объ измѣреніи времени реакціи у душевнобольныхъ и здоровыхъ. Кромѣ того сдѣлаютъ по всей вѣроятности сообщенія: *Альруцъ*, *Кизовъ*, *Раншбургъ*, *В. Штернъ* *Эттлингеръ*, *Экснеръ* и *Витазекъ*.

I. Оригинальныя статьи.

Лѣченіе внушеніемъ безъ гипноза.

Прив.-доц. В. П. Осипова.

Изъ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней акад. В. М. Бехтерева

Понятія о гипнозѣ и внушеніи такъ тѣсно связаны одно съ другимъ, примѣненіе гипноза настолько часто сопровождается внушеніемъ и обратно, для внушенія такъ часто пользуются гипнозомъ, что оба эти выраженія нерѣдко возникаютъ въ сознаніи одно съ другимъ, вслѣдствіе привычной ассоціаціи. Между тѣмъ, значеніе терминовъ совершенно различно по ихъ содержанію: гипнозъ есть *сноподобное состояніе* (акад. *Бехтеревъ*), внушеніе есть *прививаніе* извѣстныхъ идей или представленій въ подсознательную сферу внушаемаго (акад. *Бехтеревъ*, *Grasset*), слѣдовательно, внушеніе является *актомъ* одного лица по отношенію къ другому; если мы пользуемся, обыкновенно, гипнозомъ или гипнотическимъ состояніемъ для цѣлей внушенія, то только потому, что въ большинствѣ случаевъ это состояніе является наиболѣе удобнымъ для внушенія, во многихъ случаяхъ оно даже необходимое условіе удачнаго внушенія; но далеко не всегда: нерѣдко мы встрѣчаемъ лицъ, у которыхъ внушеніе прекрасно удается безъ усыпленія, которыя внушаемы въ бодрственномъ состояніи, «на яву». Практика примѣненія гипноза показываетъ, что существуютъ лица, не поддающіяся гипнозу, но поддающіяся внушенію; кромѣ того, существуютъ лица, у которыхъ явленія, легко развивающіяся во время внушеннаго гипнотическаго сна, какъ, напр., каталептическое состояніе, развиваются и внѣ этого условія, а возникаютъ какъ бы самопроизвольно.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что *гипнозъ* и *внушеніе* понятія далеко не тождественныя по своему содержанію.

Для цѣлей лѣчебныхъ мы можемъ пользоваться гипнотическимъ внушеніемъ и внушеніемъ безъ гипноза; послѣднее не является чѣмъ-либо новымъ въ медицинской практикѣ; какъ методъ, оно примѣняется давно, но ему удѣлялось меньше вниманія въ литературѣ, чѣмъ гипнотическому внушенію; между тѣмъ, внушеніе въ бодрственномъ состояніи имѣетъ за собою давнее

историческое прошлое, правда, не научное, и представляетъ цѣнный лѣчебный пріемъ въ настоящемъ.

Внушеніе играло большую роль въ жизни народовъ самаго различнаго происхожденія; особенно важное мѣсто ему удѣлялось въ религіозномъ культѣ народовъ и въ народномъ врачеваніи. Колдовство, вѣдовство, знахарство, заговоры основаны на внушеніи и, главнѣйшимъ образомъ, на внушеніи въ бодрственномъ состояніи. Конечно, такое примѣненіе внушенія имѣло и имѣетъ чисто эмпирическое происхожденіе, лишено всякой научной основы, и сами лица, безсознательно пользовавшіяся внушеніемъ, не шли въ объясненіи его дѣйствія дальше допущенія мистическаго вліянія темныхъ и свѣтлыхъ силъ. Такъ какъ въ исторіи культуръ всѣхъ народностей мы наблюдаемъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, то естественно, что при изученіи жизни всѣхъ народовъ мы встрѣчаемся и съ внушеніемъ; поразительные примѣры внушенія, гипноза и самовнушенія находимъ, напр., въ исторіи Индусовъ, которымъ эти явленія были извѣстны за многія сотни лѣтъ до нашего времени. Интересующихся ознакомиться съ ролью внушенія и гипноза въ общественной жизни и въ психологіи народовъ мы позволимъ себя направить къ сочиненіямъ акад. Бехтерева [1]), проф. Stoll'я [2]).

Обращаясь къ примѣненію внушенія въ бодрственномъ состояніи съ лѣчебной цѣлью въ научной медицинѣ, посмотримъ, какъ имъ пользуются. Внушеніе въ бодрственномъ состояніи производится такъ же, какъ и внушеніе въ гипнозѣ, лишь съ тою разницею, что больной не усыпляется предварительно для цѣлей внушенія. Обычно внушаемое лицо удобно усаживается въ кресло, внушающій проситъ его не думать ни о чемъ постороннемъ, не развлекаться, а со вниманіемъ слушать то, что ему будетъ сказано. Затѣмъ отчетливо, законченными фразами, въ категорической формѣ произносится формула внушенія. Такая схема модифицируется различнымъ образомъ, сообразно индивидуальнымъ особенностямъ даннаго больного; напр., иногда больныхъ, вниманіе которыхъ легко отвлекается въ сторону зрительными впечатлѣніями, что, конечно, отражается на успѣхѣ внушенія, просятъ закрыть глаза; чтобы избѣгнуть постороннихъ слуховыхъ раздраженій, устраиваютъ сеансы внушенія въ комнатѣ, въ которую не доносится шумъ и т. д. Самая форма внушенія также далеко не всегда одинакова: иногда исполненіе внушенія связывается съ временемъ внушенія, иногда исполненіе внушеннаго относится къ опредѣленному моменту будущаго; напр., можно внушить больному: «Вы испытываете пріятное настроеніе» и можно внушить иначе: «Когда Вы вернетесь домой, Ваше

[1]) Акад. *В. М. Бехтеревъ*. Внушеніе и его роль въ общественной жизни. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1904.

[2]) *O. Stoll*. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. — Leipzig. 1904.

настроеніе будетъ очень хорошимъ». Иногда исполненіе внушеннаго можетъ быть связано съ какимъ-либо другимъ медицинскимъ мѣропріятіемъ, напр., съ пріемами того или иного болѣе или менѣе индифферентнаго лѣкарственнаго вещества, съ воспріятіемъ раздраженія отъ электрическаго тока и вообще съ какимъ-либо предметомъ изъ окружающей среды.

Какимъ пріемомъ внушенія мы воспользуемся въ каждомъ данномъ случаѣ, трудно сказать заранѣе: все зависитъ отъ степени внушаемости даннаго лица; бываютъ лица настолько хорошо поддающіяся внушенію, что имъ достаточно произвести внушеніе безъ всякой подготовки, при случайной обстановкѣ, и внушенное исполняется самымъ точнымъ образомъ, иногда, наоборотъ, врачу приходится долго и упорно бороться съ сопротивленіемъ внушенію, пускать въ ходъ всю свою находчивость, чтобы добиться эффекта внушенія, нерѣдко блестящаго, несмотря на кажущуюся трудность даннаго случая. Поэтому, никогда не слѣдуетъ опускать руки при неудачныхъ попыткахъ внушенія, необходимо взвѣсить всѣ особенности даннаго случая, принявъ часто во вниманіе даже, повидимому, случайныя обстоятельства изъ жизни больного, и затѣмъ уже соотвѣтственнымъ образомъ направлять внушеніе. Ниже мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, теперь же обратимся къ выясненію вопроса, почему и когда мы прибѣгаемъ къ внушенію въ бодрственномъ состояніи, если гипнозъ представляетъ состояніе весьма удобное и весьма благопріятствующее внушенію.

Бываютъ лица, настолько хорошо поддающіяся внушенію въ бодрственномъ состояніи, что примѣненіе внушенія въ гипнозѣ у нихъ совершенно излишне. Такому лицу достаточно, напр., сказать: «Вы не владѣете Вашей правой рукой, она парализована»—и рука опускается, какъ инертное тѣло; или: «Вы испытываете пріятное настроеніе, Вамъ весело»—и на глазахъ наблюдателя грустное выраженіе лица больного смѣняется веселымъ, всѣ его движенія становятся оживленными, онъ подвиженъ, веселъ въ настоящемъ смыслѣ слова, о чемъ самъ заявляетъ врачу.

Далѣе, бываютъ лица, у которыхъ, несмотря на разнообразіе примѣняемыхъ способовъ, не удается вызвать гипнотическаго сна; значительная часть такихъ лицъ не поддается и внушенію въ бодрственномъ состояніи; тѣмъ не менѣе, и среди такихъ остается не мало лицъ, у которыхъ внушеніе въ бодрственномъ состояніи увѣнчивается полнымъ успѣхомъ.

Наконецъ, есть лица, которыя боятся гипноза: одни испытываютъ передъ нимъ неосновательный, но непобѣдимый страхъ и въ виду этого не желаютъ гипноза; другія не желаютъ гипноза потому, что гипнотическое состояніе вызываетъ у нихъ рядъ непріятныхъ ощущеній, какъ тяжесть въ груди, замираніе сердца, затрудненіе дыханія и нѣкоторыя другія; правда, нерѣдко всѣ эти ощущенія, какъ и страхъ передъ гипнозомъ, легко удается устранить предварительнымъ внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи, но устранить ихъ

удается не всегда и, кромѣ того, мы не имѣемъ нравственнаго права подвергать больного гипнозу противъ его желанія. Внушеніе въ бодрственномъ состояніи въ такихъ случаяхъ является весьма цѣннымъ лѣчебнымъ пріемомъ.

Пояснимъ изложенное приведеніемъ нѣкоторыхъ изъ наблюдавшихся нами примѣровъ.

Старушка, 63 лѣтъ, страдаетъ упорными невралгіями въ области развѣтвленій лѣваго тройничнаго нерва. Приступы невралгій сопровождаются сильнымъ повышеніемъ всѣхъ видовъ кожной чувствительности лѣвой половины лица, она не можетъ мыться, такъ какъ обмываніе лица водой обостряетъ боли, а обтираніе лица полотенцемъ невозможно по той же причинѣ; она не можетъ сморкаться, такъ какъ сморканье усиливаетъ боли; не можетъ ѣсть и пить ничего горячаго; изъ лѣваго глаза развивается обильное слезотеченіе, свѣтъ и прохладный воздухъ сильно раздражаютъ лѣвый глазъ, который она должна завязывать, какъ и всю лѣвую половину лица. Боли наступали періодическими приступами въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, но и въ промежутки между приступами не исчезали вполнѣ. Больная перепробовала различныя наркотическія средства, изъ которыхъ только морфій успокаивалъ боли; массажъ и электричество также не принесли облегченія; извлеченіе каріозныхъ зубовъ также не облегчило невралгическихъ приступовъ. Года три тому назадъ больная обратилась за помощью въ амбулаторію клиники, съ просьбой полѣчить ее гипнозомъ, который, она увѣрена, облегчитъ ея страданія.

При изслѣдованіи больной никакихъ физическихъ симптомовъ истеріи не было обнаружено. Попытка загипнотизировать больную окончилась неудачей—больная не только не заснула, но даже не задремала; тѣмъ не менѣе, ей было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе, что боли ея утихаютъ, утихли, что раздраженіе кожи успокоилось, что доказывается тѣмъ, что проведеніе пальцами по лѣвой сторонѣ лица не болѣзненно, что боли прошли и уже не вернутся; дѣйствительно, проведеніе пальцами по лицу не вызывало усиленія болей. По окончаніи сеанса больной объяснили, что для успѣха внушенія гипнотическій сонъ не обязателенъ, что внушеніе дѣйствуетъ и помимо гипноза. Повторное внушеніе, произведенное на слѣдующій день, окончательно уничтожило боли. Приступы невралгіи повторялись у больной каждые 3—4 мѣсяца, и каждый разъ удавалось купировать приступъ 2—3 сеансами внушенія въ бодрственномъ состояніи. Такое лѣченіе примѣнялось въ теченіи болѣе 2 лѣтъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ; но въ началѣ февраля 1903 года развился подъ вліяніемъ простуды приступъ такихъ сильныхъ и упорныхъ болей, что внушеніе уже не могло ихъ успокоить; боли уступили только вліянію морфія; когда боли уже прошли, послѣдовавшее вскорѣ новое ихъ обостреніе меньшей силы снова уступило вліянію внушенія.

Въ описанномъ случаѣ гипнозъ не былъ примѣненъ, такъ какъ больная не засыпала; въ то же время оказалось возможнымъ воспользоваться дѣй-

ствіемъ на нашу больную прямого внушенія въ бодрственномъ состояніи, и это внушеніе дало значительный успѣхъ, оказавшись безрезультатнымъ только одинъ разъ, при крайнемъ усиленіи болей.

Одна изъ воспитанницъ одного изъ Петербургскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній заболѣла воспаленіемъ голосовыхъ связокъ простуднаго происхожденія; общее самочувствіе ея было хорошее, болей никакихъ она не испытывала, но у нея развилась афонія, отсутствіе голоса, она могла говорить только едва слышнымъ шепотомъ; ей было разрѣшено присутствовать въ классѣ. Вызванная отвѣчать урокъ, она не могла этого сдѣлать, только шевелила губами; вслѣдъ за нею преподаватель вызвалъ другую воспитанницу, которая также оказалась лишенною голоса; третья воспитанница также не могла отвѣтить урока, вслѣдствіе отсутствія голоса. Вѣсть о такомъ событіи быстро разнеслась по всему учебному заведенію; въ тотъ же день, уже въ другомъ классѣ, лишилась голоса еще одна воспитанница, а черезъ три или четыре дня внезапно пропалъ голосъ и у пятой. Тогда всѣ пятеро были помѣщены въ лазаретъ и изолированы отъ сообщенія съ подругами. Такимъ образомъ, въ заведеніи развилась небольшая эпидемія потери голоса, которая, впрочемъ, ограничилась перечисленными воспитанницами. Первая изъ заболѣвшихъ воспитанницъ, у которой афонія была простуднаго происхожденія и зависѣла отъ распространенія воспалительнаго процесса на голосовыя связки, поправилась черезъ нѣсколько дней, утихло воспаленіе связокъ, и голосъ ея вернулся; остальныя четыре воспитанницы были направлены для осмотра въ клинику горловыхъ болѣзней проф. Симановскаго, которымъ былъ установленъ параличъ голосовыхъ связокъ истерическаго происхожденія, почему больныя были посланы для лѣченія въ клинику нервныхъ болѣзней акад. В. М. Бехтерева. Изслѣдованіе больныхъ, произведенное въ амбулаторіи клиники, открыло у всѣхъ четырехъ нѣкоторые признаки истеріи, какъ отсутствіе глоточнаго рефлекса, пониженіе рефлекса съ слизистой оболочки глаза, участки кожной поверхности съ пониженіемъ болевой чувствительности, globus hystericus; по словамъ воспитательницы, сопровождавшей больныхъ, всѣ четыре отличались нервозностью и неровнымъ характеромъ, измѣнчивостью настроенія; возрастъ больныхъ—отъ 12 до 14 лѣтъ.

Прежде всего было испытано лѣчебное примѣненіе гипноза; изъ всѣхъ четырехъ дѣвочекъ только одна впала въ легкую дремоту, остальныя три совершенно не заснули; гипнотическое внушеніе, сдѣланное первой, оказалось успѣшнымъ, она пришла на слѣдующій день уже въ улучшенномъ состояніи, у нея уже появился слабый голосъ; еще два сеанса гипнотическаго внушенія, и больная поправилась. Остальнымъ тремъ было сдѣлано нѣсколько разъ внушеніе въ бодрственномъ состояніи, но безъ успѣха; дѣвочки, рѣзвыя по натурѣ, видя, что онѣ не поправляются, начали посмѣиваться надъ такимъ лѣченіемъ, имъ казалось смѣшнымъ, что ихъ лѣчатъ только словами; способъ былъ

дискредитированъ, поэтому мы рѣшили сдѣлать наше внушеніе болѣе осязательнымъ для больныхъ; для этой цѣли мы воспользовались электрической искрой отъ статической машины Hirschmann'a, но чтобы искра не вызывала боли, мы примѣняли электродъ въ видѣ металлической щетки, дающій ощущеніе легкаго покалыванія; сеансы электризаціи продолжались не долѣе минуты, раздраженію токомъ подвергалось туловище и оконечности, каждый сеансъ сопровождался внушеніемъ, что голосъ долженъ возвратиться къ слѣдующему дню; подъ вліяніемъ такого рода лѣченія двѣ воспитанницы быстро поправились (черезъ 3 и 4 сеанса), не поправлялась только одна; между тѣмъ, наступили праздники, и дѣвочки были отпущены домой; какъ впослѣдствіи сообщила воспитательница, и послѣдняя воспитанница выздоровѣла: къ ея родителямъ, когда она была дома, пришелъ одинъ знакомый; ему, конечно, сейчасъ же разсказали, что дочка лишилась голоса; знакомый заявилъ, что такіе случаи бываютъ, но стоитъ нарубить немного моркови и, завернувъ въ тряпочку, на ночь привязать къ шеѣ: къ утру голосъ возвратится. Совѣтъ былъ исполненъ, и утромъ дѣвочка заговорила. До этого времени ей примѣняли согрѣвающіе компрессы на шею, но безъ всякаго успѣха.

Приведенный примѣръ интересенъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, заболѣваніе дѣтей, кромѣ первой воспитанницы, зависѣло отъ психической заразы, попавшей на благопріятную почву, такъ какъ заболѣвшія представляли симптомы истеріи; во-вторыхъ, двѣ изъ заболѣвшихъ воспитанницъ поправились подъ вліяніемъ внушенія въ бодрственномъ состояніи; въ-третьихъ—послѣдняя воспитанница поправилась подъ вліяніемъ такъ называемаго симпатическаго средства.

Всюду въ приведенномъ примѣрѣ на первомъ планѣ стоитъ вліяніе внушенія въ бодрственномъ состояніи: такимъ внушеніемъ распространяется психическое зараженіе: субъектъ безсознательно воспринимаетъ болѣзненные симптомы, развивающіеся у другого лица; идея о томъ, что онъ тоже боленъ, прочно прививается въ его подсознательной сферѣ, и у него обнаруживаются тѣ же болѣзненныя явленія; если въ воспріятіи зараженія выступаетъ еще элементъ подражанія, то обычно онъ стоитъ уже на второмъ планѣ, такъ какъ вызывающею причиною всетаки остается явленіе, вызвавшее подражаніе, да и стремленіе подражать болѣзненному явленію не свойственно здоровымъ людямъ.

Лѣчебное внушеніе въ бодрственномъ состояніи примѣнено было потому, что больныя не поддавались гипнозу. Непосредственное внушеніе въ бодрственномъ состояніи не увѣнчалось успѣхомъ, вслѣдствіе чего пришлось видоизмѣнить методъ внушенія, сопровождая словесное внушеніе одновременнымъ вызываніемъ кожнаго ощущенія и сосредоточивая вниманіе внушаемыхъ на этомъ ощущеніи. Въ первомъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ мы воспользовались непосредственнымъ внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи.

Излѣченіе послѣдней воспитанницы, поправившейся дома, произошло совершенно аналогично: ей было сдѣлано внушеніе въ бодрственномъ состояніи, при чемъ сила внушенія была, такъ сказать, связана съ изрубленной морковью. Разница въ томъ, что внушавшій самъ, вѣроятно, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ лѣчитъ внушеніемъ, а приписывалъ излѣченіе моркови; моркови приписывала излѣченіе и сама воспитанница, и воспитательница, и родители больной.

На вліяніи внушенія въ бодрственномъ состояніи основано дѣйствіе заговоровъ и различныхъ симпатическихъ средствъ; внушающимъ факторомъ при пользованіи симпатическими средствами является народная молва, приписывающая опредѣленному средству опредѣленное цѣлебное значеніе; отъ степени внушаемости лица, примѣняющаго къ себѣ такое средство, зависитъ успѣшность его лѣчебнаго дѣйствія; само собою понятно, что симпатическія средства помогаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вообще, по роду заболѣванія, возможно излѣченіе при помощи внушенія. Вѣра въ симпатическія средства поддерживается какъ дѣйствительными, такъ и мнимыми случаями излѣченія: подъ послѣдними я подразумѣваю такіе, когда болѣзнь проходитъ сама собою, но въ то же время больной примѣнялъ симпатическое средство; поправившись, онъ обыкновенно связываетъ свое излѣченіе съ примѣненнымъ средствомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности связь между его выздоровленіемъ и способомъ лѣченія отнюдь не причинная, а устанавливается только лишь во времени. Славѣ симпатическихъ средствъ весьма содѣйствуетъ умозаключеніе на ложномъ основаніи: post hoc, ergo propter hoc.

Приведемъ еще нѣсколько однородныхъ примѣровъ дѣйствія внушенія въ бодрственномъ состояніи; всѣ они относятся къ лѣченію недержанія мочи функціональнаго происхожденія, столь нерѣдко встрѣчающагося у дѣтей; это страданіе иногда долго не поддается упорному лѣченію: нижеприводимые примѣры заслуживаютъ вниманія по быстротѣ, съ которою вліяло внушеніе, и по очевидности излѣченія въ зависимости отъ внушенія, производившагося на амбулаторномъ пріемѣ въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Первый случай касается мальчика 12 лѣтъ, страдавшаго ночнымъ недержаніемъ мочи; съ ранняго его дѣтства не проходило ночи, чтобы онъ не обмочился въ постели; днемъ недержанія мочи у него не наблюдалось; родители примѣняли различныя средства, чтобы вылѣчить мальчика: ограничивали его въ питьѣ, будили по ночамъ; если его ночью будили своевременно, ночь проходила благополучно, но далеко не всегда это удавалось дѣлать во время. Изслѣдованіе больного не обнаружило никакихъ уклоненій въ развитіи половой сферы. Физически мальчикъ представлялся также хорошо развитымъ, психическое развитіе вполнѣ соотвѣтствовало возрасту. Обращало вниманіе отсутствіе конъюнктивальныхъ рефлексовъ и глоточнаго рефлекса, указывавшихъ на невропатическое предрасположеніе мальчика. Попытка загипнотизировать паціента

не увѣнчалась успѣхомъ. Поэтому ему было внушено въ бодрственномъ состояніи, что въ слѣдующую ночь онъ не обмочится въ постель, а среди ночи проснется, встанетъ и, выполнивъ необходимое, снова ляжетъ спать. Такое внушеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, но оно не гарантировано на дальнѣйшее время,—вѣдь мальчикъ могъ проснуться, уже обмочившись въ постели. Въ виду этого соображенія на слѣдующій же день ему было внушено, что ночью во снѣ онъ будетъ ощущать потребность къ мочеиспусканію и тогда будетъ немедленно просыпаться и вставать, чтобы удовлетворить ее. Внушеніе дало сначало неполный успѣхъ—мальчикъ всетаки обмачивался черезъ одну или двѣ ночи; сеансы внушенія повторялись, вмѣстѣ съ тѣмъ несчастные случаи происходили все рѣже и рѣже, у мальчика быстро развилась увѣренность въ томъ, что онъ выздоравливаетъ, и недѣли черезъ четыре отъ начала лѣченія, въ теченіе которыхъ внушеніе было повторено шесть разъ, онъ избавился отъ своей непріятной привычки.

Другой случай также относится къ мальчику 13-ти лѣтъ, страдавшему съ ранняго дѣтства недержаніемъ мочи, но проявленія этого недержанія были болѣе тяжелаго и непріятнаго свойства, нежели въ предыдущемъ случаѣ: каждую ночь онъ обмачивался въ постели, а въ теченіе всего дня моча вытекала у него небольшими порціями, такъ что онъ всегда былъ мокрый и всегда отъ него пахло; это былъ простой деревенскій мальчикъ, привезенный родителями въ Петербургъ и здѣсь отданный ученикомъ въ фотографію; хозяинъ и послалъ его лѣчиться, заявивъ, что, если онъ не поправится, придется отправить его обратно въ деревню, такъ какъ подобнаго ученика держать неудобно.

Изслѣдованіе нервной системы обнаружило, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, рядъ симптомовъ, указывающихъ на невропатическое предрасположеніе паціента: отсутствіе слизистыхъ рефлексовъ и повышеніе сухожильныхъ; кромѣ того, наблюдался еще одинъ весьма важный симптомъ, объяснявшій недержаніе мочи—мальчикъ не ощущалъ позыва къ мочеиспусканію, у него была анэстезія слизистой оболочки мочеиспускательнаго канала; половые органы были развиты нормально и не носили слѣдовъ онанистическаго раздраженія. Изслѣдованіе мочевого пузыря, произведенное хирургами, не показало никакихъ уклоненій отъ нормы.

Гипнотизированіе больного вызвало у него легкую дремоту; ему было внушено, что съ этого времени онъ будетъ мочиться въ постели черезъ день, а днемъ это будетъ съ нимъ случаться рѣже, такъ какъ позывъ къ мочеиспусканію онъ будетъ ощущать. Явившись черезъ недѣлю, мальчикъ заявилъ, что дѣйствительно три ночи за это время прошли благополучно, но что днемъ онъ не замѣтилъ у себя никакого улучшенія; рѣшивъ испытать, какъ на него подѣйствуетъ внушеніе въ бодрственномъ состояніи, я воспользовался, какъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, статическимъ электричествомъ, сопровождая электризацію внушеніемъ, что ночное недержаніе прекратится со-

вершенно, а днемъ онъ будетъ ощущать позывы черезъ извѣстные промежутки времени. Улучшеніе наступало постепенно, сначала довольно медленно, затѣмъ быстрѣе, сеансы электризаціи, сопровождавшіеся внушеніемъ, повторялись разъ въ недѣлю; черезъ семь недѣль паціентъ совершенно поправился.

Недавно мнѣ пришлось наблюдать еще одного мальчика 11-ти лѣтъ, страдавшаго ночнымъ недержаніемъ мочи; онъ былъ приведенъ въ амбулаторію отцомъ, заявившимъ, что это продолжается съ дѣтства, повторяется ежедневно, и что никакія діэтетическія мѣропріятія, въ смыслѣ ограниченія питья, не помогаютъ. Изслѣдованіе нервной системы и половыхъ органовъ не открыло никакихъ уклоненій отъ нормы; очевидно, дѣло шло объ укоренившейся дурной привычкѣ. Мальчику было сдѣлано внушеніе въ бодрственномъ состояніи, что больше онъ ни разу ночью не обмочится послѣ того, какъ начнетъ принимать пилюли, которыя ему будутъ прописаны. Назначены ему были пріемы стрихнина въ минимальной дозѣ, въ формѣ пилюль. Черезъ недѣлю отецъ снова привелъ показать мальчика и спросилъ, какъ поступить дальше? Шесть дней тому назадъ ему дали вечеромъ одну пилюлю, и ночь прошла благополучно; поэтому дальнѣйшіе пріемы пилюль были прекращены, а съ тѣхъ поръ въ теченіе уже шести ночей онъ ни разу не былъ мокрымъ; нужно ли продолжать лѣченіе? Мы отмѣнили пилюли, еще разъ внушили паціенту, что онъ здоровъ, а дальнѣйшее наблюденіе подтвердило его выздоровленіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ послѣднемъ случаѣ терапевтическій эффектъ былъ достигнутъ внушеніемъ, а не стрихниномъ, такъ какъ мальчикъ принялъ только одну пилюлю.

Всѣ три случая иллюстрируютъ примѣненіе внушенія въ бодрственномъ состояніи, но въ нѣсколько различной формѣ: первый случай является примѣромъ прямого, непосредственнаго внушенія въ бодрственномъ состояніи; во второмъ и въ третьемъ случаѣ исполненіе внушенія было связано съ примѣненіемъ другого лѣчебнаго метода и, въ этомъ смыслѣ, было косвеннымъ; во второмъ случаѣ внушеніе было связано съ ощущеніемъ раздраженія кожной поверхности статическимъ электричествомъ, въ третьемъ—исполненіе внушенія было поставлено въ зависимость отъ пріема лѣкарственнаго средства; второй и третій случай являются такимъ образомъ примѣрами дѣйствія непрямого или косвеннаго внушенія въ бодрственномъ состояніи, примѣрами внушенія черезъ посредство какого-либо иного агента. Несмотря на различіе методики примѣненія внушенія, результатъ во всѣхъ случаяхъ получился одинаково успѣшный.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ болѣе или менѣе успѣшнаго примѣненія внушенія въ бодрственномъ состояніи, но думаемъ, что приведенные нами примѣры съ достаточной ясностью и убѣдительностью доказываютъ, что внушеніе можетъ давать успѣшные лѣчебные результаты и безъ гипноза; далѣе, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какими показаніями слѣдуетъ руководствоваться для примѣненія внушенія безъ гипноза: эти пока-

занія соотвѣтствуютъ выставленнымъ нами въ началѣ статьи, поэтому мы не будемъ повторять ихъ лишній разъ; кромѣ того, приведенные примѣры показываютъ различныя видоизмѣненія въ техникѣ внушенія, способы прямого и косвеннаго внушенія въ бодрственномъ состояніи; предпочтительность того или иного способа внушенія для даннаго больного обусловливается его индивидуальными особенностями, что также явствуетъ изъ приведенныхъ примѣровъ; наконецъ, мы видѣли рядъ успѣшныхъ результатовъ, достигнутыхъ примѣненіемъ внушенія безъ гипноза; изъ этого слѣдуетъ, что внушеніе въ бодрственномъ состояніи представляетъ могучее лѣчебное средство, тѣмъ болѣе важное, что однимъ изъ существеннѣйшихъ показаній для его примѣненія является неудача или безуспѣшность попытокъ гипнотизированія.

Умственная работоспособность несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

7 (Экспериментально-психологическое изслѣдованіе [1]).

Д-ра мед. А. Щеглова.

При изученіи психологіи преступника представляется наиболѣе интереснымъ и важнымъ изученіе его нравственной сферы, изученіе его чувствованій, влеченій, интересовъ и вообще его отношеній къ окружающему міру. Но благодаря своей особенной сложности, сфера чувствованій и душевныхъ движеній является недоступной экспериментально-психологическому изслѣдованію. До сихъ поръ при изученіи и оцѣнкѣ этихъ проявленій душевной жизни, мы все еще пользуемся старымъ и единственнымъ методомъ изслѣдованія, методомъ наблюденія. Между тѣмъ, при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о томъ, является ли душевный міръ преступниковъ въ какомъ-либо отношеніи отличнымъ отъ душевнаго міра не-преступниковъ, представляется въ высшей степени желательнымъ примѣненіе болѣе точныхъ методовъ изслѣдованія, чѣмъ методъ непосредственнаго наблюденія, всегда заключающій въ себѣ въ большей или меньшей мѣрѣ элементъ субъективности. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы, напр., склонны признавать талантъ Достоевскаго къ психологическому анализу исключительнымъ; всѣ мы удивляемся поразительной способности этого писателя разбираться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ

[1]) Настоящая статья представляетъ собою сокращенное изложеніе работы того же автора: «Объ умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ» (Диссертація на степень доктора медицины). *Ред.*

душевныхъ движеніяхъ. Между тѣмъ даже наблюденія этого великаго психолога и художника, поставленнаго судьбой въ самыя близкія отношенія къ міру преступниковъ, не обладаютъ той ясностью и опредѣленностью, той объективной доказательностью, которая устранила бы дальнѣйшія пререканія и споры относительно психологіи преступника. Произведенія Достоевскаго, и въ частности его знаменитыя «Записки изъ мертваго дома» понимаются и толкуются совершенно различно людьми даже одной и той же профессіи, напр. психіатрами. Такъ, проф. Чижъ, убѣжденный сторонникъ существованія типа врожденнаго преступника, видитъ чуть не на каждой страницѣ «Записокъ» ясныя доказательства справедливости своего убѣжденія и приходитъ въ восторгъ отъ генія Достоевскаго, раньше всѣхъ подмѣтившаго и описавшаго этотъ типъ. Напротивъ, лица, не принадлежащія къ сторонникамъ гипотезы о такомъ типѣ, изучая произведенія Достоевскаго, приходятъ къ другому выводу и выносятъ убѣжденіе, что и Достоевскій также не признаетъ существованія врожденнаго и неисправимаго преступника. Приведемъ только одно мѣсто его «Записокъ», которое, какъ намъ кажется, должно удерживать всякаго наблюдателя, склоннаго къ признанію существованія типа врожденнаго и неисправимаго преступника, отъ окончательнаго произнесенія такого приговора.

«Въ острогѣ было иногда такъ—пишетъ Достоевскій—что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ, приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются, и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали» (стр. 258).

Если уже Достоевскому не всегда удавалось разгадать души жившихъ рядомъ съ нимъ преступниковъ, если нарисованная имъ картина душевнаго строя преступника понимается различными изслѣдователями различно, то это ясно говоритъ намъ, что одного метода наблюденія не достаточно для рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Такимъ образомъ, необходимость примѣненія методовъ экспериментально- и индивидуально-психологическаго изслѣдованія преступниковъ обнаруживается сама собой.

Но какъ мы уже сказали—экспериментальная психологія не овладѣла еще методами для изученія эмоціональной сферы человѣка, то ясно, что экспериментально-психологическое изученіе преступниковъ не можетъ пока имѣть своимъ предметомъ нравственную сферу ихъ и должно быть направлено на какую-либо другую область ихъ душевной дѣятельности.

Вопросомъ, имѣющимъ столь же важное значеніе въ изученіи генезиса преступленія, какъ и вопросъ объ особенностяхъ нравственныхъ чувствованій, и въ то же время вопросомъ, вполнѣ доступнымъ экспериментальному изслѣдованію, является вопросъ о работоспособности преступниковъ.

Состояніе работоспособности занимаетъ такое важное мѣсто въ характеристикѣ преступниковъ и играетъ такую важную роль во всемъ ихъ поведеніи и образѣ мыслей, что явилось стремленіе видѣть въ ихъ пониженной работоспособности одну изъ причинъ развитія въ нихъ преступныхъ наклонностей. Почти всѣ наблюдатели тюремнаго міра сходятся въ томъ, что преступникъ неспособенъ къ длительному умственному и физическому напряженію, что онъ питаетъ отвращеніе къ работѣ, и это отвращеніе вытекаетъ непосредственно изъ его органической психо-нервной слабости, другими словами, что преступникъ не хочетъ работать потому, что онъ не можетъ работать, не можетъ выносить того умственнаго и физическаго напряженія, которое связано съ каждымъ усиліемъ, съ каждой работой. Сами преступники иногда откровенно сознаются въ своей неспособности къ работѣ и заявляютъ, что они предпочитаютъ жизнь впроголодь необходимости работать.

Этой невыносливостью по отношенію къ длительнымъ напряженіямъ, этой неспособностью приспособить себя къ какой-либо работѣ проф. Бенедиктъ объясняетъ, между прочимъ, явленіе бродяжества. Постоянный переходъ бродяги отъ одной работы къ другой, постоянное стремленіе къ новымъ мѣстамъ объясняется потребностью бродяги въ новыхъ впечатлѣніяхъ, въ новой обстановкѣ, какъ въ новыхъ импульсахъ къ дѣятельности, въ которыхъ ихъ нестойкая и быстро утомляющаяся натура находитъ нѣкоторый источникъ силъ и энергіи. Проф. Бенедиктъ допускаетъ, что, если бродяга страдаетъ только одной физической неврастеніей, т. е. неспособностью къ длительному физическому напряженію, то можетъ случиться, что онъ въ теченіе всей жизни не совершитъ ни одного преступленія, оставаясь нищимъ, довольствующимся кускомъ хлѣба и прибѣгающимъ къ работѣ, какъ къ неизбѣжному и крайнему средству для поддержанія своего существованія.

Если же къ этой неспособности къ работѣ присоединится—что обыкновенно и бываетъ—нравственная неврастенія, неспособность бороться со своими влеченіями, то такой физическій и нравственный неврастеникъ неизбѣжно обращается къ преступленію, какъ средству для удовлетворенія своихъ потребностей.

Указанная особенность психо-нервной организаціи бродягъ дѣлаетъ этотъ классъ людей особенно склоннымъ къ преступленію, и дѣйствительно, по утвержденію многихъ знатоковъ тюремнаго міра, какъ напр. Kurella, Достоевскій, Максимовъ и другіе, бродяжество тѣсно связано съ преступленіемъ, и классъ бродягъ является главнымъ поставщикомъ обитателей для тюремъ и всевозможныхъ карательныхъ учрежденій [1]).

---

[1]) Не лишне замѣтить, что типы нашего бродяги и бродяги западно-европейскаго до послѣдняго времени представлялись во многомъ различными. Наши бродяги въ значительной своей части принадлежали къ наиболѣе тяжкимъ преступни-

Такимъ образомъ, неспособность къ длительному напряженію мало-по-малу развиваетъ нелюбовь и даже отвращеніе къ работѣ, стремленіе уклоняться и обходиться безъ нея и тѣмъ самымъ постепенно все больше толкаетъ человѣка на путь преступной дѣятельности. Такимъ путемъ, по объясненію проф. Бенедикта, и формируются воры, мошенники, поддѣлыватели и совершители всевозможныхъ подлоговъ.

Мало того, на почвѣ этой органической неспособности къ работѣ и отвращенія къ ней, мало-по-малу складывается опредѣленное настроеніе, въ которомъ бродяга, а впослѣдствіи и преступникъ, находятъ оправданіе для своей дѣятельности. Бродяга убѣжденъ, что онъ бросаетъ работу и переходитъ съ мѣста на мѣсто не потому, что ему тяжела работа и онъ нуждается въ новыхъ впечатлѣніяхъ, какъ въ новыхъ возбудителяхъ, а потому, что онъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ не желаетъ работать. Онъ находитъ, что хозяинъ грубъ, пища плоха, помѣщеніе тѣсно, или просто—работа не интересна и уходитъ съ сознаніемъ, что при такихъ условіяхъ не стоитъ работать. И всякій разъ онъ бросаетъ работу съ убѣжденіемъ, что нѣтъ настоящихъ условій для работы. Идя дальше, онъ легко склоняется къ тому, чтобы подыскать оправданіе и для преступной дѣятельности. «Если нѣтъ подходящихъ условій для настоящей работы и для честнаго труда, говоритъ онъ, то почему не обратиться и къ преступленію? Да и что такое преступленіе? Не сплошное ли преступленіе кроется въ способахъ наживы кругомъ насъ».

Накопившееся уже озлобленіе, примѣры легкой и сомнительной наживы среди окружающихъ, неудачи и нужда даютъ толчокъ преступнымъ влеченіямъ и окончательно лишаютъ воли и послѣднихъ силъ бороться съ ними. Дальше успѣхъ первыхъ преступленій, сознаніе своей ловкости, а главное—чувство силы въ новой дѣятельности побуждаютъ преступника окончательно остановиться на этой дѣятельности, какъ на наиболѣе легкой и пріятной.

Такимъ образомъ, на почвѣ неспособности къ длительному напряженію, къ работѣ и чисто органическаго отвращенія къ ней развивается опредѣленное настроеніе и мало-по-малу формируется и опредѣленный нравственный строй характеризующій преступника.

Въ виду столь важнаго значенія работоспособности человѣка во всемъ его душевномъ строѣ и поведеніи, конечно, представляется въ высшей степени интереснымъ и важнымъ провѣрить, дѣйствительно ли преступники являются людьми, менѣе способными къ работѣ, чѣмъ не-преступники? Представляютъ ли они при физическомъ и умственномъ напряженіи ту же интенсивность, ту же устойчивость и способность противодѣйствовать чувству утомленія?

камъ, укрывавшимъ подъ именами «Ивановъ не помнящихъ родства» прежнія осужденія, отъ отбыванія которыхъ они избавлялись бѣгствомъ и переходомъ въ «Ивановъ». Западно-европейскіе же бродяги мало чѣмъ отличаются отъ обычныхъ нищихъ. *Ред.*

Вотъ въ немногихъ словахъ тѣ основанія, которыя побуждаютъ заняться изученіемъ работоспособности преступниковъ.

Мы взяли на себя задачу заняться изученіемъ умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ. Намъ казалось, что все стороннее изученіе малолѣтнихъ преступниковъ можетъ доставить намъ болѣе цѣнныя указанія относительно роли и значенія прирожденной органической основы въ преступленіи, чѣмъ изученіе физической и психической организаціи преступника взрослаго. Въ послѣднемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ такими факторами, какъ алкоголизмъ, мытарства по тюрьмамъ, продолжительная преступная дѣятельность, различныя болѣзни и т. д. Все это, разумѣется, не можетъ не отражаться на душевномъ строѣ преступника и не можетъ не затемнять той роли, которую играетъ въ преступленіи прирожденная органическая основа.

Въ виду этого намъ казалось, что экспериментальная психологія должна прежде всего заняться изученіемъ малолѣтнихъ преступниковъ [2]), тѣмъ болѣе, что все распространяющееся примѣненіе ея методовъ изслѣдованія въ школахъ дастъ впослѣдствіи большой матеріалъ для всевозможныхъ сравненій.

Понятіе объ умственной работоспособности обнимаетъ довольно много различныхъ проявленій душевной дѣятельности. Сюда входитъ понятіе о скорости умственныхъ процессовъ, о способности къ длительному умственному напряженію, о большей или меньшей степени утомляемости, о способности сохраненія и воспроизведенія воспринятыхъ впечатлѣній, способности къ болѣе или менѣе точному воспріятію впечатлѣній и т. д. Разумѣется, мы не могли охватить и изучить всѣ проявленія умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ и остановились лишь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонахъ даннаго вопроса. Приэтомъ центральнымъ вопросомъ для насъ являлся вопросъ о состояніи вниманія во время умственной работы. Намъ кажется, что при опредѣленіи умственной работоспособности субъекта ничто не имѣетъ такого важнаго и существеннаго значенія, какъ состояніе его вниманія. Ни скорость умственныхъ процессовъ, ни точность въ воспріятіи впечатлѣній, ни способность къ наиболѣе совершенному сохраненію и воспроизведенію ихъ не играетъ такой роли, какъ способность управлять своимъ вниманіемъ, способность къ длительному и равномѣрному напряженію его, способность долгое время удерживать его на работѣ и переводить съ одной части ея на другую, соотвѣтственно поставленной задачѣ. Слабость вниманія, указывающая на пониженную способность субъекта къ обнаруженію волевого усилія, намъ кажется, является главнымъ основаніемъ пониженной работоспособ-

[1]) Нѣтъ нужды говорить, что и въ этомъ случаѣ опыты не будутъ вполнѣ чистыми. И малолѣтніе уже имѣютъ за собою исторію личныхъ неблагопріятныхъ и потому ослабляющихъ вліяній, но несомнѣнно исторію болѣе краткую.

Ред.

ности субъекта вообще. Вотъ почему мы и поставили себѣ задачей, изучая скорость умственныхъ процессовъ малолѣтнихъ преступниковъ и ихъ умственную утомляемость, изучить въ то же время состояніе ихъ вниманія какъ во время непродолжительной, такъ и во время продолжительной умственной работы.

Не имѣя возможности подробно излагать здѣсь методы нашихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Земледѣльческой колоніи (подъ Петербургомъ) для малолѣтнихъ преступниковъ и въ малолѣтнемъ отдѣленіи при С.-Петербургской тюрьмѣ, а также въ начальномъ городскомъ и ремесленномъ училищахъ, мы сообщимъ лишь главные результаты, полученные нами при нашихъ изслѣдованіяхъ.

Наше изслѣдованіе распадается на четыре части, различныя по содержанію и по методу. Въ первой и второй мы изслѣдовали скорость умственныхъ процессовъ малолѣтнихъ преступниковъ, въ двухъ другихъ—ихъ умственную утомляемость, причемъ во всѣхъ четырехъ частяхъ вопросъ о состояніи вниманія является кардинальнымъ вопросомъ изслѣдованія. Какъ при опредѣленіи скорости умственныхъ процессовъ, такъ и при опредѣленіи умственной утомляемости, мы ставили изслѣдуемыхъ въ условія продолжительной и кратковременной умственной работы, а именно: при опредѣленіи скорости умственныхъ процессовъ мы опредѣляли время психо-физической реакціи и время, потребное для болѣе сложныхъ психическихъ актовъ, каково рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ.

При изученіи умственной утомляемости мы заставляли изслѣдуемыхъ производить умственную работу въ теченіе 50-ти минутъ (складываніе однозначныхъ чиселъ) и другую работу, отличающуюся отъ первой какъ по характеру, такъ и по методу ея изученія (воспроизведеніе воспринятыхъ словесныхъ впечатлѣній), въ теченіе 10-ти минутъ, причемъ въ томъ и другомъ случаѣ изучали измѣненія въ характерѣ работы за все время ея теченія.

Изученіе психо-физической реакціи у малолѣтнихъ преступниковъ привело насъ къ выводу, что время простой реакціи и реакціи выбора представляется у нихъ большимъ, чѣмъ время реакціи у мальчиковъ не-преступниковъ того же возраста и общественнаго положенія. Точно также сравнительно большей оказалась и величина средней варьяціи какъ для простой реакціи, такъ и для реакціи выбора.

Полученные результаты указываютъ на нѣкоторое замедленіе въ теченіи умственныхъ процессовъ у малолѣтнихъ преступниковъ по сравненію съ мальчиками не-преступниками и на сравнительно меньшую устойчивость ихъ вниманія.

Скорость умственныхъ процессовъ, опредѣляемая количествомъ рѣшенныхъ въ минуту задачъ, другими словами, скорость теченія привычныхъ и простѣйшихъ ассоціацій, точно также представляется меньшей у малолѣтнихъ

преступниковъ по сравненію съ мальчиками не-преступниками. Приэтомъ произведенныя при помощи этого метода изслѣдованія въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ показали, что вліяніе упражненія проявляется значительнѣе у малолѣтнихъ преступниковъ, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ. Возрастаніе скорости умственныхъ процессовъ въ теченіе цѣлаго ряда опытовъ представляется относительно меньшимъ у изслѣдованныхъ нами учениковъ начальнаго городского и ремесленнаго училищъ, чѣмъ у малолѣтнихъ преступниковъ, и въ этомъ фактѣ мы усматриваемъ доказательство слабости волевого усилія, относительно меньшей способности сконцентрировать свое вниманіе на работѣ. Словомъ, приспособляемость къ работѣ, способность быстро развивать максимальную умственную дѣятельность у малолѣтнихъ преступниковъ выражена слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ.

Особенно важнымъ представляется изученіе состоянія вниманія и утомляемости при продолжительной умственной работѣ. Изучая работоспособность мальчиковъ преступниковъ и не-преступниковъ, мы придали здѣсь первенствующее значеніе не опредѣленію валового количества произведенной ими работы а *изученію качества или характера работы*, не опредѣленію того, сколько субъектъ успѣлъ сдѣлать, а изученію того, *какъ текла его работа.*

При изученіи работоспособности и утомляемости субъекта съ указанной нами точки зрѣнія, мы исходимъ изъ слѣдующихъ двухъ положеній, а именно: 1) основнымъ признакомъ нормальной работоспособности субъекта является способность его къ длительному и ровному напряженію вниманія; 2) первымъ признакомъ появившагося утомленія является неравномѣрность работы, скачки и колебанія въ ней, какъ послѣдствіе наступившихъ значительныхъ колебаній вниманія. Такимъ образомъ, при изученіи умственной работоспособности и утомляемости малолѣтнихъ преступниковъ основнымъ вопросомъ для насъ является вопросъ *о состояніи ихъ вниманія и его колебаніяхъ за все время совершенія ими работы.* Чтобы придти къ болѣе или менѣе удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса, намъ необходимо было не только опредѣлить количество правильно рѣшенныхъ задачъ и количество ошибокъ за каждую минуту всего рабочаго періода, но и всѣ тѣ колебанія въ работѣ, которыя наблюдались у каждаго изслѣдованнаго нами мальчика. Намъ казалось это необходимымъ въ виду сдѣланнаго нами предположенія, что при продолжительной работѣ, заключающейся въ непрерывномъ складываніи однозначныхъ чиселъ, мы получимъ не только уменьшеніе количества правильно рѣшенныхъ задачъ, но и различныя колебанія въ работѣ, указывающія на измѣненія въ дѣятельности вниманія. Мы предположили, что по мѣрѣ развитія чувства усталости, по мѣрѣ ослабленія напряженія вниманія, количества рѣшаемыхъ въ минуту задачъ будутъ все больше и больше отличаться одно отъ другого, будутъ представлять все большіе скачки и колебанія, что, однимъ словомъ, работа будетъ характеризоваться все большимъ непостоянствомъ и

неустойчивостью. Словомъ, мы предположили, что если опредѣлить количество рѣшенныхъ задачъ за каждую минуту всего рабочаго періода и затѣмъ вычислить отклоненія этихъ количествъ отъ средней величины за извѣстный періодъ времени (напр. за каждыя послѣдовательныя пять минутъ), другими словами, если опредѣлить *среднюю варьяцію* количества рѣшенныхъ въ минуту задачъ, то эта средняя варьяція будетъ возрастать по мѣрѣ возрастанія утомленія. Мы предположили, слѣдовательно, что при изученіи работоспособности и умственной утомляемости средняя варьяція количества рѣшенныхъ въ минуту задачъ—назовемъ ее *средней варьяціей работоспособности*—будетъ служить показателемъ состоянія вниманія и его колебаній. Опредѣленіе средней варьяціи работоспособности и является главнымъ предметомъ нашихъ изслѣдованій въ вопросѣ объ умственной утомляемости малолѣтнихъ преступниковъ.

Изученіе средней варьяціи работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ показало намъ, во-первыхъ, что ихъ вниманіе во все время работы представляется сравнительно болѣе колеблющимся и менѣе устойчивымъ, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ; во-вторыхъ, что малолѣтніе преступники обнаруживаютъ чувство усталости раньше, чѣмъ мальчики не-преступники; въ третьихъ, что ростъ чувства усталости, опредѣляемый относительнымъ возрастаніемъ средней варьяціи работоспособности, у малолѣтнихъ преступниковъ значительнѣе, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ.

Коэффиціентъ утомляемости, опредѣляемый относительной величиной паденія работоуспѣшности къ концу работы, у малолѣтнихъ преступниковъ представляется большимъ по сравненію съ мальчиками не-преступниками.

Наконецъ, способность къ сохраненію и воспроизведенію словесныхъ впечатлѣній у малолѣтнихъ преступниковъ представляется менѣе совершенной, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ изученіе колебаній вниманія, а слѣдовательно и утомляемости, при умственной работѣ, связанной съ воспроизведеніемъ воспринятыхъ словесныхъ впечатлѣній, точно также показало, что вниманіе малолѣтнихъ преступниковъ представляется менѣе устойчивымъ, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ. Указанныя особенности въ состояніи памяти и вниманія сказываются, во-первыхъ, меньшимъ количествомъ воспроизведенныхъ впечатлѣній, во-вторыхъ, болѣе значительнымъ измѣненіемъ въ направленіи вниманія, а именно, въ преимущественномъ его сосредоточиваніи на самыхъ послѣднихъ, какъ наиболѣе яркихъ и живыхъ впечатлѣніяхъ.

Итакъ, на основаніи произведенныхъ нами изслѣдованій, мы пришли къ выводу, что умственная работоспособность малолѣтнихъ преступниковъ представляется пониженной по сравненію съ мальчиками не-преступниками того же возраста и того же общественнаго положенія.

Біологическое значеніе психики.

Акад. В. М. Бехтерева.

(Окончаніе).

Нѣтъ надобности пояснять, что, если мы будемъ стоять исключительно на точкѣ зрѣнія эволюціи организмовъ путемъ механическимъ, въ видѣ, напр., естественнаго отбора, то для насъ будутъ непонятными ни пощада врагу, ни акты великодушія, и стремленія, проявляемыя иногда даже животными, ни состраданіе, ни тѣ высшія стремленія ума и нравственныя начала, которыя мы такъ цѣнимъ въ человѣкѣ. Какъ они могли бы развиться, если бы въ природѣ дѣйствовалъ только одинъ естественный отборъ? Откуда тогда эта нравственность, явившаяся, какъ deus ex machina, въ столь широкомъ развитіи у человѣка? Вѣдь у ближайшихъ къ человѣку животныхъ можно открыть лишь зачатки нравственности. Очевидно, что человѣкъ съ его нравственнымъ обликомъ былъ бы вдвойнѣ непонятнымъ явленіемъ въ природѣ, если бы мы держались того взгляда, что въ мірѣ животныхъ господствуетъ исключительно только естественный и половой отборы и что жизненныя задачи опредѣляются лишь борьбою за существованіе, причемъ психика не имѣетъ никакихъ правъ въ качествѣ самостоятельнаго фактора, вліяющаго на результатъ соревнованія организмовъ, въ общей жизненной борьбѣ.

Извѣстны конечно попытки нѣкоторыхъ дарвинистовъ нравственность подчинить вліянію естественнаго отбора; но результаты всѣхъ этихъ усилій скорѣе напоминаютъ намъ сѣдло, одѣтое на корову. Пока высшія проявленія ума и нравственности не могутъ быть сведены на простой автоматизмъ, на родъ инстинкта, и не могутъ быть разсматриваемы лишь съ точки зрѣнія полезныхъ привычекъ, до тѣхъ поръ здѣсь не мѣсто естественному отбору съ его малыми и случайными уклоненіями.

При этомъ конечно не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ громадной пользѣ отъ развитія нравственныхъ началъ при общественныхъ условіяхъ жизни, гдѣ основнымъ принципомъ должно быть подчиненіе жизни отдѣльныхъ особей интересамъ цѣлаго общества, какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ высшей пользѣ психики въ жизненной борьбѣ.

Если бы психика не играла роли важнаго и самостоятельнаго фактора въ біологическомъ смыслѣ, то какъ можно было бы понять ея развитіе до той степени, какую мы находимъ у высшихъ животныхъ и человѣка? Къ чему была бы эта излишняя роскошь природы, совершенно никому не нужная и безполезная?

Ясно, что и болѣе совершенное развитіе психики и нравственныхъ началъ не можетъ не быть полезнымъ съ точки зрѣнія соціально-біологической, но подвести и то, и другое подъ вліяніе естественнаго отбора уже потому не представляется возможнымъ, что естественный отборъ имѣетъ дѣло съ малыми физическими уклоненіями, закрѣпляемыми въ потомствѣ путемъ наслѣдственности, тогда какъ психика, представляя собою по существу процессы, протекающіе одновременно въ объективныхъ и субъективныхъ формахъ, до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія матеріалистовъ, не могла быть не только выведена изъ физическаго, но и не могла быть вполнѣ подчинена физическому.

Вотъ почему въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія психики долженъ играть роль другой факторъ, который мы и обозначили выше именемъ психическаго отбора. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что результаты психическаго отбора только тогда могутъ быть полезными для совершенствованія видовъ, когда они будутъ прочнымъ достояніемъ потомства. Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, возможны два пути упроченія психическаго совершенствованія въ потомствѣ. Это вліяніе наслѣдственности и соотвѣтственное воспитаніе.

У тѣхъ животныхъ, которыя размножаются дѣленіемъ и почкованіемъ, вообще безполымъ размноженіемъ, усовершенствованная подъ вліяніемъ жизненнаго опыта организація очевидно непосредственно передается отъ родителей потомству. Если въ теченіе индивидуальной жизни этихъ животныхъ постоянный опытъ и упражненіе въ извѣстномъ направленіи даютъ соотвѣтствующее усовершенствованіе организаціи, благодаря которому тѣ или другія жизненныя потребности удовлетворяются съ большей легкостью, то очевидно, что и потомство, развивающееся путемъ прямаго или непрямаго дѣленія, почкованія и т. п., должно получить въ указанномъ направленіи болѣе совершеннную организацію. А такъ какъ и психика этихъ низшихъ существъ, понимаемая въ смыслѣ элементарныхъ формъ внутренней переработки внѣшнихъ воздѣйствій и самоощущенія, является въ организмѣ болѣе или менѣе децентрализованною , то очевидно, что пріобрѣтенія ихъ элементарной психики, достигнутыя въ теченіе индивидуальной жизни въ смыслѣ болѣе тонкой и болѣе дифференцированной чувствительности, а равно и болѣе спеціальной реакціи на внѣшнія раздраженія, должны непосредственно передаваться отъ материнскаго организма дочернимъ организмамъ.

Совершенно иначе дѣло представляется у животныхъ съ большей централизаціей нервной системы, у которыхъ мы имѣемъ половое размноженіе. Здѣсь потомство воспроизводится изъ «половыхъ элементовъ», содержащихъ въ себѣ все необходимое для развитія будущаго организма, который путемъ наслѣдственной передачи усваиваетъ отличительныя особенности своихъ родителей. При этомъ, конечно, является существеннымъ вопросомъ, передаются ли въ потомство путемъ наслѣдственности только тѣ признаки, которые являются прирожденными для родителей, или же въ потомство могутъ пере-

8*

даваться также и тѣ признаки, которые пріобрѣтены въ теченіе индивидуальной жизни родителей. Какъ извѣстно, въ этомъ вопросѣ ученые дѣлятся на два различныхъ лагеря, изъ которыхъ одни (Спенсеръ, Броунъ-Секаръ, Рибо [1]) и др.) признаютъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ, другіе (Weissmann, G. de Lapouge и др.) ее отрицаютъ. Извѣстная теорія Weissmann'а, явившаяся, какъ непосредственное развитіе Дарвиновскаго ученія. не допускаетъ того, чтобы пріобрѣтенныя измѣненія тканей могли передаваться въ потомство. Но факты, которые приводятся въ защиту этой теоріи, еще не настолько убѣдительны чтобы можно было совершенно исключить иную точку зрѣнія. Если искусственное удаленіе тѣхъ или другихъ органовъ (какъ напр., отрубленные хвосты или вылущенные глаза) въ потомство не передается, то это еще не значитъ, что не могутъ такъ или иначе отразиться на потомствѣ пріобрѣтенныя измѣненія, особенно если эти измѣненія берутъ начало въ раннемъ возрастѣ и, такъ сказать, вкоренились въ самое существо организаціи, а не являются столь случайнымъ и, конечно, совершенно не соотвѣтствующимъ природѣ организма, какъ напр. лишеніе того или другого органа. Извѣстно, что уже Спенсеръ въ спорѣ съ Вейсманномъ относительно передачи по наслѣдству пріобрѣтенныхъ признаковъ ссылался на регрессивныя измѣненія челюсти и зубовъ у цивилизованныхъ расъ по сравненію съ дикими племенами.

Опыты Броунъ-Секара показали, что самки морскихъ свинокъ, сдѣлавшіяся эпилептическими, вслѣдствіе искусственнаго поврежденія спинного мозга, даютъ въ потомствѣ эпилепсію, что было затѣмъ подтверждено и другими авторами (Obersteiner'омъ, Гутниковымъ).

Точно также Броунъ-Секаръ убѣдился, что птозъ, вызванный перерѣзкой шейнаго симпатическаго нерва, можетъ передаться по наслѣдству.

Кромѣ того извѣстно, что многія пріобрѣтенныя болѣзни, напр., туберкулезъ, эпилепсія, истерія, иногда даже прогрессивный параличъ помѣшанныхъ, соотвѣтствующимъ образомъ вліяютъ на развитіе болѣзненныхъ состояній въ потомствѣ.

Все это повидимому не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ пріобрѣтенныя измѣненія передаются въ потомство. G. Vacher de Lapouge въ своемъ сочиненіи Les lois de l'hérédité объясняетъ непередачу по наслѣдству отрубленныхъ хвостовъ и удаленныхъ глазъ тѣмъ, что отсутствующій органъ не производитъ болѣе вліянія на половые элементы, вслѣдствіе чего въ нисходящемъ поколѣніи атавистическое вліяніе проявляется безъ противовѣса, и потому удерживаетъ строго первичный типъ органа. Если органъ существуетъ, онъ всегда проявляетъ свое вліяніе и тѣмъ болѣе полное, чѣмъ онъ менѣе измѣненъ. Поэтому шансы наслѣдственной передачи измѣненій органа

[1]) См. Рибо. Наслѣдственность душевныхъ свойствъ. СПБ. 1884.

будто бы тѣмъ болѣе значительны, чѣмъ менѣе значительно повреждение органа, и ничтожны, коль скоро нарушены очень значительно, или органъ совершенно удаленъ.

Какъ бы то ни было, наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ не можетъ быть вполнѣ исключаема. По крайней мѣрѣ не имѣется рѣшительныхъ доказательствъ противъ таковой передачи. Отсюда нельзя отрицать и наслѣдственнаго вліянія пріобрѣтенныхъ измѣненій нервной системы, въ смыслѣ болѣе скораго усвоенія потомками привычекъ родителей даже и въ томъ случаѣ, когда первые не имѣли возможности перенять эти привычки путемъ воспитанія. Во всякомъ случаѣ не исключена возможность того, что тѣ или другія измѣненія нервной системы, лежащія въ основѣ привычекъ, сложившихся втеченіе индивидуальной жизни подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, должны также отражаться на потомствѣ наслѣдственымъ путемъ въ формѣ хотя бы облегченнаго пріобрѣтенія при соотвѣтствующихъ условіяхъ тѣхъ же самыхъ привычекъ.

При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что большинство біологовъ безъ достаточнаго повода ограничиваетъ вліяніе наслѣдственности исключительно анатомическими отношеніями. Verworn не безъ основанія упрекаетъ современныя теоріи наслѣдственности, останавливающіяся исключительно на одной морфологической сторонѣ. Онъ справедливо указываетъ, что передача по наслѣдству должна быть понимаема много шире и что независимо отъ передачи по наслѣдству морфологическихъ признаковъ необходимо признать и передачу по наслѣдству опредѣленнаго характера жизненныхъ процессовъ, специализировавшихся въ каждомъ организмѣ, напр. въ видѣ особой формы обмѣна и т. п.

Ставъ на эту точку зрѣнія, должно принять, что пріобрѣтенныя втеченіе индивидуальной жизни усовершенствованія психическихъ отправленій, анатомически выражающихся большимъ дифференцированіемъ нервной ткани, могутъ вліять на потомство, если и не въ формѣ прямой передачи болѣе совершенной анатомической организаціи, то въ формѣ бóльшаго облегченія пріобрѣтенію достигнутаго родителями усовершенствованія своей организаціи. Человѣческій языкъ, составляя даръ, пріобрѣтаемый путемъ воспитанія, не передается по наслѣдству, какъ и всѣ вообще продукты воспитанія (G. Vacher de Lapouge, Les sélections sociales. Paris. 1896 г. стр, 105). Но наврядъ ли можетъ быть отрицаемо то, что въ современномъ человѣчествѣ передается по наслѣдству склонность къ быстрому усвоенію языка ребенкомъ, безъ каковой склонности пріобрѣтеніе знакомства съ языкомъ требовало бы гораздо большихъ усилій для ребенка, нежели мы имѣемъ въ настоящее время.

Все это приводитъ насъ къ предположенію, что въ потомство могутъ передаваться, если не сами пріобрѣтенныя морфологическія и динамическія особенности нервной системы, то по крайней мѣрѣ уменьшенная сопротивляемость нервной ткани въ опредѣленномъ направленіи, что даетъ благопріятную почву

для развитія болѣе совершенной психической дѣятельности. Извѣстно, что уже Ламаркъ въ своей Philosophie Zoologique объясняетъ цѣлесообразность организмовъ тѣмъ, что все полезное для организма удерживается въ потомствѣ, вслѣдствіе болѣе частаго упражненія. Между тѣмъ Дарвинъ цѣлесообразность организмовъ свелъ на естественный подборъ, иначе говоря, онъ усматриваетъ причину цѣлесообразности организма внѣ его природы. Не самъ организмъ является опредѣлителемъ полезнаго, а судьба, случай, проявившійся при рожденіи. Надо впрочемъ замѣтить, что въ Дарвиновскомъ естественномъ отборѣ организмъ не вполнѣ исключенъ изъ опредѣленія цѣлесообразности, такъ какъ полезныя, хотя и случайныя, уклоненія организаціи все же принадлежатъ самому организму, а не внѣшнимъ условіямъ. Роль организма здѣсь только подчинена неуловимому случаю, — этому сфинксу, котораго давнымъ давно изгнала изъ своихъ предѣловъ химія и физика, тогда какъ современная намъ біологія поставила его въ основу своего ученія.

Надо впрочемъ замѣтить, что самъ Дарвинъ допускалъ возможность перехода въ потомство пріобрѣтенныхъ признаковъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о передачѣ въ потомство пріобрѣтенныхъ въ теченіе индивидуальной жизни полезныхъ признаковъ, хотя и не можетъ быть исключаемъ изъ ученія объ эволюціи организмовъ, но нуждается еще въ болѣе прочныхъ доказательствахъ, предоставляя богатую почву будущимъ изслѣдованіямъ. Вотъ почему мы не станемъ болѣе заниматься этой стороной вопроса и перейдемъ къ выясненію значенія другихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ смыслѣ закрѣпленія умственныхъ пріобрѣтеній, достигнутыхъ данными особями, въ ихъ потомствѣ.

Въ этомъ отношеніи въ дѣлѣ преемственной передачи психическихъ пріобрѣтеній, являющихся результатомъ жизненнаго опыта, у животныхъ съ половымъ размноженіемъ играютъ выдающуюся роль психическіе же факторы, въ числѣ которыхъ необходимо прежде всего упомянуть о подражаніи. Такъ какъ подражаніе есть элементарная психическая способность, свойственная даже низшей степени психическаго развитія, то очевидно, что, благодаря этой способности, даже у низшихъ животныхъ происходитъ своего рода воспитаніе младшихъ, и слѣд. менѣе опытныхъ особей при общеніи ихъ со старшими, какъ болѣе опытными особями. Такое подражательное воспитаніе особенно находитъ для себя благопріятную почву при условіяхъ совмѣстной борьбы цѣлаго ряда особей съ неблагопріятными окружающими условіями, что должно случаться вообще нерѣдко въ мірѣ животныхъ. Во всякомъ случаѣ въ той или иной формѣ подражательное воспитаніе осуществляется у всѣхъ вообще животныхъ, гдѣ только возможна встрѣча младшихъ со старшими, или вообще менѣе опытныхъ съ болѣе опытными особями, независимо отъ ихъ возраста, въ виду чего эта форма воспитанія должна играть извѣстную, и при томъ далеко немаловажную въ біологическомъ отношеніи роль.

Здѣсь, конечно, мы встрѣчаемся съ менѣе совершенной, такъ сказать, не упорядоченной формой воспитанія, обезпечивающей однако тѣмъ животнымъ, которыя бросаютъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы отъ самаго рожденія, возможность передачи результатовъ ихъ жизненнаго опыта болѣе младшему поколѣнію при общеніи его съ болѣе старшими особями, путемъ непосредственнаго перениманія. Такая форма воспитанія, лишенная какой либо спеціальной организаціи, само собой разумѣется, предполагаетъ много случайностей, при которыхъ потомокъ часто, не успѣвъ пріобрѣсть путемъ общенія со старшими сотоварищами достаточно жизненнаго опыта, преждевременно гибнетъ. Тѣмъ не менѣе при томъ многочисленномъ приплодѣ, который обыкновенно оставляютъ низшія животныя, вышеуказанная форма подражательнаго воспитанія вполнѣ достигаетъ своей цѣли, въ смыслѣ передачи пріобрѣтеній психики отъ старшихъ поколѣній болѣе младшимъ и отъ болѣе опытныхъ менѣе опытнымъ.

Особенно благопріятнымъ условіемъ для этой формы передачи пріобрѣтеній психики являются, безъ сомнѣнія, соціальныя условія жизни, которыя мы встрѣчаемъ уже у многихъ низшихъ животныхъ. При общественности животныхъ мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ тѣмъ важнымъ условіемъ, которое состоитъ въ общеніи отдѣльныхъ особей другъ съ другомъ, благодаря чему результаты опыта одной особи передаются другимъ, становясь такимъ образомъ общимъ достояніемъ отдѣльныхъ особей данной общественной группы, а при болѣе обширномъ общеніи и другихъ подобныхъ же группъ. Эта передача здѣсь достигается прежде всего при посредствѣ совершенно автоматическаго подражанія или перениманія, примѣры чего въ животномъ царствѣ многочисленны и особенно обнаруживаются въ большихъ сообществахъ; извѣстно, что въ стадахъ животныя часто въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся тѣмъ, что повторяютъ вполнѣ автоматично то, что дѣлаетъ ихъ вожатый.

Другой способъ перениманія заключается въ передачѣ психическихъ состояній съ помощью разнообразныхъ выразительныхъ движеній и криковъ. Этотъ способъ перениманія чрезвычайно распространенъ среди животныхъ и можетъ быть уподобленъ языку и жестамъ у людей. Болѣе высшія животныя, какъ птицы и млекопитающія, широко пользуются для общенія другъ съ другомъ разнообразнымъ обнаруженіемъ голоса.

Благодаря этому способу общенія, достигается, безъ сомнѣнія, уже болѣе совершенная передача пріобрѣтеній психики отъ одной особи къ другой, нежели съ помощью неосмысленнаго подражанія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ съ помощью этого языка жестовъ несомнѣнно дѣло можетъ доходить до непосредственной передачи тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного животнаго другимъ,—передачи, которая можетъ быть уподоблена непосредственному прививанію психическихъ состояній, какое мы имѣемъ, напр., у людей въ формѣ прямой передачи мыслей жестами, знаками или восклицаніями.

Примѣромъ такой передачи могутъ служить тѣ тревожные звуки, которые издаютъ наши домашнія птицы въ минуту опасности, напр., при видѣ хищниковъ, и которые тотчасъ же сообщаются, подобно искрѣ, другимъ особямъ. Точно также безпокойный лай одной собаки, какъ извѣстно, быстро сообщается другимъ собакамъ, которыя равнымъ образомъ приходятъ въ состояніе тревоги.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что общественныя животныя имѣютъ выгоду не только отъ своего сообщества и борьбы съ окружающими условіями, viribus unitis, но и отъ непосредственнаго пріобрѣтенія жизненнаго опыта другъ отъ друга путемъ простого подражанія и преемственной передачи отъ однѣхъ особей другимъ и отъ старшихъ поколѣній младшимъ съ помощью разнообразныхъ выразительныхъ движеній и обнаруженія голоса.

Что этотъ факторъ непосредственной передачи пріобрѣтеній опыта путемъ общественнаго воспитанія несомнѣнно играетъ большую роль въ жизни животныхъ, доказываетъ жизнь муравьевъ вида oecophila smaragdina, живущаго въ восточной Индіи. Особенностью этого муравья, между прочимъ, является то обстоятельство, что онъ устраиваетъ свои гнѣзда изъ листьевъ, которыя плотно склеиваетъ по краямъ паутиной. Такъ какъ у самихъ муравьевъ нѣтъ органовъ, вырабатывающихъ паутину, то до недавняго времени вопросъ о томъ, откуда эти муравьи добываютъ паутину, оставался открытымъ; но изслѣдованія англичанъ Галанда и Грена показали, что рабочіе муравьи въ этомъ случаѣ пользуются паутиной, вырабатываемой въ изобиліи личинками своей колоніи. Рабочій муравей для этой цѣли беретъ своими челюстями личинку, подноситъ ее къ краямъ листьевъ и, заставивъ личинку выпускать свою паутину, пользуется этой личинкой, на подобіе мотка обволакивая ею края листьевъ; по окончаніи же работы онъ относитъ личинку вновь на прежнее мѣсто, при чемъ вся эта операція нисколько не вредитъ личинкѣ, такъ какъ ея паутины вполнѣ хватаетъ и для образованія кокона [1]).

Если теперь мы примемъ во вниманіе, что рабочій муравей, который собственно и выполняетъ вышеуказанную работу, лишенъ производительной способности, падающей на долю трутней и царицы муравейника, которые въ свою очередь не занимаются устройствомъ своихъ жилищъ, то станетъ понятнымъ, что естественный отборъ здѣсь не могъ сыграть своей роли. Рабочій муравей получаетъ вѣдь свою природу по наслѣдству отъ рабочихъ муравьевъ, которые постройкой вовсе не занимаются. Очевидно поэтому, что въ данномъ случаѣ особую способность рабочихъ муравьевъ нельзя объяснять наслѣдственной передачей; но все дѣло вполнѣ и хорошо объясняется, какъ скоро мы станемъ на нашу точку зрѣнія и примемъ во вниманіе естественное воспитаніе молодыхъ рабочихъ муравьевъ въ сообществѣ старшихъ рабочихъ му-

[1]) Альфредъ Жіардъ. Revue Scientifique, 1903.

равьевъ,—воспитаніе, основанное на непосредственномъ подражаніи. Каждый вновь поступающій членъ въ среду рабочихъ муравьевъ очевидно дѣлаетъ изъ чувства подражанія то же, что дѣлаютъ и другіе рабочіе муравьи, и такимъ образомъ естественно проходитъ извѣстную школу обученія; благодаря этому изъ поколѣнія въ поколѣніе въ средѣ рабочихъ муравьевъ передаются всѣ пріобрѣтенія въ области строительнаго искусства, достигнутыя старшими втеченіе своей индивидуальной жизни.

Воспитательныя наклонности мы встрѣчаемъ между прочимъ у такихъ низшихъ позвоночныхъ, какъ рыбы. По крайней мѣрѣ нѣкоторые виды рыбъ изъ порядка тѣхъ, которые строятъ себѣ гнѣзда, несомнѣнно воспитываютъ свою молодь. Относительно самца колюшки извѣстно, напр., что послѣ постройки гнѣзда и послѣ того, какъ самка колюшки спуститъ въ него свою икру, самецъ сторожитъ свое гнѣздо все время, пока не выйдетъ молодь, и даже время отъ времени обезпечиваетъ въ гнѣздо притокъ свѣжей воды движеніемъ своихъ плавниковъ. Съ выведеніемъ молодой колюшки отецъ старательно ухаживаетъ за своими дѣтьми, не даетъ имъ уходить далеко и тотчасъ же загоняетъ ихъ снова въ гнѣздо, какъ только предвидится какая-либо опасность. Такое воспитаніе молодого поколѣнія рыбокъ происходитъ въ теченіе всего времени, пока молодыя рыбки подрастутъ настолько, что онѣ могутъ быть вполнѣ отпущены на волю.

Тѣ же воспитательныя наклонности мы имѣемъ у рыбокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ макропода и радужника. Послѣ того, какъ макроподъ устроитъ свое гнѣздо въ видѣ плавучаго плотика, и когда привлеченная имъ самка начинаетъ метать икру, то самецъ макроподъ прежде всего наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы икрянки не попали наружу отъ гнѣзда; въ противномъ случаѣ онъ переноситъ ихъ самъ въ гнѣздо, которое послѣ метанія икры онъ все время старательнѣйшимъ образомъ сторожитъ. Затѣмъ, когда выходитъ молодь, макроподъ-отецъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы молявки не выходили за предѣлы своего гнѣзда и только послѣ того, какъ онѣ подрастутъ, отецъ-макроподъ предоставляетъ имъ полную свободу и покидаетъ гнѣздо.

Нѣчто аналогичное наблюдается у радужника, который, поставивъ свое гнѣздо-плотъ въ формѣ опрокинутой кверху дномъ сковородки, простираетъ свою заботу не только на охраненіе икры, но и на происходящее изъ нея потомство въ теченіе извѣстнаго времени.

Далѣе, очень заботливое воспитаніе своимъ ближайшимъ потомкамъ даютъ почти всѣ пернатыя и млекопитающія. Факты изъ жизни тѣхъ и другихъ животныхъ настолько общеизвѣстны, что врядъ ли нужны здѣсь особые примѣры. У болѣе высшихъ животныхъ, у которыхъ есть семьи и у которыхъ, слѣдовательно, дѣти въ теченіе извѣстнаго времени предоставляются заботамъ своихъ непосредственныхъ родителей, послѣдніе, какъ извѣстно, заняты въ теченіе извѣстнаго времени воспитаніемъ своихъ дѣтей, пока они не достигнутъ соот-

вѣтственнаго возраста, способнаго къ самостоятельной жизни. Достаточно быть ближе знакомымъ съ жизнью нашихъ домашнихъ животныхъ, напр., кошекъ, собакъ, куръ и пр., чтобы убѣдиться, что почти съ самаго рожденія начинается формальное обученіе молодыхъ особей искусству добывать себѣ пропитаніе, избѣгать враговъ и т. п. Обученіе кошками своихъ котятъ въ ловлѣ мышей представляетъ собою какъ бы цѣлый рядъ систематическихъ уроковъ, причемъ въ основѣ обученія у всѣхъ менѣе развитыхъ животныхъ лежитъ, очевидно, главнымъ образомъ, наклонность къ подражанію. Равнымъ образомъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, какъ старательно курица учитъ своихъ птенцовъ находить себѣ кормъ, роясь въ землѣ. Извѣстно также, что куры особыми звуками голоса предувѣдомляютъ своихъ птенцовъ объ опасности и старательно ихъ укрываютъ. Словомъ, у птицъ и млекопитающихъ мы встрѣчаемся съ настоящимъ систематическимъ воспитаніемъ родителями своихъ дѣтей, которое продолжается вплоть до того періода, когда послѣднія, достигнувъ извѣстнаго возраста и пріобрѣвъ соотвѣтствующій жизненный опытъ, будутъ способны къ вполнѣ самостоятельной жизни.

Само собою разумѣется, что воспитаніе воспитанію рознь. И въ мірѣ животныхъ мы встрѣчаемъ семьи, гдѣ воспитаніе происходитъ болѣе совершеннымъ образомъ, нежели въ другихъ семьяхъ. Всякому хозяину извѣстно, что есть кошки и собаки особенно чадолюбивыя, которыя отлично воспитываютъ и обучаютъ своихъ дѣтей. Извѣстно также, что однѣ куры ухаживаютъ лучше за своими птенцами, нежели другія, что въ свою очередь не можетъ не отразиться на самомъ потомствѣ; тѣ изъ потомковъ, которые лучше подготовлены къ жизненнымъ условіямъ путемъ воспитанія, конечно, имѣютъ и больше шансовъ пережить тѣхъ, которые не получили столь внимательнаго воспитанія, вслѣдствіе чего опять-таки въ результатѣ дѣло идетъ о переживаніи наилучше воспитанныхъ и обученныхъ, а слѣдовательно summa summarum и наиболѣе способнѣйшихъ. У большинства животныхъ при полигамическихъ отношеніяхъ дѣло семейнаго воспитанія поручается, какъ извѣстно, одной матери; но еще въ большей мѣрѣ воспитаніе достигаетъ своей цѣли при моногамическомъ образѣ жизни, когда воспитаніемъ заняты не только самки, но и самцы; здѣсь путемъ воспитанія передаются не только тѣ качества, которыя свойственны матери, но и тѣ, которыя свойственны отцу, вслѣдствіе чего цѣль воспитанія, т. е., подготовленіе къ жизненнымъ условіямъ, достигается полнѣе. При всемъ томъ, когда дѣло идетъ о семейномъ воспитаніи, большая или меньшая подготовка къ жизненнымъ условіямъ молодыхъ особей зависитъ отъ качествъ самихъ родителей, и потому естественно, что обученіе въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть и очень хорошимъ, а въ другихъ сравнительно плохимъ. Но у животныхъ, пользующихся общественной жизнью, дальнѣйшее воспитаніе обычно пополняется еще и въ сообществѣ со старшими.

Наконецъ, у людей и въ особенности у болѣе цивилизованныхъ народовъ,

гдѣ раздѣленіе труда достигаетъ наибольшей степени, воспитанію придается уже такое значеніе, что обыкновенно не довольствуются семейнымъ или такъ называемымъ домашнимъ воспитаніемъ, и оно поручается еще лицамъ, прошедшимъ для того спеціальную подготовку, причемъ организація воспитанія признается одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ функцій. Ясно, что при такой организаціи воспитанія, которую мы находимъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, сознательное обученіе и воспитаніе является важнѣйшимъ орудіемъ, благодаря которому умственныя пріобрѣтенія всѣхъ вѣковъ и народовъ становятся достояніемъ подрастающаго поколѣнія, чему способствуетъ въ особенности поразительное развитіе у людей устной и письменной рѣчи.

Нѣтъ надобности доказывать, что правильное воспитаніе у человѣка, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, является сильнѣйшимъ орудіемъ въ дѣлѣ сохраненія и передачи подростающему поколѣнію умственныхъ сокровищъ и пріобрѣтеній жизненнаго опыта всѣхъ предшествующихъ поколѣній и всѣхъ народовъ, что обезпечиваетъ прочнымъ образомъ дальнѣйшее поступательное движеніе цивилизаціи и быстрое распространеніе ея среди всего человѣчества. Вмѣстѣ съ этимъ и то общественное воспитаніе, которое основано на болѣе или менѣе постоянномъ взаимномъ общеніи и которое, какъ мы видѣли, играетъ немаловажную роль въ развитіи психики животныхъ, получаетъ огромное значеніе въ мірѣ человѣка, являясь здѣсь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ совершенствованія психики отдѣльныхъ индивидовъ.

Вышеуказанное закрѣпленіе пріобрѣтеній психики съ помощью общенія отдѣльныхъ особей и разныхъ видовъ воспитанія съ избыткомъ пополняетъ тотъ возможный недочетъ въ размноженіи, который нерѣдко связывается съ высшимъ развитіемъ психики. Если дѣйствительно чрезмѣрное развитіе психики приводитъ къ ограниченію личнаго потомства, въ пользу чего имѣются нѣкоторыя указанія и что, впрочемъ, нуждается еще въ провѣркѣ, то во всякомъ случаѣ психическія пріобрѣтенія, передаваясь путемъ общенія отдѣльныхъ особей другъ съ другомъ и взаимнаго ихъ воспитанія, должны укрѣпляться въ потомствѣ въ гораздо болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ путемъ передачи съ помощью физическаго унаслѣдованія усовершенствованной организаціи. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ унаслѣдованіемъ особаго рода, которое можетъ быть обозначено психическимъ унаслѣдованіемъ, которое во всякомъ случаѣ является гораздо болѣе важнымъ факторомъ закрѣпленія психическихъ пріобрѣтеній въ потомствѣ, нежели факторъ физической наслѣдственности. Потомство генія нерѣдко вымираетъ, но плоды его духовнаго творчества перенимаются многими и закрѣпляются въ потомствѣ, путемъ психическаго унаслѣдованія, становясь достояніемъ цѣлаго ряда грядущихъ поколѣній.

Само собою разумѣется, что народы, обезпеченные лучшими соціальными условіями, а равно и условіями воспитанія и обученія, совершенствуются быстрѣе по сравненію съ другими народами; будучи лучше подготовляемы къ

жизненнымъ условіямъ, они опережаютъ умственно и нравственно другіе народы, менѣе хорошо обставленные въ вышеуказанномъ отношеніи, вслѣдствіе чего послѣдніе постепенно вытѣсняются или даже фактически порабощаются первыми, а при неблагопріятныхъ условіяхъ даже вырождаются и вымираютъ. Въ этомъ и смыслъ психическаго отбора, что при его дальнѣйшемъ развитіи, которое мы находимъ, напр., въ образованномъ классѣ человѣчества, осуществляются задачи организма не съ узкой только точки зрѣнія пользъ и нуждъ своей личной организаціи, но и съ точки зрѣнія пользъ и нуждъ цѣлыхъ сообществъ, народовъ, племенъ и всего человѣчества, нуждъ и пользъ не только нынѣ живущихъ людей, но и всего потомства и при томъ не только ближайшаго, но и болѣе отдаленнаго. Этимъ, конечно, достигается обезпеченіе жизни высшихъ организмовъ въ ихъ борьбѣ съ неблагопріятными условіями окружающей природы въ гораздо большей мѣрѣ, нежели у низшихъ организмовъ, которые, обладая недостаточно дифференцированнымъ самоощущеніемъ и слабо развитой психикой, обыкновенно не идутъ въ своихъ стремленіяхъ далѣе обезпеченія своего собственнаго существованія и въ лучшемъ случаѣ своего ближайшаго потомства.

Психопатологическія черты у героевъ Максима Горькаго.

Д-ра М. О. Шайкевича.

(Окончаніе).

Теперь перейдемъ къ «отвергнувшимъ» или сильнымъ, т. е. людямъ. какъ бы произвольно поставившимъ себя внѣ общественной жизни, относящимся отрицательно или не желающимъ знать никакихъ необходимыхъ общественныхъ ограниченій, а всегда, наоборотъ, готовымъ произвести по меньшей мѣрѣ «нарушеніе общественной тишины и спокойствія», какъ выражается одинъ изъ «бывшихъ людей», Объѣдокъ.

Ихъ я раздѣлилъ бы въ свою очередь то же на двѣ категоріи: на «отвергнувшихъ—практиковъ» и «отвергнувшихъ—теоретиковъ».

Къ «практикамъ» я отношу всѣхъ тѣхъ, которые по своему душевному складу являются людьми, повинующимися только своимъ низменнымъ потребностямъ, почти лишенными голоса совѣсти, для которыхъ чужой интересъ, чужая личность представляетъ явленіе, по меньшей мѣрѣ, неизвѣстное. Понятно, такіе люди нетерпимы въ мало мальски благоустроенномъ обществѣ. гдѣ общее благо и интересы личности должны стоять на первомъ планѣ, Люди этой категоріи отличаются прежде всего тѣмъ, что они сильны и активны въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, и сильны не только потому, что ихъ ничто не сдерживаетъ, что у нихъ ослабленъ голосъ совѣсти, но также и потому,

что они вообще активны, у нихъ достаточно душевной энергіи для достиженія своихъ цѣлей. Кромѣ того они не похожи на предыдущихъ «отверженныхъ» еще тѣмъ, что дурныя, низменныя влеченія у нихъ являются, какъ нѣчто имъ присущее, какъ главная суть ихъ души, тогда какъ первые, если и предаются дурному, порочному, то большею частью какъ средству и часто наркотизирующему, чтобы только одурманить себя, помочь себѣ въ горѣ, подкрѣпить свою слабую душу. «Отверженный» если пьетъ, то съ горя; если развратничаетъ, то съ надрыва; если убиваетъ, то въ раздраженіи, въ запальчивости, импульсивно. «Отвергнувшій-практикъ» пьетъ въ мѣру, развратничаетъ, смакуя, впередъ предвкушая; убиваетъ хладнокровно, разсчитанно и увѣренно. Конечно, подобный душевный складъ скорѣе всего можетъ быть слѣдствіемъ болѣзненнаго недоразвитія или вырожденія. Но въ нѣкоторыхъ, я сказалъ бы, отдѣльныхъ случаяхъ эти душевныя черты могутъ объясняться своеобразными культурно-этнографическимими условіями.

Таковъ прежде всего князь Шарко Птадзе (Мой спутникъ), представляющій интересъ съ точки зрѣнія происхожденія нравственныхъ чувствъ. Фигура его обрисована Горькимъ удивительно ярко. Всѣ, конечно, помнятъ его страданія отъ физическихъ только лишеній, его любовь, чисто животную жадность и смакованіе исключительно физіологическихъ наслажденій, причемъ онъ болѣе напоминаетъ дикое хищное животное, чѣмъ домашнее, которое всетаки успѣло перенять если не благородство, то хотя бы нѣкоторую стыдливость, конфузливость отъ своего хозяина—культурнаго человѣка. Поражаетъ также его наивное безапелляціонное порабощеніе своего спутника-автора; откровенное же третированіе его какъ нѣчто низшее, а въ срединѣ путешествія и въ концѣ наглое до смѣшнаго предательство дѣйствительно могли научить автора многому, чего не вычитаешь изъ книгъ и за что останешься благодарнымъ даже такому Шакро Птадзе. Но даже и такой Шакро, который представляетъ собою существо, стоящее на границѣ между животнымъ и дикаремъ, былъ, если можно такъ выразиться, осложненъ національно сословными предразсудками, которые составляли нераздѣльную часть его узкаго своеобразнаго міропониманія, если кругъ его идей можно назвать міропониманіемъ.

Шакро же сильно напоминаетъ Артемъ въ разсказѣ «Каинъ и Артемъ», который вполнѣ подобенъ дикому, красивому животному, проводя свое время между амурными кратковременными набѣгами и безмятежнымъ лежаніемъ на пескѣ. Не смотря на то, что это животное на время и почувствовало благодарность къ спасшему его Каину, но не съ его душой можно встать выше толпы, улицы, надъ которой онъ имѣлъ власть только благодаря своей колоссальной физической силѣ. У Артема нравственныя чувства представляются рудиментарными, если можно такъ выразиться, но ихъ проявленіе особенно въ отношеніи ко всей личности не носитъ слѣдовъ болѣзненности. Это скорѣе уродство, а не болѣзнь, проявленіе, я сказалъ бы, атавизма болѣе родового,

а не индивидуальнаго, такъ какъ ведетъ къ вреду не столько индивида сколько рода.

Несомнѣнно болѣе патологиченъ Васька Красный («Васька Красный»), возмутительная кровожадная жестокость котораго, вѣроятно, не безъ оттѣнка полового извращенія, съ очевидностью свидѣтельствуетъ о недоразвитіи нравственнаго чувства. Но даже и этотъ звѣрь способенъ на просвѣтлѣніе души, хотя и при помощи тяжелаго урока. Васька представляетъ собою переходъ отъ звѣря въ образѣ человѣка къ такъ называемымъ нравственно помѣшаннымъ, moral insanity, образецъ котораго представляетъ Промптовъ въ разсказѣ «Проходимецъ», не чуждый теоретизированія и этимъ отчасти только напоминающій «теоретиковъ». Въ основѣ этого теоретизированія, резонерства лежитъ его своеобразный душевный складъ, диктующій ему всѣ его разсужденія. Всякій, кто прочтетъ «Исторію его жизни», увидитъ, что уже съ юныхъ лѣтъ онъ сталъ проявлять особенное безстыдство и распущенность въ своихъ преждевременно проснувшихся половыхъ вожделѣніяхъ, которыя вообще занимаютъ выдающееся мѣсто во всей его жизни. Черта эта особенно характерна для людей съ недоразвитіемъ нравственнаго чувства, черта тоже сильно преобладавшая у Свидригайлова—этого образца нравственно помѣшанныхъ, по мнѣнію профессора Чижа.

Всѣ его похожденія, многосторонняя дѣятельность на различныхъ поприщахъ указываетъ на его непостоянство, неспособность болѣе или менѣе долго сосредоточивать свое вниманіе и вообще свою душевную энергію на какомъ либо одномъ занятіи. Это происходитъ отъ того, что у такихъ лицъ обыкновенно отсутствуютъ самыя необходимыя качества, нужныя при болѣе или менѣе продолжительныхъ опредѣленныхъ занятіяхъ. Интересъ и любовь къ дѣлу наряду съ вниманіемъ представляются у нихъ ослабленными, а лѣнь и любовь къ праздности выступаютъ наиболѣе ярко. Многочисленныя же мошенническія продѣлки, рискованныя, остроумнѣйшія надувательства людей, о которыхъ онъ разсказываетъ безъ малѣйшаго намека на угрызенія совѣсти, и наконецъ не только сохранность умственныхъ способностей, но ихъ положительная значительность не безъ нѣкоторой даже талантливости, особенно къ артистической дѣятельности, а также проницательность и знаніе людей и жизни—все это прекрасно рисуетъ намъ образецъ высокой, такъ сказать, пробы нравственнаго дегенеранта.

Въ эту же категорію можно, пожалуй, зачислить и Татьяну Автономову изъ повѣсти «Трое», такъ какъ и она блещетъ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, стремясь только къ чувственнымъ наслажденіямъ и матеріальнымъ удобствамъ жизни мелкаго пошлаго пошиба. Къ ней же близко подходятъ супруги Костылевы «На днѣ». Приведенныя лица: Шакро, Артемъ, Васька Красный, Промптовъ и Татьяна Автономова, Костылевы заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что на нихъ можно воочію убѣдиться, сколько въ

жизни существуетъ оттѣнковъ нравственнаго недоразвитія и какъ не легко найти границы между нравственнымъ дефектомъ какъ явленіемъ, я сказалъ бы, біологическимъ и нравственнымъ дефектомъ, какъ явленіемъ патологическимъ и соціальнымъ.

Если Шакро Птадзе и Артемъ причиняютъ зло постольку, поскольку встрѣчаютъ препятствія въ общественной средѣ для своихъ животныхъ потребностей, то въ этомъ мы не вправѣ усматривать ничего болѣзненнаго, такъ какъ подобнымъ же образомъ велъ бы себя и левъ и тигръ, но только, конечно, болѣе рѣшительно и просто. Въ ихъ животныхъ чувствованіяхъ и стремленіяхъ нѣтъ также ничего болѣзненнаго еще потому, что эти качества не являются непосредственно вредными для ихъ организма, ихъ индивидуальной жизни, они оказываются только не полезными для ихъ рода въ условіяхъ современнаго и, конечно, будущаго человѣческаго общества. Люди съ подобными рудиментарными нравственными качествами въ нѣкоторомъ смыслѣ уроды, они должны вымирать въ борьбѣ за существованіе, какъ не подходящіе подъ уровень современныхъ соціальныхъ требованій, по тому самому, что ихъ нравственный дефектъ и вся ихъ личность слишкомъ біологичны и стоятъ какъ бы по ту сторону общественной жизни. Не то мы видимъ у Татьяны Автономовой и Костылевыхъ, которые не меньше похотливы и грубо эгоистичны, чѣмъ Шакро и Артемъ, но въ ихъ нравственной дефектности чувствуется болѣе знакомое,—это есть выродки непосредственно современнаго общества, въ ихъ существованіи болѣе повинно само общество, ихъ породившее и среда, ихъ вскормившая. Они близки къ героямъ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора», такъ что нравственный дефектъ Татьяны Автономовой и Костылевыхъ непосредственно, я сказалъ бы, общественнаго происхожденія.

Васька Красный очень сильно напоминаетъ и Шакро, и Артема, но его возмутительная кровожадность въ спеціальной только сферѣ, какъ по силѣ, такъ и по специфичности своего проявленія прямо указываетъ на извращеніе, близкое къ упомянутому уже садизму, а потому Васька Красный стоитъ на границѣ людей уже патологическихъ.

Такимъ же намъ представляется и Промптовъ, который помимо извѣстнаго ослабленія вниманія и воли проявляетъ чрезмѣрно острую стремительность къ причиненію зла другимъ; слишкомъ уже ярко выступаетъ въ немъ эта черта на ряду съ несомнѣннымъ резонерствомъ. Нѣкоторая же своеобразная его одаренность позволяетъ его отнести къ категоріи высшихъ дегенерантовъ по Маньяну.

Нельзя обойти молчаніемъ здѣсь и второстепенныхъ темныхъ лицъ изъ «Бывшихъ Людей», личности которыхъ, какъ и предыдущихъ, представляютъ интересъ съ точки зрѣнія не только психіатрической, но особенно криминально-антропологической. Для иллюстраціи возьму описаніе хотя бы только двухъ: «Приходилъ высокій, костлявый и кривой на лѣвый глазъ, неизвѣстнаго

происхожденія человѣкъ, съ испуганнымъ выраженіемъ въ большихъ круглыхъ глазахъ, молчаливый, робкій, трижды сидѣвшій за кражи по приговорамъ мирового и окружнаго судовъ. Фамилія его была Кисельниковъ, но его звали Полтора Тараса, потому что онъ былъ какъ разъ на полроста выше своего неразлучнаго друга, дьякона Тараса, разстриженнаго за пьянство и развратное поведеніе. Дьяконъ былъ низенькій и коренастый человѣкъ съ богатырской грудью и круглой, кудластой головой. Онъ удивительно хорошо плясалъ и еще удивительнѣе сквернословилъ. Они вмѣстѣ съ Полтора Тарасомъ избирали своей спеціальностью пилку дровъ на берегу рѣки, а въ свободные часы дьяконъ разсказывалъ своему другу и всякому желающему слушать сказки «собственнаго сочиненія», какъ онъ заявлялъ. Слушая эти сказки, героями которыхъ всегда являлись святые, короли, священники и генералы, даже обитатели ночлежки брезгливо плевались и таращили глаза въ изумленіи предъ фантазіей дьякона, разсказывавшаго, прищуривъ глаза и съ безстрастнымъ лицомъ, поразительно безстыдныя вещи и грязно фантастическія приключенія. Воображеніе этого человѣка было неизсякаемо и могуче—онъ могъ сочинять и говорить цѣлый день съ утра и до вечера и никогда не повторялся. Въ лицѣ его погибъ, быть можетъ, крупный поэтъ, въ крайнемъ случаѣ недюжинный разсказчикъ, умѣвшій все оживлять и даже въ камни влагавшій душу своими скверными, но образными и сильными словами». (Т. II стр. 165).

Хорошъ и юноша Метеоръ, *спокойно и почтительно* объявившій Мартьянову: «А я возьму камень и по головѣ васъ тресну».

Галлерею этихъ портретовъ, конечно, пополняетъ собою «студентъ» въ разсказѣ «Въ степи», такъ предательски жестоко и спокойно задушившій встрѣтившагося ему чабана.

Трудно сказать, что заставило всѣхъ ихъ сдѣлаться «бывшими людьми». Конечно общія условія являются для нихъ столь же могущественными, какъ и для всѣхъ людей. Но какое же отношеніе этихъ «бывшихъ людей» къ настоящимъ и будущимъ людямъ? Относительно будущихъ людей ничего неизвѣстно. По отношенію же къ настоящимъ людямъ видимъ со стороны «бывшихъ» озлобленность, ненависть, желаніе въ каждый данный моментъ произвести «нарушеніе общественной тишины и спокойствія». Мотивировка этихъ послѣднихъ чувствъ и желаній содержателемъ «ночлежки» Аристидомъ Кувалдой въ данномъ случаѣ не можетъ идти въ счетъ, такъ какъ Кувалда, по моему, больше подходитъ къ типу «теоретиковъ», о которыхъ рѣчь впереди. Я хочу этимъ сказать, что всѣми этими Полтора Тарасами, дьякономъ, Тяпой, Метеоромъ, Концомъ врядъ ли руководили тѣ своеобразные философско-цивическіе мотивы, которые такъ энергично высказывалъ Кувалда. Всѣ они въ изображеніи автора представлены намъ чуть ли не образцами «преступнаго типа» въ смыслѣ Ломброзо. Конечно «преступный типъ» Ломброзо справедливо оспаривается, но нельзя не признать, что представленная Горькимъ ком-

панія за исключеніемъ Кувалды и учителя—готовые преступники съ сильнымъ пониженіемъ нравственнаго чувства. Есть ли среди нихъ личности патологическія, трудно сказать. Нѣкоторыхъ можно подозрѣвать, напримѣръ Тяпу, который производитъ впечатлѣніе прямо первично помѣшаннаго. Преступленія вплоть до убійства они совершаютъ довольно спокойно, напр. «студентъ» «Въ степи» или Метеоръ, спокойно и почтительно объявившій о своемъ намѣреніи.

Интересно, что среди этой категоріи лицъ мы не встрѣчаемъ проститутокъ. Вообще нужно сказать, что въ изображеніи Горькаго нѣтъ ни одного женскаго типа, нѣтъ ни одной женщины, которая бы занималась этой печальной профессіей изъ любви къ дѣлу. Тогда какъ «отвергнувшіе-практики», въ особенности патологическаго типа, какъ Промптовъ, творятъ зло съ удовольствіемъ, повинуясь велѣніямъ своего болѣзненно-порочнаго душевнаго склада, развратничаютъ тоже на этомъ основаніи, — женщины занимаются проституціей въ силу случайно сложившихся обстоятельствъ, все время держа себя въ какомъ то наркозѣ, иныя потерявъ даже по крайней мѣрѣ внѣшній обликъ человѣка, какъ Матица, другія же отдавая и продавая свое тѣло и тщательно хороня и скрывая свою душу.

«Отвергнувшіе-теоретики» ставятъ себя внѣ всякаго общества, какъ реальнаго, такъ и идеальнаго не только, такъ сказать, инстинктивно, повинуясь велѣніямъ своихъ страстей, своихъ порочныхъ или болѣзненно порочныхъ влеченій, какъ это мы видѣли у «отвергнувшихъ-практиковъ», — напротивъ, у всѣхъ у нихъ мы видимъ какъ бы особое міровоззрѣніе, особую теорію, цѣлый рядъ разсужденій, предшествующихъ или вѣрнѣе сопутствующихъ ихъ образу жизни. «Мы видимъ въ нихъ, пишетъ Николай Константиновичъ Михайловскій [1]), ту же жадность жить, тоже стремленіе къ ничѣмъ неограниченной свободѣ; то же фатальное одиночество и отверженность, причемъ не легко установить—*отверженные они или отвергнувшіе* [2]); ту же высокую самооцѣнку и желаніе первенствовать, покорять, находящія себѣ оправданіе въ выраженномъ или молчаливомъ признаніи окружающихъ; то же тяготѣніе къ чему нибудь чрезвычайному, пусть даже невозможному, за чѣмъ должна послѣдовать гибель, ту же жажду наслажденія, соединенную съ готовностью какъ причинить страданіе, такъ и принять его; ту же неуловимость границы между наслажденіемъ и страданіемъ».

Уподобивъ ихъ «чандаламъ» и видя въ нихъ родство, какъ съ древней бродячей Русью, такъ и съ современными цыганами, Н. К. Михайловскій чрезвычайно тонко усматриваетъ въ нихъ свою психологическую особенность, свою

[1]) Н. К. Михайловскій. О. Г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ. Сборникъ критич. ст. 1901 г. стр. 93.

[2]) Курсивъ мой.

«новость», именно ту, что они бродятъ не цѣлой ордой, таборомъ, стадомъ, съ которыми связаны самыми тѣсными узами, а наоборотъ «бродяжатъ въ одиночку и никакихъ узъ не знаютъ и не хотятъ знать». Далѣе нашъ критикъ съ обычной для него глубиной и проницательностью проводитъ параллель между ученіемъ Нитцше и всѣмъ жизненнымъ profession de foi этихъ, «отвергнувшихъ-теоретиковъ».

Къ нимъ нужно отнести: Челкаша, Лойко-Зобара, Радду, Ларру, Мальву, Сережку, Аристида Кувалду, нѣсколько меньше Гришку Орлова и съ большими оговорками Коновалова, Фому Гордѣева и Илью Лунева.

Къ той характеристикѣ, которую сдѣлалъ Н. К. Михайловскій, трудно что нибудь прибавить. Характеристика эта объясняетъ намъ цѣликомъ какъ психологію этихъ лицъ, такъ и ихъ поведеніе, какъ слѣдствіе ихъ душевнаго склада съ одной стороны и какъ слѣдствіе ихъ своеобразнаго отношенія къ современному и всякому обществу, узъ котораго они не знаютъ и не желаютъ знать. Если исключить Коновалова, Фому Гордѣева и Илью Лунева, а также Гришку Орлова, какъ принадлежащихъ къ переходному типу, то остальныя упомянутые «теоретики» представляются мнѣ людьми съ наиболѣе здоровой душой сравнительно съ другими героями Горькаго. Ихъ пьянство не вытекаетъ изъ болѣзненнаго влеченія, а является только средствомъ, приправой для остроты, силы ощущеній въ дикомъ, непремѣнно свободномъ, безграничномъ разгулѣ, напоминающемъ собою разгулъ запорожцевъ. Здѣсь вся суть въ силѣ ощущеній и пользованіи безграничной свободой. Таковъ, по крайней мѣрѣ первоисточникъ пьянства, не говоря о дальнѣйшей привычкѣ. Въ силу же этого пьютъ и «гуляютъ» Мальва, Саша (Фома Гордѣевъ), отчасти Олимпіада (Трое) и не совсѣмъ, но очень похоже Коноваловъ, Фома Гордѣевъ и Иль, Луневъ. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ женщинами, но уже другого типа- женщинами сильными духомъ, властными, свободолюбивыми, не желающими знать никакихъ узъ. Если многія изъ нихъ и попали на торный путь, то только потому, что здѣсь для нихъ нѣтъ границъ, причемъ всетаки ихъ свободолюбивая душа не получаетъ своего удовлетворенія, а скрывается въ глубинѣ. Для посторонняго же глаза у нихъ есть своя маска—маска постояннаго дурмана и напускного веселья и разгула.

Говоря объ «отвергнувшихъ-теоретикахъ», мы сказали, что къ нимъ можно причислить Фому Гордѣева, Коновалова, Илью Лунева и Гришку Орлова, но только съ большими оговорками. И дѣйствительно, всѣ они похожи на людей этого типа по силѣ своего чувства и по преобладанію его надъ другими сторонами душевной дѣятельности, по злобно-отрицательному отношенію къ окружающей дѣйствительности, по чрезмѣрному не такъ самолюбію, сколько особенной чуткости и внимательности къ собственной личности. Наряду съ этими качествами мы видимъ и другія не менѣе сильныя и противуположныя, а потому часто приходящія въ столкновеніе съ первыми, это: непобѣдимое

стремленіе къ лучшему, грызущая тоска отъ неумѣнія найти пути къ этому лучшему, тоска, въ припадкѣ которой человѣкъ способенъ какъ на самоубійство, такъ и на самопожертвованіе, лишь бы осуществить это лучшее. Суть же жизненной трагедіи этихъ лицъ заключается въ сильномъ «не гибкомъ сердцѣ» при относительно недостаточномъ умѣ. Не смотря на всѣ рецепты, которые рекомендуетъ спокойный разумъ для борьбы со зломъ для постепеннаго достиженія лучшаго, сильное «не гибкое сердце» этихъ людей не можетъ ихъ принять и съ ревомъ и стономъ требуетъ сейчасъ же полнаго осуществленія царствія Божія на землѣ.

Таковъ прежде всего Фома Гордѣевъ. Его, какъ я уже говорилъ, нѣкоторые психіатры считаютъ типичнымъ неврастеникомъ или же психоастеникомъ и даже видятъ у него неблагопріятную наслѣдственность въ лицѣ матери. Я не знаю, что можно видѣть болѣзненнаго въ матери Фомы? Если она была молчалива, подолгу простаивала предъ окномъ, задумавшись, и была вообще не весела, то, мнѣ кажется, прежде чѣмъ говорить о ея болѣзненности, нужно обратить вниманіе вотъ на что: она была изъ строгой сектантской семьи, по всему своему нраву и вкусамъ пуританка, вышла замужъ за Игната вѣроятно не по любви, какъ это часто бываетъ въ купеческомъ быту. Принявъ это въ соображеніе, можно ли было ожидать чего-либо иного отъ душевнаго состоянія матери Фомы, когда ей приходилось жить съ такимъ „шалымъ» какъ называли Игната. Фактъ ея смерти во время родовъ тоже врядъ ли можно непремѣнно относить на счетъ ея невропатичности, потому что умираютъ при родахъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, ничего общаго ни имѣющихъ съ невропатичностью. Если на рефлексію Фомы смотрѣть, какъ на унаслѣдованную отъ отца, то рефлексію Игната, если только его покаяніе можно назвать рефлексіей, мы склонны объяснять иначе, отнюдь не какъ болѣзненную черту. Объ этомъ мы уже говорили выше.

Итакъ, мы покончили съ наслѣдственностью Фомы,—въ чемъ же проявляется его психоастеничность, его душевная слабость?

Въ дѣтствѣ и юношескомъ возрастѣ приблизительно до 19—20 лѣтъ мы видѣли Фому здоровымъ, крѣпкимъ, жизнерадостнымъ мальчикомъ, любознательнымъ, любознательность котораго, правда, болѣе проявлялась въ сферѣ чувства, чѣмъ мысли. Но черта эта станетъ вполнѣ понятной, если признать, что Фома дѣйствительно является съ самаго начала и до конца человѣкомъ болѣе чувства, чѣмъ ума. Да, наконецъ, здѣсь не маловажную роль сыграло воспитаніе его, сироты, безъ матери подъ вліяніемъ тетки, умѣвшей такъ сильно дѣйствовать на чувство и фантазію ребенка своими поэтическими разсказами. Но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни патологическаго. Въ дальнѣйшемъ когда Фома сталъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ, мы видимъ его безпредѣльныя метанія, буйные кутежи и оргіи, полное бездѣліе, отъ которыхъ его претитъ и постоянное тяготѣніе, постоянное исканіе чего-то лучшаго, при-

слушиваніе къ каждому, который хоть немного, хоть каплю свѣта можетъ внести въ тотъ добродѣтельно-идеалистическій туманъ, который застилаетъ его умъ и вѣчно терзаетъ его «негибкое сердце», производя грызущую тоску.

Не напоминаетъ ли вамъ Фома Пьера Безухова, этого грузнаго, здороваго, разсѣяннаго, добраго юношу, тоже прислушивающагося въ своемъ исканіи истины къ каждому, начиная съ массоновъ и кончая Каратаевымъ, Пьера Безухова, тоже безцѣльно, нелѣпо проводящаго свое время по сравненію хотя бы съ уравновѣшеннымъ, умнымъ и послѣдовательнымъ Андреемъ Болконскимъ. Вѣдь онъ тоже, какъ и Фома, кутитъ, безобразничаетъ, что не мѣшаетъ Андрею Болконскому отъ всей души любить Пьера за его чистую и свѣтлую душу и не только любить, но и прислушиваться къ его мыслямъ, такъ какъ онъ никогда не повторялъ чужихъ словъ, а если говорилъ, то говорилъ отъ себя. Правда всѣ его мысли рождались туго, какъ бы безсознательно, какъ то внезапно. Но это удѣлъ всѣхъ, я сказалъ бы, нѣсколько чрезмѣрно интуитивныхъ натуръ, но во всякомъ случаѣ далеко еще не патологическихъ.

Таковъ и Фома. Его метанія, вѣчно грызущая тоска, полная неприспособленность къ жизни являются результатомъ постояннаго столкновенія двухъ, не могущихъ примириться силъ, относительно, конечно, слабаго, но всетаки недюжиннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неяснаго ума и не гибкаго, сильнаго и любвеобильнаго сердца. Какъ сами эти стороны души, такъ и ихъ столкновеніе не должны разсматриваться, какъ явленіе болѣзненное. Другое дѣло, чѣмъ это столкновеніе можетъ окончиться. У Безухова оно окончилось самымъ, я сказалъ бы, жалкимъ образомъ, найдя свое успокоеніе въ узкой замкнутой семейной жизни, можетъ быть и понятное для того времени. Фома въ концѣ концовъ сходитъ съ ума. Нѣкоторые критики упрекаютъ Горькаго за этотъ конецъ, считая его, можетъ быть, послѣдовательнымъ для реальнаго лица, котораго наблюдалъ авторъ, но неправильнымъ для Фомы Гордѣева, какъ литературнаго типа. И, дѣйствительно, упрекъ этотъ мнѣ кажется заслуживающимъ вниманія. Во всей личности Фомы я не вижу никакихъ органическихъ основаній для развитія будущаго психоза, за исключеніемъ пьянства, какъ непосредственной производящей причины. Кромѣ того сумасшествія Фомы мы собственно не видѣли, а знали его только въ эпилогѣ повѣсти уже вторичнослабоумнымъ. Нѣкоторые психіатры склонны смотрѣть на его поведеніе на пароходѣ, какъ на проявленіе уже психоза. Мнѣ кажется, этотъ взглядъ есть слѣдствіе Übermass der Psychiatrie, перефразируя Ницше. Поведеніе его на пароходѣ является выраженіемъ глубокаго возмущенія,—это крикъ изстрадавшейся души, трескъ и ревъ сломавшагося, «не гибкаго» сердца. Можетъ быть этотъ моментъ и послужилъ послѣднимъ толчкомъ для начала психоза въ изстрадавшейся душѣ. Но этихъ этіологическихъ моментовъ еще недостаточно для развитія настоящей душевной болѣзни, завершившейся слабоуміемъ. Для этого

нужны болѣе органическія основанія, которыхъ я не вижу ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ Фомы.

Фому много напоминаетъ Коноваловъ. У него мы видимъ также мягкое, доброе сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже сильное возмущеніе всѣмъ несправедливымъ и любовь ко всему хорошему, могучему и сильному. Чувства эти у него проявляются также сильно особенно при чтеніи Костомарова. Не менѣе силенъ онъ и въ работѣ. Но помимо «негибкаго сердца» ему присущаго, какъ представителю этого типа, у Коновалова есть черты уже прямо болѣзненныя. Это прежде всего запой, какъ нѣчто самостоятельное и во всякомъ случаѣ патологическое. Кромѣ того въ его «тоскѣ» нѣтъ той ясности мотивировки; она у него какъ бы самостоятельная, органическая, и его конецъ—самоубійство, я сказалъ бы, для него болѣе естественenъ, чѣмъ сумасшествіе и слабоуміе для Фомы.

Болѣе патологиченъ, конечно, Илья Луневъ, хотя его «исканіе чистой жизни» не болѣзненнаго происхожденія. У него прежде всего можно подозрѣвать неблагопріятную невропатическую наслѣдственность. Такъ, его дѣдъ въ теченіе 8 лѣтъ отшельникомъ и молчальникомъ замаливалъ свои грѣхи. Конечно, одинъ этотъ фактъ еще самъ по себѣ не говоритъ ничего, но по аналогіи съ другими случаями наводитъ на подозрѣніе. Здѣсь же необходимо вспомнить о безпокойномъ буйномъ его отцѣ, сосланномъ за поджогъ въ Сибирь и о дядѣ-горбунѣ тоже съ уязвленной душой. Наконецъ, самъ Илья, чрезмѣрно самолюбивый, переоцѣнивающій собственную личность, легко впадающій въ аффекты, съ чрезмѣрно развитой душевной рефлексіей, невольно напоминаетъ Дмитрія Карамазова. Но и онъ, конечно, всецѣло принадлежитъ къ разсматриваемому типу, такъ какъ также озлобленно критически настроенъ къ окружающему, самъ его отбрасываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно тоскуетъ, страдаетъ отъ неумѣнія найти исхода въ «чистую жизнь». Его патологичность особенно проявилась въ томъ состояніи, въ которомъ онъ убилъ купца Полуэктова, состояніи, несомнѣнно, импульсивномъ. Я думаю, на меня не будутъ въ претензіи, если я приведу выдержки изъ этого прекраснаго мѣста:

«На другой день послѣ встрѣчи со старикомъ Илья *медленно* [1]) и *молча* расхаживалъ по главной улицѣ города. Онъ не выкрикивалъ названія своихъ товаровъ, а только смотрѣлъ *тупыми глазами* въ ящикъ и въ сердцѣ его *неподвижно лежало тяжелое темное чувство*. Ему все представлялся ехидный взглядъ старика, спокойныя голубыя очи Олимпіады и то движеніе ея руки, которымъ она подавала ему деньги вчера. Въ сухомъ морозномъ воздухѣ летали острыя снѣжинки, покалывая лицо Ильи»...

«Ильѣ показалось, что когда онъ взглянулъ на дверь лавки, за стекломъ

[1]) Курсивъ всюду мой.

ея стоялъ старикъ и, насмѣшливо улыбаясь, кивалъ ему своей маленькой головкой. Луневъ *чувствовалъ непобѣдимое желаніе войти въ магазинъ и посмотрѣть на старика вблизи*».

— «Узнали меня?—*зачѣмъ то* спросилъ Илья.

Старикъ снова взглянулъ на него.

— Можетъ и узналъ . . . . Что надо-то?

— Монету купите?

— Покажи . . . . .

Илья передвинулъ свой ящикъ за спину и полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. Но *рука* у него *почему то не находила кармана и дрожала* также, какъ *дрожало* его *сердце* отъ ненависти къ старику, отъ *страха предъ нимъ и отъ желанія скорѣе сдѣлать что-то*. Шаря рукою подъ полой своего пальто, онъ упорно смотрѣлъ на маленькую лысую голову, и *по спинѣ у него пробѣгалъ холодъ*. . . .

— Ну, скоро ты?—вдругъ спросилъ старикъ сердитымъ голосомъ.

— Сейчасъ!... *тихо*, *съ усиліемъ* отвѣтилъ Илья.

— «Екатерининскій... Анны... Екатерининскій... Павла... тоже. . крестовикъ... тридцать второго... или... песъ его знаетъ, какой! На—этотъ не возьму, стертый весь...

— Да вѣдь видно по величинѣ-то, что четвертакъ,—*сурово* сказалъ Илья.

— За пятіалтынный—пріиму...

Старикъ отшвырнулъ отъ себя монету и, быстрымъ движеніемъ руки, выдвинувъ ящикъ конторки, сталъ рыться въ немъ.

Злоба, жгучая, какъ промерзлое желѣзо охватила Илью,—онъ взмахнулъ рукой, и крѣпкій кулакъ его ударилъ по виску старика. Мѣняла отлетѣлъ къ стѣнѣ, сильно стукнулся объ нее головою, но тотчасъ же бросился грудью на конторку и, схватившись за нее руками, вытянулъ тонкую шею къ Ильѣ. Луневъ видѣлъ, какъ на маленькомъ темномъ лицѣ сверкали глаза, шевелились губы, слышалъ громкій, хриплый шопотъ:

— Голубчикъ... Голубчикъ мой...

— А, сволочь! тихо сказалъ Илья и съ отвращеніемъ стиснулъ шею старика. Стиснулъ и сталъ трясти ее, а старикъ уперся руками въ грудь ему и хрипѣлъ».

«*Если бы Илью въ это время били сзади*, онъ, все равно, *не выпустилъ бы* изъ своихъ рукъ хрустѣвшаго подъ его пальцами горла старика. Съ *горячей ненавистью* и съ *ужасомъ* въ сердцѣ онъ смотрѣлъ, какъ мутные глаза Полуэктова становятся все болѣе огромными, но все сильнѣе давилъ ему горло, и, *по мѣрѣ того, какъ тѣло старика становилось все тяжелѣе*, тяжесть въ сердцѣ Ильи *точно таяла*».

«Вокругъ него, и въ немъ безшумно колебалась холодная, мутная мгла. Илья съ напряженіемъ всматривался въ нее; вдругъ онъ *ощутилъ тупую*

боль въ глазахъ, дотронулся до нихъ пальцами правой руки и въ ужасѣ остановился, точно ноги его вдругъ примерзли къ землѣ. *Ему показалось, что глаза его выкатились, вылѣзли на лобъ, какъ у старика Полуэктова, и что они останутся навсегда такъ, болѣзненно вытаращенными, никогда уже не закроются, и каждый человѣкъ можетъ увидать въ нихъ преступленіе* и т. п.» (т. V стр. 135—138).

Я позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ не лишенномъ интереса мѣстѣ. Самый фактъ того, что Луневъ вошелъ въ лавку къ старику можетъ быть истолкованъ, какъ импульсивное дѣйствіе, вотъ почему: наканунѣ, какъ извѣстно, у Ильи была встрѣча съ Полуэктовымъ въ квартирѣ Олимпіады, гдѣ первый воочію могъ увидѣть Полуэктова полноправнымъ до омерзенія обладателемъ Олимпіады, не смотря на весь его отвратительный видъ. Да кромѣ того вся встрѣча съ его позорнымъ изгнаніемъ возбудила въ самолюбивомъ, переоцѣнивающемъ себя и ревнивомъ Ильѣ много злобы и досады къ Полуэктову, тѣмъ большей злобы, что она не могла имѣть надлежащаго выхода. И вотъ, пройдя мимо лавки и гдѣ то въ глубинѣ души затаивъ эту злобу, онъ «чувствовалъ непобѣдимое желаніе войти въ магазинъ, посмотрѣть на старика вблизи». Вотъ въ этомъ «непобѣдимомъ желаніи», не отдавая себѣ яснаго отчета, для чего войти, и лежитъ корень всего дѣйствія, вплоть до убійства, дѣйствія, которое носитъ на себѣ всѣ черты импульсивности, какъ дѣйствія подъ вліяніемъ исключительно одного только мотива безъ возможности сопротивленія ему. Импульсивность же его еще больше подтверждается дальнѣйшимъ исходомъ, именно задушеніемъ купца—фактомъ, совершеннымъ, несомнѣнно, въ аффектѣ. Мнѣ кажется, здѣсь можно видѣть довольно вѣрное указаніе на то, что скрытый, коренной мотивъ, руководящій импульсивнымъ дѣйствіемъ, имѣетъ тенденцію осуществляться, я сказалъ бы, разрѣшаться въ аффектѣ, послѣ чего наступаетъ облегченіе, а иногда и усталость: «по мѣрѣ того, какъ тѣло старика становилось все тяжелѣе, тяжесть въ сердцѣ Ильи точно таяла». А вѣдь эту «тяжесть» онъ давно носилъ въ сердцѣ своемъ.

Интересно также объяснить, почему Ильѣ, послѣ задушенія Полуэктова, послѣ того, какъ онъ дотронулся до своихъ глазъ и ощутилъ въ нихъ сильную боль, показалось, что «глаза его выкатились, вылѣзли на лобъ, какъ у старика Полуэктова и т. д.»? Прежде всего, откуда эта боль въ глазахъ и почему именно въ глазахъ? Ее можно объяснить сильнымъ напряженіемъ всего органа зрѣнія (особенно его мышцъ), который является наиболѣе активнымъ при напряженіи вниманія, особенно же въ томъ состояніи, въ какомъ былъ Илья, когда онъ съ ужасомъ въ сердцѣ смотрѣлъ». Такъ что происхожденіе боли въ глазахъ мнѣ кажется понятнымъ. То же, что ему показалось, что его глаза вылѣзли, какъ у Полуэктова, то это видѣніе есть ничто иное, какъ галлюцинація, вызванная благодаря сильному чувственному раздраженію, причемъ по ассоціаціи репродуцированъ былъ тотъ образъ, который совпадалъ

ближайшимъ образомъ по времени съ этимъ чувственнымъ раздраженіемъ. «Въ сущности, вѣдь, пишетъ проф. Корсаковъ [1]), всякая галлюцинація происходитъ отъ сочетанія какого-нибудь представленія, возстановившагося въ сознаніи (обратнаго воспоминанія) съ яркимъ чувственнымъ впечатлѣніемъ». Если же Илья подумалъ, что его якобы вытаращенные глаза никогда не закроются и т. д., то эта мысль уже относится къ толкованію Ильей своей галлюцинаціи.

Послѣ всего сказаннаго, врядъ ли можно сомнѣваться въ наличности болѣзненныхъ сторонъ въ душѣ Ильи Лунева.

Гришка Орловъ болѣе близокъ къ чистымъ, я сказалъ бы «теоретикамъ» чѣмъ только что упомянутые люди переходнаго типа отъ «отвергнувшихъ-теоретиковъ» къ «отвергнутымъ»—слабымъ. Я ихъ считаю родственными слабымъ, потому что основной конфликтъ въ ихъ душѣ «неяснаго ума» съ «негибкимъ сердцамъ» всетаки ихъ ослабляетъ, отнимаетъ необходимую энергію и дѣлаетъ неработоспособными. Гришка Орловъ, такъ же какъ и Челкашъ, Мальва и Сережка жаждетъ неограниченной свободы, переоцѣнивая себя и желая или спасти Россію отъ холеры или перебить всѣхъ жидовъ, а тамъ и вверхъ тормашками... Но въ то же время его гложетъ та же тоска, его мучаютъ «проклятые вопросы, съ которыми онъ такъ и не справляется и, въ концѣ концовъ, обращается на путь босячества... Пьетъ онъ, конечно, для наркоза, а не изъ удовольствія Но его чрезмѣрная аффективность и общая безпокойная неуравновѣшенность заставляютъ смотрѣть на него какъ на человѣка невропатическаго, тѣмъ болѣе, что нравственное чувство у него также уже пострадало, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя бы его возмутительное обращеніе съ женой и дальнѣйшее обращеніе съ врачебнымъ персоналомъ холерныхъ бараковъ. Этотъ человѣкъ неоднократно былъ готовъ на убійство, которое бы и совершилъ въ аффектѣ, по страсти, какъ это сдѣлалъ кузнецъ Савелъ съ своей женой.

Если ко всему сказанному присоединить картины, сюжетомъ которыхъ служатъ дѣйствія толпы, отдѣльныхъ группъ людей сообща, какъ въ упомянутомъ эпизодѣ «Выводъ», въ сценѣ мщенія Васькѣ Красному проститутками, дошедшими до истерическихъ взвизгиваній и чуть ли не до судорогъ, въ характерномъ разсказѣ «Двадцать шесть и Одна», гдѣ однообразный, каторжный трудъ людей въ ужасной обстановкѣ довелъ ихъ до отупѣнія всѣхъ элементарныхъ чувствъ и духовныхъ потребностей, то этимъ я исчерпаю, мнѣ кажется, весь матеріалъ, который можетъ извлечь, я сказалъ бы, общественная психопатологія изъ произведеній нашего писателя.

Что касается индивидуальной или вѣрнѣе клинической психопатологіи, то въ этомъ отношеніи Горькій понятно не богатъ, такъ какъ изображеніе въ

[1]) *Корсаковъ*. Курсъ психіатріи. Посмертное изданіе.

литературѣ больныхъ людей, мѣсто которымъ только въ больницѣ для умалишенныхъ, а не въ жизни, можетъ считаться желательной только въ виду спеціальной цѣли.

Таковъ разсказъ «Ошибка». Нужно думать, что разсказъ этотъ—плодъ наблюденія и художественнаго воспроизведенія наблюденнаго, такъ какъ подъ заглавіемъ значится «Эпизодъ».

Болѣзненное состояніе Кравцова больше всего напоминаетъ т. н. остро-первичное сумасшествіе, подъ которымъ въ психіатріи разумѣютъ особую душевную болѣзнь, характеризующуюся острымъ развитіемъ обмановъ чувствъ (иллюзій и галлюцинацій) и нелѣпыхъ, бредовыхъ идей, большею частью зависящихъ отъ этихъ обмановъ чувствъ. Вся картина болѣзни изображена сравнительно недурно. Только возбуждаетъ недоумѣніе возможность такого длиннаго систематизированнаго и послѣдовательнаго монолога, не смотря на общее возбужденіе и общую душевную и тѣлесную слабость. Заболѣваніе Кравцова въ полномъ своемъ развитіи, тогда какъ Ярославцева разсказъ застаетъ въ началѣ заболѣванія, въ первомъ, такъ сказать, его періодѣ, когда нѣтъ еще опредѣленно сложившейся картины, а сознаніе больного какъ бы раздваивается на больную и здоровую части. Авторъ, по моему, довольно удачно подчеркнулъ предчувствіе чего то неизвѣстнаго, чуждаго, зарождающагося въ душѣ и страхъ предъ этимъ чуждымъ; далѣе онъ отмѣтилъ какъ бы самопроизвольное возникновеніе бредовыхъ, ложныхъ идей, въ самомъ началѣ близкихъ къ навязчивымъ, такъ какъ больной еще въ состояніи относиться къ нимъ, какъ къ чему то постороннему, можетъ еще до нѣкоторой степени ихъ коррегировать ихъ и относиться къ нимъ критически.

Необходимо упомянуть о явленіяхъ физической и душевной слабости, какъ то: тяжесть головы, чувство сильнаго утомленія послѣ умственной работы и т. п.

Мы видимъ въ описаніи автора даже такую рѣдкость, какъ цвѣтной слухъ (audition colorée), правда, описанный нѣсколько фантастически, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о тонкой наблюдательности автора. Вотъ это любопытное мѣсто: «Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣскольку разъ, но почему то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ».

Дальше, по моему, не мало фантазіи: «онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ, а затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получится рѣчь».

Что касается формы заболѣванія у Ярославцева, то въ началѣ его состояніе тоже напоминаетъ острое первичное сумасшествіе, какъ и у Кравцова, въ послѣдствіи, очевидно, перешедшее въ хроническое (?), судя по неблаго-

пріятному предсказанію врачей. Останавливаетъ на себѣ вниманіе фактъ якобы зараженія Ярославцева отъ Кравцова,—фактъ, который, видимо, заинтересовалъ автора помимо небезинтереснаго также и содержанія бреда обоихъ больныхъ. Рѣчь, очевидно, идетъ о такъ называемомъ наведенномъ, индуцированномъ помѣшательствѣ, т. е. такихъ случаяхъ, когда одинъ человѣкъ, безразлично здоровый или больной, заражается отъ другого, несомнѣнно больного, его бредомъ.

Какъ извѣстно, ученіе о наведенномъ помѣшательствѣ или folie á deux представляется еще далеко не законченнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ писавшіе о немъ, хотя бы Lasègue et Falret [1]), Régis [2]), Marandon de Montoeil [3]), Bellat [4]), Pronier [5]), Van Deventer [6]), Яковенко [7]), Финкельштейнъ [8]) Геникъ [9]) и др.

Поэтому я и не считаю необходимымъ здѣсь вдаваться въ подробности, провѣряя, соотвѣтствуетъ ли описанный случай тому, что извѣстно въ настоящее время въ психіатрической наукѣ; отмѣчу только, что возбуждаетъ сомнѣніе чрезвычайно короткій промежутокъ, въ который произошло зараженіе, тогда какъ большинство писавшихъ по этому вопросу утверждаетъ, что для зараженія необходимо болѣе или менѣе продолжительное совмѣстное пребываніе. Болѣе подробное разсмотрѣніе этого, не лишеннаго интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторой фантастичности, разсказа завело бы меня въ слишкомъ спеціальныя детали, которыя не входятъ въ планъ нашей задачи. Все таки сказать, что этотъ разсказъ представляетъ ошибку не по одному названію, я не рѣшился бы въ виду упомянутой уже неразработанности этого отдѣла психопатологіи. Я хочу только спросить, не является ли ошибкою вообще писать подобныя вещи.

Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что искусство должно изображать дѣйствительность вообще, дѣйствительность, отраженную въ нашей душѣ, не касаясь ея слишкомъ спеціальныхъ, я сказалъ бы, профессіональныхъ сто-

---

[1]) *Lasègue et Falret.* La folie à deux ou folie communiquée. Annales médico psych. 1877 an.

[2]) *Régis.* La folie à deux ou folie simultanée. Paris. 1880 an.

[3]) *Marandon de Montoeil.* Contribution à l'étude de la folie á deux. Annal. médico-psychol. 1881 an.

[4]) *Bellat.* Contribution à l'étude de la folie à deux. Annal. médico-psych 1889 an.

[5]) *Pronier.* Etude sur la contagion de la folie. Lausanne 1899 an.

[6] *Van Deventer.* Centralblatt f. Nervenheilkunde und Psychiatrie. 1893 an. B. IV.

[7]) *Яковенко.* Вѣстникъ проф. Мержеевскаго. 1887 г.

[9]) *Финкельштейнъ.* Ibidem 1896 г.

[8]) *Геникъ.* Неврологическій вѣстникъ Т. V вып. 4.

ровъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ общихъ нравственно-психологическихъ и эстетическихъ проблемъ. Попробую объясниться на данномъ примѣрѣ.

Какія цѣли можетъ преслѣдовать художникъ, рисуя душевнобольныхъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, такъ называемыхъ умалишенныхъ? Прежде всего, скажутъ, изображеніе больной души человѣка, т. е. цѣль исключительно психологическую.

Конечно, цѣль эта можетъ быть оправдана постольку, поскольку намъ будетъ представленъ человѣкъ, хотя и съ больной душой, но не настолько, чтобы быть изъятымъ изъ общественной жизни. Мы знаемъ, что въ обществѣ находится много людей съ тѣми или другими ненормальностями въ душевномъ складѣ и тѣмъ не менѣе не только не вредныхъ и справляющихся съ своими обязанностями, но даже вносящихъ крупные вклады въ общую драгоцѣнную сокровищницу человѣческаго духа. Назову для примѣра: Сократа, Лютера, Ж. Ж. Руссо, Микель Анджело, Достоевскаго, Гоголя, Ницше, Мопассана и др. Конечно, изображеніе больныхъ сторонъ въ душѣ человѣка, не дѣлающихъ его безумнымъ и слѣдовательно непригоднымъ къ общественной жизни, составляетъ великую заслугу и важно какъ для познанія этихъ сторонъ, такъ и для оцѣнки творимаго этими людьми. Тутъ же мы можемъ познакомиться съ вліяніемъ этихъ людей на окружающую среду и обратно—съ ея вліяніемъ на нихъ и тѣмъ предостеречь ту или другую грозящую опасность. Наконецъ, знаніе тѣхъ или другихъ ненормальныхъ влеченій, находящихся уже въ душѣ человѣка или развившихся при какихъ-либо ненормальныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ условіяхъ можетъ имѣть значеніе для провѣрки и переоцѣнки нашихъ другихъ, даже самыхъ высшихъ нравственныхъ чувствъ. На послѣднюю тему, по моему, написаны два интересныхъ разсказа Леонида Андреева «Мысль» и «Бездна».

Все сказанное, мнѣ кажется, прекрасно сознавалъ великій знатокъ больной души человѣка, Достоевскій, и потому въ его произведеніяхъ мы и не видимъ такъ называемыхъ умалишенныхъ, а наоборотъ всѣ его герои являются людьми, я сказалъ бы, пограничными, еще терпимыми, но во всякомъ случаѣ не типичными обитателями домовъ для умалишенныхъ, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ и вѣроятно довольно отдаленныхъ будущихъ условіяхъ. Не такъ обстоитъ дѣло въ разсказѣ «Ошибка». Здѣсь намъ представляются два человѣка несомнѣнно уже сумасшедшихъ, которыхъ и отправляютъ въ больницу. На какіе нравственно психологическіе или общественные вопросы можетъ навести чтеніе этого разсказа не спеціалистовъ, даже если бы онъ былъ точной копіей съ дѣйствительности? Или въ чемъ здѣсь можетъ получить удовлетвореніе эстетическое чувство? Развѣ только въ яркомъ, образномъ изображеніи и потому вызываніи ненужнаго совершенно ужаса, опять таки не для спеціалиста. Спеціалистъ же всегда отнесется къ подобнымъ произведеніямъ съ должнымъ скептицизмомъ, такъ какъ въ такой спеціальной области мало

одного наблюденія и художественной интуиціи, а нужно и спеціальное медицинское образованіе. Даже Чеховъ, несмотря на то, что онъ врачъ, своей «Палатой № 6» оставляетъ крайнее неудовлетвореніе, рисуя однихъ, я сказалъ бы, шаблонно, чуть ли не по учебнику, допуская у другихъ нѣкоторыя произвольности, напримѣръ состояніе предъ смертью доктора.

Послѣ всего сказаннаго, я осмѣливаюсь сдѣлать заключеніе, что не вижу основаній для подобнаго клиническаго направленія въ литературѣ.

Повторяю, иное дѣло—изображеніе больныхъ сторонъ въ душѣ людей, какъ полноправныхъ членовъ общества, особенно, если художникъ не слишкомъ предвзято анализируетъ, а изображаетъ то, что ему подсказываетъ непосредственная художественная интуиція, при помощи, разумѣется надлежащаго анализа и синтеза. Въ данномъ случаѣ его произведенія могутъ дать много, что особенно подтвердилъ Достоевскій. Это же можно видѣть и у нашего писателя во всѣхъ его произведеніяхъ (исключая «Ошибки»), не смотря на то, что въ нихъ онъ, очевидно, преслѣдовалъ другія цѣли. И поскольку все въ нихъ выведенное правдиво и вѣрно, постольку оно въ себѣ отражаетъ все находящееся въ жизни, какъ хорошее, такъ и дурное, какъ здоровое, такъ и больное въ ихъ многоразличныхъ комбинаціяхъ.

Въ заключеніе остается спросить, далъ ли что либо новаго для психопатологіи Максимъ Горькій въ своихъ произведеніяхъ, чего бы не знала наша наука до него? Я бы отвѣтилъ—нѣтъ. Но если онъ не внесъ чего либо новаго, то подчеркнулъ ту важную истину, показавъ, какъ болѣзнь, по преимуществу, душевная тѣсно вплетается во всѣ личныя семейныя и общественныя отношенія. Его герои и весь ихъ душевный міръ есть прежде всего отраженіе извѣстныхъ общественныхъ условій. Замѣчаемыя же у нихъ тѣ или другія болѣзненныя черты, какъ психобіологическое проявленіе органической и и надорганической среды [1]), являются только какъ бы частями подъ часъ большими по числу и силѣ въ ихъ «пестрой душѣ». Это болѣзненное содержаніе можетъ отливаться въ такія формы, какъ пьянство, вырожденіе, проституція и преступленіе.

Наиболѣе здоровыми, какъ мы видѣли, оказались «отвергнувшіе-теоретики» люди, сильные духомъ и тѣломъ, хотя и съ своеобразными и во всякомъ случаѣ мало общественными взглядами. Болѣе патологическихъ чертъ можно было отмѣтить у «отвергнувшихъ-практиковъ» и «отвергнутыхъ» Участь послѣднихъ въ этомъ отношеніи раздѣляютъ особенно люди переходнаго типа, какъ Коноваловъ, Гришка Орловъ и Илья Луневъ. Фома Гордѣевъ представляетъ исключеніе. У него если и можно признать какую либо болѣзнь, то скорѣе «болѣзнь совѣсти», болѣзнь въ данномъ случаѣ не медицинскаго вѣдомства. Въ общемъ же Горькій, изображая темныя отрицательныя и

[1]) *Н. Карѣевъ.* Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

больныя стороны жизни, всѣмъ своимъ существомъ стремится къ здоровью свѣту и правдѣ.

Это стремленіе должно одушевлять всякаго, а также, понятно, и насъ психіатровъ, взоръ которыхъ долженъ проникать за предѣлы больницы.

Только тогда намъ удастся успѣшно бороться со зломъ, которое всѣми признается, именно: усиленіе нервозности въ наше время.

О значеніи эксперимента въ психологіи [1]).

Прив.-доц. А. Ф. Лазурскаго.

Мм. Гг.! Едва ли я ошибусь, если скажу, что лишь немногія нововведенія въ научной области за послѣднее время служили при своемъ возникновеніи предметомъ такихъ горячихъ и оживленныхъ споровъ, какъ попытка ввести экспериментъ въ психологію. Когда благодаря изслѣдованіямъ Вебера и Фехнера, Гельмгольца, Дондерса, Фолькмана и др. были сдѣланы первые шаги въ этомъ направленіи, то многимъ казалось, что въ исторіи психологіи открылась совершенно новая эра, что наука эта должна порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ и основаться съ этихъ поръ уже на совершенно новыхъ началахъ. Такими новыми основами, сближавшими психологію съ естествознаніемъ, должны были явиться экспериментъ и связанное съ нимъ точное математическое измѣреніе. Цѣлый рядъ открытій первостепенной важности указывалъ на это: возможность измѣрять скорость психическихъ процессовъ съ точностью до 0,001 сек. (Дондерсъ, Гельмгольцъ), логарифмическая формулировка Веберовскаго закона Фехнеромъ, открытіе Гельмгольцемъ резонаторовъ, позволявшихъ производить объективный анализъ звуковъ и ихъ сочетаній;—всѣ эти и многіе другіе факты, казалось, вполнѣ оправдывали широкія надежды и ожиданія, возлагавшіяся на новый методъ. Однако, наряду съ этимъ, не было недостатка и въ скептикахъ (Герингъ, Дельбефъ, Целлеръ и др.), выдвигавшихъ противъ возможности введенія въ психологію эксперимента и точнаго измѣренія (особенно послѣдняго) цѣлый рядъ весьма существенныхъ возраженій. Постараемся формулировать вкратцѣ какъ надежды, высказывавшіяся въ то время сторонниками экспериментальной психологіи, такъ и возраженія, выдвинутыя ихъ противниками.

Одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ эксперимента заключается, по мнѣнію его защитниковъ, въ томъ, что онъ позволяетъ ввести въ психологію точное измѣреніе и, слѣдовательно, допускаетъ точную математическую формулировку психологическихъ законовъ и отношеній. Только благодаря математикѣ естествознаніе достигло той высоты, на которой оно стоитъ въ насто-

[1]) Пробная лекція на званіе прив.-доцента, читанная въ конференціи Военно-Мед. Академіи 29 ноября 1903 г.

ящее время; такой же успѣхъ ожидаетъ и психологію, если она получитъ возможность выражать въ точныхъ математическихъ формулахъ разнообразныя взаимоотношенія, существующія между различными факторами и проявленіями душевной жизни. Образцомъ такой формулы можетъ явиться формула Фехнера. Другое, также весьма существенное достоинство эксперимента состоитъ въ томъ, что онъ вводитъ въ самое производство психологическихъ наблюденій гораздо большую объективность, чѣмъ это было до него. Еще О. Контъ выставилъ, какъ извѣстно, противъ старой, интроспективной психологіи цѣлый рядъ вѣскихъ возраженій; главная суть ихъ сводится къ тому, что систематическое самонаблюденіе не можетъ доставить намъ сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ и даже по самому существу своему является невозможнымъ, такъ какъ изслѣдователь долженъ въ данномъ случаѣ одновременно служить какъ наблюдающимъ субъектомъ, такъ и объектомъ наблюденія. Въ сущности, изучать путемъ самонаблюденія можно не тѣ душевныя состоянія, которыя мы переживаемъ въ данный моментъ, а лишь тѣ, которыя были нами уже пережиты ранѣе и теперь лишь воспроизводятся въ памяти; а такое воспроизведеніе, конечно, всегда полно ошибокъ и пробѣловъ. Введеніе эксперимента въ психологію разомъ, будто бы, устраняетъ всѣ эти затрудненія, такъ какъ наблюдатель и наблюдаемый при этомъ уже не совмѣщаются болѣе въ одномъ и томъ же лицѣ. Кромѣ того, и самая регистрація полученныхъ данныхъ дѣлается при экспериментѣ болѣе точной и объективной, такъ какъ введены различнаго рода техническія приспособленія и аппараты, стѣсняющіе произволъ наблюдателя и ставящіе его въ опредѣленныя рамки.

Еще одно важное преимущество экспериментально-психологическаго изслѣдованія заключается въ томъ, что оно позволяетъ чрезвычайно детально анализировать сложныя проявленія душевной жизни, благодаря чему получается возможность идти тѣмъ путемъ, который обязателенъ для всякой точной науки: отъ простѣйшаго, уже извѣстнаго, къ болѣе сложному и менѣе изученному. Этимъ именно путемъ и идетъ экспериментальная психологія: исходя изъ данныхъ, полученныхъ при разработкѣ психо-физіологіи органовъ чувствъ, она постепенно расширяетъ свою область, захватывая и подвергая точному анализу все болѣе и болѣе сложныя душевныя явленія.

Наконецъ, послѣднее и очень важное достоинство эксперимента заключается въ томъ, что онъ позволяетъ намъ не только описывать душевныя явленія, но, варіируя условія ихъ происхожденія, также и объяснять ихъ (В. Вундтъ, Н. Ланге). Таковы важнѣйшія преимущества экспериментальнаго метода, заставлявшія защитниковъ его возлагать на него такія большія надежды. Даже и въ настоящее время нерѣдко приходится слышать, что экспериментъ представляетъ изъ себя единственный точный методъ при изученіи душевныхъ явленій, и что термины «психологія» и «экспериментальная психологія» являются синонимами. Лѣтъ 15—20 тому назадъ подобныя мнѣнія высказывались съ еще большей рѣшительностью и опредѣленностью.

Что касается до возраженій, выдвинутыхъ противниками введенія экспериментальнаго метода въ психологію, то они въ главныхъ своихъ чертахъ сводились къ слѣдующему. Прежде всего, точное измѣреніе въ томъ смыслѣ, какъ мы его примѣняемъ въ области естествознанія, совершенно неприложимо въ мірѣ душевныхъ явленій (Дельбефъ, Целлеръ).

Извѣстно, что Фехнеръ, стремясь выразить въ видѣ математической формулы отношенія, существующія между раздраженіемъ и ощущеніемъ, долженъ былъ принять за единицу едва замѣтный приростъ ощущенія; только благодаря этому предположенію онъ получилъ возможность въ каждомъ данномъ случаѣ измѣрять и выражать цифрами ту величину, на которую возрастетъ какое-бы то ни было ощущеніе, если мы усилимъ извѣстнымъ образомъ раздраженіе, ему соотвѣтствующее. Между тѣмъ, по мнѣнію цѣлаго ряда авторовъ, предположеніе Фехнера, на которомъ основана вся его психофизика, является совершенно неправильнымъ и прямо противорѣчитъ даннымъ внутренняго опыта. Нельзя говорить, что одно ощущеніе въ два, въ три раза сильнѣе другого; если взять два ощущенія, совершенно однородныя по своему содержанію и различающіяся только интенсивностью, то все же для нашего сознанія они будутъ представляться двумя *качественно* различными величинами, къ которымъ совершенно неприложимо измѣреніе въ естественнонаучномъ смыслѣ этого слова. А если нельзя измѣрить даже ощущенія, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о высшихъ душевныхъ процессахъ; поэтому какія бы то ни было попытки примѣнить точное измѣреніе въ области душевныхъ явленій уже по самому существу дѣла заранѣе обречены на неудачу.

Столь же неосновательными казались многимъ авторамъ и тѣ обширныя надежды, съ которыми сторонники эксперимента смотрѣли на введеніе его въ психологію. По мнѣнію этихъ скептиковъ экспериментальному изслѣдованію доступны только отдѣлы, пограничные между психологіей и физіологіей, какъ-то: психо-физіологія органовъ чувствъ, психологія воспріятія, физіологическія проявленія эмоцій. Дальше этихъ пограничныхъ областей экспериментъ не можетъ идти, и всѣ собственно психическіе процессы, составляющіе главный предметъ психологіи, навсегда останутся для него недоступными. Это и понятно, такъ какъ экспериментъ по своей сущности есть орудіе естествознанія, слѣдовательно, физіологіи, а никакъ не психологіи. Отсюда другой выводъ: приведенное выше мнѣніе, будто экспериментальная разработка психо-физіологіи воспріятія является первой ступенью къ дальнѣйшей экспериментальной же разработкѣ высшихъ душевныхъ процессовъ, слѣдуетъ считать или грубой ошибкой, или замаскированнымъ матеріализмомъ. Явленія, изучаемыя физіологіей, отличаются отъ душевныхъ явленій не количественно, не степенью своей сложности, а качественно, такъ что устанавливать между первыми и вторыми какую-то градацію совершенно немыслимо. Наконецъ, слѣдуетъ при-

нять во вниманіе и то, что, подвергая человѣка эксперименту, мы этимъ самымъ ставимъ его въ совершенно искусственныя условія, рѣзко нарушая естественное теченіе его душевной жизни. Между тѣмъ, нигдѣ не слѣдуетъ быть такъ осторожнымъ, какъ при изслѣдованіи именно внутренняго міра человѣка, такъ какъ здѣсь часто достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы измѣнить до неузнаваемости содержаніе сознанія у наблюдаемаго лица. Таковы были важнѣйшіе доводы противниковъ экспериментальной психологіи.

Со времени наибольшаго разгара этихъ споровъ прошло уже около 20—25 лѣтъ. Экспериментальная психологія, вопреки предсказаніямъ противниковъ, широко распространилась повсюду, и имѣется уже огромное количество психологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ съ помощью эксперимента. Оцѣнка значенія, которое этотъ методъ имѣетъ для науки, можетъ быть произведена въ настоящее время уже не только на основаніи теоретическихъ разсужденій, но также, въ значительной степени, путемъ разсмотрѣнія тѣхъ положительныхъ результатовъ, которые получены съ помощью этого метода. Въ этомъ именно и будетъ состоять наша задача.

Весь постепенный ходъ развитія экспериментальной психологіи можно раздѣлить, какъ намъ кажется, на два періода: первый—когда изслѣдованія сосредоточивались почти исключительно въ лабораторіи В. Вундта въ Лейпцигѣ и велись самимъ Вундтомъ или его учениками; второй—когда психологическій экспериментъ распространился не только по всей Германіи, но также и въ другія страны (преимущественно во Францію и Америку), что повело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ методикѣ опытовъ, а также къ расширенію сферы ихъ примѣненія.

Просматривая огромное число работъ, вышедшихъ изъ Лейпцигской лабораторіи и публиковавшихся главнымъ образомъ въ журналѣ Вундта «Philosophische Studien», можно убѣдиться, что работы эти (за немногими исключеніями) велись по извѣстной, строго опредѣленной программѣ, взаимно продолжая, дополняя и развивая другъ друга. Такою программой является, по нашему мнѣнію, вступительная статья Вундта «О психологическихъ методахъ», открывающая собою первый томъ «Philosophische Studien [1])».

Главною задачей психологіи является, по мнѣнію Вундта, точное описаніе фактовъ внутренняго опыта; главнымъ же и даже единственнымъ средствомъ, вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ точнаго описанія въ данномъ случаѣ, является экспериментъ. Всѣ пріемы экспериментальнаго изслѣдованія, въ примѣненіи къ психологіи, можно раздѣлить на 3 главныя группы: 1) къ первой принадлежатъ такъ наз. *психо-физическіе методы*, введенные впервые Фехнеромъ. Областью примѣненія этой группы методовъ является изслѣдованіе ощущеній, а также изслѣдованіе той закономѣрности, которая суще-

[1]) «Ueber psychologische Methoden», von W. Wundt, Phil. Stud., B. I, H. 1, S 1.

ствуетъ между возрастаніемъ ощущенія, съ одной стороны, и возрастаніемъ соотвѣтствующаго ему внѣшняго раздраженія—съ другой. Измѣняя опредѣленнымъ образомъ интенсивность или качество внѣшняго раздражителя, мы въ то же время слѣдимъ за измѣненіемъ ощущенія, соотвѣтствующаго этому раздражителю, и, такимъ образомъ, устанавливаемъ взаимную зависимость между колебаніями того и другого. На первый взглядъ можетъ показаться, что психофизика не относится къ психологіи въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ изученію ея подлежатъ не только ощущенія, но и внѣшнія раздраженія, соотвѣтствующія этимъ ощущеніямъ. На дѣлѣ, однако, это не такъ. Главную задачу психофизики составляетъ всетаки изслѣдованіе ощущеній; и только общій характеръ экспериментально-психологической методики заставляетъ насъ прибѣгать къ помощи внѣшнихъ раздраженій для того, чтобы измѣнять по произволу теченіе душевныхъ процессовъ, интересующихъ насъ въ данный моментъ. Въ частности, изъ четырехъ извѣстныхъ въ настоящее время разновидностей психофизическихъ методовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ двѣ: методъ минимальныхъ измѣненій (или едва замѣтныхъ разницъ) и методъ истинныхъ и ложныхъ случаевъ. Первый, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, на которомъ сосредоточено вниманіе испытуемаго, постепенно едва замѣтно измѣняется въ своемъ качествѣ или въ своей интенсивности; такъ напр., темное пятно все рѣзче и рѣзче выступаетъ на бѣломъ фонѣ, красный свѣтъ постепенно переходитъ въ оранжевый, звукъ, въ началѣ сильный, мало-по-малу ослабѣваетъ. Единицей мѣры является едва замѣтное измѣненіе раздражителя, т. е. та минимальная перемѣна его, которая необходима для того, чтобы испытуемый ее замѣтилъ. Этому едва замѣтному измѣненію раздраженій соотвѣтствуетъ едва замѣтная величина ощущенія, которая и была принята Фехнеромъ за единицу (правильно или нѣтъ—это другой вопросъ) въ его психо-физическихъ вычисленіяхъ. Не менѣе употребителенъ другой методъ истинныхъ и ложныхъ случаевъ, принципъ котораго заключается въ слѣдующемъ. Испытуемому предлагаютъ одно за другимъ два раздраженія, очень мало отличающихся другъ отъ друга, настолько мало, что онъ далеко не во всѣхъ случаяхъ можетъ замѣтить разницу между ними; затѣмъ его просятъ опредѣлить, которое изъ этихъ двухъ раздраженій было, напр., сильнѣе или слабѣе. Опытъ этотъ повторяютъ много разъ (измѣняя, конечно, всякій разъ послѣдовательность раздраженій), и по числу сдѣланныхъ ошибокъ судятъ о точности распознаванія.

2) Вторую группу экспериментальныхъ методовъ составляютъ *методы для анализа чувственнаго воспріятія*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ непосредственно разложить данное сложное воспріятіе на его элементы или, наоборотъ, искусственнымъ путемъ составить его изъ этихъ элементовъ; примѣры такого непосредственнаго анализа и синтеза въ области сложныхъ звуковъ были даны Гельмгольцемъ, благодаря изобрѣтенію имъ резонаторовъ.

Въ другихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ болѣе косвеннымъ пріемамъ, именно видоизмѣнять условія воспріятія и слѣдить за тѣмъ, какъ измѣняется это послѣднее (методъ варіацій). При этомъ варіированію могутъ подвергаться какъ субъективныя, такъ и объективныя условія воспріятія. Измѣненіе субъективныхъ факторовъ будетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣняется роль воспринимающаго органа, напр., когда мы сравниваемъ свѣтовое воспріятіе при прямомъ и непрямомъ зрѣніи, когда одно и то же слуховое раздраженіе дѣйствуетъ то на одно, то на другое ухо и т. д. При объективныхъ же варіаціяхъ, наоборотъ, воспринимающій органъ за все время опыта остается въ одномъ и томъ же положеніи, перемѣны же воспріятія обусловливаются исключительно только варіаціями внѣшняго раздраженія. Примѣры: оцѣнка различныхъ разстояній при помощи зрѣнія или осязанія, опредѣленіе такъ называемаго пространственнаго порога раздраженій и т. д. Довольно часто приходится также измѣнять одновременно какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія воспріятія; примѣромъ такого смѣшаннаго метода могутъ служить стереоскопическіе опыты.

3) *Методы измѣренія скорости психическихъ процессовъ* (Die Methoden der psychischen Zeitmessung). «Измѣреніе скорости психическихъ процессовъ должно рѣшить труднѣйшія задачи въ области внутренняго воспріятія»,— таково мнѣніе Вундта. При этомъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что цифры, выражающія продолжительность того или иного душевнаго процесса, далеко не составляютъ въ этихъ случаяхъ конечной цѣли изслѣдованія. Правда, точное (въ тысячныхъ доляхъ секунды) измѣреніе скорости психическаго акта уже само по себѣ представляетъ большой интересъ, особенно, если мы вспомнимъ, что еще сравнительно недавно быстрота человѣческой мысли считалась не подлежащей никакому цифровому опредѣленію. Однако, центръ тяжести подобныхъ опытовъ лежитъ все же не въ количественной, а въ качественной ихъ сторонѣ, а именно—въ анализѣ сложныхъ явленій душевной жизни. Особенность этихъ явленій заключается въ томъ, что высшія, болѣе сложныя изъ нихъ необходимо включаютъ въ себѣ низшія, простѣйшія; изъ этого именно положенія и исходятъ всегда при производствѣ психометрическаго анализа. Прежде всего измѣряютъ время такъ называемой простой реакціи. Актъ этотъ, отличающійся—вопреки своему названію—уже довольно значительной сложностью, состоитъ въ томъ, что испытуемый реагируетъ простымъ движеніемъ руки или пальца на какое-нибудь простѣйшее раздраженіе одного изъ органовъ чувствъ, напр., на стукъ, свѣтъ и т. д. Продолжительность простой реакціи равняется въ среднемъ около 150 сигмъ, т. е. тысячныхъ долей секунды. Затѣмъ путемъ извѣстнаго рода пріемовъ усложняютъ данный психическій процессъ, заставляя испытуемаго, напр., реагировать не на всякое данное раздраженіе, а только на какое-нибудь одно, заранѣе условленное. При этомъ продолжительность всего акта возростаетъ, напр., до 250 сигмъ. Раз-

ница въ 100 сигмъ приходится, очевидно, на тотъ чисто уже психическій актъ различенія, который долженъ былъ совершить испытуемый прежде, чѣмъ реагировать на данное ему раздраженіе. Параллельно съ дальнѣйшимъ усложненіемъ реакціи возростаетъ все больше и больше время, необходимое для ея выполненія; и если намъ данъ какой-нибудь сложный психическій актъ (напр., процессъ ассоціированія), то мы всегда будемъ въ состояніи анализировать его, если только изучимъ заранѣе продолжительность отдѣльныхъ простѣйшихъ актовъ, входящихъ въ его составъ. Такимъ образомъ, психометрическій анализъ, введенный впервые Дондерсомъ, является, по мнѣнію Вундта, однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для изученія сложныхъ явленій душевной жизни. Способы измѣренія скорости психическихъ процессовъ не исчерпываются однимъ только методомъ реакцій; есть и другіе пріемы, также описанные Вундтомъ въ упомянутой нами статьѣ. Но мы не будемъ здѣсь вдаваться въ ихъ описаніе, такъ какъ по своей важности они совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ измѣреніемъ времени простыхъ и сложныхъ реакцій.

Итакъ, вотъ программа, начертанная Вундтомъ. Посмотримъ, насколько она была осуществлена и каковы были результаты ея выполненія. Въ отдѣлѣ психофизики большинство работъ было направлено на болѣе детальную разработку психо-физическихъ методовъ, а также на провѣрку закона Вебера-Фехнера въ приложеніи къ различнымъ родамъ ощущеній. Оказалось, что наиболѣе точное оправданіе находитъ указанный законъ въ области слуховыхъ ощущеній; значительное приближеніе къ нему получается также въ области ощущеній движенія, давленія и осязанія. Фотометрическія изслѣдованія, пытавшіяся установить подобную-же закономѣрность для зрительныхъ ощущеній, дали болѣе противорѣчивые результаты. Что касается осязательныхъ, обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній, то здѣсь, благодаря своеобразному устройству соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ, оказалось почти невозможнымъ точно оцѣнивать силу раздраженія; это и было, можетъ быть, причиной, что полученные для нихъ результаты только приблизительно подходятъ подъ формулу Фехнера. Мы видимъ, что наиболѣе точная и обоснованная изъ психологическихъ формулъ все же не является столь общеприложимой, какъ, напр., хотя бы многія физіологическія формулы.

Интересныя и важныя данныя получились при измѣреніи скорости психическихъ процессовъ. Прежде всего оказалось, что существуютъ два типа простой реакціи: сенсорная, когда испытуемый обращаетъ вниманіе преимущественно на то ощущеніе, которое имѣетъ быть имъ воспринято, и моторное когда все вниманіе испытуемаго сосредоточено на реагирующемъ движеніи. Время моторной реакціи короче, чѣмъ время сенсорной. Если постепенно усложнять сенсорную реакцію, вставляя между сигналомъ и реакціоннымъ движеніемъ все новые душевные процессы то получаются четыре рода психическихъ актовъ: 1) узнаваніе впечатлѣнія, уже заранѣе извѣстнаго намъ въ

общихъ чертахъ; 2) различеніе двухъ или нѣсколькихъ впечатлѣній; 3) выборъ между двумя или нѣсколькими движеніями; 4) ассоціація представленій. Каждый изъ этихъ актовъ сложнѣе предыдущаго и, слѣдовательно, требуетъ больше времени, чѣмъ предшествующій.

Значительныя услуги оказало изслѣдованіе скорости психическихъ процессовъ въ разработкѣ данныхъ, относящихся къ ученію объ ассоціаціи идей (Траутшольдтъ, Мюнстербергъ, Ашаффенбургъ и др.).

Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ теоретическихъ выводовъ и заключеній, которые возникли на почвѣ психометрическихъ опытовъ. Достаточно сказать, что полученныя этимъ путемъ данныя заставили подвергнуть переработкѣ все прежнее ученіе объ ассоціаціяхъ. Здѣсь же приведемъ для примѣра только тѣ факты, которые были получены въ качествѣ непосредственнаго результата психометрическихъ изслѣдованій. Сюда относится напр., дѣленіе ассоціацій на свободныя и не свободныя (gezwungene), причемъ первыя дѣлятся въ свою очередь на словесныя, внѣшнія и внутреннія; продолжительность каждой изъ этихъ трехъ подгруппъ значительно колеблется въ зависимости отъ индивидуальности, а также отъ разныхъ побочныхъ условій. Что касается несвободныхъ ассоціацій, то онѣ тоже бываютъ болѣе или менѣе продолжительны, смотря по тому, насколько опредѣленно обозначенъ заранѣе тотъ путь, по которому должны идти ассоціаціи. Такъ, напр., если называютъ классовое понятіе и требуютъ (согласно зараннѣе заключенному уговору), чтобы испытуемый подыскалъ подходящій конкретный примѣръ, то такая ассоціація будетъ менѣе ограниченной и потребуетъ больше времени, чѣмъ тотъ случай, когда, напр., называется какой-нибудь предметъ и требуется назвать одно изъ свойствъ его.

Что касается, наконецъ, анализа чувственныхъ воспріятій, то здѣсь изслѣдованіе сосредоточивалось главнымъ образомъ на явленіяхъ контраста, на воспріятіи пространства и времени, на изученіи зрительныхъ иллюзій и т. д.

Однако рамки, намѣченныя Вундтомъ для экспериментальной психологіи, оказались со временемъ слишкомъ узкими. Анализъ чувственныхъ воспріятій и психофизика въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Вундтъ,—оба эти отдѣла начертанной имъ программы составляютъ, собственно говоря, только пограничную область между психологіей и физіологіей органовъ чувствъ. Такіе пограничные вопросы всегда будутъ менѣе интересовать психолога, чѣмъ изученіе высшихъ душевныхъ процессовъ—памяти, воображенія, чувствованій, волевыхъ процессовъ и т. д. А для этихъ высшихъ проявленій душевной жизни остался у Вундта всего только одинъ методъ,—измѣреніе скорости психическихъ процессовъ. Правда, основатель экспериментальной психологіи возлагалъ, какъ мы уже видѣли, на этотъ методъ большія надежды. Однако теперь, по прошествіи болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ, когда число работъ, относящихся къ психометріи, можно насчитывать уже десятками, всякій безпристрастный наблю-

датель долженъ, какъ намъ кажется, согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно А. Бинэ: «Эти изслѣдованія принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя, быть можетъ, наиболѣе обѣщали и наименѣе дали» [1]).

Только въ области ассоціацій измѣреніе скорости способствовало до извѣстной степени анализу; въ большинствѣ же другихъ случаевъ цыфры, добытыя этимъ путемъ, если и представляютъ извѣстный интересъ сами по себѣ, то во всякомъ случаѣ мало пригодны въ качествѣ орудія при анализѣ сложныхъ проявленій душевной жизни.

Такимъ образомъ, область приложенія эксперимента неизбѣжно должна была расшириться. Одновременно съ этимъ расширеніемъ или, вѣрнѣе сказать, благодаря ему, измѣнились также и самые способы приложенія эксперимента, причемъ это измѣненіе совершалось, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ. Во-первыхъ, техника опытовъ стала постепенно упрощаться; вмѣсто сложныхъ приборовъ, употребленіе которыхъ представляется часто необходимымъ при изслѣдованіи органовъ чувствъ, стали примѣнять методы, отличающіеся съ внѣшней своей стороны все меньшей и меньшей сложностью. Иногда простота техники доходитъ до того, что для производства опыта требуется, по выраженію Бинэ, только «перо, немного бумаги и много терпѣнія»; и тѣмъ не менѣе, въ результатѣ получаются часто интересныя данныя.

Во-вторыхъ, все больше и больше значенія стало пріобрѣтать самонаблюденіе испытуемаго, подробное описаніе съ его стороны тѣхъ внутреннихъ переживаній, которыя онъ испытывалъ впродолженіе опыта. Правда, и Вундтъ считалъ самонаблюденіе основнымъ пріемомъ всякой вообще психологіи, доказывая, что экспериментъ вовсе не исключаетъ самонаблюденія, а только дѣлаетъ его болѣе точнымъ и детальнымъ. На практикѣ, однако, выходило иначе. Благодаря тому, что опыты сосредоточивались почти исключительно на разработкѣ простѣйшихъ душевныхъ процессовъ, а главнымъ образомъ благодаря стремленію ставить опыты такъ, чтобы результаты ихъ можно было выразить въ видѣ математическихъ формулъ, — участіе испытуемаго въ производствѣ опыта представлялось на практикѣ очень ограниченнымъ. Иногда отъ него требовались только короткіе отвѣты вродѣ: «да или нѣтъ», «больше, меньше или равно» и т. д.; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ долженъ былъ ничего не говорить въ теченіе всего опыта, а только реагировать заранѣе условленными движеніями на раздраженія, даваемыя ему экспериментаторомъ. Новое направленіе, расширившее сферу примѣненія эксперимента и не гнавшееся, какъ мы сейчасъ увидимъ, за точной математической формулировкой полученныхъ результатовъ, вернуло самонаблюденію его первенствующее значеніе. Отъ испытуемаго требуется всякій разъ самое подробное описаніе его душевныхъ

[1]) A. Binet. L'étude expérimentale de l'intelligence. Paris, 1903. См. рефератъ въ 1-й кн. «Вѣстника психологіи за 1904 г.

переживаній за все время производства опыта; при этомъ отмѣчаются не только тѣ его заявленія, которыя непосредственно относятся къ задачамъ опыта, но также и другія, побочныя, въ надеждѣ, что и эти послѣднія могутъ потомъ пригодиться при выясненіи конечныхъ результатовъ изслѣдованія.

Въ третьихъ, наконецъ, все рѣже замѣчается стремленіе выразить результаты изслѣдованій въ видѣ математическихъ формулъ. Если такія формулы возможны и необходимы въ физіологіи органовъ чувствъ и, можетъ быть, въ психофизикѣ, то высшіе психическіе процессы до сихъ поръ еще совершенно не поддаются точной математической формулировкѣ. Самое большее, къ чему мы должны стремиться, это—детальный анализъ и точное описаніе ихъ, а для этихъ цѣлей формулы, всегда нѣсколько схематичныя, могутъ иногда служить даже нѣкоторой помѣхой. За то въ послѣднее время, вмѣстѣ со школьными и массовыми опытами, все больше выдвигается статистическій методъ изслѣдованія, со всѣми его отличительными особенностями, достоинствами и недостатками.

Одной изъ первыхъ удачныхъ попытокъ расширить область примѣненія эксперимента къ психологіи явился методъ, предложенный въ 1885 г. Эббинггаузомъ для изученія явленій памяти. Методъ этотъ основанъ на слѣдующемъ принципѣ. Когда какой-либо человѣкъ воспроизводитъ—произвольно или непроизвольно—въ своемъ сознаніи тотъ или иной сложный объектъ, видѣнный или слышанный имъ ранѣе, то воспроизведенію подвергается обыкновенно далеко не все то, что удержалось въ его памяти. Положимъ, что мы заучили стихотвореніе и затѣмъ, не повторяя его ни разу въ теченіе года, совершенно забыли его, такъ что не въ состояніи болѣе воспроизвести ни одного стиха. Но это еще вовсе не значитъ, что стихотвореніе совсѣмъ изгладилось изъ нашей памяти; если мы начнемъ повторно заучивать его, то увидимъ, что заучиваніе его идетъ гораздо быстрѣе и легче, чѣмъ въ первый разъ. Значитъ, въ нашей памяти сохранились извѣстные слѣды, недостаточные для того, чтобы воспроизвести стихи, но облегчающіе ихъ повторное заучиваніе. На этомъ принципѣ основанъ методъ Эббинггауза. Онъ состоитъ въ томъ, что испытуемый долженъ заучить путемъ ряда повтореній опредѣленное количество матеріала, а затѣмъ черезъ извѣстный промежутокъ времени снова заучить тотъ же самый матеріалъ. При этомъ какъ въ первый, такъ и во второй разъ сосчитывается количество повтореній, нужныхъ для заучиванія, и разница въ числѣ повтореній въ первый и во второй разъ указываетъ на количество удержавшихся въ памяти остатковъ, т. е. на силу памяти. Въ качествѣ заучиваемаго матеріала Эббинггаузъ пользовался рядами, состоящими изъ безсмысленныхъ слоговъ; слоги, одинаковымъ образомъ построенные и притомъ не имѣющіе смысла, были избраны имъ для того, чтобы придать объекту заучиванія возможно большую однородность.

Методъ Эббинггауза далъ возможность прежде всего установить постепен-

ный ходъ забыванія усвоеннаго матеріала въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ это дѣлалось прежде. Оказалось, что наиболѣе быстро идетъ забываніе въ первые часы послѣ заучиванія, затѣмъ ходъ его постепенно начинаетъ замедляться; графически это можно изобразить въ видѣ кривой, которая вначалѣ падаетъ очень быстро, затѣмъ все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, въ теченіе долгаго времени (нѣсколько недѣль) держится почти на одной высотѣ. Далѣе при помощи того же метода можетъ быть изученъ цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ процессамъ заучиванія и забыванія. Какія повторенія играютъ особенно важную роль при заучиваніи ряда, — первыя или послѣднія? Какимъ образомъ устанавливается ассоціаціонная связь между различными членами заучиваемаго ряда и какіе члены ряда играютъ въ этомъ отношеніи особенно важную роль? Насколько можетъ ускориться заучиваніе, благодаря соблюденію извѣстнаго ритма или дѣленію ряда на нѣсколько равныхъ группъ? Всѣ эти и подобные имъ вопросы подверглись особенно подробной разработкѣ въ лабораторіи проф. Мюллера въ Геттингенѣ; при этомъ пользовались или видоизмѣненнымъ методомъ Эббингауза, или же такъ наз. методомъ удачныхъ воспроизведеній (Treffermethode), въ обсужденіе котораго мы здѣсь входить не будемъ, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, далеко не играетъ такой важной роли, какъ методъ Эббингауза.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія работы Эббингауза, Бинэ и Анри въ Парижѣ произвели рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій, также посвященныхъ процессамъ памяти; при этомъ они однако пользовались совершенно иными пріемами. Прежде всего, испытуемый не долженъ былъ заучивать наизусть того матеріала (словъ, фразъ, чиселъ, геометрическихъ фигуръ), который предлагался ему для запоминанія; все дѣло ограничивалось обыкновенно только однократнымъ показываніемъ (или прочтеніемъ вслухъ) объекта, причемъ показываніе это длилось столько времени, сколько необходимо было для того, чтобы испытуемый вполнѣ отчетливо воспринялъ предлагавшійся ему объектъ. Затѣмъ, по прошествіи большаго или меньшаго промежутка времени, стараются опредѣлить, насколько обильны и точны слѣды, сохранившіеся въ памяти отъ воспринятыхъ ранѣе впечатлѣній. Для этой цѣли французскими авторами употреблялись слѣдующіе четыре метода: 1) Методъ описанія. Не отличаясь особой точностью, способъ этотъ пригоденъ скорѣе всего для сложныхъ объектовъ, напр., для рисунковъ различнаго рода предметовъ и т. д. 2) Методъ узнаванія заключается въ томъ, что испытуемому одновременно показываютъ цѣлый рядъ объектовъ, болѣе или менѣе похожихъ на тотъ, который служилъ предметомъ запоминанія; такъ, если до паузы была показана прямая линія, то испытуемому дается цѣлый рядъ прямыхъ различной длины и затѣмъ просятъ указать въ этомъ ряду ту линію, которая была показана въ первый разъ. Несмотря на простоту и естественность метода, здѣсь однако необходимо считаться съ явленіями контраста, неизбѣжно возникающими вслѣд-

ствіе того, что цѣлый рядъ линій различной длины нарисованы тѣсно другъ подлѣ друга. 3) Методъ воспроизведенія, состоящій въ томъ, что испытуемый повторяетъ вслухъ (или записываетъ) прочитанныя ему передъ этимъ слова или числа, старается воспроизвести на бумагѣ показанную ему фигуру и т. д. Актъ воспроизведенія по своему механизму значительно отличается отъ акта узнаванія, превосходя его въ то же время по своей сложности. Уже умственная сторона процесса въ обоихъ случаяхъ различна: для всякаго очевидно, что узнаваніе какой-нибудь вещи еще не тождественно съ умышленнымъ воспоминаніемъ объ этой вещи. Кромѣ того, воспроизведеніе объекта требуетъ еще цѣлаго ряда сложныхъ мышечныхъ движеній,—рѣчи, письма, рисованія, благодаря этому, ошибки при воспроизведеніи могутъ зависѣть не только отъ погрѣшностей памяти, но также отъ неточности движеній, напр., у лицъ, неумѣющихъ рисовать. Несмотря, однако же, на этотъ недостатокъ, методъ воспроизведенія является нерѣдко чрезвычайно полезнымъ при изученіи нѣкоторыхъ видовъ памяти. 4) Методъ сравненія, также очень важный, состоитъ въ томъ, что испытуемому сначала даютъ воспринять какой-нибудь объектъ (обыкновенно, несложный: линію, тонъ, освѣщенную поверхность); затѣмъ по прошествіи извѣстнаго времени показываютъ ему другой объектъ, однородный съ первымъ, но нѣсколько отличающійся отъ него, напр., по свой величинѣ, и затѣмъ спрашиваютъ, будетъ ли этотъ второй объектъ больше, меньше или равенъ первому. Не трудно замѣтить, что этотъ послѣдній методъ имѣетъ большое сходство съ описаннымъ уже выше методомъ истинныхъ и ложныхъ случаевъ.

Въ общемъ можно сказать, что изъ всѣхъ высшихъ болѣе сложныхъ душевныхъ процессовъ память является наиболѣе доступной для изученія экспериментальнымъ путемъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію практическая важность подобнаго рода изслѣдованій, въ особенности для педагога, вынужденнаго постоянно считаться со степенью развитія памяти у своихъ воспитанниковъ. Неудивительно поэтому, что число работъ, посвященныхъ изученію различныхъ видовъ памяти, за послѣднія 10—15 лѣтъ чрезвычайно разрослось. Не будучи въ состояніи перечислить здѣсь хотя бы только часть работъ, относящихся къ этому предмету, отсылаемъ читателя къ книгѣ Продана [1]), гдѣ собрана почти вся литература по памяти.

Изъ другихъ вопросовъ, относящихся къ общей психологіи и получившихъ значительное освѣщеніе, благодаря примѣненію экспериментальнаго метода, можно отмѣтить слѣдующіе: колебанія произвольнаго вниманія, физіологическія проявленія чувствованій и внушаемость у нормальныхъ, не загипнотизированныхъ субъектовъ. Вопросъ о періодическихъ колебаніяхъ вниманія, болѣе или

[1]) Проданъ. О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями. Юрьевъ, 1900 и 1901 г. 2 части.

менѣе кратковременныхъ (періодъ колебаній отъ 2,5 сек. до 4,0 сек.), выдвинутый впервые Урбанчичемъ, былъ впослѣдствіи обстоятельно разработанъ Н. Ланге, который, исходя изъ этихъ колебаній, построилъ цѣлую теорію активнаго вниманія [1]). Изученіе физіологическихъ проявленій эмоцій привлекло всеобщее вниманіе въ особенности со времени появленія теоріи Ланге-Джемса, которая, какъ извѣстно, въ физіологическихъ измѣненіяхъ видитъ основу всякой эмоціи, субъективную же сторону чувствованій считаетъ простымъ придаткомъ, возникающимъ уже вторично, въ качествѣ слѣдствія физіологическихъ измѣненій. Въ общемъ, нельзя сказать, чтобы многочисленныя появившіяся съ тѣхъ поръ экспериментальныя изслѣдованія подтверждали эту теорію. Надо имѣть въ виду, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ трудно высказывать какія бы то ни было опредѣленныя заключенія, такъ какъ результаты отдѣльныхъ изслѣдователей слишкомъ еще противорѣчатъ другъ другу [2]). Поэтому, намъ кажется, что классификація, составленная Вундтомъ въ послѣднее время и основанная преимущественно на изслѣдованіяхъ относительно физіологическихъ проявленій эмоцій, является преждевременной и во всякомъ случаѣ черезчуръ схематичной. Что касается, наконецъ, третьей группы вопросовъ, именно— внушаемости у нормальныхъ людей, то здѣсь мы имѣемъ цѣлый рядъ остроумныхъ опытовъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ А. Бинэ и повторявшихся затѣмъ неоднократно другими изслѣдователями. Принципъ этихъ опытовъ заключается въ томъ, что испытуемаго просятъ сдѣлать одно или нѣсколько наблюденій, требующихъ большого сосредоточенія вниманія, напр.,—опредѣлить едва замѣтные запахи, заключающіеся въ цѣломъ рядѣ бутылокъ, опредѣлить сравнительную тяжесть ряда шариковъ или кубиковъ, едва замѣтно отличающихся другъ отъ друга по своему вѣсу, указать моментъ, когда тихій, вначалѣ неслышный звукъ, станетъ слышнымъ и т. д. При этомъ, путемъ ли прямого внушенія, или при помощи разныхъ косвенныхъ пріемовъ вводятъ въ сознаніе испытуемаго, незамѣтно для него самого, ложную, предвзятую идею: напр., что запахи должны быть непремѣнно во всѣхъ бутылкахъ, что вѣсъ шариковъ отъ начала и до конца ряда все возростаетъ, что звукъ долженъ быть услышанъ именно въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ и т. д. И опытъ показываетъ, что во многихъ случаяхъ, особенно у дѣтей, подобнаго рода внушенія удаются, и испытуемый совершаетъ цѣлый рядъ ошибочныхъ сужденій именно въ томъ направленіи, которое ему было подсказано.

Характерную особенность современнаго положенія экспериментальной психологіи составляетъ ея разбросанность, разнообразіе ея задачъ и вмѣстѣ съ

[1]) См. Н. Ланге. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г.

[2]) Обзоръ нѣкоторыхъ работъ, относящихся къ этому предмету, см. въ моей статьѣ: «О вліяніи внушенныхъ въ гипнозѣ чувствованій на пульсъ и дыханіе». Извѣстія Имп. Военно-Мед. Акад., декабрь 1900 г.

тѣмъ полное отсутствіе какой бы то ни было опредѣленной, общей програмны, общаго плана въ веденіи работъ. Программа, начертанная Вундтомъ, оказалась слишкомъ узкой, новая же еще не появилась. Отсюда чрезвычайная пестрота какъ въ пріемахъ изслѣдованія, такъ и въ вопросахъ, изученію которыхъ посвящены отдѣльныя работы. Почти всякій изслѣдователь идетъ ощупью, на свой рискъ и страхъ, опираясь только на тѣ данныя, которыя непосредственно относятся къ его задачамъ и часто не будучи въ состояніи даже приблизительно сказать, къ какому результату приведутъ начатые имъ опыты. Одно только мы можемъ утверждать съ полною увѣренностью: область примѣненія эксперимента къ психологіи постоянно и непрерывно расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самые пріемы экспериментированія становятся все богаче, гибче и разнообразнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ все менѣе и менѣе рѣзкой становится граница, отдѣляющая экспериментъ отъ простого наблюденія, и дѣлается все болѣе очевиднымъ, что экспериментальная психологія не есть какая-либо особая наука, что самый экспериментъ представляетъ собою только одинъ изъ пріемовъ психологическаго изслѣдованія. Очень можетъ быть, что всесторонняя, на нашихъ глазахъ непрерывно растущая и расширяющаяся работа психологовъ-экспериментаторовъ приведетъ въ концѣ концовъ къ тому, что изъ общей психологіи выдѣлятся нѣкоторые ея отдѣлы въ качествѣ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ; но намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ отличительнымъ признакомъ, главнымъ raison d'être каждой такой самостоятельной науки явится не столько экспериментальный способъ изслѣдованія, сколько самое содержаніе данной науки, рядъ тѣхъ вопросовъ, которые до сихъ поръ оставались еще почти не затронутыми и разработка которыхъ должна составить главную задачу нарождающейся научной дисциплины.

Изъ числа такихъ новыхъ отраслей психологіи, возникновенію которыхъ много способствовалъ экспериментальный методъ изслѣдованія, я укажу на индивидуальную психологію или, какъ ее можно было бы еще иначе назвать, научную характерологію. Въ прежнее время всѣ данныя относительно разнообразія людскихъ характеровъ сосредоточивались почти исключительно въ ученіи о темпераментахъ; каждый изъ четырехъ главныхъ темпераментовъ надѣлялся извѣстными психическими особенностями,—и въ эти узкія рамки старались втиснуть все разнообразіе человѣческихъ личностей. Только въ послѣдніе годы стали появляться одна за другой чисто психологическія классификаціи характеровъ, кладущія въ основу дѣленія не физическіе, а психическіе признаки. Недостатокъ этихъ классификацій заключается однако въ томъ, что почти всѣ онѣ составлены чисто дедуктивнымъ путемъ и поэтому вынуждены оставаться исключительно въ сферѣ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ подраздѣленій, не будучи въ состояніи приблизиться къ фактамъ, наблюдаемымъ нами въ повседневной жизни. Таковы, напр., классификаціи Рибо, Полана Фуллье и др. Одновременно съ этимъ въ средѣ психологовъ-экспериментато-

ровъ возникло другое направленіе, которому, на нашъ взглядъ, принадлежитъ будущее. Э. Крепелинъ, желая выработать способъ точнаго и всесторонняго изслѣдованія психической сферы душевно-больныхъ, рѣшилъ примѣнить для этого экспериментальный методъ. Съ этою цѣлью онъ занялся выработкой упрощенныхъ пріемовъ, которые позволяли бы ему, продѣлавши надъ какимъ-нибудь лицомъ нѣсколько опытовъ, составить полную характеристику его душевныхъ особенностей или, выражаясь языкомъ медиковъ, составить подробный «психологическій status praesens» этого лица. Надо сказать, впрочемъ, что программа изслѣдованія личности, составленная Крепелиномъ, отличается значительною узостью, ограничиваясь почти исключительно изученіемъ умственной работоспособности испытуемаго лица. Испытуемый долженъ былъ продѣлать (конечно, не за разъ, а въ теченіе нѣсколькихъ сеансовъ) одно за другимъ рядъ слѣдующихъ упражненій: 1) пересчитываніе буквъ по книгѣ; 2) выбираніе одной и той же буквы въ какой-нибудь статьѣ; 3) чтеніе вслухъ или про себя; 4) письмо подъ диктовку; 5) сложеніе и вычитаніе цѣлаго ряда небольшихъ чиселъ; 6) заучиваніе наизусть цѣлыхъ рядовъ цыфръ или слоговъ. Всю эту работу онъ долженъ былъ совершать какъ можно быстрѣе и притомъ по возможности правильнѣе, сосредоточивая на ней все свое вниманіе. Полученный этимъ путемъ матеріалъ позволяетъ намъ судить прежде всего о количествѣ работы, совершаемой испытуемымъ въ опредѣленный промежутокъ времени, а также и о качествѣ этой работы,—на что указываетъ большее или меньшее число сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Кромѣ того, эти же пріемы позволяли судить о нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ испытуемаго лица: о постепенной привыкаемости его къ данной работѣ (Uebungsfähigkeit); объ его утомляемости; о способности испытуемаго болѣе или менѣе быстро «втягиваться» въ работу,—такъ какъ обыкновенно умственному механизму требуется нѣкоторое время, чтобы развить всю свою энергію; о способности того же испытуемаго сосредоточивать все свое вниманіе на совершаемой работѣ, не позволяя ему отвлекаться посторонними впечатлѣніями, и т. д. Такимъ образомъ, все изслѣдованіе сосредоточивается исключительно на умственной работоспособности, совершенно оставляя въ сторонѣ всю область чувствованій и едва лишь затрогивая нѣкоторые изъ высшихъ и волевыхъ процессовъ.

Нѣсколько большей широтою отличается программа экспериментальнаго обслѣдованія личности, предложенная Бинэ и Анри. По мнѣнію этихъ авторовъ, индивидуальная психологія должна оставить въ сторонѣ простѣйшіе психическіе акты, такъ какъ не ими опредѣляются отличительныя особенности отдѣльныхъ лицъ; гораздо болѣе важную роль въ этомъ отношеніи играютъ высшіе, болѣе сложные психическіе процессы. На нихъ-то и должно быть сосредоточено вниманіе психолога при составленіи характеристики наблюдаемаго имъ лица. Мы не станемъ приводить здѣсь програмы Бинэ и Анри во всѣхъ ея подробностяхъ. Укажемъ лишь на то, что отличаясь большей широтой,

чѣмъ програма Крѣпелина, она въ то же время представляетъ значительно менѣе точности и опредѣленности; достаточно сказать, что названные авторы считаютъ возможнымъ все изслѣдованіе личности произвести въ теченіе $1^1/_2$ часовъ, — срокъ, который, по нашему мнѣнію, недостаточенъ не только для полнаго, но даже для бѣглаго, первоначальнаго ознакомленія съ характеромъ испытуемаго. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что программа Бинэ и Анри является крупнымъ шагомъ впередъ по пути развитія индивидуальной психологіи.

Изъ позднѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ отмѣтить еще интересную книжку Штерна: «Психологія индивидуальныхъ различій» [1]). Авторъ настаиваетъ на необходимости подвергнуть подробному экспериментальному изслѣдованію отдѣльныя психическія особенности (преимущественно въ области умственныхъ процессовъ), которыми человѣческіе индивидуумы отличаются другъ отъ друга. Только послѣ того, какъ будутъ изучены подобныя «индивидуальныя различія», можно будетъ, по мнѣнію Штерна, приступить къ описанію и характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя экспериментальный методъ и не составляетъ отличительнаго признака научной характерологіи, однако, введеніе его въ эту область много способствовало точной систематической разработкѣ предмета, а также выясненію конечныхъ цѣлей и задачъ самой науки.

Другою областью примѣненія психологическаго эксперимента являются вопросы, относящіеся къ психологіи дѣтей школьнаго возраста и вообще такъ или иначе касающіеся школьнаго преподаванія. Благодаря огромной практической важности даннаго предмета, число изслѣдованій, посвященныхъ его разработкѣ, чрезвычайно быстро возрастаетъ; въ послѣднее время возникло даже предложеніе выдѣлить всѣ относящіеся сюда вопросы въ качествѣ самостоятельной науки подъ названіемъ «педологіи» (Стэнли Холлъ). Не вдаваясь въ разсмотрѣніе задачъ и методовъ этой новой отрасли психологіи, мы укажемъ только на ту важную роль, какую игралъ экспериментъ въ ея возникновеніи. Однимъ изъ первыхъ экспериментаторовъ, обратившихъ вниманіе на возможность систематически разрабатывать вопросы, касающіеся умственной работы и умственнаго утомленія, былъ Э. Крепелинъ. Съ тѣхъ поръ появился въ этомъ направленіи цѣлый рядъ работъ, подробный обзоръ которыхъ читатель можетъ найти въ книгѣ Бинэ и Анри: «Умственное утомленіе» (1899 г.). Одновременно съ изслѣдованіемъ умственной работоспособности занялись также и различными другими вопросами, имѣющими то или иное отношеніе къ школьному преподаванію, а именно: состояніе памяти у дѣтей различнаго возраста и пола, условія колебаній вниманія и быстрота умственныхъ процессовъ въ дѣтскомъ возрастѣ и т. д. Въ то же время, желая по возможности расширить

[1]) W. Stern. Ueber Psychologie der individuellen Differenzen. 1901 г.

сферу наблюденія и собрать возможно большее количество матеріала, стали пользоваться не только лабораторными опытами, производимыми надъ отдѣльными личностями, но также коллективными, массовыми экспериментами, производимыми одновременно надъ цѣлымъ классомъ воспитанниковъ. Примѣромъ такого рода массовыхъ изслѣдованій (особенно охотно примѣняющихся американскими психологами) могутъ служить опыты, произведенные А. Нечаевымъ по вопросу о развитіи памяти у дѣтей различнаго возраста [1]). Для разработки полученнаго этимъ путемъ матеріала приходится часто уже не довольствоваться элементарными правилами вычисленій, а прибѣгаютъ къ особымъ методамъ и пріемамъ, выработаннымъ статистикой. Итакъ, эти школьныя изслѣдованія даютъ намъ еще одинъ примѣръ того, какимъ образомъ психологическій экспериментъ, будучи распространенъ на новую область знанія, постепенно видоизмѣняется, приспособляясь какъ къ техническимъ условіямъ, среди которыхъ приходится работать, такъ и къ тѣмъ спеціальнымъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ и цѣль новой науки.

Теперь попытаемся формулировать вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ можно придти на основаніи всего предшествовавшаго изложенія. Прежде всего, экспериментъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать единственнымъ методомъ, пригоднымъ для изученія явленій душевной жизни. Каждое отдѣльное психологическое наблюденіе, какимъ бы путемъ оно ни было добыто, сохраняетъ свое полное научное значеніе также и въ томъ случаѣ, если-бы къ изслѣдованію его совсѣмъ нельзя было примѣнить эксперимента. Далѣе, совершенно невѣрно мнѣніе тѣхъ, кто противопоставляетъ экспериментъ самонаблюденію. Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что экспериментъ упраздняетъ самонаблюденіе; напротивъ, онъ совершенствуетъ его, дѣлая его болѣе точнымъ, позволяя изслѣдуемому наблюдать въ своемъ сознаніи такія детали и тонкости, какія безъ помощи эксперимента были бы ему недоступны. Психологія есть наука о данныхъ внутренняго опыта. На комъ бы мы ни производили свои эксперименты и наблюденія,—на нормальныхъ ли взрослыхъ людяхъ, на дѣтяхъ, душевно-больныхъ или на животныхъ,—все равно, они представляютъ интересъ для психологіи лишь постольку, поскольку даютъ намъ понятіе о процессахъ, совершающихся въ сознаніи того, кто подвергается эксперименту. Что касается точнаго цифрового выраженія полученныхъ данныхъ, то оно, конечно, имѣетъ свое значеніе, но, какъ кажется, значеніе это было чрезмѣрно преувеличено. Конечная задача психолога (по крайней мѣрѣ, въ настоящее время) состоитъ не въ томъ, чтобы давать таблицы цифръ или точныя математическія формулы, а въ томъ, чтобы при помощи числовыхъ данныхъ устанавливать закономѣрныя отношенія между полученными фактами.

[1]) А. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901 г.

Наконецъ, надо имѣть въ виду также и то, что пріемы экспериментальнаго изслѣдованія въ психологіи, какъ впрочемъ и во всякой другой наукѣ, могутъ подвергаться безконечно разнообразнымъ видоизмѣненіямъ въ зависимости отъ свойствъ того предмета, для изученія котораго они употребляются. А такъ какъ современная научная психологія постоянно и непрерывно расширяется, захватывая все новые и новые отдѣлы, находившіеся ранѣе внѣ ея вѣдѣнія, то можно думать, что и психологическій экспериментъ будетъ такъ же неизмѣнно прогрессировать въ своемъ развитіи, приспособляясь всякій разъ къ измѣнившимся условіямъ и принимая вслѣдствіе этого все новыя и новыя формы. И нѣтъ ничего удивительнаго, если въ будущемъ намъ придется считаться съ такими видами и пріемами психологическаго экспериментированія, о которыхъ мы въ настоящее время не въ состояніи еще составить себѣ сколько-нибудь опредѣленнаго представленія.

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

I. Шульцъ. Объ основахъ формальной логики. I. Schultz. Ueber die Fundamente der formalen Logik. (Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1903). Статья направлена противъ Husserl'я «(Logische Untersuchungen» I. 1900) и Uphues'а («Einführung in die moderne Logik», I. 1901). Husserl отвергаетъ психологическое обоснованіе нормъ логики и требуетъ чистой логики, вполнѣ апріорной. Schultz доказываетъ, что такая «чистая логика» невозможна.

Предварительно онъ устанавливаетъ нѣкоторыя исходныя посылки. Всѣ положенія дѣлятся на три класса: a) Требованія или постулаты, относящіеся къ тому, что должно быть,—слѣдовательно, къ предмету, котораго еще нѣтъ; b) Опредѣленія, устанавливаемыя нами по произволу (мы свободны опредѣлить тѣ или другія границы понятія); c) Утвержденія или высказыванія, относящіяся къ извѣстному предмету. Истина, соотвѣтственно обычному употребленію этого слова, опредѣляется, какъ согласіе положенія съ его предметомъ. Отсюда уже видно, что можно говорить объ истинности только утвержденій; въ опредѣленіяхъ мы произвольно опредѣляемъ предметъ, въ постулатахъ—требуемъ предмета; вопросъ о согласіи положенія съ предметомъ въ обоихъ случаяхъ не имѣетъ смысла.

Husserl хочетъ обосновать логическія правила на нѣкоторыхъ апріорныхъ вполнѣ независимыхъ отъ опыта положеніяхъ. Но, спрашиваетъ авторъ, какъ можемъ мы удостовѣриться въ истинности этихъ сверхопытныхъ утвержденій? Указываютъ критерій въ очевидности. Но одно и то же положеніе одному можетъ показаться очевиднымъ, другому—нѣтъ; законъ причинности, напр., многими считается очевиднымъ,—а, напр., Махъ отвергаетъ это. Если Husserl не собирается, какъ самодержецъ, объявлять очевиднымъ все, что ему покажется таковымъ, то онъ долженъ указать признаки, отличающіе дѣйстви-

тельную очевидность отъ кажущейся. Husserl говоритъ, что очевидность есть «переживаніе истины», и Uphues даетъ тонкое описаніе нашихъ душевныхъ состояній при ясномъ усмотрѣніи истины и при слѣпой увѣренности. Но здѣсь мы переходимъ въ область психологіи, и «чистая» наука становится «эмпирической».

Затѣмъ, какое содержаніе будутъ заключать въ себѣ эти апріорныя истины? Можетъ быть, основные принципы мышленія дадутъ содержаніе чистой логикѣ? «Но тутъ непріятный человѣкъ изъ Кенигсберга загораживаетъ намъ дорогу»...

Апріорны, по Канту, положенія, выражающія формы познанія,—методы, которыми «субъектъ» познаетъ міръ. Но самъ «чистый субъектъ» — не есть предметъ познанія. Сдѣлать «субъектъ» предметомъ изученія можно лишь въ томъ случаѣ, если подразумѣвать не чистое «я», а эмпирическое, т. е. если стать на почву психологіи.

Апріорные, неизмѣнные и всеобще-необходимые принципы Канта не могутъ быть утвержденіями: утвержденіе должны относиться къ объекту, слѣдовательно къ эмпирическому, измѣнчивому міру. Эти принципы не могутъ быть и опредѣленіями: опредѣленія по существу произвольны... Принципы мышленія нужно разсматривать, какъ требованія; эту мысль можно прочесть между строками у Канта. Какъ требованія, они «идеальны», въ противоположность «реальному» міру и могутъ постоянно и необходимо прилагаться ко всякому опыту (признакъ апріорности по Канту). Таковъ, напр., принципъ тождества. Положеніе «A = A», безполезное, если понимать его, какъ утвержденіе относительно A, имѣетъ смыслъ требованія: «твердо удерживай одно и то же значеніе за разъ взятымъ тобою понятіемъ». Такіе принципы даютъ нормы дѣятельности,—но, очевидно, сами по себѣ не могутъ быть предметомъ теоретической (объясняющей) науки.

Трансцендентальное ученіе Канта не есть примѣръ вполнѣ апріорнаго теоретическаго знанія. Смыслъ вывода формъ познанія у Канта можно понимать различно, но всѣ толкованія въ концѣ концовъ приводятъ къ эмпирическому основанію. 1) Формы познанія можно разсматривать какъ свойства нашей психической организаціи, выводимыя изъ психологическаго анализа нашихъ представленій и сужденій — слѣдовательно, изъ эмпирическихъ данныхъ. 2). Въ формахъ познанія можно видѣть свойства «познаванія самого по себѣ», независимо отъ конкретнаго человѣческаго познаванія, — «формы субъективности вообще» или «сознанія вообще» (Schuppe). Но «субъектъ вообще» не есть объектъ познанія; его свойства мы можемъ изучать лишь отраженными въ познаваемомъ эмпирическомъ мірѣ, въ конкретномъ эмпирическомъ «я». 3) Формы познанія можно выводить изъ разсмотрѣнія человѣческаго мышленія въ его продуктахъ—въ развитой наукѣ или въ обычныхъ мысляхъ простыхъ смертныхъ. И здѣсь эмпирическое основаніе очевидно.

Вообще не можетъ быть теоретической науки, построенной a priori. Невѣрно, что математика даетъ a priori заключающія реальное знаніе положенія. Въ математикѣ мы съ апріорными требованіями подходимъ къ эмпирическому матеріалу, открываемъ въ немъ соотвѣтствія съ нашими постулатами, убѣждаемся въ этомъ въ разныхъ случаяхъ и такимъ образомъ a posteriori получаемъ относящіяся къ эмпирическому міру и контролируемыя опытомъ положенія.

И Husserl'ю не удастся построить теоретическую науку безъ эмпирическаго осно-

ванія. Онъ хочетъ изъ принимаемой данною идеи «теоретическаго единства» вывести основныя понятія (категоріи) и законы теоретическаго мышленія. Но эта идея есть лишь требованіе. Изъ требованій мы ничего не получимъ кромѣ требованій, «какъ бы усердно мы ихъ ни трясли». Мы не выходимъ изъ области нормативной логики, которая давно ужъ устанавливаетъ системы выведенныхъ одно изъ другого правилъ—требованій. Теоретическое знаніе мы получимъ только тогда, когда объяснимъ эти правила изъ чего нибудь фактическаго. Съ этимъ мы потеряемъ апріорный и аподиктическій характеръ нашей науки — «потеряемъ безвозвратно, и тутъ не помогутъ никакія слезы».

Нужно ли вообще теоретическое обоснованіе нормъ логики?

Законъ тождества, какъ основное условіе истины (нельзя говорить о согласіи положенія съ предметомъ безъ признанія тождества предмета съ самимъ собой)—очевидно необходимъ; «онъ самъ удостовѣряетъ права свои, своихъ дѣтей и внуковъ». Но могутъ быть другія правила, не вытекающія изъ самаго понятія истины. Они должны доказать свои права.

Обоснованіе возможно двумя способами. Или мы показываемъ, что данное правило психологически необходимо, обусловлено нашей психической организаціей (психологическое обоснованіе). Или мы разсматриваемъ дѣйствительное человѣческое познаніе, научное или житейское, и показываемъ, что оно невозможно безъ приложенія этого правила (обоснованіе путемъ критики познанія).

Каждый изъ этихъ двухъ способовъ имѣетъ свои слабыя стороны. Изучая «до-научное» мышленіе, мы можемъ счесть за основное логическое правило такую предпосылку, которая отвергается развитой наукой. Изучая научное познаніе, также можно принять за постоянную норму то, что впослѣдствіи будетъ отвергнуто. Возможно и обратное: въ наукѣ иногда развѣнчиваются и дѣйствительныя аксіомы (напр., современная физика хочетъ обходиться безъ принятія за аксіому закона причинности). Равнымъ образомъ и при психологическомъ обоснованіи можетъ иной разъ показаться необходимостью то, что въ другой разъ покажется сомнительнымъ. Такимъ образомъ каждый изъ способовъ обоснованія самъ по себѣ можетъ приводить къ ошибкамъ; они должны дополнять другъ друга.

Далѣе послѣдовательно разбираются аргументы Husserl'я противъ психологическаго обоснованія логики. Между прочимъ, Husserl говоритъ: какъ можетъ эмпирическая наука давать сверхъ-эмпирическіе и безусловно точные законы, составляющіе ядро логики? Но никто не утверждаетъ, что психологія должна «давать» логическіе законы. Логическія аксіомы—это постулаты, предписывающіе нормы всѣмъ наукамъ; они не даются психологіей, а скорѣе даются психологіи. Намъ не придется обосновывать аксіомы мышленія по существу. Но мы должны открыть ихъ; мы должны показать общеобязательность каждаго изслѣдуемаго нами принципа, т. е. его принадлежность къ числу этихъ аксіомъ. «Такое-то положеніе кажется тебѣ очевиднымъ и необходимымъ—прекрасно. Это—твое личное впечатлѣніе. Докажи теперь, что и всѣми людьми оно считается очевиднымъ; докажи затѣмъ, что познаніе не можетъ обойтись безъ него». Доказать это могутъ и должны психологія и (эмпирическая) теорія познанія.

По поводу другого замѣчанія Husserl'я дается опредѣленіе сужденія. Въ сужденіи мы присоединяемъ къ воспріятію или представленію извѣстное слово (или даже извѣстный жестъ). Подъ это опредѣленіе сужденія, какъ ассоціаціи (Begleitung) между представленіемъ и словомъ, подходятъ и простѣйшіе случаи

высказыванiй, плохо объясняемые другими теорiями сужденiя (напр. ребенокъ видитъ овцу и говоритъ «бээ»; человѣкъ держится за щеку и говоритъ «больно» и т. п.).

Цѣль высказыванiя—привлечь вниманiе другихъ къ тому, что мы воспринимаемъ или представляемъ: мои слова должны вызвать у собесѣдника подобное же представленiе или психическое состоянiе. «Истинно» высказыванiе, если оно вызываетъ у собесѣдника представленiе, согласное съ моими представленiями или воспрiятiями, т. е. съ тѣмъ, что обычно называется «дѣйствительностью».

«Истина», зависящая отъ нашего воспрiятiя, является неизбѣжно «относительной». Сужденiя о цвѣтѣ, высказываемыя человѣкомъ, страдающимъ дальтонизмомъ, ложны потому, что всѣ мы видимъ цвѣта иначе; но если бы кромѣ меня ни одинъ человѣкъ не отличалъ краснаго отъ зеленаго, то мои сужденiя о цвѣтахъ были бы ложными. Никакихъ истинъ, кромѣ относительныхъ, не можетъ дать познанiе эмпирическаго мiра.

«Чистая» логика требуетъ абсолютной истины. Uphues говоритъ: «мы принимаемъ, что мы можемъ познавать истину»—«die» Wahrheit, т. е. истину опредѣленную, единственную—слѣдовательно, безусловную, одну и ту же всегда и для всѣхъ. Эта «истина», не зависящая отъ нашего познанiя, принадлежитъ къ мiру «интеллигибельныхъ субстанцiй». Считать возможнымъ ея познанiе—значитъ становиться на точку зрѣнiя идеалистической метафизики.

А. Покровскiй.

П. Шульцъ. Мозгъ и душа. Paul Schulz. Gehirn und Seele. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Bd. 32. Heft 3 u. 4. S. 200—258.

Настоящая статья носитъ чисто гносеологическiй характеръ. Авторъ по собственному его заявленiю всецѣло примыкаетъ къ точкѣ зрѣнiя трансцендентальнаго идеализма. Его интересуетъ вопросъ о познавательной цѣнности психологiи, наряду съ естественно-научными дисциплинами. Въ первой части своей статьи онъ даетъ довольно популярное изложенiе теоретической философiи Канта. Въ согласiи съ послѣднимъ онъ приходитъ къ тому выводу, что психологiя, съ точки зрѣнiя цѣлей, преслѣдуемыхъ естествознанiемъ, не есть наука. *Для естествознанiя* невозможно даже простое признанiе причинной связи между явленiями душевной жизни съ одной стороны и явленiями движенiя—съ другой. Обѣ группы явленiй несоизмѣримы. Отношенiе между душой и мозгомъ можетъ поэтому мыслиться только какъ психофизическiй параллелизмъ во времени. Съ точки зрѣнiя психофизическаго параллелизма мiръ внутреннiй долженъ нѣкоторымъ образомъ отражать въ себѣ внѣшнiй мiропорядокъ. Отсюда исходитъ вполнѣ разумное стремленiе установить закономѣрныя отношенiя между внутреннимъ и внѣшнимъ мiромъ.

На этомъ окольномъ пути душевная жизнь становится предметомъ опыта, и психологiя получаетъ значенiе науки, хотя и всецѣло эмпирической.

Направленiе, отрицающее за психологiей всякую научную цѣнность, грѣшитъ въ томъ отношенiи, что оно не отдаетъ себѣ точнаго отчета въ современномъ состоянiи нашихъ знанiй.

Вполнѣ основательно считая чисто механическое объясненiе всѣхъ тѣлесныхъ явленiй, въ томъ числѣ и мозговыхъ процессовъ, цѣлью науки, оно въ то же время упускаетъ изъ виду полную неосуществимость такого объясненiя при настоящемъ положенiи нашихъ знанiй. Между тѣмъ именно тамъ, гдѣ

прекращается точное научное наблюденіе, психическія явленія даны намъ непосредственно. Поэтому *пока* для насъ является неустранимой потребностью вовлеченіе въ кругъ естественно-научныхъ изысканій явленій психическихъ и даже именно въ цѣляхъ механическаго объясненія явленій жизни.

Авторъ на примѣрахъ подтверждаетъ неизбѣжность и успѣшность подобнаго пріема. «Что бы мы знали, спрашиваетъ онъ, о значеніи и организаціи мозга и его частей не только у человѣка, но и у высшихъ животныхъ, если бы мы не изучили основательно тѣхъ психическихъ явленій, которыя сопутствуютъ тѣлеснымъ измѣненіямъ, вызваннымъ случайными заболѣваніями или намѣреннымъ поврежденіемъ». Правда, непосредственно намъ дано только наше личное сознаніе. Мы заключаемъ о существованіи намъ подобныхъ сознаній.

Имѣемъ-ли мы однако право на такое заключеніе въ примѣненіи къ міру животныхъ и ограничивается-ли это право какими нибудь предѣлами? Авторъ не находитъ рѣшительнаго отвѣта; онъ ограничивается указаніемъ на то, что по его мнѣнію мы можемъ принимать душевную жизнь всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ нервную ткань.

Статья заканчивается изложеніемъ основныхъ принциповъ Кантовой телеологіи и практической философіи. *А. Римскій-Корсаковъ.*

А. Арсталь. «Семья и ея Задачи». Перев. А. и П. Ганзенъ. СПБ. 1903. Новая переводная книга норвежскаго писателя Арсталя «Семья и ея задачи» должна вызвать интересъ въ русской мыслящей публикѣ, во первыхъ потому, что затронутые ею вопросы слишкомъ назрѣли въ обществѣ, во вторыхъ потому, что она является выраженіемъ взгляда одного изъ передовыхъ обществъ на строй семьи. Задавшись цѣлью разсмотрѣть вопросы воспитанія ребенка съ первыхъ дней его жизни и кончая сознательнымъ выборомъ себѣ общественнаго положенія, г. Арсталь обратился къ цѣлому ряду спеціалистовъ, которые пришли къ нему на помощь своими статьями. Такимъ образомъ, книга г. Арсталя представляетъ собою коллективную работу. Постараемся отмѣтить ея основные взгляды.

Здоровая семейная атмосфера—это лучшая почва, могущая создать нравственно-здоровый типъ ребенка, какъ представителя будущаго общества. Это—почва, при которой только и возможно ожидать благопріятныхъ результатовъ при практическомъ примѣненіи раціональной теоріи воспитанія. Но что такое здоровая семья?—Вопросъ кажется крайне легкимъ, даже пожалуй наивнымъ, но стоитъ поглубже вникнуть въ него и мы не найдемъ его таковымъ. Здоровая семья должна строиться на взаимной любви и уваженіи старшихъ, на строго выработанныхъ, примѣняемыхъ на каждомъ шагу, нравственныхъ принципахъ, чтобы ребенокъ привыкъ считать *всегда* это добромъ, а то зломъ, независимо отъ условій жизни. Въ виду послѣдняго требованія люди, вступающіе въ бракъ, должны позаботиться о выработкѣ своего міровоззрѣнія, выработкѣ основныхъ взглядовъ на вещи. Воспитаніе типа узкаго эгоиста для общества нежелательно, человѣка-же съ большими умственными запросами, идейнаго общественнаго дѣятеля, наконецъ человѣка съ глубоко-гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ, чуткаго къ страданью и къ сложнымъ движеніямъ человѣческой души, можетъ выработать лишь семья, члены которой личное спокойствіе и личное счастье видятъ въ предоставленіи таковаго близкимъ, любимымъ людямъ. Видя около себя уваженіе къ чужой личности и довѣріе къ другимъ, ребенокъ легко мо-

жетъ эти, воспитанныя въ немъ, чувства перенести позднѣе и на окружающее его общество. Взаимная любовь членовъ семьи стремится «дать», а не «взять» и тѣмъ менѣе «требовать». Члены семьи—общественные дѣятели, такъ какъ семья есть часть великаго общественнаго цѣлаго.

Игры, какъ элементъ освѣжающій, оживляющій ходъ занятій, необходимы въ жизни ребенка. Они развиваютъ воображеніе, сообразительность, чувство законности и порядка, а также пріучаютъ сообразоваться съ желаніями другихъ и цѣнить чужую помощь.

Еще большій характеръ разнообразія и интереса вноситъ хоровое *пѣніе* при играхъ. Вообще-же пѣніе—прекрасный воспитательный пріемъ, развивающій у ребенка эстетическое чувство, а въ особенности хоровое, приводящее дѣтей къ солидарности и сознанію поддержки другъ друга.

Пользоваться *рисованіемъ*, какъ занятіемъ, пріучающимъ ребенка къ усидчивой и серьезной работѣ, очень полезно; оно развиваетъ воображеніе и вообще способствуетъ самодѣятельности ребенка.

Сказки, перенося ребенка въ героическій, фантастическій міръ, также развиваютъ воображеніе, а загадки—смѣтливость, быстрое соображеніе.

По поводу *физическаго труда* въ семьѣ дѣтей, г. Арсталь говоритъ слѣдующее.

Въ семьѣ ребенокъ нерѣдко слышитъ о равенствѣ и братствѣ людей. Но какъ-же онъ можетъ это согласовать съ тѣмъ, что на практикѣ онъ видитъ господъ и рабовъ-прислугу? Ребенокъ чувствуетъ, что чистка его сапогъ, его платья не можетъ доставить удовольствія горничной, но она это дѣлаетъ... почему?—онъ не знаетъ, а заключаетъ: потому что онъ—баринъ, а она прислуга. Вотъ поэтому-то участіе ребенка въ домашнемъ трудѣ, хотя-бы въ уборкѣ за собой, имѣетъ не только воспитательное и этическое значеніе, такъ какъ пріучаетъ ребенка цѣнить и уважать трудъ, но и общественное значеніе, сглаживая разницу классовъ общества.

Въ общеніи съ природой ребенокъ замѣчаетъ мелочи, частности, а дѣло воспитателя обобщить эти частности, давъ представленіе объ *общей* (относительно) картинѣ. Тутъ между прочимъ поднимается интересный вопросъ: что разумнѣе—оставлять ребенка въ мірѣ его фантазіи и грезъ при интересующихъ его вопросахъ о природѣ или сообщать ему серьезныя свѣдѣнія, выводимыя изъ естественныхъ законовъ природы? Этотъ вопросъ остается открытымъ.

Товарищество въ жизни ребенка играетъ видную роль, пріучая его къ уступкамъ въ пользу другого, къ подавленію эгоизма, капризовъ и способствуя развитію въ ребенкѣ искренности, такъ какъ только при сверстникахъ безъ контроля старшихъ онъ развертывается «во всю». Замѣчая-же вредное вліяніе товарища, надо не отдалять его *сразу* отъ ребенка, чтобы у послѣдняго не сложилось мнѣнія о личномъ превосходствѣ, а предоставить нашему ребенку *самому* бороться съ дурными сторонами характера товарища, что заставитъ ребенка о многомъ призадуматься.

Переходный возрастъ (подъ которымъ Арсталь въ данномъ случаѣ разумѣетъ 16—17 л.) характеризуется громаднымъ подъемомъ силъ съ рѣзкими измѣненіями въ области физіологической и психической жизни. Замѣчается стремленіе выдѣлиться изъ толпы, выработать свою личность. Является критическая оцѣнка вещей. Случается, что многія «школьныя звѣзды» потухаютъ, развитіе-же остальныхъ быстро прогрессируетъ. Ребяческія мечты принимаютъ болѣе реальныя формы, замѣняясь болѣе разумными и законченными

планами будущей жизни, соотвѣтственно индивидуальнымъ наклонностямъ. Въ эту пору болѣе, чѣмъ когда-либо, человѣкъ склоненъ къ добру, самопожертвованію, сильному чувству, иногда даже героизму. Отношеніе къ женщинѣ также мѣняется: прежнее высокомѣріе, какъ сильнаго къ болѣе слабому, переходитъ въ желаніе защитить ее отъ грубой силы, въ интересъ къ ней и застѣнчивость. Увлеченія этого возраста требуетъ со стороны старшихъ снисхожденія, а отнюдь не насмѣшки. Въ этотъ блестящій періодъ расцвѣта силъ обязанность каждаго развитаго и честнаго человѣка воспитать въ себѣ силу воли, чтобы подавлять низкія страсти, а энергію направлять на самовоспитаніе и самоусовершенствованіе, а также на помощь окружающимъ людямъ.

Въ статьѣ о *женщинѣ*, идеальный типъ ея очерченъ нѣсколько односторонне: это типъ женщины-матери, правда чуткой къ страданію членовъ семьи, дѣятельной практической помощницы мужа, но это и типъ человѣка крайне узко смотрящаго на вещи, игнорирующаго всякіе общественные интересы, ничего не видящаго за рамками семьи; человѣка, отъ котораго «требуютъ», чтобы онъ встрѣчалъ своего «повелителя и покровителя» съ привѣтливой улыбкой, а не со скучными разговорами о существеннѣйшихъ нуждахъ семьи. Неужели же современная европейская женщина не переросла этотъ идеалъ?

Дальше говорится: «стоитъ поставить женщину внѣ рамокъ семьи, какъ ея природныя способности, такъ свободно и широко развивающіяся при семейной обстановкѣ, сразу мѣняютъ свой характеръ: отъ нихъ вѣетъ угрозой и опасностью».—Сказано красиво, но бездоказательно. Гдѣ-же нашелъ авторъ угрозу?—не въ тѣхъ-ли скромныхъ, беззавѣтныхъ труженицахъ, которыя своей дѣятельностью на пользу обществу выдвинули «женскій вопросъ?»

Въ отдѣлѣ гигіены, между прочимъ, говорится, что радость свойственна здоровому организму и вызываетъ въ немъ ощущеніе свѣжести, благополучія и способность дѣйствовать. Но почему-то у насъ мало цѣнятъ ту радость, источникъ которой лежитъ въ дѣтской комнатѣ, а вѣдь ничто не можетъ явиться лучшимъ противовѣсомъ современной нервозности и ипохондріи, какъ радость щебечущей толпы ребятишекъ, оживляюще дѣйствующей даже на меланхоликовъ и на душевнобольныхъ.

Поднимая вопросъ, такъ живо интересующій современное общество, вопросъ о сообщеніи дѣтямъ тайнъ природы *въ процессѣ размноженія*, авторъ совѣтуетъ знакомить съ этимъ дѣтей въ видѣ простой, задушевной бесѣды, предварительно обращая ихъ вниманіе на процессъ передачи жизни среди растеній—опыленіе цвѣтка,—и животныхъ. Возрастъ ребенка для этого опредѣлить довольно трудно, такъ какъ это зависитъ отъ развитія и индивидуальныхъ способностей каждаго, приблизительно лѣтъ 10—12-ти, во всякомъ случаѣ до начала переходнаго возраста, чтобы ребенокъ сознательно и серьезно отнесся къ происходящей въ его организмѣ перемѣнѣ. Важно, чтобъ онъ изъ молчанія родителей не пришелъ къ ложному выводу: «если мама и папа мнѣ про это не говорятъ,—значитъ это что-то гадкое, скверное». Такъ какъ психическая жизнь ребенка сильно разнится отъ таковой жизни взрослаго, то авторъ совѣтуетъ никогда не отталкивать отъ себя ребенка, не отпускать его безъ удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ иначе «Вы лишаетесь его довѣрія и откровенности, которая вводитъ Васъ въ душевный мірокъ ребенка и знакомитъ съ его воззрѣніями». Въ этой статьѣ чувствуется большой пробѣлъ, это—отсутствіе педагогическихъ точныхъ указаній и повидимому недостаточное знакомство автора съ научной психологіей. Напримѣръ, интересно было-бы

выяснить, съ какой именнно стороны подойти къ душѣ ребенка въ бесѣдѣ о размноженіи.

Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ! А что-же можетъ создать болѣе радостное, здоровое настроеніе какъ не движенія на чистомъ воздухѣ, прогулки по лѣсамъ и полямъ на лыжахъ, поѣздки на лодкахъ, всевозможный *спортъ!* Человѣкъ укрѣпляетъ тутъ свои силы; его манеры становятся свободными, красивыми, смѣлыми; живой, бодрый смѣхъ говоритъ о здоровомъ возбужденіи. Какъ хочется разойтись душѣ, что называется, «во всю», какъ глубоко и радостно чуствуется сознаніе бытія!..

Благородная, отзывчивая душа, соединенная съ силой воли, способностью къ дѣятельности, чистотой души и тѣла—вотъ идеалъ современнаго воспитанія. Живой примѣръ—лучшій воспитатель. Поэтому семьи, въ которыхъ царствуетъ преклоненіе предъ истинно-высокимъ въ жизни и уважается сильно развитая воля личности, даютъ здоровыхъ нравственно людей, находящихъ глубочайшее содержаніе въ человѣческой жизни. Мы должны, говоритъ авторъ статьи, такъ воспитывать своихъ дѣтей, чтобы развивать въ нихъ активность, способность къ личной инициативѣ, къ преслѣдованію и достиженію извѣстныхъ цѣлей, хотя бы даже путемъ страданья и жертвъ, должны развить чувство отвѣтственности и чести.

Кромѣ того, на обязанности родителей пріучить ребенка, чтобы онъ всегда говорилъ и поступалъ такъ, какъ по совѣсти находитъ *справедливымъ*, и чтобы это стало его второй натурой, обезпечивающей ему счастье и душевное спокойствіе въ жизни. Излишняя мягкость, обезцѣнивающая такой фактъ, какъ прощеніе, безусловно вредно; она способствуетъ распущенности дѣтей, заставляя впослѣдствіи приходить къ мѣрамъ наказанія, что крайне нежелательно.

Не препятствуя развитію личности ребенка, надо его порывы направлять въ лучшую сторону. Такъ какъ сама жизнь—лучшій помощникъ воспитателя, то надо не мѣшать «жить» ребенку, помочь ему учиться у жизни, а не предлагать ему воображаемыя, искусственныя положенія людей для вывода морали. Тутъ между прочимъ авторъ затрогиваетъ вопросъ о манерахъ и вообще о «формахъ» стараго времени (какъ онъ выражается, стр. 319). Онъ говоритъ, что «наиболѣе развитой въ душевномъ отношеніи, наиболѣе культурный образъ есть отнюдь не наиболѣе лишенный формъ», будь это форма общежитія, формы богослуженія, формы общественности. При культурномъ ростѣ человѣкъ замѣняетъ одну форму другою, болѣе совершенною, но вообще презирать «форму» и исключать ее изъ употребленія въ жизни авторъ считаетъ ошибкой. Подъ формы общежитія онъ подводитъ: формы чистоплотности, благодарности, умѣнья держать себя, даже молитвы. Все это являясь сначала формой, обрядомъ, по его мнѣнію, должно вызвать впослѣдствіи сознательное отношеніе и сознательное признаніе.

Въ періодъ *душевной борьбы родителей*, будь она на почвѣ нравственнаго, религіознаго или вообще понятнаго дѣтямъ характера, авторъ совѣтуетъ родителямъ не скрывать этого отъ дѣтей изъ боязни потерять ихъ довѣріе и вѣру. Видя нашу борьбу и наши страданья, проникаясь сочувствіемъ къ намъ, ребенокъ становится ближе къ намъ, чувствуетъ уваженіе къ нашимъ силамъ, а источникъ борьбы — стать выше и лучше — пріучаетъ и ихъ къ мысли работать надъ собой.

Глубокое пониманіе духа христіанства въ его широкомъ міровомъ значеніи, а не преклоненіе предъ мертвой буквой, любовь къ ближнему, доходящая

до самопожертвованія и лишенія, а не изъ узкаго эгоизма, расчета, наконецъ глубокая любовь къ Богу, какъ Отцу человѣчества, разумной и совершенной силы, какъ къ идеалу,—вотъ основы, на которыхъ строится правильное *религіозное воспитаніе*.

Современная общественная жизнь гораздо сложнѣе, чѣмъ въ прошлые годы, благодаря большей культурности и бóльшимъ требованіямъ общества, поэтому приготовить ребенка къ жизни, значитъ сообщить основные законы, по которымъ движется жизнь и выработать у ребенка не поверхностный, а болѣе стойкій характеръ. Но какъ получить истинное знаніе жизни и умѣнье правильной оцѣнки вещей?— Молодежь, со свойственнымъ ей пыломъ, склонна къ идеализаціи окружающаго, нерѣдко внѣшній эффектъ ее ослѣпляетъ, разнообразіе жизни городовъ создаетъ разбросанный типъ, жаждущій все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, живущій одними нервами, между тѣмъ, приглядываясь къ будничной жизни съ ея подчасъ мелочной, но страшной борьбой за существованіе, мы начинаемъ познавать сложность человѣческихъ отношеній, соціальныя и экономическія основы жизни. Итакъ, не стремясь разнообразить жизнь ребенка частыми новинками, надо больше обращать его вниманіе на случаи будничной жизни съ подробнымъ ихъ разборомъ.

Текущая пресса и вообще вся *литература* всегда играетъ видную роль въ дѣлѣ воспитанія юношества. Жизнь и литература, помогая одна другой, развиваютъ здравое отношеніе къ дѣйствительности со способностью вдохновляться всѣмъ истинно-прекраснымъ и великимъ. Тутъ отмѣчается, что дѣтскіе журналы и журналы для юношества вообще мало поддерживаются публикой.

Художественный отдѣлъ книги (искусство, музыка) обработанъ довольно слабо. Замѣтки сводятся къ общимъ выраженіямъ, напр., что искусство развиваетъ вкусъ и облагораживаетъ душу, а музыка для семьи крайне полезна. Переходя къ *школьному* обученію, авторъ ставитъ вопросъ: какова должна быть задача школы?—Сообщеніе однихъ теоретическихъ знаній по той или другой отрасли наукъ конечно не приведетъ къ хорошимъ практическимъ результатамъ. На обязанности школы лежитъ раздѣленіе труда семьи въ дѣлѣ воспитанія: школа должна пріучать ребенка примѣнять полученныя свѣдѣнія къ жизни, пробуждать его мысль, пріучать къ труду, для чего выработать нѣкоторую силу воли для произвольнаго вниманія и, наконецъ, научить ребенка видѣть удовлетвореніе въ личномъ трудѣ. Кромѣ того, есть еще задача, возможная только для школы, а не для семьи, это—развитіе въ дѣтяхъ общественности. На урокахъ и въ перемѣнахъ они узнаютъ, что отдѣльное лицо должно подчиняться *общимъ* порядкамъ для пользы *всѣхъ*, а перенося это на жизнь, они замѣчаютъ, что работа при *общихъ* усиліяхъ идетъ гораздо успѣшнѣе. Эгоизмъ, своеволіе, и другіе недостатки невольно смолкаютъ, когда приходится сообразоваться съ интересами большинства. Въ Норвегіи видимо такъ же, какъ и у насъ довольно распространенъ ложный взглядъ на школу: «школа является фабрикой, доставляющей нужныхъ для *современной* жизни работниковъ, а не разсадникомъ культуры, преслѣдующимъ цѣль воспитанія будущаго двигателя общества для *далекаго лучшаго* будущаго».

Между прочимъ авторъ затрогиваетъ крайне сложный вопросъ: «какое воспитаніе дастъ ребенку впослѣдствіи счастіе? Какъ достичь счастья?» Онъ говоритъ: счастіе каждаго человѣка «въ прочной основѣ, когда въ душѣ выросла сила, которая въ состояніи властвовать надъ личнымъ «я» и которая сильнѣе смерти». Другими словами, счастье, по его мнѣнію, видимо, состоитъ

въ строго опредѣленной личности съ сильно выработанной волей и опредѣлившимся планомъ жизни. Я лично прибавила-бы: личности, въ которой физическія и душевныя силы дѣйствуютъ въ строгой гармоніи.

Коснувшись общественной жизни, авторъ кратко знакомитъ съ быстрымъ ходомъ развитія общественныхъ интересовъ среди норвежской молодежи, особенно за послѣдніе годы. Тамъ сильно разрослась дѣятельность «Союза норвежской молодежи», «Христіанскаго союза молодыхъ людей» и студенческихъ союзовъ, причемъ каждый изъ этихъ союзовъ насчитываетъ въ своемъ составѣ по нѣсколько сотъ мелкихъ кружковъ. Самый обширный «Христіанскій союзъ молодыхъ людей» служитъ какъ-бы сердцемъ, отъ котораго идутъ артеріи по всему общественному организму. Это учрежденіе является вѣтвью всемірнаго «Союза молодежи», который объединяетъ молодыя силы различныхъ національностей и имѣетъ центральное правленіе въ Женевѣ. Всѣмъ членамъ обезпеченъ радушный пріемъ и всякое содѣйствіе повсюду въ мірѣ, гдѣ только находятся такіе кружки, число которыхъ доходитъ теперь до 6.000.

Изъ числа кружковъ, входящихъ въ составъ «студенческаго союза», существуютъ такіе, какъ «Самопомощь», поддерживающій нуждающуюся матеріально молодежь, и кружокъ «Дарового обученія», основанный съ цѣлью выплатить народу хотя часть того долга, который лежитъ на интеллигенціи.

Норвегія, благодаря культурности общества, чуткая къ разумнымъ общественнымъ реформамъ, а слѣдовательно и къ реформѣ школы, давно уже дала у себя право гражданства *общей школѣ*, т. е. школѣ для обоихъ половъ вмѣстѣ, такъ какъ результаты первыхъ попытокъ къ этому были самые утѣшительные: дѣвочки получили болѣе широкое и естественное воспитаніе, а мальчики пріучились сдерживаться въ своихъ поступкахъ и по товарищески относиться къ дѣвочкамъ. При ежедневномъ общемъ трудѣ тѣ и другія привыкли уважать и понимать другъ друга, что облегчаетъ выполненіе задачи ихъ будущей совмѣстной жизни въ семьѣ, а также на поприщѣ общественной дѣятельности. Тутъ, говоря о школьномъ преподаваніи, авторъ высказываетъ крайне странный взглядъ по поводу новѣйшихъ учебниковъ. Онъ говоритъ, что современные учебники до такой степени облегчаютъ трудъ ученикамъ, что послѣдніе перестаютъ даже самостоятельно мыслить! Но какова-же цѣль педагоговъ, какъ не вызвать самодѣятельность ученика при меньшей затратѣ силъ на безполезное зубреніе! Въ отдѣлѣ «требованія, предъявляемыя къ школѣ семьею», между прочимъ обр щаетъ на себя вниманіе такой взглядъ автора этой статьи: «школа должна укрѣпить въ ребенкѣ сознаніе, что онъ *прежде всего* принадлежитъ семьѣ и прежде всего несетъ обязанности по отношенію къ отцу и матери». Вотъ это выраженіе «прежде всего», понятое не по времени сознанія ребенкомъ «прежде остального», а по силѣ нравственной обязанности,—наводитъ на мысль: «не одинаково-ли долженъ быть приготовленъ ребенокъ школою какъ къ гражданскимъ, такъ и къ с мейнымъ обязанностямъ? Не должна-ли школа выработать изъ своего питомца типъ гуманнаго, широко смотрящаго на міръ человѣка, защитника правъ личности, а не только добраго, почтительнаго сына? (стр. 399). Правда, что въ Норвегіи семья держится крѣпче, чѣмъ у насъ, что тамъ сильно вліяніе семейныхъ традицій, но это еще не значитъ, чтобъ норвежецъ не принималъ близко къ сердцу общественные интересы, онъ достаточно выросъ для этого.

Переходя далѣе къ вопросу: «какія книги полезны ребенку и юношеству», авторъ рѣшаетъ довольно кратко и ясно: «если по прочтеніи книги

становишься веселѣе, бодрѣе, будничная жизнь кажется тебѣ легче, сильнѣе любишь людей, лучше понимаешь условія жизни, чувствуешь желаніе работать надъ собой, совершенствоваться, то значитъ стоило читать эту книгу, она хороша. Но есть и такія, которыя наводятъ хандру, вызываютъ отвращеніе къ жизни, разслабляютъ тѣло,—такую нездоровую книгу надо исключить изъ дѣтской литературы и библіотеки».—Недурно было-бы, если-бъ, въ число темъ на сочиненія по родному языку вошла и такая тема: «содержаніе той или другой *интересной* книги». Это дало-бы возможность юношѣ сознательнѣе разобраться въ жизни и качествахъ его любимыхъ героевъ, а затѣмъ помогло-бы воспитателю развить болѣе симпатичныя стороны во взглядѣ ученика на жизнь.

Хорошая книга дѣйствуетъ на ребенка благотворно: «какъ общеніе съ природой,—сообщая приливъ бодрости, здоровья; какъ бесѣда дѣтей съ другомъ,—просвѣщая мысли и облагораживая душу; какъ сказка,—окрыляя фантазію; какъ добрый примѣръ,—возбуждая жажду дѣятельности; какъ все прекрасное,—давая миръ душѣ».

Къ числу болѣе слабо разработанныхъ отдѣловъ надо отнести статьи по «семейной экономикѣ» и «психопатологіи ребенка».

Книга представляетъ много мѣста вопросамъ чисто практическаго характера, какъ-то: выбору карьеры, заставляя желать болѣе детальной обработки другихъ существенныхъ вопросовъ, напр.: каковъ идеалъ воспитанія большинства въ болѣе обширной картинѣ? — воспитаніе-ли человѣка съ широкимъ, гуманнымъ взглядомъ на міръ, интересами космополита, или-же воспитаніе только гражданина съ нѣкоторой узостью взглядовъ, представителя своей націи, защитника правъ лишь своего народа?

Отдѣлъ о выборѣ карьеры—чисто практическаго характера—оставляетъ впечатлѣніе неудовлетворенія, благодаря поверхностному разсмотрѣнію серьезныхъ вопросовъ спеціализаціи труда.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что мы имѣемъ дѣло не съ полнымъ переводомъ книги Арсталя, а со статьями, до нѣкоторой степени обработанными по усмотрѣнію г. переводчика и *приспособленными* для русской публики (какъ сказано въ введеніи книги), такъ что затрудняешься сказать—принадлежитъ-ли данное мѣсто переводу съ оригинала, или авторомъ его является г. Ганзенъ. Это обстоятельство до нѣкоторой степени обезцѣниваетъ этотъ трудъ съ точки зрѣнія научной и исторической. Кромѣ того, лица, обладающія обширной эрудиціей и серьезной научной подготовкой, удовлетворены книгой не будутъ, такъ какъ многіе серьезные вопросы, требующіе спеціальной разработки, затрагиваются здѣсь слишкомъ неглубоко.

Въ общемъ рекомендовать эту книгу, какъ руководство, можно только матерямъ, имѣющимъ нѣкоторую научную и педагогическую подготовку, (напр., хотя-бы получившимъ образованіе въ гимназіяхъ), въ противномъ случаѣ примѣненіе нѣкоторыхъ совѣтовъ (напр., относительно выясненія вопроса о размноженіи) при неопытности можетъ принести лишь вредъ. Въ сравненіи-же съ общепринятыми учебниками по педагогикѣ «Семья и ея задачи» можетъ быть причислена къ числу болѣе удачныхъ попытокъ оказанія помощи и совѣта лицамъ, занимающимся воспитаніемъ дѣтей. *З. Короткова.*

---

2. Психопатологія.

В. Роттермундъ. Истеричная женщина въ семьѣ и обществѣ. (D-r. W. Rottermund. Das hysterische Weib in Familie und Gesellschaft. Sozial-psychologische Studie. Dresden, 1903).

Высказавъ въ самомъ началѣ взглядъ на истерію, какъ на неврозъ вырожденія, авторъ указываетъ, что у истеричныхъ врожденная неуравновѣшенность выражается необычайно повышенной реакціей на внѣшнія впечатлѣнія и чувственныя воспоминанія, усиливающейся еще благодаря болѣзненно развитой самовнушаемости.

Не останавливаясь на клинической сторонѣ вопроса, авторъ старается установить общія, наиболѣе типичныя черты *характера* истеричныхъ. Если уже многимъ чисто физическимъ болѣзнямъ соотвѣтствуетъ часто опредѣленный психологическій типъ больныхъ (приподнятость настроенія у чахоточныхъ, подавленность или повышенная раздражительность у страдающихъ печенью, подозрительность глухого, насмѣшливый, подвижной умъ горбатаго и т. д.), то еще въ гораздо большей степени кладутъ отпечатокъ на душевную жизнь больного нервныя и психическія болѣзни (истерія, неврастенія, эпилепсія, начало прогрессивнаго паралича, меланхоліи), гдѣ часто своеобразное измѣненіе характера есть одинъ изъ симптомовъ болѣзни. Разумѣется, полъ, возрастъ, темпераментъ, національность, разница въ степени образованія и воспитанія оказываютъ свое вліяніе. Но, тѣмъ не менѣе, при тщательномъ анализѣ, удается почти всегда подмѣтить упорно повторяющіяся у громаднаго большинства истеричекъ, такъ сказать, специфическія черты характера. Въ соціальномъ отношеніи не безразлично, что истерія, если не исключительно, то преимущественно наблюдается у женщинъ; да и на мужчинъ, страдающихъ ею, она кладетъ отпечатокъ чего-то изнѣженнаго, «бабьяго», и проявляется она только у мужчинъ съ исключительно женскимъ типомъ характера. Какъ и всѣ здоровые инстинкты и отличительныя черты характера, такъ и врожденные или пріобрѣтенные, постоянные или періодически повторяющіеся психическіе дефекты у женщинъ проявляются полнѣе и рѣзче всего въ теченіе брачной жизни. Авторъ рисуетъ нѣсколько типовъ жены-истерички, гдѣ на первый планъ, въ качествѣ наиболѣе выдающейся черты характера, выступаетъ то слѣпая, ни на чемъ не основанная ревность, не всегда, конечно, свидѣтельствующая о любви къ мужу, то желаніе разыграть изъ себя роль не понятой натуры, не оцѣненной мужемъ и потому отравляющей ему всякими мелкими придирками существованіе, то, наконецъ, чисто физическая неудовлетворенность мужемъ, фактически часто не имѣющая за собой никакихъ основаній, но объясняющая совершенно своеобразное отношеніе и поведеніе такихъ женщинъ въ обществѣ другихъ мужчинъ. Во всѣхъ этихъ характеристикахъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ полное несоотвѣтствіе между дѣйствительностью и внутреннимъ содержаніемъ психической жизни истерички, что тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что интеллектуальныя способности, память и т. д. не только не страдаютъ при истеріи, но очень часто чрезвычайно развиты, а сила воли въ стремленіи къ намѣченной цѣли можетъ быть прямо поразительной. Всѣ поступки, слова, все поведеніе истерички были бы вполнѣ логичны, если бы въ основѣ всего этого не лежала ложная, часто вымышленная или созданная фантазіей посылка, если бы выводы и дальнѣйшія заключенія изъ этой посылки

не носили такого аффектированнаго характера. Понятно, что переубѣдить истеричку, подѣйствовать на нее логикой—нельзя, и въ этомъ кроется, можетъ быть, главная причина того, что въ повседневной жизни имѣть съ ней дѣло чрезвычайно трудно. Какъ врачу гораздо чаще удается поладить съ многочисленными жалобами истерички, не разувѣряя ее въ отсутствіи реальной подкладки для нихъ, а принимая ихъ, какъ фактъ, и соотвѣтственно этому примѣняя противъ нихъ тѣ или иныя достаточно убѣдительныя въ глазахъ больной мѣры борьбы, такъ точно, по мнѣнію автора, надо поступать съ истеричкой въ обычной жизни, допуская въ отношеніяхъ къ ней нѣкоторую хитрость, т. е. примиряясь со всѣми ея преувеличеніями и принимая ихъ на вѣру. Какъ мать, истеричка, конечно, и въ отношенія свои къ дѣтямъ вноситъ тотъ же мало разумный и ничѣмъ не обоснованный энтузіазмъ, и либо привязывается къ дѣтямъ чисто животной страстью, дрожа надъ каждымъ ихъ шагомъ, либо проявляетъ къ нимъ нерѣдко поразительное равнодушіе, доходящее иногда до полнаго отвращенія и даже ненависти. Нечего и говорить, что такое отношеніе матери къ дѣтямъ не проходитъ для нихъ безслѣдно, и не мало дѣтей, уже отъ рожденія, благодаря наслѣдственности, нервно предрасположенныхъ, совершенно портится истеричными матерями. Въ силу этого во многихъ случаяхъ было бы желательно, нерѣдко въ видахъ взаимной пользы, совсѣмъ устранить мать отъ возможности вліять на своихъ дѣтей, разъединить ихъ, тѣмъ болѣе, что часто это единственный способъ предохранить дѣтей отъ заболѣванія въ дальнѣйшемъ вполнѣ выраженной истеріей. Какъ ни скептически смотритъ авторъ на роль воспитанія въ выработкѣ человѣческаго характера и возможность такимъ путемъ видоизмѣнять врожденные каждому ребенку инстинкты и наклонности, тѣмъ не менѣе и онъ признаетъ, что своевременнымъ воздѣйствіемъ въ видѣ разумныхъ воспитательныхъ мѣръ можно изъ предрасположеннаго къ истеріи ребенка сдѣлать трудоспособнаго полезнаго члена общества. Такое воспитательное значеніе онъ придаетъ главнымъ образомъ систематическому развитію силы воли, устраненію въ жизни всего, что можетъ способствовать развитію фантазіи и вообще чувственной стороны характера, и наряду съ этимъ заботѣ о физическомъ развитіи путемъ разумныхъ упражненій, игръ, спорта и т. д. Не послѣднее мѣсто въ воспитаніи такихъ предрасположенныхъ дѣтей онъ отводитъ направляемому разумной рукой религіозному воздѣйствію. Та же измѣнчивость, неуравновѣшенность истерической натуры, ея легкая возбудимость сказывается, понятно, и въ общественной жизни истерички, и это нерѣдко, при тонкомъ умѣніи ея быть подкупающе-искренней, служитъ причиной того, что въ обществѣ она встрѣчаетъ къ себѣ совершенно не то отношеніе, какъ въ семьѣ и въ кругу близко знающихъ ее лицъ. Особенно характернымъ кажется автору страсть истерички быть интересной и во что бы то ни стало привлечь къ себѣ вниманіе общества. Онъ даетъ примѣры того, какъ истеричка, не останавливаясь нерѣдко предъ самыми рискованными средствами, совершенно чуждыми женской натурѣ, способна добиваться своей цѣли, обнаруживая при этомъ необычайную изворотливость, находчивость и остроуміе и прибѣгая въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ко лжи, очень часто, впрочемъ, не преднамѣренной, а основанной скорѣе на самовнушеніи. Авторъ склоненъ видѣть много истеричекъ и среди сторонницъ женской эмансипаціи, идеи которой представляютъ очень благодарную почву для проявленія истерическаго характера, и въ этомъ отчасти усматриваетъ причину того, что идеи женскаго движенія и гражданской равноправности женщинъ не пользуются

еще въ глазахъ общества тѣмъ уваженіемъ, какого онѣ сами по себѣ заслуживаютъ. Истерическія черты характера можно отмѣтить и во многихъ дѣйствующихъ лицахъ современныхъ литературныхъ, особенно драматическихъ, произведеній, и созданіе ихъ, по крайней мѣрѣ у истинныхъ художниковъ, не есть продуктъ фантазіи, а результатъ чисто интуитивнаго художественнаго воспроизведенія жизни. Таковы, по мнѣнію автора, Ибсеновская Нора, Гауптмановская Оттегебе (изъ «Бѣднаго Генриха»). Не мало и среди самихъ истеричекъ художественно одаренныхъ натуръ, и фактъ этотъ не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ одностороннее развитіе какого-нибудь таланта есть давно извѣстный признакъ вырожденія. Въ заключеніе своей брошюры авторъ затрагиваетъ важный въ соціальномъ отношеніи вопросъ о правоспособности и вмѣняемости истерички въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ и справедливо указываетъ, что рѣшеніе этого вопроса, который является часто одной изъ труднѣйшихъ задачъ суда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть предоставлено всецѣло экспертамъ-врачамъ. Вообще при улаживаніи всѣхъ житейскихъ конфликтовъ истерички, какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, врачу принадлежитъ видная роль; задача врача очень часто состоитъ не въ излеченіи болѣзни, что подчасъ (и не при истеріи только) не въ его силахъ, а также въ томъ, чтобъ устранить наиболѣе тягостные симптомы и сдѣлать сносной и возможной жизнь какъ самой больной, такъ и окружающимъ ее лицамъ

З. Вайнштейнъ.

Браше. Психопатологія королей Франціи, Людовика XI и его восходящихъ. Brachet. Pathologie mentale des rois de France, Louis XI et ses ascendants. Paris. 1903. t. CCXIX + 685.

Необходимо обратить вниманіе на этотъ удивительный трудъ покойнаго Brachet. Почтенный авторъ всю свою жизнь посвятилъ этому труду, предпринятому, какъ онъ поясняетъ въ предисловіи, по совѣту Littré. Но Brachet самъ сообщаетъ, что Littré совѣтовалъ ему заняться вообще патологической исторіей династіи, а Brachet выбралъ именно французскую династію до Людовика XI. Къ сожалѣнію такой неудачный выборъ лишилъ поразительное по трудолюбію изслѣдованіе главной цѣнности — имѣющихъ большое значеніе результатовъ. Понятно, что свѣдѣнія о состояніи здоровья королей, королевъ и членовъ ихъ семействъ за періодъ, изученный авторомъ, такъ скудны, что Brachet могъ въ концѣ концовъ сообщить и объяснить очень немногое. Трудолюбивый авторъ много работалъ въ библіотекахъ, изучалъ первоисточники, изучилъ средневѣковую медицину, обнаружилъ глубокія познанія и по медицинѣ, и по исторіи, и все же трудъ его самъ по себѣ имѣетъ весьма малую цѣнность: такъ мало новаго могъ сказать авторъ. Brachet передаетъ цѣнныя и интересныя свѣдѣнія о Филиппѣ (II) Августѣ, Карлѣ VI и Карлѣ VII; собранныя имъ данныя, ихъ анализъ и критика заслуживаютъ большаго вниманія, такъ какъ непонятныя или малопонятныя историкамъ событія вполнѣ объясняются чисто патологическими причинами. Это почти все, что удалось освѣтить почтенному автору. Тѣмъ не менѣе трудъ Brachet не долженъ остаться не замѣченнымъ, какъ образецъ трудолюбія, любовнаго отношенія къ дѣлу. Все, что можно было сдѣлать для разработки намѣченнаго вопроса, Brachet сдѣлалъ, и поэтому его трудъ поистинѣ можетъ считаться образцомъ для всякаго врача, желающаго заняться историческими изслѣдованіями. Авторъ вполнѣ разработалъ методъ медико-историческаго изслѣдованія, указалъ, какъ слѣдуетъ соби-

рать матеріалы, какъ слѣдуетъ ихъ сопоставлять и анализировать; въ этомъ отношеніи книга Brachet безспорно самый лучшій трудъ во всей медицинской литературѣ. Пользуясь указаніями и примѣромъ Brachet, можно получить весьма цѣнные результаты при медицинскомъ изученіи исторіи близкой къ намъ эпохи, относительно которой имѣются въ достаточномъ количествѣ матеріалы. Чтеніе солиднаго труда Brachet весьма полезно и даже увлекательно. Любовь къ наукѣ, поразительная начитанность автора, полная объективность—все это неотразимо дѣйствуетъ на читателя. Какъ ни скудны свѣдѣнія, добытыя авторомъ, все-же крайне поучительно и интересно ознакомиться съ состояніемъ здоровья историческихъ дѣятелей, намъ извѣстныхъ. Также весьма интересны свѣдѣнія о средневѣковой медицинѣ, сообщаемыя авторомъ; это не наскоро написанная монографія или учебникъ, и поэтому почти все, сообщаемое авторомъ, извлечено имъ изъ первоисточниковъ. Книга Brachet заслуживаетъ вниманія и потому, что было бы желательно, чтобы вообще авторы слѣдовали примѣру Brachet въ трудолюбіи, тщательности изученія; онъ не гнался за блестящими результатами, и обнаружилъ такую безкорыстную любовь къ истинѣ, какая всегда, а тѣмъ болѣе теперь, встрѣчается далеко не часто. Было бы грѣшно не обратить вниманія на эту, можно смѣло сказать, *морализующую* книгу.

В. Чижъ.

Р. Фогтъ. О психофизіологіи негативизма. Ragnar Vogt. Ueber Psychophysiologie des Negativismus. Centralbl. für Nervenheilkunde und Psychiatrie. № 157.

При нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваніяхъ, особенно при кататоніи наблюдаются явленія такъ называемаго «негативизма». Больной относится отрицательно къ чужимъ вліяніямъ и оказываетъ живѣйшее сопротивленіе всѣмъ попыткамъ такъ или иначе дѣйствовать на его волю. Больной не исполняетъ данныхъ ему приказаній, но настойчиво противится послѣднимъ и совершаетъ акты какъ разъ противоположные тѣмъ, которыхъ отъ него требуютъ. Врачъ хочетъ изслѣдовать глаза, больной судорожно ихъ закрываетъ, врачъ хочетъ посмотрѣть языкъ, больной судорожно стискиваетъ зубы; на всѣ вопросы больной отмалчивается, хотя самопроизвольно говоритъ вполнѣ удовлетворительно. Между тѣмъ, какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ, больные во многихъ подобныхъ случаяхъ стараются исполнить требуемое, но въ моментъ совершенія акта возникаютъ въ мозгу противуположныя побужденія, обусловливающія явленія негативизма. Напримѣръ, если просить кататоника закрыть глаза, то послѣдній иногда производитъ цѣлый рядъ движеній вѣками; замѣчается какъ бы борьба между актомъ закрыванія и открыванія вѣкъ. Авторъ замѣтки на основаніи вышеприведенныхъ наблюденій слѣдующимъ образомъ старается объяснить явленія негативизма. При каждомъ нормальномъ движеніи, напр. при сгибаніи предплечье, приводится въ движеніе не только двуглавая мышца, сгибающая предплечье, но напрягается до нѣкоторой степени и трехглавая мышца, разгибающая предплечье; если бы послѣдняя осталась совершенно бездѣятельной или разслабленной, то невозможны были бы точныя движенія, требующія постоянныхъ поправокъ. Эти отношенія могутъ пролить свѣтъ на явленія негативизма у кататониковъ. Положимъ, напримѣръ, что у кататоника согнуто предплечье, сокращеніе двуглавой мышцы $=a$, сокращеніе трехглавой мышцы $= b$; соотвѣтственныя явленія въ психомоторныхъ центрахъ $=a'$ и b'. Если больной долженъ увеличить сгибаніе, то увеличится напряженіе и двуглавой и соотвѣтственно разслабится трехглавая мышца: мы

будемъ имѣть $a + x$ и $b - y$ и соотвѣтственно въ психомоторныхъ центрахъ $a' + x$ и $b' - y$. Вслѣдствіе же особаго состоянія корковой иннерваціи при кататоніи, не происходитъ непосредственнаго увеличенія на x и уменьшенія на y; усиленная иннервація b приводитъ къ тому, что не происходитъ сгибанія, а, напротивъ, появляются разгибательныя движенія предплечья. Съ теченіемъ времени кататоники путемъ опыта приходятъ къ заключенію, что исполненіе движенія по желанію постороннихъ постоянно вызываетъ у нихъ противоположныя (антагонистическія) дѣйствія, они испытываютъ, конечно, неудовольствіе, видятъ всю безполезность своихъ усилій въ данномъ направленіи и наконецъ уже сами отказываются исполнить приказанія: негативизмъ становится у нихъ тогда уже чисто психологическимъ явленіемъ.

А. Бари.

---

3. Гипнотизмъ.

Рыбаковъ. Психологическія условія развитія гипноза.—Русскій Врачъ. 1903 г. № 4 и 5.

Авторъ въ своей статьѣ имѣетъ въ виду подойти къ рѣшенію вопроса о томъ, что собственно развиваетъ гипнотическое состояніе, какія физическія, физіологическія или психологическія условія нужны для того, чтобы данное лицо погрузилось въ гипнотическій сонъ. Гипнозъ имѣетъ два существенныхъ признака: 1) воспріимчивость къ внушеніямъ и 2) подавленіе воли; поэтому гипнозъ, по его мнѣнію, есть особое состояніе нервной системы, развивающееся при извѣстныхъ условіяхъ и характеризующееся подавленіемъ высшихъ волевыхъ отправленій и повышенной внушаемости, т. е. повышенною дѣятельностью психическихъ рефлексовъ. По силѣ подавленія воли гипнозъ можно раздѣлить на три степени, начиная отъ подавленія воли въ слабой степени—абуліи и кончая автоматизмомъ. Воспріимчивость къ внушенію находится въ связи съ этими тремя степенями. Главнымъ условіемъ для развитія гипноза является возбужденіе у гипнотизируемаго соотвѣтствующей эмоціи или, вѣрнѣе, соотвѣтствующаго аффективнаго состоянія. Подъ эмоціей авторъ разумѣетъ всякое душевное движеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Утомленіе вниманія или сосредоточеніе вниманія на одномъ пунктѣ, какъ думаютъ нѣкоторые авторы, не могутъ вызвать гипнотическаго сна. Каждый гипнотизируемый всегда отличаетъ особаго рода ощущеніе, которое онъ испытывалъ, находясь въ гипнозѣ: это ощущеніе опредѣляется ими приблизительно, какъ полузабытье, просонки, ощущеніе связанности. По пробужденіи, если сонъ былъ глубокій, гипнотизируемый указываетъ на чувство усталости. Это чувство есть слѣдъ перенесенной передъ тѣмъ эмоціи или аффекта. За существованіе у загипнотизированнаго извѣстной эмоціи говорятъ и измѣненія пульса и дыханія; за существованіе эмоціи говоритъ и та быстрота и легкость, съ которой гипнотизируемый подчиняется вліянію гипнотизатора. Эмоція не всегда бываетъ одинакова по силѣ, она значительно колеблется въ своей напряженности, доходя до аффективнаго состоянія. Эту эмоцію авторъ называетъ «гипнотической эмоціей», она не прекращается все время, пока существуетъ гипнозъ. Гипнотическая эмоція по своему типу больше всего подходитъ къ эмоціи посторонняго вліянія. Характерная ея особенность — повышенная воспріимчивость къ внушенію.

Способность приходить въ извѣстнаго рода эмоціональное состояніе у разныхъ лицъ различна; она зависитъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ природныхъ свойствъ того или другого лица. Для того, чтобы развилось усоотвѣтствующее гипнозу эмоціональное состояніе, необходимо, чтобы гипнотизир емый былъ поставленъ въ особыя благопріятныя для того внѣшнія условія: фиксація зрѣнія, слуха, пассы, окружающая обстановка, личность гипнотизатора. *В. Сухова-Осипова.*

А. А. Пѣвницкій. Гипнозъ при неизлѣчимыхъ органическихъ пораженіяхъ.—Русскій Врачъ. 1903 г. № 26.

Авторъ приводитъ рядъ случаевъ органическихъ страданій, въ которыхъ примѣняемый гипнозъ улучшалъ общее состояніе больныхъ и устранялъ нѣкоторые болѣзненные симптомы; такъ въ двухъ случаяхъ сирингоміэліи удалось вернуть болевую чувствительность. Одна больная менинго-міэлитомъ и одинъ больной спинной сухоткой стали свободнѣе ходить. Во многихъ случаяхъ гипнозъ и при органическихъ пораженіяхъ нервной системы улучшаетъ самочувствіе больныхъ и заставляетъ ихъ не такъ мрачно смотрѣть на свою болѣзнь. *В. Сухова-Осипова.*

А. А. Пѣвницкій. «Лѣченіе алкоголиковъ гипнозомъ, какъ оно поставлено въ психо-терапевтическомъ амбулансѣ клиники академика В. М. Бехтерева» Юбилейный сборникъ трудовъ по психіатріи и невропатологіи, посвященный Владиміру Михайловичу Бехтереву. Томъ II. 1903 г.

Леченіе алкоголиковъ гипнозомъ въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней академика В. М. Бехтерева, въ спеціальномъ, амбулансѣ впервые было введено въ декабрѣ 1902 г. Леченіемъ этимъ занимался д-ръ А. А. Пѣвницкій, который въ своей статьѣ «О леченіи алкоголиковъ гипнозомъ» знакомитъ съ тѣми методами, которыми онъ пользовался въ амбулансѣ. Въ основу леченія легли принципы, которыми уже пользовался В. М. Бехтеревъ еще въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, т. е., что алкоголиковъ слѣдуетъ лечить не однимъ только гипнозомъ, но и лекарственными средствами. Амбулаторія ясно давала знать о томъ, что пьянство есть заболѣваніе, а не дурная привычка или только порокъ, и, кромѣ того, она знакомила съ вопросомъ, кого считать алкоголикомъ и кому, слѣдовательно, надо лечиться. По мнѣнію автора, алкоголикомъ долженъ считать себя всякій пьющій, разъ только онъ не чувствуетъ въ себѣ силы (испытавъ это на дѣлѣ) совершенно отстать отъ вина.

При пріемѣ больного въ амбулаторное пользованіе ему предъявляются извѣстныя требованія, изъ которыхъ главное состоитъ въ томъ, чтобы больной въ теченіе первыхъ 2-хъ мѣсяцевъ находился подъ добровольнымъ домашнимъ арестомъ. Это даетъ возможность врачу быть постоянно освѣдомленнымъ относительно поведенія больного. Домашній арестъ состоитъ въ томъ, что больной добровольно отдаетъ себя подъ надзоръ надежнаго трезваго лица: жены, родителей или товарища. Такой надзоръ однако не долженъ оказывать какого-нибудь давленія на больного. При неисполненіи этого условія въ леченіи отказывается, если же требованіе врача выполнимо, больной затѣмъ даетъ письменные отвѣты по обыкновенному анамнестическому листку, принятому въ клиникѣ и листку, выработанному авторомъ для амбулаторнаго леченія алкоголиковъ. Листъ этотъ помѣщенъ въ концѣ статьи. Вопросы, перечисленные въ немъ, обнимаютъ все, что касается прошлаго и настоящаго пьянства боль-

ного. Затѣмъ больному дѣлается первое пробное внушеніе на яву, чѣмъ и опредѣляется степень внушаемости. Далѣе, идетъ физическое и психическое изслѣдованіе больного и опредѣленіе типа его пьянства. Изъ физической сферы, главнымъ образомъ, отмѣчаются разстройства компенсаціи сердечной дѣятельности, что служитъ часто поводомъ для употребленія напитковъ. Жажду алкоголя или привычку пить у лицъ здоровыхъ создаетъ жизнь съ ея условіями.

Среди алкоголиковъ часто встрѣчаются дегеneranты, неврастеники и истеричные, психически неустойчивыя личности. Алкоголики хорошо внушаемы. Важно опредѣленіе типа пьянства: если имѣется дѣло съ запойнымъ пьяницей, то онъ освобождается отъ домашняго надзора, но за то тщательно собираются свѣдѣнія о предвѣстникахъ запоя.

Среди привычныхъ пьяницъ выдѣляется группа лицъ, которыя по своей профессіи не могутъ не пить: коммивояжеры, торговые агенты. Отъ леченія такихъ больныхъ авторъ отказывался. Лечебныя внушенія не имѣютъ успѣха у лицъ, привыкшихъ къ опьянѣнію съ ранняго дѣтства Когда больной точно изслѣдованъ и опредѣленъ типъ его пьянства, ему назначается извѣстный режимъ, который измѣняется сообразно съ индивидуальными особенностями случая. Примѣняется гидротерапія, діэтетическое леченіе, лекарственное и психотерапія. Больной обыкновенно перестаетъ пить послѣ перваго внушенія на яву. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ сеансовъ больнымъ внушаются галлюцинаціи, амнезіи, фасцинаціи, съ цѣлью поразить больного и укрѣпить въ немъ вѣру въ могущество метода, если бы даже онъ и не поддавался глубокому гипнотическому сну. Во время гипнотическаго состоянія съ больнымъ ведется продолжительная бесѣда.

Этой бесѣдой больному внушается надежда и увѣренность, что для него есть возвратъ къ лучшему т. е. что его организмъ совершенно не нуждается въ алкоголѣ и всѣ болѣзненныя явленія только лишь подтверждаютъ это, а у него самого крѣпнетъ сила воли, желаніе вылечиться у него становится все искреннѣе.

Многіе больные иногда цѣлые мѣсяцы ведутъ трезвую жизнь, но затѣмъ у нихъ наступаетъ возвратъ заболѣванія подъ вліяніемъ какого-нибудь жизненнаго обстоятельства, при которомъ, по ихъ мнѣнію, нельзя не выпить. Авторъ, принимая это во вниманіе внушаетъ своимъ больнымъ, что по крайней мѣрѣ въ теченіе 2—3 лѣтъ они не будутъ пить ни капли алкоголя и что нѣтъ въ жизни никакихъ обстоятельствъ, которыя обязывали бы выпить. Таковъ методъ леченія, примѣняемый къ привычнымъ пьяницамъ.

У запойныхъ пьяницъ обращается особенное вниманіе на состояніе кишечника и въ гипнозѣ внушается, что у нихъ никогда не наступитъ запойнаго періода.

Леченіе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ; оно давало бы большіе результаты, если бы къ врачу обращались пьющіе, а не сильно пьянствующіе.

Въ концѣ своей статьи авторъ приводитъ цѣлый рядъ исторій болѣзни, иллюстрирующихъ результаты леченія въ амбулаторіи клиники.

В. Н. Сухова-Осипова.

П. Фаре. Ночное недержаніе мочи у двадцати шестимѣсячной дѣвочки, вылеченное внушеніями въ естественномъ снѣ. (Incontinence nocturne d'urine guérie par suggestion pendant le sommeil naturel chez une enfant de vingt-six mois). Dr. Farez. Revuede l'Hypnotisme. 1903 Novembre. стр. 146.

D. P. Farez, преподаватель психологической школы въ Парижѣ, сообщаетъ случай недержанія мочи у дѣвочки двадцати шести мѣсяцевъ, устраненнаго внушеніями въ естественномъ снѣ. Случай интересенъ не только съ точки зрѣнія способа леченія, но и въ смыслѣ этіологіи. Дѣло идетъ о вполнѣ правильно развитомъ ребенкѣ, который къ 15 мѣсяцамъ своей жизни уже пересталъ мочиться въ постели и въ возрастѣ двухъ лѣтъ вновь пріобрѣлъ эту привычку. Нѣсколько внушеній въ естественномъ снѣ устранили эту привычку, которая однако стала возвращаться, какъ только внушенія были прекращены. Изслѣдуя причины такого возврата, авторъ нашелъ, что ребенку, имѣвшему наклонность къ запору, ставили на ночь холодную клизму, которая быстро опорожняла кишечникъ, но вызывала и усиленный діурезъ, ведшій къ переполненію мочевого пузыря. Клизмы стали ставить утромъ, и недержаніе прекратилось; стоило однако поставить клизму вечеромъ, что иногда было необходимо, и недержаніе возвращалось. Поэтому д-ръ P. Farez продолжалъ свои внушенія, имѣвшія цѣлью добиться у очень крѣпко спавшаго ребенка обученія подсознательныхъ центровъ постоянному контролю надъ пузыремъ. Для этого авторъ всегда тормошитъ ребенка, чтобы понизить глубину его сна, разсказываетъ, какъ онъ долженъ вести себя ночью, какъ долженъ проситься у своей матери, и считаетъ нужнымъ добиться отъ соннаго ребенка ясно выраженнаго согласія, доказывающаго, что ребенокъ, хотя и спитъ, но воспринялъ то, что отъ него требуется. При этомъ, такъ какъ дѣти спятъ очень крѣпко, нельзя говорить съ ними тихо, какъ это дѣлается при внушеніяхъ во снѣ у взрослыхъ больныхъ; напротивъ, слѣдуетъ говорить громко, даже очень громко.

Способъ этотъ по своей простотѣ и исполнимости заслуживаетъ, по словамъ автора, широкаго примѣненія со стороны матерей и даетъ вѣрные и прочные результаты. *А. А. Пѣвницкій.*

---

4. Криминальная антропологія.

М. Ф. Колесниковъ. Преступленіе и душевная болѣзнь. Вступительная лекція въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, читанная 6 февраля 1903 г. Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 1903 г. № 6.

Новыя направленія въ психіатріи, явившіяся за послѣднія десятилѣтія, расширили психіатрическій кругозоръ и поставили психіатрамъ рядъ новыхъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ они должны стремиться. Выбирая для своей вступительной лекціи тему, названіе которой приведено въ заглавіи, авторъ заявляетъ, что «содержаніе ея является естественной реакціей на эти новыя направленія». Онъ старается доказать нѣсколькими примѣрами изъ исторіи, что еще много вѣковъ тому назадъ существовала уголовная антропологія, такъ какъ тогда уже поднимались вопросы о томъ, что такое преступленіе, каковы его духовныя свойства, и дѣлались попытки найти связь и соотношеніе между внѣшнимъ видомъ человѣческаго тѣла и его внутренними качествами. Ломброзо, по мнѣнію автора, является родоначальникомъ новой эры въ ученіи о преступности. Но лекторъ не останавливается подробно на этой эрѣ и переходитъ къ цѣлому ряду авторовъ, каковы Despine, Legrand du Saulle, Solbring, Чижъ, Дриль, доказывающихъ существованіе болѣе или менѣе тѣсной связи между преступностью и душевными болѣзнями. Изъ изложенія ихъ взглядовъ нельзя опредѣленно вывести заключенія, являются-ли эти ученые учениками и по-

слѣдователями Ломброзо, или же образуютъ «особую» школу. Это тѣмъ болѣе неясно для слушателей, что тутъ же говорится: «на ряду съ этимъ растетъ и расширяетъ свои взгляды новая школа, разсматривающая преступленіе, какъ продуктъ чисто общественныхъ условій...». Изъ послѣдующаго (стр. 5) приходится, однако, прійти къ заключенію, что въ настоящее время создалось множество разнообразныхъ взглядовъ и *множество школъ*. Насколько послѣднее утвержденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности—вопросъ другой.

Авторъ является сторонникомъ ученія о существованіи такъ называемаго «преступнаго типа» и пытается научно обосновать это ученіе. Но если и признать, вмѣстѣ съ авторомъ, что «можно разсматривать преступность, какъ явленіе біопатологическое и искать какъ причины ея, такъ и объективныхъ признаковъ путемъ чисто естественно-научнаго изслѣдованія», то и тогда едва ли можно прійти, съ научными доказательствами въ рукахъ, къ «*преступному* типу».

«Я лично», говоритъ авторъ, «принадлежу къ защитникамъ того положенія, что соціальныя условія, какъ факторы преступности, имѣютъ огромное значеніе и вліяніе ихъ проявляется прямымъ путемъ», и рядомъ съ этимъ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ старается доказать правильность дѣленія преступниковъ на случайныхъ, привычныхъ и *врожденныхъ*, при этомъ онъ мимоходомъ бросаетъ мысль, что преступниковъ въ большинствѣ случаевъ нужно считать за людей больныхъ, душевно или нервнобольныхъ *). Если сопоставить приведенныя разсужденія съ предыдущими, то представляется не вполнѣ яснымъ, къ какой школѣ принадлежитъ самъ авторъ. Полагая, что въ основѣ соціальнаго извращенія у преступниковъ лежитъ наслѣдственная и прирожденная нейрастенія, и разлагая эту «нервную неустойчивость (нейрастенію) наслѣдственнаго происхожденія, которая лежитъ въ основѣ преступныхъ лицъ и которая очень часто является почвой и основой для развитія нейрозовъ и психозовъ и ведетъ человѣчество къ вырожденію и вымиранію», на ея составныя части, авторъ въ концѣ концовъ дѣлаетъ выводъ, что «рефлекторность, неудержимость или по крайней мѣрѣ недостаточная обдуманность поступковъ и дѣйствій составляетъ главную основу болѣзненнаго состоянія нейрастениковъ». А потому съ одной стороны особенно важно изученіе психологіи преступника вообще, а съ другой—«многое изъ того, что предназначено къ пожизненному заключенію въ домахъ умалишенныхъ или въ тюремныхъ заведеніяхъ, сдѣлается пригоднымъ и полезнымъ въ жизни», если врачи станутъ ближе, чѣмъ судьи, къ преступникамъ да и вообще будутъ побольше проводить въ жизнь гигіену и діэтетику.

Въ общемъ лекція представляется нѣсколько туманной и запутанной. Изложеніе вообще расплывчиво. Языкъ тяжеловатъ, мѣстами прямо непонятенъ, напримѣръ: «для необходимаго и точнаго пониманія преступности не помогаетъ ни гуманность, ни карательныя мѣры», или неправиленъ, напримѣръ: «возрождается *новая* соціологическая школа» и т. д.

Ф. Н. Малининъ.

---

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ дѣлаетъ ссылку, въ качествѣ авторитетнаго подтвержденія этого взгляда, на Дорошевича и его Сахалинскія описанія. Можно увлекаться и удивляться талантливому перу публициста, но считать его мнѣніе авторитетнымъ въ чисто психіатрическихъ вопросахъ—едва ли правильно. *Ф. М.*

Э. Шпицка. Эпидемiи религiознаго фанатизма въ двадцатомъ столѣтiи. (Auftreten von Epidemien des religiösen Fanatismus in zwanzigsten Jahrhundert— von Dr. E. Spitzka. Arch. f. Kriminal-anthropologie. Bd. 14. 1903).

Dr. Spitzka рисуетъ интересную и богатую психологическими деталями картину изъ жизни русскихъ духоборовъ въ Канадѣ. Читая небольшую статейку, невольно переносишься мыслiю далеко назадъ, въ средніе вѣка, ко временамъ крестовыхъ походовъ; а между тѣмъ описываемыя событiя происходили въ 1902—3 годахъ. Авторъ мало говоритъ о положенiи духоборовъ въ Россiи. Вскользь упомянуто о появленiи этой секты, о связи и сходствѣ ея съ другими русскими и заграничными сектами. Кратко описана жизнь духоборовъ на Кавказѣ передъ переселенiемъ, распри между ними, взрывы фанатизма, столкновенiе съ русскимъ режимомъ, роль Л. Толстого.

Въ 1898 г. началось переселенiе въ Америку и обоснованiе здѣсь, при матерiальной поддержкѣ англiйскихъ и американскихъ кваверовъ. Первое столкновенiе съ законами новаго отечества было на почвѣ частнаго землевладѣнiя и регистрацiи. По закону колонисты получаютъ землю въ частную собственность, и всѣ браки, рожденiя и смерти должны быть регистрируемы. Правительство относилось мягко къ воззрѣнiямъ новыхъ поселенцевъ, частная благотворительность выражала сочувствiе общества, а единомышленники (американскiе квакеры) особымъ посланiемъ убѣждали примириться съ требованiями правительства. Ничего не помогало.

Съ сентября 1902 года начинаются вспышки фанатизма, то стихавшiя, то снова проявлявшiяся. Самой яркой вспышкой былъ первый взрывъ, начавшiйся тѣмъ, что въ сент.—окт. 1902 г. духоборы отпустили на волю рабочiй скотъ, отказались отъ животной пищи (масло, молоко), сбросили одежду животнаго происхожденiя, одѣлись въ хлопчатобумажныя ткани, резиновую обувь, стали собственными силами пахать (на женщинахъ) и т. д.

Затѣмъ явились пророки; иные изъ нихъ ходили босикомъ, носили одежду до пятъ и пламенной проповѣдью и припадками религiознаго экстаза съ галлюцинацiями (видѣли Христа) возбуждали населенiе. Подъ ихъ влiянiемъ 20°/₀ духоборовъ отправились «искать Христа». Внѣшнiй видъ пилигримовъ былъ очень печаленъ: впереди—мужчины въ грубыхъ хлопчатобумажныхъ одеждахъ; большая часть—босые, иные въ резиновой обуви, третьи—просто съ ногами, завернутыми въ тряпки; слышно печальное ритмическое пѣнiе, временами нарушаемое воинственнымъ тономъ; на насмѣшки они отвѣчаютъ словами 22-го псалма...

Все это двигалось зимой, въ морозъ, доходившiй до—10°, безъ плана, съ одной идеей—«найти Христа». Пророки сначала повлекли толпу въ Мильвудъ, но здѣсь Христа не оказалось. Двинулись въ Веннипегъ. Въ Йорктонѣ городская администрацiя задержала женщинъ и дѣтей. Женщины рвались за мужьями, но были оставлены; мужчины направились дальше; прошли нѣсколько мѣстъ, гдѣ ихъ пытались уговорить и возвратиться добровольно, но безуспѣшно. Въ Миннедозѣ ихъ задержали силой и отправили обратно въ Йорктонъ. Жены встрѣтили ихъ криками: «идите назадъ». Дальнѣйшее сопротивленiе было не продолжительно. Давъ себѣ слово ближайшей весной снова идти на поиски Христа, пилигримы отправились въ свои деревни (въ вагонахъ). Многiе изъ нихъ выкупали отпущенный было скотъ.

Весною, въ апрѣлѣ 1903 г., часть духоборовъ исполнила свое обѣщанiе и толпа мужчинъ отправилась «искать Христа». Попрежнему они двинулись съ пѣнiемъ и проповѣдями, но на этотъ разъ администрацiя приняла энергичныя мѣры и скоро привела дѣло къ концу.

Наконецъ, въ августѣ нѣсколько сотъ женщинъ, подъ вліяніемъ одной пророчицы, сбросили съ себя одежды и голыми двинулись искать Христа. Попытка кончилась неудачно. Мужья сначала уговаривали ихъ возвратиться, а когда это не подѣйствовало, избили ихъ и заставили возвратиться домой.

Разбору описанныхъ явленій авторъ удѣляетъ лишь нѣсколько словъ. Онъ указываетъ, что строго этическое, религіозно-соціальное ученіе болѣе и болѣе ограничивается внутреннимъ чувствомъ, переходитъ въ монотонное однообразіе; отсюда легко наступаютъ внезапныя вспышки въ формѣ психомоторнаго вырожденія. *Гр. Трошинъ.*

Геннебергъ. Судебно-психіатрическій разборъ спирита-медіума. Изъ психіатрической клиники Charité въ Берлинѣ. Dr. R. Henneberg. (Arch. f. Psychiatrie. Bd. 37. 1903 г., стр. 673—723).

Описывается одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ. Спиритическій медіумъ, пользовавшійся въ Германіи большой извѣстностью, подъ именемъ «цвѣточнаго медіума» — Анна Р. попала на скамью подсудимыхъ за свои сеансы и судомъ отправлена въ клинику Charité для изслѣдованія (29 Іюня 1902 г.).

Интересна исторія медіумички. Дочь каменщика, она родилась въ Саксоніи въ 1850 году; училась въ школѣ, получила религіозное воспитаніе. Съ 6 лѣтъ стала видѣть духовъ на улицѣ и на квартирѣ; ходила на богомолье по этому поводу, но безуспѣшно; позднѣе страдала ночными страхами. Съ 17 до 20 лѣтъ была служанкой въ различныхъ мѣстахъ и обладала—по собственнымъ показаніямъ—способностью предсказывать будущія событія чрезъ видѣнія. На 20 году вышла замужъ. Семейная жизнь была неудачна; мужъ выпивалъ; дѣти родились больными и скоро умирали; въ живыхъ остались двѣ дочери, но и изъ нихъ одна съ 9 лѣтъ страдаетъ туберкулезомъ позвоночника, другая была здорова, хотѣла выйти замужъ, но женихъ ея умеръ.

Смерть эта послужила поводомъ для знакомства съ спиритизмомъ. Семьею умершаго Анна Р. была введена въ засѣданія спиритовъ, вызывала духъ умершаго, получала письма съ того свѣта. Это было въ 1892 году. Послѣ дебюта, новая медіумичка скоро получила извѣстность; она путешествовала по городамъ, посѣщая различные спиритическіе кружки. Она представлялась богато одаренной спиритическими способностями: произносила рѣчи, впадая при этомъ въ трансъ, обладала даромъ ясновидѣнія, способностью приношеній (Apporte) съ того свѣта, способностью получать отъ духа непосредственно и чрезъ посредство собственной руки, движимой духомъ, письма; наконецъ, она вызывала духовъ и разговаривала съ ними непосредственно или чрезъ постукиваніе (Klopftöne). Особенно славилась она «аппортами» — приношеніями цвѣтовъ, которыя сыпались отъ нея во время сеанса въ изобиліи, иногда до 200 за сеансъ; попадались цвѣты порядочной величины, напримѣръ, вѣтвь 40×20 сантиметровъ. Сначала медіумичка подвизалась одна, затѣмъ съ ней вошелъ въ соглашеніе импрессаріо; подъ его руководствомъ она имѣла до 500 засѣданій (въ ея біографіи, изданной импрессаріо, это число увеличено до 1500—1800); засѣданія были доступны для публики (конечно, за плату и порядочную; судебное изслѣдованіе показало, что 60 засѣданій съ 1 Окт. 1901 до 1 Мая 1902 г. дали 3000 марокъ). Случалось, что публика неистовствовала: совершала колѣнопреклоненія предъ медіумичкой, цѣловала ей руки; участвовали, главнымъ образомъ, неинтеллигентныя и полуинтеллигентныя лица; встрѣчалась здѣсь аристократія (преимущественно дамы); рѣдко, но бывали лица съ академическимъ образованіемъ; многіе врачи

признавали Анну Р. за истиннаго медіума. Печать удѣляла медіумичкѣ, конечно, съ разныхъ точекъ зрѣнія много вниманія; не меньшимъ вниманіемъ она пользовалась и отъ правительственныхъ коммиссаровъ. Судъ нѣсколько разъ привлекалъ ее къ отвѣтственности за обманъ и попытки къ обману. Нерѣдко ее уличали во время самыхъ сеансовъ; однажды, нагрянувши среди засѣданія, коммиссаръ нашелъ подъ платьемъ медіума 153 цвѣтка; медіумичка находилась въ то время въ трансѣ, но не смотря на это, при появленіи коммиссара стала кричать, что ее убиваютъ; находившійся при этомъ импрессаріо увѣрялъ, что вмѣшательство полиціи въ моментъ транса дѣйствительно можетъ повлечь за собою смерть; однако все обошлось благополучно, причемъ медіумичка объяснила, что цвѣты попадаютъ подъ платье, выходя изъ самаго тѣла подъ вліяніемъ сверхестественной силы.

Само собою понятенъ интересъ, когда такой случай удалось подвергнуть всестороннему научному изслѣдованію въ клинической обстановкѣ. Съ физической стороны рѣзкихъ патологическихъ измѣненій не констатировано; есть, однако, кое-какія указанія на истерію, истерическіе стигматы. Испытуемая держится симпатично; признаетъ себя набожной и «простой» женщиной; старается показать себя неопытной въ вопросахъ, такъ называемаго, паретическаго медіумизма; однако, иногда ссылается на «научныхъ» медіумовъ; съ другой стороны не имѣетъ даже элементарныхъ свѣдѣній по географіи, исторіи. Рѣшительно отвергаетъ какой-либо обманъ въ своей медіумической дѣятельности; охотно подвергается изслѣдованію, особенно сначала; производитъ въ присутствіи врачей сеансы. Особенно интересны эти послѣдніе; ихъ производилось очень много. Обыкновеннымъ явленіемъ былъ трансъ; испытуемая впадала въ состояніе транса очень легко; голова запрокинута назадъ и виситъ, глаза обращены кверху и кнутри, пульсъ 102—108 въ минуту. Начинается рѣчь: «Человѣкъ—какъ бы сама жизнь. Она походитъ на экипажъ; душевныя волненія суть лошади, а разумъ—кучеръ. Горе экипажу и лошадямъ, когда кучеръ потеряетъ возжи. Поэтому часто самые мужественные—самые опасные. Весь свѣтъ, подъ которымъ я понимаю дѣтей земныхъ, остаются одними и тѣми же, какими были за тысячи лѣтъ, не смотря на мудрость міра и книгъ. Они хотятъ знаменія и чудеса видѣть, и это есть, но не вѣрятъ они и хотятъ свести его, чудо, на естественную дорогу. Пусть, но куда приводятъ на вашей землѣ всѣ раздоры, вся несправедливость, все сомнѣніе, всѣ грѣхи?» и т. д. Всѣ рѣчи, не разъ произнесенныя въ трансѣ, имѣютъ однообразный характеръ, аналогичный тому отрывку, который сейчасъ приведенъ; для такой импровизаціи нужно, какъ замѣчаетъ авторъ, только простота и извѣстнаго сорта начитанность. Кромѣ рѣчей, въ клиническихъ сеансахъ являлись духи; разъ явился духъ Павла Флемминга; чаще появлялся «контрольный духъ» — нѣкая Фрида; испытуемая описывала духовъ; чрезъ нее духи разговаривали, отвѣчали на вопросы, предлагаемые врачами; отвѣты — общіе, неопредѣленные или отрицательные. Однажды испытуемая обратилась къ одному изъ присутствовавшихъ и сказала, что у него больна жена (домашнія обстоятельства этого лица могли быть извѣстными въ клиникѣ). Переговоры чрезъ постукиваніе почти не удавались, причемъ требовали легкій столъ. Письмо духовъ было показано, но только посредственное (чрезъ руку медіума); наблюденіемъ за процессомъ письма, почеркомъ и т. д. удостовѣрено, что испытуемая писала не безъ участія сознанія. Много разъ просили сдѣлать приношенія цвѣтовъ, но послѣднихъ ни разу не было; однажды только въ рукахъ медіума оказался обыкновенный камень, который она легко могла найти въ саду клиники.

Затѣмъ, путемъ наблюденія, было установлено, что испытуемая легко поддается гипнозу, но въ гипнозѣ не продуктивна. Разъ наблюдалось снохожденіе; въ другой разъ больная въ палатѣ впала въ трансъ и произнесла рѣчь; оба событія были не типичны.

Въ заключеніи, данномъ суду, авторъ призналъ А. Р. страдающей истеріей и ненормально повышенной самовнушаемостью. Что касается публичныхъ сеансовъ, то авторъ приравнялъ ихъ къ обману; пользованіе трансомъ, которое въ настоящемъ случаѣ было произвольнымъ дѣйствіемъ для большаго вліянія на публику, имѣетъ то же значеніе, какое по русскому праву произвольное опьяненіе предъ совершеніемъ преступленія.

Насколько можно судить по небольшой литературѣ, приведенной авторомъ, данный случай типиченъ для медіумовъ. Обыкновенно у нихъ наблюдается истерія съ одной стороны, обманъ съ другой; возможно, что въ однихъ случаяхъ на первый планъ выступаетъ способность транса, легкая самовнушаемость, «истерическое» самолюбіе и желаніе привлечь на себя вниманіе; такіе могутъ быть признаны профессіональными сомнамбулами (случай проф. Forel'я въ 1889 г.); въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, преобладаютъ уловки, мистификація; истерія играетъ роль почвы, придающей обману бо́льшую естественность и убѣдительность, чѣмъ обыкновенно.

Гр. Трошинъ.

III. Корреспонденціи.

Отчеты о засѣданіяхъ Обществъ.

Въ Русскомъ Обществѣ нормальной и патологической психологіи.
Засѣданіе 10-го февраля 1904 года, подъ предсѣд. Академика В. М. Бехтерева.

Докладъ **М. П. Никитина.** Къ вопросу объ образованіи зрительныхъ воспріятій. (Экспериментальное изслѣдованіе).

Задачей докладчика было выясненіе тѣхъ ступеней, которыя проходитъ зрительное воспріятіе до своего окончательнаго сформированія въ сознаніи. Съ цѣлью анализа даннаго процесса авторъ доклада пользовался тахистоскопомъ Вундта, дающимъ возможность экспонировать объекты воспріятій въ теченіе весьма малыхъ промежутковъ времени (наименьшее время экспозиціи, примѣнявшееся докладчикомъ, равнялось 0,8 σ). Въ качествѣ объектовъ для опытовъ служили рисунки предметовъ, хорошо знакомыхъ каждому, исполненные черными линіями на бѣломъ фонѣ. По полученіи воспріятія испытуемый тотчасъ-же зарисовывалъ то, что онъ увидѣлъ, затѣмъ подробно описывалъ и, наконецъ, сравнивалъ полученное имъ воспріятіе съ показаннымъ ему по окончаніи опыта рисункомъ, послужившимъ матеріаломъ для воспріятія. Всего докладчикомъ было произведено, кромѣ предварительныхъ, 370 опытовъ съ 6 лицами. Матеріалъ, полученный при опытахъ, по мнѣнію докладчика, позволяетъ до извѣстной степени судить о тѣхъ стадіяхъ, которыя проходитъ на своемъ пути процессъ формированія зрительнаго воспріятія.

Въ качествѣ такихъ стадій докладчикомъ были отмѣчены: 1) воспріятіе рисунка въ видѣ сплошного сѣраго пятна; 2) неясное воспріятіе отдѣльныхъ линій, связанное съ невозможностью опредѣленія ихъ формъ и расположенія; 3) отданіе отчета въ формѣ линій при отсутствіи представленія объ ихъ расположеніи, или наоборотъ; 4) воспріятіе и формъ и расположенія линій, вначалѣ связанное съ рядомъ ошибокъ.

Согласно даннымъ опытовъ докладчика, отчетливость воспріятія отдѣльныхъ линій рисунка растетъ вплоть до момента появленія въ сознаніи представленія о смыслѣ нарисованнаго предмета. Это представленіе о смыслѣ какъ бы заставляетъ забывать сознававшіяся передъ тѣмъ детали и сообщаетъ воспріятію болѣе общій и менѣе опредѣленный характеръ.

Въ дальнѣйшемъ, отчетливость деталей рисунка снова начинаетъ расти въ сознаніи до тѣхъ поръ, пока воспріятіе не достигнетъ полнаго сходства съ рисункомъ.

Далѣе докладчикомъ былъ отмѣченъ фактъ частнаго возникновенія воспріятій, представляющихъ болѣе или менѣе значительныя искаженія дѣйствительности. Источники этихъ искаженій могутъ быть различны. Наиболѣе сильныя искаженія наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ воспріятія отдѣльныхъ частей предмета въ сознаніи возникаетъ идея о предметѣ, не соотвѣтствующемъ данному.

Докладчикъ демонстрировалъ передъ собраніемъ таблицы, съ изображеніями примѣровъ полученныхъ воспріятій.

Д-ръ М. Л. Фалькъ видитъ особенный интересъ опытовъ въ томъ, что они ясно показываютъ намъ, какую огромную роль въ актѣ воспріятія играютъ внутренніе факторы, воспроизведенныя представленія. Внѣшніе предметы никогда не воспринимаются нами полностью, а только отдѣльными частями, которыя мы затѣмъ пополняемъ въ зависимости отъ констелляціи нашего сознанія въ данный моментъ. Фактъ этотъ съ полною очевидностью обнаруживается въ результатахъ, полученныхъ докладчикомъ.

Проф. В. С. Серебренниковъ. Вопросъ о воспріятіи очень важенъ, а между тѣмъ число экспериментальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ его разработкѣ, еще очень незначительно. Фактическія данныя, полученныя докладчикомъ, представляются весьма интересными. Однако, толкованіе, которое онъ даетъ имъ, возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Докладчикъ полагаетъ, что по его даннымъ можно судить о стадіяхъ, какія проходитъ процессъ воспріятія. Но согласиться съ этимъ нельзя. Въ его опытахъ всѣ воспріятія представляютъ собою единичные и въ своемъ родѣ законченные процессы непосредственнаго узнаванія предмета, какъ чего-то цѣлаго. Если же результаты опытовъ въ различныхъ случаяхъ и у разныхъ лицъ получились различные, то это зависѣло, съ одной стороны, отъ количества и степени отчетливости деталей, схваченныхъ испытуемымъ лицомъ, съ другой—отъ характера и степени живости образовъ, хранившихся въ памяти. Далѣе проф. Серебрениковъ высказалъ нѣкоторыя соображенія относительно того, въ какомъ направленіи можно было бы продолжить и дополнить изслѣдованіе, произведенное докладчикомъ.

Докладчикъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что характеръ получаемаго воспріятія опредѣляется количествомъ схваченныхъ деталей и характеромъ образовъ, хранившихся въ воспоминаніи. Однако это объясненіе, по его мнѣнію, еще не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ взглядомъ, согласно которому воспріятія, имѣющія большую или меньшую степень отчетливости, могутъ быть разсматриваемы, какъ различныя стадіи одного и того же процесса.

Д-ръ А. А. Кроњусъ также указалъ на огромную роль, которую играютъ въ процессѣ воспріятія воспроизведенныя представленія. Безъ этихъ «ассимилирующихъ элементовъ» какъ ихъ называетъ Вундтъ, самый актъ воспріятія представлялся бы совершенно невозможнымъ. Опыты докладчика представляютъ еще и практическій интересъ, такъ какъ затрогиваютъ весьма важный вопросъ о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, поднятый въ послѣднее время Штерномъ, Врешнеромъ и др.

Д-ръ А. П. Розенъ отмѣтилъ отсутствіе въ докладѣ указаній на величину зрительнаго угла, въ предѣлахъ котораго былъ видѣнъ рисунокъ. Для того, чтобы на сѣтчаткѣ получилось ясное изображеніе, необходимо, чтобы весь рисунокъ не выходилъ изъ угла ясного зрѣнія, а отдѣльныя его части не были меньше извѣстной, предѣльной величины. Тѣ искаженія рисунковъ, которыя такъ подробно были подмѣчены и описаны докладчикомъ, слѣдуетъ объяснить скорѣе не субъективными, а чисто объективными факторами. Основаніемъ для объясненія этого явленія служитъ теорія тѣней. Оппонентъ иллюстрировалъ свою мысль на примѣрѣ отдѣльныхъ рисунковъ.

Докладчикъ замѣтилъ д-ру Розену, что о размѣрахъ угла, въ предѣлахъ котораго испытуемые видѣли рисунокъ, даютъ наглядное представленіе приведенныя имъ въ докладѣ цифры относительно 1) разстоянія между глазомъ испытуемаго и объектомъ и 2) ширины щели тахистоскопа, примѣнявшейся приопытахъ, а также данныя относительно размѣровъ примѣнявшихся рисунковъ.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Предметъ, подвергнутый докладчикомъ экспериментальной разработкѣ, заслуживаетъ большого вниманія. Литература вопроса небогата, и поэтому изслѣдованіе докладчика представляетъ большой интересъ и должно явиться точкою отправленія для дальнѣйшихъ работъ въ той же области. Относительно вопроса о томъ, насколько полученные докладчикомъ результаты согласуются съ теоріей апперцепціи Н. Ланге, приходится, повидимому, признать, что согласія здѣсь не наблюдается. Ланге выставилъ положеніе, что воспріятіе идетъ отъ общаго къ частному, отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному; въ опытахъ же докладчика обыкновенно сразу же воспринималась какая-либо деталь, и затѣмъ уже процессъ развивался дальше. Что касается различныхъ стадій воспріятія, то мы въ настоящее время не имѣемъ еще достаточно данныхъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса; условія процесса еще недостаточно выяснены, и поэтому дальнѣйшія экспериментальныя изслѣдованія относительно этого предмета представляются весьма желательными. Здѣсь могутъ играть роль тѣ различныя вліянія, о которыхъ упоминалось во время преній: расположеніе линій и контуровъ въ самомъ рисункѣ, индивидуальныя особенности испытуемаго, его настроеніе и т. д. Патологическія состоянія могутъ также здѣсь сказываться; такъ, напр., параноики будутъ, можетъ быть, значительно сильнѣе искажать рисунокъ, чѣмъ здоровые.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ преніяхъ участвовали также д-ра *Г. Я. Трошинъ, Ф. Ф. Фишеръ и А. Ф. Лазурскій.*

Докладъ д-ра **А. К. Ширмана.** Процессы памяти при зрительномъ, слуховомъ и чувство-двигательномъ воспріятіи. Опыты, произведенные докладчикомъ, распадаются на двѣ группы. Къ первой относятся лабораторные опыты, произведенные по одиночкѣ надъ 30 взрослыми лицами обоего пола и

состоявшіе въ воспроизведеніи одного за другимъ рядовъ словъ. Каждый рядъ заключалъ въ себѣ 10 словъ, не связанныхъ между собою по смыслу; въ каждомъ ряду были какъ слова, обозначавшія названія конкретныхъ предметовъ, такъ и различныя отвлеченныя понятія, а также слова, относящіяся по своему значенію къ различнымъ органамъ чувствъ. Эти ряды словъ предъявлялись каждому отдѣльному лицу тремя различными способами: зрительнымъ. слуховымъ и чувство-двигательнымъ. При зрительномъ способѣ испытуемый долженъ былъ ограничиваться простымъ разсматриваніемъ тѣхъ словъ, которыя одно за другимъ показывалъ ему экспериментаторъ.

При слуховомъ способѣ показываніе словъ замѣнялось произнесеніемъ ихъ вслухъ со стороны экспериментатора. Наконецъ, при чувство-двигательномъ способѣ испытуемый самъ читалъ вслухъ показывавшіяся ему слова и, такимъ образомъ, въ воспріятіи участвовали одновременно зрѣніе, слухъ и мышечныя ощущенія, связанныя съ актомъ рѣчи. Оказалось, что наибольшій процентъ воспроизведенныхъ словъ дали опыты съ чувство-двигательнымъ воспріятіемъ, затѣмъ опыты со слуховымъ воспріятіемъ; зрительный способъ предъявленія оказался въ этомъ отношеніи наименѣе благопріятнымъ. При запоминаніи словъ, относящихся по своему значенію къ различнымъ органамъ чувствъ, большую роль играетъ профессія испытуемаго лица. Вторую группу составляютъ опыты, произведенные докладчикомъ надъ воспитанниками нѣсколькихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Конструкція рядовъ оставалась при этомъ та же, но только слова одно за другимъ прочитывались вслухъ или показывались одновременно всему классу. Оказалось, что школьные опыты дали нѣсколько иной результатъ, чѣмъ лабораторные опыты на взрослыхъ: показанныя слова воспроизводились школьниками лучше, чѣмъ слова, прочитанныя имъ вслухъ.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Разграниченіе словъ, относящихся по своему значенію къ различнымъ органамъ чувствъ, нельзя не признать въ значительной степени условнымъ; поэтому полученные въ этомъ направленіи результаты едва ли можно выражать въ видѣ процентныхъ отношеній. Другое дѣло— зависимость количества воспроизведенныхъ словъ отъ способа, которымъ они воспринимались. Въ этомъ отношеніи полученные докладчикомъ результаты представляютъ значительный интересъ. Оказывается, что въ массѣ слуховыя воспріятія у взрослыхъ людей являются болѣе благопріятными для воспроизведенія, чѣмъ зрительныя, тогда какъ у дѣтей наблюдается обратное отношеніе. Чувство-двигательное воспріятіе даетъ, какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее количество воспроизведенныхъ словъ.

Въ преніяхъ по поводу доклада д-ра Ширмана участвовали также *А. Л. Щегловъ* и *М. Л. Фалькъ*.

А. Лазурскій.

Съ 4 — 11 января 1904 года въ Петербургѣ происходило **засѣданіе IX-го съѣзда русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.** Въ отдѣлѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней былъ сдѣланъ рядъ докладовъ, посвященныхъ крайне важному и существенному вопросу лѣченія алкоголиковъ гипнозомъ, гипнозу вообще и нѣкоторымъ вопросамъ психопатологіи. Содержаніе этихъ докладовъ вмѣстѣ съ послѣдовавшими за ними оживленными преніями мы и приводимъ въ нижеслѣдующемъ сокращенномъ изложеніи, обращая при этомъ вниманіе на тѣ части докладовъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ гипнозу.

Утреннее засѣданіе 5-го января 1904 г. Почетный предсѣдатель проф. **Л. И. Ковалевскій.** (Казань).

Прив.-доц. **Ѳ. Е. Рыбаковъ.** (Москва). *Объ организаціи амбулаторій для алкоголиковъ.* Докладчикъ считаетъ амбулаторный методъ лѣченія алкоголиковъ предпочтительнымъ передъ помѣщеніемъ ихъ въ лѣчебницу, такъ какъ при современномъ экономическомъ положеніи Россіи устройство достаточнаго количества спеціальныхъ лѣчебницъ для алкоголиковъ является невозможнымъ; далѣе, амбулаторное лѣченіе, *при условіи примѣненія лѣченья гипнозомъ*, даетъ лучшіе результаты по сравненію съ помѣщеніемъ въ лѣчебницы; устройство амбулаторій требуетъ меньшихъ затратъ труда, времени и средствъ и, наконецъ, амбулаторное лѣченье наиболѣе доступно для низшихъ классовъ населенія, среди котораго преимущественно и распространенъ алкоголизмъ. Поэтому, необходимо въ настоящее время устройство возможно большаго числа такихъ амбулаторій, носящихъ, въ виду своеобразности методовъ лѣченья, спеціальный характеръ. Амбулаторіи должны имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ средства, которыми располагаетъ медицина для борьбы съ пьянствомъ и его послѣдствіями (электричество, водолѣченье и др.), и между этими средствами *на первомъ планѣ долженъ стоять гипнозъ*, примѣненіе котораго является *необходимымъ условіемъ* функціи всякой амбулаторіи для алкоголиковъ. Для достиженія благопріятныхъ результатовъ гипнозъ долженъ примѣняться правильно и систематически въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 1 года (гипнотическіе сеансы, довольно частые въ началѣ, къ концу года могутъ быть значительно рѣже). Въ амбулаторіяхъ должна производиться правильная регистрація больныхъ посредствомъ особыхъ спеціальныхъ опросныхъ листковъ, устройство амбулаторій составляетъ заботу государства, города, земства, благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ; иниціатива въ дѣлѣ устройства должна принадлежать врачамъ; желательно открытіе амбулаторій при всѣхъ обществахъ трезвости и больницахъ.

Лѣченье не должно носить принудительнаго характера, вслѣдствіе чего организація амбулаторій при городскихъ попечительствахъ о бѣдныхъ, гдѣ нерѣдко больные насильственно побуждаются къ лѣченію сотрудниками попечительства, требуетъ крайней осмотрительности и осторожности. При возможно широкой организаціи амбулаторій вопросъ объ устройствѣ спеціальныхъ лѣчебницъ для алкоголиковъ отходитъ на второй планъ.

Д-ръ мед. **А. А. Пѣвницкій** (С.-Петербургъ). *Амбулаторіи для алкоголиковъ, какъ учрежденія, принимающія участіе въ борьбѣ съ развившимся уже пьянствомъ.* Докладчикъ указалъ, что въ амбулаторіи для лѣченія алкоголиковъ *гипнозомъ* стекается такое громадное количество больныхъ, что это одно указываетъ на настоятельную потребность въ такого рода учрежденіяхъ; къ сожалѣнію, въ амбулаторію попадаютъ большею частью слишкомъ запущенные случаи, уже неизлѣчимые; это заставляетъ врача касаться вопроса о начальныхъ стадіяхъ алкоголизма и вреда спиртныхъ напитковъ, вслѣдствіе чего амбулаторія пріобрѣтаетъ важное просвѣтительное значеніе. Лѣченіе въ амбулаторіяхъ имѣетъ много преимуществъ передъ лѣченіемъ въ обществахъ трезвости и колоніяхъ, излѣченіе въ которыхъ возможно лишь для легкихъ случаевъ, стоитъ дорого и незамѣтно для окружающихъ, тогда какъ амбулаторія дѣйствуетъ нагляднымъ примѣромъ, нерѣдко за вылѣченнымъ идутъ лѣчиться его менѣе пьющіе родные. Устройство амбулаторій просто и дешево, лѣченіе въ нихъ доступно и бѣдному классу, лѣченіе возможно, не отрывая

больного отъ его обычныхъ занятій, и даетъ около 40% выздоровленій. При условіи осмотра больныхъ психіатромъ, часто обнаруживается, что въ основѣ ихъ пьянства лежитъ нервное или душевное страданіе, раннее распознаваніе котораго имѣетъ важное практическое значеніе. Если въ амбулаторіяхъ имѣть постоянныя кровати для тѣхъ больныхъ, которые нуждаются въ постельномъ содержаніи, необходимомъ при борьбѣ съ возвратами и примѣняемомъ на короткій срокъ, то успѣхъ такой терапіи можетъ дойти до 80%.

Д-ръ мед. А. Л. Мендельсонъ. (С.-Петербургъ). *Опытъ лѣченія алкоголизма внушеніемъ въ амбулаторіяхъ СПБ. Городского Попечительства о Народной Трезвости и Городской Санитарной Коммиссіи.* Выводы докладчика основаны на пользованіи 373-хъ больныхъ, къ которымъ было примѣнено 1946 сеансовъ гипноза. Докладчикъ пришелъ къ заключенію, что при лѣченіи хроническаго алкоголизма и запоя внушеніе въ бодрственномъ состояніи и въ гипнозѣ является могучимъ средствомъ, устраняющимъ тяжелые симптомы и облегчающимъ переходъ къ совершенному воздержанію.

Въ виду пагубнаго дѣйствія алкоголиковъ на общество и потомство, необходимо повсемѣстное открытіе амбулаторій для лѣченія алкоголизма внушеніемъ, на ряду съ которымъ слѣдуетъ примѣнять и другіе способы лѣченія, почему желательно имѣть при амбулаторіяхъ приспособленія для водолѣченія и электролѣченія. Успѣхъ лѣченія зависитъ отъ личности врача и его интереса къ дѣлу; неблагопріятная окружающая среда препятствуетъ успѣху лѣченія, поэтому слѣдовало бы устраивать общежитія для воздерживающихся отъ алкоголя фабричныхъ рабочихъ, способствовать поступленію лѣчащихся въ члены общества трезвости и учрежденію мѣстныхъ кружковъ трезвенниковъ. Прочной пользы отъ лѣченія внушеніемъ можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, когда алкоголикъ приступаетъ къ лѣченію добровольно и сознательно; такихъ больныхъ огромное множество; но все же остается еще большій контингентъ алкоголиковъ, непригодныхъ для амбулаторнаго лѣченія; для нихъ необходимы спеціальныя больницы и лѣчебныя колоніи. Докладчикъ считаетъ необходимымъ возбудить ходатайство передъ правительствомъ о предоставленіи извѣстнаго процента съ чистой прибыли отъ операцій по казенной продажѣ питей на повсемѣстное устройство лѣчебницъ, пріютовъ (колоній) и амбулаторій для алкоголиковъ.

Д-ръ А. Коровинъ (Москва). *Основные пункты психотерапіи при пользованіи алкоголиковъ въ спеціальномъ учрежденіи.* Докладчикъ, основываясь на своемъ обширномъ опытѣ завѣдующаго лѣчебницей для алкоголиковъ въ Москвѣ, пришелъ къ заключенію, что алкоголики, поступающіе въ лѣчебницу, представляютъ собою тяжелые случаи, которые до того безуспѣшно подвергались различнымъ методамъ лѣченія, какъ-то: стрихниномъ, *религіознымъ воздѣйствіемъ, гипнозомъ*; поэтому показаній ко *вторичному примѣненію гипноза* въ спеціальномъ учрежденіи не представляется, такъ какъ здѣсь проводится другого вида *психотерапія*, имѣющая цѣлью воздержаніе больного отъ алкоголя, въ силу его собственнаго желанія. Основные пункты этой психотерапіи слѣдующіе: а) ей предшествуетъ и сопутствуетъ физическое укрѣпленіе больного; б) непосредственное воздѣйствіе врача заключается: 1) въ облегченіи алкоголику перехода изъ свободной жизни въ строго опредѣленныя рамки учрежденія; 2) въ возстановленіи способности больного болѣе или менѣе нормально реагировать на явленія внѣшняго и своего внутренняго міра; 3) въ пробужденіи альтруистическихъ чувствъ, въ томъ числѣ и чувства

справедливости; 4) въ укрѣпленіи воли; 5) въ научномъ ознакомленіи съ вопросомъ объ алкоголизмѣ; в) душевная поправка требуетъ продолжительнаго, въ среднемъ, годового пребыванія въ лѣчебницѣ; г) воздѣйствіе врача распространяется на родственниковъ и близкихъ лицъ алкоголика. *Психотерапія*, по мнѣнію докладчика, въ ряду методовъ лѣченія тяжелыхъ случаевъ алкоголизма является *основнымъ методомъ*.

Прив.-доц. **Ѳ. Е. Рыбаковъ** (Москва). *Къ ученію о сущности гипноза.* Въ своемъ докладѣ авторъ развивалъ положеніе, что гипнотическое состояніе есть состояніе эмоціональное. Мы не передаемъ содержанія доклада болѣе подробно, такъ какъ онъ уже реферированъ въ нашемъ журналѣ.

Пренія по заслушаннымъ докладамъ происходили 5-го января, въ дневномъ засѣданіи, подъ руководствомъ почетнаго предсѣдателя проф. **Я. А. Анфимова**. Содержаніе преній мы передаемъ въ сжатой формѣ.

И. И. Ивановъ замѣтилъ, что лѣченіе алкоголиковъ гипнозомъ весьма старый методъ, которымъ многіе изъ присутствующихъ пользуются, конечно, десятки лѣтъ, тогда какъ опытъ докладчиковъ очень кратковременный, у одного изъ нихъ не превышаетъ года. Алкоголиковъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: для одной изъ нихъ возможно пользованіе амбулаторнымъ лѣченіемъ, для другой необходимо пользованіе въ спеціальной лѣчебницѣ, поэтому нельзя признать амбулаторное лѣченіе исключительно важнымъ вообще. Нельзя забывать другихъ методовъ лѣченія. Техника гипноза должна разрабатываться въ томъ направленіи, чтобы больные получали правильное понятіе о томъ, что глубина гипнотическаго сна часто не идетъ параллельно внушаемости, почему при легкомъ, неглубокомъ гипнозѣ получаются прекрасные результаты; при такой постановкѣ дѣла лѣченіе можетъ идти успѣшнѣе.

В. П. Осиповъ (С.-Петербургъ). Выводы докладчиковъ, видящихъ въ амбулаторномъ лѣченіи алкоголиковъ внушеніемъ самый совершенный способъ лѣченія страдаютъ односторонностью и неправильны, потому что есть рядъ алкоголиковъ, не поддающихся амбулаторному лѣченію, но съ успѣхомъ излѣчивающихся въ лѣчебницѣ. Д-ръ Пѣвницкій самъ дѣлаетъ шагъ къ лѣчебницамъ, признавая необходимость постоянныхъ кроватей при амбулаторіяхъ; вѣдь докладчикамъ приходилось отказывать въ лѣченіи многимъ больнымъ! 80% слишкомъ крупный %, никакъ нельзя его выводить на основаніи наблюденій въ теченіе $1^1/_2$ года; обычно *лѣчебницы* даютъ около 40% выздоровленій, изъ которыхъ многіе скоро рецидивируютъ. Наконецъ, не признавая стѣснительныхъ условій лѣчебницъ, д-ръ Пѣвницкій ставитъ больныхъ подъ условія надзора со стороны особо приставленныхъ къ нимъ лицъ.

Н. А. Сокальскій (Уфа). Признаетъ полезность амбулаторій, такъ какъ онѣ стоятъ дешево и даютъ хорошіе результаты; значеніе амбулаторій, главнымъ образомъ, нравственное, въ нихъ разъясняется больному значеніе алкоголизма, больные идутъ сюда въ извѣстной степени самовнушенія; нравственное вліяніе амбулаторіи важнѣе гипноза. Для борьбы съ алкоголизмомъ необходимо ограниченіе продажи вина.

Б. В. Томашевскій (С.-Петербургъ). Считаетъ непонятнымъ и неопредѣленнымъ заявленіе д-ра Рыбакова, что % выздоровленій алкоголиковъ колеблется отъ 20—70%. Далѣе, постельный режимъ при лѣченіи душевнобольныхъ не есть лучшій методъ лѣченія, а одинъ изъ методовъ, успѣшно примѣняемый къ извѣстной группѣ случаевъ.

Н. И. Григорьевъ (С.-Петербургъ). Обратилъ вниманіе, что при вычи-

сленіи $^0/_0$ излѣченія необходимо принимать во вниманіе соціальное положеніе алкоголиковъ, такъ какъ болѣе или менѣе благопріятное вліяніе среды, въ которой живетъ алкоголикъ, несомнѣнно отражается на успѣхѣ лѣченія.

А. Д. Коцовскій (Кишиневъ). При подведеніи итоговъ лѣченія необходимо принимать во вниманіе индивидуальность алкоголиковъ, такъ какъ алкоголь различно вліяетъ на различныхъ лицъ.

А. В. Герверъ (С.-Петербургъ). Лѣчебницы предпочтительнѣе амбулаторій, такъ какъ въ моменты взрывовъ влеченія къ алкоголю больные могутъ быть удержаны отъ пьянства, что не достигается при амбулаторномъ лѣченіи. Алкоголики, отрицательно относящіеся къ гипнозу, часто быстро и хорошо излѣчиваются и, наоборотъ, лица, засыпающія во время гипноза глубокимъ сномъ, нерѣдко лѣчатся безуспѣшно—громадное значеніе имѣетъ индивидуальность больныхъ.

Н. А. Вырубовъ (Воронежъ). Съ осени 1903 г. мною открыта амбулаторія для алкоголиковъ при Попечительствѣ о Народной Трезвости; результаты лѣченія вполнѣ благопріятны.

Проф. *А. В. Пель* (С.-Петербургъ). Судя по анализу мочи, алкоголики страдаютъ самоотравленіемъ организма, вслѣдствіе пониженнаго тканеваго дыханія (алкоголь—плазматическій ядъ). На это необходимо обращать вниманіе при лѣченіи алкоголиковъ.

А. А. Пѣвницкій. Методы гипноза должны быть разнообразны, нерѣдко можно пользоваться внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи; многое зависитъ отъ личности гипнотизирующаго. 80$^0/_0$ успѣшнаго лѣченія можно получить при существованіи постоянныхъ коекъ, такъ какъ 40—50$^0/_0$ даетъ одна амбулаторія, которая является самымъ практическимъ и дешевымъ способомъ лѣченія. Не лѣчимъ мы только тѣхъ, кто самъ этого не желаетъ. Постельный режимъ—лучшій способъ лѣченія при психозахъ истощенія, каковымъ является запой. При лѣченіи алкоголиковъ принимается во вниманіе наличность у нихъ аутоинтоксикаціи организма—имъ назначается водолѣченіе и вегетаріанскій режимъ.

Ѳ. Е. Рыбаковъ. Колебаніе $^0/_0$ выздоровленій отъ 25—75$^0/_0$ зависитъ отъ того, что разными авторами даются различныя цифры—это не мои результаты. Не могу согласиться съ тѣмъ, что комбинированное лѣченіе наилучшее; лѣченіе гипнозомъ даетъ болѣе успѣшные результаты, что объясняется недовѣріемъ больныхъ къ другимъ средствамъ.

М. С. Морозовъ (Новгородъ). Горячія рекомендаціи докладчиковъ способа амбулаторнаго лѣченія алкоголиковъ гипнозомъ встрѣтили много серьезныхъ возраженій, ограничивающихъ значеніе способа; желательно, чтобы Пироговскій Съѣздъ, къ голосу котораго весьма чутко прислушиваются, особенно въ провинціи, высказался опредѣленно по поводу разсматриваемаго метода, касающагося столь важнаго вопроса, какъ борьбы съ алкоголизмомъ.

Б. В. Томашевскій (С.-Петербургъ). По поводу предложенія д-ра Мендельсона о возбужденіи ходатайства объ отчисленіи $^0/_0$ на борьбу съ алкоголизмомъ, думаю, правильно ли пользоваться источникомъ, дающимъ значительный $^0/_0$ алкоголиковъ?

С. О. Ярошевскій (Самара). Центръ тяжести борьбы съ алкоголизмомъ заключается въ исключеніи алкоголя изъ источниковъ государственнаго дохода; всѣ другія мѣры лишь палліативы.

П. Я. Розенбахъ (С.-Петербургъ). Новостью въ амбулаторномъ лѣченіи

алкоголиковъ гипнозомъ является лишь массовое его примѣненіе, самый ж методъ примѣняется амбулаторно уже очень давно; результаты давнихъ наблюденій заслуживаютъ не меньшаго вліянія, чѣмъ непродолжительныя блюденія докладчиковъ. Самъ уже лѣтъ 15 лѣча алкоголиковъ гипнозомъ, я долженъ признать, что полное излѣченіе является исключеніемъ къ моей практикѣ, почему для меня совершенно непонятны 70—80% излѣченія, приводимые докладчиками, хотя д-ръ Пѣвницкій подъ успѣшнымъ лѣченіемъ подразумѣваетъ нѣчто иное, чѣмъ исцѣленіе. Переоцѣнки значенія амбулаторнаго лѣченія гипнозомъ нежелательны, какъ вообще нежелательно одностороннее освѣщеніе вопроса, необходимо имѣть въ виду и лѣчебницы, значеніе принудительнаго помѣщенія и др. вопросы. По поводу сообщенія д-ра Рыбакова о сущности гипноза, нельзя не замѣтить, что его положеніе, что гипнозъ есть эмоція, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; нѣтъ ни психическихъ, ни физіологическихъ данныхъ, указывающихъ, что загипнотизированное лицо испытываетъ душевное волненіе; эта неправильная точка зрѣнія возвращаетъ къ старому ошибочному взгляду на гипнозъ, какъ на патологическое состояніе.

П. А. Останковъ (С.-Петербургъ). Заявленія о блестящихъ успѣхахъ лѣченія алкоголиковъ гипнозомъ далеко не новы, громадные %% излѣченія объясняются увлеченіемъ, что всегда отмѣчалось; гипнозъ при лѣченіи алкоголиковъ уже давно примѣняется въ Петербургской клиникѣ на ряду съ лѣченіемъ другихъ больныхъ, однако никто не получалъ результатовъ аналогичныхъ результатамъ д-ра Пѣвницкаго, чрезмѣрно блестящіе результата докладчиковъ также объясняются увлеченіемъ, весьма понятнымъ при новизнѣ для нихъ этого дѣла.

П. М. Автократовъ (Варшава). Примѣненіе новыхъ способовъ всегда приводитъ къ увлеченію и къ ихъ переоцѣнкѣ; освободившись отъ увлеченія, мы видимъ совершенно иные результаты. Въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ я пользовалъ гипнозомъ около 100 алкоголиковъ; вполнѣ удачные результаты, въ смыслѣ полнаго излѣченія, получились только въ двухъ случаяхъ.

Б. И. Воротынскій (Одесса). Рядъ докладовъ по вопросу о лѣченіи алкоголиковъ доказываетъ, что борьба съ алкоголизмомъ необходима и неотложна. Борьба путемъ амбулаторнаго лѣченія гипнозомъ имѣетъ значеніе уже потому, что она легко выполнима и не требуетъ денежныхъ затратъ; о результатахъ высказываться еще преждевременно.

Н. В. Краинскій (Вилейка). Неправильно сводить сущность неизвѣстнаго явленія на воздѣйствіе эмоціи, какъ дѣлаетъ это д-ръ Рыбаковъ, такъ какъ и сущность эмоцій въ современной психофизіологіи представляется неизвѣстной; цѣнность положеній обусловливалась бы опредѣленіемъ эмоціи, но этого опредѣленія докладчикъ не даетъ. Если признать необходимую связь между гипнозомъ и эмоціей, то скорѣе обратную, такъ какъ условіемъ для приведенія субъекта въ гипнотическое состояніе является покой и устраненіе эмоціи.

Проф. *Я. А. Анфимовъ* (Харьковъ). Не признаетъ возможнымъ объяснять гипнотическое состояніе эмоціей.

Д-ръ *П. П. Викторовъ* (С.-Петербургъ). Сказать, что гипнозъ есть эмоція, еще не значитъ объяснить сущность гипноза; тѣмъ не менѣе сближеніе гипнотическаго состоянія съ эмоціональнымъ очень важно, такъ какъ ставитъ гипнозъ въ опредѣленный разрядъ психофизіологическихъ явленій; справедливость положенія доказывается тѣмъ, что эмоція сама по себѣ можетъ гипно-

тизировать, напр.: эмоція страха; гипнотическая эмоція есть эмоція астеническаго, паралитическаго характера, по отношенію къ центрамъ самодѣятельности и воли. Нельзя признать, что мысль о сближеніи гипнотическаго состоянія съ эмоціональнымъ принадлежитъ д-ру Рыбакову, а онъ не указываетъ антецедентовъ: уже Брэдъ говоритъ о настроенности гипнотиковъ на эмоціональный ладъ; описанія Шарко и Рише не что иное, какъ изображенія гипно-эмоціональныхъ состояній (Les démoniaques dans l'art); сюда же относятся и описанія Сурio (Suggestion dans l'art).

По окончаніи преній, отдѣлъ постановилъ, что *амбулаторное лѣченіе алкоголиковъ гипнозомъ можетъ быть рекомендовано, какъ одно изъ средствъ борьбы съ алкоголизмомъ.* *В. Осиповъ.*

IV. Письмо въ редакцію.

Примѣрный вопросникъ для собиранія матеріала по генетической психологіи.

Юность и ея физическія и моральныя особенности.

Каждое лицо въ возрастѣ отъ 12 до 25 лѣтъ, которому попадется этотъ вопросникъ, просятъ оказать помощь въ этомъ, весьма важномъ дѣлѣ и, по прочтеніи предложенныхъ здѣсь вопросовъ, написать въ отвѣтъ на нихъ какіе-нибудь факты изъ собственной жизни, или же наблюденія надъ постороннимъ лицомъ. Именъ сообщать не нужно. Изслѣдованіе, предпринимаемое нижеподписавшимся, зависитъ вполнѣ отъ содѣйствія тѣхъ, кто получитъ эту бумагу, но мы думаемъ, что и для тѣхъ, кто потрудится намъ отвѣтить, эта работа не будетъ безполезной въ смыслѣ пріобрѣтенія самопознанія. Лицамъ, давшимъ полные отвѣты на всѣ вопросы, будутъ по первому ихъ требованію высланы отчеты, сейчасъ же по напечатаніи. Учителей и родителей тоже просятъ сообщать свои наблюденія или воспоминанія. Если для кого нибудь окажется невозможнымъ дать отвѣты на всѣ вопросы, то пусть то лицо отвѣтитъ хотя бы на нѣкоторые изъ нихъ. Наблюденія, не предусмотрѣнныя въ вопросникѣ, просятъ тоже сообщать.

I. Природа. Возросла-ли въ васъ потребность къ уединенію и обществу собакъ, лошадей, ягнятъ, созерцанію деревьевъ, лѣса, неба, звѣздъ, облаковъ, луны, вѣтра; развилась ли любовь къ цвѣтамъ, игрѣ красокъ, ароматамъ, пѣнію птицъ: Какъ измѣнились ваши чувства по отношенію къ природѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ?

II. Искусство. Какія чувства возбуждаютъ въ васъ произведенія живописи или вообще картины, если онѣ васъ интересуютъ? Интересуетесь ли вы ими теперь больше, или же этотъ интересъ измѣнилъ свой характеръ? Какія новыя впечатлѣнія даетъ вамъ музыка? Чувствуете ли вы ее сильнѣе и измѣнился ли вашъ вкусъ? Не измѣнилось ли ваше отношеніе къ архитектурѣ, драмѣ и т. д.? Не намѣрены ли вы избрать какую-нибудь артистическую карьеру?

III. Литература. Какое измѣненіе отмѣтите вы въ своемъ чтеніи? Какихъ новыхъ авторовъ, какихъ поэтовъ, новеллистовъ, историковъ, біографовъ, ораторовъ, какія описанія путешествій вы предпочитаете? Писали ли вы когда-нибудь стихи или другого рода литературныя произведенія? Распространитесь объ этомъ подробнѣе. Какая литература и какой характеръ произведеній дѣйствуютъ на васъ всего сильнѣе?

IV. **Наука.** Интересуетесь ли вы теперь больше ботаникой, зоологіей, физіологіей, астрономіей, химіей, геологіей, физикой и другими естественными науками? Отмѣтьте нѣкоторыя подробности.

V. **Ощущенія и мысли.** Стали ли ваши чувства острѣе, проницательнѣе (wider ranged.? Сдѣлались ли они болѣе сосредоточенными? Не замѣчается ли перехода отъ ощущеній къ мыслямъ; отъ настоящаго къ будущему; отъ близкаго къ далекому? Какія новые *идеалы*, отвлеченные или личные, возникаютъ у васъ?

VI. **Языкъ.** Легче ли или труднѣе вамъ высказываться и не испытываете ли вы чувства неувѣренности, связанности? Легче-ли или труднѣе говорить правду?

VII. **Философія и т. д.** Помогло ли вамъ лично когда нибудь какое-нибудь философское, психологическое, эстетическое или логическое ученіе? Если да, то какія именно идеи и какимъ образомъ? Способствовали ли онѣ возникновенію или же исчезновенію сомнѣній?

VIII. **Религія.** 1) Не чувствуете ли вы большей наклонности къ молитвѣ? чтенію Писанія, гимновъ, посѣщенію церкви, исповѣди, религіозныхъ собраній и не замѣчаете ли вы въ себѣ новыхъ чувствъ по отношенію къ Богу и Іисусу Христу? 2) Нѣтъ-ли новыхъ стремленій къ исполненію долга, отдаванію свидѣтельскихъ показаній, къ религіозному воздѣйствію на другихъ, къ миссіонерской дѣятельности? 3) Не возникали ли у васъ сомнѣнія, вопросы; не чувствовалась ли потребность въ новомъ обоснованіи вѣры или не желали ли вы религіозныхъ испытаній? На все это отвѣтьте какъ можно полнѣе.

IX. **Мораль и привычки.** Какія новые моральные мотивы, побужденія и т. п. замѣчаете вы въ себѣ и какъ вы къ нимъ отнеслись? Не испытывали ли вы внезапнаго сознанія правоты или неправоты, не замѣчали ли болѣе глубокаго пониманія того и другого въ себѣ и другихъ? Не предавались ли вы угрызеніямъ совѣсти и моральному страху? Не налагали ли на себя добровольной эпитиміи? Какъ измѣнились ваши манеры, одежда и т. д.?

X. **Самодовольство или подавленность.** Бывали ли у васъ моменты отчаянія, меланхоліи, чувства грѣховности или сознанія недостойности, соединеннаго, можетъ быть, съ мимолетной мыслью о смерти или самоубійствѣ Если да, то напишите искренно и откровенно причины такого состоянія, способы лѣченія и т. д. 2) Бываютъ ли у васъ періоды радости, подъема духа, чувства безпричиннаго счастья? 3) Какъ обыкновенно видоизмѣнялись ваши чувства въ смыслѣ ихъ характера, интенсивности, переходовъ, направленія и пр.? Обратите особое вниманіе на чувства *гнѣва*, *гордости* и *страха*.

XI. **Энергія и дѣятельность.** Не переживали ли вы періодовъ безсилія, инертности, умственной и физической лѣни; медлительности въ игрѣ или занятіяхъ въ связи съ значительной степенью равнодушія къ работѣ или исполненію долга? 2) Не было ли у васъ моментовъ необычной активности, рвенія, энергіи подъема работоспособности и интереса и т. п.?

XII. **Эгоизмъ и альтруизмъ.** 1) Замѣчается ли въ васъ развитіе снисходительности къ себѣ, эгоизма, чувства самосохраненія? 2) Или же, наоборотъ, въ васъ преобладаетъ преданность къ извѣстнымъ лицамъ или дѣлу, соединенная со стремленіемъ къ самопожертвованію?

XIII. **Будущность.** Намѣтили ли вы себѣ какую-нибудь карьеру, планъ жизни, призваніе, ремесло и т. п.?

XIV. **Родной домъ.** Не уменьшилась ли для васъ притягательная сила роднаго дома и не чувствуете ли вы стремленія быть внѣ его, уйти куда-нибудь подальше, самостоятельно пробить себѣ дорогу, завязать новыя знакомства, пріобрѣсти новыхъ друзей? Покинули ли бы вы свой домъ на нѣкоторое время?

XV. Родители и семья. Не замѣчаете ли вы ослабленія родительскаго вліянія? Какую разницу отмѣтите вы въ своихъ отношеніяхъ къ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ и другимъ родственникамъ? Родительскій авторитетъ, наказанія?

XVI. Школа. Не было ли у васъ желанія покинуть школу, перемѣнить предметъ занятій или учителей, наклонности отрицать авторитеты; или въ васъ развилась способность глубже вникать въ учебный предметъ, глубже чувствовать наказанія и лучше воспринимать дисциплину?

XVII. Друзья. Дружились ли вы со старшими или съ младшими? Довѣріе, симпатія, старинные друзья? Измѣнилась ли ваша дружба, глубже ли она?

XVIII. Любовь. Какъ измѣнилось ваше чувство по отношенію къ другому полу? Относилась-ли ваша первая любовь къ реальному лицу? Было-ли это лицо старше васъ, идеализировали-ли вы его, какъ долго продолжалось это чувство, какъ оно выражалось? Опишите позднѣйшіе случаи.

XIX. Общее состояніе здоровья въ прошедшемъ и настоящемъ. Если ваше здоровье неудовлетворительно, то въ какомъ отношеніи; каковы глаза, нервы, голова, желудокъ и т. д.? Чувствуете ли вы наклонность ко сну, дремотѣ или любовь къ пищѣ?

XX. Общій ростъ. Когда вы достигли наибольшаго роста въ вышину и наибольшей прибавки въ вѣсѣ? Хорошимъ или разстроеннымъ состояніемъ здоровья сопровождался періодъ наибольшаго роста? Дайте нѣкоторыя подробности, какъ-то насколько, гдѣ, какъ долго и т. д.

XXI. Сила, активность, функціи. Какія измѣненія въ силѣ рукъ, ногъ, плечъ, легкихъ вы можете отмѣтить? Гимнастика, работа, игры и спортъ?

XXII. Измѣненія фигуры и лица. Измѣнились ли ваши подбородокъ, скулы, брови, носъ, бюстъ, волосы и если да, то какъ именно? Измѣнилось ли выраженіе лица? Новое сходство? Съ кѣмъ?

XXIII. Голосъ. 1) Когда началось у васъ ломаніе голоса? 2) Какъ и въ какомъ порядкѣ происходило измѣненіе; продолжались ли при этомъ голосовыя упражненія; какія средства противъ этого вы пробовали? 3) Какъ долго продолжалось переходное время? Дайте всѣ, стоющія вниманія, подробности. Что думали и говорили объ этомъ ваши друзья?

XXIV. Разныя подробности. Измѣненіе въ инстинктахъ: a) стремленіе къ власти и независимости или паразитизмъ; b) желанія, мечты, грезы c) новыя, специфически наслѣдственныя черты; d) мимолетные преступные мысли или импульсы; e) соперничество, ревность, мужество; f) стремленіе къ переработкѣ самого себя, другихъ, религіи, государства, общества и т. д.; g) наклонность къ изобрѣтательности; h) не проявляются ли въ васъ мимолетно и кратковременно дѣтскія черты характера или же особенности зрѣлаго возраста; въ привлекательныхъ или отвратительныхъ краскахъ рисуется вамъ состояніе старческаго возраста?

При отвѣтахъ необходимо сообщать свѣдѣнія о возрастѣ, полѣ и національности.

Стэнли Холлъ, Президентъ Кларкскаго университета.

От редакціи. Этотъ вопросникъ представляетъ собою переводъ того текста, который былъ присланъ Ст. Холломъ одному изъ русскихъ психологовъ, съ просьбой воспользоваться имъ для собиранія матеріала въ Россіи по вопросу о психологіи юности. Печатая этотъ вопросникъ, редакція проситъ всѣхъ лицъ, которыя пожелали бы на него откликнуться, посылать свои отвѣты на имя А. П. Нечаева, въ лабораторію Экспериментальной Педагогической Психологіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, 10).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

XII г. „ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ,“ 1904 г.

ИЗДАВАЕМЫЙ ГЛАВНЫМЪ ТЮРЕМНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

Журналъ «Тюремный Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книжками отъ 3 до 5 листовъ и имѣетъ цѣлью: а) ознакомленіе тюремныхъ дѣятелей съ новѣйшими мѣропріятіями какъ отечественными, такъ и иностранными, по тюремному дѣлу вообще, а также съ послѣдними данными, разработанными наукой тюрьмовѣдѣнія, б) обобщеніе практической дѣятельности тюремныхъ учрежденій, исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и учрежденій тюремно-благотворительныхъ и попечительныхъ какъ о заключенныхъ, такъ и объ освобождаемыхъ изъ подъ стражи, в) предоставленіе практическимъ тюремнымъ дѣятелямъ обмѣна мнѣній по вопросамъ, относящимся къ устройству тюремъ, организаціи арестантскаго труда, тюремныхъ чтеній и обученія, содержанія заключенныхъ, призрѣнія больныхъ и дряхлыхъ арестантовъ и ихъ дѣтей, организаціи патроната, воспитанія порочныхъ дѣтей и проч. и г) распространеніе свѣдѣній объ арестантскихъ работахъ и издѣліяхъ.

Подписная плата 5 руб. за годъ и **3** руб. за полъ-года съ доставкой и пересылкой. За-границу **7** руб. за годъ и **4** руб. за полъ-года. Отдѣльныя книжки продаются по **50** коп. съ платою за пересылку по разстоянію.

Перемѣна адреса 60 коп.

Объявленія за строку **35** коп., за страницу **10** руб. и за полъ-страницы **6** руб.—за одинъ разъ. Объявленія на внѣшней задней страницѣ обложки—**20** руб. за полную страницу и **12** руб. за полъ-стран. Объявленія на весь годъ или на полъ-года, при условіи уплаты за все время впередъ, оплачиваются со скидкой не свыше 20% по соглашенію. Отдѣльныя объявленія разсылаются на условіяхъ, опредѣляемыхъ соглашеніемъ съ редакторомъ. Книжные магазины и другія торговыя заведенія за пріемъ объявленій пользуются скидкой не свыше 10%.

Авторы присылаемыхъ для помѣщенія въ журналѣ статей, замѣтокъ, матеріаловъ и проч. приглашаются сообщать редакціи свое имя, отчество и фамилію, а также мѣстожительство, съ указаніемъ, желаютъ-ли они помѣстить свое произведеніе за полной своей подписью, подъ иниціалами или подъ избраннымъ ими псевдонимомъ.

Рукописи принимаются написанными или переписанными разборчиво и четко.

Размѣръ гонорара опредѣляется по слѣдующему разсчету: за печатную страницу: 2 руб. за оригинальныя статьи, 1 руб. 50 к. за переводы, извлеченія и компиляціи. Произведенія, размѣромъ менѣе страницы оплачиваются отъ 3 к. до 5 к. за строку по усмотрѣнію редактора.

Редакторъ **Д. Ф. ОГНЕВЪ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (Греческій просп., 23), въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К° (Б. Морская, 11) и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40); въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К° (Мясницкая, домъ Сытова).

I. Оригинальныя статьи.

Психогенезисъ внѣшняго міра.

Проф. Е. А. Боброва.

1. Вопросъ о внѣшнемъ мірѣ есть одинъ изъ основныхъ вопросовъ всей философіи; понятіе внѣшняго міра лежитъ въ сопредѣльной области психологіи, метафизики и гносеологіи: въ каждой изъ этихъ наукъ оно разсматривается съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ отношеніяхъ. Слѣдуя завѣту великаго основателя психологіи Джона Локка и держась его «историческаго метода» (какъ онъ самъ его называетъ), мы въ предстоящемъ изслѣдованіи будемъ оставаться въ области психологіи и ставимъ себѣ цѣлью не что иное, какъ возстановить *исторію* или психогенезисъ понятія внѣшняго міра; другими словами, мы желаемъ выяснить себѣ тотъ путь, какимъ разумъ нашъ приходитъ къ признанію какого-то «нѣчто», которое лежитъ внѣ моей души или моего «я»,—и опредѣлить тѣ психическіе элементы, изъ которыхъ это понятіе внѣшняго міра создается нашимъ мышленіемъ. Для выясненія эволюціи и, такъ сказать, эмбріологіи понятія внѣшняго міра мы воспользуемся въ качествѣ предварительныхъ понятій категоріями *единаго* и *многаго*.

2. Въ своей книгѣ «Бытіе индивидуальное и бытіе координальное» мы представили психогенезисъ или психологическую исторію происхожденія категорій единаго и многаго (индивида и координаціи). Законъ эмпирической психологіи о нераздѣльности и неслiянности актовъ сознанія получаетъ въ этихъ двухъ категоріяхъ свое наивысшее философское толкованіе. Всякій элементъ сознанія остается тождественнымъ самъ собою и самобытнымъ, отнюдь не смѣшиваясь съ другими элементами. Но онъ же не можетъ проявляться одинъ, самъ по себѣ, безъ другихъ. Никакой элементъ сознанія не можетъ существовать внѣ общей психической связи сознанія, внѣ души, которой онъ принадлежитъ. Все это — факты непосредственнаго опыта, непосредственнаго сознанія, факты, наличность которыхъ и констатируется упомянутымъ закономъ нераздѣльности и неслiянности. Въ непосредственномъ сознаніи самобытные элементы переживаются нами не иначе, какъ въ ихъ связности и нераздѣльности. Но въ мышленіи эти же самые элементы могутъ быть какъ бы отвлекаемы, изъемлемы, выхватываемы изъ ихъ непосредственной, реальной психической ко-

ординаціи и изъ хронологической связи — одномоментальности и послѣдовательности. Въ мысли, группирующей свои объекты по *логическимъ* (а не хронологическимъ) основаніямъ, элементы сознанія могутъ быть соединяемы въ свои, особенныя комбинаціи, независимо и отъ первоначальной, живой ассоціаціи этихъ элементовъ съ другими, и отъ проявленія этихъ элементовъ въ тотъ или другой моментъ времени.

Понятіе *индивидуальнаго бытія* символизируетъ собою то свойство живого, непосредственнаго сознанія, что оно можетъ быть (не забудемъ: въ мысли) представляемо разложеннымъ и разъединеннымъ, а каждый элементъ его—единымъ по себѣ и обособленнымъ.

Понятіе *координальнаго бытія* показываетъ, что сознаніе, не смотря на способность мышленія отвлеченно разлагать и расчленять его, остается по себѣ всетаки полнымъ и живымъ бытіемъ, и что всѣ отдѣльные элементы психически-реально связаны во-едино, въ единое сознаніе или въ одну душу.

Такимъ образомъ: многаго нѣтъ безъ единаго или безъ единицъ (индивидовъ), изъ которыхъ это многое состоитъ, и которыхъ совокупность или координацію оно собою составляетъ. Но и единаго нѣтъ безъ многаго или безъ многихъ другихъ единицъ, безъ координаціи: единое проявляется и реально существуетъ въ сознаніи только въ координаціи со многими другими едиными (индивидами), съ другими элементами сознанія; индивидъ не бываетъ безъ или внѣ координаціи. Индивидъ и координація—понятія *соотносительныя* (коррелятивныя),—понятія, которыя возникаютъ отнюдь не порознь другъ отъ друга но всегда порождаются разумомъ вмѣстѣ и на-ряду другъ съ другомъ. Одного понятія нельзя употреблять, не вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ и другого.

И безъ понятій индивидуальнаго и координальнаго (общаго) мы ничего не можемъ понять и объяснить ни въ душѣ, ни въ мысли. Все, что̀ появляется въ сознаніи, все, что̀ есть, что̀ существуетъ, есть бытіе — и притомъ, либо бытіе индивидуальное, либо бытіе координальное.

3. Мысль разъединяетъ или выхватываетъ въ отвлеченіи отдѣльные элементы сознанія и поставляетъ ихъ въ новыя взаимоотношенія; она творитъ изъ нихъ свои особенныя, еще небывалыя единства. Своею характеристикою дѣятельность мысли вообще имѣетъ: *разъединеніе* и *соединеніе*. Если одною соотносительною точкой принять живое сознаніе въ его реальной совокупности и ненарушимой цѣлости (причемъ, однако, каждый элементъ сознается особенно), т. е. другими словами, если возьмемъ *бытіе*, а въ качествѣ второй соотносительной точки возьмемъ самое мышленіе—либо со стороны его способности къ разъединенію, либо со стороны его свойства группировать разъединенные-было in abstracto элементы новыми способами, по своему, то мы сразу получимъ два *корреллятивныя* понятія: въ первомъ случаѣ—*индивидуальное бытіе*, а во второмъ—*координальное бытіе*.

Чрезъ частое употребленіе и примѣненіе эти двѣ категоріи разума, подобно всѣмъ прочимъ, легко эмансипируются отъ своихъ первоначальныхъ пси-

хическихъ корней и получаютъ значеніе общее, абстрактное. Ихъ психогенезисъ утрачивается и подвергается забвенію; такъ бываетъ и съ исторіею всѣхъ наивысшихъ категорій, способъ выработки которыхъ возстановляется лишь усиліями философскаго анализа.

4. Чтобы подготовить болѣе обширное, *общефилософское* примѣненіе категорій индивида и координаціи, надо сначала пересмотрѣть всѣ случаи ихъ употребленія въ сферѣ ихъ зарожденія, въ сферѣ чисто-*психологической.*

I. Всѣ отдѣльные *элементы*, сразу нами сознаваемые, координованы въ единство *момента* сознанія или одного «теперь».

II. Всѣ отдѣльные *моменты* сознанія или отдѣльныя «теперь» координованы въ единство *ряда* или единой, длящейся душевной жизни (единаго «потока сознанія» или индивидуальной исторіи).

III. Отдѣльное, самобытное, непосредственно сознаваемое «я» координовано въ каждомъ моментѣ сознанія—со всѣми наличными своими функціями, или со всѣми прочими элементами сознанія, которые вмѣстѣ съ этимъ «я» составляютъ данный моментъ или данное «теперь».

IV. «Я» *внѣ* моментовъ времени и внѣ всего ряда этихъ моментовъ *безвременно* координовано со всѣми своими актами, какіе появлялись, появляются и могутъ еще появиться въ его жизни, въ различные моменты времени. Эта координація «я» со всѣми его наличными, и прошлыми, и возможными функціями или абстрактная сумма всѣхъ возможныхъ актовъ сознанія именуется *душою* (или индивидуальнымъ понятіемъ).

V. Отдѣльные элементы непосредственнаго сознанія координуются въ единство *образа*: а) образа простого (представленія), б) образа фантазіи, в) образа эстетическаго или художественнаго.

VI. Отдѣльные элементы сознанія, какъ первичнаго, такъ и вторичнаго, соединяются въ единства логическія или *понятія*.

VII. Отдѣльныя понятія въ свою очередь могутъ въ мышленіи вновь групироваться между собою — и по приложеніи къ нимъ новыхъ точекъ зрѣнія, образовывать новыя понятія высшаго порядка.

Таковы всѣ возможные случаи *психологическаго* примѣненія категорій индивидуальнаго и координальнаго.

Индивидуальными полагаются въ мышленіи:

I) «я» или непосредственное самосознаніе.

II) всякій элементъ сознанія по отношенію: а) къ «я», которому онъ принадлежитъ, б) къ себѣ подобнымъ, другимъ элементамъ, в) къ единству момента (ассоціаціи), г) къ цѣлокупной душѣ.

III) Всякій элементъ непосредственнаго сознанія по отношенію къ единству образа, куда онъ входитъ, какъ деталь.

IV) Всякій элементъ и непосредственнаго, и опосредствованнаго сознанія по отношенію къ единству понятія, при построеніи котораго онъ послужилъ матеріаломъ.

V) Всякое отдѣльное понятіе по отношенію къ высшему понятію, при генезисѣ котораго оно было либо одною изъ соотносительныхъ точекъ, либо точкою зрѣнія.

Координальное примѣняется, какъ:

I) единство момента сознанія (момента времени или одного «теперь»);

II) единство «потока сознанія», или единство ряда моментовъ сознанія (единство душевной жизни въ ея протяженіи);

III) душа;

IV) единство образа;

V) единство понятія.

5. Не забудемъ, что при всѣхъ указанныхъ случаяхъ примѣненія категорій индивидуальнаго и координальнаго—мы вращаемся все лишь въ области *психологіи*, т. е. мы не выходимъ за предѣлы собственной души и не касаемся ничего, что̀ лежало бы внѣ души.

Въ этомъ высокомъ значеніи психологіи, какъ пропедевтики или «органона» для онтологіи (иначе называемой первой философіи), и заключается характерная особенность философіи новаго времени или философіи *критической*, которая со времени Декарта единственное непоколебимое бытіе признала въ сознаніи философомъ своего «я». Прежняя идеалистическая или универсалистическая метафизика, игнорируя живую, индивидуальную душу, искала подлиннаго бытія прямо въ мірѣ, стремилась выдѣлить изъ міра лежащую въ глубинѣ его субстанцію, какъ идею или міровую сущность. Критическая метафизика, основываясь на предварительномъ анализѣ знанія и убѣдившись въ несостоятельности идеализма, отказывается отъ тщетныхъ мечтаній вызнать субстанцію въ мірѣ, но возвращается къ единственному живому и реальнаго источнику всяческаго, къ «я» съ его функціями, къ душѣ. Такимъ образомъ психологія, какъ наука о душѣ, и дѣлается краеугольнымъ камнемъ всей философіи. А то, что̀ *не* есть «я» или наша душа,—то, что̀ существуетъ *помимо* и *кромѣ* него, или, какъ мы привыкли выражаться въ философіи, «*внѣ*» «я», т. е. такъ называемый «внѣшній міръ» (міръ трансcубъективный, лежащій за предѣлами субъекта), этотъ міръ можетъ быть познанъ, только исходя изъ единственнаго твердаго нашего опорнаго пункта, изъ «я». По естественному порядку въ познаніи мы, переходя отъ болѣе извѣстнаго (a certioribus) къ менѣе извѣстному, должны имѣть точку опоры и, установившись на ней прочно, можемъ идти въ познаніи далѣе: а что̀ же можетъ быть намъ ближе и лучше извѣстно, какъ не наше собственное «я»?

Итакъ, изъ познанія «я» и его актовъ, т. е. изъ познанія души, изъ психологіи долженъ исходить въ своемъ познаніи всякій критическій философъ. Психологія въ естественномъ порядкѣ философскихъ дисциплинъ (φύσει) предшествуетъ «первой философіи» или онтологіи.

Теперь, когда мы уже изучили психологическое примѣненіе категорій индивида и координаціи, когда мы опредѣлили ихъ значеніе для изученія

души, можемъ мы съ увѣренностью, и стоя на незыблемой точкѣ зрѣнія, слѣдить за дальнѣйшей судьбой нашихъ двухъ категорій, за тою ролью, какую онѣ играютъ въ общей исторіи человѣческаго знанія.

6. Мы отказались отъ догматическаго, докритическаго лжезнанія внѣшняго міра. Мы осторожно и предусмотрительно пріостановились въ преддверіи истинной и научной философіи; мы занялись сначала изученіемъ «самого себя», своей души. Но какъ же намъ двинуться въ философіи дальше? Какъ намъ выступить изъ предѣловъ своей души, какъ переступить эти границы—и перейти къ изученію міра «не-я», міра транссубъективнаго? Первое требованіе критики: изучить сначала то, что намъ ближе, доступнѣе, а именно, свою душу, нами выполнено. Но какъ поступать далѣе? Какъ начать познавать внѣшній міръ уже не догматически, но научно-философски, удовлетворяя требованіямъ критики въ безупречной степени?

Вотъ фатальный вопросъ для всякой критической философіи. Какъ отъ «я», отъ души, перейти къ міру и къ «не - я»? Гдѣ мостъ, соединяющій эти два рода бытія—душу и міръ? Что такое этотъ внѣшній или транссубъективный міръ? Точно ли еще существуетъ таковой? Почему и какъ мы объ немъ знаемъ? Откуда и какимъ образомъ возникаетъ у насъ въ душѣ самое понятіе «не-я» или идея, кромѣ субъективнаго міра? Вотъ тотъ порогъ, передъ которымъ въ смущеніи и робко останавливается философъ, твердо усвоившій себѣ пріемы философской критики и добросовѣстно желающій имъ слѣдовать...

7. Передъ этимъ роковымъ порогомъ, къ внѣшнему міру—среди кружка философовъ, доселѣ единодушныхъ, пока дѣло шло объ отверженіи догматическихъ предразсудковъ и о необходимости душу изучить ранѣе, чѣмъ внѣшній міръ, обнаруживается довольно рѣзкое разномысліе. Одни желаютъ быть людьми положительными (*позитивными*): имъ надоѣла всякая діалектика, какъ пустая и безрезультатная игра въ понятія—и они уже и слышать не хотятъ ни о какой метафизикѣ. Пора же наконецъ перестать терять время и силы, тѣшить себя фантазіями! Нужно заняться дѣломъ и настоящею наукой, т. е. эмпиріею: здѣсь, по крайней мѣрѣ, *факты* и точные методы; здѣсь можно предметъ посмотрѣть, понюхать, взять въ руки, взвѣсить, измѣрить и т. д. Строгіе методы и тщательно провѣренные факты, да безпристрастное, свободное отъ метафизическихъ бредней сужденіе здравомыслящаго ученаго дадутъ въ концѣ концовъ безупречно-критичное познаніе того, что *возможно* познать. Того же, что познать невозможно, т. е. сущности вещей въ мірѣ, и касаться нечего.

Здѣсь конецъ и гибель философіи, изъ которой терпимою остается одна лишь психологія,—да и та лишь постольку, преимущественно, посколько къ ней приложимы методы наблюденія и опыта.

8. Философъ можетъ поступить столь же рѣшительно, но только въ другую сторону. Можно, оставаясь въ предѣлахъ души или собственнаго своего сознанія, вовсе не выходить въ своемъ познаніи за эти предѣлы,—а просто

объявить внѣшній міръ *не существующимъ*, т. е. начисто отвергнуть бытіе чего бы то ни было, *внѣ* моего сознанія, отвергнуть все, кромѣ своего «я», кромѣ своей души. Если за предѣлами души *ничего* нѣтъ, тогда, значитъ, и переходить *некуда* и незачѣмъ. Тогда нечего познавать *внѣ* нашего сознанія—и всѣ трудности проблемы упразднены однимъ почеркомъ пера, какъ нѣкогда запутанный узелъ Гордіевой колесницы распался отъ одного взмаха остраго оружія. Но что было умѣстно въ солдатѣ и въ цѣляхъ покоренія всей Азіи, окажется ли удобнымъ для философа при рѣшеніи вопроса о внѣшнемъ мірѣ?

9. Мы изобразили точку зрѣнія *солипсизма* или *эгоизма*, какъ его называли въ XVIII в. (ego, solus, ipse). Солипсизмъ не признаетъ иного бытія, кромѣ «я», кромѣ *моего* сознанія—и есть одна изъ самыхъ «страшныхъ» философскихъ ересей. И въ философіи, несмотря на всю ея кажущуюся безобидность, есть свои страхи и ужасы, передъ которыми цѣпенѣютъ и трепещутъ смѣлѣйшіе философы. Но самый этотъ непреодолимый страхъ не указываетъ ли на чрезвычайную крѣпость и неприступность философской позиціи солипсизма? И точно: солипсизмъ боятся признавать, боятся даже подпасть подъ одно только подозрѣніе въ солипсизмѣ; философы *спѣшатъ* признавать внѣшній міръ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій откидываютъ солипсизмъ, какъ міровоззрѣніе ошибочное. Но былъ ли хоть кѣмъ нибудь солипсизмъ философски-критически опровергнутъ? Сознавая свое безсиліе, *Шопенгауеръ* считаетъ солипсизмъ за болѣзнь и предлагаетъ солипсистовъ, буде гдѣ таковые окажутся, лечить въ психіатрическихъ больницахъ. Но вѣдь ругательство и насмѣшка не есть еще доказательство.

10. Желаніе во что бы то ни стало сохранить внѣшній міръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставить за собою и критическую точку зрѣнія—приводитъ къ компромиссу. Проводится рѣзкая и ничѣмъ не заполнимая грань или ровъ между «я» и душой,—съ одной стороны,—и міромъ, съ другой. «Я»—де само по себѣ, а вещи внѣшняго міра опять-таки сами по себѣ. То, что примѣнимо къ душѣ, *непримѣнимо* къ міру внѣшнихъ вещей. Категоріи, имѣющіяся въ душѣ, не обладаютъ значеніемъ для трансcубъективнаго міра.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что такой разрывъ между душой и міромъ обусловливается, между прочимъ, еще и тѣмъ, что «внѣшній» міръ у философовъ этой школы понимается исключительно, какъ міръ *матеріальный*, міръ тѣлесный. Эта матеріализація внѣшняго міра есть безсознательная (хотя и непростительная) уступка грубо-наивному, до-научному пониманію людей,—уступка, для «критическаго» философа ничѣмъ не объяснимая — тѣмъ болѣе, что для нея нѣтъ не только никакой логически-принудительной необходимости, но даже нѣтъ и вовсе никакого основанія. Критическая философія въ правильномъ ея развитіи, какъ мы увидимъ ниже (§ 26), даетъ переходъ не отъ души къ бездушнымъ кускамъ матеріи и къ тѣламъ, но отъ души къ *душамъ* же.

Разъ сбившись на пути критической методы, характеризуемая нами школа

попадаетъ, какъ и нужно было ожидать, въ дальнѣйшія трудности, а именно: приходится разыскивать пропавшую душу. Сама же эта школа матеріализовала внѣшній міръ, сама противопоставила душѣ, своему «я»—матеріальныя внѣшнія вещи; а потомъ спохватываются, что, допуская уже разъ внѣшній міръ вообще, мы кромѣ тѣлъ, допускаемъ въ томъ числѣ вѣдь и чужія, другія души, съ какими встрѣчаемся и какія принимаемъ въ не провѣренномъ философскою критикой опытѣ. Да гдѣ же души? Ихъ не видно за тѣлами! И приходится идти на поиски вчерашняго дня, т. е. искать то, что̀ у насъ уже было въ рукахъ, но что̀ мы утратили — и безвозвратно! Дѣйствительно, сойдя съ колеи строгаго критицизма и угрязши въ наивномъ матеріализмѣ, мы никакъ не можемъ разыскивать иныя души, кромѣ собственной (ищущей и ничего не обрѣтающей)... Мы напрасно пытаемся одухотворить и одушевить внѣшній міръ, который мы сами же умертвили. Мы не можемъ вдохнуть души въ безжизненныя тѣла...

11. Оторвавши отъ души внѣшній міръ, сдѣлавши его тѣлеснымъ и матеріальнымъ, заблудшій критицизмъ отвергаетъ примѣнимость категорій, имѣющихъ силу для душевнаго строя, примѣнимость ихъ къ тому, что находится внѣ души. Но вѣдь такой критицизмъ, однако, самъ признаетъ, что этотъ внѣшній міръ существуетъ. Да не только существуетъ онъ, но мы и постоянно находимся въ непрерывномъ съ нимъ общеніи. Значитъ, какъ-то мы всетаки да познаемъ его, если не критически-научно, то̀, по крайней мѣрѣ, настолько, сколько намъ нужно для удовлетворенія житейскихъ потребностей и для правильнаго оріентированія среди этого загадочнаго, *иного* міра. А такъ какъ притомъ другихъ какихъ-либо категорій, — категорій специфическихъ, годныхъ спеціально лишь для познанія одного только внѣшняго міра, у насъ не имѣется, то, очевидно, мы обходимся какъ-то съ тѣми обиходными категоріями, которыя мы выработали себѣ на матеріалѣ *интроспективномъ*; значитъ, съ помощью этихъ обычныхъ категорій мы не только познаемъ свой внутренній міръ, но и приходимъ къ нѣкоторому познанію трансубъективнаго міра. Дѣло критической философіи объяснить, какъ это происходитъ; дѣло ея: это уже имѣющееся, хотя бы и недостаточное познаніе внѣшняго міра просвѣтить, очистить, возвысить. Вмѣсто того разсматриваемое нами направленіе довольствуется болѣе скорою и немудрой работой: оно начисто бракуетъ обычное познаніе и пускаетъ его на смарку.

12. Такое отношеніе къ наивному, до-критическому воззрѣнію на міръ весьма несправедливо: вѣдь изъ него то именно данный родъ критицизма и позаимствовалъ какъ самое понятіе внѣшняго міра, такъ даже его матеріальность или тѣлесность. Наивное воззрѣніе, не мудрствуя и безъ разсужденія, принимаетъ трансубъективный міръ на вѣру. Нестрогій критицизмъ, признавая внѣшній міръ существующимъ, но *не познаваемымъ*, одаряетъ насъ, однако, невѣдомо откуда взятыми двумя свѣдѣніями: 1) что внѣшній міръ вообще *существуетъ*, и 2) что онъ *непознаваемъ* обычнымъ путемъ, т. е. при-

ложеніемъ къ нему психологическихъ категорій интроспективнаго міра. Спрашивается, почему же? Логически-убѣдительнаго отвѣта на это мы не слышимъ, да его и не можетъ быть, ибо осторожный критицизмъ, поддавшись вліянію грубаго, наивнаго догматизма, путается въ своихъ основаніяхъ. Мы указали выше (§ 10), что эта непознаваемость внѣшняго міра и его разнородность съ «я» или душою есть компромиссъ, проистекающій отъ того неумышленнаго но некритическаго заимствованія, будто внѣшній міръ есть совокупность матеріальныхъ тѣлъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о разнородности внѣшняго міра съ душою и вопросъ о вытекающей отсюда непознаваемости его, какъ вопросы поднятые *преждевременно*, и притомъ, не относящіеся къ психологіи (здѣсь же рѣшенные произвольно и совершенно не научно), мы обратимся къ болѣе существенному.

13. И критицизмъ въ томъ видѣ, какъ мы его только что изобразили, и солипсизмъ,—оба одинаково оперируютъ однимъ и тѣмъ же понятіемъ,—понятіемъ внѣшняго міра. Обозначимъ его хоть символомъ E (extra). Солипсизмъ отвергаетъ существованіе внѣшняго міра, т. е. относится къ нему отрицательно, считаетъ это понятіе ложнымъ; его мнѣніе можетъ быть обозначено, какъ— E. Критицизмъ признаетъ наличность E, утверждаетъ его бытіе, и притомъ такъ рѣшительно, что даже совсѣмъ не вдается въ изслѣдованіе того, насколько наша вѣра въ существованіе E окажется основательною и справедливою, значитъ, точка зрѣнія критицизма будетъ +E.

Итакъ, у обѣихъ партій, которыя въ жестокомъ разномысліи стоятъ у порога внѣшняго міра, не зная, какъ перешагнуть въ него изъ собственной души, понятіе E одинаково; различно ихъ отношеніе къ нему, различны только алгебраическіе знаки, которые они проставляютъ передъ даннымъ понятіемъ E. Но ни солипсизмъ, ни критицизмъ не изслѣдуютъ самаго состава E, не изслѣдуютъ, что̀ это такое, *откуда* и *какъ* оно въ нашемъ умѣ возникаетъ. А вѣдь первою задачею критической философіи, какъ она была формулирована еще Локкомъ, и было именно изслѣдовать происхожденіе, origin, нашего знанія, каждаго нашего понятія. Отсюда явствуетъ, что и солипсизмъ, и критицизмъ, оба уклонились съ праваго пути, и что задача *истинной* критической философіи, не заботясь *пока* о томъ, ставить ли передъ E знакъ + или —, будетъ изслѣдовать, что такое E, откуда оно берется, какія категоріи послужили мышленію матеріаломъ для построенія очень сложнаго понятія E, внѣшняго, или кромѣ-субъектнаго, или транссубъективнаго міра, или міра «не-я». Это и есть та задача, которую мы поставили себѣ выше въ § 1.

Поэтому послѣдуемъ естественному развитію понятій, и ставши на границѣ между душою и внѣшнимъ міромъ, прежде всего зададимся вопросомъ, какъ въ нашей душѣ возникаетъ понятіе о такомъ «нѣчто», которое не есть она сама, понятіе о чемъ-то, находящемся за предѣлами нашей души, о томъ, что не есть «я».

14. Весьма важно будетъ теперь для насъ выяснить, точно ли и без-

условно ли «не-я» совпадаетъ съ понятіемъ транссубъективнаго или внѣшняго міра. Нарождается ли понятіе объ этомъ «нѣчто», особомъ и отдѣльномъ отъ нашей души,—понятіе того, что *не* есть «я» только *вмѣстѣ* съ діалектическимъ переходомъ отъ души къ внѣшнему міру? Не возникла ли эта категорія еще *раньше*, не имѣется ли она еще въ психологіи, не встрѣчалась ли она при изученіи души? Не находила ли она себѣ примѣненія еще «внутри», когда еще и рѣчи не заходило о существованіи чего бы то ни было, имѣющаго мѣсто за предѣлами нашего сознанія, нашей души?

15. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся ретроспективно въ психологію, къ проблемѣ о генезисѣ категоріи «я», о чемъ подробно изложено у меня въ книгѣ «Бытіе индивидуальное и бытіе координальное», во II главѣ, особенно, на стр. 41—47. Ходъ мысли былъ слѣдующій.

Въ соотвѣтствіи съ ходячимъ мнѣніемъ позитивистическихъ психологовъ мы готовы были допустить (§ 8 и 15 тамъ), что и понятіе «я» есть понятіе ложное или фантомъ; но всякій фантомъ, какъ сложная психологическая группа высшаго порядка, символизуетъ или скрываетъ за собою объединенные имъ *реальные* психическіе первичные элементы непосредственнаго сознанія. Отсюда для критическаго философа, отыскивающаго прежде всего происхожденіе нашего знанія, выростаетъ психологическая задача: выискать именно тѣ *элементарные* акты сознанія, изъ которыхъ составилась сложная идея «я».

Установивши методу изслѣдованія, и слѣдуя ей, мы находимъ, что ни одна изъ отдѣльныхъ группъ первичныхъ элементовъ сознанія (чувствованія, ощущенія, движенія и т. д.), ни какое-либо специфическое соединеніе этихъ группъ, ни, наконецъ, всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности не могутъ сами по себѣ послужить матеріаломъ для образованія идеи «я». «Я» производитъ всѣ эти функціи, связывается съ ними, но ими вовсе не исчерпывается: онѣ не составляютъ самаго его ядра. Въ совокупности всѣхъ возможныхъ функцій души, всѣхъ явленій непосредственнаго сознанія мы усматриваемъ лишь *одинъ* изъ тѣхъ пунктовъ, соотнося которые мы получаемъ понятіе «я». Функціи «*я*» *не* суть самое «я».

16. Соотносить можно лишь *два*, по меньшей мѣрѣ, элемента. Одинъ пунктъ нами уже разысканъ. Нужно теперь отыскать еще одинъ, который ex thesi долженъ быть тоже непремѣнно элементомъ непосредственнаго сознанія. Такъ какъ первымъ пунктомъ мы уже исчерпали *всѣ* области явленій первичныхъ, то намъ остается лишь въ дополненіе къ перечисленнымъ постулировать еще *одну особую* область первичнаго сознанія, а именно постулировать «я», какъ особый специфическій пунктъ элементарнаго сознанія.

Существованіе такого элементарнаго пункта, *самосознанія* или непосредственнаго сознанія своего «я» (открытое въ исторіи философіи впервые Декартомъ) извѣстно каждому изъ его личнаго опыта и, кромѣ того, подтверждается разными научными соображеніями и доказательствами. Такимъ образомъ (§ 43) самосознаніе въ психологіи опредѣляется, какъ единый элементъ

непсоредственнаго сознанія, непремѣнно соотносящійся съ каждымъ, безъ исключенія, другимъ элементомъ сознанія, или какъ единый, общій соотносительный пунктъ для всякаго иного душевнаго бытія.

17. Итакъ, психологическая исторія образованія категоріи «я» поучаетъ насъ, что мышленіе образуетъ эту идею, соотнося съ одной стороны: 1) совокупность всѣхъ явленій души, которыя *не* суть «я» — и съ другой, 2) элементарное самосознаніе или самое «я». Какъ видимъ, еще при образованіи первой психологической категоріи, именно, категоріи «я», мы уже принуждены были «я» какъ пунктъ непосредственнаго сознанія, какъ нѣчто особое, выдѣлить изъ всей совокупности остальныхъ душевныхъ явленій, которыя *не* суть «я». Соотнося дальше (сначала постулированный, потомъ доказаный въ наличности) пунктъ самосознанія или непосредственно сознаваемое, элементарное «я»—съ одной стороны, и соотнося съ «я» съ другой стороны всѣ остальныя данныя непосредственнаго сознанія — съ точки зрѣнія ихъ *различія* мы получаемъ *новую* категорію, а именно категорію *«не-я»*, показывающую или служащую въ мышленіи символомъ того, что среди непосредственнаго сознанія есть особаго рода бытіе, которое *не* есть «я» и отъ него отличается (тѣмъ, что «я» необходимо присутствуетъ во всякое «теперь» или въ каждомъ моментѣ сознанія, всѣ же остальные моменты смѣняютъ другъ друга *во времени* и вообще безъ координаціи съ «я» не могутъ проявляться).

18. Итакъ, категорія «не - я» не совпадаетъ съ категоріею трансубъективнаго или внѣшняго міра. Въ естественномъ порядкѣ познанія понятіе «не-я» возникаетъ раньше; «не-я» по логической своей природѣ предшествуетъ категоріи внѣшняго бытія. Соотвѣтственно измѣненіямъ понятія «я» измѣняется и понятіе «не-я». Если наивное міровоззрѣніе считаетъ за «я» тѣло, то «не-я» будутъ всѣ остальныя тѣла кромѣ нашего собственнаго тѣла. При психическомъ пониманіи «я» и «не - я» окажется тоже душевнымъ бытіемъ. Какъ выяснилось изъ нашего изслѣдованія нужно строго различать *двѣ* категоріи, которыя совершенно отличаются другъ отъ друга и по своему логическому положенію, и по характеру составныхъ элементовъ, и по сферѣ своего примѣненія: I) *психологическая* категорія «не-я» (совокупность душевныхъ явленій въ ихъ противоположности самосознанію или непосредственному сознанію «я», и II) *метафизическая* категорія «не—я» (внѣшній міръ въ его противоположности къ мыслящей и дѣйствующей душѣ).

19. Разобравшись въ психологическомъ смыслѣ категоріи «не-я», обратимся къ разсмотрѣнію трансубъективнаго смысла категоріи, носящей то же имя или еще чаще называемой «внѣшнимъ міромъ».

«Не-я» прежде всего (въ психологіи) обозначаетъ совокупность всѣхъ психическихъ функцій въ ихъ противоположности къ своему обладателю—самосознанію. «Не-я» въ трансубъективномъ смыслѣ такъ же, по крайней мѣрѣ, *вербально*, какъ видимъ, противополагается какому то «я». Но въ данномъ случаѣ, очевидно, берется не то первоначальное, непосредственно сознаваемое

«я», какъ въ первомъ случаѣ, а нѣкое иное «я»,—«я» въ болѣе обширномъ смыслѣ.

Какое же это «я»? Что разумѣется подъ «я» въ этомъ второмъ случаѣ, когда ему противополагаются уже не его собственныя функціи въ ихъ совокупности и связности, а нѣчто *чужое*, абсолютно ему не принадлежащее и «внѣшнее»?

20. Противополагая «я» его собственнымъ функціямъ, мы не должны забывать, что это противоположеніе, это разъединеніе совершается лишь in abstracto, только въ мышленіи. Реально-психически «я» никакъ неотдѣлимо отъ прочихъ явленій сознанія: «я» никогда не бываетъ бездѣятельнымъ, т. е. безъ функцій; еслибы не было въ сознаніи смѣняющихся явленій, то мы не могли бы совершать жизни, т. е. мы бы не жили во *времени* и остались бы при одномъ безвременномъ «я». Въ свою очередь, и ни одно явленіе сознанія не можетъ проявиться безъ связи съ «я», потому что иначе оно было бы *ничьимъ*, т. е. не принадлежало бы ничему, или было бы порождено *нулемъ*, что̀ уже есть абсурдъ, ибо отъ небытія не можетъ произойти никакого бытія. Итакъ, и «я», и психическое его «не-я», связаны нераздѣльно и соотносятся другъ съ другомъ, какъ нѣчто родственное и взаимно другъ другу необходимое. И «я» и «не-я» есть одинаково бытіе, есть нѣчто однородное; они принадлежатъ единому сознанію и образуютъ психическое единство. Соотнося эти двѣ категоріи: 1) «я» и 2) «не-я» съ точки зрѣнія ихъ однородности и психической неразрывности, мы получаемъ въ мышленіи новую категорію: ψυχή или *душу*. Эта категорія *душа* (или «я» въ болѣе широкомъ смыслѣ) обозначаетъ слѣдующее: хотя при научно-психологическомъ анализѣ мы и выдѣляемъ непосредственное самосознаніе изъ среды всѣхъ прочихъ явленій сознанія (какъ элементарныхъ, такъ и сложныхъ), но это элементарное «я» неразрывно связано съ явленіями сознанія и въ тѣсной координаціи съ ними образуетъ единство, которое и символизуется вновь найденною категоріею «душа» Душа есть координальное бытіе по отношенію ко всѣмъ индивидуальнымъ бытіямъ, т. е. отдѣльнымъ актамъ сознанія, какъ то, «я», чувствованіямъ, ощущеніямъ, движеніямъ, понятіямъ, образамъ фантазіи и т. д.

21. Мы получили категорію души. Нужно помнить, что душа извѣстна намъ пока въ одномъ, нашемъ собственномъ экземплярѣ; наша душа есть unicum. Мы знаемъ лишь собственную душу, одну ее; мы знаемъ или, вѣрнѣе, непосредственно сознаемъ наше собственное «я» и *его* явленія, неразрывно съ нимъ связанныя. Это новое координальное бытіе, какъ и всякое другое новое понятіе, замѣняя собою соотносительные пункты, связь которыхъ оно символизуетъ собою, получаетъ въ мышленіи значеніе отдѣльности, особности, индивида. Т. е. другими словами понятіе души въ разумѣ становится единымъ значкомъ, *индивидуальнымъ* бытіемъ, которое, какъ и всякій другой индивидъ, можно соотносить съ другими соотносительными пунктами и, связывая съ ними, образовывать еще высшія и болѣе сложныя категоріи.

22. Ничто не прекращаетъ работы мыслящаго разума. Въ діалектическомъ развитіи понятій отъ одного къ другому, отъ одной категоріи къ другой, мысль охватываетъ своею сѣтью разнообразныя сферы бытія или сознанія.

Наконецъ, какъ мы видѣли, разумъ выработалъ одну наивысшую категорію, съ помощью которой онъ охватываетъ все непосредственно сущее, *все сознаніе.* Эта категорія есть «душа», въ объемъ которой входитъ, какъ «я», такъ и *все* «не-я» (въ психологическомъ смыслѣ). Даже можно сказать болѣе: охвачено не только бытіе, но и самое *небытіе*, ибо «я» не есть его функціи, т. е. «я» есть *небытіе* функцій, или «я» *не* есть «не-я»; равнымъ образомъ, и функціи *не* суть «я», т. е. функціи суть *небытіе* «я», или суть «не-я». Итакъ и бытіе, и небытіе (поскольку послѣднее существуетъ in abstracto, въ мысли: вѣдь *реально* небытія нѣтъ, небытіе не существуетъ, а есть лишь бытіе, сознаніе) равно заключаются и охватываются въ категоріи души. Но можетъ ли на этомъ остановиться творческая работа мысли надъ созданіемъ идей? Здѣсь ли предѣлъ ея, чрезъ который она не перейдетъ? Прекратится ли отнынѣ въ разумѣ созданіе новыхъ категорій?

23. Полученное нами наивысшее *психологическое* единство—душа, какъ мы сказали, подобно всякому другому понятію, будучи само по отношенію къ предшествующимъ категоріямъ — бытіемъ координальнымъ, при дальнѣйшемъ употребленіи теряетъ связь со своими соотносительными пунктами, отрывается, такъ сказать, отъ мѣста своего образованія и становится для разума простою единицею: оно обращается въ бытіе индивидуальное. Впослѣдствіи понятіе души даже принимаетъ въ глазахъ философовъ специфическую окраску индивида, единицы или *монады* и подъ конецъ считается *типомъ* всякаго индивидуальнаго бытія. Забываютъ даже, что индивидуальное бытіе не есть одна только душа, что это вовсе не синонимы, что это не равносильныя и не равнозначущія понятія. Упускаютъ изъ виду, что съ точки зрѣнія психологіи всякій актъ сознанія столь же индивидуаленъ, что именно послѣдній то и есть въ порядкѣ развитія понятій первоначальный *прототипъ* всякаго индивидуальнаго бытія. Исторія происхожденія категорій индивида и координаціи утрачивается; между тѣмъ эти обѣ категоріи знаменуютъ собою качества именно элементарнаго сознанія, а не сложныхъ психическихъ продуктовъ, каковы понятія вообще и въ частности понятіе души, о которомъ идетъ рѣчь. Категоріи индивида и координаціи прилагаются къ высшимъ идеямъ въ своемъ позднѣйшемъ и переносномъ смыслѣ.

24. Такимъ образомъ душу мышленіе начинаетъ принимать за индивидъ par excellence. О другихъ родахъ индивидуальнаго бытія, объ иныхъ случаяхъ примѣненія этой категоріи, перечисленныхъ выше (§ 4), забываютъ. Для дальнѣйшей работы мысли, для созданія новыхъ, высшихъ и болѣе широкихъ по объему категорій эта индивидуализація души, это превращеніе ея въ монаду имѣетъ громадное, рѣшающее значеніе.

Категоріи индивидуальнаго и координальнаго бытія мы получили при

разсмотрѣніи нераздѣльности и неслiянности явленій сознанія. Мы видѣли, что въ живомъ сознаніи нѣтъ единаго *безъ* многаго, т. е. безъ другихъ, и нѣтъ многаго (или многихъ), т. е. совокупности сознанія безъ единаго, т. е. безъ индивидуальныхъ элементовъ сознанія: эти двѣ категоріи требуютъ другъ друга при примѣненіи одной изъ нихъ. Пока мы вращались въ предѣлахъ собственной души, въ области живого сознанія, которое распадается (въ нашемъ мышленіи) на отдѣльные моменты, въ свою очередь опять состоящіе изъ особыхъ элементовъ, связанныхъ въ одну координацію, все шло правильно. Мы безпрепятственно могли работать обѣими категоріями — и единымъ (индивидомъ) и многимъ (координаціей).

25. Теперь мы въ постепенной эволюціи нашихъ идей какъ будто наткнулись на нѣкоторое препятствіе. Образована наивысшая, послѣдняя категорія, охватившая собою все сознаваемое нами, всѣ психическіе акты. Получена одна большая единица—«душа» или «я» въ обширномъ смыслѣ («я», какъ элементарное самосознаніе,+всѣ его функціи). Мы спрашивали себя (§ 22), можно ли идти дальше.

Разумъ не можетъ остановиться; не можетъ прекратиться работа мышленія, пока имѣются въ немъ категоріи, разнымъ комбинированіемъ которыхъ можно придти къ построенію новыхъ логическихъ единствъ. Вѣдь на этомъ только основаніи и можемъ мы допускать прогрессъ всякаго знанія, всякой науки—и въ томъ числѣ психологіи.

Отвергая непрерывную эволюцію идей, нельзя не разувѣриться въ наукѣ, нельзя убѣжать отъ безнадежнаго скептицизма.

26. Имѣя съ одной стороны категорію «души», какъ рѣзко обособленнаго единства, а съ другой располагая готовымъ уже и не разъ примѣненнымъ закономъ психологіи о взаимосвязности категорій единаго и многаго,— мышленіе соотноситъ эти два пункта и приходитъ къ новой категоріи. Единое. единица не можетъ быть безъ многаго или *безъ* другихъ единицъ. Другими словами, душа, какъ единое, по закону психологіи заставляетъ мышленіе самою своею индивидуальностью признать существованіе многаго или многихъ, признать существованіе координаціи. Душа, какъ единое, требуетъ въ естественномъ ростѣ понятій *много* душъ. Наряду съ понятіемъ нашей собственной души въ мысли появляется понятіе *многихъ* другихъ душъ, такихъ же, какъ нашъ первый, и бывшій ранѣе единственнымъ, экземпляръ, какъ наша собственная душа, послужившая прототипомъ для созданія другихъ душъ.

Соотнося категоріи души и многаго съ точки зрѣнія единаго, разумъ приходитъ къ созданію понятія *плюралистичности индивидуальныхъ душъ*. Многія, другія души, созданныя этимъ оборотомъ мысли, не суть наша душа, наше «я»; онѣ суть для послѣдняго нѣчто абсолютно чуждое, находящееся *внѣ* или за предѣлами нашего сознанія, онѣ не суть «я». Такимъ образомъ, и «я» метафизическому, «я», какъ душѣ (въ обширномъ смыслѣ) противополагаются другіе или чужіе «я», составляющіе для нашего «я», въ своей совокупности—его метафизическое «не-я» (ср. § 19).

Мы различали двѣ категоріи «не-я» — психологическую и метафизическую. Психологическое «не-я» было опредѣлено выше. Теперь мы можемъ опредѣлить и метафизическое «не—я»: оно есть другія души, *кромѣ* нашей души. «Я», какъ цѣлая и единая душа, метафизически противопоставляется— «не-я», какъ совокупности другихъ душъ.

Если «душа» охватывала все проявленія нашего сознанія, все, что принадлежитъ нашему «я», то всѣ остальныя души находясь *внѣ* нашей души, представляютъ для нашей души для нашего «я» (въ обширномъ, метафизическомъ смыслѣ) — нѣчто *внѣшнее*; это и есть для нашего «я» — *внѣшній міръ*. Какъ мы обѣщались выше (§ 10) показать, этотъ внѣшній міръ не матеріаленъ, но состоитъ изъ *душъ*.

27. Подымаясь по тропинкѣ въ гору, мы съ перемѣщеніемъ нашихъ точекъ зрѣнія, постоянно получаемъ новыя перспективы и иначе видимъ окрестную мѣстность. Точно такъ же и въ эволюціи понятій мы безпрестанно перемѣняемъ точку зрѣнія или логическія мѣста — и логическій запасъ своихъ идей видимъ все въ иномъ и новомъ свѣтѣ. До образованія понятія плюралистичности душъ наша душа была для насъ unicum, единственнымъ экземпляромъ. Теперь, когда въ мышленіи мы создали много душъ, значеніе нашей души умаляется: изъ единственной она деградируется только въ *одну изъ многихъ* индивидуальныхъ душъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Этою деградаціею нашей собственной души обусловливается возможность дальнѣйшаго прогресса въ развитии понятій.

Имѣя съ одной стороны наше «я», нашу душу, а съ другой—подобныя ей, индивидуальныя души, составляющія метафизическое наше «не-я», мышленіе соотноситъ точки зрѣнія *одинаковости* и «я», и «не-я» и объединяетъ ихъ въ одномъ высшемъ понятіи, а именно: «я» въ соотнесеніи съ многими, такими же индивидуальными душами объединяется въ координаціи *міра*. Понятіе міра есть понятіе общаго единства всѣхъ отдѣльныхъ душъ.

По отношенію къ душамъ міръ есть такое же завершающее понятіе, какимъ въ свое время (§ 20) была душа по отношенію къ отдѣльнымъ явленіямъ сознанія. Совокупность всѣхъ душъ, какъ продуктовъ мысли, символизуется понятіемъ міра; совокупность элементовъ сознанія символизуется въ разумѣ понятіемъ души.

28. На выработкѣ понятія міра мы можемъ остановиться. Дальнѣйшая эволюція понятій не входитъ въ задачи этого трактата. Мы поставили себѣ въ § 1 цѣлью демонстрировать психогенезисъ понятія внѣшняго міра. Мы показали, какъ въ психологіи элементарное «я» или самосознаніе противопоставляется «не-я», какъ остальному содержанію сознанія, какъ далѣе и «я», и «не-я» объединяются въ понятіи души, наивысшей идеѣ психологіи, какъ этой душѣ противопоставляется вторичное «не-я», какъ кромѣ и внѣ нашей души въ мышленіи появляются другія души, внѣшній для моего «я», для моей души міръ, и какъ наконецъ всѣ души, включая и нашу, снова объединяются въ высшемъ понятіи міра.

Отысканный нами «внѣшній міръ», или міръ, находящійся внѣ моей души, есть, какъ мы уже отмѣтили (§ 27), міръ *душъ*. Сравнивая это пониманіе съ тѣмъ пониманіемъ внѣшняго міра, какимъ мы пользуемся въ нашемъ житейскомъ обиходѣ, мы не можемъ не констатировать рѣзкой разницы. Внѣшній міръ въ обычномъ, до-философскомъ пониманіи, есть міръ матеріальный, міръ тѣлъ, а не міръ душъ.

Цѣлью дальнѣйшаго психологическаго изслѣдованія должно быть рѣшеніе проблемы о томъ, какимъ путемъ это первоначальное, естественное, анимистическое или душевое пониманіе внѣшняго міра превращается въ позднѣйшее, наивное пониманіе внѣшняго міра, какъ матеріальнаго; нужно будетъ прослѣдить процессъ постепенной матеріализаціи внѣшняго міра. Для этого надо возстановить психогенезисъ понятія *матеріи* и исторію комбинированія этой идеи съ понятіемъ транссубъективнаго бытія. Эти задачи не относятся уже въ предѣлы нашей нынѣшней статьи и должны стать предметами особыхъ психологическихъ и гносеологическихъ трактатовъ.

Ассоціація сходства.

(Матеріалы къ новѣйшей исторіи вопроса).

А. П. Нечаева.

Уже давно подмѣчено, что споръ нерѣдко можетъ служить хорошимъ средствомъ къ выясненію истины. Это положеніе оказывается особенно справедливымъ по отношенію къ чисто-научнымъ спорамъ, гдѣ каждая сторона заинтересована только искреннимъ желаніемъ установить правду. Въ частности, въ исторіи психологіи можно указать много примѣровъ, когда возникавшій между представителями различныхъ взглядовъ споръ являлся исходнымъ пунктомъ для твердаго обоснованія совершенно новой постановки старой проблемы, а иногда и для возникновенія цѣлаго ряда неизвѣстныхъ прежде научныхъ задачъ. Припомнимъ хотя бы знаменитый споръ номиналистовъ и реалистовъ о природѣ общихъ представленій, споръ Лейбница и Локка о прирожденныхъ идеяхъ, полемику Гербарта съ представителями идеалистической школы по вопросу о душевныхъ способностяхъ, и т. д.

Къ числу такихъ же поучительныхъ и плодотворныхъ споровъ, вносящихъ свѣтъ въ современное положеніе затронутаго вопроса, слѣдуетъ отнести споръ объ ассоціаціи сходства, происходившій въ послѣдніе годы между Леманомъ и Геффдингомъ. Споръ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще совсѣмъ не привлекалъ къ себѣ должнаго вниманія русской психологической литературы, хотя его значительное вліяніе на современные психологическіе взгляды едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Изложеніе исторіи этого спора, вмѣстѣ съ выясненіемъ его значенія для современной психологіи, и составитъ содержаніе настоящей статьи.

Началомъ большого спора объ ассоціаціи сходства въ ея отношеніи къ ассоціаціи смежности послужила статья *Альфреда Лемана* «Объ узнаваніи», появившаяся въ V томѣ журнала Вундта «Philosophische Studien» (A. Lehmann. Ueber Wiedererkennen. Phil. Stud. V B., 1 H. 1888. Стр. 96—156).

Въ началѣ своей работы авторъ дѣлаетъ сжатый обзоръ исторіи ученія объ ассоціаціяхъ. Отмѣтивъ Аристотеля, какъ родоначальника ученія объ ассоціаціяхъ, онъ высказываетъ мысль, что четыре аристотелевскихъ закона воспроизведенія (по сходству, противоположности, одновременности и послѣдовательности), по всей вѣроятности, обозначали совсѣмъ не *причины* ассоціаціи, а только ихъ *формы*. Съ тѣхъ поръ, какъ психологи начали глубже задумываться надъ взаимнымъ отношеніемъ этихъ формъ, явилось естественное стремленіе сократить ихъ основное количество, и въ настоящее время можно считать общепринятымъ признаніе ассоціаціи по противоположности частнымъ видомъ ассоціаціи по *сходству*; ассоціаціи же по одновременности и послѣдовательности обыкновенно разсматриваются, какъ частные виды ассоціаціи по *смежности*.

«Въ современной психологіи,—говоритъ А. Леманъ,—эти два закона—смежности и сходства—обыкновенно ставятся на-ряду другъ съ другомъ, хотя и дѣлались попытки свести ихъ къ одному закону, или, лучше сказать, принять одинъ изъ нихъ за основной законъ для всѣхъ ассоціацій, такъ что другой явился бы только производной формой. Такое стремленіе съ научной точки зрѣнія находитъ полное оправданіе, такъ какъ цѣлью всякой науки служитъ установка общихъ положеній. Поэтому, если безъ всякихъ натяжекъ можно нѣсколько законовъ замѣнить однимъ, всецѣло ихъ обнимающимъ, то это надо считать научнымъ успѣхомъ». Спрашивается: въ какой степени возможно понять ассоціацію смежности, какъ особую форму выраженія закона сходства, или ассоціацію сходства, какъ особую форму выраженія закона сходства или ассоціацію сходства, какъ особую форму выраженія закона смежности?

Въ концѣ своей статьи (стр. 152) Леманъ приходитъ къ признанію гипотезы сходства совершенной излишней для объясненія явленій ассоціаціи. «Она можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если будетъ угодно считать представленія непреходящими величинами (als unvergängliche Grösse), которыя чисто внѣшнимъ образомъ связываются другъ съ другомъ (sich an einander heften), восходятъ и погружаются въ сознаніи. Напротивъ, если признать, что представленія суть состоянія, то принятіе чистой ассоціаціи сходства непремѣнно приведетъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь. Изъ этого слѣдуетъ, что гипотеза сходства на-

ходитъ себѣ оправданіе лишь настолько, насколько она необходима для объясненія какого нибудь явленія, которое безъ нея осталось бы совершенно непонятымъ. Такимъ явленіемъ, повидимому, оказывается узнаваніе простыхъ ощущеній, которое какъ будто бы очень легко можно объяснить гипотезой сходства».. Однако при болѣе внимательномъ разборѣ вопроса оказывается, что «теорія смежности вполнѣ можетъ объяснить явленія узнаванія, между тѣмъ какъ гипотеза сходства не только не въ состояніи объяснить ихъ, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже противорѣчитъ опыту» (154). Отсюда слѣдуетъ, что ассоціація сходства можетъ имѣть только чисто-формальное значеніе. Изъ практическихъ соображеній можно, подобно Вундту, раздѣлять ассоціаціи на внутреннія (по сходству) и внѣшнія (по смежности), но тогда твердо нужно помнить, что связи по сходству суть только формы ассоціаціи. Строго говоря, Вундтъ только на это намекнулъ, утверждая, что «внѣшнія ассоціаціи можно считать подготовительной ступенью (eine Vorstufe) къ внутреннимъ ассоціаціямъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, подготовительной ступенью къ апперцептивнымъ связямъ» (Physiologische Psychologie, II, S. 305). «Насколько мнѣ извѣстно,—говоритъ Леманъ,—въ послѣднее время только *Кроманъ* (Kroman, Tänke—og Själelära, Kopenh. 1882. Стр. 106) ясно высказался по этому вопросу: «Сходство никогда не можетъ быть причиной ассоціаціи, и отсюда вытекаетъ научная задача—всюду, гдѣ формальная связь по сходству представляется особенно интересной, показать, какъ она первоначально образовалась изъ смежности».

Полагая, что гипотеза сходства, какъ закона ассоціацій, лишена всякаго психологическаго значенія, Леманъ думаетъ, что она должна быть отвергнута и съ болѣе общей, гносеологической точки зрѣнія. Его разсужденія по этому вопросу связаны съ разборомъ мнѣнія Риля. Риль (*Riehl*, Der philosophische Kriticismus, II B. 2 S. 214) выяснилъ, что ассоціація сходства, повидимому, противорѣчитъ всему современному пониманію взаимоотношенія духа и тѣла, т. е. монистической теоріи. «Въ томъ фактѣ,—говоритъ онъ,—что психологическія явленія связываются не только по одновременности и послѣдовательности, но также по внутреннему сродству и сходству, заключается отклоненіе отъ закона соотвѣтствія внутренняго и внѣшняго. Не затрудняясь указать въ общихъ свойствахъ механизма нервной субстанціи объективные факты, соотвѣтствующіе внѣшней ассоціаціи психическихъ явленій (такъ какъ этотъ механизмъ всюду черезъ повтореніе приводитъ къ упорядоченію движеній и ихъ навыку [und deren Einübung]), мы не можемъ составить себѣ представленія механическаго характера объ ассоціаціи по внутреннему сродству» (Ibidem, II Bd. 2 S. 214). Поэтому Риль называетъ связи по сходству психическими ассоціаціями, въ противоположность связямъ по смежности, которыя могутъ быть объяснены физіологически. При этомъ Риль прибѣгаетъ къ понятію «функціи единства сознанія» (Einheitsfunction des Bewusstseins), дѣйствіемъ котораго должна быть психическая ассоціація. «Я думаю,

говоритъ по этому поводу Леманъ,—что это объясненіе не совсѣмъ удовлетворительно по своей черезъ-чуръ большой широтѣ; оно обнимаетъ какъ ассоціацію по сходству, такъ и ассоціацію по смежности. Если мы еще не настолько знаемъ природу нервной системы, чтобы быть въ состояніи дать физіологическое объясненіе ассоціаціямъ по смежности, то, разумѣется, ничто намъ не можетъ помѣшать отнести также и ихъ къ функціи единства сознанія. Всякая связь представленій, въ концѣ концовъ, можетъ быть понята, какъ результатъ объединяющей дѣятельности, и поэтому мнѣ кажется въ высшей степени страннымъ раздѣлять два столь сродныхъ явленія, какъ внутреннія и внѣшнія ассоціаціи, устанавливая для каждаго изъ нихъ совершенно особое объясненіе. Если одно изъ этихъ явленій есть дѣйствіе стремленія сознанія къ единству, то почему же и другое не можетъ считаться такимъ дѣйствіемъ? И если для одного изъ нихъ требуютъ физіологическаго объясненія, то почему же не потребовать и для другого?.. Поэтому и въ теоретическомъ отношеніи слѣдуетъ считать успѣхомъ установку взгляда на ассоціацію сходства, какъ форму, причины которой нужно искать въ смежности. Такимъ путемъ можно будетъ послѣдовательно провести физіологическое объясненіе ассоціаціонныхъ явленій» (155).

Итакъ, необходимость признавать ассоціацію сходства только *формой выраженія закона смежности* Леманъ основываетъ на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности является важнымъ научнымъ обобщеніемъ, способствующимъ построенію цѣлостнаго пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ.

2) Признаніе гипотезы сходства оказывается совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи.

3) Принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь.

4) Гипотеза сходства противорѣчитъ опыту.

Чѣмъ же доказываетъ Леманъ справедливость всѣхъ этихъ положеній?

Относительно перваго (такъ сказать, гносеологическаго) положенія онъ распространяется немного, довольствуясь въ данномъ случаѣ тѣми бѣглыми соображеніями, которыя уже были приведены выше. Но послѣдніе три пункта выяснены имъ достаточно подробно. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

I. Признаніе гипотезы сходства совершенно безполезною для объясненія ассоціацій.

Для установки этого положенія Леманъ, прежде всего, старается точно выяснить различіе между ассоціаціями сходства и смежности. «Обозначимъ представленія, данныя путемъ внѣшнихъ раздраженій, буквами *A*, *B*, *C*..., а тѣ же самыя представленія, возникшія путемъ воспроизведенія, — буквами *a*, *b*, *c*... Числами *1*, *2*, *3*... *n* мы будемъ обозначать сравнительно позднее

появленіе въ сознаніи какого-нибудь единичаго опредѣленнаго представленія. Такъ A_n обозначаетъ чувственное представленіе, которое отдѣлено отъ даннаго мгновенія n—1 чувственныхъ представленій того самаго вида; a_n обозначаетъ воспроизведеніе A_n. Чистая ассоціація сходства имѣетъ мѣсто, если чувственно данное представленіе (eine durch die Sinne gegebene Vorstellung) связывается со сходными съ нимъ представленіями. Схемой ея служитъ: $A+(a_1+a_2+...+a_n)$. Чистая ассоціація по смежности, напротивъ, имѣетъ мѣсто тогда, если чувственно данное представленіе связывается съ другими представленіями, которыя прежде были одновременными съ нимъ или непосредственно за нимъ слѣдовали. Схемой ея служитъ: $A+(b+c...)$».

Вдумываясь въ эти схемы, по мнѣнію Лемана, прежде всего надо придти къ заключенію, что *ассоціація по сходству совершенно безполезна для объясненія ассоціаціи смежности*. Въ этомъ случаѣ Леманъ пользуется разборомъ слѣдующаго примѣра: взглянувъ на яблоко (A), мы вспоминаемъ древо познанія добра и зла (b), змѣя (c), Адама (d), Еву (e) и т. д. Спрашивается, съ чѣмъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло—съ ассоціаціею смежности или сходства? Съ перваго раза можетъ показаться, что здѣсь—чистая ассоціація смежности: представленія яблока, древа познанія добра и зла, змѣя и т. д. въ нашей ранней юности часто являлись въ сознаніи одновременно и если A теперь снова сознается ними, то, по смежности, оно влечетъ за собою b, c, d... Съ другой стороны, нельзя отрицать, что A можетъ сначала вызвать представленія различныхъ другихъ яблокъ (a_1, a_2, a_3...), и уже отъ одного изъ нихъ можетъ быть сдѣланъ переходъ къ b, c, d... Допустимъ на время послѣднее. Примемъ, что A сначала вызываетъ $a_1+a_2+a_3+...+a_n$ и что b вызывается однимъ изъ этихъ промежуточныхъ членовъ. Тогда мы получили бы слѣдующую схему: $A+(a_1+a_2+...+a_n)+b+c+...$ Но развѣ можно сказать, что въ этой схемѣ переходъ отъ A къ b объясняется ассоціацiей сходства? Ничуть. Здѣсь задача не рѣшена, а только отодвинута. Какимъ образомъ a_n можетъ воспроизвести b? Только по смежности. Если бы представленія яблока (A) и древа познанія (B) никогда не были даны въ моемъ сознаніи одновременно или послѣдовательно, то, очевидно, A могло бы безъ конца воспроизводить $a_1+a_2+a_3$..., не вызывая въ то же время представленія b.

Но признаніе гипотезы сходства *безполезно и для объясненія такъ называемыхъ «ассоціацій по сходству»*, потому что онѣ получаютъ удовлетворительное объясненіе при помощи ассоціаціи смежности.

Возьмемъ такой примѣръ: рѣчь о Наполеонѣ вызываетъ мысль объ Александрѣ Великомъ. Можно сказать, что имя одного полководца вызывается именемъ другого, благодаря сходству въ ихъ жизни. Имя Наполеона (A) вызываетъ представленіе о великомъ полководцѣ (b), многихъ битвахъ (c), чужихъ странахъ (d) и т. д. Представленіе b воспроизводитъ рядъ $b_1+b_2+b_3+...+b_p$ (прежнія представленія великихъ полководцевъ), c воспроизводитъ $c_1+c_2+c_3+...c_q$ (прежнія представленія выигранныхъ битвъ), d вызываетъ d_1+

$d_2+d_3+\ldots+d_r$ и т. д., и уже къ этимъ представленіямъ, воспроизведеннымъ по сходству, примыкаетъ W (Александръ). Все это можно выразить слѣдующей схемой:

$$A+(a_1+a_2+\ldots a_n)\begin{Bmatrix} b+(b_1+b_2+\ldots+b_p) \\ c+(c_1+c_2+\ldots+c_q) \\ d+(d_1+d_2+\ldots+d_r) \end{Bmatrix} W$$

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого типичнаго примѣра, оказывается, что сходство играетъ въ немъ довольно ничтожную роль, потому что, какъ выше было показано, переходъ отъ a_n къ b, c, d точно такъ же, какъ переходъ отъ b_p, c_q, d_r къ W, можетъ быть сдѣланъ только по смежности. Разборъ даннаго примѣра убѣждаетъ насъ въ томъ, что такъ называемая ассоціація по сходству (насколько она проявляется въ этомъ типичномъ случаѣ) есть очень сложное явленіе, въ которомъ ассоціація смежности играетъ несомнѣнно важную роль. Мало того. «Для объясненія такихъ ассоціацій, которыя имѣютъ форму ассоціаціи сходства (какъ, напр., между представленіями Наполеона и Александра) чистая гипотетическая связь по сходству оказывается ненужной. Очень легко можно себѣ представить, что A прямо по смежности вызываетъ b+c+d+..., а эти послѣднія, въ свою очередь, тоже прямо по смежности, вызываютъ W, такъ что вся схема приметъ слѣдующій видъ:

$$A\begin{Bmatrix} b \\ c \\ d \end{Bmatrix} W.$$

При такомъ пониманіи, всѣ отношенія, имѣющія форму ассоціаціи сходства, на самомъ дѣлѣ оказываются ассоціаціями по смежности».

Доказывая необходимость признанія ассоціаціи сходства, какъ особаго закона отношенія представленій, часто ссылаются на явленія узнаванія. Но, по мнѣнію Лемана, *признаніе гипотезы сходства безполезно и для объясненія явленій узнаванія.* Прослѣдимъ способъ доказательства этой мысли.

Между представленіемъ A, впервые появившимся въ сознаніи, и представленіемъ A, снова возникшимъ и узнаннымъ,—съ психологической точки зрѣнія, есть не малая разница. Въ чемъ же она заключается? Гипотеза сходства говоритъ, что эта разница основана на слѣдующемъ: въ первый разъ A изолировано, при позднѣйшемъ же появленіи въ сознаніи оно можетъ воспроизводить болѣе раннія представленія A (т. е. $a_1+a_2+\ldots a_n$), которыя сливаются съ наличнымъ представленіемъ A и этимъ самымъ обусловливаютъ его узнаваніе. Схемой узнаннаго представленія, съ точки зрѣнія гипотезы сходства, является: $A+(a_1+a_2+\ldots+a_n)$. И если a_n при этомъ воспроизводитъ еще представленія b, c, d..., то, какъ утверждаютъ сторонники гипотезы сходства, передъ нами—узнаваніе съ обстоятельствами.

Однако явленія узнаванія, по мнѣнію Лемана, могутъ быть вполнѣ

удовлетворительно объяснены при помощи одного лишь основного закона—ассоціаціи смежности.

Для пониманія этого положенія прежде всего нужно помнить, что представленіе, получаемое путемъ раздраженія органовъ чувствъ, (S) можно разсматривать какъ состоящее изъ ряда единичныхъ воспріятій: $S=A+B+C+D+\ldots$ Если эти воспріятія *однажды* или нѣсколько разъ сознавались вмѣстѣ, то, при послѣдующемъ воспроизведеніи A, по смежности воспроизводятся b, c, d... Тогда возникаетъ ожиданіе, что въ ближайшій моментъ предметами воспріятія явятся B, C, D... Если это наступаетъ (при чемъ B признается равнымъ воспроизведенному образу b, C=c, D=d и т. д.), то предметъ узнанъ. Съ этой точки зрѣнія, схема узнаванія принимаетъ слѣдующій видъ:

$$\begin{array}{cccc} A+ & b+ & c+ & d+\ldots \\ & \| & \| & \| \\ & B & C & D \end{array}$$

Такое объясненіе узнаванія при помощи ассоціаціи смежности кажется Леману не только совершенно замѣняющимъ объясненіе, выдвигаемое гипотезой сходства, но и болѣе соотвѣтствующимъ опыту. Эта мысль развивается на слѣдующемъ примѣрѣ.

Мы гуляемъ по мѣстности, гдѣ прежде, какъ намъ кажется, никогда не были. Вдругъ всѣ окрестности представляются намъ очень знакомыми. «Я какъ будто узнаю тамъ домикъ и холмъ; тамъ внизу дорога поворачиваетъ и я долженъ встрѣтить мостъ черезъ маленькую долину (Aue)». Если мы пойдемъ дальше и дѣйствительно увидимъ мостъ, то у насъ явится убѣжденіе, что мы прежде здѣсь уже были. Увѣренное узнаваніе въ данномъ случаѣ происходитъ вслѣдствіе того, что воспроизведенный образъ (мостъ и долина) оцѣнивается, какъ совпадающій съ позднѣйшими воспріятіями. Схема всего процесса можетъ быть представлена такъ:

$$\underbrace{A+B+\ldots E+}_{\text{Предшествующія воспріятія.}}\ \underbrace{\begin{array}{ccccc} f & + & g & + & h \\ \| & & \| & & \| \\ F & & G & & H \end{array}}_{\text{Неувѣренное узнаваніе.}}\ \underbrace{+}_{\text{Увѣренность.}}\ \underbrace{m+n+\ldots}_{\text{Anderweitige Umstände.}}$$

Такая схема, по мнѣнію Лемана, вполнѣ соотвѣтствуетъ самонаблюденію, между тѣмъ какъ самое существованіе чистыхъ ассоціацій сходства (въ противоположность тому, что приверженцы гипотезы сходства называютъ «узнаваніемъ съ обстоятельствами») не можетъ быть доказано самонаблюденіемъ (102). Правда, защитники гипотезы сходства указываютъ, что при помощи ассоціаціи смежности нельзя объяснить узнаванія единичныхъ, изолированныхъ ощущеній. Но слѣдуетъ еще доказать, что узнаваніе подобнаго рода ощущеній (допускаемое и объясняемое гипотезой сходства) вообще возможно. «Наблюденія обыденной жизни,—говоритъ Леманъ,—скорѣе заставляютъ насъ принять не-

возможность такого узнаванія. Если дама, нѣсколько мѣсяцевъ занимаясь вышиваніемъ, истратила матеріалъ извѣстнаго цвѣта, то она не можетъ пойти въ магазинъ и среди сотни оттѣнковъ найти тотъ самый цвѣтъ, какой для нея требуется. Она непремѣнно должна взять съ собой образчикъ—и не для того только, чтобы облегчить себѣ нахожденіе нужнаго оттѣнка, но именно для того, чтобы сдѣлать его возможнымъ, потому что иначе она была бы не въ состояніи узнать требуемый цвѣтъ. Опыты Вольфе съ узнаваніемъ высоты тоновъ (*Wolfe*, Untersuchungen über das Tongedächtniss, Philosophische Studien B. III) также показываютъ, что увѣренное узнаваніе возможно только при совершенно особыхъ условіяхъ» (113).

Для доказательства того, что *принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь*, Леманъ пользуется разборомъ возраженій, выставляемыхъ защитниками гипотезы сходства противъ указаннаго выше объясненія явленій ассоціаціи по сходству ассоціаціями по смежности, т. е. противъ схемы:

$$A \left\{ \begin{matrix} b \\ c \\ d \end{matrix} \right\} W.$$

По мнѣнію защитниковъ гипотезы сходства, въ этой схемѣ не принимается во вниманіе, что съ B было связано не вновь появившееся A (das aufs Neue auftauchende A), но болѣе раннее представленіе A, т. е. A_n. И b можетъ быть воспроизведено лишь постольку, поскольку A можетъ воспроизвести A_n, т. е. вызвать a_n. Иначе говоря, b можетъ быть вызвано только посредствомъ a_n, какъ промежуточнаго члена, и, слѣдовательно, безъ гипотезы чистой ассоціаціи сходства невозможно понять отношеніе A къ b.

По мнѣнію Лемана, такое возраженіе, въ концѣ концовъ, основано на недоразумѣніи. «Если представленіе A возникаетъ повторнымъ образомъ путемъ внѣшнихъ раздраженій, то всѣ эти, въ остальныхъ отношеніяхъ однородныя, состоянія сознанія мы, по условію, обозначаемъ какъ A_1 A_2, $A_3 ... A_n$, гдѣ возрастающія обозначенія (Indices) 1, 2, 3... n показываютъ, что существованіе даннаго представленія въ сознаніи, по времени, отстоитъ сравнительно дальше. Соотвѣтствующими маленькими буквами a_1, $a_2 ... a_n$ мы обозначали тѣ же самыя состоянія, только воспроизведенныя, т. е. возникшія въ другой моментъ времени и не подъ воздѣйствіемъ внѣшняго раздраженія, а подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь представленія. Слѣдовательно, символъ a_n обозначаетъ состояніе, совершенно сходное съ состояніемъ A_n, и отличное отъ него только въ томъ, что оно вызывается въ другой моментъ и подъ воздѣйствіемъ внутренней, психической (а не внѣшней, физической) причины. Отсюда ясно, что a_n настолько же мало было одновременнымъ въ сознаніи съ B, какъ и наличное представленіе A. A_n было одновременно съ B, но a_n — это такое же состояніе, какъ и A_n, но только явившееся въ другой моментъ вре-

мени. Какъ же слѣдуетъ понимать утвержденіе, что А можетъ воспроизвести b только посредствомъ прежнихъ представленій объ А, т. е. $(a_1+a_2+..+a_n)$? А и a_n находятся въ равномъ отношеніи къ В, потому что они обозначаютъ одно и то же состояніе, взятое въ одинъ и тотъ же моментъ—съ той только разницей, что *А* вызвано воспріятіемъ, а a_n —какой-то неизвѣстной дѣятельностью. И если А не можетъ вызвать b, то какъ же можетъ сдѣлать это a_n?» (104).

По мнѣнію Лемана, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ удивительно грубымъ, чувственнымъ способомъ пониманія. Здѣсь можно предположить два случая. Во-первыхъ, представленія могутъ мыслиться какъ реальныя величины, гладкіе атомы съ зацѣпками, которыми они, одновременно появляясь въ сознаніи, могутъ связываться другъ съ другомъ, для того, чтобы, объединившись такимъ образомъ упасть въ уголъ (in einen Winkel) гдѣ они могли бы лежать до тѣхъ поръ, пока ихъ не подцѣпитъ и не вытащитъ другое представленіе. Въ такомъ случаѣ конечно, приходится утверждать, что представленіе А необходимо должно быть при помощи нѣкоторыхъ промежуточныхъ членовъ связано съ представленіемъ a_n, которое съ другой стороны связано съ b, чтобы заставить это послѣднее появиться. Во вторыхъ, можно твердо знать, что представленія суть *состоянія* сознанія, но при этомъ забывать, что воспроизведенныя представленія А (т. е. $a_1+a_2+a_3...a_n$) одновременны съ А. Вѣроятно, именно поэтому думаютъ, что a_1, a_2, $a_3...a_n$ суть болѣе раннія состоянія сознанія, которыя (подобно дѣйствительнымъ, реальнымъ величинамъ) могутъ вновь появиться въ любой моментъ времени. По этому взгляду, А есть нынѣшнее состояніе (ein jetziger Zustand), а, то же самое состояніе, отличающееся отъ А только тѣмъ, что оно имѣло мѣсто, напримѣръ, вчера. Слѣдовательно, утверждая, что *a* вызывается состояніемъ А, желаютъ лишь сказать, что нынѣшнее состояніе вызываетъ вчерашнее. Но отъ этого дѣло не улучшается. Вѣдь бывшее состояніе никогда не возвращается. Впослѣдствіи можетъ явиться состояніе точно такого же рода, силы и распространенности (Ausdehnung), какъ прежнее, но какимъ образомъ возможно понять, что состояніе, характеризуемое именно тѣмъ, что оно нѣсколько времени тому назадъ прекратилось, *само* снова появляется? Такъ думать—значитъ прежде всего допускать нелѣпость. «Ассоціація сходства можетъ казаться имѣющей значеніе только при чисто матеріальныхъ или абсурдныхъ взглядахъ на представленія, и если только не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы принять подобные взгляды, то является совершенно непонятнымъ не только то, какую пользу можетъ принести ассоціація сходства, но и то, какъ вообще возможно ее мыслить». Вѣдь $A+(a_1+a_2+a_3...+a_n)$ обозначаетъ только $n+1$ повтореній очень близкихъ другъ другу состояній въ одинъ и тотъ же моментъ. Эти состоянія существуютъ въ сознаніи не самостоятельно и не наряду другъ съ другомъ, потому что въ такомъ случаѣ наряду съ образомъ А, вызваннымъ путемъ внѣшняго раздраженія, должно было бы *n* разъ повторяться то же самое представленіе, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Слѣдовательно, эти сход-

ныя состоянія n+1 сливаются въ одно. Это можно легко себѣ представить. Одновременные толчки (Stösse) n+1 могутъ дѣйствовать какъ одинъ толчекъ, но этотъ толчекъ долженъ быть въ n+1 разъ сильнѣе, чѣмъ каждый изъ отдѣльныхъ. Но по гипотезѣ сходства этого не выходитъ. Состояніе $A+(a_1+a_2+...a_n)$ должно быть мыслимо не интенсивнѣе A; мы имѣемъ здѣсь не количественное, а качественное различіе, образуемое сложеніемъ $a_1+a_2+...+a_n$ съ A. Опять громадное затрудненіе. Непонятно, какимъ образомъ сумма (n+1) слагаемыхъ почти равной величины можетъ дать вмѣсто количественнаго, качественное измѣненіе состоянія. Дѣйствительно, невольно хочется спросить: не слѣдуетъ ли считать принятіе чистой ассоціаціи сходства излишней и въ высшей степени неестественной гипотезой?» (106).

Для доказательства того, что *гипотеза сходства противорѣчитъ опыту*, Леманъ ссылается на свои собственныя изслѣдованія.

Эксперименты Лемана были поставлены слѣдующимъ образомъ.

Въ темной комнатѣ были установлены (на высотѣ 130 сантиметровъ отъ пола) двѣ керосиновыя лампы (съ горѣлкой «солнце»). Разстояніе между ихъ пламенемъ равнялось 47 сантим. Высота пламени равнялась 4 сант., а сила свѣта—приблизительно 16 нормальнымъ свѣчамъ. Отъ глазъ наблюдателя пламя лампъ было закрыто черными щитами, такъ что наблюдатель, сидѣвшій передъ ними, могъ видѣть только свѣтъ, падающій на помѣщенные сзади лампъ (на разстояніи 170 сант. отъ нихъ) два вращающихся аппарата, какіе обыкновенно употребляются для смѣшиванія цвѣтовъ. Радіусъ круговъ былъ равенъ 10 сант., а центръ ихъ помѣщался на высотѣ 118 сант. отъ пола, на уровнѣ глазъ наблюдателя. Передъ вращающимися аппаратами находилась черная неподвижная ширма, позволявшая видѣть только одни круги. Кромѣ этой ширмы, были устроены еще двѣ—подвижныя, закрывавшія, когда нужно, круги, такъ что наблюдатель въ любой моментъ могъ видѣть или оба круга, или только одинъ изъ нихъ.

Опыты производились надъ четырьмя лицами. Способъ производства изслѣдованія простого узнаванія заключался въ слѣдующемъ. Сначала показывался одинъ кругъ, принятый за нормальный, который обозначимъ буквой *n*. По прошествіи извѣстнаго времени *t* появлялся или *n*, или болѣе свѣтлый кругъ *l*, или болѣе темный *m*, причемъ наблюдатели должны были рѣшить, былъ ли послѣдній кругъ равенъ первому, или нѣтъ. Послѣ паузы (продолжительность которой бывала болѣе t) снова показывался *n*, и, поистеченія времени *t*, опять появлялся или *n*, или *l*, или *m*. Это повторялось 10 разъ съ тѣми же самыми *n*, *l* и *m*, послѣ чего переходили къ другому ряду, гдѣ *n*, *l* и *m* (а при нѣкоторыхъ опытахъ и t) имѣли другую величину. Для того. чтобы на результаты изслѣдованія не оказывало вліянія постепенное упражненіе, примѣнялась соотвѣтствующая группировка отдѣльныхъ наблюденій. Такъ, напр., если въ одинъ день ряды слѣдовали въ порядкѣ 1, 2, 3..., то въ слѣдующій день принимался порядокъ 2, 3, 1..., затѣмъ — 1, 3 и т. д.

Такимъ образомъ, упражненіе должно было до извѣстной степени равномѣрно распредѣляться по всѣмъ рядамъ и вліяніе постороннихъ факторовъ по возможности уменьшаться.

Какимъ же образомъ возможно было воспользоваться результатами подобнымъ образомъ поставленныхъ изслѣдованій для доказательства того, что признаніе ассоціаціи сходства противорѣчитъ даннымъ опыта?

Излагая результаты своихъ экспериментовъ, Леманъ ставитъ вопросъ: слѣдовало ли ожидать, что *n* чаще будетъ подвергаться смѣшенію чѣмъ *l* и *m*, среди которыхъ оно узнавалось? «Обѣ теоріи (т. е. гипотеза сходства и гипотеза смежности) въ данномъ случаѣ должны,—говоритъ Леманъ,—выставить вполнѣ опредѣленныя, но противорѣчивыя ожиданія, такъ что именно эта проблема въ состояніи помочь намъ составить рѣшительное сужденіе о томъ, какая изъ этихъ теорій лучше всего можетъ объяснить данныя опыта» (133).

Въ виду того особеннаго значенія, какое Леманъ придаетъ этимъ результатамъ своихъ наблюденій, полезно будетъ цѣликомъ привести его объясненіе.

«Съ точки зрѣнія гипотезы сходства, дѣло должно обстоять слѣдующимъ образомъ. Чѣмъ чаще повторяется ощущеніе, тѣмъ легче оно должно узнаваться (при совершенномъ равенствѣ другихъ условій). Вліяніе упражненія основывается именно на томъ, что умножается количество однородныхъ ощущеній вслѣдствіе чего узнаваніе становится увѣреннѣе. Слѣдовательно, если рядъ опытовъ поставленъ такъ, какъ у насъ, то нормальный кругъ *n* долженъ былъ узнаваться съ большей увѣренностью, чѣмъ *l*, такъ какъ онъ не только появлялся (для сужденія о немъ) одинаковое количество разъ, съ *l*, но, кромѣ того, показывался еще передъ каждымъ отдѣльнымъ опытомъ. Въ рядѣ изъ 30 опытовъ *n* было показано всего 45 разъ, а *l* — только 15, и если даже отсюда не дѣлать никакого количественнаго вывода, то всетаки слѣдуетъ заключить, что *n чаще будетъ получать правильную оцѣнку, чѣмъ l.*

Съ точки зрѣнія теоріи смежности, отношеніе будетъ совсѣмъ другимъ. Здѣсь узнаваніе опирается на сравненіи съ образомъ воспоминанія, который является болѣе или менѣе смутнымъ и не яснымъ и на который повтореніе можетъ вліять лишь въ томъ смыслѣ, что по истеченіи извѣстнаго времени онъ оказывается не совсѣмъ въ такой степени неяснымъ (nicht ganz so unklar ist), въ какой онъ былъ бы при меньшемъ упражненіи. Здѣсь значеніе повторенія сводится лишь къ тому, что узнаваніе въ общемъ становится увѣреннѣе, но это не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что именно получитъ наиболѣе правильную оцѣнку—*n* или *l*. Напротивъ, это должно зависѣть отъ совершенно другихъ отношеній: прежде всего, отъ вида ощущеній и затѣмъ—отъ индивидуальныхъ задатковъ. При зрительныхъ ощущеніяхъ, съ которыми мы исключительно имѣли дѣло при нашихъ опытахъ, можно было ожидать слѣдующаго. У человѣка, обладающаго яснымъ образомъ воспоминанія о нормальномъ кругѣ, не можетъ быть никакого различія въ степени увѣренности, съ которой узнаются *n* и *l*. Если показать *n*, то, при сравненіи съ образомъ воспоминанія,

оно будетъ воспринято какъ равное ему; если же показать l, то оно будетъ воспринято какъ отличное отъ образа воспоминанія, и это ничуть не предполагаетъ (что бы тамъ ни говорили), будто оцѣнка одного должна совершаться съ большей увѣренностью, чѣмъ оцѣнка другого. Отсюда слѣдуетъ, что въ основѣ смѣшенія лежатъ главнымъ образомъ случайныя обстоятельства, и слѣдовательно, *вѣроятность смѣшенія такъ же велика для* l, *какъ и для* n. Напротивъ, дѣло обстоитъ иначе для того, у кого образъ воспоминанія отличается совершенной неясностью. Для такого индивидуума очень трудно, сравнивая n съ наличнымъ образомъ воспоминанія, придти къ признанію ихъ равенства — именно потому, что образъ воспоминанія не ясенъ. Онъ будетъ склоненъ думать, что между образомъ воспоминанія и тѣмъ, что онъ видитъ существуетъ разница даже тогда, когда ея не должно быть и поэтому n будетъ часто оцѣниваться какъ l или m. Напротивъ, l (и m) съ трудомъ могутъ признаваться равными образу воспоминанія, потому что сходство этого образа съ l или m въ моментъ сравненія должно было бы быть совершенно случайнымъ. Слѣдовательно, *при очень неясныхъ образахъ воспоминанія* l *(и* m*) должно чаще получать правильную оцѣнку, чѣмъ* n. Этотъ выводъ прямо противоположенъ тому, къ чему привела насъ гипотеза сходства, и благодаря этому мы теперь можемъ, на основаніи опытовъ, составить сужденіе относительно обѣихъ теорій.

Таблица IV.

	v	nv	xv	nv—xv
B.	107	55	52	3
L.	165	109	56	53

Въ таб. *IV* данъ обзоръ всѣхъ смѣшеній, = ошибочныхъ оцѣнокъ, Verwechselungen, полученныхъ при 510 оцѣнкахъ, произведенныхъ двумя наблюдателями B и L. Подъ рубрикой v приведено все количество смѣшеній, полученныхъ при 510 опытахъ; подъ *nv*—количество случаевъ, когда неправильно оцѣнивался нормальный кругъ n; подъ *xv*—сумма случаевъ, гдѣ l и m смѣшивались или между собою или съ n. Слѣдовательно, разница *nv—xv* показываетъ, насколько чаще происходили невѣрныя оцѣнки n, въ сравненіи съ двумя другими кругами—l и m. Такъ какъ эта разница положительна, то, значитъ, узнаваніе n у обоихъ наблюдателей было менѣе увѣреннымъ и точнымъ (unsicherer), чѣмъ узнаваніе l и m. Но это рѣшительно противорѣчитъ гипотезѣ сходства, которая требуетъ именно сравнительно болѣе увѣреннаго узнаванія n. Кромѣ того, числа показываютъ полное согласіе съ требованіями теоріи тождества. Для B., у котораго образы воспоминанія должны были отли-

чаться большей отчетливостью [1]), увѣренность узнаванія почти одинакова какъ для *n*, такъ и для *l* и *m*. Напротивъ, L., обнаруживаетъ столь большую неувѣренность при оцѣнкѣ *n*, что допускаетъ почти двойное количество смѣшеній при оцѣнкѣ *n* въ сравненіи съ *l* и *m*. Для доказательства непригодности гипотезы сходства невозможно подыскать болѣе рѣшительнаго примѣра» (133—135).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Трагическое.

Проф. *Л. А. Саккетти.*

Современное научное міросозерцаніе со своимъ принципомъ борьбы за существованіе, со своимъ эволюціоннымъ драматизмомъ, основывающимъ на гибели и смерти менѣе приспособленныхъ къ жизни существъ возникновеніе высшихъ біологическихъ формъ, окрашено въ трагическій колоритъ. Трагизмъ обнаруживается въ самой міровой сущности, въ бездонныя пропасти которой пытается проникнуть человѣческая мысль. Не одинъ пессимизмъ видитъ трагизмъ въ установленномъ міропорядкѣ. Безпристрастный мыслитель, не закрывающій глазъ на отрицательную и мрачную сторону бытія, но вѣрящій въ побѣду положительной, не можетъ не видѣть диссонирующаго трагизма въ самомъ конечномъ индивидуальномъ существованіи, брошенномъ въ безпредѣльный потокъ времени съ навсегда погибшимъ прошедшимъ, съ постоянно лишь надвигающимся будущимъ и съ однимъ лишь настоящимъ, по своей мимолетности однако же равнымъ нулю... Чѣмъ сильнѣе и многостороннѣе изслѣдую я міръ, пишетъ Фолькельтъ, тѣмъ болѣе утверждается во мнѣ убѣжденіе, что противорѣчіе, раздвоеніе и отрицаніе, обнаруживающіяся повсюду въ мірѣ, доступномъ обытному наблюденію, простираются до самой глубины его сущности *)». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Фолькельтъ крѣпко держится мысли, что, хотя вѣчной міровой основѣ присущъ такой же вѣчный принципъ противорѣчія, сопротивленія и отрицанія, но это раздвоеніе, этотъ раздоръ и эта борьба все же побуждаются позитивной силой міроваго начала. Абсолютное существо, простое, замкнутое въ себѣ самомъ, само себѣ довлѣющее въ ненарушимой гармоніи своего безмятежнаго покоя, не имѣло бы повода раско-

---

[1]) «Наблюдатель B. изучаетъ эстетику, очень интересуется искусствомъ и обладаетъ навыкомъ въ припоминаніи пластическихъ работъ и картинъ. Напротивъ, L. математикъ и, хотя, работая полтора года въ лабораторіи (главнымъ образомъ надъ оптическими экспериментами), развилъ въ себѣ очень тонкую чувствительность къ различію цвѣтовъ, тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого навыка и интереса къ ихъ припоминанію, если только не считать того интереса, который могли представлять для него опыты съ узнаваніемъ» (131).

*) Volkelt, Aesthetik des Tragischen, München. 1897. S. 427.

лоться на мелкія частицы конечныхъ существъ и унизиться до полнаго противорѣчія индивидуальнаго существованія. Нѣтъ: міръ конечныхъ существъ со своей дикой, жестокой дѣйствительностью, со всѣми страданіями и разрушеніями и ложью, со всѣмя страстями и пороками приводитъ къ заключенію, что въ самой его основѣ положенъ принципъ полный диссонанса, противорѣчія и страданія. «Но это страданіе связано не съ пораженіемъ и уничтоженіемъ. Если-бы въ абсолютномъ побѣждало не раціональное, не долженствующее, то міръ рухнулъ и превратился-бы въ хаосъ. То, что міръ держится и порядокъ въ немъ сохраняется, доказываетъ побѣду разумной силы, позитивнаго принципа. Поэтому отношеніе обѣихъ сторонъ абсолютнаго можно выразить такъ: 1) вѣчное міровое начало и разумно, и неразумно, позитивно и негативно. должно быть и не должно быть; 2) разумное, доброе, позитивное начало есть всеобъемлющій, главный, побѣждающій принципъ; негативное начало есть подчиненный, вѣчно бодрствующій и вѣчно преодолѣваемый моментъ въ позитивномъ, всегда живой, хотя и постоянно побѣждаемый ею соперникъ. Къ этому можно еще прибавить: 3) позитивное (оставляя это выраженіе) нуждается въ негативномъ; позитивное можетъ обнаружиться, ожить и возгорѣться лишь превозмогая свой контрастъ. Можно даже сказать: существованіе возникаетъ не просто и непосредственно, а всегда лишь дѣлая крюкъ, проходя черезъ раздвоеніе и противуположеніе» *).

Конечно, это все догадки. Но есть символъ этой міровой сущности, вполнѣ ясно говорящій нашему сердцу, хотя и не поддающійся слову: міровая проблема не доступна нашему разуму, которому однако присуще стремленіе проникнуть въ ея тайну. Упомянутый символъ есть то великое искусство, которое полно борьбы, стремленія, порывовъ и страстей, движенія и контрастовъ, но вездѣ и всегда подчинено высшему началу порядка и разрѣшаетъ всѣ диссонасы въ благозвучіе, чѣмъ и достигается стройная гармонія. Это искусство есть музыка, та «мелодія. для которой міръ служитъ текстомъ» (Шопенгауэръ). «Въ ней слышится вселенскій хоръ существъ, то радостный, то плачущій. Это міровая душа, и мы ея мысли. Это—вся природа, постоянно страдающая, неудовлетворенная, надломленная и разбитая, но животрепещущая въ своихъ похоронахъ и среди миріады смертей ее устилающихъ, силящихся поднять къ небу свои руки «отягченныя новымъ поколѣніемъ, съ ихъ глухимъ воплемъ, невыразимымъ, заглушеннымъ, съ ново-зарождающимся крикомъ ненасытнаго желанія» (H. Taine. Vie et opinion de M. Frédéric-Thomas Graindorge. Paris 1873. Chapitre XXIV. Un Tête-à-tête, p. 332,333).

Уже въ древности пониманіе раздвоенности міроваго начала обнаруживается въ религіи. Религія Заратустры полна трагизма: доброе начало борется со злымъ и побѣждаетъ его. Поклонники этой религіи участвуютъ въ міровой драмѣ, борются съ Ормуздомъ противъ Аримана и присоединяются къ торжеству

*) Ibid. S. 432–433.

свѣта надъ мракомъ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Здѣсь активный моментъ въ развитіи міровой драмы. Склонность къ пассивному созерцанію борьбы противуположныхъ началъ приводитъ къ отреченію отъ міра, къ отрицанію существованія. Тотъ царевичъ, которому выпали на долю всѣ утѣхи земного существованія, встрѣтившись лицомъ къ лицу со страданіемъ, не въ состояніи болѣе безмятежно пить чашу наслажденій: она наполнена ядомъ сознанія ихъ превратности и мимолетности. Царевичъ превращается въ бездомнаго скитальца, въ монаха Будду, находящаго успокоеніе и утѣшеніе въ покоѣ небытія, нирванѣ. Пониманіе мірового трагизма было присуще и индусамъ, исповѣдывавшимъ браманизмъ. «Въ древнихъ индійскихъ поэмахъ сохранялись до настоящаго времени послѣдніе отголоски опасенія первобытныхъ людей при наступленіи ночей». «Солнце, наше доброе солнце, совершенно скрылось на западѣ, можно-ли быть увѣреннымъ, что завтра оно снова покажется на Востокѣ? Что если оно не вернется. Солнце, вырываясь изъ объятій утренней зари, озаривъ міръ своимъ свѣтомъ, исчезаетъ въ мрачной безднѣ вечерней и тамъ погибаетъ, соединяясь съ враждебными силами ночи». Поэтическій геній индусовъ, персовъ, грековъ и германцевъ олицетворилъ эту солнечную драму: Карна въ Магабгаратѣ, Ахиллесъ въ Иліадѣ, Зигфридъ въ Нибелунгахъ, Сіавушъ въ Шахнаме, подобно солнцу, погружающемуся въ мракъ вечерней зари, погибаютъ во цвѣтѣ лѣтъ, сочетаясь съ мрачными вражескими силами *). Прекрасное, какъ вешній цвѣтъ, отличается кратковременностью. Текла въ «Валлейнштейнѣ» Шиллера по поводу смерти Макса говоритъ:

Пришла судьба, холодная и злая,
Сурова и мрачна, какъ мраченъ адъ,
Схватила нѣжнаго рукой ужасной
И бросила подъ остріе копытъ.
И вотъ, всему что на землѣ прекрасно, –
Какой конецъ свирѣпая сулитъ.

Гибель прекраснаго и прелестнаго производитъ не трагическое, а скорѣе трогательное впечатлѣніе. Въ особенности мы бываемъ глубоко растроганы страданіями невинныхъ, чистыхъ и слабыхъ существъ, напримѣръ, дѣтей. Фолькельтъ указываетъ на трогательное впечатлѣніе, производимое на читателя страданіями Оливера Твиста въ романѣ того же имени Диккенса. Къ этому примѣру трогательнаго можно прибавить: страданія Давида Коперфильда, отправившагося въ путь за поисками своей бабушки; подобное же полное мученій путешествіе описываетъ Доде въ своемъ романѣ «Жакъ», гдѣ маленькій герой романа бѣжитъ изъ школы къ своей матери,—въ особенности же разсказъ Достоевскаго: «У Христа на ёлкѣ» о замерзнувшемъ мальчикѣ. Слабость, беззащитность этихъ маленькихъ страдальцевъ, сталкивающихся съ неумолимымъ рокомъ, въ смыслѣ невѣдомыхъ имъ законовъ дѣйствительности,

*) M. Carriere, Die Poesie. 2 Aufl. Leipzig. 1884. S. 260, 263—264.

съ которыми дѣти не только не въ состояніи бороться, но просто съ ними сообразоваться, дѣлаютъ несчастіе, въ особенности же гибель этихъ нераспустившихся цвѣтковъ человѣчества въ высшей степени трогательными, до боли сжимающими наше сердце состраданіемъ къ этимъ столь незаслуженнымъ мукамъ.

Художникомъ трогательной дѣтской судьбы является Поль Деларошъ, изобразившій сыновей Эдуарда IV въ ихъ спальнѣ въ Тоуэрской башнѣ, передъ ихъ убіеніемъ. Оба мальчика пугливо жмутся другъ къ другу. Старшій, одѣтый по-царски, сидитъ на постели съ выраженіемъ грустнаго предчувствія; младшій на молитвенной скамьѣ, придвинутой къ постели, съ выраженіемъ мучительнаго ожиданія на лицѣ, смотритъ на дверь, черезъ щель которой проникаетъ свѣтъ, обнаруживающій приближеніе убійцъ. Неразлучный другъ заключенныхъ, собачка, навострила уши: она услыхала шаги. Ужасъ этого момента, вслѣдствіе безпомощности малютокъ, производитъ глубоко-трогательное впечатлѣніе. Дѣти Эдуарда IV послужили сюжетомъ и для Гильдебрандта, который сначала изобразилъ ихъ въ маленькомъ масштабѣ, а затѣмъ повторилъ ихъ въ большомъ. Гильдебрандтъ воспроизвелъ моментъ, когда несчастные мальчики «лежатъ такъ кротко, обнявъ другъ друга невинными, блѣдными, какъ алебастръ, руками; губы ихъ цѣловались во снѣ и въ весенней красотѣ казались четырьмя алыми розами на одномъ стеблѣ».

Трогательное впечатлѣніе могутъ производить страданіе и гибель не однихъ дѣтей. Юноша въ беззащитномъ положеніи или даже старикъ, лишенный силъ противиться судьбѣ, бороться съ ней, производятъ также глубоко-трагическое впечатлѣніе. Таковъ, напримѣръ, младшій братъ Шильонскаго узника Байрона, который

Гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ:
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой:...
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... Но, объятъ
Той тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи;
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанія смертныя скрывалъ,
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать и вдругъ умолкнулъ онъ.
Я вслушиваюсь—тишина!
Кричу, какъ бѣшеный: стѣна
Откликнулась—и умеръ гулъ...
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату—брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой».

Глубоко трогательно страданіе Лира, оплакивающаго свою Корделію. «Отъ горя я ослабъ!» восклицаетъ несчастный старикъ. У него нѣтъ силъ долѣе пить чашу страданій. «Глаза мои не зорки. Плохо вижу я», говоритъ онъ и умираетъ, пытаясь разглядѣть малѣйшую искру жизни Корделіи. Тотъ, кто видѣлъ въ этой сценѣ Росси, знаетъ, какъ плакалъ Лиръ: въ этихъ слезахъ было столько безысходнаго, безпомощнаго горя! Такъ плачутъ дѣти, когда отъ нихъ отымаютъ самое для нихъ дорогое...

Всего болѣе трогательный характеръ свойственен женскимъ лицамъ. Онъ запечатлен на холодномъ мраморѣ въ статуѣ, изображающей гибель одной изъ дочерей Ніобы. Эту статую Фейербахъ сравниваетъ съ «сорваннымъ цвѣткомъ». Поль Деларошъ, столь художественно изобразившій дѣтей Эдуарда IV, мастерски воспроизвелъ глубоко-трогательный моментъ казни Анны Грей. Эдуардъ VI назначилъ ее наслѣдницей престола, который она занимала всего семь дней. По приказанію своей двоюродной сестры Маріи, Жанна Грей была заключена въ темницу и (по истеченіи шести мѣсяцевъ) казнена 12 февраля 1554 года, имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду. Въ протестантскомъ мартирологѣ, изданномъ въ 1588 г., говорится, что «благородная дама, прибывъ на мѣсто казни, обратилась къ двумъ своимъ благороднымъ фрейлинамъ и позволила имъ раздѣть себя. За симъ палачъ, вставъ на колѣни, смиренно просилъ простить его, что она охотно исполнила. Когда все было готово, молодая принцесса, упавъ на колѣни съ закрытымъ лицомъ, жалобно спросила: «Что должна я теперь сдѣлать? Гдѣ плаха?» За симъ сэръ Брюге (Bruge), не покидавшій Жанны Грей, положилъ ея руку на плаху. «Господи, сказала Жанна, я поручаю духъ мой въ Твои руки». Въ это время, когда она произносила эти слова, палачъ, взявъ топоръ, отрубилъ ей голову».

Поль Деларошъ близко держался приведеннаго разсказа. Художникъ изобразилъ молодую дѣвушку во всей ея трогательной красѣ, полураздѣтую, съ обнаженной шеей. Осужденная нагибается къ находящейся по-срединѣ передняго плана картины плахѣ, найти которую помогаетъ Жаннѣ почтенная фигура священника, проникнутаго выраженіемъ глубокаго состраданія. На одной сторонѣ картины палачъ, въ грубыхъ чертахъ лица котораго замѣтенъ оттѣнокъ участія къ своей жертвѣ; на другой сторонѣ обѣ спутницы Жанны—съ выраженіемъ глубокой скорби. Ничего не забыто художникомъ для того, чтобы воспроизвести событіе во всей правдѣ: изображена даже солома, на которую должна пролиться кровь и скатиться голова осужденной. Полный свѣтъ падаетъ лишь на Жанну. Все остальное погружено въ свѣтотѣнь, усиливающую страшное настроежіе момента. Чувство зрителя было-бы до нельзя потрясено ожиданіемъ катостhrофы, если-бы скорбная экспрессія не была до нѣкоторой степени сдержана, чему содѣйствуетъ также расхолаживающее совершенство, съ которымъ изображены всѣ детали. Нѣчто Деларошевское замѣтно въ молодой мученицѣ Макса, находящейся между кровожадными звѣрями римскаго цирка и съ изумленіемъ видящей, что ей изъ рядовъ зрителей молодой рим-

лянинъ, какъ послѣднее привѣтствіе, бросилъ розу. Въ слѣдующій моментъ дѣвушка будетъ лежать растерзанная въ куски *). Глубокою трогательностью запечатлены картины Макса, изображающія Гретхенъ передъ Мадонной въ темницѣ и въ Вальпургіеву ночь **).

Въ поэзіи немногое можетъ сравниться по трогательности производимаго впечатлѣнія съ гибелью Офеліи въ «Гамлетѣ» Шекспира, о которой Лаэртъ говоритъ: «О, горе, грусть, отчаяніе и даже ты, адское бѣшенство,—она всѣмъ вамъ придаетъ поразительную прелесть». Прежде, чѣмъ Офелія погибла на днѣ ручья, умъ ея утонулъ въ слезахъ міровой скорби, хлынувшей со всей своей жестокой силой на это нѣжное существо, созданое для свѣта, любви и счастія.

Впрочемъ Офелія страдаетъ отъ однихъ внѣшнихъ ударовъ судьбы. Гамлетъ не похитилъ ея чести. Но что должно было вынести человѣческое сердце въ груди Гретхенъ, брошенной Фаустомъ, лишившимъ ея дѣвичьей чистоты и сдѣлавшимъ ея, хотя невольной, но все же убійцей своей матери и своего ребенка?! Одна музыка (Фр. Шубертъ, Глинка и др.) въ состояніи открыть намъ бездну скорби, заключающейся въ воплѣ, вырвавшемся изъ ея истерзанной груди:

Покоя нѣтъ,
Душа скорбитъ.
Ничто его
Не возвратитъ.

Но у несчастной грѣшницы есть великое прибѣжище. Христіанская религія, превративъ страшнаго Бога воинствъ (Іегову) въ милосерднаго Отца, пославшаго Своего Сына спасти родъ человѣческій, дала ему непорочную Мать, которая, сдѣлавшись Царицей Небесной, не перестала быть женщиной. Ея женское сердце отзывчиво на людское горе.

Молю Тебя я,
О, Мать Святая,
Склонись, склонись къ бѣдѣ моей.
Съ мечомъ въ груди Ты
На ликъ убитый
Христа глядишь, полна скорбей.

Быть можетъ, нѣтъ большаго горя на землѣ, какъ быть безпомощнымъ свидѣтелемъ страданій любимаго существа. «Мать скорбящая въ горѣ стояла и въ слезахъ на Крестъ взирала, на которомъ Сынъ страдалъ. Сердце полное волненья, воздыханья и томленья, будто мечъ Ей грудь пронзилъ».

Этотъ мечъ, пронзившій душу Богородицы, сдѣлалъ ее воплощеніемъ трогательнаго. То, что она вынесла, стоя у Креста своего Сына, воспѣлъ въ гимнѣ «Mater dolorosa» Джіакопоне ди-Тоди (13 в.), начало котораго было при-

*) R. Muther, Geschichte der Malerei im 19 J. München. 1893. Bd. I. S. 434.
**) Ibid. I. S. 431.

ведено выше. Текстъ этого гимна былъ положенъ на музыку многими композиторами, но во всей своей трогательности душевныя страданія, перенесенныя Богородицей, выражены въ «Stabat Mater» Асторги (17 в.). Упомянутое произведеніе запечатлено глубокой искренностью. Есть извѣстіе о томъ, что Асторгѣ пришлось въ личной своей жизни перенести горе, похожее на то, которое испытала Матерь Божія у подножія Креста своего Сына. Отецъ Асторги, принявшій участіе въ возмущеніи народонаселенія Сициліи противъ испанскаго владычества, былъ казненъ въ присутствіи жены и сына. Поэтому послѣдній могъ выразить скорбь Богородицы съ такой искренностію, какъ будто это было его собственное горе. «Въ томъ мѣстѣ, пишетъ Риль о «Stabat Mater» Асторги, гдѣ говорится, что мечъ пронзитъ сокрушенное сердце Богородицы, басамъ данъ мрачный хроматическій ходъ, какъ бы остріемъ меча прорѣзывающій ткань верхнихъ голосовъ. Хотя композиторы сочиняли музыку на эти слова много разъ, но не многіе были въ состояніи такъ потрясти слушателя, какъ Асторга, столь нѣжный въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Это—мечъ, пронзившій на мѣстѣ казни душу юношѣ, мечъ, отрубившій голову его отца. Быть можетъ, Асторга безсознательно разсказалъ въ этомъ сочиненіи исторію собственной скорби» *).

Трогательное впечатлѣніе зависитъ отъ слабости и невинности страдающаго и гибнущаго существа. Чѣмъ слабѣе и невиннѣе послѣднее, тѣмъ болѣе трогательны его муки и смерть.

Трогательное впечатлѣніе обусловливается отсутствіемъ сопротивленія со стороны страдающей и гибнущей личности. Поэтому, если существо сильное не борется, а гибнетъ, уступая своему противнику, то получается скорѣе трогательное, чѣмъ трагическое впечатлѣніе. Оттого такъ трогательны Страсти Господни. Христосъ, который «трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ» (Мѳ. XII, 20), претерпѣваетъ страданія и умираетъ на Крестѣ, потому что не хочетъ противиться Провидѣнію. «И вотъ, одинъ изъ бывшихъ съ Іисусомъ, простеръ руку, извлекъ мечъ свой и, ударивъ раба первосвященникова, отсѣкъ ему ухо. Тогда говоритъ ему Іисусъ: возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ. Или думаешь, что я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ Ангеловъ. Какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть» (Мѳ. XXVI, 51—55). Точно также болѣе трогательны, чѣмъ трагичны страданія и смерть христіанскихъ мучениковъ. Для истиннаго христіанина смерть не страшна: она представляетъ переходъ въ жизнь вѣчную. Муки исчезаютъ для того, кто видитъ въ нихъ средство достигнуть блаженства въ раю. Оттого между христіанами бывали примѣры страстнаго влеченія къ мученичеству. Вотъ причина отсутствія настоящей христіанской трагедіи. Еще Лессингъ писалъ, что «настоящей трагедіи, заслуживающей назва-

*) Riehl, Musikalische Charakterköpfe. Stuttgart. 1861. Bd. I. S. 26—27.

нія христіанской, вѣроятно, придется еще ждать. Я разумѣю подъ этимъ такое произведеніе, въ которомъ бы христіанинъ интересовалъ насъ только, какъ христіанинъ. Возможно-ли однако написать что нибудь подобное? Развѣ характеръ настоящаго христіанина можетъ быть сцениченъ? Развѣ тихое спокойствіе, неизмѣнное смиреніе—существенныя черты христіанина, не идутъ въ разрѣзъ съ задачами трагедіи, которая старается очищать страсти страстями же? Развѣ ожиданіе блаженства въ награду за жизнь земную не противорѣчитъ тому безкорыстію, съ которымъ, по нашему желанію, должны совершаться на сценѣ всѣ великія и хорошія дѣла» *).

Подобно христіанству и стоицизмъ не пригоденъ трагизму. «Что такое въ сущности трагедія, спрашиваетъ Эпиктетъ, какъ не поэма, показывающая намъ страданія людей, придающихъ цѣну внѣшнимъ вещамъ» Въ сущности трагизмъ является слѣдствіемъ стремленія человѣка къ тому, что не въ его власти. Трагическаго героя влекутъ то наслажденія любви, то слава, то богатство, то желаніе продлить жизнь свою или своихъ близкихъ. Но стоику ничего этого не нужно. Если одинъ молитъ боговъ о томъ, чтобы они расположили къ нему сердце возлюбленной, то стоикъ проситъ ихъ о томъ, чтобы они помогли ему не желать и не добиваться любви кого-бы то ни было. Если другой проситъ защиты боговъ отъ несчастія, то стоикъ молитъ ихъ о ниспосланіи ему силъ перенести любыя бѣдствія. Если третій молитъ о спасеніи своего ребенка, то стоикъ проситъ закалить его такъ, чтобы онъ не боялся никакой утраты **). Стоикъ ничего не желаетъ отъ внѣшняго міра, ничего не боится изъ того, что можетъ ему встрѣтиться на жизненномъ пути. Одно лишь для него дорого—свобода. Но эта свобода зависитъ исключительно отъ него самого. Съ точки зрѣнія стоика рабъ можетъ быть вполнѣ свободенъ, будь онъ закованъ даже въ цѣпи, потому что никто и ничто не въ состояніи заставить человѣка думать, говорить и поступать. Противно его желанію, если этотъ человѣкъ не боится никакихъ мученій. Наоборотъ, если свободный гражданинъ всѣми силами добивается богатства, любви, почестей и т. д., то онъ не свободенъ, а зависитъ отъ людей и обстоятельствъ, могущихъ доставить или отнять то, что представляетъ предметъ его страстныхъ влеченій. Наоборотъ, можетъ-ли кто принудить стоика, будь онъ въ цѣпяхъ рабства, мыслить не согласно съ правдой, говорить ложь, поступать противно совѣсти? Нѣтъ! Такой силы не существуетъ въ мірѣ. Стоики это доказали своею жизнью...—Эпиктетъ былъ рабомъ по своему общественному положенію. Но рабство не мѣшаетъ мудрецу быть свободнымъ; Эпиктета нельзя было заставить думать, говорить и поступать противно его разумной волѣ.

Если человѣкъ не стремится къ наслажденіямъ, не боится страданій и

---

*) Сочиненія Лессинга. Русскій переводъ подъ редакціей П. Н. Полевого Спб. Москва. 1883 г. Томъ V, стр. 103—104.

**) Pensées de Marc Aurèle. Traduction nouvelle par Barthèlemy-St. Hilaire. Paris. 1876. Livre IX, § XL, p. 346.

презираетъ смерть, то нѣтъ силы, способной отнять у него свободу. Эпиктетъ говорилъ, что если-бы пришлось предстать передъ жестокимъ тираномъ человѣку, которому все равно: жить или умереть, то такому человѣку бояться тирана нечего. Идеалъ такого стоика воплощенъ въ Сенекѣ Майкова, передъ смертью говорящемъ своимъ ученикамъ такъ:

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобы я вселенную извѣдалъ,
И что въ себѣ и въ ней познаяъ,—
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой запечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ—
И гордо станетъ онъ въ вѣкахъ...
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ,
Но духъ мой, жизнію земной
Усовершенъ и умудренъ
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь—и вижу я
Зарю иного бытія.

Спокойно окончивъ земной путь, стоикъ, покорный волѣ Провидѣнія, переходитъ въ иной міръ, безъ надежды на награду и безъ страха наказанія. Стоицизмъ своей нравственной силой возносится такъ высоко надъ житейской суетой, что волненія людскихъ страстей, горестей и бѣдствій не въ состояніи достигнуть и смутить заоблачный покой отрѣшеннаго отъ міра мудреца, который выше трагизма.

Наоборотъ, злодѣй, погрязшій въ своихъ порокахъ, ниже трагизма. Его гибель производитъ отрадное впечатлѣніе: она избавляетъ міръ отъ позорнаго пятна. Мы увидали-бы, что страдать за правду, за идею—безразсудно, если плутъ, мерзавецъ, даже злодѣй при нѣкоторой ловкости и сметливости могутъ не только безнаказанно совершать свои гнусныя дѣла, но даже извлекать изъ своей подлости выгоду для своего житейскаго благополучія. Насколько благо-

денствіе злого для насъ тягостно, настолько его страданія и гибель кажутся намъ въ порядкѣ вещей. Мы жалѣемъ злодѣя, какъ человѣка, который при другихъ условіяхъ могъ бы стать инымъ... Но гибель злодѣя, въ особенности, если она является слѣдствіемъ его преступленій, внушаетъ намъ вѣру въ то, что на злѣ основывать свое благополучіе нельзя. Это противорѣчило-бы не только совѣсти, но и разуму, убѣждающему насъ въ томъ, что, несмотря на эфемерный успѣхъ, злодѣй обреченъ своими преступленіями на страданія и гибель. «Чѣмъ ярче выражается въ преступникѣ и злодѣе сущность зла, пишетъ Фолькельтъ, тѣмъ менѣе трагическаго впечатлѣнія они производятъ. Эффектъ, производимый на насъ Яго, Ричардомъ Ш, Францомъ Мооръ, совершенно иной, въ сравненіи съ тѣмъ, который мы получаемъ отъ Коріолана, Валленштейна и Фауста. Мрачные преступники принадлежатъ трагическому лишь въ ограниченномъ смыслѣ и лишь одной скрытой стороной» *). Совершенно лишена трагизма гибель изверга-помѣщика Куралесова, описанная Аксаковымъ въ «Семейной Хроникѣ», и Смердякова въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскаго. Люди, погрязшіе въ порокѣ, злѣ и преступленіи и находящіе справедливое возмездіе за свои ужасныя дѣла, содѣйствуютъ своею гибелью утвержденію въ насъ вѣры въ справедливость: наше мнѣніе о мірѣ выигрываетъ по мѣрѣ страданія и гибели, соотвѣтствующихъ злу, содѣянному извергомъ. Отсюда мы заключаемъ, что, если зло находитъ справедливое возмездіе, то, слѣдовательно, можно надѣяться на такую же справедливую награду за добро. Дѣло нисколько не измѣняется оттого, что злодѣй раскаивается или нѣтъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ не раскаивающихся Вурмѣ («Коварство и Любовь» Шиллера), жидѣ Филинѣ («Оливеръ Твистъ» Диккенса) и раскаивающемся Францѣ Мооръ («Разбойники» Шиллера), хотя сцена угрызеній совѣсти передъ смертью упомянутаго злодѣя по справедливости причисляется къ возвышеннѣйшимъ во всей литературѣ. Тѣмъ не менѣе въ гибели Франца Моора отсутствуетъ трагизмъ вслѣдствіе трусости этого злодѣя. Но отсутствіе трагизма въ злодѣѣ и въ его гибели не мѣшаетъ ему быть весьма важнымъ элементомъ въ трагедіи. Въ ней не всѣ лица должны быть исполнены трагическаго величія. Хотя король Клавдій въ «Гамлетѣ» Шекспира или Вурмъ въ «Коварствѣ и Любви» Шиллера не трагичны, но они вполнѣ умѣстны въ названныхъ произведеніяхъ, эстетическое достоинство которыхъ отнюдь не страдаетъ отъ гнусности названныхъ лицъ, весьма нужныхъ для трагедіи. Въ ней должно быть много страданій. Въ особенности имъ подвергаются трагическій герой и трагическая героиня. Ихъ страданія мотивируются присутствіемъ мерзавца и злодѣя, которые причиняютъ трагическія страданія и гибель. Въ этомъ смыслѣ оправдывается присутствіе мерзавца и злодѣя въ трагедіи, хотя сами они, ихъ страданія и гибель вслѣдствіе ихъ низости, гнусности и жестокости лишены трагической высоты. Эстетическая ошибка въ трагедіи обна-

*) J. Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München. 1887. S. 157.

руживается тогда, когда трагическое лицо по замыслу автора такимъ на самомъ дѣлѣ не оказывается. Такъ, напримѣръ, трагическаго эффекта королева Елизавета въ «Маріи Стюартъ» Шиллера не производитъ, вслѣдствіе своей хитрости, трусости, ханжества, что представляетъ важный недостатокъ упомянутаго произведенія. Однако, есть два условія, способныя окружить личность злодѣя ореоломъ высокаго трагизма: во-первыхъ,—глубина его страданій, которыя извергъ навлекаетъ на себя своими злодѣяніями; во-вторыхъ,—сила, обнаруживаемая имъ при достиженіи своихъ цѣлей, реализаціи своихъ плановъ и перенесеніи мученій и въ спокойной встрѣчѣ своей гибели. Таковы, напримѣръ, Макбетъ и Ричардъ III.

Макбетъ достигнулъ того, чего желалъ такъ страстно; онъ король. Теперь всѣ его усилія направлены на то, чтобы упрочить свое положеніе. Но корона дала-ли ему счастіе? На этотъ вопросъ Макбетъ даетъ отвѣтъ, говоря:

Довольно долго пожилъ я: мой май
Промчался быстро: желтыми листами
Опалъ моей весны увядшій цвѣтъ,
Но гдѣ же спутники преклонныхъ лѣтъ?
Любовь, почтеніе, кружокъ друзей,—
Ихъ мнѣ не ждать. А вмѣсто ихъ—проклятья—
На днѣ сердецъ, и лесть на языкѣ:
Ихъ жалкій родъ и въ ней бы отказалъ мнѣ
Когда бы смѣлъ.

Истинное чудовище злодѣйства въ образѣ человѣка есть леди Макбетъ Но и ея страданія возбуждаютъ къ ней сожалѣніе, когда она обнаруживаетъ весь адъ, носимый ею въ собственномъ сердцѣ, и въ припадкѣ лунатизма тщетно пытается смыть кровь со своихъ рукъ, восклицая: «Всѣ ароматы Аравіи не очистятъ этой маленькой руки».

Леди Макбетъ и ея мужъ получаютъ трагическій колоритъ также вслѣдствіе своей силы. Сила, сообщающая трагизмъ характеру злодѣя, можетъ обнаружиться въ мужествѣ, храбрости, упорномъ преслѣдованіи своихъ широкихъ замысловъ, въ геніальномъ умѣніи достигать своихъ цѣлей, въ рѣшительности, въ страстномъ влеченіи къ жизни и ея всесторроннимъ наслажденіямъ. «Тотъ, кто представитъ себѣ Клитемнестру Эсхила, Рихарда III, Макбета и его жену, Гонерилью, Регану, Эдмунда Шекспира, Морвуда въ «Миссъ Сара» Лессинга, Филиппа II Шиллера, Герцога Готландскаго и Донъ-Жуана Граббе, Голо Гебеля, Нерона въ «Агасферѣ» Гамерлинга, бишофа Николая въ «Kronpretendenten» Ибсена, легко пойметъ, какія черты этихъ приведенныхъ примѣровъ составляютъ ихъ величіе» *).

Трагическому величію злодѣя содѣйствуетъ историческій фонъ эпохи, въ которой извергъ живетъ. Если этотъ фонъ мрачный, то надѣленный мощью злодѣй какъ-бы воплощаетъ идею своего времени. Таковъ Ричардъ III Шек-

*) J. Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München. 1897. S. 185—186.

спира. Это нравственное чудовище является ядовитымъ плодомъ своего времени. Эпоха находитъ въ названномъ извергѣ воплощеніе зла, которое само себя уничтожаетъ. Несчастія, страданія и гибель, причиняемыя злодѣемъ и испытываемыя имъ самимъ, окутываютъ горизонтъ его времени мрачными тучами. Смерть изверга есть тотъ ударъ грома, который очищаетъ нравственную атмосферу данной исторической эпохи.

Ричарду III присущъ трагическій характеръ также вслѣдствіе того, что злодѣянія, совершаемыя названнымъ извергомъ, являются какъ-бы протестомъ противъ несправедливаго неравенства, одинаково замѣчаемаго какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ. За что она такъ обдѣляетъ своихъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей? За какой грѣхъ наказала она Ричарда при его рожденіи? «Только мнѣ, говоритъ онъ, сотворенному не для упражденій, требующихъ ловкости, и не для того, чтобы сладко заглядываться въ зеркало любви,—только мнѣ сложенному слишкомъ грубо и лишенному необходимой для любви величавости, поэтому не умѣющему красиво рисоваться передъ горделивыми и легкомысленными нимфами,—только мнѣ обиженному обманщицей-природой относительно соразмѣрности членовъ и какой бы то ни было внѣшней привлекательности,—мнѣ, искривленному, не додѣланному, мнѣ, выброшенному въ дышащій міръ прежде времени, доконченному едва только до половины,—мнѣ, до того безобразному, до того уродливому, что, глядя на меня, даже собаки лаютъ, когда я ковыляю мимо нихъ на хромой ногѣ, да, только одному мнѣ въ текущую пору безсильнаго и изнѣженнаго міра дано испытать развѣ только то наслажденіе, чтобы ради препровожденія времени любоваться на солнцѣ своею тѣнью и подсмѣиваться надъ своимъ безобразіемъ. Такъ вотъ, будучи не въ состояніи сдѣлаться обожателемъ этого восхваленнаго всѣми міра, я рѣшился сдѣлаться злодѣемъ и смущать пошлое веселье текущихъ дней».

Та же причина озлобила Франца Моора въ «Разбойникахъ» Шиллера. «Я имѣю полное право быть недовольнымъ природой, говоритъ Францъ Мооръ и, клянусь честью, я воспользуюсь имъ. Почему я не родился первымъ? Почему надѣлила меня природа этими безобразными чертами, почему именно меня? Она, какъ будто, создавая меня, собрала недостатки. Почему именно мнѣ достался этотъ носъ лапландца, эти губы негра, эти глаза готентота? Право, мнѣ кажется, что она собрала у всѣхъ племенъ самое отвратительное и изъ смѣси испекла меня!»

Свой монологъ Францъ Мооръ заключаетъ словами: «я истреблю вокругъ себя все, что мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться властелиномъ. Я долженъ быть имъ и силою добьюсь того, чего я не могъ добиться своей милостью». Все таки Францъ Мооръ не достигаетъ высоты истинно-трагическаго характера: ему для этого не хватаетъ мужества—онъ подлый трусъ. Отсутствіе храбрости лишаетъ этого негодяя силы, необходимой для трагическаго величія.

Озлобленіе на почвѣ несправедливости со стороны людей обнаруживается

у Эдмунда въ «Лирѣ» Шекспира. Въ противуположность Ричарду III и Францу Моору, Эдмундъ за-одно съ природой противъ человѣческихъ законовъ, противорѣчащихъ естественнымъ. Онъ говоритъ:

Природѣ повинуюсь я, какъ Богу:
Изъ всѣхъ законовъ лишь ея законы
Священны для меня. Изъ-за чего
Томиться мнѣ въ цѣпяхъ причудъ житейскихъ
И покоряться приговору свѣта,
И жить въ ничтожествѣ за то, что я
Родился въ свѣтъ немного позже брата?
Я незаконный сынъ - пусть будетъ такъ.
Я тварь презрѣнная. За что жь я тварь?
Мои всѣ члены стройны и красивы,
Я смѣлъ умомъ и тѣломъ больше силенъ,
Чѣмъ многіе счастливцы. Для чего-жь
Меня позорятъ именемъ позорнымъ?
Эдгаръ законный сынъ, хотя отецъ
Эдмунда больше любитъ, чѣмъ Эдгара,
Пусть будетъ такъ – Эдмундъ отниметъ земли
У брата, у законнаго дитяти!
Законный сынъ Эдгаръ какое слово!
Ну, мой законный братъ, когда удастся
Мнѣ выдумка моя съ запиской этой,
Быть можетъ, что Эдмундъ, дитя стыда,
Повыше сына признаннаго станетъ!
Вы, боги, будьте съ незаконнымъ сыномъ!

Предубѣжденіе на почвѣ несправедливыхъ законовъ, наказующихъ невиннаго въ лицѣ незаконнорожденнаго, озлобили Эдмунда. Предубѣжденіе на почвѣ религіозной нетерпимости, внушающей непримиримую вражду къ племени за то, что оно непоколебимо держится своей религіи, и мстящей за злодѣяніе, содѣянное предками, умершими болѣе девятнадцати вѣковъ тому назадъ,—это предубѣжденіе возбудило ненависть евреевъ къ христіанамъ и тѣмъ болѣе, что послѣдніе поступаютъ съ евреями совсѣмъ не въ духѣ христіанской любви, слѣдовательно едва-ли имѣютъ право гнать евреевъ за отказъ въ принятіи религіи, не исполняемой самими ея послѣдователями. Эта ненависть, внушаемая религіозной враждой, превратила Шейлока въ кровожаднаго звѣря. «Я терпѣливо, пожимая плечами, переносилъ все, говоритъ онъ Антоніо, потому что умѣнье безмолвно переносить страданія—отличительная черта нашего племени. Вы называли меня поганымъ, злымъ псомъ, плевали на мой жидовскій плащъ и все за то, что я пользуюсь своею собственностью. Но вамъ теперь вдругъ понадобилась моя помощь. Дѣло, кажется, ясно. Вы приходите ко мнѣ и говорите: «Шейлокъ, намъ нужны деньги!» И это говорите вы! Вы, избавляясь отъ слюны, харкая мнѣ въ бороду, и, словно чужую собаку, отталкивая меня ногой отъ вашего порога. Теперь вы просите у меня денегъ. Что бы мнѣ слѣдовало вамъ сказать? Не слѣдовало ли бы отвѣтить вамъ: развѣ у пса

есть деньги? Развѣ собака можетъ дать взаймы три тысячи червонцевъ? Или не слѣдуетъ-ли мнѣ глубоко склониться передъ вами и, затаивъ дыханіе, едва слышнымъ, покорнымъ лепетомъ и раболѣпнымъ тономъ сказать вамъ: прекраснѣйшій синьоръ, прошлую среду вы плевали на меня, а въ такой то день прогнали меня пинками, а еще въ такой то день назвали меня псомъ, и за всѣ эти любезности я готовъ дать вамъ взаймы денегъ».

Шейлокъ даетъ деньги взаймы подъ вексель. «Но ради шутки, прибавимъ, говоритъ Шейлокъ Антоніо, что въ томъ случаѣ, если вы не расплатитесь со мной на векселѣ, вы, въ видѣ неустойки, отдадите мнѣ ровно фунтъ вашего выхоленнаго мяса, который будетъ вырѣзанъ изъ какой мнѣ вздумается части вашего тѣла».

И вотъ, когда разносится вѣсть о томъ, что корабль Антоніо погибъ, и послѣдній не будетъ въ состояніи уплатить своего долга, Шейлокъ, отвѣчая на сдѣланный ему вопросъ: на что ему нуженъ былъ бы кусокъ мяса Антоніо? говоритъ: «Чтобы сдѣлать для него приманку для рыбы? Если отъ него не будетъ никакой иной пользы, это, по крайней мѣрѣ, насытитъ мое мщеніе. Онъ позорилъ меня, заставилъ меня потерять, по крайней мѣрѣ, полмилліона, смѣялся надъ моими потерями, смѣялся надъ моими барышами, срамилъ мой народъ, портилъ устраиваемыя мною дѣла, охлаждалъ расположеніе друзей и разгорячалъ ненависть моихъ враговъ.

А что заставляло его поступать такимъ образомъ:—то, что я жидъ. А развѣ у жида нѣтъ глазъ? Развѣ у него нѣтъ рукъ, другихъ органовъ, другихъ потребностей, чувствъ, привязанностей, страстей? Развѣ онъ питается не тою же пищей, развѣ ему наносятъ раны не тѣмъ же оружіемъ, развѣ онъ страдаетъ не тѣми же болѣзнями, излечивается не тѣми же средствами, не такъ-же грѣется лѣтомъ и не такъ-же дрожитъ отъ холода зимою, какъ христіанинъ? Когда вы наносите намъ удары острымъ оружіемъ, развѣ изъ насъ не течетъ кровь, когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся, когда отравляете, развѣ не умираемъ? А когда вы насъ обижаете, мы не должны мстить? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ походить на васъ и въ этомъ. Если жидъ обидитъ христіанина, что дѣлаетъ христіанское смиреніе?—мститъ. Если христіанинъ обидитъ жида,—что же ему дѣлать, какъ не мстить, по примѣру тѣхъ же христіанъ? То вѣроломство, которому вы меня научаете, я выкажу на самомъ дѣлѣ и для меня будетъ большимъ несчастіемъ, если я не превзойду своихъ учителей». Когда Шейлокъ настаиваетъ на своемъ правѣ вырѣзать, по уговору, кусокъ мяса у Антоніо, оказавшагося несостоятельнымъ должникомъ, и спрашиваетъ: «А развѣ тотъ умѣетъ ненавидѣть, кто въ то же время не желаетъ убить ненавистное существо», то мы сознаемъ, что злоба Шейлока имѣетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ основательную причину, достаточную для его оправданія. Христіане, отнявшіе у Шейлока его богатство, его честь, его дочь,—такъ долго и такъ страшно подвергавшіе всяческимъ гоненіямъ его соплеменниковъ, сами виноваты въ

томъ, что сладострастное предвкушеніе мести точащаго ножъ Шейлока съ цѣлью вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла Антоніо превращается въ справедливое возмездіе за мученія, которымъ подвергали ничѣмъ неповинныхъ потомковъ распявшихъ Христа евреевъ послѣдователи Того, Кто училъ любить ближнихъ, даже своихъ враговъ и Кто молился за своихъ убійцъ. Чтобы понять всю разницу между услаждающимися причиненными мученіями лютымъ извергомъ съ одной стороны и съ другой—доведеннымъ до отчаянія людскою несправедливостью Шейлокомъ, оттого возвышающимся до трагизма, несмотря на свою съ виду гнусную кровожадность, стоитъ сравнить съ нимъ Малюту Скуратова, Салтычиху и т. п.

Злодѣйства Малюты Скуратова и Салтычихи внушаютъ намъ ужасъ и отвращеніе. Изъ лицъ, созданныхъ поэтической фантазіей, подобное чувство возбуждаетъ въ насъ: Ааронъ и Тамора въ «Титѣ Андроникѣ» Шекспира, Францъ Мооръ въ «Разбойникахъ», Вурмъ въ «Коварствѣ и Любви» Шиллера, Бердоа въ «Герцогѣ Готландскомъ» Граббе. Наоборотъ, Ричардъ III, въ особенности Макбетъ, несмотря на всѣ злодѣянія ими совершенныя, возбуждаютъ къ себѣ нѣкоторую симпатію, сообщающую имъ трагическій интересъ.

Ричардъ III и еще въ гораздо большей степени Макбетъ привлекаетъ къ себѣ наши сердца своею силою и своими прекрасными дарованіями. Ричардъ III поражаетъ насъ своимъ умомъ, дающимъ ему возможность достигать осуществленія своихъ широкихъ замысловъ; Макбетъ очаровываетъ насъ своею доблестью и своимъ благородствомъ. И намъ до-нельзя жаль, что честолюбіе уничтожило въ нихъ все хорошее и подстрекнуло къ совершенію страшныхъ преступленій, въ кровавомъ потокѣ которыхъ потонули всѣ ихъ достоинства...

Какъ трудно Макбету рѣшиться на преступленіе! Нужно было, чтобы его честолюбіе встрѣтило такъ много совпавшихъ обстоятельствъ! И только вслѣдствіе этихъ случайностей онъ рѣшается на злодѣяніе. И какъ совершаетъ онъ его? Какъ ясно сознаетъ, что, убивая Дункана, онъ убиваетъ покой своей души!..

Макбетъ.

Я слышалъ
Раздался страшный вопль: «не спите больше!
Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ!
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Бальзамъ цѣлебный для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру».

Лэди Макбетъ.

Что хочешь ты сказать?

Макбетъ.

По сводамъ замка
Неумолкаемый носился вопль:

Гламисъ зарѣзалъ сонъ: за то отнынѣ
Не будетъ спать его убійца Кавдоръ,
Не будетъ спать его убійца Макбетъ.
(*Стукъ въ ворота повергаетъ его въ паническій ужасъ*).

Макбетъ.

Откуда этотъ стукъ? О, что со мной,
Что каждый шумъ меня пугаетъ? Га!
Какія руки! о! онѣ готовы
Мнѣ вырвать зрѣніе! А эту кровь
Не смоетъ съ рукъ весь океанъ Нептуна.
Нѣтъ! Нѣтъ! Скорѣй отъ этихъ рукъ
Въ моряхъ безчисленныхъ заплещутъ волны
Какъ кровь багровая.

Свинцовымъ гнетомъ легло убійство на преступную грудь и будетъ давить въ ней сердце до послѣдняго его біенія.

Макбетъ.

Сознавать убійство—
Мнѣ легче бы не сознавать себя.

Запятнанная совѣсть не даетъ покоя и Ричарду III. Жертвы его преступленій вереницей тѣснятся въ его сновидѣніи и отравляютъ его отдыхъ. Пробуждаясь въ ужасѣ, онъ говоритъ: «Ведите мнѣ другого коня, перевяжите раны и сжалься надо мной Спаситель! Но тише... Это былъ только сонъ... О, трусливая совѣсть, какъ ты меня терзаешь. Пламя ночника теперь синѣетъ, теперь мертвая полночь... Все мое дрожащее тѣло покрыто холодными, вызванными ужасомъ, каплями. Какъ! Неужто я пугаюсь самого себя? Здѣсь кромѣ меня нѣтъ никого. Ричардъ любитъ Ричарда и здѣсь никто другой, а именно я. Ужъ нѣтъ-ли здѣсь убійцы? Нѣтъ... Впрочемъ убійца есть—я самъ. Если такъ, надо бѣжать. Бѣжать отъ кого? Отъ самого себя? Зачѣмъ бѣжать, какая въ этомъ надобность? Чтобы не вздумалось отомстить самому себѣ? Какъ самому себѣ? Вѣдь я себя люблю, и за что мстить? Не за то ли ничтожное добро, которое я сдѣлалъ самому себѣ, или нѣтъ. Я скорѣе готовъ возненавидѣть себя за то омерзительное зло, которое я сдѣлалъ другимъ. Я злодѣй... Нѣтъ, нѣтъ, я лгу—я не злодѣй! Глупецъ, ты о себѣ долженъ отзываться хорошо! Нѣтъ, безмозглый дуракъ, не смѣй себѣ льстить! У моей совѣсти цѣлая тысяча языковъ и каждый языкъ разсказываетъ свою повѣсть и каждая повѣсть клеймитъ меня, какъ злодѣя! Я клятвопреступникъ—гнусный клятвопреступникъ, преступникъ... преступникъ высочайшей степени! Всѣ грѣхи, свершенные въ самыхъ ужасныхъ степеняхъ, тѣснятся къ столу судей и вопятъ: «виновенъ, виновенъ»! Какъ же не придти отъ этого въ отчаяніе! Нѣтъ въ мірѣ существа, которое бы меня любило. Умру, и не одна душа обо мнѣ не пожалѣетъ. Да и какъ пожалѣть, когда я къ самому себѣ не

чувствую ни малѣйшаго сострaданія. Мнѣ снилось, что души всѣхъ убитыхъ мною явились къ моей палаткѣ и каждый призывалъ мщеніе на голову Ричарда».

Самыя эти мученія Макбета и Ричарда указываютъ на то, что совѣсть у нихъ не умерла. Самый тотъ фактъ, что ихъ преступленія, приведя ихъ къ желанной цѣли, насытивъ ихъ алчное честолюбіе, всетаки не дало имъ счастія, а, наоборотъ, ввергло ихъ въ пучину адскихъ мученій, обнаруживаетъ нѣчто доброе въ сердцахъ этихъ изверговъ, не могущее примириться съ злодѣяніями, совершенными ихъ руками. Наконецъ, сама безмѣрность страданій Макбета и Ричарда возбуждаетъ къ этимъ злодѣямъ глубокое сострaданіе. Мы потрясены тѣмъ, что такія богатыя силы, такія прекрасныя дарованія погибли въ безднѣ зла. Какъ ни страшны содѣянныя этими злодѣями преступленія, но мученія и гибель того и другого намъ кажутся до такой степени ужасными, что намъ становится жаль столь могучаго Ричарда, столь благороднаго Макбета. Мы глубоко потрясены тѣмъ, что они могли такъ низко пасть, навлечь на себя такія ужасныя мученія и такъ страшно погибнуть.

Представимъ себѣ, что Макбетъ, убивъ Дункана, былъ бы въ восхищеніи отъ удачно выполненнаго намѣренія, приведшаго къ желанной цѣли; вообразимъ себѣ Ричарда III сладко спящимъ подъ заглушенный голосъ совѣсти: и тотъ, и другой превратились-бы въ гнусныхъ злодѣевъ. Наоборотъ, ихъ страданія на почвѣ немолчно обличающей ихъ совѣсти, обнаруживая благородство ихъ натуры, и бездонная пропасть ихъ адскихъ мукъ, гнѣздящихся въ ихъ собственныхъ сердцахъ, превращаетъ и Ричарда III, и Макбета, не смотря на весь ужасъ ихъ преступленій, въ глубоко-симпатичныхъ намъ трагическихъ героевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

О нѣкоторыхъ особенностяхъ душевной жизни слѣпыхъ.

Д-ра А. А. Кроіуса.

Психологія слѣпыхъ представляетъ до сихъ поръ мало разработанную область. Работы, касающіяся этого отдѣла психологіи, ограничиваются, главнымъ образомъ, чисто практическими наблюденіями болѣе или менѣе суммарнаго характера. Такихъ наблюденій сдѣлано, конечно, очень много. Мы обязаны имъ, несомнѣнно, многими чрезвычайно важными и цѣнными данными. Наблюденіямъ этимъ присущи, однако, и нѣкоторые общіе недостатки. Фактамъ, установленнымъ на основаніи ихъ, недостаетъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе детальной разработки; въ интересахъ психологіи необходимо было бы, прежде всего, разложить сложныя явленія, встрѣчающіяся въ дѣйстви-

тельности, на ихъ составные элементы, выяснить, затѣмъ, взаимоотношеніе взаимодѣйствіе послѣднихъ. Эта задача почти еще не затронута.

Наблюденія надъ слѣпыми требуютъ дополненія, кромѣ того, и въ другихъ отношеніяхъ. Результаты, къ которымъ приходятъ различные изслѣдователи, часто противорѣчатъ другъ другу. Желательно въ дѣло изученія душевной жизни слѣпыхъ внести болѣе объективные масштабы, съ помощью которыхъ можно было-бы провѣрять выводы, мнѣнія отдѣльныхъ изслѣдователей. Существуютъ противорѣчія даже относительно такихъ кардинальныхъ взглядовъ, какъ тотъ, можемъ-ли мы вообще толковать о какой-бы то ни было психологіи слѣпыхъ.

Многіе изслѣдователи утверждаютъ, что въ душевномъ складѣ слѣпыхъ, поскольку въ него не входятъ непосредственно зрительныя ощущенія и представленія, вообще нельзя замѣтить никакихъ особенностей. Всѣ процессы памяти, мышленія, чувствованія, всѣ стремленія и желанія протекаютъ совершенно такъ-же, какъ у нормальныхъ людей, въ характерѣ слѣпыхъ нельзя замѣтить ничего, что̀ отличало-бы ихъ отъ зрячихъ. Другіе-же авторы не согласны съ этимъ мнѣніемъ и отмѣчаютъ многія черты, какъ присущія по преимуществу слѣпымъ.

Систематическая *научная* разработка психологіи слѣпыхъ находится, во всякомъ случаѣ, еще въ зачаточномъ состояніи. Мы имѣемъ, правда, по этому вопросу нѣсколько частныхъ, болѣе или менѣе спеціальныхъ, изслѣдованій. Сюда относятся, напр., работы I. Чермака [1]), Джестрова [2]), Дюфура [3]), Гертнера [4]), Грисбаха [5]), Гохейзена [6]), Голля [7]), Іерузалема [8]), Римана [9]), Келлеръ [10]), Штерна [11]), Утгофа [12]), Гитшмана [13]), Геллера [14]). Въ другихъ,

[1]) I. Czermak, Physiologische Studien. Sitzungsber. d. Kaiserl. Acad. d. Wissenschaften in Wien. Mathem. naturw. Cl. Bd. 15 und Bd. 17.

[2]) Jastrow. The perception of space by disparate senses. Mind, 1886, стр. 537.

[3]) Dufour. Etude physiologique sur la cécité. Jubilé cinquantenaire de l'asyle des aveugles de Lausanne. 11, 12 et 13 Septembre 1894.

[4]) O. Gärttner. Versuche uber den Raumsinn der Haut an Blinden. Zeitschrift fur Biologie. 1881.

[5]) H. Griesbach. Vergleichende Untersuchungen über die Sinnesschärfe Blinder und Sehender. Pflüger's Archiv, Bd. 74 и 75.

[6]) Hocheisen. Ueber den Muskelsinn bei Blinden, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Bd. V.

[7]) G. Stanley Hall. Laura Bridgman, Mind 1879.

[8]) Ierusalem. Laura Bridgman, Erziehung einer Taubstumm-Blinden. Wien. 1890.

[9]) Riemann, Taubstumm und blind zugleich. 1895.

[10]) Helen Keller. Autobiography. 1903.

[11]) Stern. Zur ethnographischen Untersuchung des Tastsinns der Münchener Bevölkerung. Du Bois Reymond's. Arch. fur Physiologie, Jahrgang 1885. Supplem. Band S. 1.

[12]) Uhthoff. Untersuchungen über das Sehenlernen eines siebenjährigen blindgeborenen und später mit Erfolg operirten Knabens. Hamburg, Voss, 1891. Weitere

болѣе старыхъ сочиненіяхъ [15]), такъ же, какъ и въ отдѣльныхъ работахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе практическій характеръ [16]), находится, конечно, тоже много чрезвычайно цѣннаго матеріала.

Психологія слѣпыхъ, помимо своей специальной задачи, можетъ имѣть, однако, большое значенія и для общей психологіи. Наблюденія и изслѣдованія надъ слѣпыми наталкиваютъ насъ на цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ и важныхъ вопросовъ и даютъ богатый матеріалъ для рѣшенія ихъ. Сюда относится, напр., вопросъ о взаимномъ отношеніи при образованіи представленій о пространствѣ ощущеній осязательно-двигательныхъ и зрительныхъ, вопросъ о содержаніи пространственныхъ представленій при условіи развитія ихъ изъ осязательно-двигательныхъ ощущеній, вопросъ о такъ называемомъ викаріатѣ органовъ чувствъ, т. е. о замѣнѣ функціи недостающихъ органовъ усовершенствованіемъ въ отправленіяхъ другихъ органовъ, вопросъ о толкованіи слѣпыми словъ, обозначающихъ исключительно зрительныя представленія нормальныхъ людей, вопросъ о значеніи выпаденія зрительныхъ ощущеній и представленій для развитія памяти и мышленія, чувствованій и воли.

Главнымъ источникомъ знанія о пространственныхъ отношеніяхъ являются для слѣпого ощущенія осязательныя [17]). Другія ощущенія едва-ли могутъ играть въ этомъ отношеніи сколько-нибудь существенную роль. Существуетъ, правда, мнѣніе, что всѣмъ вообще ощущеніямъ первично свойственъ пространственный характеръ. Но сторонники этого ученія сами признаютъ, что преобладающую роль въ развитіи и усовершенствованіи нашихъ пространственныхъ представленій играютъ зрительныя и осязательныя ощущенія. Слуховыя ощущенія тоже могутъ, съ теченіемъ времени, получить большое значеніе для опредѣленія пространственныхъ отношеній, особенно, конечно, для оріентировки въ пространствѣ; это возможно, однако, только при условіи

Beitrage zum Sehenlernen blindgeborener und später mit Erfolg operirter Menschen. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane.

[13]) Hitschmann, Ueber Begründung einer Blinden-Psychologie. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Band III.

Ueber die Principien der Blinden-Pädagogik.

[14]) Heller, Th. Studien zur Blinden-Psychologie, Philosophische Studien. Band 11.

[15]) Diderot (1749), Baczko (1807), Guillié, 1847, Dufeau (1831), Lusardi (1830), Kilto (1845).

[16]) См. напр. отчеты о конгрессахъ, въ Blindenfreund'ѣ, Слѣпцѣ и др. спеціальныхъ журналахъ. Чрезвычайно цѣненъ обширный трудъ Д-ра А. И. Скребицкаго. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ. 1903.

[17]) Осязательныя ощущенія понимаются здѣсь въ широкомъ значеніи этого слова; въ это понятіе входятъ, слѣдовательно, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія (по терминологіи Вундта) осязательныя ощущенія, — какъ ощущенія собственно осязательныя, такъ и кинэстетическія (ощущенія кожныя, суставныя, мышечныя и сухожильныя).

образованія тѣсныхъ ассоціативныхъ связей съ зрительными и осязательными образами. На основаніи такихъ ассоціацій мы въ состояніи локализировать звуки, опредѣлить положеніе ихъ по отношенію къ нашему тѣлу и разстояніе ихъ отъ послѣдняго.

Слуховыя ощущенія, однако, и въ этомъ случаѣ, т. е. при условіи ассоціированія ихъ со зрительными и осязательными, даютъ еще слишкомъ мало матеріала для образованія представленій о пространственныхъ соотношеніяхъ. Уху недостаетъ способности подраздѣлить объемъ воспринимаемыхъ имъ ощущеній на части, недостаетъ способности опредѣлять длину, широту и глубину будто-бы непосредственно воспринимаемыхъ имъ объемныхъ соотношеній. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы опредѣлить съ помощью слуха величину поверхности или глубину звучащаго предмета.

Еще меньше значенія могутъ имѣть ощущенія вкусовыя, обонятельныя и органическія. Пространственный характеръ также и этихъ ощущеній отличается еще большею неопредѣленностью и крайне ограниченною локализаціею.

Итакъ, при разсмотрѣніи вопроса о пространственныхъ представленіяхъ, намъ придется заняться прежде и главнѣе всего, выясненіемъ относительнаго значенія зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній. Часть этого обширнаго вопроса, требующая, несомнѣнно, самой разносторонней и полной разработки, и была нами изслѣдована. Мы занялись изслѣдованіемъ того, насколько совершенными являются представленія о пространственныхъ соотношеніяхъ, съ одной стороны, у зрячихъ, съ другой — у слѣпыхъ, при условіи образованія этихъ представленій съ помощью одного только осязанія.

Особенно важное значеніе могутъ получить для слѣпыхъ осязательныя ощущенія наиболѣе подвижныхъ частей тѣла. Сюда относятся, прежде всего, кисти рукъ, и особенно пальцы. Для всѣхъ, болѣе полныхъ и точныхъ пространственныхъ опредѣленій слѣпой пользуется, по преимуществу, движеніями рукъ и пальцевъ. Эти движенія играютъ для слѣпого несравненно большую роль, чѣмъ для зрячаго. Они производятся имъ чаще, онъ слѣдитъ за ними внимательнѣе. Займемся, прежде всего, изученіемъ этой группы осязательныхъ ощущеній.

При изслѣдованіи вопроса о значеніи осязанія у слѣпыхъ вниманіе психологовъ направлялось, по преимуществу, на пассивныя осязательныя ощущенія. Особенно много было сдѣлано изслѣдованій для сравненія такъ называемаго пространственнаго порога у слѣпыхъ и у зрячихъ. Общіе пріемы такого изслѣдованія общеизвѣстны—раздвигаютъ ножки такъ называемаго Веберовскаго циркуля и опредѣляютъ, при какомъ ихъ удаленіи прикосновеніе двухъ ножекъ циркуля воспринимается, какъ двойное прикосновеніе.

Несмотря на большое количество въ высшей степени добросовѣстныхъ изслѣдованій, не пришли ни къ какому окончательному результату. Большинство прежнихъ изслѣдователей находило, что пространственный порогъ осязанія у слѣпыхъ меньше, чѣмъ у зрячихъ. Въ противоположность этому, Утгофъ,

Грисбахъ и Гохейзенъ, на основаніи послѣднихъ изслѣдованій, произведенныхъ, несомнѣнно, съ несравненно большими предосторожностями, чѣмъ опыты прежнихъ изслѣдователей, съ увѣренностью утверждаютъ, что ничего подобнаго у слѣпыхъ не наблюдается, и указываютъ многочисленные источники ошибокъ, допущенныхъ прежними изслѣдователями. (Напр., неодинаковое давленіе обѣихъ ножекъ, неодновременность прикосновенія, не одинаковая въ различныхъ опытахъ быстрота приближенія циркуля, неперпендикулярное направленіе ножекъ, игнорированіе температурныхъ вліяній). Въ подтвержденіе мнѣнія послѣднихъ изслѣдователей можно привести еще слѣдующія соображенія.

Во-первыхъ, слѣпые гораздо, вообще, внимательнѣе относятся къ опытамъ, вслѣдствіе чего у нихъ не наблюдается такихъ большихъ колебаній въ порогѣ осязательныхъ ощущеній, какъ это имѣетъ мѣсто у зрячихъ.

Затѣмъ, второе соображеніе. При изслѣдованіи пассивнаго осязанія съ помощью Веберовскаго циркуля, Чермакъ нашелъ, что испытуемые часто производятъ еле замѣтныя движенія пальцами, что, конечно, значительно способствуетъ точности воспріятія. Особенно сильно проявляются эти движенія у слѣпыхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ совершенно невозможно подавить, даже при всемъ желаніи испытуемаго. Эти, такъ называемыя, Чермаковскія сокращенія, особенно сильныя у слѣпыхъ, могли, конечно, тоже значительно видоизмѣнить результаты изслѣдованія въ пользу слѣпыхъ.

Итакъ, усовершенствованіе пассивнаго осязанія у слѣпыхъ представляется, по меньшей мѣрѣ, спорнымъ. Да и вполнѣ естественно ожидать этого. Осязаніе упражняется у слѣпыхъ, конечно, больше всего на концахъ пальцевъ. Если гдѣ, поэтому, возможенъ прогрессъ въ точности воспріятія осязательныхъ раздраженій, то, скорѣе всего, въ пальцахъ. Наблюденія, однако, показываютъ, что точность воспріятія въ такихъ. уже самихъ по себѣ въ высшей степени подвижныхъ органахъ, если и можетъ увеличиться, подъ вліяніемъ спеціальнаго упражненія, то, во всякомъ случаѣ, крайне незначительно *).

Затѣмъ еще другое обстоятельство: слѣпые занимаются большею частью ручнымъ трудомъ, отъ котораго кожа грубѣетъ и особенно, конечно, на концахъ пальцевъ.

Въ виду всего этого мнѣніе новѣйшихъ изслѣдователей, что у слѣпыхъ нельзя наблюдать сколько-нибудь существеннаго улучшенія въ области осязательныхъ ощущеній, представляется въ высокой степени вѣроятнымъ.

Всѣ эти споры, однако, едва ли имѣютъ такой существенный интересъ; дѣйствительно, представляется очень спорнымъ, оказываетъ ли столь важное вліяніе на воспріятіе слѣпыми пространственныхъ соотношеній тотъ фактъ, различаетъ ли онъ два отдѣльныхъ прикосновенія ножекъ циркуля на разстояніи двухъ или трехъ миллиметровъ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію,

---

*) См. Wundt, Physiologische Psychologie, IV, Auflage, т. II, стр. 81.

что одно только пассивное осязаніе, какъ таковое, играетъ въ воспріятіи формъ самую второстепенную роль. Достаточно, напр., припомнить, что при пассивномъ осязаніи съ помощью руки мы не въ состояніи отличить круга въ нѣсколько сантиметровъ отъ квадрата или треугольника такой же величины. Такая тупость пассивнаго осязанія находитъ коррективъ въ постоянныхъ движеніяхъ, производимыхъ слѣпыми; уже при изслѣдованіяхъ съ помощью Веберовскаго циркуля потребность въ движеніяхъ оказывается столь сильною, что ее невозможно подавить. Еще сильнѣе обнаруживается эта потребность при стремленіи воспринять болѣе или менѣе сложныя формы. Въ виду этого обстоятельства, мы оставили пока въ сторонѣ изученіе пассивнаго осязанія и занялись изученіемъ осязательныхъ ощущеній, получаемыхъ при активномъ ощупываніи.

При воспріятіи пространственныхъ отношеній съ помощью однихъ только осязательныхъ ощущеній, т. е. безъ посредства зрѣнія, имѣетъ большое значеніе величина осязаемыхъ предметовъ. Въ зависимости отъ этого, примѣняется тотъ или иной способъ ощупыванія.

Обозначимъ совокупность тѣхъ точекъ, которыхъ можно достигнуть съ помощью движеній однѣхъ только рукъ, при неподвижномъ положеніи тѣла, осязательнымъ пространствомъ рукъ *). Въ этомъ пространствѣ мы можемъ отличать осязательное пространство одной и обѣихъ рукъ.

При разсмотрѣніи содержанія представленій о пространственныхъ отношеніяхъ намъ необходимо будетъ разсмотрѣть во первыхъ, осязательное пространство одной руки. Если слѣпой желаетъ получить точное представленіе о величинѣ и формѣ предметовъ, то примѣняетъ ощупываніе ихъ одной рукой. Это ощупываніе можетъ, въ свою очередь, производиться двоякимъ образомъ: возможно или двигать по тѣмъ или инымъ линіямъ одинъ палецъ, чаще всего указательный, или же производить ощупываніе путемъ противопоставленія двухъ или нѣсколькихъ пальцевъ; въ послѣднемъ случаѣ въ ощупываніи обыкновенно больше всего участія принимаютъ большой и указательный пальцы. Кромѣ ощупыванія одною рукою производится также ощупываніе обѣими. Въ такомъ случаѣ главное участіе принимаютъ оба указательныхъ пальца.

Въ своемъ изслѣдованіи я поставилъ себѣ задачею опредѣлить: 1) насколько точнымъ являются представленія, полученныя съ помощью различныхъ способовъ ощупыванія, 2) насколько легко сводятся осязательныя представленія, полученныя съ помощью одного способа, къ представленіямъ, полученнымъ съ помощью другого способа, 3) наконецъ вопросъ о томъ, насколько точно воспріятіе формъ съ помощью осязанія по сравненію съ зрительными воспріятіями пространственныхъ отношеній.

Изслѣдованіе производилось такимъ образомъ: изъ толстой бристольской

*) Loeb. Untersuchungen über den Fühlraum d. Hand, Pflüger's Archiv XLI. S. 107.

бумаги были вырѣзаны различной формы полосы, различной величины углы и кривыя, описанныя различными радіусами. Полосъ было двѣ серіи; въ первый десятокъ входили полосы отъ 10 — 50 стм., отличавшіяся другъ отъ друга на 5 стм. (по 25 стм. было 2 полосы). Второй десятокъ составляли полосы отъ 2 до 10 стм. (по 7 стм. было двѣ полосы). Углы были троякой величины: въ 45, 90 и 135°. Ихъ было двѣ серіи — три угла съ длиною сторонъ въ 15 и три угла съ длиною сторонъ въ 5 стм.

Кривыя представляли различныя части правильныхъ окружностей, описанныхъ различными радіусами. Ихъ тоже было двѣ серіи. Въ первой длина хорды была 8 стм., во второй 16 стм. Ощупывалась часть окружности, стянутая данною хордою. Въ первой серіи окружности были описаны радіусами въ 4, 8 и 18 стм., такъ что при одинаковой длинѣ хорды (въ 8 стм.) соотвѣтствующія дуги заключали 180°, 60° и 26°. Во второй серіи дуги были описаны радіусами 18, 16 и 36 стм. Хорда была взята въ 16 стм., такъ что соотвѣтствующія дуги заключали въ себѣ столько же градусовъ, сколько и въ первой, т. е. 180°, 60° и 26°.

Испытуемый садился за столъ въ удобномъ положеніи съ завязанными глазами. Вышеописанныя фигуры, т. е. полосы извѣстной длины, углы и кривыя клались на мѣсто бѣлой бумаги. Изслѣдователь бралъ руку испытуемаго, ставилъ пальцы его на начальную точку фигуры. Испытуемый обводилъ фигуру тѣмъ или инымъ, заранѣе указаннымъ движеніемъ со скоростью около 3 стм. въ секунду. Фигура убиралась, концы пальцевъ, которые должны были начертить фигуру приводились, изслѣдователемъ (такъ какъ у испытуемаго глаза были завязаны) въ соприкосновеніи съ мелко натертымъ угольнымъ порошкомъ, помѣщеннымъ около самаго листа бѣлой бумаги, затѣмъ рука испытуемаго клалась на то самое мѣсто, гдѣ онъ только что обводилъ контуръ данной фигуры и испытуемый воспроизводилъ только что ощупанный контуръ (съ тою же самою скоростью, какъ производилось ощупываніе). Получалась начерченная углемъ фигура, съ болѣе или менѣе толстыми линіями; по ходу этихъ толстыхъ линій, на срединѣ ихъ толщины сейчасъ же чертилась изслѣдователемъ линія карандашомъ. Испытуемый воспроизводилъ, такимъ образомъ, только что произведенное имъ при ощупываніи движеніе. Промежутки между обоими движеніями были большею частью отъ 2 — 3 секундъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ нѣсколько превышали послѣднюю цифру. Каждый сеансъ продолжался отъ 20 м. до $^1/_2$ часа. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ опытовъ былъ выбранъ методъ воспроизведенія, какъ наиболѣе удобный для даннаго изслѣдованія надъ дѣтьми.

Противъ этого метода можно было бы, прежде всего, возразить, что здѣсь мы имѣемъ собственно дѣло съ однимъ изъ методовъ, служащимъ для изслѣдованія памяти. Нельзя, конечно, отрицать, что при воспроизведеніи всегда играютъ роль явленія памяти. Но то же самое можно сказать относительно всѣхъ изслѣдованій, касающихся воспріятій. Воспріятіе всегда содер-

жить въ себѣ воспроизведенные элементы, элементы ассимилированные и мы очень рѣдко бываемъ въ состояніи отдѣлить ихъ отъ элементовъ данныхъ непосредственнымъ раздраженіемъ органовъ чувствъ. Вундтъ, поэтому, совершенно справедливо центръ тяжести во всякомъ воспріятіи видитъ не въ ощущеніяхъ, а въ ассимилированныхъ или, какъ онъ называетъ ихъ, въ ассимилирующихъ элементахъ. Далѣе: при всякомъ изслѣдованіи ощущеній, если одно дается непосредственно послѣ другого и требуется сравнить ихъ, мы имѣемъ дѣло собственно не съ ощущеніями, а съ ощущеніями—съ одной стороны и съ воспроизведеніемъ ощущеній — съ другой. Такого рода изслѣдованія называются однако изслѣдованіемъ ощущеній, и это справедливо. Одно ощущеніе непосредственно слѣдуетъ за другимъ, промежутокъ времени между ними очень малъ и потому принимаютъ, что преобладающую роль играетъ здѣсь не память, а различныя качества ощущеній. То же самое и здѣсь. Воспроизведеніе производилось непосредственно послѣ воспріятія въ то время, когда послѣднее не успѣло еще отзвучать, преобладающую роль нужно признать здѣсь поэтому не за памятью, а за качествомъ воспріятій. Противъ примѣненнаго здѣсь метода воспроизведенія можно было бы возразить, далѣе, что существуетъ извѣстное несоотвѣтствіе между нашими образами и умѣніемъ передавать ихъ. Это, безъ сомнѣнія, справедливо. Я, напримѣръ, могу хорошо помнить лицо знакомаго и не быть въ состояніи нарисовать его. Въ этомъ случаѣ требуется, однако, найти для умственнаго образа выраженіе неадэкватное. Это, конечно, значительно затрудняетъ задачу. Въ моихъ опытахъ требовалось получить воспріятіе, одинаковое съ только что полученнымъ. Испытуемые всегда опрашивались, считаютъ ли они начерченную ими фигуру тождественною съ ощупанною ими. Если получались отрицательные отвѣты, то фигура чертилась во второй разъ.

Всѣ вообще вычисленія производились такимъ образомъ: опредѣлялась отдѣльно величина ошибки у зрячихъ съ одной стороны, у слѣпыхъ, съ другой, для каждой линіи, для каждаго угла, для каждой кривой. По отношенію къ каждой фигурѣ получались, такимъ образомъ, двѣ цифры—одна—средняя ариѳметическая всѣхъ ошибокъ зрячихъ, другая—средняя ариѳметическая всѣхъ ошибокъ слѣпыхъ. Для болѣе нагляднаго выраженія результатовъ каждой подсеріи опытовъ бралась, съ одной стороны, средняя ариѳметическая всѣхъ ошибокъ зрячихъ,—съ другой стороны—средняя ариѳметическая всѣхъ ошибокъ слѣпыхъ. При подсеріи опытовъ, касавшихся воспроизведенія линій вычислялось % отношеніе этой средней ошибки къ суммѣ длинъ всѣхъ линій. Для угловъ и кривыхъ бралась просто средняя ошибка. Нужно еще замѣтить, какъ производилось вычисленіе ошибокъ при кривыхъ. Чтобы подвергнуть результаты изслѣдованія какому нибудь сравнительному количественному опредѣленію, необходимо было, конечно, замѣнить воспроизведенную испытуемымъ неправильную кривую правильною, болѣе или менѣе близко подходящею къ ней. Съ этой цѣлью было заготовлено 30 кружковъ, описанныхъ

различными радіусами. Подбирался такой кружокъ, кривизна котораго лучше всего подходила бы къ кривизнѣ начерченной дуги. Иногда, если кривизна начерченной дуги рѣзко отличалась въ различныхъ своихъ частяхъ, приходилось подбирать два кружка одинъ для одной, другой для другой кривизны. Послѣ того, какъ кружокъ былъ подобранъ, начерченная линія уравнивалась по длинѣ съ заданной. Затѣмъ опредѣлялось, сколько градусовъ заключалось въ правильной дугѣ, построенной на начерченной и ближе всего подходившей къ ней. Бралась разность въ количествѣ градусовъ начерченной и заданной, которая и служила выраженіемъ величины ошибки. Нужно замѣтить, что такая именно оцѣнка ошибки по разности въ числѣ градусовъ между дугами заданной и начерченной, уравненныхъ по длинѣ, соотвѣтствовала непосредственной оцѣнкѣ ошибки на глазъ.

Испытанія производились надъ слѣпыми дѣвочками въ возрастѣ отъ 10-ти до 19-ти лѣтъ. Было изслѣдовано 20 дѣвочекъ, средній возрастъ которыхъ былъ 14,3 года. Параллельныя изслѣдованія производились надъ зрячими дѣвочками, воспитанницами одной изъ патріотическихъ школъ. Изслѣдованіе воспитанницъ этихъ школъ было особенно благопріятно въ томъ отношеніи, что учебные курсы училища слѣпыхъ и Патріотической школы приблизительно соотвѣтствовали вамъ другъ другу; кромѣ того, въ обоихъ училищахъ большое вниманіе обращалось на рукодѣльныя работы; условія умственнаго и физическаго развитія изслѣдованныхъ слѣпыхъ и зрячихъ дѣвочекъ подходили другъ къ другу настолько близко, насколько это вообще возможно. Зрячихъ дѣвочекъ было 18, приблизительно въ такомъ же возрастѣ, т. е. отъ 10 до 19 лѣтъ, средній возрастъ былъ 13,8. Пріемы изслѣдованія слѣпыхъ и зрячихъ были, конечно, совершенно одинаковы. При изслѣдованіи осязательныхъ ощущеній зрячимъ завязывались глаза.

Послѣ производства нѣсколькихъ предварительныхъ опытовъ для ознакомленія съ общимъ характеромъ изслѣдованія каждой дѣвочкѣ прежде всего давались полосы бристольской бумаги, длиною отъ 5—50 сант. Полосы предлагались въ опредѣленномъ порядкѣ, тождественномъ для всѣхъ. Длина каждой полосы воспроизводилась немедленно послѣ ощупыванія ея движеніемъ указательнаго пальца, по линейкѣ изъ бристольской-же бумаги, при чемъ изслѣдователь придавалъ пальцу испытуемой то же начальное положеніе, какое было при ощупываніи полосы. Если испытуемая начинала чертить полосу не отъ точки, отъ которой начала ощупываніе, то ошибка получалась значительно большая. Такъ, при двукратномъ ощупываніи, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, получалась значительно большая точность, чѣмъ при однократномъ. Если же воспроизведенная линія начиналась на 10 стм. правѣе или лѣвѣе отъ того мѣста, отъ котораго начиналось ощупываніе, то при двукратномъ ощупываніи получалась ошибка, въ $1\frac{1}{2}$—2 раза превосходившая ошибку при однократномъ ощупываніи, если послѣднее производилось при условіи сохраненія начальнаго положенія. Фактъ этотъ является однимъ изъ доказательствъ

того, что при воспріятіи формъ съ помощью осязательныхъ ощущеній въ высшей степени важную роль играютъ субъективные моменты, т. е. то или другое положеніе ощупывающихъ членовъ по отношенію ко всему тѣлу.

Итакъ, прежде всего воспроизводилась данная длина, при чемъ условія для воспроизведенія были сдѣланы для всѣхъ тождественными. (Результаты см. въ табл. A. A. c. представляетъ ошибки зрячихъ и слѣпыхъ при воспроизведеніи линій длиною 5—50 стм.). Такимъ же точно образомъ воспроизводились затѣмъ данные углы (см. табл. B.a α и aβ) и данныя кривыя (см. табл. C. aα и aβ). Эта первая группа послѣдованій, касавшаяся воспроизведенія движеній одного пальца съ помощью такихъ же точно движеній.

Вторая группа изслѣдованій касалась воспроизведенія взаимнаго положенія и одновременнаго движенія двухъ пальцевъ одной руки съ помощью такихъ же точно движеній (двухъ пальцевъ). Эта вторая группа несомнѣнно должна была быть получена особо. Въ практикѣ, при воспріятіи сложныхъ пространственныхъ соотношеній это движеніе производится, несомнѣнно, гораздо чаще, чѣмъ ощупываніе съ помощью движеній одного только пальца. При этомъ чаще всего противопоставляется большой палецъ четыремъ остальнымъ, особое вниманіе сосредоточивается, однако, на ощущеніяхъ относительнаго положенія двухъ пальцевъ, именно большого и указательнаго. Представляло, поэтому, существенный интересъ изслѣдовать воспріятія относительныхъ положеній и движеній этихъ двухъ пальцевъ. Испытуемымъ давались прежде всего полосы длиною отъ 2—10 стм.; каждая полоса отмѣривалась противопоставленіемъ большого указательному пальцу; затѣмъ испытуемый приглашался запомнить разстояніе между этими пальцами. Послѣ этого полоса отнималась и испытуемая должна была воспроизвести противоположеніемъ тѣхъ же двухъ пальцевъ то же самое разстояніе. (Результаты, касающіеся такого воспроизведенія линій, длиною 2—10 стм., см. въ табл. A, bα). Затѣмъ съ помощью одновременнаго движенія двухъ этихъ пальцевъ воспринимались углы въ 35, 90 и 135° съ длиною сторонъ въ 5 см. Пальцы ставились на вершину угла и затѣмъ одновременнымъ движеніемъ разводились по обѣимъ сторонамъ (Результаты см. въ табл. B, b). Наконецъ, давались кривыя съ хордою въ 8 стм., заключавшія въ себѣ 180, 60 и 26°. Оба пальца ставились на вершину кривой и разводились одновременнымъ движеніемъ до обоихъ концовъ ея. (Результаты см. въ табл. C, b). Это была вторая серія опытовъ.

Третья серія касалась воспрозведенія относительнаго положенія обѣихъ рукъ и движеній, воспринятыхъ съ помощью одновременнаго движенія обѣихъ рукъ. Прежде всего давались полосы длиною 5—50 стм. Указательный палецъ одной руки ставился на одинъ конецъ полосы, указательный палецъ другой—на другой конецъ. Испытуемый долженъ былъ запомнить разстояніе между обоими указательными пальцами. Затѣмъ это разстояніе должно было быть воспроизведено самимъ испытуемымъ. (Результаты см. въ табл. A, aα). Потомъ движеніемъ обоихъ указательныхъ пальцевъ ощупывались углы и кривыя, при

чемъ оба пальца, совершенно аналогично тому, какъ дѣлалось въ предыдущихъ опытахъ, ставились на вершину угла или кривой и затѣмъ одновременнымъ движеніемъ приближались къ концамъ фигуры. Фигуры брались однако для этого изслѣдованія большія, чѣмъ для предыдущей серіи. Стороны угловъ были длиною не 5, а въ 15 стм., хорда была длиною не въ 8, а въ 16 стм. Величина угловъ и количество градусовъ въ кривыхъ были тѣ же самыя, что и въ предыдущей серіи. (Результаты для угловъ см. табл. В, строка d, для кривыхъ—С, строка d).

Такимъ образомъ была изслѣдована точность осязательныхъ представленій, полученныхъ съ помощью движенія одного пальца, съ помощью одновременнаго движенія противопоставленныхъ другъ другу большого и указательнаго пальцевъ, наконецъ, съ помощью одновременнаго движенія указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ. Затѣмъ нужно было изслѣдовать отношеніе осязательныхъ образовъ, полученныхъ однимъ способомъ, къ этимъ же образамъ, полученнымъ другимъ способомъ, изслѣдовать, какъ переводится одинъ осязательный языкъ на другой.

Въ качествѣ основнаго языка для сравненія была избрана передача воспріятій съ помощью движеній одного указательнаго пальца. Осязательныя воспріятія, полученныя путемъ другихъ осязательныхъ движеній, должны были быть выражены въ этой формѣ. Техника опытовъ оставалась тою же самой. Сначала давались линіи длиною отъ 2—10 стм. (см. A, bβ), затѣмъ съ помощью движенія провивопоставленныхъ большого и указательнаго пальцевъ правой руки воспринимались углы различной величины (см. В, с), кривыя различнаго числа градусовъ (см. С, с)—съ помощью движенія тѣхъ же двухъ пальцевъ. Всѣ эти воспринятые образы передавались затѣмъ съ помощью движенія одного указательнаго пальца правой руки.

Совершенно аналогичное изслѣдованіе было произведено и относительно отмѣриваній и одновременныхъ движеній, произведенныхъ указательными пальцами обѣихъ рукъ. Какъ и раньше, для этой цѣли брались разстоянія большія, чѣмъ для предыдущей серіи, а именно отъ 5—50 см. (см. A, aβ), углы съ длиной сторонъ въ 15 стм. (стм. В, е), кривыя, охваченныя хордою въ 16 см. Только что описанные опыты составляли, такимъ образомъ, четвертую и пятую серію опытовъ.

Наконецъ, шестая серія касалась воспроизведенія сразу нѣсколькихъ воспринятыхъ линій и фигуръ. Въ этихъ опытахъ сравнительно большую роль играла память. Давались подъ-рядъ три линіи, длиною въ 10, 20 и 40 стм. и затѣмъ требовалось воспроизвести ихъ одна за другою (см. А, d).. Точно такимъ же образомъ давались три угла (см. В. f), три кривыя (см. С, f) Чтобы устранить вліяніе порядка линій и фигуры на воспроизведеніе, они давались по три раза въ разномъ порядкѣ: 1, 2, 3, затѣмъ 3, 2 1, и наконецъ, 2, 3 и 1. Эта шестая серія опытовъ касалась только воспріятій и воспроизведенія съ помощью движеній одного пальца. Этотъ родъ

движеній, какъ самый простой, легче всего конечно, было бы и воспринять и воспроизвести.

Наконецъ, была произведена еще одна группа изслѣдованій (см. табл. Д), исключительно надъ зрячими. Дѣвочкамъ въ теченіе 10 секундъ показывались линіи различной длины, углы и кривыя разничнаго числа градусовъ. Непосредственно послѣ этого они воспроизводили карандашомъ линію данной длины, уголъ или кривую. Въ этихъ опытахъ однако отношенія между воспріятіемъ и воспроизведеніемъ иныя, менѣе благопріятныя, чѣмъ въ первой группѣ опытовъ. Фигуры, воспринятыя исключительно съ помощью зрѣнія, приходится воспроизводить съ помощью осязанія. Тѣмъ не менѣе, точность воспроизведенія оказалась въ этихъ случаяхъ значительно большею, чѣмъ при воспроизведеніи осязательныхъ воспріятій. (Ср. съ предыдущими таблицами). Исключеніе составляли только такія длинныя линіи, которыя воспринимались постепенно съ помощью болѣе или менѣе продолжительнаго движенія глазъ. Эти линіи воспроизводились менѣе точно.

Итакъ, въ общемъ мы видимъ, что зрячія воспроизводили всѣ вообще осязательныя воспріятія лучше, чѣмъ слѣпыя; особенно рѣзко сказывалось это различіе въ тѣхъ случаяхъ, когда воспріятія, полученныя съ помощью однихъ осязательныхъ ощущеній, воспроизводились съ помощью другихъ, (См. A, aβ, bβ, B, c, e, C, c, e). Такъ какъ существенное различіе въ условіяхъ воспріятія между зрячими и слѣпыми состояло въ отсутствіи resp. наличности зрительныхъ представленій, то нужно заключить, что они то и обусловили этотъ результатъ. Если мы проанализируемъ наши представленія о пространствѣ, то убѣдимся, что всѣ они имѣютъ почти исключительно зрительный характеръ. Для развитія нашихъ представленій о пространствѣ играютъ, можетъ быть, большую роль также и ощущенія осязательныя. Въ развитомъ же сознаніи осязательныя представленія отступаютъ на задній планъ. Зрѣніе играетъ роль какъ бы толкователя нашихъ осязательныхъ ощущеній. При отсутствіи такого толкователя осязательныя представленія не могутъ получить достаточной точности и опредѣленности, какъ мы это видимъ на примѣрѣ слѣпыхъ. *Зрѣніе играетъ роль воспитателя и толкователя осязанія.*

Итакъ, уже относительно воспріятія формъ, вполнѣ доступныхъ для осязанія, мы констатируемъ, что, во первыхъ, осязаніе даетъ менѣе точные результаты, чѣмъ зрѣніе, и что, во вторыхъ, у слѣпыхъ представленія о формѣ, полученныя на основаніи осязательныхъ ощущеній, оказываются по степени точности стоящими ниже, чѣмъ такія же представленія у зрячихъ. Знаніе о пространственныхъ соотношеніяхъ оказывается у слѣпыхъ болѣе недостаточнымъ, чѣмъ у зрячихъ, еще и по другимъ причинамъ. Съ помощью осязанія можно познакомиться съ формою предмета гораздо медленнѣе, чѣмъ съ помощью зрѣнія. Требуется затратить гораздо больше труда, даже для самыхъ простыхъ воспріятій. Не слишкомъ длинная прямая линія, напр., съ помощью зрѣнія можетъ быть воспринята сразу. При исключеніи

A. Воспроизведеніе прямыхъ линій.

		Ошибки зрячихъ.	Ошибки слѣпыхъ.	Разность въ величинѣ ошибокъ у зрячихъ и у слѣпыхъ.
a α.	Ощупываніе и воспроизведеніе указательными пальцами обѣихъ рукъ линій 5—50 стм.	7,9	8,8	0,9
a β.	Ощупываніе указательными пальцами обѣихъ рукъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 5—50 стм.	11,6	21,8	10,2
b α.	Ощупываніе и воспроизведеніе противопоставленіемъ большаго указательному пальцу линій 2—10 стм. .	10,9	14,8	3,9
b β.	Ощупыв. противопоставленіемъ большаго указательному пальцу, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 2—10 стм. . . .	18	27,5	9,5
c.	Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 5—50 стм.	10,2	12,7	2,5
d.	Ощупываніе 3 линій подрядъ (10, 20 и 40 стм.) и затѣмъ воспроизведеніе ихъ движеніемъ указательнаго пальца	15,8	19,9	4,1

B. Воспроизведеніе угловъ.

		Ошибки зрячихъ.	Ошибки слѣпыхъ.	Разность въ величинѣ ошибокъ у зрячихъ и у слѣпыхъ.
a α.	Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца угловъ съ длиною сторонъ въ 5 стм. . . .	22,1	29,1	7
a β.	Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца угловъ съ длиною сторонъ въ 15 стм. . .	18,8	24,5	5,7
b.	Ощупываніе и воспроизведеніе одновременнымъ движеніемъ большаго и указательнаго пальцевъ (длина сторонъ 5 стм.).	25,4	29,8	4,4
c.	Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ большаго и указательнаго пальцевъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (длина сторонъ 5 стм.	20,5	35,8	15,3
d.	Ощупываніе и воспроизведеніе указательными пальцами обѣихъ рукъ (длина сторонъ 15 стм.)	24,2	25,6	1,4
e.	Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (длина сторонъ 15 стм.	23,3	30,8	7,5
f.	Ощупываніе 3 угловъ подрядъ и затѣмъ воспроизведеніе ихъ съ помощью указательнаго пальца—длина сторонъ 5 стм.	28,5	37,9	9,4

C. Воспроизведенiе кривыхъ.

		Ошибки зрячихъ.	Ошибки слѣпыхъ.	Разность въ величинѣ ошибокъ у зрячихъ и у слѣпыхъ.
a α.	Ощупыванiе и воспроизведенiе движенiемъ указательнаго пальца кривыхъ съ хордою въ 8 стм. . .	47,4	79	31,6
a β.	Ощупыванiе и воспроизведенiе движенiемъ указательнаго пальца к.ивыхъ съ хордою въ 16 стм. . .	40,5	62,6	22,1
b.	Ощупыванiе и воспроизведенiе одновременнымъ движенiемъ большаго и указательн. пальцевъ (хорда 8 стм.).	56,1	83,9	27,8
c.	Ощупыванiе одновременнымъ движенiемъ большаго и указательнаго пальцевъ, воспроизведенiе движенiемъ указательнаго пальца (хорда 8 стм.)	56,9	93,1	36.2
d.	Ощупыванiе и воспроизведенiе указательными пальцами обѣихъ рукъ (хорда 16 стм.)	51,1	88,9	37,8
e.	Ощупыванiе одновременнымъ движенiемъ указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ, воспроизведенiе движенiемъ указательнаго пальца (хорда 16 стм)	59,2	100,9	41,7
f.	Ощупыванiе 3 кривыхъ подрядъ и затѣмъ воспроизведенiе ихъ съ помощью указательнаго пальца (длина хорды 8 стм.)	61,4	81,7	20,3

D. Воспроизведенiе зрячими видѣнныхъ линiй и фигуръ.

Линiи.		Углы.		Кривыя.	
Отъ 5—50 стм. .	13,3	Дл. стор. 5 стм.	12,8	Хорда 8 стм. . .	15,7
» 2—10 » .	10,2	» » 15 »	12,3	» 16 » . .	17,3
Три линiи подрядъ (10, 20 и 40 стм.) . .	13,5	Три угла подрядъ (длин. сторонъ 5 стм.).	14,1	Три кривыя подрядъ (хорда 8 стм.). . .	22,5

зрѣнія она становится доступна только на основаніи цѣлаго ряда осязательныхъ ощущеній, мѣняющихся съ извѣстной послѣдовательностью. Воспріятіе прямой линіи ни въ какомъ случаѣ не есть ощущеніе равномѣрнаго движенія въ какомъ либо суставѣ, ощущеніе равномѣрнаго сокращенія извѣстныхъ мышцъ. Напротивъ, воспріятіе прямой линіи, представляющееся для зрѣнія столь простымъ, для одного осязанія, помимо участія не только зрительныхъ ощущеній, но и представленій, является въ высшей степени сложнымъ. (При воспріятіи съ помощью осязанія прямой линіи зрячимъ всегда примѣшиваются зрительныя представленія движеній). Стоитъ представить себѣ, какого громаднаго труда стоитъ для слѣпого оріентироваться въ какомъ-нибудь помѣщеніи. Относительное положеніе двухъ предметовъ опредѣляется прежде всего на основаніи ближайшаго между ними разстоянія. Нужно отмѣрить это разстояніе шагами, нужно не уклоняться при этомъ отъ разъ принятаго направленія. Затѣмъ, какія трудныя опредѣленія требуется сдѣлать, чтобы по отношенію къ двумъ предметамъ опредѣлить положеніе третьяго. Нужно точно запомнить разстояніе третьяго отъ перваго и второго или отъ какой нибудь промежуточной точки на линіи ихъ кратчайшаго разстоянія, нужно запомнить направленіе линіи, соединяющей, напр., первый предметъ съ третьимъ по отношенію къ линіи, соединяющей первый предметъ со вторымъ. Чтобы узнать расположеніе вообще всѣхъ предметовъ въ комнатѣ, нужно исколесить ее во всѣхъ направленіяхъ; необходимо запомнить основное направленіе, отношеніе къ нему другихъ направленій, разстояніе въ различныхъ направленіяхъ. Затѣмъ, въ случаѣ неожиданной задержки, вниманіе, конечно, прежде всего направляется на нее. Необходимо не терять при этомъ изъ виду ни размѣровъ, ни направленій уже произведенныхъ движеній. Итакъ, уже простая оріентировка въ какомъ либо простомъ помѣщеніи, не стоящая зрячему никакого умственнаго напряженія, требуетъ для слѣпого цѣлаго ряда тщательныхъ, внимательныхъ изслѣдованій.

Кромѣ неточности осязательныхъ образовъ, кромѣ трудности и медлен, ности составленія ихъ, въ дѣлѣ постиженія пространственнаго міра слѣпому представляется еще цѣлый рядъ препятствій. Ощупать можно только предметы непосредственно сопрасикающіеся съ тѣломъ; предметы слишкомъ большіе или отдаленные, поэтому, никогда не могутъ быть восpряняты слѣпыми. Городъ, улица, домъ, облако—предметы, не доступные для слѣпого путемъ непосредственнаго воспріятія. Далѣе, съ помощью осязанія невозможно прослѣдить всѣ видоизмѣненія, происходящія въ объектѣ при движеніи его, при измѣненіи пространственныхъ соотношеній движущихся частей. Если слѣпой познакомился, напр., съ гипсовою моделью какого нибудь животнаго, то онъ оказывается не въ состояніи узнать другую модель того же животнаго, изображающую его въ иномъ положеніи. Неудивительно, поэтому, что знаніе физическихъ предметовъ исчерпывается у слѣпого узнаваніемъ одного или нѣсколькихъ признаковъ ихъ; на гипсовыхъ моделяхъ узнаютъ животныхъ по рогамъ, по клюву

и т. д. Медвѣдя смѣшиваютъ съ собакой, голову Венеры Милосской послѣ долгаго ощупыванія принимаютъ за голову лошади.

Оріентировку въ пространствѣ облегчаютъ слѣпымъ въ значительной степени *слуховыя ощущенія*. Существуетъ даже мнѣніе, что не осязаніе, а слухъ представляетъ для слѣпого средство, съ помощью котораго онъ оріентируется въ пространствѣ. Къ такому выводу пришелъ, напримѣръ, на основаніи самонаблюденія Людвигъ фонъ-Бачко (1807 г.). Тотъ же самый взглядъ высказалъ другой, психологически образованный слѣпой, Гитшманъ. Совершенно такъ же, какъ движеніями зрячаго управляютъ зрительныя ощущенія, движеніями слѣпого управляютъ ощущенія слуховыя. Это обусловливаетъ, конечно, большую разницу во всемъ поведеніи зрячаго съ одной стороны, слѣпого—съ другой. Зрячему стоитъ только поднять глаза и передъ нимъ открывается весь міръ, слѣпой долженъ ждать звуковъ и прислушиваться ко всему съ напряженнымъ вниманіемъ.

Слѣпой опредѣляетъ направленіе звука гораздо лучше, чѣмъ зрячій: ассоціаціи, образованныя имъ между слуховыми ощущеніями и пространственными соотношеніями, гораздо прочнѣе. На основаніи опытовъ, произведенныхъ мною относительно локализаціи звуковыхъ раздраженій выяснилось, между прочимъ, что слѣпые, вообще говоря, лучше опредѣляютъ направленіе звука, чѣмъ зрячіе. Легкими измѣненіями въ слуховыхъ ощущеніяхъ слѣпые пользуются для того, чтобы опредѣлить измѣненіе направленія, въ которомъ исходитъ звукъ.

Слуховыя ощущенія являются для слѣпыхъ, далѣе, важнымъ орудіями для развитія чувства разстоянія. Съ помощью осязанія воспринимаются только предметы, непосредственно соприкасающіеся съ тѣломъ или съ предметомъ, которымъ производится ощупываніе. Для воспріятія отдаленныхъ предметовъ требуется перемѣщеніе собственнаго тѣла. Такое перемѣщеніе не всегда легко произвести и потому слѣпой при опредѣленіи разстояній руководствуется въ значительной степени слуховыми ощущеніями, получаемыми ими отъ звучащихъ предметовъ; слуховыя ощущенія, вызванныя звучаніемъ отдаленныхъ предметовъ, способствуютъ выработкѣ представленій о разстояніи ихъ. Въ этомъ случаѣ съ тѣми или иными слуховыми ощущеніями ассоціируются осязательные образы.

Возможно также и обратное соединеніе, возможно восполненіе воспринятыхъ осязательныхъ образовъ слуховыми. Для зрячаго слуховые образы не имѣютъ особеннаго значенія. Онъ обращаетъ на нихъ сравнительно мало вниманія. Міръ представляется ему по преимуществу въ формѣ зрительныхъ образовъ. Слуховые образы оказываются менѣе точными, менѣе характерными. Не то у слѣпого. По сравненію съ другими ощущеніями, слуховыя ощущенія оказываются наиболѣе точными, наиболѣе разнообразными, наиболѣе характерными. Осязательные образы сравнительно очень не точны, и не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Поэтому у слѣпыхъ при всѣхъ воспріятіяхъ го-

раздо большую роль въ качествѣ компликаціонныхъ элементовъ играютъ слуховыя ощущенія; послѣдніе замѣняютъ у нихъ зрительныя компликаціи, обычныя у зрячихъ. Поэтому то у слѣпыхъ въ составъ представленій входитъ гораздо меньше элементовъ пространственныхъ, чѣмъ у насъ. Характерными для даннаго лица считается не видъ его, а голосъ. При представленіи о данномъ лицѣ воспроизводится прежде всего его голосъ. По звуку голоса слѣпой опредѣляетъ не только полъ, но и возрастъ, и общественное положеніе, и характеръ собесѣдника. На основаніи звука голоса у слѣпыхъ легче всего устанавливается симпатичное или отрицательное отношеніе къ человѣку. Фактъ этотъ былъ совершенно вѣрно отмѣченъ В. Г. Короленкою («Слѣпой Музыкантъ»). У слѣпого мальчика сразу устанавливается симпатія къ Эвелинѣ, къ этой дѣвочкѣ «съ такимъ пріятнымъ, спокойнымъ голосомъ, какого онъ еще никогда до того времени не слыхалъ». — Въ голосѣ слѣпой улавливаетъ самыя тонкія настроенія, на основаніи голоса судитъ о всемъ душевномъ складѣ, обо всемъ, что переживается его собесѣдникомъ. По голосу онъ узнаетъ человѣка черезъ много лѣтъ. Звуки являются для слѣпого оттокровеніемъ, символомъ цѣлаго ряда явленій.

При изученіи *содержанія представленій* у слѣпыхъ намъ нельзя не остановиться на вопросѣ о томъ, чѣмъ являются для слѣпого спеціально зрительныя представленія зрячихъ. Слѣпой принужденъ сообразовать свои представленія съ воспринимаемыми имъ словами. Первоначально слѣпой, конечно, не въ состояніи понять, что обозначаютъ слова, употребляемыя зрячими для обозначенія спеціально зрительныхъ представленій. Слѣпые, однако, вообще очень интересуются этими словами. Они не только прекрасно усваиваютъ словесныя обозначенія цвѣтовъ самыхъ обыденныхъ предметовъ, но и стремятся постоянно узнавать цвѣтъ всѣхъ новыхъ, встрѣчающихся имъ предметовъ. Они устанавливаютъ такимъ образомъ извѣстное отношеніе между цвѣтомъ и предметомъ, обладающимъ тѣмъ или инымъ цвѣтомъ. Представленіе о совокупности признаковъ, присущихъ данному предмету, связывается въ одно цѣлое съ представленіемъ о цвѣтѣ, присущемъ этому предмету. При представленіи о предметахъ, какъ сочетаніяхъ различныхъ признаковъ, выдѣляются затѣмъ какіе нибудь особенно характерные признаки, съ которыми и связывается представленіе о цвѣтѣ. Слѣпой пытается прежде всего связать тѣ или иные цвѣта съ тѣми или иными доступными ему признаками предмета. Это стремленіе разорвать завѣсу, скрывающую отъ него дѣйствительность, постигнуть смыслъ того, что для другихъ такъ доступно, проявляется у слѣпого такъ сильно, что никакія убѣжденія зрячихъ не могутъ остановить его работу мысли въ этомъ направленіи. Такъ, многіе испытуемые опредѣляли мнѣ черное, какъ что-то грязное, нечистое; бѣлое, какъ ему противоположное; красное, какъ теплое и горячее, зеленое—свѣжее, молодое, синее—гладкое, ровное, иногда что-то родственное свѣтлому, бѣлому. Такія толкованія основаны, очевидно, главнымъ образомъ на ассоціаціи этихъ словъ съ представленіемъ о

наиболѣе распространенныхъ въ природѣ предметахъ, обладающихъ такими цвѣтами,—неба, травы и т. д.

Повседневный опытъ очень скоро, однако, убѣждаетъ слѣпого, что такія толкованія цвѣтовъ зеленый, красный и т. д. часто неправильны. Красною напр., бываетъ не только кровь, но и домъ, и платье, которые не могутъ быть названы теплыми. Слѣпой, такимъ образомъ, мало-по-малу, отказывается отъ самостоятельнаго пользованія этими терминами. Онъ всецѣло полагается на усвоенныя имъ отъ зрячихъ обозначенія предметовъ тѣми или иными цвѣтами. Онъ приходитъ къ сознанію, что онъ въ этомъ дѣлѣ не компетентенъ. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, чтобы слова эти потеряли для него всякое значеніе. Ни въ коемъ случаѣ. Внимательно наблюдая отношеніе зрячихъ къ различнымъ цвѣтамъ, стараясь опредѣлить характеръ оцѣнки ими различныхъ цвѣтовъ, слѣпой мало-по-малу составляетъ себѣ представленіе о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на зрячаго различные цвѣта. Такъ какъ изъ этого впечатлѣнія элементъ познавательный для него совершенно исчезаетъ, какъ совершенно ему не доступный, то остается одинъ только чувственный тонъ. Много помогаетъ ему въ этомъ обозначеніе различными цвѣтами другихъ психическихъ содержаній—различныя метафоры, вродѣ, напр., такихъ, какъ «мрачное настроеніе, черныя мысли, однообразные, сѣрые дни, розовыя очки, зеленая юность» и т. д. Особенно богатый матеріалъ для такого толкованія цвѣтовъ даютъ ему поэтическія произведенія, въ которыхъ, во-первыхъ, такія картинныя описанія душевныхъ состояній очень многочисленны, въ которыхъ, во вторыхъ, особенно подчеркиваются цвѣтовыя свойства предметовъ, если чувственный тонъ, обусловленный даннымъ цвѣтомъ, производитъ впечатлѣніе, гармонирующее съ общимъ настроеніемъ. Такимъ образомъ у слѣпыхъ вырабатывается болѣе или менѣе правильное представленіе объ эмоціональномъ значеніи различныхъ цвѣтовъ. Они часто увѣряютъ поэтому, что прекрасно понимаютъ, что значитъ такой цвѣтъ, но объяснить не въ состояніи, потому что никогда не видали. Такъ всѣ дѣвушки, даже никогда не видавшія цвѣтовъ, опредѣляли мнѣ красный, какъ рѣзкій, раздражающій, возбуждающій цвѣтъ. Желтый—тоже возбуждающій, рѣзкій, но не такой красивый, какъ красный. Зеленый—пріятный, не возбуждающій, но веселый. Синій—мягкій, нѣжный, пріятный. Что эти обозначенія не были ими усвоены чисто словеснымъ образомъ, на основаніи словесной характеристики этихъ цвѣтовъ зрячими, явствуетъ изъ того, что онѣ вообще часто затруднялись подыскать подходящіе эпитеты для этихъ цвѣтовъ. Трудъ этотъ значительно облегчался, если я просилъ установить аналогію между цвѣтомъ и какими нибудь слуховыми или осязательными представленіями. Такъ, одна дѣвушка, 19 лѣтъ, слѣпорожденная, говорила, что легче всего ей выразить цвѣтъ съ помощью игры на рояли. Красный—сильная, оживленная, страстная игра. Розовый — легкая, нѣжная и веселая игра. Желтый—веселая, но не особенно складная игра. Зеленый — веселая, легкая игра—немного соотвѣтствуетъ розовому, но розовый нѣжнѣе.

Синій—мягкая, нѣжная, задумчивая. Лиловый—оживленная, сильная игра; не такая рѣзкая, какъ та, которая соотвѣтствуетъ красному. Бѣлый—веселая, хорошая, беззаботная игра. Черное—что нибудь мрачное, похоронное. Не всѣ слѣпорожденныя были въ состояніи подыскать такія опредѣленія, слѣпорожденныя дѣвочки лѣтъ 12—13 затруднялись это сдѣлать, но нѣкоторыя, основныя направленія чувствованій, соотвѣтствовавшія наиболѣе употребительнымъ цвѣтамъ, всѣми дѣвочками опредѣлялись вѣрно. Такъ, напримѣръ, всѣ безъ исключенія говорили, что черный цвѣтъ больше похожъ на низкій, бѣлый—на высокій тонъ. Изъ этого факта отчасти становится понятнымъ, почему вообще слѣпые такъ интересуются цвѣтами, почему они интересуются также стихотвореніями, изобилующими спеціально зрительными образами.

Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, какъ усвоивается слѣпыми матеріалъ, доставляемый имъ черезъ посредство ощущеній. Количество ощущеній, получаемыхъ слѣпымъ отъ внѣшняго міра, конечно, значительно меньше, чѣмъ у зрячаго. И по этимъ немногимъ ощущеніямъ слѣпой стремится построить весь внѣшній міръ. Естественно, поэтому, что слѣпой съ жадностью хватается за всякое новое впечатлѣніе, что при прочихъ равныхъ условіяхъ, всякое впечатлѣніе полнѣе и всестороннѣе воспринимается имъ, глубже входятъ въ его душевную жизнь, тѣснѣе и крѣпче сплетается со всѣми другими переживаніями. Мнѣніе это, однако, находитъ среди тифлопедагоговъ много противниковъ. Мы занялись, поэтому, экспериментальнымъ изслѣдованіемъ *процесса заучиванія* у слѣпыхъ.

Съ этою цѣлью мы пользовались методомъ, предложеннымъ Эббингаузомъ. Вообще изслѣдуемыя заучивали ряды безсмысленныхъ слоговъ, ряды словъ извѣстнаго значенія и стихотворенія. Затѣмъ по прошествіи трехъ сроковъ—часа, дня и недѣли заучиваніе производилось во второй разъ. Ряды, заучивавшіеся черезъ часъ, черезъ день и черезъ недѣлю были, конечно, различными. Въ промежутокъ между первоначальнымъ и вторымъ заучиваньемъ, заучиванія однороднаго матеріала не производилось, напр., между первоначальнымъ и вторымъ заучиваніемъ слоговъ не заучивались новые слоги, при заучиваньи словъ какого бы то ни было значенія въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ заучиваньемъ не заучивалось новыхъ словъ и т. д. Эта мѣра предосторожности была необходима въ виду взаимнаго вытѣсняющаго вліянія прежнихъ на новыя представленія и обратно. Промежутокъ между отдѣльными заучиваніями былъ отъ 10—12 минутъ, вообще брался такимъ, чтобы утомленіе сказаться не могло; никогда не былъ этотъ промежутокъ меньше времени, употребленнаго на заучиваніе. Дѣтямъ дѣлалось строгое внушеніе, чтобы они не повторяли того, что заучили; повторять безсмысленные слоги, заученные въ количествѣ 3 рядовъ, т. е. 27 слоговъ, они были совершенно не въ состояніи, даже если бы захотѣли. Они совершенно забывались послѣ каждаго сеанса. Слова онѣ легче могли повторять сами. Нѣкоторыя дѣвочки непроизвольно дѣлали это, въ чемъ сознавались при опросѣ. Въ боль-

шинствѣ случаевъ слова, однако, также не повторялись. Въ этомъ легко было убѣдиться до начала вторичнаго заучиванія. Дѣвочки обыкновенно не были въ состояніи сказать при сообщеніи имъ перваго слова больше двухъ словъ того же ряда. Не такъ благополучно обстояло дѣло съ повтореніемъ стихотвореній. Стихотворенья, особенно почему-нибудь понравившіяся, часто повторялись между первоначальнымъ и вторичнымъ заучиваніемъ. Нельзя было поэтому полагаться на цифры, полученныя при вторичномъ заучиваніи стихотвореній.

Въ общемъ каждая дѣвочка заучила, во-первыхъ, 9 рядовъ безсмысленныхъ слоговъ, по 9 словъ каждый. Каждой дѣвочкѣ давался совершенно новый рядъ слоговъ. Три такихъ ряда заучивались во второй разъ черезъ часъ, три ряда черезъ день, три—черезъ недѣлю. Во вторыхъ, заучивались шесть рядовъ трехсложныхъ словъ различнаго значенія. Каждой дѣвочкѣ давался новый рядъ словъ, отличный отъ всѣхъ другихъ. Изъ этихъ шести рядовъ два ряда словъ заучивались вторично черезъ часъ, два—на слѣдующій день, два—черезъ недѣлю. Слова были слѣдующаго значенія: одинъ рядъ—слова, обозначавшія по преимуществу зрительные образы, другой рядъ—слова, обозначавшія слуховые образы, третій—осязательные и температурные, четвертый рядъ—слова эмоціональнаго значенія, пятый—отвлеченныя понятія, наконецъ, шестой рядъ—вузначныя числа. Черезъ часъ одна дѣвочка заучивала вторично первые два дяда, вторая—3-й и 4-ый ряды, третья—5-ый и 6-ой ряды. На слѣдующій день первая дѣвочка заучивала 3-й и 4-ый ряды, вторая 5-ый и 6-ой, третья 1-ый и 2-ой. Черезъ недѣлю первая дѣвочка заучивала 5-ый и 6-ой, вторая 1-ый и 2-ой, третья—3-ій и 4-ой. Такимъ образомъ, въ общемъ всѣми дѣвочками ряды зрительные были столько же разъ заучены черезъ часъ, на слѣдующій день и черезъ недѣлю, сколько и ряды слуховые, осязательные и т. д.

Въ третьихъ, наконецъ, заучивались три стихотворенія. Сдѣлать этотъ матеріалъ сколько нибудь однороднымъ не представлялось никакой возможности. Съ другой стороны, необходимо было каждой дѣвочкѣ давать особыя стихотворенья, чтобы исключить всякое вліяніе пересказа другъ другу заученныхъ стихотвореній. Поэтому каждая дѣвочка заучивала особыя стихотворенія. Всѣ стихотворенія, заученныя слѣпыми, были заучены и зрячими. Это не представляло опасностей, такъ какъ сообщенія между обоими учебными заведеніями не было. Стихотворенья были выбраны вполнѣ подходящія къ дѣтскому пониманію, но неизвѣстныя дѣтямъ изъ христоматій. Размѣръ всѣхъ стихотвореній былъ одинаковъ: заучивалось 8 строкъ стихотворенія съ правильнымъ чередованьемъ 9-ти и 8-ми слоговъ, соотвѣтственно такому же чередованію мужской и женской рифмы. Весь отрывокъ состоялъ, такимъ образомъ, изъ 68 слоговъ. Изъ трехъ заученныхъ каждой дѣвочкой стихотвореній одно заучивалось во второй разъ черезъ часъ, второе—на слѣдующій день, третье—черезъ недѣлю.

Заучиваніе производилось такимъ образомъ: отдѣльные ряды прочитывались всегда сначала до конца; никогда не раздроблялись на отдѣльныя части.

A. Заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ.

	Количество повтореній. Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.	Время. Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.
Заучив. *всѣхъ вообще* безсмыс. слог. въ 1-ый разъ .	8,7 разъ	15,2 разъ	57,2%	4,5 минутъ	7,7 минутъ	58,4%
Вторичное заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ черезъ часъ.	4,7	6,8	69,1	2,1	3,1	67,7
Вторичное заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ на слѣдующій день.	4,4	6,6	66,7	1,8	2,9	62,1
Вторичное заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ черезъ недѣлю.	5,3	7,9	67,1	2,3	3,4	67,6

B. Заучиваніе словъ.

		Количество повтореній. Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.	Время. Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.
Слуховыя представленія.	Въ 1-ый разъ.	5,7	11,7	48,7%	2,8 минутъ	5,8 минутъ	48,3%
Зрительныя представленія		5,4	8,9	60,7	2,2	4	55
Осязательныя представленія.		5,4	10,2	52,9	2,3	4,8	47,9
Слова. обозначающія эмоціональныя состоянія		6,4	12.3	52	2,8	5,8	48,3
Отвлеченныя слова		7	12,5	56	3,2	6,2	51,6
Числа		5,4	8,8	61,4	2,3	3,9	59
Черезъ часъ	Во 2-ой р.	4,1	5,2	78,8	1,7	2,3	73,9
На слѣдущщій донь.		3,8	4,7	80 9	1,5	1,9	78,9
Черезъ недѣлю		4,7	6	78,3	2,1	2,7	77,8

C. Заучиваніе стихотвореній.

	Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.	Слѣпые.	Зрячіе.	% отношеніе.
Въ 1-ый разъ	6,5 разъ	11,8 разъ	55,1%	4,6 минутъ	9 минутъ	51,1%
Во 2-ой разъ (черезъ часъ. день, недѣлю.	3,4	4,2	81	1,9	2,1	90,5

Чтенье всегда происходило съ одинаковой быстротою; одинъ рядъ слоговъ, словъ или цифръ прочитывался въ 15, одно стихотвореніе въ 20 секундъ. Послѣ перваго прочтенія испытуемый съ помощью изслѣдователя повторялъ весь рядъ. Потомъ прочитывался тотъ же самый рядъ во второй разъ. Испытуемый опять повторялъ его съ помощью изслѣдователя. Ряды читались до тѣхъ поръ, пока испытуемый не оказывался въ состояніи два раза повторить весь рядъ съ начала до конца. Если послѣ перваго самостоятельнаго повторенья испытуемый не оказывался въ состояніи повторить всѣ слоги во второй разъ, то онъ повторялъ до тѣхъ поръ, пока оказывался въ состояніи это сдѣлать хотя бы одинъ разъ. Заученнымъ поэтому рядъ считался въ томъ случаѣ. если испытуемый два раза самостоятельно воспроизводилъ его, хотя бы эти два раза и не были послѣдними, одинъ изъ нихъ могъ быть, напримѣръ, не вторымъ, а третьимъ съ конца. Въ общемъ, однако, оба эти ряда большею частью слѣдовали другъ за другомъ непосредственно. Такимъ образомъ было изслѣдовано двадцать слѣпыхъ, средняго возраста 14,1 года и двадцать одна зрячая дѣвочка—13,4 года. (Необходимо замѣтить, что курсы учебныхъ предметовъ въ обоихъ училищахъ приблизительно соотвѣтствовали другъ другу). Результаты получились слѣдующіе (См. таблицу на стр. 255).

При взглядѣ на эти ряды цифръ намъ, прежде всего, рѣзко бросается въ глаза, что у слѣпыхъ вообще всѣ цифры гораздо ниже, что быстрота заучиванія у нихъ, слѣдовательно, гораздо больше. Отношеніе другъ къ другу числа повтореній, потребныхъ для перваго заучиванія безсмысленныхъ слоговъ у слѣпыхъ и у зрячихъ равно отношенію 57,2: 100. Отношеніе соотвѣтствующихъ количествъ времени равно 58,4 : 100. Отношеніе другъ къ другу числа повтореній, потребныхъ для перваго заучиванья словъ различнаго значенія у слѣпыхъ и у зрячихъ равно 54,2 : 100, отношеніе соотвѣтствующихъ временъ 51,1 : 100. Въ частности, отношеніе числа повтореній для словъ различнаго значенія не одинаково; какъ и слѣдовало ожидать, легче всего запоминаютъ слѣпые, по отношенію къ зрячимъ, слова, обозначающіе слуховые образы (отношеніе 48,7 : 100), затѣмъ эмоціональные (отношенія 52 : 100), затѣмъ осязательныя (52,9 : 100), затѣмъ отвлеченные (56 : 100), затѣмъ зрительные (60,7 : 100) и, наконецъ, числа (61,4 : 100). Хотя эти различія и соотвѣтствуютъ тѣмъ предположеніямъ, которыя можно было бы высказать à priori, различіе все же не для всѣхъ этихъ видовъ достаточно велико, чтобы приведенный порядокъ можно было считать твердо установленнымъ. Нельзя, однако, не обратить вниманія, что слова, обозначающія слуховыя представленія, наиболѣе доступныя слѣпымъ, сравнительно лучше всего запоминаются, зрительныя же стоятъ на предпослѣднемъ мѣстѣ. Не безъинтересно также отмѣтить сравнительно легкое запоминаніе слѣпыми эмоціональныхъ словъ.

При вторичномъ заучиваніи отношеніе нѣсколько измѣнилось. У слѣпыхъ получается, вообще говоря, по сравненію со зрячими большая цифра, (не абсолютно, а относительно!), чѣмъ при первомъ заучиваніи. Было бы

оннако слишкомъ поспѣшнымъ дѣлать изъ этого какіе бы то ни было выводы. Во первыхъ, нужно отмѣтить тотъ фактъ, что тотъ, кто первый разъ заучиваетъ при большемъ числѣ повтореній, заучиваетъ во второй разъ при числѣ повтореній сравнительно маломъ по отношенію къ первому числу повтореній. Положимъ, напр., что для кого нибудь при первомъ заучиваніи требуется 20 повтореній, для другого десять. Въ такомъ случаѣ при вторичномъ заучиваніи первый выучитъ тотъ же рядъ, положимъ, при 6 повтореніяхъ, второй при 4. Отношеніе числа повтореній при первомъ заучиваніи 20 : 10=2 : 1, при второмъ $1^1/_2$: 1. Изъ этого нельзя выводить слѣдствія, что память у перваго лучше. Можно только сказать, что 20 повтореній оказываютъ на второе заучиваніе сравнительно больше вліянія, чѣмъ 10. Кромѣ того, необходимо указать на то обстоятельство, что въ число повтореній мы включали также и тѣ два рода, когда рядъ правильно произносился. При сравнительно маломъ числѣ повтореній такое обязательное для всякаго двукратное воспроизведеніе рядовъ сильнѣе нивеллировало разницу въ способности заучиванія, чѣмъ при большомъ числѣ повтореній. На этотъ результатъ могъ оказать, кромѣ того, вліяніе самый способъ заучиванія. Повтореніе производилось не одинъ разъ за другимъ, а одинъ разъ изслѣдователемъ, другой разъ испытуемымъ. Кромѣ того, какъ сказано, заученные слова, хотя рѣдко, но всетаки иногда воспроизводились испытуемымъ; то же самое происходило, въ еще большей степени, и относительно стихотвореній. Все это вліяло, конечно, тоже нивеллирующимъ образомъ. При всѣхъ первоначальныхъ заучиваніяхъ цифры для слѣпыхъ получались однако меньшія, чѣмъ для зрячихъ. Вторичное заучиваніе шло у нихъ тоже легче, чѣмъ у зрячихъ. Перевѣсъ былъ однако нѣсколько меньше, чѣмъ при первомъ заучиваніи; отношеніе другъ къ другу числа повтореній потребныхъ для вторичнаго заучиванья безсмысленныхъ слоговъ у слѣпыхъ и у зрячихъ равно отношенію (66,7—69,1): 100; отношеніе другъ къ другу соотвѣтствующихъ временъ (62,1—67,7): 100. Отношеніе другъ къ другу числа повтореній, потребныхъ для вторичнаго заучиванія словъ разнаго значенія и чиселъ ровно (78,3—80,9): 100. Отношеніе другъ къ другу соотвѣтствующихъ количествъ времени (73,9—78,9): 100. Отношеніе другъ къ другу числа повтореній, потребныхъ для вторичнаго заучиванія стихотвореній=81: 100. Отношеніе соотвѣтствующихъ количествъ времени 90,5: 100. Послѣднимъ двумъ цифрамъ, какъ уже сказано, нельзя однако придавать сколько нибудь существеннаго значенія, въ виду того, что стихотворенія постояно вспоминались дѣвочками въ промежутки между 1 и 2 заучиваніемъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ *слѣпые*, какъ оказалось, *легче заучивали*. какъ ряды безсмысленныхъ слоговъ и словъ, такъ и стихотворенія: Къ получаемымъ ими воспріятіямъ они относятся внимательнѣе, лучше запечатлѣваютъ ихъ въ сознаніи. При характеристикѣ того значенія, которое имѣетъ слуховыя воспріятія въ жизни слѣпого, мы уже упомянули, что онъ извлекаетъ изъ получаемыхъ имъ слуховыхъ ощущеній гораздо больше, чѣмъ

зрячій. Слѣпой больше обращаетъ на нихъ вниманія, лучше запоминаетъ, вѣрнѣе истолковываетъ. Мы видѣли далѣе, что заучиваніе происходитъ у слѣпого быстрѣе. Слѣпые вообще утилизируютъ получаемыя ими ощущенія лучше, чѣмъ зрячіе. Фактъ этотъ легко понятенъ: слѣпой прежде всего получаетъ отъ окружающаго міра меньше ощущеній, чѣмъ зрячій, ощущенія его, кромѣ того, гораздо однообразнѣе. Вниманіе, вслѣдствіе этого, не отвлекается въ такой сильной степени вторженіемъ въ фиксаціонную точку сознанія другихъ группъ ощущеній. На сравнительно долгое время и съ большой интенсивностью приковывается оно къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя заняли фиксаціонную точку въ полѣ сознанія. Данное ощущеніе вызываетъ вслѣдствіе этого большее количество связанныхъ съ нимъ, ассимилирующихъ его элементовъ. Оно подвергается, такимъ образомъ, болѣе тщательному сравненію и обработкѣ, точнѣе и полнѣе выясняется его отношеніе къ прежнимъ элементамъ сознанія, аналогичнымъ данному. Въ томъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ увеличенія продолжительности и интенсивности фиксаціи, дѣйствуетъ и другой моментъ. Съ помощью зрѣнія мы въ состояніи сразу охватить большое количество объектовъ во всѣхъ ихъ частностяхъ. Слѣпой не въ состояніи этого сдѣлать. При ознакомленіи съ міромъ пространственнымъ онъ медленно переходитъ отъ одной части къ другой. Въ то время, какъ воспріятіе внѣшняго міра съ помощью зрѣнія является симультаннымъ, одновременнымъ, воспріятіе его съ помощью осязанія возможно только путемъ постепеннаго и медленнаго ощупыванія, путемъ сочетанія длинныхъ послѣдовательныхъ рядовъ осязательныхъ ощущеній. Зрѣніе даетъ въ общемъ симультанныя отношенія, осязаніе—послѣдовательныя. Это другой фактъ, непозволяющій перескакивать отъ одного объекта къ другому. Для ознакомленія со всякимъ объектомъ необходимо болѣе продолжительное время, необходимо всѣ элементы воспріятій, всѣ ощущенья хранить въ сознаніи втеченіе болѣе долгаго времени. Наконецъ, зрячій можетъ, въ общемъ, гораздо чаще видѣть предметы, чѣмъ слѣпой—ощупывать. Ощупываніе требуетъ и много времени, и особеннаго положенія по отношенію къ предмету и того, чтобы предметъ находился въ болѣе полномъ нашемъ распоряженіи. Слѣпому часто приходится ограничиваться однократнымъ ощупываніемъ такихъ предметовъ, видѣть которые можно постоянно. Слѣпой долженъ вслѣдствіе этого глубже запечатлѣть данное воспріятіе въ смыслѣ усвоенія и сохраненія даннаго впечатлѣнія и не можетъ быть такъ расточителенъ, какъ зрячій. Въ силу всѣхъ вышеуказанныхъ моментовъ понятно, что слѣпой привыкаетъ лучше усваивать полученныя имъ ощущенія.

Душевная жизнь слѣпого восполняется съ другой стороны развитіемъ *религіознаго и художественнаго чувства*. Намѣтимъ нѣкоторые моменты, способствующіе развитію перваго. Слѣпой сознаетъ, что за кругомъ доступныхъ ему ощущеній лежитъ еще какой то другой, невѣдомый и недоступный міръ. Этотъ міръ представляется ему чудеснымъ и заманчивымъ—о немъ такъ много говорятъ, имъ такъ интересуются. Онъ не сомнѣвается въ

томъ, что данная ему дѣйствительность является неполною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ отрицательныя стороны ея обыкновенно тяжело заставляютъ себя чувствовать, заставляютъ искать примиренія съ нею, искать удовлетворенія и умиротворенія духа. Съ другой стороны, взглядъ слѣпого въ значительной степени отклоненъ отъ внѣшняго міра, сосредоточенъ на внутреннемъ созерцаніи, на анализѣ и разборѣ внутреннихъ явленій. Все это заставляетъ слѣпого сосредоточиться на внутренней жизни и способствуетъ укрѣпленію въ немъ вѣры въ сохраненіе духовныхъ цѣнностей. Понятенъ поэтому тотъ интересъ, съ которымъ слѣпые относятся къ религіознымъ вопросамъ. И въ отрицаніи чувствуется то же тревожное исканіе, то же неутолимая жажда.

Мы говорили, наконецъ, о стремленіи у слѣпыхъ къ художественному творчеству, къ художественному восполненію дѣйствительности. Многимъ, безъ сомнѣнія, покажется это страннымъ. Для художественнаго творчества нужно быть одареннымъ яркимъ пластическимъ воображеніемъ, нужно, слѣдовательно, прежде всего располагать богатымъ матеріаломъ ощущеній. Это, безъ сомнѣнія, conditio sine qua non. Но въ области, напр., слуховыхъ ощущеній слѣпой стоитъ не ниже зрячаго, даже напротивъ. Слуховыя ощущенія воспринимаются имъ гораздо лучше и полнѣе. Въ области звуковъ, въ области музыкальнаго пониманія и творчества слѣпой, поэтому, оказывается богаче зрячаго. Большинство преподавателей музыки уже на основаніи грубаго эмпирическаго наблюденія признаетъ, что слѣпые больше интересуются и оказываются болѣе способными къ музыкѣ, чѣмъ зрячіе.

Другая область художественнаго творчества—литература. Можно было бы сказать, что въ этой области слѣпые не могутъ достигнуть многаго, слишкомъ малъ кругъ доступныхъ имъ ощущеній .Это однако искупается другими моментами. Во первыхъ, отсутствіе зрительныхъ образовъ не сказывается такъ губительно, какъ могло бы показаться на первый взглядъ, на поэтическомъ творчествѣ слѣпого, на пониманіи имъ художественныхъ произведеній. Мы уже сказали, что слѣпые хорошо улавливаютъ чувственный тонъ спеціально зрительныхъ образовъ. Чувственный тонъ зрительныхъ образовъ есть одинъ изъ наиболѣе существенныхъ факторовъ, обусловливающихъ значеніе для насъ въ литературныхъ произведеніяхъ зрительныхъ образовъ. Эта сторона зрительныхъ образовъ опредѣляется слѣпымъ болѣе или менѣе вѣрно. Поэтому зрительные образы, представленные въ литературныхъ произведеніяхъ, не утрачиваютъ своего значенія и для слѣпого. Неудивительно, что слѣпые, напр., часто охотнѣе всего читаютъ стихи, наполненные исключительно описаніями видимой природы.

Затѣмъ—другой моментъ, способствующій эстетической оцѣнкѣ какъ литературныхъ, такъ и музыкальныхъ произведеній. Слѣпые, вообще, являются хорошими наблюдателями внутренней жизни, хорошими психологами. И въ литературныхъ произведеніяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ искусства, суть заключается не въ образахъ, образы имѣютъ только вспомогательное значеніе. Художественный образъ является символомъ, носителемъ психическаго содержанія.

Именно послѣднее представляется для насъ интереснымъ и цѣннымъ. Существеннымъ моментомъ эстетическаго воспріятія является процессъ Einfühlung, процессъ проникновенія въ суть, въ смыслъ художественнаго произведенія, процессъ одухотворенія и прочувствованья безжизненной самой по себѣ формы. Этотъ процессъ прочувствованія, конечно, вполнѣ доступенъ для слѣпого, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ для зрячаго: слуховыя воспріятія, играющія особенную роль въ жизни слѣпого, легче прочувствовать, легче связать съ тѣмъ или инымъ психическимъ содержаніемъ, легче видѣть въ нихъ выраженіе различныхъ душевныхъ состояній, чѣмъ можно сдѣлать это по отношенію, напр., къ зрительнымъ воспріятіямъ. Позволю себѣ привести стихотвореніе одной дѣвушки, получившей воспитаніе въ училищѣ слѣпыхъ, слѣдовательно, прошедшей приблизительно курсъ 3-хъ классныхъ городскихъ училищъ, Маргариты Николаевны Поповой, написанной ею три года тому назадъ, когда ей было 17 лѣтъ.

Дождь пересталъ. Уже полночь глубокая.
Воздухъ и влаженъ и тихъ.
Грустно брожу я въ саду одинокая
Между акацій густыхъ.

Все неподвижно и мрачно кругомъ...
Ночи печальной лишь вздохи безсонные
Вдругъ потревожатъ объятыя сномъ
Бѣлой акаціи вѣтки склоненныя.

Мнится мнѣ, будто-бы ночь невеселая
Тихо, беззвучно рыдаетъ;
Слышу — порою слезинка тяжелая
Съ вѣтокъ деревъ упадаетъ.

Ночь, разскажи свои грустныя тайны
Вѣрь, никому изъ людей
Ни передъ смертью, ни бредомъ случайно
Тайны не выдамъ твоей.

Слышится мнѣ въ тишинѣ гробовой
Вздохъ въ твоей груди стѣсненной,
Слышится будто бы ропотъ глухой,
Сдержанный стонъ затаенный.

Смѣхъ торжествующихъ, смѣхъ ли холодныхъ
Такъ твою душу потрясъ,
Или рыданья больныхъ и голодныхъ
Въ этотъ полуночный часъ.

Или тебѣ больно паденья погибшихъ
И утомленныхъ въ борьбѣ,
Жаждущихъ, ищущихъ и не достигшихъ,
Жертвою павшихъ судьбѣ,

Къ солнцу любви, къ свѣту правды и счастія
Шедшихъ впередъ сквозь туманъ,

Въ людяхъ, какъ въ братьяхъ, искавшихъ участія
Встрѣтившихъ всюду обманъ.

Стоны ли братьевъ, несчастныхъ глубоко
Вызвали эту печаль,
Полной ли зла и вражды и порока
Нашей земли тебѣ жаль?

Иль не о людяхъ твои сожалѣнія,
Или свое тебѣ горе не въ мочь.?
О, разскажи мнѣ причину томленія,
Мрачная, черная ночь!

Стихотвореніе это интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ мы находимъ лишь скудные зрительные образы, на первый планъ выступаютъ въ немъ представленія слуховыя. Еще интереснѣе оно по непосредственности и глубинѣ эстетическаго прочувствованія. Оно далеко не единичное—я бы могъ привести большое количество другихъ стихотвореній, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о поэтическомъ дарованіи слѣпыхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что слѣпые восполняютъ недочеты и пробѣлы своей душевной жизни, съ одной стороны, путемъ интенсивной концентраціи своихъ душевныхъ силъ на доступномъ для нихъ содержаніи, съ другой—путемъ художественнаго и религіознаго творчества. Наблюденія эти подтверждаютъ основную мысль, высказанную въ повѣсти В. Г. Короленко «Слѣпой музыкантъ». Съ внѣшней стороны въ этой повѣсти много ошибокъ, но зато глубоко справедлива основная мысль ея, что возможно полноцѣнное внутреннее развитіе человѣческой личности, не смотря даже на отсутствіе зрѣнія (тѣмъ менѣе могутъ, слѣдовательно, помѣшать ему другія внѣшнія препятствія), и что самымъ важнымъ моментомъ для достиженія такого развитія—это откликъ со стороны окружающихъ на каждый зовъ души.

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

Анджелъ. *Труды психологической лабораторіи Чикагскаго университета.* **R. Angell.** Studies from the psychological laboratory of the university of Chicago.

I. **Сквайръ.** *Усталость.* **Squire.** Fatigue. Большинство прежнихъ изслѣдователей усталости, по мнѣнію автора, допускали въ методѣ изслѣдованія слѣдующія ошибки: 1) они думали найти взаимодѣйствіе между мускульной и центральной усталостью и выражали одну въ терминахъ другой, 2) они не различали результатовъ усталости отъ результатовъ монотонности и 3) они считали удобными объектами для изслѣдованія дѣтей, между тѣмъ какъ дѣти неспособны къ продолжительному незаинтересованному вниманію. Сквайръ задался цѣлью избѣгнуть этихъ недостатковъ и въ особенности смѣшенія мускуль-

ной и центральной усталости, чего въ извѣстной степени и достигъ своеобразной постановкой опытовъ, исключающей мышечную усталость и позволяющей контролировать процессъ вниманія. Добытые результаты привели автора къ слѣдующимъ выводамъ объ отличіяхъ нормальнаго и утомленнаго вниманія. 1) Нормальныя колебанія вниманія менѣе продолжительны, 2) нормальныя колебанія болѣе упорядочены, между тѣмъ какъ при усталости колебанія крайне неравномѣрны, 3) паденія вниманія болѣе сильны и возстановленіе ихъ затруднительнѣе въ утомленномъ состояніи и 4) при усталости волевой контроль слабѣе, потому что субъектъ не можетъ отогнать отъ себя различныхъ развлекающихъ представленій.

II. **Гордонъ.** *Роль осмысливанія при запоминаніи и вниманіи.* **K. Gordon.** Meaning in memory and attention.

До сихъ поръ опыты съ памятью производились съ помощью механической ассоціаціи, основанной на простой смежности. Гордонъ попыталась изслѣдовать, какъ отразится на результатахъ внесеніе вмѣсто элементарной механической ассоціаціи, ассоціаціи болѣе тѣсной. Авторъ произвелъ слѣдующіе опыты. Сначала заучивались безсмысленные слоги, отличавшіеся другъ отъ друга только по своему составу. Затѣмъ производилось заучиванье безсмысленныхъ слоговъ, изъ которыхъ каждый появлялся въ опредѣленной части поля зрѣнія. Наконецъ, заучивались безсмысленные слоги, написанные на бумажкахъ различныхъ цвѣтовъ. Всѣ заучиванья повторялись затѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени. Оказалось, что слоги второй и третьей серіи заучивались и повторялись гораздо легче, чѣмъ слоги первой. Относительно вниманія производилось такое изслѣдованіе. Показывалось нѣсколько фигуръ, причемъ оказалось, что вниманіе испытуемыхъ останавливается по преимуществу на болѣе сложныхъ фигурахъ, имѣвшихъ больше содержанія и смысла. Опыты эти выясняютъ, по мнѣнію автора, роль осмысливанья при запоминаніи и вниманіи. То или иное содержаніе имѣетъ смыслъ постольку, поскольку связывается съ данными прошлаго опыта. Воспроизведеніе по смежности является самою простою, низшею формою осмысливанія. Воспроизведеніе по неразрывной, внутренней связи между объектами представляется высшею формою осмысливанья. По составу своему осмысливанье представляется часто повторявшимся воспроизведеніемъ по смежности. Со стороны функціональной оно характеризуется, какъ интересъ. Повтореніе является средствомъ для осмысливанья. Съ другой стороны, интересъ къ чему-нибудь указываетъ на то, что данный процессъ связался съ прежними переживаньями.

III. **Эшли.** *Значеніе безсознательныхъ факторовъ въ оцѣнкѣ разстояній.* **M. Ashley.** An investigation of the process of judgment as involved in estimating distances.

Въ основѣ нашихъ сужденій о разстояніи лежитъ рядъ безсознательныхъ привычекъ, которыми мы обыкновенно пренебрегаемъ, но которыя сильно даютъ себя знать, при измѣненныхъ условіяхъ опыта. Въ частности особенно значительную роль играютъ привычки зрительныя и осязательныя, относительная сила которыхъ зависитъ отъ принадлежности субъекта къ моторному или зрительному типу. Эшли, съ помощью изобрѣтеннаго имъ сложнаго прибора, достигъ возможности быстро перемѣнять положеніе наблюдаемаго предмета и предоставлять возможность испытуемому касаться съ закрытыми глазами этого предмета. Испытуемый, который раньше видѣлъ предметъ на другомъ разстояніи, осязаніемъ долженъ установить, перемѣщенъ ли этотъ предметъ ближе къ нему, или дальше. Въ зависимости отъ того, принадлежитъ-ли субъектъ къ зритель-

ному или осязательному типу, онъ при опредѣленіи разстояній отдаетъ предпочтеніе тому или иному органу чувствъ. Уступаетъ-ли однако зрительное представленіе когда-нибудь всецѣло мѣсто осязательному—остается вопросомъ.

IV. **Бонзеръ.** *Объ отношеніи между умственной усталостью и кровеобращеніемъ.* **G. Bonser.** A study of the relations between mental activity and circulation of the blood. The Psychological Review, vol. X, № 2.

Авторъ поставилъ себѣ троякую цѣль: 1) изслѣдовать степень и силу ударовъ сердца и сопутствующихъ имъ сосудодвигательныхъ давленій въ соотвѣтствіи съ пріятными и непріятными ощущеніями и аффективными состояніями умственной бодрости и усталости, 2) поставить въ связь вышеприведенныя измѣненія кровообращенія съ умственною работою, продолжающейся до появленія утомленія, 3) изслѣдовать связь сосудодвигательнаго ритма, поскольку онъ выражается въ волнахъ Траубе-Геринга съ ритмическимъ колебаніемъ остроты воспріятія. Для цѣлей такого разслѣдованія Бонзеръ примѣнилъ особый аппаратъ, представляющій нѣкоторую модификацію кимографа.

Результаты изслѣдованій автора сводятся къ слѣдующему: всѣ эмоціональныя состоянія сопровождаются суженіемъ кровеносныхъ сосудовъ, происходящимъ или немедленно, или послѣ небольшого промежутка. Для большинства индивидовъ нормальное возстановленіе кровеобращенія происходитъ быстрѣе послѣ пріятныхъ ощущеній, чѣмъ послѣ непріятныхъ. Усталость проявляется въ значительно уменьшенной амплитудѣ пульсацій, въ уменьшенномъ числѣ сердечныхъ ударовъ и въ уменьшеніи сосудодвигательной реакціи на раздраженіе. Возстановленіе правильнаго кровеобращенія въ такихъ случаяхъ происходитъ съ большей медленностью. Умственная усталость выражается въ ослабленной сосудодвигательной реакціи на эмоціональныя состоянія. Продолжительная умственная активность вызываетъ уменьшеніе амплитуды пульса и возрастаніе давленія крови. У большинства людей уменьшеніе числа ударовъ сердца происходитъ въ теченіе часа умственной работы и лишь у немногихъ въ этотъ періодъ наблюдается увеличеніе числа ударовъ. При продолжительномъ умственномъ напряженіи замѣчены 3 типа сосудодвигательнаго дѣйствія: одинъ состоитъ въ возрастающемъ суженіи сосудовъ, другой—въ невозрастающихъ измѣненіяхъ сосудовъ и третій—въ первоначально возрастающемъ суженіи и въ установленіи затѣмъ нѣкотораго расширенія. У большинства людей въ теченіи устойчиваго умственнаго состоянія Траубе-Геринговы волны отмѣчаются ясно и соотвѣтствуютъ колебаніямъ въ остротѣ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Наибольшая острота ощущеній наблюдается какъ разъ послѣ суженія сосудовъ.

П. Люблинскій.

---

2. Психопатологія.

Проф. Цигенъ. Душевныя болѣзни дѣтскаго, въ особенности школьнаго, возраста. Вып. 2.

Prof. Th. Ziehen. Die Geisteskrankheiten des Kindesalters mit besonderer Berücksichtigung des schulpflichtigen Alters. 2 Heft. 1904. (Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der pädagogischen Psychologie und Physiologie. Bd. VII, H. 1).

Новый трудъ проф. *Ziehen*'а является цѣннымъ обогащеніемъ врачебно-педагогической литературы, въ которой со времени извѣстной (переведенной и на нашъ языкъ) книги *Emminghaus*'а — книги, во многихъ отношеніяхъ

оставлявшей желать лучшаго, — не появилось ни одного руководства по дѣтскимъ психозамъ. Въ первомъ (вышедшемъ въ 1902 г.) выпускѣ проф. *Ziehen* описалъ психозы съ умственными дефектами, какъ врожденные (идіотизмъ, тупоуміе, debilitas), такъ и пріобрѣтенные — dementia paralytica, epileptica и слабоуміе вслѣдствіе частичныхъ (фокусныхъ) заболѣваній мозга. Описаніе послѣдней формы оканчивается, впрочемъ, уже въ новомъ, второмъ выпускѣ труда; кромѣ того, въ немъ разсматривается особая юношеская форма слабоумія, такъ называемая *hebephrenia*. Но большая часть этого выпуска посвящена *психозамъ безъ умственнаго дефекта*, а именно тѣмъ изъ нихъ, которые авторъ называетъ «простыми» въ отличіе отъ періодическихъ. Эти простые психозы дѣлятся на *аффективные* (манія, меланхолія) и *интеллектуальные* (stupiditas, острая paranoia или amentia, хроническая paranoia, сумеречныя состоянія, симптоматическій бредъ и разстройство въ формѣ навязчивыхъ идей). Классификація, въ общемъ, та же, какой держится авторъ во 2-мъ изданіи своей Психіатріи (1902 г.). Въ числѣ сумеречныхъ состояній, кромѣ эпилептическихъ и истерическихъ формъ, описывается pavor nocturnus; подъ общимъ названіемъ симптоматическаго бреда разсматривается бредъ при заразныхъ болѣзняхъ и послѣ нихъ, а также при истощеніи и отравленіяхъ.

Разстройство въ формѣ навязчивыхъ идей, психопатическія конституціи и сложные психозы составятъ предметъ слѣдующихъ выпусковъ.

Трудъ автора разсчитанъ не на психіатрическій только кругъ читателей; поэтому научные термины вездѣ объясняются, изложеніе просто и всѣмъ понятно. Особенное вниманіе удѣлено *психологическому* анализу и тѣмъ *воспитательнымъ* задачамъ, какія возникаютъ во многихъ случаяхъ душевнаго заболѣванія въ школьномъ возрастѣ. Этимъ, однако, нисколько не уменьшается интересъ книги для психіатровъ - клиницистовъ, такъ какъ клиническія описанія отличаются полнотой, въ разныхъ мѣстахъ приводятся исторіи болѣзней, и вообще, несмотря на общедоступность изложенія, книга проф. *Ziehen*'а вовсе не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ популярныхъ изданій, а представляетъ собою оригинальный научный трудъ. *Л. Блуменау.*

III. Корреспонденціи.

«С.-Петербургское Философское Общество». Засѣданіе 29 января 1904 г. Докладъ **Н. О. Лосскаго.** «*Обоснованіе мистическаго эмпиризма*». Основная задача докладчика состоитъ въ томъ, чтобы указать для теоріи познанія путь, наиболѣе свободный отъ какихъ бы то ни было догматическихъ предпосылокъ. Теорія познанія, по его мнѣнію, должна сама предшествовать всякой наукѣ, всякой другой теоріи. Если мы не будемъ соблюдать этого правила, если мы съ самаго же начала не постараемся совершенно отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ теорій, то мысль наша неизбѣжно пойдетъ по ложному пути; вмѣсто точнаго, безпристрастнаго анализа познавательныхъ процессовъ получатся выводы, на которыхъ ясно отразится вліяніе тѣхъ догматическихъ, ни на чемъ не основанныхъ предпосылокъ, отъ которыхъ мы не сумѣли освободиться съ самаго начала. Тщательное разсмотрѣніе исходныхъ пунктовъ основныхъ направленій новой философіи: эмпиризма, раціонализма и критицизма, указываетъ намъ на то, что ни одному изъ этихъ направленій не удалось избѣжать подобныхъ предпосылокъ.

Такъ, всѣ разсужденія эмпиристовъ до-кантовскаго періода основаны на слѣдующихъ, въ сущности ничѣмъ не доказанныхъ, положеніяхъ. Міръ «я» непреодолимой стѣной отдѣленъ отъ міра «не я»; между тѣмъ и другимъ невозможно никакое сообщеніе. Всякій нашъ познавательный актъ отъ начала до конца представляется чисто субъективнымъ процессомъ и, слѣдовательно, не можетъ дать намъ никакого понятія о томъ, что происходитъ внѣ насъ, въ мірѣ «не я». Въ то же время опытъ, этотъ единственный, по мнѣнію эмпиристовъ, источникъ нашего знанія является ничѣмъ инымъ, какъ воздѣйствіемъ внѣшняго міра на наше «я». Такимъ образомъ получается противорѣчивый результатъ: всѣ наши знанія имѣютъ своей единственной причиной вліяніе на насъ внѣшняго міра, и въ то же время истинное (адэкватное) познаваніе этого міра представляется для насъ совершенно недоступнымъ.

Раціонализмъ, какъ и эмпиризмъ, начинаетъ съ предположенія, что я и не я обособлены другъ отъ друга, что всѣ состоянія сознанія познающаго субъекта цѣликомъ суть его принадлежности, и что опытъ есть результатъ воздѣйствія внѣшняго міра на я. Предпосылка эта неизбѣжно должна привести насъ къ тому же скептическому выводу, который получился и у эмпиристовъ: истинное, адэкватное знаніе внѣшняго міра представляется для насъ недостижимымъ. Чтобы избѣжать этого скептицизма, раціоналисты прибѣгли къ гипотезѣ прирожденныхъ идей.

Въ глубинѣ личности, въ нѣдрахъ души самого познающаго субъекта заложены основныя черты всѣхъ нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ; дальнѣйшее опытное познаваніе въ теченіе всей жизни является только развитіемъ этихъ прирожденныхъ идей, не внося въ нихъ однако ничего существенно новаго. Если развивать послѣдовательно эти мысли, то мы неизбѣжно придемъ къ парадоксальному выводу, будто вся совокупность нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ является, во всемъ своемъ объемѣ, прирожденной человѣку. Въ всякомъ случаѣ, конечныя заключенія раціоналистовъ не менѣе противорѣчивы, чѣмъ выводы эмпиризма: выходитъ, будто знаніе о внѣшнемъ мірѣ доступно познающему субъекту лишь въ той мѣрѣ, въ какой основы этого знанія заложены уже въ немъ самомъ, или, выражаясь словами докладчика: «знаніе имѣетъ трансцендентный характеръ лишь постольку, поскольку оно имманентно по своему происхожденію и составу».

Но особенно подробному разсмотрѣнію со стороны докладчика была подвергнута теорія ознанія критической философіи. Основная мысль критической философіи заключается въ томъ, что познаніе есть процессъ закономѣрный, но не выражающій содержанія ни я, ни не я, какъ вещей въ себѣ. Таковъ взглядъ Канта. Естественный выводъ отсюда состоялъ-бы въ томъ, что для теоріи познанія нѣтъ никакой надобности противопоставлять міръ я міру не я, ставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ возможно воздѣйствіе второго на первый и создавать ученіе о трансцендентномъ. Однако, и Кантъ не могъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ тѣхъ предпосылокъ, изъ которыхъ исходили его предшественники. Теорія знанія Канта строится на почвѣ противопоставленія процесса знанія; это противопоставленіе есть остатокъ предпосылокъ раціонализма и эмпиризма, противополагающихъ я и не я. У Канта была практическая потребность оправдать науку, какъ нѣчто всеобщее и необходимое. Этого онъ достигаетъ тѣмъ, что дѣлитъ весь конгломератъ нашихъ знаній на случайныя и необходимыя, и только послѣднія считаетъ годными для науки. Мысль эту слѣдуетъ признать правильной. Но далѣе, при рѣшеніи вопроса о томъ, какія знанія слѣдуетъ считать случайными и какія—необходимыми, Кантъ попадаетъ во власть господствовав-

шихъ въ то время предвзятыхъ мнѣній. Утверждая, что опытъ не можетъ дать намъ ничего всеобщаго и необходимаго, Кантъ не приводитъ въ подтвержденіе этого никакихъ доказательствъ; онъ прямо смотритъ на опытъ глазами Локка, Юма и раціоналистовъ. Подобно раціоналистамъ и эмпиристамъ онъ вноситъ весь міръ воспріятій цѣликомъ въ наше я, считая такимъ образомъ весь внѣшній міръ нашимъ представленіемъ. Далѣе докладчикъ разобралъ нѣкоторые отдѣльные пункты теоріи познанія Канта, какъ то: его опредѣленіе критеріевъ объективности, отнесеніе всѣхъ связей (синтезовъ) къ области чистаго разсудка, ученіе о схематизмѣ чистаго разсудка, ученіе о вещи въ себѣ и т. д., указывая при этомъ, какъ отразились на нихъ упомянутыя выше предпосылки.

Теорія познанія мистическаго эмпиризма является прямымъ продолженіемъ критической философіи, стараясь въ то же время избѣгнуть догматическихъ предпосылокъ этой послѣдней. Въ настоящее время насъ ничто не обязываетъ думать вмѣстѣ съ раціоналистами, будто въ процессахъ познаванія «не я» находится за предѣлами «я» и даетъ знать о себѣ только косвенно, путемъ дѣйствія на «я». Приступая къ изслѣдованію процессовъ знанія, мы должны, еще не предрѣшая вопроса объ отношеніи между «я» и «не я», начать прямо съ анализа фактовъ, и уже путемъ этого анализа опредѣлить понятія: знаніе, я и не я. Итакъ, мы подходимъ къ дѣлу безъ всякихъ предпосылокъ, констатируя факты: «Свѣтло. Шумъ. Совершается процессъ подыскиванія доказательствъ. $2\times2=4$». Анализируя эти переживанія, мы прежде всего приходимъ къ заключенію, что во всякомъ процессѣ замѣчается отношеніе къ чему-то. Если это *что-то*, къ чему относится этотъ процессъ констатированія свѣтлости, шума и т. д., находится за предѣлами процесса знанія, трансцендентно, тогда мы неизбѣжно придемъ опять къ точкѣ зрѣнія эмпиризма, раціонализма или критицизма. Это—самый важный поворотный пунктъ во всей теоріи. Основываясь на анализѣ фактовъ, нельзя не признать, что это *что-то* находится здѣсь же, въ самомъ процессѣ констатированія переживаній.

Однако, переживаніе само по себѣ, напр., гнѣвъ, свѣтъ, паденіе камня и т. п. еще не есть знаніе; оно становится знаніемъ лишь тогда, когда подвергается сравниванію съ другими переживаніями. Слѣдовательно, знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями. Объекты знанія не создаются нами; они даны въ самомъ процессѣ познаванія, участвуютъ въ немъ, они его составляютъ. Знаніе о «я» и «не я» должно быть получено этимъ же путемъ, т.-е. путемъ сравниванія переживаній, опредѣленія различій между ними и отнесенія на основаніи этихъ различій одной части переживаній къ сферѣ «я» (къ субъективному міру) и другой части переживаній къ сферѣ «не я»,—къ объективному міру. Критеріемъ же, позволяющимъ отдѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ субъективные элементы познанія отъ объективныхъ являются чувствованія субъективности и объективности [1]). Построенная этимъ методомъ теорія знанія приходитъ къ утвержденію, что матеріалы знанія о внѣшнемъ мірѣ даны въ актѣ знанія такъ же непосредственно, какъ и матеріалы знанія о внутреннемъ мірѣ. Поэтому философское направленіе, обосновываемое этою теоріею знанія, можно назвать мистическимъ эмпиризмомъ.

По мнѣнію докладчика, вся современная психологія идетъ уже путемъ

---

[1]) См. Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Гл. I и VI.

мистическаго эмпиризма въ своемъ опредѣленіи понятія субъективнаго и объективнаго. (Вундтъ, Махъ, эмпиріо-критицизмъ, имманентная философія).

Такъ какъ докладъ затянулся до очень поздняго времени, то пренія, не смотря на интересъ сообщенія, не могли быть продолжительны.

По мнѣнію *Жакова*, теорія знанія должна опираться на данныя другихъ наукъ, въ особенности наукъ естественныхъ. Анализъ внутреннихъ переживаній всегда въ высшей степени субъективенъ. Кромѣ того, наше сознаніе можетъ эволюціонировать, а вмѣстѣ съ нимъ могутъ подвергнуться эволюціи даже такія понятія, какъ напр., понятіе причинности.

Докладчикъ указалъ на то, что именно для естествознанія и въ частности для эволюціонизма теорія мистическаго эмпиризма даетъ хорошую почву, рѣшая вопросъ о реальности внѣшняго міра и его доказуемости въ положительномъ смыслѣ. *А. Лазурскій.*

Въ **«Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ»** при С.-Петербургской Духовной Академіи.

52-е засѣданіе 19-го января 1904 года.

А. Г. Каверзневъ прочелъ докладъ на тему: *Ученіе Джевонса о сужденіи и умозаключеніи.* Изъ доклада и преній выяснилось, что Джевонсъ справедливо видитъ основу всякаго умозаключенія въ процессѣ отожествленія. Ошибка его заключалась лишь въ томъ, что логическій процессъ отожествленія онъ свелъ къ подстановкѣ терминовъ въ предложеніяхъ, къ простой замѣнѣ въ нихъ одного слова другимъ—равнозначнымъ. Источникомъ этой ошибки послужило его неправильное ученіе о сужденіи. Стремясь, по примѣру Гамильтона, Де-Моргана и особенно Буля, примѣнить къ логикѣ математическій методъ, онъ обратилъ вниманіе на объемъ понятій и пришелъ къ невѣрному взгляду, будто всѣ отношенія между понятіями въ сужденіяхъ могутъ быть истолкованы въ смыслѣ отношеній равенства между объемами понятій. Въ сравненіи съ логикой Аристотеля, ученіе Джевонса объ умозаключеніи имѣетъ то безспорное преимущество, что оно обнимаетъ собою не только силлогизмъ и индукцію, но и математическіе выводы.

53-е засѣданіе 30-го января.

Вниманію Общества былъ предложенъ **М. Ѳ. Лебедевымъ** докладъ на тему: **Міровоззрѣніе В. С. Соловьева**. Докладчикъ изложилъ существенные пункты гносеологіи В. С. Соловьева, представилъ его ученіе о Тріединомъ Богѣ, міровой душѣ и образованіи вещественнаго міра, охарактеризовалъ нравственное ученіе и показалъ отношеніе къ нему публицистической дѣятельности В. С. Соловьева. Пренія по поводу доклада были многочисленны и оживленны. Оппоненты настаивали, что не слѣдовало докладчику ограничиваться изложеніемъ міровоззрѣнія философа, а необходимо было дать характеристику его личности, потому что взятое отдѣльно отъ личности міровоззрѣніе является какъ бы тѣломъ безъ души. По этому поводу проф. С. А. Соллертинскій высказалъ свой взглядъ на В. С. Соловьева. Онъ полагаетъ, что характерною особенностью личности нашего философа была активность въ самой высокой степени. Она была причиною, почему В. С. Соловьевъ а) считаетъ источникомъ достовѣрнаго знанія непосредственное единеніе познающаго субъекта съ познаваемымъ объектомъ, б) находитъ въ объективномъ бытіи волю, выражающуюся въ мірѣ явленій, в) признаетъ человѣческій духъ источникомъ нормативныхъ законовъ, по которымъ долженъ быть преобразованъ этотъ міръ, и г) приходитъ къ идеалу

Богочеловѣка, какъ нормѣ, съ которой должна сообразоваться творческая дѣятельность человѣка. Остальныя замѣчанія касались болѣе частныхъ пунктовъ. Были подняты, между прочимъ, вопросы: къ теистамъ или пантеистамъ слѣдуетъ отнести В. С. Соловьева? Міровая душа, по его ученію, сотворена или совѣчна Богу? Въ заключеніе собраніе выразило докладчику и оппонентамъ свою благодарность дружными аплодисментами.

54-е засѣданіе 23-го февраля.

Н. А. Соколовъ въ своемъ докладѣ *Происхожденіе и характерныя свойства родственнаго чувства* развивалъ мысль, что основою родственнаго чувства служитъ инстинктъ самосохраненія и что идеальный свой характеръ это чувство пріобрѣло впослѣдствіи, когда отъ братьевъ и сестеръ оно перешло на остальныхъ членовъ рода. Оппоненты не согласились съ этимъ, доказывая, что родственное чувство по природѣ своей есть чувствованіе симпатическое и что колыбелью его служитъ любовь матери къ ребенку.

Открытіе Педологическаго Отдѣла при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній.

28 февраля было праздникомъ русской педагогіи. Этотъ день показалъ, какимъ жгучимъ, назрѣвшимъ вопросомъ для русскаго общества является вопросъ о правильной научно-обоснованной постановкѣ воспитанія. Первое публичное засѣданіе только что народившагося Педологическаго Отдѣла при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній привлекло столько лицъ, интересующихся воспитаніемъ, что всѣхъ ихъ едва могла вмѣстить большая аудиторія Соляного Городка.

Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя Педологическаго Отдѣла А. Н. Макаровымъ. Указавъ, что цѣлью новаго отдѣла служитъ полное и всестороннее изученіе всѣхъ вопросовъ, касающихся изученія человѣка, какъ предмета воспитанія, *А. Н. Макаровъ* намѣтилъ три пути для достиженія этой цѣли: 1) обсужденіе докладовъ лицъ, спеціально изучающихъ дѣло изслѣдованія человѣка, какъ предмета воспитанія; 2) устройство публичныхъ лекцій для распространенія педологическихъ знаній среди лицъ, интересующихся дѣломъ воспитанія,—среди родителей, воспитателей и преподавателей; 3) практическія занятія лицъ, желающихъ подробнѣе познакомиться съ методами педологическихъ изслѣдованій.

Внѣшнимъ поводомъ къ возникновенію Педологическаго Отдѣла послужило предложеніе, внесенное въ Коммиссію имени К. Д. Ушинскаго, В. Т. Зиминымъ, открыть при его матеріальной поддержкѣ Педологическій институтъ по образцу существующаго уже въ Америкѣ Клеркскаго института, учрежденнаго Стэнли Холломъ. Такимъ образомъ Педологическій отдѣлъ является зерномъ, изъ котораго при благопріятной обстановкѣ можетъ развиться Педологическій институтъ.

Свою рѣчь А. Н. Макаровъ закончилъ выраженіемъ надежды на то, что новое учрежденіе привлечетъ къ себѣ широкій кругъ дѣятелей.

Послѣ рѣчи Предсѣдателя сдѣлали сообщенія Д. А. Дриль, А. Н. Гундобинъ, А. П. Нечаевъ и кн. И. Р. Тархановъ.

Д. А. Дриль обратилъ вниманіе слушателей на то, что благополучіе человѣка, несмотря на могучее развитіе техническихъ знаній, нисколько не упрочилось: знанія эти нерѣдко являются только средствомъ къ преобладанію одного человѣка надъ другимъ и къ истребленію другъ друга. Причина этого явленія кроется въ томъ, что умственное развитіе, получаемое человѣкомъ, не со-

отвѣтствуетъ нравственному. Чтобы этого избѣгнуть, нужно болѣе правильно воспитывать. Воспитаніе, какъ оно понимается въ настоящее время, должно вести человѣка къ полному приспособленію къ лучшей жизни,—къ очеловѣченію. Воспитаніе должно считаться съ двумя факторами: вліяніемъ окружающей природы и наслѣдственностью. Что два этихъ фактора давно уже считались одинаково могучими въ дѣлѣ воспитанія, свидѣтельствуютъ неоднократныя попытки создать «новую породу людей»; объ этомъ мечтали Екатерина Великая, Руссо, Ренанъ, — наконецъ современный намъ ученый, Мечниковъ, доказывающій, что природа человѣка подвержена измѣненіямъ. Физіологія, экспериментальная психологія и психо-физіологія, хотя окончательно не выяснили этого вопроса, но многое сдѣлали въ этомъ направленіи.

Въ настоящее время уже считается установленнымъ наукой то положеніе, что наслѣдственность для душевнаго развитія человѣка даетъ только общій фонъ, на которомъ внѣшняя среда чертитъ рисунокъ. Фонъ этотъ слагается изъ общаго самочувствія, которое создается органическими процессами, зависящими отъ наслѣдственно полученной организаціи. Изъ внѣшнихъ вліяній на душевный складъ человѣка особеннаго вниманія заслуживаютъ ассоціаціи, образовавшіяся еще въ раннемъ дѣтствѣ. Изъ всего этого видно, въ какомъ направленіи нужно работать, чтобы поставить воспитаніе на научную почву. Педологическій отдѣлъ имѣетъ своей цѣлью объединить факты, выясняющіе созданіе личности человѣка, и такимъ путемъ поставить воспитаніе на научную почву.

А. Н. Гундобинъ выяснивъ на примѣрахъ, что воспитаніе преслѣдуетъ не только личныя цѣли, но и общественныя (культъ семьи у китайцевъ, религіозное воспитаніе у евреевъ, могущество Германіи—какъ результатъ воспитанія), обратилъ вниманіе на связь медицины съ воспитаніемъ.

Исторія развитія воспитанія идетъ тѣмъ же путемъ, по которому шла медицина: раньше медицина была искусствомъ, теперь она наука; недалеко то время, когда и воспитаніе встанетъ на научную почву. Связь медицины съ воспитаніемъ станетъ очевидна, если вспомнить, что цѣлью воспитанія ставится гармоническое развитіе душевныхъ и физическихъ силъ человѣка. Ни лѣчить, ни воспитывать по шаблону нельзя. Для того, чтобы поставить воспитаніе на научную почву, нужно собрать достаточное количество наблюденій, классифицировать ихъ и сдѣлать общіе выводы. Начало наблюденій надъ ребенкомъ положили Прейеръ и Диксонъ, и благодаря этимъ наблюденіямъ выяснились многіе вопросы: такъ, опредѣлилось важное значеніе чувствованій для душевнаго развитія ребенка. Не менѣе важны и наблюденія надъ дѣтьми школьнаго возраста. Они выдвинули цѣлый рядъ очень важныхъ вопросовъ, которымъ раньше не придавали никакого значенія; явились вопросы о распредѣленіи классныхъ занятій, о гигіеническихъ условіяхъ обученія, о необходимости при воспитаніи и обученіи сообразоваться съ индивидуальными качествами ученика (массовое обученіе, подобно массовому лѣченію, примѣняться не можетъ), о развитіи памяти и раціональномъ заучиваніи. Всѣмъ этимъ вопросамъ экспериментальныя науки дали новое освѣщеніе. Хотя изъ всѣхъ экспериментальныхъ работъ нельзя еще сдѣлать обширныхъ общихъ выводовъ, но уже явилась возможность дать методическія указанія, руководствуясь которыми мы не будемъ воспитывать умственныхъ и нравственныхъ калѣкъ.

Свою рѣчь А. Н. Гундобинъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы первая въ Россіи лабораторія экспериментальной педагогической психологіи при педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства вызвала сочувствіе всѣхъ и была славой отечества.

А. П. Нечаевъ, въ своей рѣчи, далъ краткій историческій очеркъ педологическаго движенія. Педагоги давно уже указывали на необходимость, для правильной постановки воспитанія, хорошенько изучить природу воспитанника. К. Д. Ушинскій, въ замѣчательномъ для своего времени сочиненіи «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», горячо доказывая важное значеніе для педагогики точныхъ знаній о человѣкѣ, мечталъ даже о созданіи особаго «педагогическаго» или «антропологическаго» факультета. Но тогда еще не были достаточно развиты многія науки, на которыхъ могло быть построено точное изслѣдованіе человѣка, какъ предмета воспитанія. Въ частности, экспериментальная психологія тогда еще только зарождалась. Теперь дѣло значительно двинулось впередъ. Благодаря энергіи ученика Вундта, президента Клеркскаго университета, Стенли Холла, въ Америкѣ возникла новая наука—педологія, изучающая всѣ вопросы, касающіеся психо-физіологической природы ребенка. При Клеркскомъ университетѣ организовался даже цѣлый Педологическій Институтъ, гдѣ сотни педагоговъ, врачей и молодыхъ ученыхъ занимаются изученіемъ педологическихъ методовъ и добытыхъ при ихъ помощи результатовъ. По всей Америкѣ организуются систематическія наблюденія надъ психо-физіологическимъ развитіемъ учащихся. Изъ Америки новое вѣяніе перешло и въ Европу, гдѣ въ данномъ направленіи давно уже была подготовлена благопріятная почва. Теперь въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Австріи и Швейцаріи десятки ученыхъ посвящаютъ себя педологическимъ изслѣдованіямъ. Въ 1900 году въ Антверпенѣ организовалось первое международное Педологическое Общество, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ культурныхъ странъ. Въ минувшемъ же году Стенли Холлъ организовалъ всемірный педологическій союзъ, имѣющій своимъ центромъ лабораторію Клеркскаго университета.

У насъ, въ Россіи, послѣ К. Д. Ушинскаго идею примѣненія точныхъ методовъ къ изученію человѣка, какъ предмета воспитанія, сильнѣе другихъ пропагандировали Сикорскій и Ланге. Внѣшнія обстоятельства не всегда благопріятствовали распространенію этой идеи, и еще совсѣмъ недавно было время, когда одна изъ попытокъ указать значеніе современной экспериментальной психологіи для выясненія вопросовъ школьнаго обученія безаппелляціонно была признана «безспорно смѣшной» и «для Россіи вредной». Слава Богу, не всѣ безаппелляціонныя приговоры безусловно справедливы и не всѣ дурныя пророчества сбываются. Событія послѣднихъ лѣтъ показали, что русское общество сильно жаждетъ видѣть дѣло воспитанія прочно поставленнымъ. На работниковъ въ области экспериментальныхъ наукъ возлагаются въ этомъ отношеніи серьезныя надежды. Въ 1902 г. въ Обществѣ Охраненія Народнаго Здравія, по выслушаніи доклада Д. А. Дриля, было рѣшено озаботиться учрежденіемъ при этомъ обществѣ лабораторіи педагогической психологіи. Въ томъ же году при Обществѣ Нормальной и Патологической Психологіи, подъ предсѣдательствомъ В. М. Бехтерева, организуется особая Коммиссія по экспериментальному изслѣдованію психическаго развитія учащихся. Первый опытъ коллективнаго изслѣдованія учащихся по всей Россіи, поставленный этой Коммиссіей, нашелъ себѣ поддержку болѣе, чѣмъ у 300 педагоговъ и врачей, предложившихъ Коммиссіи свой безкорыстный трудъ собиранія и обработки нужнаго матеріала. Два года тому назадъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Директора Педагогическаго Музея А. Н. Макарову, при Педагогическихъ Курсахъ военно-учебнаго вѣдомства организуется лабораторія экспериментальной педагогической психологіи, успѣвшая издать въ свѣтъ уже два выпуска своихъ трудовъ. Послѣдній Пироговскій Съѣздъ, заслушавъ нѣсколько докладовъ

о значеніи педологіи для дѣятельности школьнаго врача, постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы на медицинскихъ факультетахъ была предоставлена будущимъ школьнымъ врачамъ возможность получить подготовку къ педологическимъ изслѣдованіямъ. Наконецъ, сегодня мы присутствуемъ при открытіи Педологическаго Отдѣла, объединившаго спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній, необходимыхъ для постановки изслѣдованій человѣка, какъ предмета воспитанія. Въ ближайшемъ будущемъ должна закипѣть горячая, дружная работа—на пользу великаго дѣла воспитанія. Будемъ же надѣяться, что наше новое дѣло не погибнетъ и общество поддержитъ его своимъ сочувствіемъ.

Князь Ив. Р. Тархановъ указавъ, что значеніе педологіи выяснилось предыдущими рѣчами, перешелъ къ оцѣнкѣ тѣхъ свѣдѣній о дѣтскомъ организмѣ, которыя имѣются въ физіологіи. Оказывается, что физіологія хорошо изучила только процессы, совершающіеся въ зрѣломъ организмѣ; отправленія же ребенка, начиная съ его утробной жизни, являются совершенно не изученными. Педологія выдвинула цѣлую серію новыхъ вопросовъ, которые предстоитъ рѣшить физіологіи. Къ числу такихъ вопросовъ относятся вопросы о ростѣ тканей, о физической усталости, о вегетаріанствѣ и мн. др. Вопросы эти важны не только съ точки зрѣнія физическаго развитія, но и съ точки зрѣнія развитія душевнаго, такъ какъ психическія функціи тѣсно связаны съ физіологическими процессами. Средства для изслѣдованія этихъ процессовъ безъ всякаго поврежденія ребенка въ рукахъ физіологіи; у нея есть аппараты, записывающіе функціи сердца, легкихъ, мышцъ, пищеварительныхъ органовъ и т. д., и она не замедлитъ представить въ распоряженіе педологіи нужный ей матеріалъ.

К. Дописцевъ.

Отчетъ о засѣданіяхъ Пироговскаго Съѣзда.

Секція душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Засѣданіе 8-го Января, отъ 2-5 час. дня.

Почетный предсѣдатель проф. *В. К. Ротъ.*

К. І. Ноишевскій (Двинскъ). *Псевдогаллюцинаціи зрѣнія.* Различіе между истинными галлюцинаціями и ложными (псевдогаллюцинаціи) впервые было установлено Кандинскимъ: онѣ отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что, хотя и проецируются въ пространство, однако не имѣютъ характера объективной реальности, свойственнаго первымъ; отъ продуктовъ воображенія псевдогаллюцинаціи отличаются большею живостью, устойчивостью и самопроизвольностью возникновенія, такъ что ихъ нельзя вызвать по желанію, равно какъ нельзя и отдѣлаться отъ нихъ усиліемъ воли. Нельзя согласиться съ точностью приведеннаго опредѣленія, такъ какъ оно сближаетъ псевдогаллюцинаціи съ навязчивыми произведеніями памяти и воображенія. Главное различіе истинной галлюцинаціи отъ ложной заключается въ томъ, что отъ галлюцинаторнаго образа можно отвернуться, тогда какъ псевдогаллюцинаторный образъ всюду слѣдуетъ за движеніями нашихъ глазъ и головы, отъ него отвернуться нельзя. Псевдогаллюцинаціи представляютъ полную аналогію съ послѣдовательными образами сѣтчатки. Каждое зрительное представленіе есть синтезъ зрительнаго впечатлѣнія и двигательнаго акта; въ послѣдовательныхъ образахъ сѣтчатки двигательный актъ не соединяется съ зрительнымъ впечатлѣніемъ на сѣтчаткѣ въ прочный синтезъ, а уступаетъ свое мѣсто каждому слѣдующему двигательному акту. Напр., представленіе о величинѣ предмета слагается изъ величины его изображенія на сѣтчаткѣ и величины иннерваціи двигательнаго приспособленія глаза къ разстоянію предмета; чѣмъ больше сѣтчатковое изображеніе, тѣмъ большимъ кажется предметъ, чѣмъ больше иннервація аккоммодативнаго

аппарата, тѣмъ меньшимъ кажется предметъ; такъ какъ величина послѣдовательнаго образа на сѣтчаткѣ не мѣняется, то она зависитъ отъ степени аккомодаціи, поэтому, чѣмъ ближе послѣдовательный образъ, тѣмъ онъ кажется меньшимъ и наоборотъ; приведенное правило позволяетъ въ клинической практикѣ рѣшить, съ истинными или ложными галлюцинаціями мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ. Къ псевдогаллюцинаціямъ относится наблюденіе Kraft-Ebing'а: 15-ти-лѣтній мальчикъ видѣлъ громадныхъ размѣровъ мадонну въ облакахъ; затѣмъ онъ увидѣлъ ее у своего указательнаго пальца, но уже въ миньятюрѣ. Докладчикъ наблюдалъ въ Творкахъ больного, павшаго на колѣна передъ образомъ мадонны громадной величины; затѣмъ образъ началъ постепенно удаляться, все уменьшаясь въ размѣрахъ, пока не исчезъ изъ глазъ—истинная галлюцинація. Страдающіе истинными галлюцинаціями испытываютъ стремленіе смотрѣть въ ту сторону, гдѣ они увидятъ галлюцинаторный образъ, иногда заранѣе они знаютъ это направленіе, такъ что истинный галлюцинаторный образъ находится въ прочной связи съ опредѣленной фиксаціей взгляда, что не свойственно псевдогаллюцинаціямъ.

Н. В. Краинскій (Вилейка). Отдавая справедливость значенію двигательныхъ ощущеній, думаю, что псевдогаллюцинаціи суть только бо̀льшія по силѣ и напряженію субъективныя ощущенія; истинная галлюцинація характеризуется проецированіемъ во внѣшній міръ, при чемъ она стоитъ внѣ временной и пространственной связи съ реальными воспріятіями.

Проф. *Я. А. Анфимовъ* (Харьковъ). Псевдогаллюцинаціи по Кандинскому суть галлюцинанды, т. е. не доразвившіяся галлюцинаціи. Разница между тѣми и другими: 1) при галлюцинаціяхъ больной ощущаетъ иннерваціонныя движенія въ извѣстномъ органѣ чувствъ, а при псевдогаллюцинаціяхъ нѣтъ этихъ ощущеній и нѣтъ, вообще, чувства внутренней работы (или она чрезвычайно мала); 2) галлюцинаціи всегда проецируются въ пространство, а псевдогаллюцинаціи за предѣлы тѣла не выходятъ; 3) общее между тѣми и другими — свойство чуждости для «я».

Н. В. Краинскій не согласенъ съ проф. Анфимовымъ, что псевдогаллюцинація—чуждый нашему «я» элементъ; поскольку она субъективно ощущается, она принадлежитъ тому, кто ее переживаетъ, какъ и всѣ ощущенія, образы воспоминаній и истинныя галлюцинаціи. Одна проекція во внѣшній міръ не исчерпываетъ различія между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями, такъ какъ проецироваться могутъ и образы воспоминанія и фантазіи; двигательный же элементъ свойственъ и простымъ представленіямъ, и слуховымъ, и обонятельнымъ галлюцинаціямъ.

Проф. *В. Ф. Чижъ* (Юрьевъ). Докладчикъ дополнилъ различіе между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями и далъ объективный признакъ для ихъ различенія; дѣйствительно, при галлюцинаціи производятся тѣ же двигательные акты, что и при настоящемъ воспріятіи, почему больной и не можетъ отличить галлюцинаціи отъ воспріятія дѣйствительности. Докладчикъ указалъ, что больной можетъ отвернуться отъ галлюцинаціи, и намъ понятно, почему. При псевдогаллюцинаціи двигательные акты совсѣмъ не тѣ, что при дѣйствительномъ воспріятіи, почему больной отличаетъ псевдогаллюцинаціи отъ воспріятій дѣйствительности и, какъ указалъ докладчикъ, не можетъ отвернуться отъ псевдогаллюцинаціи. Докладчикъ далъ намъ цѣнный дифференціальный признакъ, которымъ можно пользоваться, вполнѣ понимая патогенезъ явленія.

В. Осиповъ.

Открыта подписка на 1904 годъ.

(*Шестой годъ изданія*).

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

ПРАВО

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и ближайшемъ участіи I. В. Гессена. пр.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. I. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получатъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ и кассаціонныхъ департаментовъ Правит. Сената и „Законодательный Вѣстникъ“ *въ которомъ будутъ помѣщены всѣ распубликованныя въ 1904 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ и тѣ указы Пр. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.*

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ «Права» безплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ „Правѣ“ помѣстили статьи слѣдующія лица: К. К. Арсеньевъ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій. А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, проф. Берлинскаго ун. В. I Борткевичъ, пр.-доц. Ф. А. Вальтеръ. М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфертъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, сенаторъ А. Г. Гасманъ, пр.-доц. М. И. Гернетъ, пр.-доц. Ѳ. Герценштейнъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, проф. В. М. Гордонъ. пр.-доц. М. Б. Горенбергъ, О. О. Грузенбергъ, проф. А. Г. Гусаковъ, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, проф Н. Л. Дювернуа, Г. Г. Евангуловъ, В. Б. Ильяшевичъ, проф. С. И. Живаго, проф. А. А. Жижиленко, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Н. И. Іорданскій, проф. И. А. Ивановскій, сенаторъ А. Ѳ. Кони, баронъ С. М. Корфъ, Н. И. Кузнецовъ, Д. А. Левинъ А. А. Леонтьевъ, Д. Д. Лобановъ, В. О. Люстихъ, проф. А. С. Лыкошинъ, пр.-доц. I. В. Михайловскій, пр.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, баронъ А. М. Нолькенъ, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышъ, В. А. Мякотинъ, проф. Берлинскаго ун. Dr. Oertmann, проф. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пиленко, проф. А. А. Піонтковскій, П. А. Потѣхинъ, А. С. Пругавинъ, И. М. Рабиновичъ, М. А. Рейснеръ, Ѳ. И. Родичевъ, проф Н. Н. Розинъ, В. И. Семевскій, В. Д. Спасовичъ, М. А. Стаховичъ, И. Страховскій, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, Е. Н. Тарновскій, пр.-доц. З. М. Устиновъ, проф. И. Я. Фойницкій, В. В. Хижняковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цытовичъ, пр.-доц. И. Ф. Цызыревъ, пр.-доц. К. В. Шавровъ, пр.-доц. Л. В. Шалландъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Гр. И. Шрейдеръ, Г. Н. Штильманъ, И. Г. Щегловитовъ, А. А. Элленбогенъ и др.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административной практикою, а также разработку этой послѣдней, «Право» удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципіальный интересъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ Справочномъ отдѣлѣ печатаются: Алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей: списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 р. Заграницу на годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПР., № 2, при юридическомъ книжномъ складѣ «ПРАВО». Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики «Права» пользуются при выпискѣ частн. изданій скидкой въ размѣрѣ 5%. Каталоги — съ приложен. алфавитн. указателя безплатно.

Digitized by Google

I. Оригинальныя статьи.

Объ устройствѣ Психо-неврологическаго Института въ С.-Петербургѣ [1]).

Акад. В. М. Бехтерева.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1904 г. отъ «Центральной комиссіи для изслѣдованія мозга», назначенной Международной ассоціаціей Академій, въ которую вошли представители неврологіи всѣхъ большихъ культурныхъ странъ [2]), мною получено предложеніе общему собранію ассоціацій, имѣющему быть въ Лондонѣ 25-го мая 1904 г. Предложеніе это, въ формѣ выписки изъ протокола международной ассоціаціи Академій, отъ 3-го января 1904 г., гласитъ слѣдующее:

«Отдѣльныя, состоящія въ ассоціаціи, Академіи и Общества отъ имени Ассоціаціи должны сдѣлать при соотвѣтствующихъ правительствахъ или иныхъ подлежащихъ инстанціяхъ предложеніе объ основаніи *спеціальныхъ Институтовъ или отдѣленій для изслѣдованія центральной нервной системы*, поскольку таковые не существуютъ или не могутъ быть созданы инымъ путемъ».

По взгляду Комиссіи вышеуказанные институты должны преслѣдовать слѣдующія общія задачи.

A. Собираніе научнаго матеріала въ формѣ препаратовъ, моделей, фотографій, рисунковъ и пр. и доступность этого матеріала.

B. Техническую помощь при научныхъ изслѣдованіяхъ.

---

¹) Докладъ, сдѣланный въ засѣданіи Общества Нормальной и Патологической Психологіи при Императорской Военно-Медицинской Академіи 13-го Апрѣля 1904 г.

²) Въ эту Комиссію вошли слѣдующія лица:

1. Waldeyer, Cunningham, Moll, Manouvrier, Zuckerkandl.
2. Ehlers, Edinger, Giard, Guldberg, Elliot, Smith.
3. Golgi, Ramon y Cajal, Догель, von Gehuchten, Retzius.
4. His (†), Бехтеревъ, v. Kölliker, v. Lenhossèk, Minot.
5. H. Munk, Horsley, Luciani, Mosso, Sherrington.
6. Obersteiner, Déjerine, Monakow, Langley, Weigert.
7. P. Flechsig, Henschen, Ferrier, Lannelongue, Reymond.

C. Сохраненіе цѣннаго экспериментально-физіологическаго и патологическаго, вполнѣ обработаннаго или еще обрабатываемаго матеріала.

D. Осуществленіе большихъ, превосходящихъ силы одного лица, задачъ, насколько таковыя подходятъ для совмѣстной работы.

Въ Лондонѣ во время засѣданія ассоціаціи Академій 5-го іюня 1903 г., гдѣ впервые былъ возбужденъ вышеозначенный вопросъ, были указаны *различныя направленія*, по которымъ предложенныя учрежденія могли бы развиваться.

Къ числу преслѣдуемыхъ институтами задачъ относится изученіе морфологіи, физіологіи и патологіи центральной нервной системы, что по взгляду комиссіи обнимаетъ въ настоящее время слѣдующія отдѣльныя области:

a) систематическую анатомію центральной нервной системы человѣка, включая и антропологію,

b) сравнительную анатомію,

c) гистологическое изслѣдованіе,

d) изслѣдованіе по методу развитія,

e) физіологію, включая и физіологическую психологію,

f) патологическую анатомію, экспериментальную патологію и тератологію,

g) клиническое изслѣдованіе.

Ясно, о какой широтѣ задачъ дѣло идетъ въ указанномъ предложеніи, особенно, если принять во вниманіе, что упомянутыя задачи должны быть изслѣдуемы съ разныхъ сторонъ.

По мнѣнію Комиссіи должна быть создана цѣлая сѣть Институтовъ, которые въ своихъ дѣйствіяхъ должны другъ друга дополнять и поддерживать.

Тотъ фактъ, что *всѣ культурныя націи*, по словамъ комиссіи, *заинтересованы въ разрѣшеніи обрабатываемыхъ задачъ, служитъ оправданіемъ тому*, *чтобы сдѣлать организацію Институтовъ международною*.

Я не имѣю въ виду здѣсь подробно знакомить собраніе съ поясненіями, которыми сопровождаетъ His, какъ предсѣдатель Центральной Комиссіи, вышеуказанныя задачи Институтовъ. Эти задачи по своей цѣли и значенію должны быть ясны для всякаго образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе для лицъ, ближе стоящихъ къ дѣлу изслѣдованія мозга.

Но въ связи съ упомянутымъ предложеніемъ я считаю необходимымъ ознакомить почтенное собраніе съ проектомъ особаго Института для психологическихъ и неврологическихъ изслѣдованій съ клиниками и лабораторіями, мысль о которомъ возникла въ кружкѣ лицъ, состоящихъ членами Общества Нормальной и Патологической Психологіи, еще въ началѣ мая 1903 г., слѣдовательно раньше, чѣмъ собралась въ Лондонѣ Ассоціація Академій.

Эта мысль, развиваясь постепенно и будучи обсуждаема въ отдѣльныхъ собраніяхъ членовъ кружка, приняла въ концѣ концовъ болѣе опредѣленную форму, въ смыслѣ желательности устройства въ Петербургѣ для всей Россіи особаго Психо-неврологическаго Института, какъ высшаго научно-учебнаго учре-

жденія, въ которомъ могли бы разработываться всѣ вопросы психологіи и неврологіи, включая вопросы внушенія и гипноза, патологической психологіи, невропатологіи, экспериментальной педологіи и криминальной антропологіи.

Согласно этому, проектируемый Институтъ долженъ состоять на первое время изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Психологическаго съ лабораторіями для изслѣдованій въ области экспериментальной, индивидуальной и общественной психологіи,

2) Гипнологическаго съ кабинетами для изученія гипноза и внушенія и для леченія съ помощью внушенія приходящихъ и стаціонарныхъ больныхъ, а также для примѣненія внушенія въ цѣляхъ воспитанія,

3) Педологическаго для экспериментальныхъ и иныхъ изслѣдованій въ области воспитанія,

4) Криминально-антропологическаго съ соотвѣтствующими кабинетами и приборами,

5) Неврологическаго съ лабораторіями для изслѣдованій въ области анатоміи, гистологіи съ антропологіей и эмбріологіи мозга.

6) Физіолого-химическаго съ лабораторіями для изслѣдованій въ области физіологіи нервной системы и физіолого-химическихъ, и экспериментально-патологическихъ изслѣдованій мозга и нервной системы вообще.

7) Клиническаго, для изученія и леченія душевно- и нервно-больныхъ съ цѣлью выясненія разнообразныхъ вопросовъ психопатологіи и патологической неврологіи [1]).

Не трудно видѣть, что проектъ нашего Психо-неврологическаго Института, обнимая собою цѣли, поставленныя Центральной Комиссіей для изслѣдованія мозга, преслѣдуетъ въ то же время и нѣсколько болѣе широкія задачи, такъ какъ имѣетъ въ виду всестороннее изученіе не только мозга, но и психической сферы. Такъ какъ конечною цѣлью изученія мозга должно быть выясненіе его отправленій, и въ томъ числѣ психики, то, казалось бы, самое широкое изученіе послѣдней, обставленное всѣми болѣе совершенными методами, должно быть признано также одной изъ существенныхъ задачъ новаго Института.

При этомъ немаловажное значеніе для будущаго такого Института представляетъ, по моему мнѣнію, то, чтобы онъ имѣлъ жизненное, т. е. практически важное значеніе для страны, въ которой онъ устраивается.

Въ виду этого намъ казалось, чтобы будущій Институтъ представлялъ собою высшую научную школу, гдѣ могло бы быть сосредоточено не только всестороннее изученіе мозга и психики, но и подробное изученіе такихъ практическихъ отраслей, тѣсно связанныхъ съ психологіей и неврологіей, какъ психотерапія, педологія и криминальная антропологія, гдѣ бы всѣ инте-

---

[1]) Само собою разумѣется, что по мѣрѣ развитія дѣятельности Института число его отдѣловъ можетъ быть увеличиваемо.

ресующіеся этими важными въ практическомъ отношеніи отраслями, напр., врачи, юристы, педагоги и пр. могли ихъ изучать и теоретически, и практически.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для лучшаго осуществленія задачъ Института предположено имѣть при немъ курсы наукъ по всѣмъ отдѣламъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности Института, включая также и всѣ соприкасающіяся области знанія, необходимыя для болѣе полнаго ознакомленія съ основными психологическими и неврологическими науками.

Такъ какъ крайне желательно, чтобы проектируемый Институтъ объединялъ собою по возможности всѣхъ психологовъ и неврологовъ Россіи, то и учрежденіе такого научнаго объединяющаго Общества, какъ психологическій союзъ, проектъ котораго уже внесенъ въ наше общество, лучше всего было бы пріурочить къ учрежденію Психо-неврологическаго Института.

Само собою разумѣется, что для осуществленія такой задачи, какъ созданіе Психо-неврологическаго Института, крайне желательно заручиться сочувствіемъ и полнымъ содѣйствіемъ такого Общества, какъ Общество нормальной и патологической психологіи, дабы явилась возможность организовать собраніе частныхъ средствъ на вышеозначенный предметъ.

Вмѣстѣ съ симъ предлагается вниманію Общества и предварительный, не вполнѣ еще законченный уставъ будущаго Института, главные пункты котораго первоначально были намѣчены мною совмѣстно съ докторомъ А. Ф. Лазурскимъ, а затѣмъ въ составленіи этого устава, кромѣ меня и А. Ф. Лазурскаго, примутъ участіе нѣсколько товарищей (М. С. Добротворскій, А. П. Нечаевъ, Д. А. Дриль, В. П. Осиповъ и др.), участвовавшихъ вмѣстѣ съ другими товарищами (А. А. Крогіусъ, М. Н. Жуковскій, А. Э. Бари, Л. М. Пуссетъ, Ю. К. Бѣлицкій, К. С. Агаджанянцъ и др.) уже и ранѣе въ упомянутомъ выше кружкѣ и избранныхъ для указанной цѣли въ частномъ собраніи кружка въ февралѣ нынѣшняго года.

Неодстатки традиціонной классификаціи психическихъ явленій.

Пр.-доц. Н. О. Лосскаго.

Явленія, изучаемыя психологіею, поддаются наблюденію и анализу съ большимъ трудомъ, чѣмъ объекты какой бы то ни было другой науки. Очень многія состоянія сознанія, переживаемыя нами каждый день, тѣмъ не менѣе подмѣчены и вошли въ кругъ психологическихъ изслѣдованій только сравнительно недавно (напр. моторныя ощущенія, «обертоны», описанные Джемсомъ и т. п.).

Происходитъ это вслѣдствіе того, что сознаніе и знаніе не тожественны, имѣть состояніе сознанія это *еще не значитъ знать о томъ, что имѣешь его:* знаніе о состояніи сознанія является только въ томъ случаѣ, если субъектъ, переживающій его, обратитъ на него вниманіе, выдѣлитъ его изъ среды

другихъ состояній путемъ сравненія и различенія. Мало того, даже и тогда, когда психическое состояніе обратило на себя вниманіе и сдѣлалось объектомъ изученія, мы вовсе не можемъ утверждать, что знаемъ его составъ, и что намъ остается послѣ этого только изучать отношеніе его къ другимъ явленіямъ: вновь подмѣченныя явленія на первыхъ порахъ почти всегда кажутся простыми, но дальнѣйшіе акты опознанія, дальнѣйшія сопоставленія приводятъ къ тому, что мы начинаемъ различать въ мнимо простомъ огромное количество элементовъ.

Неудивительно поэтому, что въ психологіи даже и самыя основныя подраздѣленія всего изучаемаго ею матеріала не установлены до сихъ поръ. Попытокъ классификаціи, какъ извѣстно, существуетъ очень много,—Гротъ въ своемъ сочиненіи «Психологія чувствованій» разсматриваетъ нѣсколько десятковъ классификацій, заслуживающихъ вниманія, но всѣ онѣ стоятъ буквально на такой же низкой ступени развитія, какъ примитивное подраздѣленіе растеній на деревья, кусты и травы.

Разнообразіе этихъ классификацій и различія между ними увеличиваются еще тѣмъ, что по мѣрѣ развитія психологіи въ ней измѣнялся взглядъ на самый объектъ классификаціи, на то, что подлежитъ классифицированію. Какъ извѣстно, психологія начала съ того, что принимала свою классификацію за описаніе *частей души*, потомъ въ теченіе очень продолжительнаго времени она видѣла въ своихъ различеніяхъ классификацію *способностей души*, наконецъ, въ наше время съ его наклонностью къ номинализму большинство психологовъ, признавая, что въ опытѣ даны лишь душевныя *явленія*, состоянія сознанія, говорятъ, что въ своихъ классификаціяхъ они лишь заносятъ въ разныя рубрики различныя *душевныя явленія*. Конечно, каковы бы ни были будущіе перевороты въ психологіи, послѣднее направленіе въ классификаціи всегда будетъ имѣть право на существованіе, такъ какъ оно имѣетъ дѣло съ несомнѣнно реальными объектами. Однако и это направленіе можетъ на первыхъ порахъ впадать въ грубыя заблужденія, доходящія напр. до того, что психологъ можетъ строить классификацію, нарушающую всѣ логическія правила дѣленія понятій. Въ такомъ именно положеніи находятся психологи, дѣлящіе состоянія сознанія на явленія познанія, чувства и воли. Разсмотрѣніемъ этой наиболѣе распространенной классификаціи мы и займемся, такъ какъ именно сторонники ея, пользуясь современнымъ углубленнымъ анализомъ психическихъ явленій, подготовляютъ развитіе новаго фазиса психологическихъ классификацій.

Какъ уже замѣчено выше, затрудненія при классификаціи психическихъ явленій возникаютъ главнымъ образомъ потому, что состоянія сознанія, первоначально казавшіяся простыми, неразложимыми, впослѣдствіи, по мѣрѣ опознанія ихъ, оказываются все болѣе и болѣе сложными, т. е. или разложимыми, или по крайней мѣрѣ заключающими въ себѣ всевозможные оттѣнки, сбли-

жающіе или отличающіе ихъ отъ другихъ состояній сознанія, которыя прежде казались или совершенно несравнимыми или вполнѣ тожественными съ ними. На первый взглядъ явленія познанія (напр., воспріятія дерева), чувства (напр. эмоція гнѣва) и воли (напр., ходъ въ шахматной игрѣ) кажутся совершенно разнородными, и классификація представляется вполнѣ удовлетворительною. Однако анализъ, даже и не особенно глубокій, легко показываетъ, что эта классификація противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ логики, такъ какъ всякое упомянутое выше явленіе содержитъ въ себѣ и знаніе и чувство и волю. Въ самомъ дѣлѣ, всякое наблюдаемое нами конкретное, еще не подвергнутое анализу, явленіе чувства, напр., чувство гнѣва, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ познаніе: не говоря уже о томъ, что оно сопровождается представленіемъ о вызвавшей его причинѣ и т. п., оно необходимо заключаетъ въ себѣ познавательные элементы потому, что опредѣляется мною, сознается мною, именно, какъ гнѣвъ, а если даже эта эмоція и возрастаетъ до того, что затуманитъ наше сознаніе, доведетъ насъ до самозабвенія, все же она неизбѣжно заключаетъ въ себѣ, какъ важную составную часть органическія ощущенія *), которыя причисляются многими психологами къ познавательнымъ состояніямъ. Точно такъ же и въ волевыхъ актахъ всегда заключается познаніе или въ формѣ воспріятія или въ формѣ представленія, или, по крайней мѣрѣ, въ видѣ входящихъ въ волевой актъ ощущеній. Далѣе, всякое познавательное состояніе и всякій актъ воли заключаютъ въ себѣ элементы, относимые всѣми психологами къ области чувства. Въ самомъ дѣлѣ, всякое воспріятіе, представленіе, воспоминаніе, всякій актъ сужденія, умозаключенія и т. п. не безразличны для насъ, всѣ они окрашены чувствованіемъ пріятности или непріятности, удовлетворенія или неудовлетворенія. Еще яснѣе выраженъ этотъ оттѣнокъ пріятности или непріятности во всѣхъ волевыхъ актахъ. Наконецъ, въ-третьихъ, и въ знаніе и въ чувство входитъ то, что называется волею. Мы сказали — то, что называется волею, — имѣя въ виду значительныя разногласія въ вопросѣ о значеніи этого термина. Одни психологи разумѣютъ подъ словомъ воля нѣкоторыя опредѣленныя *свойства* сознанія (напр., причинность сознанія), другіе обозначаютъ этимъ терминомъ *состоянія сознанія*, отличающіяся нѣкоторою опредѣленною *структурою* (напр., структурою, которая замѣчается въ поступкахъ, въ родѣ хода въ шахматной игрѣ, отправленія письма на почту и т. п., т. е. въ поступкахъ, начинающихся стремленіемъ и кончающихся перемѣною, сопровождающеюся чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія), третьи обозначаютъ этимъ словомъ *состоянія сознанія* обладающія нѣкоторымъ непосредственно сознаваемымъ опредѣленнымъ *качествомъ* (напр., чувствованіе активности, или такія состоянія сознанія, какъ стремленія, влеченія и т. п.). Если подъ словомъ воля разумѣть структуру

---

*) См. Джемсъ. Психологія, гл. XXIV, Эмоціи.

такихъ психическихъ явленій, какъ ходъ въ шахматной игрѣ, то нельзя не признать, что эта структура свойственна также и явленіямъ познанія (напр., воспріятіямъ, актамъ сужденія, умозаключенія и т. п.) и такъ называемымъ чувствамъ (напр., эмоціи гнѣва) *). Если разумѣть подъ словомъ воля состоянія сознанія, характеризующіяся какимъ-либо опредѣленнымъ, непосредственно сознаваемымъ качествомъ, напр., чувствованіе активности или такія душевныя явленія, какъ стремленія, влеченія и т. п., то и тогда придется признать, что явленія знанія и чувства не лишены элементовъ воли: всякое воспріятіе, всякій актъ сужденія и т. п., а также всякая эмоція заключаютъ въ себѣ и стремленія и чувствованіе активности (напр., поскольку всѣ эти душевные процессы необходимо заключаютъ въ себѣ проявленія вниманія).

Замѣтимъ между прочимъ, что если подъ словомъ воля разумѣть въ этой классификаціи состоянія сознанія, характеризующіяся нѣкоторою опредѣленною структурою, то это значитъ строить классификацію сбивчивую, не имѣющую въ своей основѣ одного какого-либо признака, модификаціи котораго служили бы основаніемъ дѣленія: въ этой классификаціи первыя двѣ рубрики устанавливаются на основаніи *непосредственно сознаваемаго, качественнаго* различія между состояніями сознанія, а третья на основаніи *отношенія* явленій сознанія другъ къ другу. Психологъ, устанавливающій подобную классификацію, совершаетъ такую же ошибку, какая заключается напр., въ дѣленіи людей на брюнетовъ, блондиновъ и пропорціонально сложенныхъ.

Многія явленія, казавшіяся прежде неразложимыми, могутъ оказаться чрезвычайно сложными не только потому, что каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ знаніе, чувство и волю, но еще и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ заключать въ себѣ нѣсколько различныхъ элементовъ знанія, чувства и воли. Напр., эмоція печали заключаетъ въ себѣ множество органическихъ ощущеній (которыя по ученію нѣкоторыхъ психологовъ относятся къ числу познавательныхъ явленій) и каждое изъ нихъ окрашено своимъ болѣе или менѣе интенсивнымъ чувственнымъ тономъ.

При этомъ нерѣдко въ однихъ явленіяхъ (напр., въ воспріятіи дерева) элементы знанія особенно отчетливо выражены, особенно рѣзко выдвигаются на первый планъ, такъ что элементы чувства и воли совершенно маскируются ими; въ другихъ явленіяхъ (напр., въ эмоціи гнѣва) такую же первенствующую роль играютъ элементы чувства, а въ третьихъ (напр., въ ходѣ шахматнаго игрока) элементы воли. Отсюда становится понятнымъ, почему психологи начали съ того, что распредѣлили конкретныя цѣльныя явленія сознанія между тремя рубриками—знанія, чувства и воли, а кончили тѣмъ, что нашли въ каждомъ такомъ конкретномъ явленіи и знаніе, и чувство, и волю. Однако

*) Подробнѣе объ этомъ см. Н. Лосскій, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма, гл. I, VIII.

эти найденныя путемъ анализа знаніе, чувство и воля въ большинствѣ случаевъ не могутъ существовать самостоятельно, не переживаются въ обособленной формѣ, а только съ помощью искусственнаго подчеркиванія вниманіемъ, только въ абстракціи могутъ быть выдвинуты на первый планъ изъ состава конкретнаго цѣльнаго психическаго явленія; поэтому мы назовемъ эти составныя части цѣльныхъ явленій *элементами явленій* (напр., чувствованіе активности, чувственный тонъ ощущеній и т. п.).

На первый взглядъ кажется, что этотъ переходъ отъ конкретныхъ явленій къ элементамъ ихъ вовсе не обязываетъ насъ отказаться отъ старой классификаціи, и только принуждаетъ насъ признать, что прежняя классификація конкретныхъ цѣльныхъ явленій замѣнилась классификаціею элементовъ явленій. Для наглядности это превращеніе можно изобразить схематически слѣдующимъ образомъ. Обозначимъ конкретныя цѣльныя психическія явленія, вродѣ воспріятій, процессовъ умозаключенія, эмоцій и т. п., параллелограммами и отмѣтимъ явленія познанія буквою I, явленія чувства буквою S, явленія воли буквою V. Тогда вереница конкретныхъ психическихъ явленій, не подвергнутыхъ еще анализу, представляется намъ въ видѣ горизонтальнаго ряда параллеграммовъ I, S, V....

Послѣ анализа, разложившаго каждое *явленіе* знанія, чувства и воли на *элементы* знанія, чувства и воли (чтобы обозначить эти элементы мы раздѣлимъ каждый параллелограмъ на три части различной величины и обозначимъ эти части маленькими буквами i, s, v, разумѣя подъ i совокупность элементовъ знанія, заключающихся въ данномъ явленіи, подъ s совокупность элементовъ чувства и подъ v совокупность элементовъ воли), предыдущій рядъ явленій выразится слѣдующимъ образомъ: I (i, s, v), S (i^{I}, s^{I}, v^{I}), V (i^{II} s^{II}, v^{II})...., причемъ i, s, v.... расположатся въ каждомъ параллеграммѣ вертикально.

Въ этой схемѣ отрѣзки i, s, v имѣютъ различную величину: это значитъ, что въ различныхъ случаяхъ количество и интенсивность элементовъ i, s, v въ явленіяхъ I, S, V различны

Итакъ, разсматривая эти схемы, мы наглядно видимъ, что, благодаря анализу, вертикальные, такъ сказать, разрѣзы процессовъ душевной жизни замѣнились горизонтальными, *классификація явленій замѣнилась классификаціею элементовъ явленій* (сторонъ, оттѣнковъ явленій).

Чтобы не подвергнуться упреку въ голословности, сошлемся на разсужденія Гефдинга по этому поводу. Собственно говоря, группируются и подраздѣляются не сами явленія сознанія или состоянія его, говоритъ Гефдингъ, а элементы, которые мы находимъ въ нихъ при ближайшемъ изслѣдованіи, причемъ подъ *психологическими элементами* мы понимаемъ различныя стороны или свойства состояній сознанія или явленій его. Обособляя познаваніе и чувствованіе, мы имѣемъ въ виду только состоянія съ преобладающими эле-

ментами представленія въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія. Какъ мы увидимъ, только этотъ взглядъ и выдерживаетъ критику, такъ какъ нельзя указать ни на одно состояніе, которое всецѣло было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ. Слѣдовательно, вопросъ о классификаціи сводится собственно къ тому, имѣемъ ли мы право принимать различные разряды психологическихъ элементовъ» *). Слѣдовательно, Гефдингъ въ самомъ дѣлѣ совершилъ переходъ отъ классификаціи явленій сознанія къ классификаціи элементовъ сознанія. Посмотримъ же, къ чему обязываетъ психолога этотъ переходъ. Не можетъ быть, чтобы такой переворотъ въ классификаціи произошелъ совершенно легко, путемъ простой лишь перестановки терминовъ, и чтобы при этомъ не явились всевозможныя затрудненія. Возможно, что перейдя отъ явленій сознанія къ ихъ элементамъ, мы должны будемъ усложнить эту классификацію, такъ какъ элементы сознанія окажутся болѣе разнообразными и не уложатся всего лишь въ три группы, а если даже этотъ переходъ и совершится благополучно, намъ нужно будетъ построить еще классификацію явленій сознанія, такъ какъ очевидно, что психологія не можетъ обойтись безъ нея. Всего удобнѣе было бы конечно, если бы можно было воспользоваться старою классификаціею и для явленій, и для элементовъ явленій. Однако не трудно замѣтить, что старая классификація безъ измѣненій не приложима уже къ явленіямъ сознанія: въ самомъ дѣлѣ, если всякое состояніе сознанія заключаетъ въ себѣ и знаніе, и чувство, и волю, то психологъ, который бы сдѣлалъ попытку остаться при старой классификаціи явленій сознанія, принужденъ былъ бы относить каждое явленіе сознанія и въ первую, и во вторую, и въ третью рубрику своей классификаціи (такая классификація была бы подобна дѣленію млекопитающихъ на теплокровныхъ, имѣющихъ сердце и имѣющихъ нервную систему). Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сохранить ее безъ дальнихъ разсужденій для явленій сознанія нельзя. Посмотримъ теперь, можно ли ее безъ всякихъ измѣненій примѣнить къ элементамъ сознанія. Гефдингъ, какъ мы подробнѣе покажемъ дальше, разумѣетъ въ этой классификаціи элементовъ подъ словомъ воля, какъ элементъ сознанія, лишь одно единственное состояніе сознанія, именно чувствованіе активности, сознаваніе нашего функціонированія, сопровождающее всѣ душевные процессы. Далѣе, подъ словомъ чувство, какъ элементъ сознанія, онъ разумѣетъ только два простыя психическія состоянія, чувствованія пріятности или непріятности, сопровождающія всѣ душевные процессы и опять-таки видоизмѣняющіяся лишь по интенсивности. Наконецъ, все

*) См. Гефдингъ. Очерки психологіи, перев. подъ ред. Я. Колубовскаго, 3 изд. IV, 1, стр. 71. Совершенно такимъ же образомъ Леддъ въ своей Psychology descriptive and explanatory называетъ познаніе, чувство и волю «aspects» (сторонами) сос онній со нан я.

безконечное множество всѣхъ остальныхъ элементовъ душевной жизни образуетъ третій классъ, классъ элементовъ познанія. Стоитъ только обратить вниманіе на эту подавляющую непропорціональность между классами элементовъ психической жизни въ этомъ *основномъ*, первомъ подраздѣленіи ихъ, чтобы тотчасъ же почувствовать, что въ этой классификаціи не все обстоитъ благополучно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы классифицируя животныхъ, мы наравнѣ съ отрядомъ млекопитающихъ установили бы отрядъ воробьевъ, то и такая логическая оплошность менѣе обращала бы на себя вниманіе, чѣмъ указанная непропорціональность въ классификаціи элементовъ душевныхъ явленій. Какое вредное заблужденіе кроется подъ этою непропорціональностью между отдѣломъ знанія и отдѣлами чувства и воли, объ этомъ мы поговоримъ позже, а теперь даже и не пускаясь въ подробности и основываясь только на сдѣланныхъ выше замѣчаніяхъ, можно уже придти къ выводу, что традиціонную классификацію нужно или совсѣмъ оставить, или подвергнуть ее серьезной переработкѣ. Однако наука слишкомъ консервативна для того, чтобы такъ рѣшительно порывать связь съ прошлымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣетъ дѣло съ различеніями, такъ глубоко укоренившимися въ повседневной жизни, какъ различеніе знанія, чувства и воли. Раньше, чѣмъ искать новыхъ путей она прибѣгаетъ къ компромиссу. Въ разсматриваемомъ случаѣ такихъ компромиссовъ слѣдуетъ ожидать въ особенности потому, что недостатки традиціонной классификаціи обнаруживаются совершенно ясно лишь въ томъ случаѣ, если различать *явленія* сознанія и *элементы* явленій сознанія въ томъ смыслѣ, какъ мы намѣтили эти два понятія выше. Тогда становится очевиднымъ, что традиціонная классификація въ примѣненіи къ явленіямъ невозможна, а въ примѣненіи къ элементамъ явленій сомнительна. Однако, если психологъ недостаточно ясно различаетъ эти двѣ классификаціи, то, повинуясь общему консервативному стремленію науки сохранить старое, онъ можетъ вступить на путь компромиссовъ, именно *комбинировать эти двѣ классификаціи, вслѣдствіе чего недостатки ихъ будутъ менѣе замѣтны:* въ самомъ дѣлѣ, недостатки этихъ классификацій различны; поэтому *когда такой психологъ при изслѣдованіи душевныхъ процессовъ наталкивается на затрудненія, возникающія въ томъ случаѣ, если видѣть въ традиціонной классификаціи классификацію явленій, то онъ разсматриваетъ ее, какъ классификацію элементовъ, и наоборотъ.*

Все это мы и находимъ у Гефдинга. Мы только что видѣли, что Гефдингъ считаетъ дѣленіе душевныхъ процессовъ на знаніе, чувство и волю классификаціею элементовъ, а не явленій, однако познакомимся съ нимъ поближе, и мы тотчасъ же увидимъ, что онъ не надолго останавливается на этой точкѣ зрѣнія, не проводитъ послѣдовательно своихъ новыхъ взглядовъ, а тотчасъ же возвращается къ точкѣ зрѣнія старой психологіи, смотрѣвшей на это перечисленіе, какъ на классификацію явленій сознанія. Въ самомъ дѣлѣ,

онъ рѣшается обозначать терминомъ познаніе не только элементы, но и явленія, имѣя въ виду при этомъ «только состоянія съ *преобладающими элементами представленія* въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія»: эти послѣднія явленія онъ собирается обозначать терминомъ чувство. Иными словами, Гефдингъ заявляетъ, что, руководясь количественными различіями, онъ нѣкоторыя состоянія будетъ заносить въ отдѣлъ познанія, хотя въ нихъ и есть элементы чувства и воли, другія онъ будетъ заносить въ отдѣлъ чувства, хотя въ нихъ и есть элементы познанія и воли и т. д.; слѣдовательно, онъ собирается употреблять термины познаніе, чувство и воля въ двухъ разныхъ значеніяхъ, то разумѣя подъ ними элементы каждаго состоянія сознанія, то называя ими тѣ состоянія сознанія, въ которыхъ одинъ какой-нибудь элементъ рѣшительно выступаетъ на первый планъ.

Употребляя ихъ во второмъ смыслѣ, онъ уже можетъ видѣть въ нихъ классификацію явленій сознанія и, слѣдовательно, традиціонная классификація явленій превращается у него въ двѣ параллельныя классификаціи: классификацію абстрагированныхъ элементовъ и классификацію конкретныхъ явленій, при чемъ эти классификаціи въ виду ихъ сходства на каждомъ шагу смѣшиваются въ его психологіи. Эта попытка сохранить старую классификацію явленій не лишена остроумія, однако она не устраняетъ указанныхъ выше недостатковъ традиціонной классификаціи, а только замаскировываетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, классификація элементовъ по прежнему отличается поразительною непропорціональностью, но она маскируется тѣмъ, что параллельная ей классификація явленій заключаетъ въ себѣ довольно богатые классы чувствъ и воли, получившіеся теперь на основаніи количественныхъ различій въ структурѣ различныхъ явленій. Въ свою очередь классификація явленій по прежнему такова, что каждое явленіе, собственно говоря, входитъ и въ первую, и во вторую, и въ третью рубрику ея, но этотъ недостатокъ маскируется тѣмъ, что параллельная ей классификація элементовъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ, чтобы мы разсмотрѣли всякое душевное явленіе въ каждомъ отдѣлѣ психологіи, въ одномъ отдѣлѣ со стороны его познавательнаго элемента, въ другомъ со стороны элемента чувства и въ третьемъ со стороны элемента воли.

Мало того, что старые недостатки сохранились, къ нимъ присоединился еще одинъ. Новая классификація явленій отличается чрезвычайно искусственнымъ характеромъ: основное подраздѣленіе въ ней, несмотря на то, что она имѣетъ дѣло съ безчисленнымъ количествомъ чрезвычайно разнообразныхъ объектовъ, опирается только на *количественныя* различія, только на большую или меньшую интенсивность элементовъ чувства и воли, подобно тому, какъ если бы мы стали дѣлить животныхъ прежде всего по объему. Такая основа классификаціи въ особенности удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что подъ элементомъ чувства при этомъ разумѣется лишь однообразное качество пріятности или непріятности, а подъ элементомъ воли лишь однообразное простое

сознаваніе активности. Очевидно, одно усиленіе или ослабленіе этихъ качествъ, безъ изчезновенія ихъ, не можетъ повести къ кореннымъ различіямъ между состояніями сознанія. Поэтому всѣ основныя понятія въ психологіи Гефдинга, въ особенности понятія воли, чувства и знанія становятся сбивчивыми, неопредѣленными, расплывчатыми, что мы и подтвердимъ примѣрами. Подъ волею Гефдингъ разумѣетъ «всякую дѣятельность, связанную съ чувствованіемъ и познаніемъ» *), элементъ активности онъ находитъ во всякомъ состояніи сознанія и потому всѣ явленія сознанія считаетъ волевыми. Очевидно, съ этой точки зрѣнія процессъ воспріятія какого-нибудь дерева, поскольку въ немъ необходимо принимаетъ участіе вниманіе, или процессъ сужденія относится къ области волевой жизни ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ ходъ въ шахматной игрѣ и т. п. внѣшніе акты (т. е. акты, непосредственно производящіе перемѣны въ внѣшнемъ мірѣ). Однако Гефдингъ въ угоду своему желанію сохранить традиціонную классификацію явленій принужденъ во что бы то ни стало найти классъ явленій волевыхъ par excellence; для этого, какъ уже сказано выше, онъ прибѣгаетъ къ количественнымъ различіямъ, именно къ различіямъ въ интенсивности чувствованія активности и относитъ къ сферѣ волевыхъ явленій тѣ состоянія сознанія, въ которыхъ чувствованіе активности особенно сильно выступаетъ на первый планъ сравнительно съ элементами знанія и чувства. Вѣроятно, руководясь этими признаками онъ разсматриваетъ въ главѣ о волѣ стремленія и влеченія, какъ типичныя волевыя явленія, и даже сбивается на весьма распространенную точку зрѣнія, согласно которой волевою называется лишь дѣятельность, обнаруживающаяся во внѣшнемъ мірѣ. Только этою сбивчивостью понятій можно объяснить то, что Гефдингъ, признающій себя волюнтаристомъ и разсматривающій всю жизнь сознанія, какъ обнаруженіе активности души, разсуждаетъ въ своей психологіи о случаяхъ упадка воли отъ развитія рефлексіи (какъ будто бы пышное развитіе рефлексіи не есть одна изъ формъ развитія волевой дѣятельности) и пишетъ главу, трактующую о «противоположности между волею и другими элементами сознанія» **). Этотъ недостатокъ его психологіи не обращаетъ на себя вниманія только потому, что маскируется классификаціею элементовъ сознанія, которая даетъ право Гефдингу утверждать, что въ главѣ о волѣ онъ будетъ разсматривать, кромѣ волевыхъ явленій par excellence, также и всѣ душевныя явленія со стороны ихъ активности.

Всѣ замѣчанія относительно неопредѣленности понятія воли у Гефдинга приложимы также и къ понятію чувства, съ тою лишь раницею, что здѣсь происходятъ гораздо болѣе разнообразныя смѣшенія разнородныхъ явленій.

Отдѣлъ чувства въ психологіи вообще отличается сборнымъ характеромъ.

---

*) Тамъ же, стр. 80.
**) Тамъ же, стр. 281.

Сюда относятъ прежде всего тѣ душевныя явленія, въ которыхъ чувствованія пріятности и непріятности настолько интенсивны, что отодвигаютъ на задній планъ элементы знанія и воли. Таковы, напр., страхъ, радость, печаль, гнѣвъ, ненависть. Такія состоянія сознанія отличаются еще тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ большое количество смутныхъ недифференцированныхъ элементовъ, сливающихся въ одно смутное цѣлое, тогда какъ типичныя формы познавательныхъ процессовъ, а также внѣшніе волевые акты всегда заключаютъ въ себѣ хоть нѣсколько отчетливо обособленныхъ элементовъ, легко поддающихся наблюденію, и вотъ, опираясь на этотъ поверхностный признакъ, психологи относятъ къ сферѣ чувства всѣ не поддающіеся анализу комплексы явленій, даже если бы они и не были особенно сильно окрашены чувствованіемъ пріятности или непріятности. Казалось бы, у Гефдинга, глубоко анализирующаго душевныя явленія и рѣшительно утверждающаго, что къ области чувства относится только элементъ пріятности и непріятности, долженъ подвергнуть рѣшительной реформѣ этотъ отдѣлъ психологіи и разъ навсегда положить конецъ пагубному смѣшенію понятій, царящему въ немъ. На дѣлѣ эти ожиданія не сбываются, и все потому, что рядомъ съ классификаціею элементовъ онъ во что бы то ни стало хочетъ сохранить также и традиціонную классификацію явленій; признавая, что всѣ душевныя явленія заключаютъ въ себѣ элементъ чувства, онъ все же хочетъ создать еще классъ явленій чувства par excellence; для этого онъ опять-таки прибѣгаетъ къ количественнымъ различіямъ, именно къ различіямъ въ интенсивности чувствованія пріятности или непріятности и относитъ къ области явленій чувства тѣ состоянія сознанія, въ которыхъ элементы знанія и воли оттѣснены на задній планъ интенсивнымъ чувственнымъ тономъ. Однако количественныя различія составляютъ слишкомъ ненадежный классификаціонный критерій, и потому Гефдингъ тотчасъ же сбивается на путь старой психологіи, которая, какъ мы сказали выше, относила къ области чувства вообще всѣ состоянія сознанія, складывающіяся изъ смутныхъ недифференцированныхъ психическихъ состояній; такимъ образомъ у него попадаютъ въ отдѣлъ чувства, такъ называемыя, чувства высокаго, смѣшного, эстетическая дѣятельность, эгоизмъ, симпатія, религіозная жизнь и т. п., несмотря на то, что эти состоянія сознанія вовсе не характеризуются количественнымъ преобладаніемъ чувственнаго тона.

Количественныя различія въ интенсивности чувственнаго тона и чувствованія активности представляютъ собою настолько шаткій классификаціонный признакъ, что Гефдингъ принужденъ разсматривать нѣкоторыя состоянія сознанія, даже и какъ явленія въ двухъ разныхъ отдѣлахъ, напр., смутныя влеченія или такія эмоціи, какъ гнѣвъ, страхъ, отвращеніе, во всѣхъ отношеніяхъ одинаково подходятъ какъ подъ его понятіе чувства, такъ и подъ его понятіе воли. Однако Гефдингъ не приходитъ къ мысли, что такимъ образомъ разрушается его классификація: въ такихъ случаяхъ онъ подъ словами чувство

и воля разумѣетъ не цѣльныя состоянія сознанія, а элементы, «стороны» состояній. Вообще это двойственное значеніе терминовъ вездѣ спасаетъ Гефдинга отъ прямыхъ противорѣчій и заблужденій, но оно вноситъ въ его взгляды неясности, граничащія съ заблужденіемъ. Такъ, говоря о боли онъ соглашается съ тѣмъ, что во всякой боли есть элементы познавательнаго характера *), но въ то же время онъ разсматриваетъ боль на ряду съ удовольствіемъ, какъ элементомъ, и указывая на отличіе чувства (какъ элемента) отъ ощущенія (какъ элемента) ссылается на то, что боль возникаетъ позже ощущенія; поэтому трудно опредѣлить, считаетъ ли онъ, подобно Вундту, боль ощущеніемъ, которое отличается отъ другихъ ощущеній тѣмъ, что всегда сопровождается чувствованіемъ непріятности, и отдѣлено отъ соотвѣтствующаго раздраженія на периферіи болѣе значительнымъ промежуткомъ времени, чѣмъ остальныя ощущенія (при ударѣ по мозоли—осязательное ощущеніе со своимъ чувственнымъ тономъ, потомъ позже ощущеніе боли со своимъ всегда непріятнымъ чувственнымъ тономъ), или же принимаетъ боль за неразложимое чувство—элементъ (при ударѣ мозоли — осязательное ощущеніе, потомъ черезъ нѣкоторое время его чувственный тонъ—боль); изъ примѣровъ, приводимыхъ имъ, видно, что онъ скорѣе придерживается послѣдняго взгляда **).

Наконецъ, одна изъ самыхъ вредныхъ сторонъ классификаціи Гефдинга состоитъ въ томъ, что она противъ воли автора придаетъ психологіи рѣзко выраженный интеллектуалистическій характеръ. Если вся душевная жизнь складывается изъ трехъ элементовъ—познанія, чувства и воли, и при томъ чувство, какъ элементъ, есть однообразная пріятность или непріятность въ различныхъ степеняхъ интенсивности, а воля, какъ элементъ, есть однообразное сознаваніе активности, то, слѣдовательно, *все безконечное разнообразіе душевной жизни, все богатство ея зависитъ отъ познавательныхъ элементовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуя чувство, Гефдингъ говоритъ: «различіе чувствъ нужно во что бы то ни стало объяснить *различными элементами познанія*, съ которыми они могутъ быть связаны»... «Элементы чувства сами по себѣ (насколько мы можемъ ихъ себѣ представить независимо отъ элементовъ познанія) различались бы только удовольствіемъ и неудовольствіемъ» ***). «Чувства связанныя съ непосредственными ощущеніями, получаютъ особенный характеръ въ силу качественныхъ свойствъ ощущеній. Простое колебаніе между удовольствіемъ и неудовольствіемъ развивается въ цѣлый рядъ чувствъ, изъ которыхъ каждое отдѣльное получаетъ свой индивидуальный отпечатокъ, благодаря тому, что оно связано съ опредѣленнымъ содержаніемъ ощущенія. Слѣдовательно, уже здѣсь можно говорить о различіи чувства путемъ познанія, по-

*) Тамъ же, стр. 190.

**) Тамъ же, стр. 188, 189.

***) Тамъ же, стр. 188.

тому что чувственныя ощущенія принадлежатъ къ области познанія въ той мѣрѣ, въ какой мы въ состояніи выдѣлить ихъ отъ чувствъ удовольствія или неудовольствія» *).

Итакъ, все разнообразіе чувствъ зависитъ отъ познавательнаго элемента, а потому можно сказать, что во второмъ основномъ отдѣлѣ своей психологіи Гефдингъ продолжаетъ, какъ и въ первомъ, заниматься, по существу, *ученіемъ о познаніи* и отвлекается отъ него лишь на пяти страницахъ въ главѣ «Физіологія и біологія чувства», гдѣ онъ изслѣдуетъ условія возникновенія удовольствія и неудовольствія и приходитъ къ мысли, что эти чувства служатъ выраженіемъ противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненнаго процесса.

Еще болѣе лишена собственнаго содержанія воля. Однако это не такъ замѣтно въ психологіи Гефдинга, потому что онъ мало сосредоточивается на самомъ сознаваніи активности, а прямо разсматриваетъ сложныя состоянія сознаванія, какъ акты. Яснѣе это видно въ психологіи Лэдда, который строитъ свою классификацію по тому же принципу, какъ и Гефдингъ. «Психологическіе факты», говоритъ Леддъ, «если разсматривать ихъ исключительно со стороны конаціи, составляютъ только одинъ отдѣлъ. Основныя различія, которыя могутъ быть установлены между разными главными формами конаціи, зависятъ скорѣе отъ входящихъ въ нихъ представленій и чувствованій, чѣмъ отъ самой конаціи. Различія принадлежатъ лишь случаямъ и обстоятельствамъ, при которыхъ возникаютъ различныя явленія конаціи. Существуетъ лишь одинъ видъ конаціи, какъ таковой, слѣдовательно, психологія конаціи, разсматриваемой, какъ элементарный процессъ въ душевной жизни, по необходимости очень бѣдна. Здѣсь наука едва ли можетъ пойти дальше указанія на этотъ всеобщій психологическій фактъ, предположеній о его психологическихъ условіяхъ и опредѣленія его мѣста и связи въ схемѣ основныхъ моторныхъ дѣятельностей Только тогда, когда развиты сознательныя стремленія и аффективная оцѣнка идеальныхъ цѣлей (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), психологія можетъ вернуться къ разсмотрѣнію всѣхъ психологическихъ фактовъ со стороны конаціи и установить ученіе о развитіи воли и характера» **).

Итакъ, все содержаніе психической жизни сводится къ слѣдующимъ элементамъ: однообразный (всегда одинаковый по качеству, измѣняющійся лишь по интенсивности) элементъ пріятности, однообразный элементъ непріятности, однообразное сознаваніе активности и, наконецъ, познавательные элементы. Во всемъ безконечномъ океанѣ душевныхъ состояній есть только три элемента, не относящіеся къ области познавательныхъ состояній. Ясно, что въ этомъ взглядѣ на душевную жизнь кроется какая то серьезная ошибка. Не трудно

*) Тамъ же, стр. 197.
**) Ladd, Psychology descriptive and explanatory, стр. 211.

найти источникъ ея; онъ кроется въ одномъ изъ основныхъ понятій этой классификаціи *элементовъ* душевныхъ явленій, именно въ понятіи *познавательнаго* (теоретическаго) *элемента* душевной жизни, которое заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе. Чтобы вскрыть это противорѣчіе, встанемъ прежде всего на точку зрѣнія самого Гефдинга, который, желая отличить познаніе отъ воли и чувства, говоритъ, что «въ познаніи составляется образъ внѣшняго міра и самого индивидуума, какъ части міра» *). Съ этимъ можно согласиться, но далѣе слѣдуетъ прибавить, что образъ внѣшняго міра и индивидуума складывается *изъ всѣхъ переживаній*, какія только развиваются въ душѣ индивидуума, такъ что и процессы чувства и процессы воли суть тоже составныя части «образа индивидуума». Однако процессы чувства и воли не суть eo ipso знаніе; значитъ, они становятся знаніемъ послѣ какой-то обработки. И въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ психологій, правда, только не въ психологіи Гефдинга, указывается эта обработка переживаній, превращающая ихъ въ знаніе. Она состоитъ въ томъ, что переживанія сопоставляются нами другъ съ другомъ, т. е. различаются и отожествляются другъ съ другомъ и такимъ образомъ приводятся къ тому систематическому единству, которое называется представленіемъ, образомъ, знаніемъ. Если правда, что знаніе есть результатъ дѣятельностей различенія и отожествленія, а съ этимъ нельзя не согласиться, то необходимо признать, что знаніе есть всегда *сложное состояніе сознанія*, и при томъ вторичное: въ самомъ дѣлѣ, различеніе и отожествленіе возможны лишь тамъ, гдѣ есть нѣсколько данныхъ для сравненія, и эти данныя, если не хронологически, то логически предшествуютъ процессу сравненія и въ этомъ смыслѣ составляютъ явленіе *первичное* въ сравненіи съ познаніемъ. Если познавательныя состоянія никоимъ образомъ не могутъ относиться къ числу элементовъ душевной жизни, т.-е. къ числу простыхъ состояній, то, слѣдовательно, классификація элементовъ душевной жизни не можетъ заключать въ себѣ отдѣла знанія. Впрочемъ, намъ можетъ быть возразятъ, что нѣкоторыя элементарныя состоянія сознанія предназначены въ нашей душевной жизни исключительно къ тому, чтобы служить матеріаломъ для познанія, и потому они могутъ быть названы познавательными элементами сознанія въ отличіе отъ другихъ элементовъ душевной жизни, которые не играютъ такой роли. Такъ, можно утверждать, что ощущенія органовъ высшихъ чувствъ и даже вообще всѣ ощущенія составляютъ матеріалъ для знанія, а чувствованіе удовольствія или неудовольствія не имѣетъ никакого отношенія къ познанію. Однако это возраженіе не выдерживаетъ критики. Конечно, наши потребности и интересы заставляютъ насъ подвергать сравненію и различенію, т. е. опознавать прежде всего ощущенія, вызванныя воздѣйствіями на насъ внѣшняго міра, и въ этомъ смыслѣ можно сказать,

*) Тамъ же, стр. 71.

что ощущенія фигурируютъ въ нашемъ душевномъ обиходѣ преимущественно, какъ матеріалъ для знанія, тогда какъ чувствованіе пріятности или непріятности, а также чувствованіе активности въ повседневной жизни, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ познаваніемъ. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, будто это всегда должно быть такъ: во первыхъ, ощущенія очень часто не выполняютъ своего мнимаго назначенія служить непремѣнно матеріаломъ для познанія, очень часто они остаются ни съ чѣмъ не сравненными, не различенными: таковы, напр., органическія ощущенія, входящія, какъ составная часть, въ эмоціи гнѣва, страха и т. п. (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда мы спеціально обратимъ на нихъ вниманіе и станемъ ихъ изучать такъ. какъ это сдѣлалъ Джемсъ въ своей Психологіи), а также и ощущенія высшихъ органовъ чувствъ въ зачаточныхъ стадіяхъ не доразвившихся до конца зрительныхъ, слуховыхъ и т. п. воспріятій, напр., когда мы мгновенно окидываемъ взглядомъ на ходу сложную группу объектовъ, получаемъ смутное воспріятіе и не сосредоточиваемъ на немъ вниманія, не заинтересовавшись имъ, проходимъ далѣе. При этомъ мы переживаемъ простыя состоянія сознанія, но они уже не относятся къ области познанія. Во-вторыхъ, «чувствованіе пріятности или непріятности», а также чувствованіе активности и вообще какой-бы то ни было элементъ сознанія, напр. чувствованіе сходства, чувствованіе зависимости, чувствованіе необходимости и т. п. при нѣкоторомъ навыкѣ могутъ съ такимъ же удобствомъ послужить матеріаломъ для познанія, какъ и ощущеніе краснаго цвѣта: для этого нужно только сосредоточить вниманіе именно на этихъ чувствованіяхъ и выдѣлить ихъ изъ сферы другихъ состояній сознанія, путемъ различенія и отожествленія. При этомъ получится познавательное состояніе, но оно уже будетъ не простымъ, а сложнымъ. Итакъ, среди *элементовъ* сознанія вовсе нѣтъ состояній, которыя заслуживали бы названіе познавательныхъ, и потому интеллектуализмъ, рѣзко выраженный въ классификаціи Гефдинга, тѣмъ менѣе извинителенъ. Его уродливость не особенно бросается въ глаза только потому, что классификація элементовъ у Гефдинга вездѣ переплетается съ параллельною ей искусственною классификаціею явленій, основанною на количественныхъ признакахъ, и такимъ образомъ искусственно отдѣляющею отъ установленнаго имъ отдѣла познавательныхъ явленій довольно обширную группу явленій чувства и воли.

Вслѣдъ за этою отрицательною критикою традиціонной классификаціи укажемъ на вытекающія изъ нея отрицательныя и положительныя правила, которыми слѣдуетъ руководиться при дальнѣйшемъ построеніи психологическихъ классификацій. Изъ всего предыдущаго особенно ясно, что въ психологіи нужно строго различать классификацію элементовъ состояній сознанія отъ классификаціи сложныхъ состояній сознанія. Далѣе ясно, что въ классификаціи элементовъ сознанія, какъ бы мы ее ни строили, *не можетъ быть отдѣла познанія*, потому что всякое познавательное

состояніе есть явленіе сложное. Отдѣлы чувства, если разумѣть подъ чувствомъ элементы пріятности или непріятности, и отдѣлъ воли, если разумѣть подъ волевымъ элементомъ чувствованіе активности, также врядъ ли сохранятся въ классификаціи элементовъ въ качествѣ *основного* подраздѣленія, потому что эти отдѣлы слишкомъ бѣдны, естественнѣе всего соединить ихъ въ одинъ отдѣлъ, напр., въ группу субъективныхъ элементовъ сознанія въ отличіе отъ группы объективныхъ элементовъ сознанія *).

Впрочемъ, ограничимся лишь этимъ намекомъ на возможную классификацію элементовъ сознанія и не будемъ заниматься болѣе этимъ вопросомъ. такъ какъ мы собрались только подвергнуть критикѣ традиціонную классификацію, но вовсе не собираемся замѣнить ее новою.

О классификаціи сложныхъ явленій можно сказать только на основаніи выше приведенныхъ соображеній, что она не можетъ заключать въ себѣ традиціонныхъ отдѣловъ познанія, чувства и воли, потому что различіе въ интенсивности чувствованій пріятности и активности не можетъ послужить надежнымъ опорнымъ пунктомъ для установленія этихъ отдѣловъ. Но *въ иной координаціи* и съ инымъ значеніемъ отдѣлы познанія, чувства и воли (напр. подъ понятіемъ волевого состоянія сознанія, какъ уже сказано выше, можно разумѣть всѣ сложныя явленія, отличающіяся нѣкоторою опредѣленною структурою) могутъ навсегда сохраниться въ этихъ классификаціяхъ. Однако и при этихъ условіяхъ нѣкоторыя направленія въ психологіи не могутъ сохранить этихъ отдѣловъ; напр. въ волюнтаристической психологіи исходнымъ пунктомъ для классификаціи сложныхъ явленій естественнѣе всего можетъ служить положеніе, что всѣ душевныя явленія, если брать ихъ въ конкретной полнотѣ, не раздробивъ ихъ анализомъ, суть волевые акты; слѣдовательно, классификація сложныхъ явленій должна быть въ волюнтаристической психологіи классификаціею волевыхъ актовъ, и потому она не можетъ заключать въ себѣ класса волевыхъ явленій, какъ частнаго отдѣла, *координированнаго* съ какими нибудь другими отдѣлами психическихъ явленій. Такія классификаціи могутъ быть произведены съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ видѣ примѣра сошлюсь на одну изъ возможныхъ волюнтаристическихъ классификацій, намѣченную въ основныхъ чертахъ въ моемъ сочиненіи «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма». Волевые акты раздѣлены мною въ этомъ сочиненіи на внутренніе и внѣшніе, затѣмъ на опознанные и не опознанные и, наконецъ, на «мои» волевые акты, вынужденные волевые акты, и волевые акты во мнѣ. Въ такой классификаціи въ одномъ изъ ея подраздѣленій можетъ сохраниться, конечно, отдѣлъ познанія, подъ именемъ познавательныхъ актовъ, но традиціонный отдѣлъ чувства навѣрное долженъ совершенно распасться и распре-

*) См. соч. Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма.

дѣлиться между разными классами, напр. эмоціи (страхъ, гнѣвъ и т. п.) могутъ войти въ классъ инстинктивныхъ волевыхъ актовъ, а, такъ называемое, религіозное чувство, эстетическое чувство должны войти въ совершенно иные классы явленій. Впрочемъ пускаться въ подробности не будемъ. Мы хотѣли лишь указать на то, что классификаціи сложныхъ явленій сознанія во всякомъ случаѣ не могутъ складываться изъ координированныхъ другъ другу традиціонныхъ отдѣловъ познанія, чувства и воли.

Ассоціація сходства.

(Матеріалы къ новѣйшей исторіи вопроса).

А. П. Нечаева.

(*Продолженіе*).

Такъ какъ въ началѣ своей работы «Ueber Wiedererkennen» Леманъ прямо заявляетъ, что она направлена противъ взглядовъ Геффдинга (Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung. Leipzig. 1887) и его англійскихъ единомышленниковъ, то, при обсужденіи его положеній, мы, конечно, прежде всего должны обратить вниманіе на четыре статьи «*Über Wiederkennen, Association und psychische Activität*», которыя были напечатаны Геффдингомъ въ періодъ времени съ 1889 по 1890 годъ въ «Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie».

Своимъ статьямъ Геффдингъ придалъ форму самостоятельнаго, цѣлостнаго изложенія собственныхъ взглядовъ. Но для всякаго читателя ясно, что работа Геффдинга является прямымъ отвѣтомъ на статью Лемана, на которую дѣлаются имъ частыя ссылки.

Попробуемъ же прослѣдить, независимо отъ порядка изложенія, даннаго самимъ Геффдингомъ, какъ этотъ авторъ смотритъ на основныя положенія, выставленныя Леманомъ.

I. Леманъ старался доказать, что гипотеза сходства противорѣчитъ опыту. По мнѣнію Геффдинга, это противорѣчіе совершенно мнимое; напротивъ, отрицая ассоціацію сходства, мы становимся въ очевидное противорѣчіе съ опытомъ.

II. Леманъ старался показать, что принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь. Геффдингъ признаетъ подобный взглядъ недоразумѣніемъ и думаетъ

что, напротивъ, попытки свести ассоціацію сходства къ ассоціаціи смежности основаны на нѣкоторыхъ психологическихъ предразсудкахъ.

III. По взгляду Лемана, признаніе гипотезы сходства оказывается совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи. Геффдингъ полагаетъ, что, отрицая ассоціацію сходства, невозможно объяснить даже ассоціацій по смежности.

IV. Леманъ утверждалъ, что сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности является важнымъ научнымъ обобщеніемъ, способствующимъ построенію цѣлостнаго пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ. По мнѣнію Геффдинга, подобное сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности — дѣло не выполнимое; принятіе ассоціаціи сходства, какъ процесса, несводимаго на ассоціацію смежности, не нарушаетъ цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ; стремленіе же къ научному обобщенію при психологическомъ толкованіи сходства и смежности можетъ быть удовлетворено, если признать, что въ основѣ ассоціацій представленій лежитъ «ассоціація между частью и цѣлымъ».

Какъ же Геффдингъ аргументируетъ свои положенія?

I. *Противорѣчіе гипотезы сходства опыту* Леманъ, какъ извѣстно, доказывалъ ссылкой на свои эксперименты. Геффдингъ признаетъ эти эксперименты совершенно непригодными для рѣшенія подобнаго рода вопроса. «Если существуютъ,—говоритъ онъ,—различные виды и формы узнаванія, то какъ же можно посредствомъ опытовъ (которые всегда должны происходить при *извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ*) доказывать, что *при другихъ условіяхъ* узнаваніе не будетъ происходить другимъ образомъ? Вѣдь яснымъ и простымъ правиломъ для всякаго экспериментальнаго изслѣдованія должно быть то, что его результаты могутъ имѣть значеніе лишь при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при которыхъ поставлены опыты, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо еще доказать право приложить ихъ ко всякимъ условіямъ».

Основная ошибка Лемана, по мнѣнію Геффдинга, заключается въ томъ, что онъ не понялъ отношенія, существующаго между тѣми противоположными теоріями, о которыхъ онъ судитъ. Одна теорія говоритъ, что *всякое* узнаваніе основывается на ожиданіяхъ, возбужденныхъ и подтвержденныхъ ассоціаціей смежности; другая утверждаетъ, что *кромѣ* узнаванія, происходящаго такимъ образомъ, есть еще непосредственное узнаваніе. Очевидно, что послѣдняя теорія не будетъ отвергнута, а первая—доказана, если покажутъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ узнаваніе происходитъ посредствомъ напередъ возбужденныхъ представленій — въ особенности, если тѣ условія, при которыхъ происходитъ опытъ, исключаютъ возможность непосредственнаго узнаванія.

Толкованіе, которое Леманъ даетъ результатамъ своихъ опытовъ, въ ихъ отношеніи къ гипотезѣ сходства, не выдерживаетъ критики, съ точки зрѣнія Геффдинга.

Какъ извѣстно, Леманъ полагалъ, что съ точки зрѣнія гипотезы сходства, которая основывается на законѣ упражненія, *n*, какъ чаще воспринимаемое, должно было бы узнаваться съ гораздо большей точностью, чѣмъ *l*. Но опыты показываютъ обратное. Съ точки же зрѣнія противоположной теоріи опыты не даютъ ничего неожиданнаго, такъ какъ «узнаваніе опирается на сравненіе съ образомъ воспоминанія, который является болѣе или менѣе смутнымъ и не яснымъ и на который повтореніе можетъ вліять лишь въ томъ смыслѣ, что по истеченіи извѣстнаго времени онъ оказывается не совсѣмъ въ такой степени неяснымъ, въ какой онъ былъ бы при меньшемъ упражненіи». Но этому выводу, сдѣланному изъ теоріи смежности, по мнѣнію Геффдинга, противорѣчитъ слѣдующее мѣсто изъ статьи Лемана: «Изъ этого легко понять, почему представленіе тѣмъ легче узнается, чѣмъ чаще оно появлялось въ сознаніи. Вслѣдствіе этого можетъ происходить все болѣе точная (desto sicherer) оцѣнка совпаденія образовъ воспоминанія съ тѣмъ, что наблюдается». «Я,— говоритъ по этому поводу Геффдингъ,—не могу вычитать изъ этого ничего другого, какъ то, что здѣсь изъ теоріи смежности сдѣланъ какъ разъ такой же выводъ, какъ изъ того, что Леманъ называетъ «Теоріей сходства», и если здѣсь есть противорѣчіе съ опытами, то оно относится къ обѣимъ теоріямъ».

Такимъ образомъ, Геффдингъ возражаетъ прежде всего противъ самой формы постановки вопроса Леманомъ. Съ другой стороны, онъ думаетъ, что, допуская непосредственное узнаваніе (т. е. гипотезу сходства), совсѣмъ не слѣдуетъ ожидать, что *n* будетъ узнаваться легче *l*. «Вѣдь здѣсь,—говоритъ онъ,—нѣтъ выбора между узнаваніемъ *n* и *l*, но лишь выборъ между рѣшеніями, равенъ ли второй кругъ (*n* или *l*) первому (*n*), или отличенъ отъ него. А это—совсѣмъ другое дѣло. Вѣдь ни откуда не слѣдуетъ, что легкость узнаванія *n* должна больше возрастать подъ вліяніемъ упражненія, чѣмъ способность находить различіе между *l* и *n*. Воспріятіе различія, играющее такую большую роль при всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, при меньшемъ упражненіи, пожалуй, можетъ достигать такой же точности, какъ воспріятіе сходства при большемъ упражненіи. Для воспріятія различія между *l* и *n* совсѣмъ не требуется такого полнаго и отчетливаго воспроизведенія *n*, какъ при воспріятіи тожества *n* и *n*. Кромѣ того, надо помнить, что узнаваніе и воспріятіе различія здѣсь происходило съ «полнымъ вниманіемъ». Это объясненіе приложимо къ опытамъ со всѣми тремя кругами; признать различіе (т. е. найти, что нѣчто свѣтлѣе или темнѣе) легче, чѣмъ признать тожество (т. е. найти, что нѣчто одинаково свѣтло), и потому въ первомъ случаѣ требуется меньше упражненія, чѣмъ во второмъ».

Отрицаніе непосредственнаго узнаванія, какъ процесса, не находящаго себѣ достаточнаго подтвержденія въ опытѣ, представляется Геффдингу произвольнымъ. «Начнемъ,—говоритъ онъ,—съ совершенно простыхъ несомнѣнныхъ воспріятій. Я смотрю на что нибудь—и оно кажется мнѣ знакомымъ. Пусть это будетъ лицо или (возьмемъ что нибудь еще болѣе простое) отдѣльная черта лица, миганіе глаза. Или я смотрю на какой нибудь необычный оттѣнокъ цвѣта на вечернемъ небѣ, который, однако, кажется мнѣ знакомымъ Или я слышу иностранное слово, не могу его перевести, но его звукъ мнѣ знакомъ. Или мнѣ предлагаютъ вопросъ: «Вы уже были въ Les Plans?» Имя «Les Plans» мнѣ знакомо, но все таки я не могу связать съ нимъ никакого представленія. Или возьмемъ примѣры изъ внутренняго опыта. Извѣстное органическое ощущеніе, извѣстное, возникающее во мнѣ настроеніе чувства жизни являются мнѣ съ извѣстнымъ признакомъ интимности и принадлежности. У меня есть совершенно непосредственное сознаніе, что я ихъ уже имѣлъ, хотя я не могу связать съ ними ни одного ближайшаго опредѣленія. Съ этими лучаями сродны тѣ, въ которыхъ мы пытаемся что нибудь вызвать въ своемъ воспоминаніи, при чемъ это намъ не удается, хотя мы сейчасъ же узнаемъ вызываемое нами представленіе, если оно попадается намъ на другомъ пути Сюда же относятся тѣ случаи, когда мы не бываемъ увѣрены въ томъ, было или нѣтъ воспринято нами какое нибудь явленіе, причемъ эта увѣренность возникаетъ, если передъ нами пройдетъ рядъ явленій, къ которымъ оно принадлежитъ. И здѣсь мы имѣемъ совершенно непосредственное впечатлѣніе чего то знакомаго *). Въ подобнаго рода состояніяхъ сознанія дается непосредственное пониманіе различія между чѣмъ то знакомымъ и близкимъ (Vertrautem) и чѣмъ то незнакомымъ и чуждымъ. Это различіе такъ просто и ясно, что оно настолько же мало поддается ближайшему описанію, какъ, напримѣръ, различіе между удовольствіемъ и неудовольствіемъ или между желтымъ и голубымъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ непосредственнымъ качественнымъ различіемъ **). Своеобразное качество, отличающее сознаніе знакомаго въ противоположность новому Геффдингъ предлагаетъ обозначать терминомъ «Bekanntheitsqualität» (качество знакомости).

Психологическій процессъ узнаванія въ данныхъ случаяхъ, по мнѣнію Геффдинга, можетъ быть выраженъ формулой $(A+a)$ или еще лучше $\left(\begin{matrix} a \\ A \end{matrix}\right)$ гдѣ A обозначаетъ ощущеніе (или группу ощущеній). a—его воспроизведеніе (или, по терминологіи Геффдинга, представленіе), а скобки — то, что A и a не сознаются здѣсь какъ самостоятельные члены, но теоретически мыслятся, какъ факторы явленія, кажущагося не сложнымъ (theoretisch als Factoren der scheinbar nichtzusammengesetzten Erscheinung gedacht werden). Въ опра-

*) Viertelj. 1889, 425.
**) Ib. 1889, 427.

вданіе этой формулы Геффдингъ ссылается на то, что вліяніе A, дѣлающее возможнымъ узнаваніе, могло бы вызвать a въ формѣ свободнаго или самостоятельнаго представленія (если бы, напр., B, по ассоціаціи смежности, вызвало a) *).

Разбирая вопросъ о томъ, насколько признаніе ассоціаціи сходства и непосредственнаго узнаванія (какъ ея типичнаго примѣра) соотвѣтствуетъ даннымъ опыта, Геффдингъ довольно подробно останавливается на возраженіи, сдѣланномъ *Лехеномъ* (Arne Löchen, Spörgsmaal vedkommende de afasiske Sygdomme. Christiania. 1888). По мнѣнію этого ученаго, допущенію непосредственнаго узнаванія противорѣчатъ явленія такъ называемой словесной слѣпоты и словесной глухоты, когда больной воспринимаетъ произносимыя передъ нимъ или написанныя слова только какъ *чувственныя* явленія, но не понимаетъ ихъ, т. е. не воспринимаетъ ихъ какъ словъ или какъ знаковъ представленій. Это явленіе, по изложенію Геффдинга, можно объяснять двояко. Одни (Kussmaul, Charcot) думаютъ, что узнаваніе исчезаетъ, хотя чисто чувственное ощущеніе остается не поврежденнымъ (согласно формулѣ Геффдинга, A воспринимается, но не комбинируется съ a). Другіе (Stricker, Lichtheim) думаютъ, что въ данныхъ случаяхъ прекращается возможность пробуждать изъ другихъ чувственныхъ областей такія ассоціированныя представленія, при помощи которыхъ могло бы быть понято значеніе словъ. Съ этой точки зрѣнія, написанное или напечатанное слово станетъ понятнымъ тогда, если оно возбудитъ представленіе о соотвѣтствующемъ звукѣ или движеніи голосовыхъ мускуловъ, необходимыхъ для его произнесенія.

Первому роду объясненія, по взгляду Лехена, противорѣчитъ прежде всего то обстоятельство, что страдающіе словесной слѣпотой способны копировать. Эта способность, по его мнѣнію, доказываетъ, что зрительныя представленія (т. е. воспроизводимые зрительные образы) не уничтожены. «Мнѣ представляется,—замѣчаетъ по этому поводу Геффдингъ,—что это возраженіе потеряетъ свое значеніе, если только мы вспомнимъ о вторичныхъ безсознательныхъ явленіяхъ, при помощи которыхъ могутъ производиться привычныя дѣйствія. Буквы, такъ сказать, пробѣгаютъ изъ глазъ въ пальцы. Эта пріобрѣтенная и заученная ловкость никоимъ образомъ не должна исчезать, какъ только исчезла способность узнаванія».

Второе возраженіе Лехена сводится къ тому, что теорія непосредственнаго узнаванія просмотрѣла тотъ фактъ, что словесная слѣпота обыкновенно бываетъ связана съ большей или меньшей трудностью находить имена предметовъ. Анализируя этотъ фактъ, Лехенъ думаетъ найти истинное объясненіе. По его мнѣнію, всякое узнаваніе слова, даннаго въ зрительной формѣ, происходитъ вслѣдствіе того, что видимый знакъ возбуждаетъ, по ассоціаціи смежности,

*) Ib. 1889, 432.

связанной съ нимъ, представленіе о звукѣ слова или о томъ движеніи, которое мы производимъ голосовыми мускулами при его произношеніи. На возбужденіи этого представленія основывается «субъективное ощущеніе узнаванія» (или по терминологіи Геффдинга, «качество знакомости» — Bekanntheitsqualität). При такомъ взглядѣ на дѣло, узнаваніе не можетъ имѣть мѣста, если только порвалась связь между зрѣніемъ и слухомъ или движеніемъ органовъ рѣчи. Свой взглядъ на процессъ узнаванія Лехенъ поясняетъ, между прочимъ, слѣдующимъ примѣромъ: «Если бы мы нашли цвѣтокъ, который вызвалъ бы у насъ въ сознаніи невѣрное родовое имя, то вызова этого имени было бы достаточно для признанія цвѣтка знакомымъ. Но если бы къ намъ подошелъ кто нибудь, лучше насъ знающій ботанику, и разъяснилъ бы намъ нашу ошибку, то мы, конечно, поняли бы, что узнаваніе было ошибочнымъ... Но узнаваніе, само по себѣ, заключается въ вызовѣ ассоціацій, а не въ признаніи его правильности. Здѣсь идетъ рѣчь только о томъ, въ чемъ заключается субъективное ощущеніе узнаванія, а не объ его объективной истинѣ». По этому поводу Геффдингъ замѣчаетъ, что одинъ только вызовъ какого бы то ни было представленія еще недостаточенъ для узнаванія. Вызванное такимъ образомъ представленіе, само по себѣ, можетъ казаться намъ совершенно чуждымъ, если только оно не обладаетъ качествомъ знакомости» (Die auf diese Weise hervorgerufene Vorstellung selbst kann uns mitunter durchaus fremd dastehen, wenn ich sie nämlich dermassen vergessen habe, dass sie nicht mit der Bekanntheitsqualität auftritt). *)

II) Возражая противъ гипотезы сходства, Леманъ высказывалъ мысль, что въ ея основѣ лежитъ грубое атомистическое пониманіе представленій и ихъ взаимной связи. Геффдингъ, выступая горячимъ защитникомъ ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, въ то же время рѣшительно высказывается противъ грубо-атомистическаго пониманія душевной жизни. «Тѣ различія,—говоритъ онъ,—которыя мы устанавливаемъ между психическими явленіями и обозначаемъ словомъ «элементы», не должны обращаться въ самостоятельныя реальныя сущности. Напримѣръ, представленія справедливо могутъ быть названы элементами сознанія, но не въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ мы называемъ атомы элементами матеріи. Каждое представленіе есть дѣятельность, особое направленіе дѣятельности представленія, которая, въ свою очередь, является особой стороной дѣятельности всего сознанія въ извѣстный моментъ Слѣдовательно, психическіе элементы находятъ себѣ матеріальныя параллели не въ матеріальныхъ атомахъ, а въ матеріальныхъ процессахъ. Подобнаго рода неправильная аналогія привела къ такъ называемой «ассоціаціонной психологіи», къ пониманію ассоціаціи какъ внѣшняго механическаго процесса, который долженъ происходить между самостоятельно суще-

*) 1889, 455.

ствующими и другъ отъ друга независимыми представленіями. Своего крайняго выраженія это одностороннее пониманіе достигло у Юма, который дошелъ до того, что ему стало непонятнымъ даже самое явленіе ассоціаціи. Какъ можетъ,— спрашивалъ онъ съ полной послѣдовательностью,—существовать связь между элементами, которые совершенно другъ отъ друга независимы? Олицетворивъ представленія, забывали, что они—только стороны или обнаруженія психической дѣятельности *).

Итакъ, съ точки зрѣнія Геффдинга, признаніе ассоціаціи сходства не только не требуетъ грубо-атомистическаго пониманія, но «явленіе ассоціаціи представленій не можетъ быть понято, если не принять, что ощущенія и представленія суть психическія дѣятельности или функціи, а не отдѣльныя части или абсолютно самостоятельные элементы» **).

Напротивъ, попытка Лемана свести ассоціацію сходства къ смежности приводитъ, по мнѣнію Геффдинга, къ допущенію нѣкоторыхъ безсмысленныхъ положеній. «Если въ языкѣ существуетъ выраженіе *листъ бумаги*, то можно ли думать, что качество тонкости образовало въ сознаніи *свободный* переходный пунктъ (ein freies Uebergangsglied) между представленіемъ листа растенія и представленіемъ куска бумаги? Между двумя этими представленіями должно было быть еще представленіе тонкости, но при этомъ ни тонкости листа растенія, ни тонкости бумаги, а просто тонкости самой по себѣ. Или, если, глядя на яблоко, лежащее на столѣ, я начинаю думать о яблокѣ на древѣ познанія добра и зла, объ Адамѣ и Евѣ, то развѣ образъ яблока долженъ дать въ моемъ сознаніи мѣсто представленію одной только формы яблока, которое, въ свою очередь, было бы свободно отъ представленія яблока съ древа познанія, имѣвшаго, пожалуй, не такую же точно форму, какъ дѣйствительное яблоко? Такого пониманія нельзя защищать, не возобновляя старой теоріи абстракціи, по которой «общіе» элементы нашихъ представленій оказываются достаточными для образованія новыхъ, самостоятельныхъ представленій. И это покажется особенно безсмысленнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какую большую роль играютъ ассоціаціи сходства у дѣтей. Четырнадцатимѣсячный ребенокъ (по наблюденію, взятому изъ статьи: Marty, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, III, S. 324) назвалъ аппаратъ для отопленія въ желѣзнодорожномъ купе «Тикъ-такъ», потому что онъ напомнилъ ему часы. Тотъ же ребенокъ, 20 мѣсяцевъ отъ роду, назвалъ красный мячъ мѣсяцемъ, а, немного подумавъ, лампой ***). Теорія смежности,—продолжаетъ Геффдингъ,— должна принять, что сознаніе постоянно примѣняетъ абстрактнымъ образомъ tertium comparationis, какъ посредствующій членъ. Такъ поступаютъ, объясняя

---

*) 1890, 192.
**) 1890, 41.
***) 1890, 168.

людямъ картину или сравненіе, которое они не могутъ понять; для другихъ это не нужно, и въ этой школьной методѣ прежде всего не нуждается удивительная фантазія, обнаруживающаяся въ метафорахъ языка и поэтическихъ сравненіяхъ *). (Примѣры: при взглядѣ на танцующихъ въ бальной залѣ поэтъ представляетъ себѣ вращеніе міровыхъ тѣлъ въ небесномъ пространствѣ; слово «зеленый», въ переносномъ смыслѣ, примѣняется къ неопытному молодому человѣку. Erwägung одного корня съ Waage, penser—съ peser).

«Я думаю,—говоритъ Геффдингъ,—можно утверждать, что это допущеніе (дѣлаемое теоріей смежности) служитъ примѣромъ смѣшенія психологической точки зрѣнія съ логической... Психологическому опыту совершенно противорѣчитъ, что сродныя представленія, каждое само по себѣ, должны имѣть возможность распадаться на тожественные и отличные элементы» **).

III. Въ противоположность мнѣнію Лемана, доказывавшаго безполезность гипотезы сходства для объясненія явленій ассоціаціи и узнаванія, Геффдингъ утверждаетъ, что «ассоціація смежности предполагаетъ ассоціацію сходства или, по крайней мѣрѣ, непосредственное узнаваніе». Свою мысль Геффдингъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ: «я сижу въ своей комнатѣ и слышу на улицѣ грохотъ. Сейчасъ же у меня является представленіе объ омнибусѣ. Но условіемъ этого служитъ то, что я узнаю именно этотъ своеобразный грохочущій звукъ. Если я его смѣшаю со звукомъ, который является, когда везутъ пустыя бочки, или съ громомъ, то представленіе объ омнибусѣ не возникнетъ. Если я неувѣренъ, то внимательно вслушиваюсь, и только *отожествляя* (*съ помощью вниманія и яснаго сознанія*) наличное ощущеніе (A) и представленіе звука (a), извѣстнаго изъ прежняго опыта, могу съ увѣренностью воспроизвести представленіе омнибуса. Слѣдовательно, ассоціація смежности здѣсь покоится на сознательномъ отожествленіи. Но это сознательное отожествленіе предполагаетъ ассоціацію сходства. Что заставило бы меня сравнить воспринимаемый теперь звукъ со звукомъ, который я слышалъ прежде, если бы только между ними не было сходства? (1890, 43).

Необходимость признанія ассоціаціи сходства для пониманія душевной жизни доказывается, по мнѣнію Геффдинга, еще тѣмъ, что всѣ попытки сведенія ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности признаются имъ неудачными. Эта часть работы Геффдинга настолько интересна, что слѣдуетъ остановиться на ней подольше.

Геффдингу представляются возможными слѣдующіе четыре способа сведенія ассоціаціи сходства къ смежности:

1) Если два представленія сходны, то это значитъ, что нѣкоторые элементы (части или свойства) у нихъ общи, а другіе—различны. Пусть, напри-

*) 1890, 169.

**) 1890, 170.

мѣръ, одно явленіе $A_1 = m + n + p$, а другое явленіе $A_2 = x + y + p$. Если кажется, что A_1, по сходству, вызываетъ представленіе A_2, то развѣ въ дѣйствительности переходъ совершается не посредствомъ общаго элемента p, такъ что въ нашемъ сознаніи проходитъ рядъ $m + n + p + y + x$ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы незамѣтно отъ сознанія A_1 переходимъ къ сознанію A_2? При положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, очевидно, пришлось бы признать здѣсь отношеніе смежности.

2) Если p_1 (p какъ элементъ представленія A_1) и p_2 (p какъ элементъ представленія A_2) настолько различны, что ихъ нельзя отожествить, такъ какъ между ними существуетъ только сходство, а не равенство, то можно было бы принять, что p_1 съ незамѣтной постепенностью измѣняетъ свою особенность (seine Beschaffenheit), пока не явится оттѣнокъ p_2. Тогда между p_1 и p_2 мы получили бы рядъ оттѣнковъ, какъ посредствующихъ членовъ, но у насъ не было бы никакого скачка отъ одного представленія къ другому, сходному съ нимъ.

3) Наши представленія обыкновенно тѣсно связаны съ словесными выраженіями, и эта связь—ассоціація по смежности. Сродныя представленія легко соединяются съ однимъ и тѣмъ же словомъ. Нельзя ли объяснить асоціацію между a_1 и a_2 тѣмъ, что a_1 вызываетъ представленіе слова n, а n, въ свою очередь, вызываетъ a_2, такъ что слово является посредствующимъ членомъ между обоими представленіями, и о «сходствѣ» совсѣмъ ничего не приходится говорить?

4) Мы невольно сравниваемъ явленія, которыя были даны намъ или одновременно, или въ непосредственномъ слѣдованіи другъ за другомъ, или представлялись нами въ ассоціаціи по смежности. Мы сопоставляемъ явленія, которыя находимъ сходными, и вслѣдствіе этого сопоставленія, совершаемаго при помощи сравненія, они потомъ ассоціируются въ нашемъ сознаніи.

Противъ подобнаго рода толкованій Геффдингъ выставлялъ слѣдующія соображенія, которыя мы приведемъ подъ нумерами, соотвѣтствующими только что перечисленнымъ четыремъ способамъ сведенія ассоціаціи сходства на смежность.

1) Геффдингъ признаетъ не допустимымъ, чтобы во *всѣхъ* случаяхъ сходства качествъ или отношеній каждое явленіе, само по себѣ, могло быть разложено на составныя части, изъ которыхъ однѣ были бы тожественными, а другія — различными. «Если,—говоритъ онъ,—мы находимъ болѣе или менѣе сродными различные оттѣнки цвѣтовъ (напримѣръ, желтый цвѣтъ больше похожъ на оранжевый, чѣмъ на красный), если, поэтому, лица, совершенно незнакомыя съ оптикой, всетаки располагаютъ цвѣта въ томъ же порядкѣ, какъ они даны въ спектрѣ, или если вещь извѣстнаго цвѣта вызываетъ представленіе о другой вещи сходнаго цвѣта, то здѣсь нельзя указать ни одного *тожественнаго* элемента. Желтое и оранжевое или различные оттѣнки краснаго не имѣютъ никакого общаго элемента и всетаки напоминаютъ другъ друга. Если Гомеръ

сравниваетъ видъ блестящаго оружія греческихъ воиновъ съ видомъ отдаленнаго лѣсного пожара, то всетаки металлическій блескъ и пламя—цвѣта различнаго качества, и фантазія поэта должна сдѣлать скачекъ, переходя отъ одного къ другому. Если портретъ напоминаетъ мнѣ изображеннаго на немъ человѣка, то эта ассоціація можетъ происходить даже тогда, когда оттѣнки цвѣта на портретѣ не совсѣмъ такіе же, какъ въ дѣйствительности.

Если въ англійскомъ языкѣ бабочка называется «butterfly» или одинъ цвѣтокъ называется по-датски «Smörblomet» (Масляный цвѣтокъ), то, конечно, между масломъ и желтымъ насѣкомымъ, давшимъ имя цѣлой группѣ, или желтымъ цвѣткомъ существуетъ только *сходство* качествъ, а не психологическое *тожество* ихъ (1890, 167). «Если бы сходство можно было всегда объяснять тѣмъ, что оба представленія заключаютъ въ себѣ отчасти тожественные (p), отчасти различные (въ одномъ $m+n$, въ другомъ $x+y$) составные элементы, то этимъ путемъ всетаки нельзя было бы свести всѣ ассоціаціи къ ассоціаціи смежности. Вѣдь если я въ группѣ ($m+n+p$) дошелъ до p, то отсюда еще не слѣдуетъ, что данный рядъ найдетъ свое продолженіе въ $y+x$. Это происходитъ лишь тогда, когда возникнетъ извѣстное воспоминаніе, что мы уже имѣли p. Если p является для меня чѣмъ то новымъ, то этого не происходитъ» (1890, 170).

2) Возможность сведенія ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности путемъ предположенія ряда посредствующихъ ступеней между «сходными», но не тожественными элементами Геффдингъ устраняетъ слѣдующимъ разсужденіемъ.

«Неопредѣленныя или мимолетныя представленія (связующія данные не тожественные элементы) могутъ быть раздѣлены на два класса, такъ какъ неопредѣленное свойство можетъ быть количественнаго или качественнаго вида. Тамъ, гдѣ дано количественное отношеніе, я могу имѣть представленіе о меньшемъ объемѣ и расширять его путемъ простого расширенія, или имѣть представленіе о большемъ объемѣ и измѣнять его путемъ простого урѣзыванія. Въ обоихъ случаяхъ я могу различать общія и отличныя части, и неопредѣленность заключается только въ томъ, что я не знаю, гдѣ я долженъ установить границу. Напротивъ, тамъ, гдѣ дѣло касается *качества*, я, конечно, могу выбрать какое нибудь промелькнувшее въ моемъ сознаніи качество (eine vorläufige Qualität wählen), но если оно невѣрно, или если возникаетъ сомнѣніе, то посредствомъ новаго выбора оно должно быть замѣнено другимъ качествомъ, безъ всякаго участія общихъ составныхъ частей. Я не могу имѣть никакого представленія о цвѣтѣ, если я предварительно не представлю себѣ какой нибудь опредѣленный цвѣтъ, который, позднѣе, быть можетъ, долженъ быть измѣненъ посредствомъ большихъ или меньшихъ скачковъ по скалѣ цвѣтовъ. Темный предметъ, на который я смотрю издалека, можетъ быть или безжизненнымъ предметомъ, или животнымъ, или человѣкомъ. У меня есть о немъ только неопредѣленное

представленіе, но это представленіе дѣйствительно существуетъ. Если этотъ предметъ приближается, то его величина измѣняется посредствомъ *расширенія*; онъ становится немного больше черной точки. Но такимъ путемъ я не могу получить другія качества, по которымъ я узнаю въ этомъ предметѣ звѣря или человѣка; эти качества являются результатомъ *качественныхъ измѣненій*. Можно допустить, что эти качественныя измѣненія непрерывны. Но эти измѣненія, собственно говоря, настолько же мало были бы ассоціаціоннымъ явленіемъ, какъ и варіированіе образовъ, остающихся послѣ воспріятія (ebenso wenig wie das Variiren der Nachbilder Association ist). Можно было бы представить, что красный цвѣтъ яблока постепенно теряетъ свою насыщенность, пока наконецъ мы не получимъ сѣраго цвѣта. Но если бы мы захотѣли утверждать, что представленіе одного оттѣнка цвѣта вызываетъ представленіе менѣе насыщеннаго оттѣнка по ассоціаціи, то это (по крайней мѣрѣ, у тѣхъ, кто не пользуется скалой оттѣнковъ) во всякомъ случаѣ не ассоціація по смежности, а ассоціація по сходству. Нѣтъ никакого основанія допускать, что оттѣнки или формы, имѣющіе большое сходство другъ съ другомъ, поэтому, должны были часто появляться вмѣстѣ. — Если измѣненія происходятъ не постепенно, то причина этого опять таки заключается не въ ассоціаціи по смежности. При всякомъ новомъ качественномъ переходѣ должно существовать сродное качество, являющееся на смѣну предшествующему.

Сродство (Die Verwandschaft)—единственный мотивъ, позволяющій мыслить такое качественное варіированіе представленій» (1890, 172).

3) Разбирая попытку свести ассоціацію сходства на смежность при помощи указанія на слово, какъ посредствующее звено, Геффдингъ признаетъ, что представленія словъ дѣйствительно играютъ выдающуюся роль въ процессахъ ассоціаціи *). Но онъ въ то же время напоминаетъ о большихъ индивидуальныхъ различіяхъ въ этомъ отношеніи: одни люди воспроизводятъ главнымъ образомъ реальныя представленія, другіе—представленія словъ, даже у одного и того же человѣка при различныхъ обстоятельствахъ представленія словъ играютъ различную роль (1890, 175). Въ результатѣ получается слѣдующее: «такъ какъ дѣйствительно существуютъ представленія, которыя обыкновенно не связываются со словами (приложеніе одного и того же слова къ сроднымъ явленіямъ предполагаетъ ассоціацію сходства между соотвѣтствующими представленіями), и такъ какъ словесная ассоціація, очевидно, часто является лишь содѣйствующимъ факторомъ, то невозможно *всѣ* ассоціаціи сходства объяснять, какъ ассоціаціи по смежности, устанавливаемыя при помощи слова» (1890, 180).

4) Не видя никакого основанія допускать принципіальное различіе между процессами ассоціаціи и сравненія, Геффдингъ не видитъ основаній и для того, чтобы вообще не признавать сходства (помимо смежности) достаточнымъ факторомъ для объясненія явленій ассоціаціи. Спрашивается: какимъ образомъ сходство можетъ вызвать представленіе, если прежде въ сознаніи не произошло

сравненія этого представленія съ тѣмъ изъ наличныхъ, которое должно его вызвать? — «Конечно,— отвѣчаетъ на это Геффдингъ,— здѣсь мы встрѣчаемся съ очень удивительнымъ свойствомъ сознанія; но развѣ это удивительнѣе того, что мы ежедневно находимъ въ ассоціаціи смежности и во всякомъ воспоминаніи? Въ этомъ и заключается особенность высшихъ формъ жизни, что онѣ независимы отъ единичныхъ моментовъ и единичныхъ мѣстъ и могутъ образовать функціи, далеко переступающія границы пространства и времени (Es ist eine Eigenthümlichkeit der höheren Lebensformen, dass sie von dem einzelnen Moment und dem einzelnen Ort unabhängig sind und Funktionen ausüben können, welche weit über Begrenzung der Zeit und des Raumes hinwegdeuten). Во всякомъ воспоминаніи и во всякой дѣятельности мышленія, во всякомъ инстинктѣ и во всякомъ влеченіи заключается это своеобразное свойство или, если угодно, эта идеальность. При помощи ассоціаціи смежности сознаніе связываетъ то, что различно по свойствамъ, хотя и дано вмѣстѣ (zusammengehört) въ пространствѣ и времени. Эта «совмѣстность» (Zusammengehören) въ пространствѣ и времени тѣмъ не менѣе не уничтожаетъ различія представленій, — и это лишь одно воображеніе, если думаютъ, что возможно лучше понять тотъ фактъ, что a въ состояніи вызвать b, чѣмъ тотъ, что a_1 въ состояніи вызвать a_2. При ассоціаціи сходства существуетъ различіе въ отношеніи пространства и времени и тожество, однородность или аналогія — въ свойствѣ (Beschaffenheit). Правда, здѣсь сопоставляется нѣчто, что еще никогда не сопоставлялось въ сознаніи; но развѣ сходство содержанія представленія не должно имѣть возможности взять перевѣсъ (aufwiegen) надъ близостью по пространству и времени? Спрашиваютъ, какимъ образомъ сознаніе можетъ представлять себѣ что нибудь только потому, что оно похоже на что нибудь другое, если только прежде обѣ части не сравнивались имъ? Но съ такимъ же правомъ можно было бы спросить: какимъ образомъ сознаніе можетъ представлять что бы то ни было только потому, что раньше оно выступало одновременно съ чѣмъ нибудь другимъ или непосредственно слѣдовало за нимъ, и если при этомъ у него не является воспоминанія объ этомъ предшествующемъ появленіи (wenn es sich nicht erst dieses früheren Eintretens erinnert). Бываетъ много случаевъ, когда мы удивляемся нашимъ собственнымъ ассоціаціямъ по смежности, и только при ближайшемъ разсмотрѣніи становится яснымъ, что это—воспроизведенія чего нибудь прежде пережитаго; часто для того, чтобы найти объясненіе, нужно даже обратиться къ грезамъ—въ бодрственномъ или сонномъ состояніи».

IV. Въ противоположность утвержденію Лемана, Геффдингъ доказываетъ, что принятіе ассоціаціи сходства, какъ процесса, несводимаго къ ассоціаціи смежности, не нарушаетъ цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ. «Думаютъ, — говоритъ онъ, — что физіологическое объясненіе ассоціаціи сходства отличается совсѣмъ особенной трудностью. Объясняя ассоціацію по смежности, пользуются аналогіей съ рядомъ

движеній, на которыхъ оказываетъ вліяніе упражненіе, и которыя, вслѣдствіе повторенія, невольно слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и прежде; для ассоціаціи же сходства нельзя указать ни одного соотвѣтствующаго процесса. Однако здѣсь, кажется, нѣтъ никакой принципіальной трудности. Если мы думаемъ, что каждому представленію соотвѣтствуютъ извѣстныя колебанія молекулъ мозга (или извѣстной части мозга), то, въ случаѣ существованія въ сознаніи тенденціи къ ассоціаціи по сходству, мозгъ будетъ имѣть наклонность производить рядъ колебаній, сходныхъ съ тѣми, которыя соотвѣтствуютъ представленію, образующему исходный пунктъ ассоціаціи сходства. Одна и та же форма или одно и то же направленіе колебаній будетъ соединена съ извѣстными измѣненіями. Пожалуй, можно было бы представлять себѣ это дѣло по аналогіи съ рядомъ волнъ, одной и той же основной формы и направленія, которыя образуются, если бросить въ воду камень. Такой способъ объясненія ничуть не гипотетичнѣе, чѣмъ соотвѣтствующее физіологическое объясненіе ассоціаціи по смежности» (1890, 188).

Отрицаніе необходимости и возможности сведенія ассоціаціи сходства къ смежности, съ точки зрѣнія Геффдинга, нисколько не мѣшаетъ удовлетворенію совершенно законнаго стремленія къ широкому научному обобщенію при толкованіи психическихъ явленій. «Всякая ассоціація, говоритъ Геффдингъ,—есть воспроизведеніе; но особенность ассоціаціи сходства заключается въ томъ, что при ней одно представленіе воспроизводится изъ другого, съ которымъ прежде оно не было связано. Въ этомъ заключается новое, «творческое» (1890, 187). «Ассоціація, какъ показываетъ самое слово, есть связующая дѣятельность. То, что происходитъ при всякой ассоціаціи, сводится собственно къ слѣдующему: изъ даннаго единичнаго элемента сознанія (Bewusstseinselement) сознаніе построяетъ, въ силу одновременно дѣйствующихъ принциповъ сходства и смежности, большій комплексъ (einen grösseren Zusammenhang), въ которомъ данный элементъ сознанія образуетъ отдѣльный членъ. Поэтому основнымъ закономъ ассоціаціи представленій становится «*ассоціація между частью и цѣлымъ*» (1890, 181).

Для того, чтобы полемика между Леманомъ и Геффдингомъ предстала предъ нами въ болѣе полномъ видѣ, необходимо еще обратить вниманіе на тѣ мѣста изъ статей Геффдинга, гдѣ онъ устанавливаетъ свое отношеніе къ англійскимъ психологамъ (какъ извѣстно, Леманъ заявлялъ, въ началѣ своей работы, что она направлена противъ Геффдинга и его англійскихъ единомышленниковъ).

Въ одномъ мѣстѣ (1890, 190), говоря объ Юмѣ, Геффдингъ называетъ «односторонностью прежней (англійской и гербартіанской) ассоціаціонной психологіи, что она разсматривала ощущенія и представленія, какъ совершенно самостоятельныя вещи, которыя только совершенно внѣшнимъ образомъ связуются другъ съ другомъ». «Единство сознанія понимали только, какъ *результатъ* ассоціаціи и не замѣчали, что всякая ассоціація уже *предполагаетъ* его».

«Англійскіе психологи, — говоритъ Геффдингъ, — которые (начиная съ *Уильяма Гамильтона*) признавали ассоціацію сходства необходимымъ условіемъ появленія ассоціаціи смежности, выражались при этомъ такимъ образомъ, что давали поводъ къ недоразумѣніямъ. Они говорили такъ: съ *B* было связано не то *A*, das wir jetzt vermissen, но прежнее *A*; слѣдовательно, данное теперь *A* должно вызвать прежнее *A*, и только это *A* вызываетъ *b*. Напримѣръ, Стюартъ Милль (въ примѣчаніи 35 къ первому тому своего изданія сочиненія Джемса Милля «Analysis of the human Mind») говоритъ: «My present sensatio could not remind me of those former sensations unlike itself, unless by first reminding me of the sensations like itself, which really did coexist with them». Это мѣсто, при его буквальномъ и чисто внѣшнемъ пониманіи, даетъ легкій поводъ къ насмѣшкѣ тому критику, который, оспаривая данную теорію, прицѣпился бы къ словамъ и забылъ, что всѣ психологическія обозначенія—метафоры. «Подумайте! С. Милль полагаетъ, что я, встрѣтивъ человѣка, котораго прежде видѣли вмѣстѣ съ его женой, сначала долженъ былъ бы подумать о всѣхъ прежнихъ разахъ, когда я его видѣлъ, и лишь затѣмъ могъ бы перейти къ мысли объ его женѣ»! Но прежде, чѣмъ приписывать подобную нелѣпость такому человѣку, какъ Милль, слѣдовало бы хорошенько вчитаться въ его слова и не выхватывать отдѣльныхъ выраженій изъ контекста. Дальше Милль опредѣленно называетъ только что отмѣченное «воспоминаніе о прежнихъ ощущеніяхъ» предположеніемъ узнаванія, предположеніемъ, которое само не выступаетъ въ сознаніи. Онъ говоритъ: «This is *implied* in what we call recognizing n sensation as one which we have had before». Промахъ англійскихъ психологовъ въ этомъ пунктѣ заключался прежде всего въ довольно рѣзкомъ (hinlänglich scharfe) различіи между фактомъ и теоріей. Если объяснять узнаваніе воспроизведеніемъ, то оно (будучи понятнымъ лишь при допущеніи, что въ немъ дѣйствуетъ то же самое, что дѣйствовало при самостоятельномъ и свободномъ воспоминаніи) происходитъ нѣсколько другимъ образомъ. Между узнаваніемъ и свободной ассоціаціей по сходству слѣдуетъ дѣлать различіе и въ томъ случаѣ, если ими пользуются для освѣщенія другъ друга и если первое понимается, какъ случай, пограничный съ послѣдней. Во вторыхъ, англійскіе изслѣдователи не придали достаточнаго значенія тому, что фактъ, подлежащій объясненію, т. е. качество знакомости (Bekanntheitsqualitat), порождается повтореніемъ и упражненіемъ, и что эти причины должны впослѣдствіи привести къ тому, что актъ узнаванія приблизится къ порогу сознанія, даже перешагнетъ его и во всякомъ случаѣ едва станетъ предметомъ вниманія, такъ какъ (da) новое или менѣе извѣстное (если съ узнаваніемъ не соединено никакого особеннаго интереса) легче привлекаетъ вниманіе».

На возраженія Геффдинга Леманъ отвѣчалъ статьей «Kritische und experimentelle Studien über das Wiedererkennen» (Philosophische Studien, VII, стр. 169 —

212, 1892), въ которой продолжалъ настаивать на первоначально выставленныхъ имъ пунктахъ, доказывая, что

I. случаи «непосредственнаго узнаванія», приводимые Геффдингомъ, не убѣждаютъ въ необходимости признавать ассоціацію сходства, какъ особый принципъ объясненія психическихъ явленій;

II. точка зрѣнія, рекомендуемая Геффдингомъ, во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ методологическую несообразность, такъ какъ требуетъ объясненія сравнительно извѣстнаго тѣмъ, что сравнительно неизвѣстно;

III. доказательство необходимости ассоціаціи сходства для появленія ассоціаціи смежности, въ связи съ выводомъ о невозможности сведенія ассоціаціи сходства на смежность, заключаетъ въ себѣ предположенія, не только не доказуемыя, но и не согласныя съ самонаблюденіемъ, и

IV. психо-физіологическая теорія Геффдинга, построенная имъ для объясненія ассоціаціи сходства, при сопоставленіи съ фактами, возбуждаетъ рядъ недоумѣній.

Свои положенія Леманъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ:

I. Примѣры непосредственнаго узнаванія, выставленные Геффдингомъ, могутъ быть, по мнѣнію Лемана, раздѣлены на двѣ группы: въ однихъ узнаваемое является дѣйствительно простымъ, не сложнымъ ощущеніемъ, въ другихъ — узнаваемое только повидимому сознается, какъ нѣчто единое, а на самомъ дѣлѣ есть нѣчто сложное. Послѣдніе примѣры не могутъ имѣть силы возраженій противъ теоріи, защищаемой Леманомъ. Что же касается примѣровъ первой группы, то по поводу нихъ Леманъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «Если представленіе вдругъ появляется въ сознаніи съ извѣстнымъ качествомъ знакомости, то на основаніи самонаблюденія мы вовсе не можемъ установить, какимъ образомъ осуществляется узнаваніе, качество знакомости. Слѣдовательно, здѣсь передъ нами совершенно неизвѣстное явленіе, которое остается объяснять гипотезой. Конечно, можно, если угодно, взять съ вѣтру какую нибудь гипотезу и на этомъ успокоиться. Но можно также изслѣдовать, какъ происходитъ узнаваніе въ тѣхъ случаяхъ, которые доступны самонаблюденію, и до поры, до времени считать результаты этого изслѣдованія приложимыми къ недоступнымъ случаямъ непосредственнаго узнаванія... Всюду, гдѣ мы можемъ наблюдать явленіе узнаванія сложныхъ воспріятій, оказывается, что первыя воспріятія воспроизводятъ образы воспоминанія, которыя заслоняются слѣдующими воспріятіями, и, слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ качество знакомости является призрачно—не сложнымъ результатомъ сложнаго психофизическаго процесса. Тамъ, гдѣ сложныя воспріятія сознаются, какъ нѣчто непосредственно извѣстное, очень легко можно допустить, что весь этотъ процессъ происходитъ ниже порога сознанія, — и я не знаю ни одного факта, который бы противорѣчилъ этому [1]).

[1]) Philos. St., VII, 178.

Свою точку зрѣнія на случаи такъ называемаго непосредственнаго узнаванія Леманъ выясняетъ на рядѣ фактовъ, добытыхъ имъ при помощи спеціально для этого поставленныхъ опытовъ.

Леманъ предлагалъ испытуемымъ нюхать флаконы съ разными пахучими веществами, причемъ просилъ опредѣлять, насколько знакомъ данный запахъ. Такому изслѣдованію было подвергнуто 7 лицъ, при чемъ надъ каждымъ было произведено 62 опыта.

Оказалось, что въ громадномъ количествѣ случаевъ ощущенія тотчасъ же вызывали представленія. Въ 44,9% всѣхъ случаевъ данныя ощущенія запаха сейчасъ же пробудили ассоцированныя представленія, изъ которыхъ 9,6% были ошибочными и 35,5%—правильными. Нѣсколько рѣже, при воспріятіи данныхъ запаховъ сейчасъ же воспроизводились имена (27,6%), — правильныя (20,6%) или ошибочныя (7,0%). Въ 13,6% всѣхъ случаевъ данныя ощущенія были признаны совершенно неизвѣстными. И только въ 7,0% всѣхъ случаевъ ощущенія признавались извѣстными, причемъ испытуемый не могъ вызвать никакихъ связанныхъ съ нимъ ассоціацій. Леманъ полагаетъ, что ничтожное количество случаевъ послѣдняго рода слѣдуетъ объяснять по аналогіи съ громаднымъ большинствомъ другихъ случаевъ, въ которыхъ ясно выступаетъ значеніе ассоціацій въ процессѣ узнаванія. При этомъ онъ отмѣчаетъ одно явленіе, которое плохо вяжется съ гипотезой Геффдинга и даетъ лишній поводъ допускать при такъ называемомъ «непосредственномъ узнаваніи» вліяніе ассоціаціонныхъ процессовъ, протекающихъ ниже порога сознанія. «Если бы, говоритъ Леманъ,—качество знакомости дѣйствительно было такъ непосредственно дано съ ощущеніемъ, какъ принимаетъ Геффдингъ, то едва ли можно понять, почему часто требуется такъ долго думать, чтобы составить простое сужденіе «знакомо»... Испытуемый подноситъ флаконъ къ своему носу. Его лицо принимаетъ сосредоточенное выраженіе. Тогда я вдругъ задаю вопросъ: «Знаете вы этотъ запахъ?»—«Я еще не знаю этого»,—отвѣчаетъ онъ. Но черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже опредѣленно знаетъ, что данный запахъ ему знакомъ. Какъ же это возможно? Вѣдь предрасположенія къ опредѣленному движенію въ мозгу (о которыхъ говоритъ Геффдингъ) необходимо должны обнаруживаться въ тотъ самый моментъ, когда возбуждается мозгъ и возникаетъ ощущеніе; откуда же является скрытое время качества знакомости? [1]).

Въ двухъ случаяхъ, гдѣ обонятельное ощущеніе было отмѣчено просто какъ знакомое, Леману, какъ онъ думаетъ, посчастливилось вызвать связанныя съ нимъ представленія, находившіяся ниже порога сознанія.

Въ одномъ случаѣ былъ данъ запахъ сивушнаго масла. Испытуемый призналъ его знакомымъ, но совершено не могъ опредѣлить. Тогда Леманъ сказалъ: «Припомните гимназическій классъ NX» (въ этомъ классѣ гимназіи, гдѣ

[1]) Phil. Stud., VII, 192.

прежде учился испытуемый, помѣщался шкафъ съ зоологическими препаратами, хранившимися въ плохо закупоренныхъ банкахъ съ не очищеннымъ спиртомъ имѣющимъ, какъ извѣстно, сивушный запахъ). Тогда испытуемый сейчасъ же воскликнулъ: «Да, пахнетъ спиртовыми препаратами». — Въ другомъ случаѣ былъ данъ запахъ толуидина (Toluidin), очень пахучаго вещества, входящаго въ составъ мочи лисицъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Испытуемый также призналъ запахъ просто знакомымъ. Леманъ спросилъ: «Вы никогда не бывали въ Зоологическомъ саду?» На это сейчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ: «Клѣтка гіены!» [1])

— Въ обоихъ случаяхъ—поясняетъ по этому поводу Леманъ,—оказывается, что нужно было только направить вниманіе въ опредѣленную сторону для того, чтобы тотчасъ же выступили въ сознаніи ассоціаціи, тѣсно связанныя съ обонятельными ощущеніями. Слѣдовательно, онѣ несомнѣнно уже были возбуждены обонятельными ощущеніями, но только не могли подняться выше порога сознанія. Не смотря на это, едвали можно сомнѣваться, что онѣ имѣли значеніе для состоянія сознанія, а отсюда недалеко уже до признанія, что онѣ служатъ основой качества знакомости (Bekanntheitsqualität) ощущенія. При такомъ допущеніи становится понятнымъ, почему (какъ это указывалось выше) требуется дѣйствительно подумать прежде, чѣмъ признать ощущеніе просто или «непосредственно» извѣстнымъ. Испытуемый ищетъ ассоціацій. Если онѣ совсѣмъ не могутъ быть найдены, то ощущеніе остается незнакомымъ; если же онѣ найдены, то при помощи ихъ ощущеніе узнано. Все дѣло теперь только въ томъ, насколько отчетливо будутъ воспроизведены ассоціированныя представленія. Если они остаются ниже порога сознанія, то ощущеніе просто узнано (bekannt) или, какъ выражается Геффдингъ, «непосредственно» узнано (unmittelbar bekannt); напротивъ, если эти представленія выступаютъ въ сознаніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и ощущеніе [2]).

II. Въ первой своей статьѣ Леманъ старался доказать, что въ основѣ «гипотезы сходства» лежатъ нелѣпыя психологическія воззрѣнія. Геффдингъ рѣшительно высказался противъ такого предположенія и доказывалъ, что принятіе данной гипотезы не заключаетъ въ себѣ никакихъ немыслимыхъ предпосылокъ. Тѣмъ не менѣе Леманъ продолжаетъ настаивать, что въ самой попыткѣ объяснять «непосредственное» узнаваніе особой гипотезой кроется логическая несообразность.

Геффдингъ, по мнѣнію Лемана, пытается объяснять сравнительно извѣстное (случаи узнаванія съ опредѣленіемъ), исходя изъ сравнительно неизвѣстнаго (непосредственное узнаваніе) [3]), причемъ безъ достаточныхъ основаній

---

[1]) Phil. St., VII, 194

[2]) Phil. Stud., VII, 194.

[3]) Phil. Stud., VII., 178.

допускаетъ, что узнаванiе само по себѣ и опредѣленiе узнаннаго осуществляются при помощи двухъ различныхъ процессовъ [1]).

Это положенiе Леманъ развиваетъ, отвѣчая Геффдингу на разборъ его опытовъ, опубликованныхъ въ первой статьѣ.

Разбирая опыты Лемана съ узнаванiемъ зрительныхъ ощущенiй, Геффдингъ заключаетъ: «Если бы узнаванiе было непосредственнымъ, то, по мнѣнiю Лемана, при опытахъ съ двумя кругами (нормальнымъ кругомъ *n* и *l*) *n* должно было бы легче узнаваться, чѣмъ *l*. Но это ни откуда не слѣдуетъ. Вѣдь здѣсь выборъ не между узнаванiемъ *n* и *l*, а между тѣмъ, признаютъ ли второй кругъ (*n* или *l*) равнымъ первому (*n*), или отличнымъ отъ него. А это нѣчто другое. Вѣдь ни откуда еще не слѣдуетъ, что легкость узнаванiя *n* должна возрастать подъ влiянiемъ упражненiя въ большей степени, чѣмъ способность находить различiе между *n* и *l*» [2]).—Леманъ, охотно принимая это замѣчанiе, всетаки не понимаетъ, какимъ образомъ возможно согласить его съ точкой зрѣнiя Геффдинга. «Съ точки зрѣнiя теорiи предрасположенiя узнаванiе есть нѣчто столь простое, что даже не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, чтобы оно совершалось при помощи сознательнаго сравненiя. По всей вѣроятности, возраженiе Геффдинга надо понять въ томъ смыслѣ, что указанные опыты представляли собой не непосредственное узнаванiе, а нѣкоторое опредѣленiе, отмѣчиванiе узнаннаго и лишь это отмѣчиванiе вызывало сравненiе. Слѣдовательно, и здѣсь допускаются два различныхъ процесса: во-первыхъ, данное ощущенiе признается знакомымъ, во-вторыхъ—оно признается равнымъ другому ощущенiю или отличнымъ отъ него» [3]).

«Однако,—говоритъ Леманъ,—мои самонаблюденiя при этихъ опытахъ не могутъ подтвердить этого допущенiя. Въ тотъ моментъ, когда показывается кругъ для сравненiя, сразу появляется (drängt sich) въ сознанiи сужденiе «равно» или «не равно», появляется до такой степени непосредственно, что совсѣмъ не замѣчаютъ двухъ фазъ узнаванiя. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, что ихъ нѣтъ, но мнѣ кажется, что подобнаго рода допущенiе совершенно излишне. Если опредѣляемый кругъ оцѣнивается, какъ равный нормальному, то примитивное сравненiе, несомнѣнно имѣющее здѣсь мѣсто, приводитъ именно къ двойному результату: наблюдатель не только знаетъ, что данное ощущенiе знакомо, но онъ знаетъ даже, какое это ощущенiе (именно то, которое было получено отъ нормальнаго круга). Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ будетъ совершенно лишнимъ и неосновательнымъ принимать, кромѣ сравненiя, какой-нибудь другой процессъ, при помощи котораго должна явиться знакомость ощущенiя. Напротивъ, если данное ощущенiе оцѣнивается, какъ нѣчто отлич-

---

[1]) Phil. Stud., VII, 201.
[2]) Vierteljahresschrift, 1890, 35.
[3]) Phil. Stud., VII, 202.

ное отъ нормальнаго круга, то сравненіе приводитъ только къ одному, совершенно отрицательному для даннаго ощущенія, результату, при чемъ возможны два случая. Иногда оцѣниваемое ощущеніе является въ сознаніи, какъ что то незнакомое, и это часто происходитъ въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ рѣдко встрѣчающимися ощущеніями... Признавать въ подобномъ случаѣ непосредственное качество знакомости ощущенія значило бы стать въ противорѣчіе со всякимъ самонаблюденіемъ. Иногда же оцѣниваемое ощущеніе представляется наблюдателю знакомымъ, и тогда это качество знакомости также хорошо можетъ быть объяснено теоріей смежности при помощи какой-нибудь ассоціаціи, какъ и гипотезой Геффдинга» [1]).

III. Разбирая мнѣніе Геффдинга, утверждающаго, что всякая ассоціація по смежности предполагаетъ ассоціацію по сходству (по крайней мѣрѣ, въ формѣ непосредственнаго узнаванія), Леманъ прежде всего отмѣчаетъ полную логичность этого утвержденія съ точки зрѣнія выставленной Геффдингомъ «Теоріи предрасположеній». Дѣйствительно, если (согласно теоріи Геффдинга) повторяется опредѣленное движеніе мозга, то вмѣстѣ съ ощущеніемъ дается также его «качество знакомости», именно потому, что въ данномъ случаѣ существовало предрасположеніе къ опредѣленному движенію мозга. А такъ какъ два ощущенія A и B не могутъ ассоціироваться по прямой смежности безъ того, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ разъ не явиться одновременно въ сознаніи (отчего сейчасъ же порождается предрасположеніе къ обоимъ этимъ движеніямъ), то впослѣдствіи A не можетъ воспроизводить b безъ того, чтобы прежде не было узнано само A «Теорія смежности,—замѣчаетъ по этому поводу Леманъ,—можетъ совершенно согласиться съ физіологической частью этого разсужденія. Я самъ ясно высказывался что ассоціація смежности состоитъ только въ порожденномъ упражненіемъ предрасположеніи къ опредѣленнымъ движеніямъ мозга (Phil. Stud., V, 107(.о. Но одно дѣло — указывать необходимое физіологическое условіе психическаго явленія и другое—приписывать этому физіологическому явленію такое значеніе, которое, само по себѣ, невѣроятно» [2]).

Доказывая неосторожность объясненія процесса узнаванія теоріей смежности, Геффдингъ, по мнѣнію Лемана, впадаетъ во внутреннее противорѣчіе со своими собственными объясненіями этого явленія. Геффдингъ замѣчаетъ: «Если оттѣнокъ A возбуждаетъ словесное представленіе b, то въ этотъ самый моментъ, когда произнесено или живо представлено знакомое имя, совершается актъ узнаванія b, что даетъ намъ поводъ снова поднять вопросъ о непосредственномъ узнаваніи» [3]). На это Леманъ возражаетъ такъ: «По мнѣнію Геффдинга, выходитъ, что нельзя узнать A при помощи b, такъ какъ b само должно

[1]) Phil. Stud., VII, 202.
[2]) Phil. Stud., VII, 211.
[3]) Vierteljahrsschr., 1890, 37.

быть узнано. Я не понимаю этого возраженія, такъ какъ, съ моей точки зрѣнія, совершенно то же самое можно сказать противъ теоріи предрасположеній Геффдинга. Если, по Геффдингу, A узнается вслѣдствіе того, что имъ воспроизводится a, то спрашивается, какъ же это возможно, если только прежде не будетъ узнано a. Какъ же это происходитъ? Можетъ быть, такъ, что a воспроизводитъ a_1, которое, со своей стороны, воспроизводитъ a_2 и такъ до безконечности?

... По мнѣнію Геффдинга, узнаваніе основано на томъ, что повторяющееся ощущеніе (именно потому, что оно не ново) связано съ чѣмъ то такимъ психическимъ, что не можетъ быть связано съ совершенно новымъ ощущеніемъ,— и въ этомъ именно лежитъ причина, что оно сознается, какъ нѣчто знакомое. Но вѣдь то же самое думаютъ и приверженцы теоріи смежности. Разница между двумя взглядами состоитъ только въ томъ, что Геффдингъ ищетъ качества знакомости въ психическомъ, которое можно вывести изъ большей легкости повторяющихся движеній мозга, между тѣмъ какъ теорія смежности видитъ его въ воспроизведеніи какого-нибудь представленія» [1]).

IV. Физіологическое объясненіе ассоціаціи сходства, предложенное Геффдингомъ, представляется Леману мало доказательнымъ.

Основное возраженіе Лемана сводится къ слѣдующему. «Геффдингъ,—говоритъ онъ,—вполнѣ правъ, говоря, что повтореніе раздраженія A вызываетъ совсѣмъ не ощущеніе A, но психическое состояніе $A+x$, гдѣ x обозначаетъ большую легкость повторнаго движенія. Только я не могу допустить, чтобы x было равно a, т. е. воспроизведенію прежняго ощущенія A. Скорѣе я готовъ признать, что x представляетъ собою эмоціональный элементъ, чувственный тонъ. Извѣстно, что повтореніе часто можетъ имѣть замѣтно пріятный тонъ и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что чувственный тонъ ощущенія находится въ тѣсномъ отношеніи къ легкости того психофизическаго процесса, въ результатѣ котораго получается ощущеніе» [2]).

Леманъ не отрицаетъ того, что бóльшая легкость психофизическаго процесса, достигаемая повтореніемъ ощущенія, является психически — замѣтной величиной. Но онъ отказывается признать этотъ психическій коррелатъ элементомъ ощущенія.

«Если,—говоритъ онъ,—вмѣстѣ съ Геффдингомъ считать этотъ коррелатъ элементомъ ощущенія, то придется допустить въ высшей степени невѣроятную гипотезу, что опредѣленное движеніе въ мозгу и большая или меньшая легкость этого движенія сопровождаются однимъ и тѣмъ же психическимъ процессомъ. Поэтому надо принять, что психическій коррелатъ предрасположенія мозговыхъ движеній есть нѣчто другое, и въ такомъ случаѣ я положительно

---

[1]) Phil. Stud., VII, 198.
[2]) Phil. Stud., VII, 183.

не знаю, чѣмъ онъ могъ бы быть, кромѣ чувственнаго тона. Но, принявъ это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что качество знакомости (во всѣхъ приведенныхъ здѣсь случаяхъ [1]) не можетъ быть психическимъ коррелатомъ большей легкости мозговыхъ движеній, потому что съ каждымъ обонятельнымъ ощущеніемъ, будетъ ли оно знакомымъ, или незнакомымъ, всегда связанъ такой сильный чувственный тонъ, что немыслимо допустить, чтобы качество знакомости могло состоять въ усиленіи или ослабленіи этого чувственнаго тона» [2]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Трагическое.

Проф. Л. А. Саккетти.

(Продолженіе).

Чѣмъ мучительнѣе страданія злодѣя, тѣмъ болѣе производимое имъ на насъ впечатлѣніе окрашивается въ трагическій колоритъ. Вотъ причина магическаго дѣйствія, производимаго на читателя адомъ Данте. Этотъ адъ кишитъ самыми страшными преступниками, способными внушить намъ лишь ужасъ и отвращеніе. Но души этихъ преступныхъ людей обречены на вѣчныя муки. Эта вѣчность мученій намъ кажется несоразмѣрной съ совершенными злодѣяніями, какъ бы послѣднія ни были ужасны. Вѣдь эти преступленія содѣяны въ земной жизни надъ существами, которыя своею смертью кончили всѣ счеты со своей судьбой. Жертва преступленія, какимъ бы страданіямъ ни подвергалась, всетаки испытывала ихъ лишь временно, и какъ бы ни была страшна ея гибель, все же наступившій вожделѣнный конецъ прекратилъ все. А въ аду мученія такія, что самыя страшныя земныя страданія представляютъ лишь слабый отблескъ того, что ждетъ грѣшника въ преисподней, гдѣ мученія не кончаются никогда.

Въ средніе вѣка католическое духовенство создало цѣлую литературу объ адскихъ мукахъ. Въ ней описывается дьяволъ, привязанный раскаленными цѣпями на жгучемъ рашперѣ въ центрѣ ада. Мрачные своды этой юдоли печали повторяютъ вопли дьявола, терзаемаго нестерпимыми муками. Но руки его свободны, и онъ ими схватываетъ погибшія души, грызетъ ихъ своими зубами и вдыхаетъ ихъ въ огненное пекло своего горла. Демоны раскаленными желѣзными крючьями погружаютъ грѣшныя души поперемѣнно то въ огонь, то въ ледъ. Нѣкоторые изъ погибшихъ повѣшаны за языкъ, другіе распилены, искусаны змѣями, биты по нѣскольку вмѣстѣ на наковальнѣ и превращены въ одну сплошную массу, сварены и процѣжены черезъ полотно и

[1]) Описанные выше опыты Лемана.
[2]) Phil. Stud., VII, 191.

скручены въ объятіяхъ демоновъ съ огненными членами. Адскій огонь такъ ужасенъ, что въ сравненіи съ нимъ земной есть лишь его слабое подобіе. Къ нему примѣшана сѣра, чтобы увеличить его жаръ и придать ему зловоніе. Адскій огонь существенно отличается отъ земного тѣмъ, что не испускаетъ свѣта, и темнота усиливаетъ ужасъ мученій грѣшниковъ. Надъ пропастью находится узкій мостъ, откуда души грѣшниковъ низвергаются въ мракъ. Впрочемъ, адъ не совсѣмъ лишенъ свѣта: въ тихій вечеръ, когда солнце садится во всей своей божественной красѣ, оно разливаетъ по небу чарующіе цвѣта—по ученію древняго Саксонскаго Катехизиса это прекрасное явленіе объясняется тѣмъ, что солнце въ это время смотритъ въ адъ *).

Страшныя физическія муки, представлявшіяся воображенію того, кто понималъ адъ въ чувственномъ смыслѣ, смѣняются еще болѣе ужасными страданіями въ адѣ духовномъ. Такъ, напримѣръ, въ романѣ Достоевскаго «Братья Карамазовы» старецъ Зосима на вопросъ: «Что есть адъ?» отвѣчаетъ такъ: «Страданія о томъ, что нельзя уже болѣе любить!» Разъ, въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, съ появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: «я есть и я люблю». Разъ, только разъ, дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и что же: отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не оцѣнило его, не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось безчувственнымъ». «Говорятъ о пламени адскомъ матеріальномъ: не изслѣдую тайну сію и страшусь, но мыслю, что еслибъ и былъ пламень матеріальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю такъ, въ мученіи матеріальномъ хоть на мигъ позабыть бы ими страшнѣйшія сего муки духовныя. Да и отнять у нихъ эту муку духовную невозможно, ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ». «О, есть и въ адѣ пребывшіе гордыми и свирѣпыми, не смотря уже на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой: есть страшные, пріобщившіеся сатанѣ и гордому духу его всецѣло. Для тѣхъ адъ уже добровольный и ненасытимый; тѣ уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, проклявъ Бога и жизнь. Злобной гордостью своею питаются, какъ если бы голодный въ пустынѣ кровь собственную свою сосать изъ своего же тѣла началъ. Но ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отвергаютъ, Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ, Бога живаго безъ ненависти созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожилъ себя Богъ и все созданіе Свое. И будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и небытія, но не получать смерти **).

*) Lecky, History of european Morals from Augustus to Charlemagne. London. 1869. II p. 238.

**) Достоевскій, Братья Карамазовы. (Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1882. Томъ XIII, стр. 359—360).

И вотъ, подъ гнетомъ ужасной перспективы вѣчныхъ мукъ, жили люди, нося въ своемъ сердцѣ предвкушеніе ада.

Трагическимъ ужасомъ вѣетъ отъ догмата Божественнаго предопредѣленія, въ силу котораго часть человѣчества предназначена на вѣчное проклятіе. Бурже пишетъ объ одной картинѣ, на которой изображена благородная дама-іансенистка блѣдная съ блестящими глазами, полными безпокойства и страха. «Въ этомъ лицѣ, говоритъ онъ, столько аскетизма, что оно внушаетъ ужасъ. Въ этомъ тѣлѣ нѣтъ ни одной фибры, не проникнутой раскаяніемъ и не восклицающей: Боже мой, умилосердись надо мной. Это тотъ іансенизмъ, которымъ былъ пропитанъ и Паскаль, тотъ догматъ о предопредѣленіи къ блаженству и аду, то убѣжденіе, что добрыя дѣла безполезны безъ благодати». Но были смѣлые умы, сомнѣвавшіеся въ томъ, что милосердный Богъ могъ допустить вѣчно мучиться въ аду свое созданіе, которому лучше было бы не родиться совсѣмъ. Родившись помимо своего желанія, вступивъ въ жизнь, оно оказалось предопредѣленнымъ на вѣчныя страданія за грѣхи, къ которымъ ветрѣчало столько поводовъ. Сомнѣніе, закравшись въ душу, подстрекало умъ на критическое къ вѣрованіямъ отношеніе, считавшееся католицизмомъ за ересь. Трудно себѣ представить весь трагизмъ еретика въ прежнія времена! Даже если онъ не обнаруживалъ своихъ мнѣній, не подвергался преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства и пыткамъ инквизиціи, не былъ изгнанъ изъ своего общества, не былъ лишенъ общенія со своими родственниками и друзьями, все же въ душевномъ мірѣ свободный изслѣдователь и смѣлый мыслитель долженъ былъ переживать моменты страшнаго трагизма. Когда еще не было реформаціи, и католицизмъ одинъ царилъ надъ умами людей христіанскаго міра, отпавшій отъ церковнаго ученія еретикъ долженъ былъ испытывать весь ужасъ духовнаго одиночества. Католицизмъ училъ, что смерть, болѣзнь, всякое несчастіе есть кара небесъ за грѣхи. Въ тѣ времена естествовѣдѣніе еще не успѣло убѣдить людей въ томъ, что эти явленія зависятъ не отъ гнѣва Господа, а отъ законовъ природы. Всякая комета, всякая эпидемія казались наказаніемъ Божіимъ. Вокругъ была атмосфера, пропитанная полнымъ безконтрольнымъ легковѣріемъ. И вотъ смѣлый мыслитель идетъ одинъ противъ всѣхъ. Его ересь Церковь клеймила, какъ величайшій грѣхъ. Въ минуты слабости, сомнѣнія въ самомъ себѣ ему долженъ былъ представляться роковой вопросъ: его убѣжденія, противныя ученію католицизма, не навожденіе ли нечистой силы? Что его одинокій умъ въ сравненіи съ коллективнымъ могуществомъ духовенства и всѣхъ правовѣрныхъ народовъ? Тѣмъ не менѣе умъ мыслителя противился суевѣрію и сознавалъ въ себѣ силу идти по пути безпристрастнаго изслѣдованія, подготовившаго современное научное міросозерцаніе, свергнувшее иго мрачнаго теологическаго изувѣрства. Но человѣкъ, какъ бы ни былъ силенъ, не всегда въ состояніи выдерживать натискъ образовъ внушенныхъ ему съ дѣтства и запечатлѣнныхъ въ воображеніи, способномъ

по временамъ одерживать побѣду надъ самымъ строгимъ разумнымъ мышленіемъ. Воображеніе и разумъ должны были бороться во внутреннемъ мірѣ еретиковъ не на животъ, а на смерть и окрашивать существованіе такихъ борцовъ за идею въ мрачный трагическій колоритъ.

Высшаго трагизма достигалъ свободный мыслитель, жертвовавшій жизнію изъ-за безкорыстнаго служенія истинѣ, безъ всякой надежды на будущее возмездіе. Такимъ былъ Магометъ Эффенди, отрицавшій будущую жизнь, утверждавшій, что смерть есть вѣчный сонъ и сожженный за свою ересь на кострѣ. «Поведеніе этого турецкаго атеиста, пишетъ Лекки, убѣжденнаго въ томъ, что смерть есть вѣчный сонъ, отказывавшагося на кострѣ произнести отреченіе, которое могло бы спасти ему жизнь, и отвѣчавшаго на всѣ увѣщанія: «хотя нечего надѣяться на вознагражденіе, но любовь къ истинѣ принуждаетъ меня умереть въ ея защиту»,—съ точки зрѣнія разсудка—непостижимая глупость; и лишь съ высшей точки зрѣнія этотъ поступокъ является въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, какъ высшая форма добродѣтели» *).

Далекое эхо внутреннихъ трагедій, переживавшихся въ сердцахъ людей, вслѣдствіе религіозныхъ сомнѣній въ непогрѣшимости католицизма, донеслось до насъ въ одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи музыки. Одинокіе еретики въ средніе вѣка не смущали душевнаго покоя правовѣрнаго католика, смотрѣвшаго на нихъ, какъ на исчадіе ада. Но когда ересь сдѣлалась признанною религіею милліоновъ христіанъ, когда протестантизмъ окрѣпъ и сформировался въ особый религіозный міръ, то правовѣрный католикъ, если даже и оставался таковымъ, все же не могъ не переживать хотя бы иногда мимолетныхъ сомнѣній, которыя лишали его невозмутимаго, небеснаго покоя, вѣющаго отъ музыки композиторовъ XVI вѣка вообще и Палестрины въ особенности. Въ этотъ вѣкъ католическому Риму протестантизмъ все еще казался безопасною, эфемерною ересью. Но въ XVII вѣкѣ протестантизмъ получилъ въ глазахъ католика гораздо болѣе серьезное значеніе. Милліоны христіанъ отрицаютъ святость авторитета папы. Это стало весьма внушительнымъ фактомъ. Безоблачный покой вѣры, не поколебленной сомнѣніями, исчезъ для католиковъ. Поэтому, въ духовной католической музыкѣ XVII вѣка замѣчается присутствіе новаго элемента, безпокойнаго, страстнаго **). Новые, диссонирующіе, полные трагизма аккорды появляются, напримѣръ, у Лотти, венеціанскаго композитора XVII вѣка. Весьма знаменательно, что эта перемѣна въ духовной католической музыкѣ всего рельефнѣе обнаруживается въ Венеціи, которая по своему географическому и торговому положенію чаще остальной Италіи соприкасается съ протестантской Германіей.

*) Lecky, History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe. 3 ed. London. 1866. II, p. 404.

**) Naumann, Italienische Tondichter von Palestrina bis auf die Gegenwart. Berlin. 1876. S. 300—302.

Религіозныя сомнѣнія, ставя лицомъ къ лицу съ неразрѣшимыми міровыми проблемами, лишая человѣка наивной вѣры, дающей отвѣты на всѣ вопросы жизни, вносятъ трагическій элементъ и въ существованіе современнаго человѣка. «Я никогда не забуду, пишетъ Т. Жуффруа, тотъ декабрскій вечеръ, когда разорвалась завѣса, скрывавшая отъ меня самого мое невѣріе. Я еще слышу свои шаги въ той узкой и обнаженной комнатѣ, гдѣ я по обыкновенію долго ходилъ послѣ того, какъ часъ отхода ко сну уже пробилъ; я еще вижу луну, по временамъ выглядывающую изъ-за тучъ и освѣщавшую холодныя стекла. Часы ночи проходили незамѣтно. Я безпокойно слѣдилъ за своею мыслію, которая все глубже и глубже зондировала мою совѣсть и, разгоняя одну за другой всѣ иллюзіи, препятствовавшія моему взору, съ каждымъ мгновеніемъ ярче обнаруживала всѣ сокровеннѣйшіе изгибы моего сердца. Тщетно я хватался за эти вѣрованія, какъ утопающій за обломки корабля Устрашенный неизвѣданной пустотой, въ которой я очутился, я тщетно въ послѣдній разъ бросался къ моему дѣтству, къ моей семьѣ, къ моей странѣ, ко всему, что было мнѣ такъ дорого, такъ свято. Неумолимый потокъ моей мысли былъ сильнѣе. Мнѣ пришлось бросить все: и родныхъ, и семью, и воспоминанія, и вѣрованія. Изслѣдованіе продолжалось все упорнѣе, все строже, по мѣрѣ приближенія къ концу, и остановилось, лишь достигнувъ крайняго предѣла. Тогда я узналъ, что въ глубинѣ моего я все разрушено. Этотъ моментъ былъ ужасенъ. Когда къ утру совершенно измученный я бросился на свою постель, мнѣ показалось, что моя прежняя столь радостная, столь полная жизнь должна угаснуть, а вмѣсто нея начаться другая, мрачная и пустынная, въ которой мнѣ придется быть одному съ моей роковой, проклятой мыслію, обрекавшей меня на такое существованіе» *).

Сомнѣніе есть первый шагъ на пути къ отрицанію, являющемуся плодомъ критической мысли. Подъ ея внушеніемъ Каинъ Байрона, не удовлетворенный словами своихъ родителей, говоритъ:

У нихъ одинъ отвѣтъ на всѣ вопрсcы:
Того желала сила всеблагая.
Но развѣ все то благо, что̀ могуче?
Не знаю я. Сужу я по плодамъ,
Которые такъ горьки и даны мнѣ
За грѣхъ чужой тяжелымъ наказаніемъ.

Оттого Каинъ между людьми занимаетъ мѣсто, аналогичное Люциферу между духами, объясняющему отвѣты родителей Каину:

— Такъ говорить должны они подъ страхомъ
Тѣмъ сдѣлаться, чѣмъ сталъ я межъ духами,
А ты между людьми...

*) Jouffroy, Nouveaux mélanges philosophiques. 2 éd. Paris. 1861, p. 83—84.

то есть существомъ, сознающимъ свое безсмертіе, непреклоннымъ въ своей безграничной гордости и ненавидящимъ творенія и творца. Существуя, но ненавидя существованіе и самый его принципъ, Люциферъ глубоко несчастливъ. Его страданія вмѣстѣ съ его непреклонной силой сообщаютъ ему глубокій трагическій интересъ, возбуждая въ насъ страхъ передъ безконечной перспективой его мукъ, которыя онъ навлекаетъ на себя своею упорною гордостью, и состраданіе къ его адскимъ мукамъ.

Еще Аристотель опредѣлялъ трагическое какъ то, что возбуждаетъ страхъ и состраданіе. «И такъ, пишетъ онъ, трагедія есть подражаніе дѣйствію важному и законченному, имѣющему опредѣленный объемъ (подражаніе) при помощи рѣчи, въ каждой изъ своихъ частей различно украшенной, посредствомъ дѣйствія, а не разсказа, совершающее, благодаря состраданію и страху, очищеніе подобныхъ аффектовъ *). Чтобы человѣкъ могъ возбудить страхъ и состраданіе, онъ не долженъ быть ни вполнѣ благороднымъ, ни настоящимъ негодяемъ. По мнѣнію Аристотеля, «не слѣдуетъ изображать благородныхъ людей переходящими отъ счастья къ несчастью, такъ какъ это не страшно и не жалко, но отвратительно, ни порочныхъ (переходящими) отъ несчастья къ счастью, ибо это менѣе всего трагично, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ ничего, что (для этого) необходимо, т. е. не возбуждаетъ ни чувства справедливости, ни состраданія, ни страха; наконецъ, вполнѣ негодный человѣкъ не долженъ впадать изъ счастья въ несчастье, такъ какъ подобное стеченіе (событій) возбуждало бы чувство справедливости, но не состраданія и страха: вѣдь состраданіе возникаетъ къ безвинно-несчастному, а страхъ—передъ несчастьемъ намъ подобнаго; слѣдовательно (въ послѣднемъ случаѣ) происшествіе не возбуждаетъ въ насъ ни жалости, ни страха. И такъ остается (герой), находящійся въ срединѣ между этими. Таковъ тотъ, кто не отличается (особенной) добродѣтелью и справедливостью и впадаетъ въ несчастье не по своей негодности и порочности, но по какой нибудь ошибкѣ, тогда какъ прежде былъ въ большой чести и счастіи, каковъ напр. Эдипъ и Ѳіестъ и выдающіяся лица подобныхъ родовъ» **).

Взглядъ на трагическое, высказанный Аристотелемъ, далъ поводъ ко множеству противорѣчивыхъ комментарій, возникшихъ вслѣдствіе недостаточной ясности и опредѣленности въ выраженіяхъ названнаго греческаго философа. Переводить-ли слова Аристотеля въ его опредѣленіи трагическаго: ἔλεος и φόβος общепринятыми словами: состраданіе и страхъ или, какъ предлагаетъ Гюнтеръ, словами Rührung (трогательность) и Erschütterung (потрясеніе), все же это опредѣленіе относится къ субъективной сторонѣ трагическаго, къ впеча-

---

*) Аристотель, Объ искусствѣ поэзіи. Греческій текстъ съ переводомъ и объясненіями Владиміра Аппельрота. Москва. 1893, стр. 13.

**) Тамъ же, стр. 27.

тлѣнію, производимому трагическимъ на созерцателя. Что же должно быть въ самомъ трагическомъ для произведенія этого сильнаго впечатлѣнія, столь всѣмъ знакомаго, хотя трудно поддающагося точному опредѣленію? Трагическій эффектъ испытываетъ созерцатель отъ ужасныхъ страданій и гибели могучей личности. Какъ бы ни были ужасны страданія и гибель, они не производятъ собственно трагическаго впечатлѣнія, если подвергающаяся имъ личность лишена силы и величія. Мощь страдающей и гибнущей личности придаетъ трагизму характеръ возвышенный. Впрочемъ Фолькельтъ указываетъ на встрѣчаемыя въ трагедіяхъ лица, лишенныя возвышеннаго характера, напр., слабый король Генрихъ VI Шекспира, принцъ Артуръ въ «Королѣ Іоаннѣ» того же автора, Эмилія Галотти Лессинга, Тассо Гёте, Гамлетъ Шекспира, Рудольфъ II Грильпарцера; тѣмъ не менѣе названный эстетикъ самъ того мнѣнія, что возвышенное есть наиболѣе подходящая почва для трагическаго *). Чтобы личность могла производить трагическое впечатлѣніе, ей нужно болѣе или менѣе возвышаться надъ обычнымъ уровнемъ людей. Страданія и гибель подобной личности должны быть безнадежными и вытекать изъ самаго величія даннаго характера. Произведенія, герои которыхъ хотя страдаютъ, но не безнадежно, въ концѣ концовъ спасаются отъ гибели и достигаютъ большаго или меньшаго благополучія,—могутъ быть весьма высокаго художественнаго достоинства, но специфически-трагическаго впечатлѣнія не производятъ. Таковы напримѣръ Цинна Корнеля, Ифигенія Гёте, Вильгельмъ Телль Шиллера, Шейлокъ Шекспира и пр. Сила трагической личности должна сказываться въ томъ, какъ она переноситъ страданія и встрѣчаетъ гибель. Малѣйшее проявленіе малодушія уничтожаетъ трагизмъ. Его нѣтъ, напримѣръ, въ «Смерти Ивана Ильича» гр. Л. Толстого. Несчастіе можетъ обрушиться на человѣка сильнаго, но не находиться въ тѣсной связи съ характеромъ или профессіей даннаго лица. Такъ, напримѣръ, слѣпота большое несчастіе, но потеря зрѣнія для Мильтона далеко не имѣла такого трагизма, какъ потеря слуха для Беетховена или головная боль Свифта, мѣшавшая умственной работѣ и приведшая его къ идіотизму. Высшій трагизмъ достигается тѣмъ, что величіе личности является причиною ея страданій и гибели. Фіеско, Марія Стюартъ, Фаустъ и т. п. гибнутъ отъ дерзновенныхъ порывовъ ихъ отважнаго характера, въ которомъ заключается мощь этихъ лицъ, а также и причина ихъ гибели.

Судьба героя въ драмѣ можетъ имѣть счастливый исходъ. Въ такомъ случаѣ трагическое исчезаетъ съ момента, когда поворотъ къ спасенію болѣе или менѣе вѣроятенъ. Трагическій герой иногда лишь кажется таковымъ, пока страданія его представляются безнадежными и безвыходными, а гибель неминуемой. Но по мѣрѣ возростанія надежды на спасеніе — трагизмъ слабѣетъ и наконецъ исчезаетъ совсѣмъ. Чтобы личность могла произвести трагическое

*) Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München 1897. S. 64.

впечатлѣніе, ея положеніе должно быть безнадежно. Это не значитъ, что необходимымъ концомъ для трагическаго героя была-бы смерть. Напротивъ, этотъ конецъ можетъ наступить въ полномъ уныніи, отчаяніи, въ той нравственной смерти, которая ужаснѣе физической. Таковы, напримѣръ, Эдипъ царь, узнавшій, что онъ причина бѣдствія, обрушившагося на Ѳивы, Рустемъ, послѣ убіенія своего сына Зораба и др. Мы сознаемъ, что для такихъ лицъ жизнь кончена. Они хотя могутъ еще влачить свое жалкое существованіе, но это не жизнь, а нравственная агонія. «Настоящее саморазрушеніе заключается въ страданіи собственнаго «я», отъ котораго уйти некуда» *). Оттого Рустемъ остается одинъ:

«Здѣсь
Въ пустынѣ, самого себя
Хочу размыкать я, и змѣя,
Грызущее мнѣ душу—горе, убить.
То будетъ мой послѣдній—
Мой самый трудный подвигъ; змѣй
Свирѣпъ, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ».

Но смерть имѣетъ и свои преимущества. Она уничтожаетъ всѣ сомнѣнія относительно дальнѣйшей судьбы страдальца, а главное: устраняетъ изъ міра нравственную руину, противорѣчащую самой себѣ, продолжающую жизнь, хотя всѣ счеты ея съ земнымъ существованіемъ уже покончены.

Сильнымъ человѣкомъ обыкновенно считается тотъ, кто обладаетъ желѣзной волей. Поэтому сила воли считается необходимымъ качествомъ трагической личности. Такого мнѣнія былъ Шиллеръ. Но Фолькельтъ указываетъ на трагическихъ героевъ, отличающихся, наоборотъ, слабостью воли, напримѣръ, Сарданапалъ Байрона, Обломовъ Гончарова. Несмотря на слабость характера того и другого, они не лишены высоты, которая, при ихъ гибели, сообщаетъ имъ трагическій колоритъ. Сарданапалъ царь мягкаго характера, ведущій жизнь праздную, пассивную, посвященную однимъ наслажденіямъ. Но онъ не лишенъ величія. Его праздность и лѣнь происходятъ отъ кроткаго, гуманнаго сердца, которое не въ состояніи причинить никому вреда, проливать кровь, вести войну, а, наоборотъ, желаетъ доставить народамъ мирную, счастливую жизнь. Еще сильнѣе этотъ родъ трагизма въ романѣ Гончарова «Обломовъ».—Обломовъ душа вѣрная, открытая, кристаллически-чистая—впадаетъ въ состояніе бездѣйственной дремоты и, опускаясь все ниже, погибаетъ въ усыпленіи своего духа.

Но все таки подобные слабые характеромъ герои скорѣе вызываютъ къ себѣ сожалѣніе. Отсутствіе въ нихъ силы ослабляетъ трагизмъ ихъ гибели. Но если трагическій герой долженъ отличаться силой, то эта сила можетъ заключаться не въ одной лишь волѣ, но въ какой нибудь страсти, фантазіи,

---

*) Vischer, Aesthetik. § 133. S. 7.

умѣ. Поэтому и трагизмъ можетъ быть не только воли, но и страсти, и фантазіи, и ума.

Образцами трагизма страсти могутъ служить Ленора Бюргера, Ромео и Юлія Шекспира и т. п.

Ленора живетъ лишь любовью къ своему жениху. Безъ него свѣтъ Божій ей постылъ. Не найдя своего жениха въ вернувшемся съ поля брани войскѣ,

Она свѣтъ Божій прокляла
И громко зарыдала
И на землю упала.
Безъ милаго Ленорѣ—
Жизнь не жизнь, а скорбь и зло.

Матери своей, пытающейся смирить душу своей дочери передъ Богомъ и устрашить грѣшницу мученіями ада, Ленора отвѣчаетъ:

О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты противный свѣтъ!
Погибни жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь, и тамъ для рая.

Адскій пламень страсти бросаетъ Ленору въ хладныя объятія ея мертваго жениха. Любовь къ нему, въ которой сосредоточилась вся жизнь несчастной дѣвушки, составляетъ трагизмъ ея характера.

Любовь, поглощающая все существо, любовь, порабощающая всѣ остальныя стороны души, любовь, заставляющая двѣ самобытныя индивидуальности слиться въ одно существованіе, несмотря ни на какія препятствія, любовь, являющаяся роковой силой, ведущей къ гибели всецѣло отдавшихся ей—эта любовь воспроизведена въ Ромео и Юліи Шекспира, воплотившихъ въ себѣ весь трагизмъ сердечной страсти. Джульетта говоритъ Ромео: «Хотя ты моя радость, но меня не радуетъ наше сближеніе; слишкомъ оно неожиданно, слишкомъ необдуманно, слишкомъ внезапно; оно слишкомъ похоже на молнію; вспыхнетъ оно и исчезаетъ ранѣе, чѣмъ успѣешь сказать: «она сверкнула». Ромео весь поглощенъ однимъ желаніемъ—обладанія Джульеттой. Лоренцо, видя такую безпредѣльную страсть, не знающую ни мѣры, ни удержу, говоритъ: «Такіе не въ мѣру пылкіе восторги кончаются такъ же не въ мѣру порывисто и умираютъ въ самомъ разгарѣ, вспыхнутъ, словно порохъ, какъ только прикоснется къ нему огонь».

Въ этой драмѣ Тикъ слышалъ «элегическую жалобу нашей смертной доли, жалобу, звучащую во всѣхъ нашихъ радостяхъ и во всѣхъ красотахъ» *).

*) L. Tieck, Dramaturgische Blätter. Leipzig. 1852. Bd. I. S. 188.

Ромео и Джульетта вѣрно отразили въ себѣ страшную дѣйствительность. Въ ней нѣтъ мѣста тому чудному цвѣтку, наполнившему своимъ благоуханіемъ сердце влюбленныхъ. Мгновенное счастье, возвысившееся въ ихъ поцѣлуѣ до блаженнаго экстаза, не могло продолжиться. Влюбленные погрузились въ свой сердечный міръ со всею исключительностью поглощающей ихъ страсти. Имъ нѣтъ дѣла до остальнаго міра. Но и остальному міру со всей его эгоистической жестокостью, холоднымъ разсчетомъ и сухимъ безсердечіемъ нѣтъ дѣла до счастія влюбленныхъ. Великое твореніе геніальнаго драматурга учитъ насъ, что въ этомъ мірѣ ненависти и зла, глупости и безсмысленной случайности любовь, достигнувшая красоты высшаго просвѣтлѣнія, обречена на гибель.

Пощады нѣтъ и тому, кто силою своей фантазіи унесся изъ этого міра печальной, суровой дѣйствительности въ міръ золотыхъ грёзъ. Чтобы жить на землѣ, нужно думать о земномъ. Если же дать волю воображенію улетѣть въ заоблачный міръ несбыточнаго идеала, то дѣйствительность не замедлитъ разбудить мечтателя своими безцеремонными толчками. Контрастъ прозы будничной жизни съ красотою воздушныхъ замковъ можетъ произвести впечатлѣніе потрясающаго диссонанса. Оттого жизнь мыслителей, реформаторовъ, художниковъ часто окрашивается въ такой мрачный трагическій колоритъ. Таковъ Тассо Гёте. Онъ весь въ своей поэзіи. Но

Прекраснаго должны мы спасаться,
Какъ пламени: пока на очагѣ
Оно горитъ, пока на путь намъ свѣтитъ,
Какъ радостно спасительно оно!
Кто безъ него хотѣлъ бы обойтися?
Но ежели расширится кругомъ,
Никѣмъ неохраняемое, сколько
Несчастія и горя принесетъ.

Тассо сталкивается со своимъ контрастомъ въ лицѣ Антоніо, являющагося представителемъ разсудочнаго взгляда на дѣйствительность и полной власти надъ собой. Антоніо недостаетъ таланта, но онъ обладаетъ тѣмъ, что пріобрѣтается трудомъ и силою воли. Тассо подозрѣваетъ Антоніо въ зависти. «Повѣрь», говоритъ Тассо Леонорѣ,

душѣ холодной себялюбца
Не избѣжать мукъ зависти: легко
Прощаетъ онъ другому и богатство
И почести; онъ думаетъ: ты самъ
Того жъ достигнешь счастьемъ, постоянствомъ
Но то, чѣмъ свыше мы одарены
Одной природой, что недостижимо
Трудомъ, стремленьемъ каждаго, чего
Ни золото, ни мечъ, ни постоянство
Пріобрѣсти не могутъ,—никогда
Онъ не проститъ.

Тассо и Антоніо—выразители двухъ разныхъ принциповъ. Тассо всецѣло отдается непосредственному чувству, постоянно волнуемому яркими образами пылкой поэтической фантазіи; Антоніо—воплощеніе здраваго разсудка, подчинившаго волю до полнаго самообладанія. Оттого эти двѣ личности такъ враждебны другъ къ другу.

Нѣтъ, (говоритъ Леонора) оттого враги между собой
Два эти человѣка, что природа
Изъ нихъ не сотворила одного.

Человѣку съ пылкимъ воображеніемъ и впечатлительнымъ характеромъ кажется холодною черствостью обузданіе сердечныхъ порывовъ. Въ нихъ видится столько безкорыстнаго благороднаго увлеченія! Если же такая увлекающаяся личность надѣлена художественнымъ талантомъ, заключающимся преимущественно въ богатствѣ фантазіи, то ея внушенія кажутся голосомъ свыше, и мнящій о себѣ геній считаетъ, что ему все позволено: онъ «натура избранная», для которой рамки обычной морали не существуютъ. Сталкиваясь съ законами природы и нравственности, съ принципами, на которыхъ зиждется человѣческое общество, художественная натура, не привыкшая къ сдерживающему контролю надъ собой, подвергается массѣ страданій, могущихъ довести ее до окончательной гибели. Этотъ трагизмъ художника, живущаго лишь чувствомъ и воображеніемъ, безъ разумнаго контроля и нравственнаго самообузданія, Гёте воплотилъ въ своемъ Тассо.

«Страстная, исключительная, беззавѣтная преданность искусству заключаетъ въ себѣ опасность развить чувство и фантазію до чрезмѣрной утонченности и раздражительности: душа художника подчиняется капризамъ, внезапно вспыхивающимъ и также внезапно потухающимъ аффектамъ, настраивается къ людямъ недовѣрчиво, все видитъ въ дурномъ, черномъ свѣтѣ и представляетъ скверную смѣсь мягкости и жесткости. Такимъ образомъ затрудняется дѣльное, разумное сужденіе, а то дѣлается и совершенно невозможнымъ, и воля легко подвергается заболѣваніямъ, послѣдствіемъ которыхъ является недовѣріе къ собственнымъ силамъ, нерѣшительность, боязнь дѣла и склонность къ быстрымъ безцѣльнымъ поступкамъ. Чѣмъ болѣе художникъ возносится на далекія, крутыя высоты искусства, тѣмъ болѣе теряетъ онъ масштабъ для мелочей, путаницы и неумолимости практической жизни. Художественное творчество опасно и тѣмъ, что возбуждаетъ фантазію и страсть и, смотря по обстоятельствамъ заставляетъ переживать нездоровыя, сладостныя, безпутныя настроенія, въ особенности эротическія влеченія. Ненасытный демонъ чувственныхъ наслажденій есть чрезвычайно опасная сторона высоко-художественнаго генія. И этотъ трагизмъ, подобно трагизму любознательности, усиливается еще тѣмъ, что многія художественныя творенія, отсутствіе которыхъ было бы для насъ большимъ

пробѣломъ, едва-ли были-бы созданы, если бы ихъ авторы не имѣли бы тѣхъ или другихъ опасныхъ природныхъ наклонностей» *).

Но не только фантазіи, а и умъ можетъ причинить трагическія страданія. Русская пословица гласитъ: «дуракамъ счастье». Грибоѣдовъ назвалъ свое безсмертное произведеніе «Горемъ отъ ума». Чацкій страдаетъ вслѣдствіе своего умственнаго развитія, показывающаго ему во всей ужасающей правдѣ низкіе, пошлые интересы, въ которыхъ погрязло московское общество того времени. Но страданія, причиняемыя умственнымъ превосходствомъ, не заключаются лишь въ пониманіи низкаго уровня развитія окружающаго общества, въ мучительномъ сознаніи одиночества на достигнутой интеллектуальной высотѣ и въ мелкой, завистливой враждѣ низменныхъ натуръ, не переносящихъ тѣхъ, кто осмѣлился стать выше ихъ. Страданія ума имѣютъ иногда гораздо болѣе глубокій источникъ. «Умъ, пишетъ Лекки **), достаточно развитой для широкаго пользованія интеллектуальными наслажденіями, безспорно обладаетъ неисчерпаемымъ источникомъ радости. Но тотъ, кто заключаетъ изъ этого, что высшее умственное превосходство есть наиболѣе благопріятное условіе для счастія, горько ошибается. Болѣзненная, нервная чувствительность, сопровождающая интенсивныя, умственныя напряженія, скучное, надоѣдливое сознаніе невѣжества и пустоты, разочарованіе и все разрушающій анализъ—обычные спутники глубокихъ изслѣдованій—наполнили литературу грустнымъ эхо словъ царя-мудреца, говорившаго, что «во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія,—умножаетъ скорбь» ***). Страданія ума достигаютъ мрачнаго трагизма при столкновеніи человѣческой мысли съ не разгаданными міровыми тайнами. Высшая мудрость «знаетъ лишь то, что ничего не знаетъ». Сознаніе слабости и ограниченности нашей интеллектуальной организаціи вмѣстѣ съ ненасытной жаждой знанія обрекаютъ умъ на мученія Тантала. Трагизмъ ума заключается въ контрастѣ между безпредѣльностью познаваемаго и ограниченностью нашихъ познавательныхъ способностей,—въ контрастѣ, выраженномъ Ньютономъ въ сравненіи себя самого съ ребенкомъ, находящимъ пестрые камешки на берегу океана неизвѣданныхъ истинъ,—въ признаніи Фауста въ собственномъ безуміи, несмотря на ревностное стремленіе познать міръ изученіемъ всѣхъ наукъ.

Фаустъ.

Я философію постигъ,
Я сталъ юристомъ, сталъ врачемъ...
Увы! съ усердьемъ и трудомъ
Я всё узналъ, во всё проникъ -
И не умнѣй я подъ конецъ,

*) Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München. 1897. S. 316 - 317.

**) Lecky, History of european Morals from Augustus to Charlemagne. London. 1869. Vol. I, p. 61.

***) Библія. Книга Екклезіаста, или Проповѣдника. I, 18.

Чѣмъ прежде: жалкій я глупецъ.
Магистръ и докторъ я—ужь вотъ
Тому пошелъ десятый годъ;
Учениковъ и вкривь, и вкось
Вожу я за̀ носъ на авось -
И вижу всё жь, что не дано намъ знанья.
Изныла грудь отъ жгучаго страданья!

Трагизмъ ума заключается еще въ его склонности къ анализу и отрицанію прежнихъ вѣрованій и убѣжденій. Но разрушать легче, чѣмъ созидать. Оттого часто умъ, разрушивъ старыя вѣрованія, ничего положительнаго вмѣсто нихъ не даетъ. Однако безъ убѣжденій, безъ искренней въ нихъ вѣры нельзя совершить никакого дѣла. Вотъ почему развитіе ума ослабляетъ волю. Вмѣсто смѣлаго рѣшенія умъ старается взвѣсить и обсудить дѣло со всѣхъ сторонъ и все открываетъ новыя точки зрѣнія. Оттого очень сильные и рѣшительные люди обыкновенно обнаруживаютъ нѣкоторую прямолинейную ограниченность. «Но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила—и какъ удержать эту силу въ границахъ, какъ указать ей, гдѣ ей именно остановиться, когда то, что она должна потребить, часто слито и связано неразрывно? Вотъ гдѣ является намъ часто замѣчаемая трагическая сторона человѣческой жизни: для дѣла нужна мысль; но мысль и воля разъединились и съ каждымъ днемъ разъединяются болѣе...

And thus the native hue of resolution
Is sickled o'er by the pale cast of thought,

Прирожденный румянецъ воли блекнетъ и бѣлѣетъ, покрываясь блѣдностію мысли) говоритъ намъ Шекспиръ устами Гамлета» *).

Если воля, ослабленная анализомъ, отрицаніемъ, сомнѣніемъ ума, можетъ причинять страшныя несчастія, то и сама воля во всей силѣ своей самодовлѣющей власти иногда становится причиной трагической гибели героя, обладающаго ею.

Выше было уже замѣчено, что такъ какъ для трагическаго нужна личность сильная, то нѣкоторые (напр. Шиллеръ) допускаютъ лишь одно трагическое воли. О трагизмѣ, причиненномъ силою воли, русская пословица гласитъ: «Нашла коса на камень». Сильный человѣкъ не отступаетъ отъ препятствій. Его энергія растетъ вмѣстѣ съ противодѣйствіями, противъ которыхъ онъ борется. Если онъ встрѣчаетъ нѣчто не поддающееся ему, выдерживающее натискъ его борьбы, то онъ разбивается о несокрушимое препятствіе, но назадъ не отступаетъ. Воплощеніемъ такой желѣзной воли является Коріоланъ. Преградъ для него не существуетъ. Онъ во что бы то ни стало долженъ достигнуть того, чего хочетъ. Одна лишь смерть въ состояніи не допустить его

*) Тургеневъ, Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. (Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. 2 изд. Спб. 1884. Т. X, стр. 413).

къ задуманной имъ цѣли. И вотъ, когда онъ почти достигнулъ послѣдней и можетъ отомстить оскорбившему его Риму, мать падаетъ къ его ногамъ и проситъ пощадить родной городъ. Воля Коріолана сломлена любовью къ матери. Но такъ какъ Коріоланъ есть воплощеніе воли, то вмѣстѣ съ нею сломленъ и самъ Коріоланъ. Не мечъ Авфидія поразилъ Коріолана: этотъ мечъ сразилъ тѣло, душу же Коріолана сразила его мать. Онъ говоритъ ей:

О родная!
Для счастья Рима побѣдила ты,
Для сына же - повѣрь мнѣ, о, повѣрь мнѣ,
Ужасна та побѣда: можетъ быть
Въ ней скрыта смерть.

Сила, столь необходимая для трагизма, обнаруживается въ борьбѣ. Сильный борется лишь съ мощнымъ противодѣйствіемъ. Оно можетъ быть или во внѣшнемъ, или во внутреннемъ мірѣ. Во внѣшнемъ мірѣ противодѣйствіе встрѣчается въ силахъ природы. Такъ, напримѣръ, Плиній Старшій погибнулъ отъ изверженія Везувія. Гибель Плинія Старшаго можетъ служить примѣромъ изъ дѣйствительности, гибель молодого пажа въ «Кубкѣ» Шиллера — изъ поэзіи. Всего чаще противодѣйствующая сила во внѣшнемъ мірѣ, съ которымъ борется трагическій герой, заключается во враждебныхъ ему людяхъ. Примѣрами трагическихъ героевъ, гибнущихъ отъ враждебныхъ имъ людей, могутъ служить Валленштейнъ Шиллера, Юлій Цезарь и Коріоланъ Шекспира, Этеоклъ и Полиникъ въ трагедіи Эсхила «Семь противъ Ѳивъ» и др.

Особенный интересъ представляетъ борьба тогда, когда она сосредоточивается въ собственномъ сердцѣ трагическаго героя. Если борьба составляетъ главный интересъ трагизма, то этотъ интересъ достигаетъ своего апогея, когда собственное «я» раскололось на двѣ враждующія другъ съ другомъ части. Тутъ развертывается потрясающая картина сердечныхъ тайниковъ нашей жизни, обнаруживаются тѣ психическія условія, которыя, если съ одной стороны дѣлаютъ возможнымъ «Царствіе Божіе внутри насъ», то съ другой — создаютъ также и всѣ муки ада. «Буря подъ черепомъ», такъ называетъ Викторъ Гюго ту главу своего романа «Несчастные», въ которой онъ раскрываетъ намъ душу Жанъ Вальжанъ, когда онъ, всѣми уважаемый мэръ, узнаетъ, что мнимый Жанъ Вальжанъ пойманъ и какъ бѣглый каторжный долженъ подвергнуться строжайшей карѣ. Если Жанъ Вальжанъ настоящій, но скрывающійся подъ чужимъ именемъ, ничего о себѣ не заявитъ, то мнимый (т. е. невинный) будетъ осужденъ; если же Жанъ Вальжанъ устранитъ ошибку судей и обнаружитъ себя, то ему придется покинуть свое почетное положеніе мэра, всѣми любимаго и уважаемаго, доставлявшее ему возможность дѣлать такъ много добра страждущимъ, и снова идти на каторгу, на которую онъ былъ когда то приговоренъ за то, что укралъ хлѣбъ для прокормленія своей голодной семьи. Такую же трагическую борьбу съ самимъ собою Жанъ Вальжанъ пере-

живаетъ, когда рѣшается сказать Маріусу, мужу своей дорогой воспитанницы Козетты, о себѣ, что онъ убѣжавшій съ галеры каторжникъ: Жану Вальжанъ необходимо обнаружить, кто онъ, чтобы узнать, захочетъ-ли Маріусъ жить съ бѣглымъ каторжникомъ подъ одною кровлею.

Чѣмъ сильнѣе противникъ трагическаго лица, тѣмъ естественнѣе гибель послѣдняго. Страданіе и гибель героя въ борьбѣ съ могучимъ соперникомъ является въ порядкѣ вещей. Наоборотъ, тѣмъ возмутительнѣе намъ кажутся страданія и гибель героя, чѣмъ незначительнѣе противодѣйствующая ему сила, которая однако иногда оказывается достаточной для побѣды, когда ей на подмогу подвернется благопріятный случай. Вообще говоря, случай есть врагъ трагическаго. Какъ ни ужасны бываютъ катастрофы на желѣзныхъ дорогахъ, все же въ нихъ обыкновенно нѣтъ настоящаго трагизма, вслѣдствіи ихъ случайности. Впрочемъ, еще Аристотель указалъ на то, что случай можетъ произвести трагическое впечатлѣніе, если, напримѣръ, упадетъ статуя на проходящаго человѣка, который былъ убійцей изображеннаго въ ней. Такое происшествіе теряетъ характеръ случая и кажется нашей фантазіи преднамѣренной, роковой карой преступленія. Если фантазія въ состояніи осмыслить слѣпой случай, то воля имъ можетъ воспользоваться для своихъ цѣлей и превратить въ средство для ихъ достиженія. Маркизъ Поза говоритъ:

«... и что̀ же этотъ случай,
Какъ не простой, шероховатый камень,
Рукой ваятеля воззванный къ жизни?
Какъ небо посылаетъ случай—къ цѣли
Онъ долженъ быть обдѣланъ человѣкомъ.

Такъ какъ подвернувшійся случай можетъ оказать громадное содѣйствіе въ осуществленіи какого нибудь плана, замыселъ котораго дремалъ глубоко въ тайникахъ нашего сердца, то такого рода случай пріобрѣтаетъ характеръ дьявольскаго искушенія, способнаго подстрекнуть на дѣло и придать рѣшимость колеблющейся волѣ. Случай подвигнулъ Катерину въ «Грозѣ» Островскаго измѣнить мужу. Ее выводитъ изъ сомнѣнія и колебанія именно то соображеніе, что, можетъ быть, въ другой разъ такого благопріятнаго случая свидѣться съ милымъ не повторится, и вѣчно будетъ грызть сердце сожалѣніе, что имъ она не воспользовалась! «Да, можетъ, такого и случая то еще во всю жизнь не выйдетъ. Тогда и плачься на себя: былъ случай, да не умѣла пользоваться». Случай, приведшій Дунканъ въ замокъ Макбета, воплощается въ кинжалъ, въ

«дитя воображенія
Горячки, жгущей угнетенный мозгъ»,

—въ кинжалъ, манящій Макбета совершить кровавое преступленіе, чтобы проложить себѣ дорогу къ трону.

Случай, врываясь въ жизнь людей, безъ смысла, безъ связи съ ихъ намѣреніями и характерами, являясь во всей своей капризной исключительности,

мѣшаетъ трагическому и ослабляетъ его впечатлѣніе. Наоборотъ, если случай заключаетъ въ себѣ нѣчто похожее на значеніе судьбы, или даетъ поводъ обнаружиться характеру личности въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи, или особенно ярко освѣщаетъ идею произведенія, то такого рода случай вполнѣ умѣстенъ въ трагическомъ произведеніи. Таковъ случай въ Ромео и Юліи, помѣшавшій Ромео получить письмо Лоренцо. И кажется, что этотъ міръ страданій, жестокости, вражды и ненависти до такой степени чуждъ райскому счастью беззавѣтной любви созданныхъ другъ для друга юныхъ сердецъ, что онъ пользуется даже глупымъ случаемъ для уничтоженія этого неземного блаженства! Конечно, это случайность, что Ромео полюбилъ дочь враждебной ему фамиліи. Но подобный случай не только не вредитъ трагизму, а является необходимымъ элементомъ для обрисовки характера героя и героини. Точно также вполнѣ умѣстны случайности въ Гамлетѣ, гдѣ онѣ особенно многочисленны. Убійство Полонія Гамлетомъ, отравленіе королевы, берущей кубокъ съ ядомъ и выпивающей его, перемѣна шпагъ, дающая въ руки Гамлета шпагу съ ядомъ—всѣ эти случаи имѣютъ роковое значеніе, возвышающее трагизмъ положеній заинтересованныхъ лицъ, индивидуальность которыхъ тѣмъ ярче обнаруживается.

Случай считается неумѣстнымъ въ трагедіи потому, что въ ней все должно вытекать изъ характера героя, согласно психическимъ законамъ,—«ихъ же не прейдеши»!—Но въ жизни, а слѣдовательно и въ трагедіи не все зависитъ отъ характера людей, но и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится данная личность. Случай, въ смыслѣ противуположности причинной связи вещей, неумѣстенъ въ трагедіи, потому что такого случая быть не можетъ. Но случаи въ смыслѣ противорѣчія желаніямъ людей, поставленныхъ въ обстоятельства, противуположныя ихъ намѣреніямъ, или же чего то совершенно неожиданнаго и непредвидѣннаго, безпрестанно встрѣчаются въ жизни, поэтому вполнѣ умѣстны тамъ, гдѣ изображается трагическій герой, страдающій и гибнущій не вслѣдствіе одного своего характера, но и по причинѣ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ очутился.

Но какъ бы ни былъ умѣстенъ случай въ развитіи трагической личности тѣмъ не менѣе ея апоѳеозъ мы встрѣчаемъ тамъ, гдѣ она сама приготовляетъ себѣ свою судьбу, вполнѣ сознавая, что̀ выйдетъ изъ поступка, совершеннаго добровольно и главное—сознательно. Такимъ героемъ является Прометей, этотъ символъ трагедіи, который говоритъ: «Я прегрѣшилъ намѣренно и обдуманно, это правда». Также Коріоланъ, уступая мольбамъ матери, вполнѣ сознаетъ, на какую опасность онъ себя обрекаетъ. По словамъ Авфидія, въ Коріоланѣ столкнулись «честь и состраданіе». Прежде, чѣмъ уступить мольбамъ матери, Коріоланъ пережилъ тотъ трагическій моментъ въ своей жизни, который подломилъ его. Коріоланъ весь былъ проникнутъ страстью мщенія Риму. Все его существо сосредоточилось на этомъ чувствѣ. Но, мстя Риму, Коріоланъ дол-

женъ былъ погубить свою жену, своего сына, свою мать. Мать говоритъ Коріолану:

въ торжествѣ
Ты вступишь на развалины родныя
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына,
Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война; коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То, вѣрь мнѣ, прежде, чѣмъ идти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи жь на грудь, которая вскормила Коріолана.

Уже цѣлуя жену, Коріоланъ восклицаетъ:

О слаще мести
Мнѣ поцѣлуй твой, долгій, какъ изгнаніе.

Когда же мать пала къ ногамъ его, то любовь и жалость къ ней пересилили въ сердцѣ Коріолана злобу противъ оскорбившаго его Рима. Внутри Коріолана происходитъ страшная борьба: одно чувство борется съ другимъ и доброе одерживаетъ побѣду надъ злымъ...

Коріоланъ есть примѣръ борьбы противуположныхъ чувствъ. Кромѣ того, трагическое можетъ явиться результатомъ борьбы страсти съ долгомъ, борьбы двухъ противуположныхъ обязанностей, борьбы съ судьбою и, наконецъ, съ самимъ божествомъ.

Наши склонности *) влекутъ насъ къ ихъ удовлетворенію, которое подъ вліяніемъ страстнаго желанія кажется намъ высшимъ блаженствомъ, заслоняющимъ отъ нашихъ взоровъ гибельныя послѣдствія, могущія рано или поздно заставить насъ горько раскаяться въ поступкѣ, совершенномъ подъ вліяніемъ страсти. Страсть заставляетъ насъ, ради минутнаго наслажденія, жертвовать здоровьемъ, ради богатства, почести и власти совершать болѣе или менѣе тяжкія преступленія. Борьба между страстнымъ влеченіемъ и требованіемъ обязанности терзаетъ душу и причиняетъ ей невыносимыя мученія даже тогда, когда долгъ восторжествуетъ. Но эта побѣда дается не легко. Викторъ Гюго ярко изобразилъ ее въ Жанъ Вальжанъ, какъ объ этомъ было упомянуто выше. Борьба страсти съ обязанностью, кончившаяся полнымъ торжествомъ первой и пораженіемъ второй, составляетъ сущность трагизма, погубившаго Макбета. Макбетъ, хотя честолюбивъ, но всетаки, по природѣ своей, честенъ и благороденъ. Лэди Макбетъ говоритъ:

---

*) Я имѣлъ случай писать о диссонансѣ въ человѣческой душѣ, влекомой разными страстями, противъ которыхъ вооружается долгъ, въ статьѣ: «О красотѣ физической и духовной въ природѣ и искусствѣ» (см. «Театръ и Искусство». 1887. №№ 46—52).

«—Въ тебѣ, я знаю,
И гордость есть, и жажда громкой славы,
Да нѣтъ сопутника ихъ—зла. Престола
Путемъ прямымъ желалъ бы ты достигнуть,
Игрою чистою сорвать весь банкъ...
Нельзя Гламисъ!.. звучатъ неотразимо
Слова: «убей, иль откажись отъ власти».

Дѣйствительно Макбетъ вполнѣ сознаетъ свою обязанность передъ королемъ, почтившимъ замокъ своего полководца своимъ посѣщеніемъ. Макбетъ говоритъ:

«Король Дунканъ вдвойнѣ здѣсь безопасенъ:
Родной и подданный—я не могу
Поднять руки на короля: хозяинъ-
Убійцѣ долженъ затворить я дверь,
Не самъ своимъ ножомъ зарѣзать гостя».

Макбету такъ противно преступленіе, такъ дорого честное имя! Онъ говоритъ женѣ:

Оставимъ этотъ планъ. Онъ такъ недавно
Меня наградами почтилъ; въ народѣ
Я мнѣнье золотое заслужилъ;
Дай сохранить его прекрасный блескъ,
Его не должно помрачить такъ скоро».

Но Лэди Макбетъ раздуваетъ адскій пламень честолюбія и властолюбія въ душѣ своего мужа и подстрекаетъ Макбета на убійство того, кого онъ долженъ былъ бы охранять, какъ своего короля, родственника и гостя.

Къ этому же роду трагическаго можно отнести борьбу между низкими страстями и высокими порывами души. Во внутреннемъ мірѣ одного и того же человѣка могутъ уживаться съ одной стороны жажда знанія, порывы къ улучшенію человѣческой жизни, влеченіе къ художественному творчеству, мистическое пареніе къ небесному и божественному для единенія съ нимъ,—съ другой—ненасытная чувственность, жадность къ богатству, тщеславіе, честолюбіе и пр. Воплощеніемъ подобнаго диссонирующаго контраста является Фаустъ въ обработкѣ разныхъ писателей: Марлоу (Marlowe), Гёте, Граббе, Ленау, Кальдерона (Чудодѣйственный магъ), также Манфредъ и Чайльдъ Гарольдъ Байрона и др.

Подобно тому, какъ можетъ быть борьба между страстями, склонностями и влеченіями, борьба между долгомъ и страстью, разумомъ и чувствомъ, головою и сердцемъ, точно такъ же возможна борьба между двумя обязанностями. Въ такой борьбѣ между двумя одинаково священными обязанностями, ставящими человѣка въ безвыходное положеніе, Банзенъ преимущественно видитъ сущность трагическаго. Если названный писатель-пессимистъ, можетъ быть, и преувеличиваетъ безвыходность лабиринта, въ который вводитъ насъ со-

вѣсть, требующая исполненія долга, все же нельзя не согласиться съ тѣмъ, что обязанность далеко не всегда является въ формѣ опредѣленнаго «категорическаго императива», исключающаго всякія сомнѣнія и колебанія. Наоборотъ, если ме всегда, то всетаки бываютъ случаи, когда чрезвычайно трудно дать себѣ отчетъ, какъ слѣдуетъ поступать сообразно съ требованіями долга. Въ особенности эта трудность возростаетъ, когда исполненіе одной обязанности исключаетъ возможность исполнить другую, одинаково важную. Трагизмъ такого положенія возростаетъ еще отъ того, что обыкновенно нѣтъ времени мѣшкать, колебаться и выбирать, потому что уже всякое замедленіе есть погрѣшность противъ долга, требующаго немедленнаго и рѣшительнаго поступка. Тѣмъ болѣе нельзя искать спасенія въ уклоненіи отъ всякаго поступка, такъ какъ обязанности требуютъ дѣйствій, но, увы, иногда діаметрально противуположныхъ, изъ которыхъ одно вполнѣ исключаетъ возможность совершенія другого. «Любовь враждуетъ съ любовью, благочестіе съ благочестіемъ, требованіе отца съ правомъ матери». Таково положеніе Ореста у Эсхила: Орестъ виновенъ, если оставитъ убіеніе своего отца безъ отмщенія; исполненіемъ же завѣта мести, Орестъ становится матереубійцей». Отомститъ-ли Орестъ ужаснымъ матереубійствомъ убіеніе своего отца, или это злодѣяніе оставитъ безъ отмщенія: во всякомъ случаѣ, по изображенію поэта, будетъ совершенно тяжелое преступленіе. Аполлонъ побуждаетъ Ореста на месть, Эриннiи караютъ сына, убившаго мать. Вотъ—поэтическое олицетвореніе двухъ принциповъ, рвущихъ сердечный міръ человѣка, обязаннаго поступать согласно долгу, въ данномъ случаѣ приказывающаго нѣчто діаметрально-противоположное. Къ примѣрамъ трагическаго отъ конфликта двухъ противоположныхъ обязанностей обыкновенно причисляется и Антигона Софокла, напримѣръ Гегелемъ, считавшимъ эту трагедію за лучшее произведеніе искусства. По мнѣнію Гегеля, Антигона, какъ гражданка города, управляемаго Креономъ, и невѣста сына послѣдняго, должна была бы его слушать. Но, повинуясь волѣ Креона, Антигона не могла бы исполнить законъ религіозный. Антигона поставлена въ такое положеніе, что исполненіе одного закона исключаетъ возможность исполнить другой, который приходится непремѣнно нарушить. Конечно, эти противоположные законы далеко не одинаково священны. Приказаніе Креона не можетъ сравниться съ божескимъ повелѣніемъ, и Антигона вполнѣ права, рѣшившись исполнить обрядъ погребенія надъ братомъ, не смотря на запрещеніе Креона, который къ тому же самъ впослѣдствіи раскаивается въ своихъ поступкахъ, причинившихъ гибель Антигоны, его сына и жены. У древнихъ грековъ не только люди были способны издавать противорѣчащіе совѣсти законы, но и сами боги. Такъ, напримѣръ, если Лай своими грѣхами заслужилъ гнѣвъ боговъ, то всетаки кажется до крайности возмутительно-произвольнымъ то, что боги выбрали оружіемъ наказанія Эдипа, сдѣлавъ изъ него палача собственнаго отца и мужа своей матери. Если Лай былъ виновенъ, то зачѣмъ невиннаго Эдипа превращать въ невольнаго

преступника, чтобы наказать виновнаго? И пользоваться лучшимъ, что есть у человѣка: добрыми намѣреніями, чтобы ими то и выполнить предопредѣленіе рока! Неудивительно, что Эдипъ возмущается опредѣленіемъ оракула, предсказавшаго ему убіеніе своего отца и женитьбу на собственной матери. Желая избѣгнуть этихъ преступленій, Эдипъ возстаетъ противъ боговъ, опредѣлившихъ ему такой страшный жребій.

Возмущеніе противъ божества есть кульминаціонный пунктъ трагизма, увѣнчаннаго въ античной драмѣ Прометеемъ Эсхила, заступившимся за человѣчество передъ жестокимъ Зевсомъ, а въ современной драмѣ Каиномъ Байрона. Прометей протестуетъ противъ намѣренія Зевса истребить родъ людской; Каинъ негодуетъ на наказаніе, обрушившееся на него за грѣхъ его родителей. Оба возстаютъ: одинъ на Зевса, другой на Бога, и противятся предопредѣленію свыше, за что навлекаютъ на себя кару. Каина мучаетъ сомнѣніе: за что страдаетъ онъ, невиновный въ грѣхопаденіи своихъ родителей, не просившій, чтобы его создали, не желавшій жизни и ничего не знавшій о ней до своего рожденія. Зачѣмъ было посажено древо, плоды котораго соблазнили Еву? Безграничное всевѣдѣніе знало, что свободная воля будетъ употреблена во зло, которое повлечетъ за собой страшную кару смерти и ада. Зачѣмъ же было создавать то, что обречено на мученія нестерпимыя и вѣчныя?..

Вотъ она
Вся жизнь: Работай! Но за что же это?
За то-ль, что изъ Эдема мой отецъ
Былъ изгнанъ? Чѣмъ же я то тутъ виновенъ?
Въ тѣ дни рожденъ я не былъ, не желалъ
На свѣтъ рождаться? Мнѣ невыносима
Земная доля, данная рожденьемъ.
Зачѣмъ такъ было змѣю довѣряться,
Къ чему терпѣть, извѣдавъ искушенье?
То древо посадили—для кого?
Ужь если не для насъ, то для чего же
Имъ искушать позволили отца?

Оттого у Каина является сомнѣнье въ благости Бога. Онъ всемогущъ, но значитъ ли это, что Онъ добръ? «Но развѣ все то благо, что могуче»? Люциферъ показываетъ Каину, что̀ ждетъ человѣка послѣ смерти: адъ, который будетъ населенъ потомками Каина. Вернувшись изъ ада, Каинъ, хотя любуется своимъ сыномъ, но все же не можетъ не желать, чтобы скорѣй умеръ онъ или вовсе не родился.

О лучше бы нарушить
Невинный сонъ и голову ребенка
О камень раздробить безъ сожалѣнья,
Чѣмъ жить позволить этой жизнью».

— Когда Ада, жена Каина, противится этому ужасному намѣренію мужа, то онъ успокоиваетъ ее слѣдующими словами:

Я только говорилъ,
Что лучше-бъ умеръ онъ, чѣмъ осудить
Себя на муки въ будущемъ. Но если
Ты смущена, то я скажу одно:
Пусть никогда-бъ онъ лучше не родился».

— Трагизмъ сомнѣнія въ благости Творца, создавшаго міръ, въ состояніи до-нельзя угнетать человѣческій духъ. Если, съ одной стороны, земныя страданія находятъ свой желанный конецъ въ смерти, то, съ другой, радости жизни такъ привлекательны, что ихъ эфемерность кажется тѣмъ болѣе ужасной. Отовсюду тѣснится въ голову страшный вопросъ: зачѣмъ даны радости жизни, если онѣ должны такъ скоро прекратиться, зачѣмъ дано существованіе полное мукъ, которыя послѣ смерти могутъ превратиться въ вѣчныя?.. Не одинаково-ли жестоко: оборвать жизнь, полную радостей, или наполнить ее мученіями?

Матери умершаго ребенка, обратившейся въ ея безысходномъ горѣ за помощью къ Буддѣ, онъ говоритъ: «Знай, я отдалъ бы всю кровь моего сердца, чтобы только осушить твои слезы и узнать тайну того проклятья, которое превращаетъ сладкую любовь въ мученіе, и по пути, усѣянному цвѣтами, гонитъ къ жертвенному алтарю какъ этихъ безсмысленныхъ животныхъ, такъ и царя ихъ—человѣка. Я допытываюсь этой тайны, а ты—иди, схорони своего ребенка» [1]).

Трагизмъ жизни заключается въ космическомъ законѣ безпрерывной эволюціи. Существованіе обречено на гибель, которая, разрушая одну жизнь, создаетъ другую, предназначенную опять смерти и т. д. Мы вовлечены въ круговоротъ вѣчныхъ перемѣнъ и безъ удержу несемся по безконечному потоку времени, жадно протягивая руки къ цвѣтущимъ берегамъ земныхъ радостей; но едва успѣвъ коснуться ихъ, мы уже поглощены въ бездонныя пропасти мученій, гибели и смерти. Когда царевичъ Сиддарха, выѣхавъ изъ своего великолѣпнаго дворца, полнаго утѣхъ и радостей, очутился лицомъ къ лицу съ людскимъ горемъ, увидавъ нищаго, дряхлаго, больного, наконецъ, мертваго, будущій Будда, пораженный трагизмомъ существованія, воскликнулъ: «О, страдальческій міръ! О вы, извѣстные и неизвѣстные мнѣ братья по плоти, вы, попавшіе въ эту общую сѣть жизни, приковывающей васъ къ смерти и печали! Я вижу, я чувствую громадность страданій земли, суету ея радостей, пустоту ея благъ, терзаніе ея золъ: радость приводитъ къ страданію, молодость къ старости, любовь къ разлукѣ, жизнь къ отвратительной смерти, а смерть къ неизвѣстнымъ жизнямъ, которыя снова приковываютъ человѣка къ своему вѣчно обращающемуся колесу и заставляютъ катить это колесо ложныхъ наслажденій и не ложныхъ печалей. И я былъ обольщенъ этой при-

[1]) Свѣтъ Азіи. Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Анненской подъ ред. В. Лесевича. Спб. 1890, стр. 94—95.

манкой, и мнѣ казалось прiятно жить, и мнѣ жизнь являлась свѣтлымъ потокомъ, вѣчно текущимъ въ неизмѣнномъ мирѣ; а между тѣмъ безразсудныя струи потока весело несутся средь цвѣтовъ и луговъ только затѣмъ, чтобы скорѣе влить свои прозрачныя воды въ мутное соленое море! Покровъ, ослѣплявшiй меня, сдернутъ! Я таковъ же, какъ всѣ эти люди, которые взываютъ къ своимъ богамъ и которымъ боги не внемлютъ или которыми они пренебрегаютъ, а между тѣмъ должна же явиться помощь—для нихъ, и для меня, и для всѣхъ! Можетъ быть, сами боги нуждаются въ помощи, если они настолько слабы, что не могутъ спасти, когда печальныя уста взываютъ къ нимъ! Я не допустилъ-бы ни одного человѣка взывать ко мнѣ напрасно, если бы могъ спасти его! Какъ же это возможно, что Брама создалъ мiръ и предоставляетъ ему бѣдствовать?! Если онъ всемогущъ, зачѣмъ же покидаетъ онъ его? Или онъ не благъ?.. А если онъ не всемогущъ, то онъ не богъ» *). И засiялъ свѣтъ Азiи въ лицѣ Будды, указавшаго людямъ на нирвану, на покой небытiя... Европейскiй умъ находитъ умиротворенiе въ побѣдѣ надъ страстями, ведущей къ апатiи стоика, душа котораго полна «яркаго свѣта, показывающаго истину всѣхъ вещей и ту, которая внутри него самого» **). И буддисты, и стоики, ставъ лицомъ къ лицу съ вѣчной проблемой зла, поняли что главный космическiй законъ заключается въ эволюцiи, въ измѣненiи вещей, которыя въ каждый послѣдующiй моментъ уже не тѣ, какими онѣ были въ предъидущiй. Оттого все чувствующее обречено на страданiе, все живое на смерть. «Зло есть смерть, чувствуемая жизнью» ***). Страданiе, разрушенiе, гибель и смерть сообщаютъ мiру трагическiй колоритъ. Онъ окрашиваетъ въ мрачный цвѣтъ и жизнь человѣчества, и природу. Апостолъ Павелъ пишетъ: «Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донынѣ» ****). Весь мiръ, «конечный во всемъ своемъ превосходствѣ и пре восходный во всей его конечности» *****) есть одна колоссальная трагедiя. Впрочемъ, трагизму природы мѣшаетъ отсутствiе личности, этого трагическаго центра. Ландшафты могутъ настраивать насъ на грустный ладъ. Но для трагическаго этого мало. Для него необходимо, чтобы природа олицетворилась до страдающей и гибнущей личности. Условiя для такого одухотворенiя природы рѣдки, какъ, напримѣръ, при изверженiи вулкана, когда лава разливается своимъ губительнымъ потокомъ по дѣвственному лѣсу и низвергаетъ вѣковые дубы. Если въ самой природѣ трагическое встрѣчается скорѣе, какъ исключенiе, то оно чаще играетъ трагическую роль въ жизни человѣка, надѣляя его

*) Тамъ же, стр. 59 - 60.

**) Pensées d. Marc Aurèle. Traduction nouvelle par J. Barthélemy St. Hilaire Paris. 1876. Livre XI, § XII, p. 409.

***) P. Gener, La Mort et le Diable. Paris, 1880, p. 724—725.

****) Къ римлянамъ посланiе Святого Апостола Павла VIII, 22.

*****) Köstlin, Aesthetik. Tübingen. 1868. S. 239.

безобразною наружностью, болѣзнями, пороками, съ которыми онъ тщетно борется, убивая его въ моментъ, когда ему всего нужнѣе жить для дѣла, которое ему подчасъ дороже самого себя. Такова смерть Мирабо, внушившая Карлейлю одну изъ лучшихъ, по своему трагизму, страницъ его «Исторіи французской революціи».

Особенно богата трагизмомъ Всемірная Исторія въ своихъ революціяхъ, низвергающихъ общественныя основы, подъ крушеніемъ которыхъ гибнутъ тысячи невинныхъ жертвъ, войнахъ, разрушающихъ цѣлыя государства, герояхъ, стремящихся то возвратить прошедшее (какъ, напримѣръ, Юліанъ, желавшій воскресить античную цивилизацію), то остановить время (какъ, напримѣръ, Демосѳенъ, боровшійся за спасеніе Греціи, уже сыгравшей свою историческую роль и готовой дать дорогу восходящей звѣздѣ Македонскаго могущества), то предвосхитить будущее (какъ, напримѣръ, Сократъ, стремившійся къ этическому самоопредѣленію личности, сбросившій съ себя мораль, установленную на подчиненіи государственному авторитету и вѣрѣ въ боговъ сомнительнаго поведенія). Не даромъ трагическіе поэты такъ склонны заимствовать свои сюжеты изъ исторіи. Эти сюжеты стали трагическими не потому, что они обработаны драматургами; напротивъ, послѣдніе воспользовались историческими событіями, оттого что въ нихъ много трагизма. Исторія, дѣйствительная жизнь, полныя борьбы, страданій, гибели и смерти, отражаясь въ искусствѣ, содѣйствуютъ появленію трагедіи. Хотя она есть наиболѣе полное воспроизведеніе трагическаго элемента жизни, но и другія искусства болѣе или менѣе способны служить ему выраженіемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Экспериментальныя данныя къ вопросу объ ассоціаціяхъ.

Н. Королькова.

(Докладъ, сдѣланный въ Обществѣ Нормальной и Патологической Психологіи).

Около четырехъ лѣтъ тому назадъ въ нѣсколькихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ были произведены опыты съ запоминаніемъ трехсложныхъ словъ разнаго значенія, причемъ оказалось, что ряды, составленные изъ словъ разнаго значенія, запоминаются не одинаково легко, и что учащіеся разнаго возраста не въ одинаковой степени чувствуютъ разницу въ трудности запоминанія данныхъ рядовъ *).

*) *А. Нечаевъ*, Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Стр. 28--54.

Повтореніе этихъ опытовъ въ Россіи *) и Германіи **) дало аналогичные результаты.

Въ прошломъ году, организованная при Русскомъ Обществѣ нормальной и патологической психологіи коммиссія для экспериментальнаго изслѣдованія учащихся подъ предсѣдательствомъ академика В. М. Бехтерева рѣшила поставить эти опыты въ болѣе широкихъ размѣрахъ, причемъ были вновь пересмотрѣны и возможно тщательно оцѣнены слова, входящія въ составъ данныхъ рядовъ. Послѣ продолжительнаго обсужденія рѣшено было произвести опыты съ запоминаніемъ слѣдующихъ словъ, обозначающихъ образы: 1) зрительные, 2) слуховые, 3) вкусовые и обонятельные, 4) термическіе и осязательные, 5) чувства и стремленія и 6) отвлеченныя понятія.

1.	2.	3.
Коляска	Музыка	Пахучій
Пуговка	Мычанье	Прокислый
Ножницы	Ворчанье	Душистый
Карандашъ	Журчанье	Соленый
Озеро	Хлопанье	Горчица
Колесо	Гудѣнье	Протухлый
Памятникъ	Рычанье	Уксусный
Картина	Свистанье	Сладенькій
Канава	Щелканье	Невкусный
Дерево	Жужжанье	Лакомый
Самоваръ	Топанье	Кислота
Бумага	Шипѣнье	Табачный

4.	5.	6.
Холодный	Сердечный	Дѣйствіе
Шершавый	Веселость	Прямота
Горячій	Отважный	Возможность
Теплота	Пугливость	Пространство
Морозный	Обида	Правдивость
Щекотка	Радостный	Простота
Колючій	Блаженство	Качество
Обжоги	Тревожный	Дѣленье
Пушистый	Желанье	Множество
Щипанье	Несчастье	Правильность
Прохладный	Мученье	Сложенье
Ледяной	Рѣшимость	Причина

*) *Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ*, произв. слушателями Педаг. Курсовъ В. У. В.—Спб. 1901. Стр. 19—29. *Труды по эксперим. педагогической психологіи* слушателей восп. Курсовъ при Педагогич. Музеѣ В. У. З. Спб. 1902. Стр. 45—48.

**) *Marx Lobsien*, Experimentelle Untersuchungen über die Gedächtnissentwickelung bei Schulkindern. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1901. B. 27.

Само собою разумѣется, что для оцѣнки результатовъ этихъ опытовъ въ высшей степени важно знать, насколько, дѣйствительно, данное слово способно вызывать въ сознаніи испытуемыхъ ассоціаціи опредѣленнаго вида и насколько, слѣдовательно, лучшее или худшее запоминаніе даннаго ряда словъ можно ставить въ зависимость отъ большаго или меньшаго развитія ассоціацій опредѣленнаго вида.

Для выясненія этого вопроса въ психологической лабораторіи при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній (подъ руководствомъ А. П. Нечаева) въ теченіе минувшей зимы были поставлены слѣдующіе опыты.

Испытуемый помѣщался въ особой комнатѣ, причемъ ему давались въ слуховой формѣ слова, входящія въ составъ указанныхъ выше рядовъ. Задача испытуемаго состояла въ томъ, чтобы назвать первое слово, которое будетъ вызвано въ его сознаніи даннымъ раздражителемъ. Для регистраціи скорости возникновенія данной ассоціаціи употреблялись два губныхъ ключа, соединенныхъ въ электрической цѣпи съ хроноскопомъ Гиппа. Экспериментаторъ обыкновенно имѣлъ при себѣ двухъ ассистентовъ, изъ которыхъ одинъ слѣдилъ за хроноскопомъ, а другой велъ подробный протоколъ. По слову «начинаю» испытуемый и экспериментаторъ брали въ ротъ губные ключи. Затѣмъ пускался въ ходъ хроноскопъ. Черезъ 2—3 секунды послѣ этого экспериментаторъ произносилъ опредѣленное слово, причемъ при произнесеніи перваго слога токъ замыкался, и стрѣлки хроноскопа начинали двигаться. При первомъ слогѣ, произнесенномъ испытуемымъ, токъ размыкался и стрѣлки останавливались. Послѣ этого записывалось время реакціи и испытуемый подвергался подробному опросу относительно качественной стороны возникшихъ у него ассоціацій. Опытъ съ каждымъ лицомъ продолжался обыкновенно немного болѣе часа. При этомъ принимались мѣры къ тому, чтобы на большую или меньшую скорость возникновенія ассоціацій при словахъ опредѣленнаго ряда не оказывало значительнаго вліянія утомленіе. Для этого: 1) періодически дѣлались небольшіе перерывы въ работѣ и 2) слова, принадлежащія къ одному и тому же ряду, давались не подрядъ, но въ чередованіи со словами другихъ рядовъ.

При нашихъ опытахъ было изслѣдовано 15 человѣкъ въ возрастѣ отъ 20 до 43 лѣтъ, а именно: 4 воспитателя кадетскихъ корпусовъ, 7 слушательницъ Фребелевскихъ педагогическихъ курсовъ, одно лицо, окончившее университетъ, одинъ студентъ университета, одинъ художникъ, пять лѣтъ тому назадъ потерявшій зрѣніе, и одинъ сторожъ педагогическаго музея. Надъ каждымъ лицомъ было произведено 72 измѣренія скорости ассоціацій, такъ что въ общей сложности сдѣлано было болѣе тысячи наблюденій. Кромѣ нижеподписавшагося, въ этихъ опытахъ принимали ближайшее участіе: Е. Э. фонъ-Зибертъ и Н. Г. Гурьевъ.

При разборѣ полученнаго матеріала мы прежде всего обратили вниманіе на то, что данныя слова вызывали въ сознаніи испытуемыхъ то опредѣлен-

ные образы, то одни лишь слова. Напримѣръ, услышавъ слово «бумага», одинъ испытуемый произноситъ слово «бѣлая», причемъ объясняетъ, что ему ясно представился зрительный образъ бумаги бѣлаго цвѣта; другой испытуемый въ отвѣтъ на слово «бумага» тоже произноситъ слово «бѣлая», но при опросѣ его оказывается, что съ этимъ словомъ въ его сознаніи не было связано никакого реальнаго образа: ассоціація была чисто словесной.

Спрашивается, насколько часто при каждомъ изъ вышеупомянутыхъ рядовъ словъ возникаютъ чисто словесныя ассоціаціи?

Оказалось, что наименьшее количество словесныхъ ассоціацій вызываютъ слова, обозначающія зрительные образы ($11,_8$%), а наибольшее—слова, обозначающія чувства, стремленія и отвлеченныя понятія (50%) (Таблица 1-я). Среднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ слова, обозначающія термическія и осязательныя ощущенія ($20,_2$%), слуховыя ($22,_2$%) и вкусовыя и обонятельныя ($25,_4$%).

Насъ интересовалъ вопросъ, въ какой степени измѣняется скорость ассоціацій въ зависимости отъ характера воспроизводимыхъ представленій. Для этого всѣ случаи ассоціированія при нашихъ опытахъ были раздѣлены на шесть группъ, соотвѣтственно характеру тѣхъ рядовъ, къ которымъ относилось слово, служившее исходнымъ пунктомъ ассоціаціи,—и затѣмъ вычислено среднее ариѳметическое время скорости возникновенія словесныхъ и реальныхъ ассоціацій у всѣхъ испытуемыхъ.

Оказалось (таблица 2-я), что словесныя ассоціаціи, въ среднемъ, всегда возникаютъ скорѣе реальныхъ, а именно: въ среднемъ для возникновенія словесныхъ ассоціацій безъ различія исходныхъ пунктовъ воспроизведенія потребовалось $2,_{12}''$, для возникновенія же реальныхъ ассоціацій— $2,_{45}''$ (со включеніемъ времени слухового воспріятія и мускульной реакціи при произнесеніи испытуемымъ отвѣта). Эту разницу въ скорости возникновенія словесныхъ и реальныхъ ассоціацій можно прослѣдить при всѣхъ данныхъ исходныхъ пунктахъ, причемъ ея измѣненіе въ зависимости отъ измѣненія исходнаго пункта воспроизведенія сказывается довольно рѣзко (0,01″—0,89″).

Изслѣдуя качество ассоціацій, вызываемыхъ словами даннаго ряда, мы замѣчали, что слова, принадлежащія къ одному и тому же ряду, и даже одно и то-же слово далеко не всегда вызываютъ ассоціаціи одного и того-же вида. Часто, напр., слово, вызывающее въ сознаніи одного человѣка ясный зрительный образъ, вызываетъ въ сознаніи другого слуховой или чисто словесный образъ. Наприм., при словѣ «жужжанье» у одного возникаетъ зрительный образъ пчелы, а другому припоминается жужжанье мухи, не сопровождаемое никакимъ зрительнымъ образомъ.

Иногда при данномъ исходномъ пунктѣ, по заявленію испытуемаго, возникаетъ сразу нѣсколько разнородныхъ образовъ. Напр., при словѣ «журчанье» одинъ испытуемый воспроизвелъ зрительный образъ ручья, слуховой образъ шума воды и осязательный образъ—моха, растущаго на берегу ручья.

Таблица 1.

⁰/₀ отношеніе количества ассоціацій словесныхъ и реальныхъ.

ИСХОДН. ПУНКТЪ.	% ОТНОШЕНІЕ.	
	Словесн.	Реальн.
1. Зрительн.	11,8	88,2
2. Слухов.	22,2	77,8
3. Вкусов., обонят.	25,4	74,6
4. Терм., осязат.	20,2	79,8
5. Эмоціонал.	50,0	50,0
6. Отвлечен.	49,7	50,3
ВСЕГО...	30,0	70,0

Таблица 2

Среднія скорости возникновенія ассоціацій словесныхъ и реальныхъ при разныхъ исходныхъ пунктахъ.

ИСХОДН. ПУНКТЪ.	Среднее ариөм. время скоростей ассоціацій.		
	Словесн.	Реальн.	Всѣхъ.
1. Зрительн.	2",22	2",23	2",23
2. Слухов.	1,94	2,23	2,17
3. Вкус., обонят.	1,76	2,41	2,27
4. Терм., осязат.	1,52	2,19	2.07
5. Эмоціональн.	2,32	3,21	2,80
6. Отвлечен.	2,41	2,94	2,69
ВСЕГО...	2",12	2",45	2",36

Таблица 3.

⁰/₀ количество ассоціацій разнаго характера по каждому изъ исходныхъ пунктовъ.

ИСХОДН. ПУНКТЪ.	Характеръ ассоціацій.					
	Зрит.	Слухов.	Вкус. обонят.	Терм. осязат.	Эмоціон.	Словесн.
1. Зрительн.	84,3	—	0,9	0,6	3,2	11,0
2. Слухов.	42.0	31,0	—	0,5	1,4	22,1
3. Вкусов., обонят.	36,3	1,1	32,0	0,3	5,3	25,0
4. Терм., осязат.	39,9	—	1,5	26,0	12,1	20,5
5. Эмоціональн.	17 1	2,8	0,6	—	29,5	50,0
6. Отвлечен.	31,1	2,0	—	1,4	11,0	49,5

Спрашивается, насколько указанные шесть рядовъ словъ способствуютъ возникновенію въ сознаніи испытуемыхъ тѣхъ или другихъ ассоціацій по преимуществу?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить таблица 3-я, изъ которой видно, что ряды словъ, построенные съ цѣлью вызывать въ сознаніи испытуемыхъ зрительные образы, дѣйствительно, по преимуществу вызываютъ зрительные образы, и прочіе ряды словъ также болѣе или менѣе удовлетворяютъ своему назначенію. каждый вызывая наибольшее количество ассоціацій *соотвѣтствующаго* характера *сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ вызывается словами другихъ рядовъ.* Ни одинъ рядъ не вызвалъ такого количества слуховыхъ образовъ, какъ рядъ № 2; ни одинъ рядъ не вызвалъ такого количества эмоціональныхъ событій, какъ рядъ № 5, и т. д.

Изъ анализа ассоціацій, вызываемыхъ отдѣльными словами, включенными въ опредѣленный рядъ, разсчитанный на вызовъ опредѣленнаго рода ассоціацій, оказалось, что не всѣ данныя слова въ отдѣльности одинаково хорошо удовлетворяютъ той цѣли, для которой они предназначены. Въ этомъ отношеніи можно всѣ слова, входящія въ составъ данныхъ рядовъ, расположить слѣдующимъ образомъ, начиная со словъ болѣе удачно достигающихъ своей цѣли (таблица 4-я).

Если взять процентное отношеніе ассоціацій разнаго качества, возникающихъ въ сознаніи испытуемыхъ при всѣхъ данныхъ исходныхъ пунктахъ, то окажется, что особенно часто возникаютъ зрительные образы ($40,_5$%), затѣмъ слѣдуютъ чисто словесныя ассоціаціи ($26,_5$%), далѣе ассоціаціи эмоціональнаго характера ($11,_2$%) и слуховые образы (10%). Послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ вкусовыя и обонятельныя ($6,_6$%), термическія осязательныя и мускульныя представленія ($5,_2$%). (Таблица 5-я).

Интересно прослѣдить, въ какой степени различіе въ качествѣ ассоціацій, возникающихъ при любомъ исходномъ пунктѣ, вліяетъ на ихъ относительную скорость. При разборѣ полученнаго нами матеріала оказалось, что въ среднемъ наименьшее время получалось тогда, когда въ сознаніи испытуемыхъ возникали термическія, осязательныя и мускульныя представленія ($2,_{03}''$), а наибольшее—когда возникали ассоціаціи эмоціональнаго характера ($2,_{57}''$) (таблица 5-я).

Если принять во вниманіе только тѣ случаи, когда слово, принадлежащее къ опредѣленному ряду, вызывало у испытуемыхъ образъ какъ разъ соотвѣтствующій общимъ цѣлямъ, имѣвшимся въ виду при построеніи каждаго даннаго ряда (т. е. когда, напр., слово, отнесенное къ ряду словъ, обозначающихъ зрительный образъ, дѣйствительно, вызывало зрительные образы), то разницу въ скорости ассоціацій, возникающихъ при всѣхъ данныхъ рядахъ, можно прослѣдить по таблицѣ 6-й.

Таблица 4.

Количество ассоціацій разнаго вида, вызванныхъ каждымъ даннымъ словомъ.

		Зрительн.	Слухов.	Вкусов., обонят.	Термич., осязат.	Эмоціональн.	Словесн.			Зрительн.	Слухов.	Вкусов., обонят.	Термич., осязат.	Эмоціональн.	Словесн.
I								II							
1	Пуговка. . . .	14	—	—	—	-	1	1	Гудѣнье . . .	5	9	—	—	—	1
2	Ножницы . .	14	-		—	-	1	2	Щелканье . .	2	9	—		--	4
3	Самоваръ . . .	14	—	—		-	1	3	Топанье . . .	4	8	—	—		3
4	Карандашъ . .	14	—	-	-		1	4	Свистанье .	3	8	—	—	1	3
5	Озеро. . . .	14	-	—	-	1	—	5	Жужжанье . .	5	8	—	—	—	2
6	Коляска . . .	13	—	—		-	2	6	Шипѣнье . .	6	8	—		—	1
7	Бумага	12	-	—	-	—	3	7	Музыка . . .	3	7	—	-	1	4
8	Картина . .	11	—	2	-	-	4	8	Ворчанье . .	4	6	-	—		5
9	Канава	11	2	-	-	-	2	9	Хлопанье . . .	5	6	—	1	-	8
10	Колесо . . .	10	-	-	—	—	3	10	Журчанье. . .	4	6	—	—	—	5
11	Дерево	10	-	-	1		4	11	Рычанье. . . .	6	5	—	—	-	4
12	Памятникъ . .	9	-	-	—	2	4	12	Мычанье . . .	6	4	—	--	—	5
III								IV							
1	Пахучій . . .	4	—	7	-	1	3	1	Теплота . .	3	—	—	6	2	4
2	Соленый . . .	3		7	—	1	4	2	Шершавый . .	4	—	—	5	1	5
3	Горчица . . .	5		7	-	1	2	3	Колючій . . .	6	—	-	5	1	3
4	Кислота . . .	3	—	7	—	2	3	4	Щипанье . . .	4	—	—	5	2	4
5	Прокислый . .	4	-	6		1	4	5	Горячій	5	--	2	4	2	2
6	Уксусный . .	7	—	6	—	—	2	6	Щекотка . . .	4	—	—	4	5	2
7	Протухлый . .	6	—	5	-	2	2	7	Холодный . . .	4	—		4	3	4
8	Душистый . .	4	-	5	-	1	5	8	Морозный. . .	6	—	—	4	2	3
9	Невкусный . .	4	—	5	—	1	5	9	Пушистый .	10	—	—	3	—	2
10	Табачный . . .	8	-	3	—	—	4	10	Прохладный .	4	—	1	3	3	4
11	Сладенькій . .	5	2	2	—	2	4	11	Ледяной . . .	7	—	—	2	1	5
12	Лакомый . .	6	—	1	-	1	7	12	Обжоги	8	—	—	1	2	4
V								VI							
1	Желанье . . .	1	-	1	—	8	5	1	Правдивость .	2	—	-	—	2	11
2	Рѣшимость . .	2	—	—	—	8	5	2	Качество .	1	—	—	1	2	11
3	Радостный . .	3	—	—		7	5	3	Возможность .	3	—	-	-	3	9
4	Сердечный . .	2	—	—	—	6	7	4	Прямота . . .	2	2	—	—	3	8
5	Тревожный . .	1	4	—	—	6	4	5	Простота .	5	—		—	2	8
6	Блаженство . .	2		—	—	5	8	6	Дѣйствіе . . .	5	1	—	1	1	7
7	Несчастье . .	3	—	-	-	4	8	7	Сложенье . . .	7	—	-	—	1	7
8	Обида. . . .	—	—	—	-	4	11	8	Дѣленье .	8	—	—	—	1	6
9	Пугливость .	4	—	—	—	3	8	9	Правильность .	10	—	—	—	-	5
10	Мученье . .	3	-	-	—	2	10	10	Пространство .	8	—	-	-	2	5
11	Отважный . .	3	—	-		2	10	11	Причина . .	5	—	-	—	5	5
12	Веселость . .	6	1	—	—	1	7	12	Множество . .	11	—		-	...	4

Таблица 5.

°/₀ отношеніе количества ассоціацій и средняя скорость ассоціацій разнаго вида безъ различія исходныхъ пунктовъ воспроизведенія.

ХАРАКТЕРЪ АССОЦІАЦІЙ.	°/₀ отношеніе количества ассоціац.	Средняя скорость ассоціац.
1. Зрительн.	40,5	2",44
2. Слухов.	10,0	2,49
3. Вкус., обонят.	6,6	2,44
4. Термич., осязат.	5,2	2,03
5. Эмоціональн.	11,2	2,57
6. Словесн.	26,5	2,12
ВСЕГО	100	2",36

Таблица 6.

Средняя скорость и °/₀ отношеніе количества ассоціацій, однородныхъ исходному пункту.

ИСХОДН. ПУНКТЪ.	Средняя скорость ассоціацій.	°/₀ отношеніе количества ассоціацій.
1. Зрительн.	2,23	27,7
2. Слухов.	2,39	20,4
3. Вкус., обонят.	2,49	13,7
4. Термич., осязат.	1,98	10,3
5. Эмоціонал.	3,14	10,3
6. Отвлечен. *)	2,41	17.6
ВСЕГО	2,40	100

Таблица 7.

Средняя скорость и °/₀ отношеніе количества сложныхъ ассоціацій.

ИСХОДН. ПУНКТЪ.	Средняя скорость ассоціацій.	°/₀ отношеніе количества ассоціацій.
1. Зрительн.	2,69	4,2
2. Слухов.	2,06	35,7
3. Вкусов., обонят.	2,75	23,0
4. Термич., осязат.	2 30	21,5
5. Эмоціонал.	4,09	7,8
6. Отвлечен.	2.91	7,8
ВСЕГО	2,50	100

*) Вызывали ассоціаціи чисто словеснаго характера.

Тамъ мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ наибольшее время получается при ассоціаціяхъ эмоціональнаго характера, а наименьшее—при возникновеніи термическихъ, осязательныхъ и мускульныхъ представленій.

Разсматривая тѣ случаи, въ которыхъ при данномъ исходномъ пунктѣ воспроизведенія повидимому сразу возникало въ сознаніи испытуемаго два или нѣсколько разнородныхъ образовъ, мы замѣтили въ среднемъ нѣкоторое удлиненіе скорости ассоціаціи въ сравненіи съ тѣми случаями, когда при данномъ исходномъ пунктѣ возникалъ только одинъ образъ соотвѣтствующаго характера. Скорость ассоціацій въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сознаніи испытуемаго воспроизводился только одинъ образъ, при нашихъ опытахъ равнялась $2,_4''$, въ тѣхъ же случаяхъ, когда возникало нѣсколько одновременныхъ образовъ, средняя скорость ассоціированія равнялась $2,_5''$ (таблицы 6-я и 7-я).

Это удлиненіе времени ассоціаціи наблюдалось нами при опытахъ со всѣми данными рядами словъ, за исключеніемъ словъ, обозначающихъ слуховыя впечатлѣнія, гдѣ, напротивъ, въ этомъ случаѣ наблюдалось замѣтное ускореніе въ процессѣ ассоціированія ($2,_{06}''$ вмѣсто $2,_{39}''$).

При всякомъ актѣ воспроизведенія представленій, какъ извѣстно, можетъ обнаружиться вліяніе разныхъ факторовъ безсознательнаго характера. Ассоціаціи, когда-то сопровождавшіяся яснымъ сознаніемъ, могутъ впослѣдствіи механизироваться и проявлять свое существованіе въ формѣ чисто физіологическихъ процессовъ, не сопровождающихся сознаніемъ. Подобнаго рода явленіе, повидимому, удалось обнаружить и при нашихъ опытахъ.

Предлагая испытуемымъ слова, взятыя изъ всѣхъ рядовъ, мы нерѣдко получали чисто словесныя ассоціаціи, причемъ испытуемые заявляли, что въ ихъ сознаніи не возникало ровно никакихъ реальныхъ образовъ. Однако скорость возникновенія этихъ словесныхъ ассоціацій была неодинакова при разныхъ исходныхъ пунктахъ и, что особенно замѣчательно, порядокъ въ различіи этихъ скоростей оказался въ значительной степени соотвѣтствующимъ порядку скорости ассоціацій при тѣхъ случаяхъ, когда испытуемымъ сознавалось представленіе соотвѣтствующаго вида. А именно, и въ этомъ случаѣ наибольшее время потребовалось для возникновенія словесныхъ ассоціацій при воспріятіи словъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія, чувства и настроенія, и наименьшее—для возникновенія словесныхъ ассоціацій при воспріятіи словъ, обозначающихъ термическія, осязательныя и мускульныя представленія (таблицы 2-я и 6-я).

Что касается вопроса о легкости, съ которой механизируются реальныя ассоціаціи разнаго вида, превращаясь въ ассоціаціи чисто словеснаго характера, то отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить указаніе на ту разницу въ скорости реальныхъ и чисто словесныхъ ассоціацій при исходныхъ пунктахъ разнаго вида, которую мы уже имѣли случай отмѣтить. Изъ таблицы 2-й можно заключить, что наиболѣе легко механизируются ассоціаціи зрительнаго

и слухового характера и наиболѣе трудно—ассоціаціи эмоціональнаго, термическаго и осязательнаго характера.

При сравненіи результатовъ, полученныхъ при опытахъ надъ отдѣльными лицами, обнаружились значительныя индивидуальныя особенности въ скорости ассоціацій и въ качествѣ ихъ. Средняя скорость возникновенія ассоціацій у разныхъ лицъ колебалась между 0,86″ и 4,97″ (послѣднее число получилось при опытахъ, произведенныхъ надъ сторожемъ педагогическаго музея, единственнымъ неинтеллигентнымъ испытуемымъ). Процентное количество чисто словесныхъ ассоціацій у отдѣльныхъ лицъ колебалось въ предѣлахъ отъ 1% до 68,5%, и слѣдовательно минимальное количество реальныхъ ассоціацій у испытуемыхъ было 31,5%, а максимальное—99%.

II. Рецензіи и рефераты.

1. *Психологія.*

Педологическій Ежегодникъ, издаваеый подъ редакціей проф. д-ра М. Шуйтена.

Paedologisch Jaarboek onder redactie van prof. Dr. M. C. Schuyten, bestuurder van der paedologischen schooldienst en van het stedelijk paedologisch laboratorium. (Stad Antwerpen). 1902—1903. 479 стр.

Въ послѣдніе годы невольно начинаетъ обращать на себя вниманіе дѣятельность антверпенскаго профессора Schuyten'а, усердно работающаго надъ вопросами психофизіологическаго развитія учащихся. Благодаря его энергіи, въ Антверпенѣ организовалось Педологическое Общество, въ составъ котораго входятъ не только выдающіеся ученые и практическіе педагоги Бельгіи, но также представители «науки о дѣтяхъ» изъ всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странъ міра. «Педологическій Ежегодникъ» (точное заглавіе котораго приведено выше) даетъ яркую картину работы этого юнаго общества.

Значительная часть этого сборника (стр. 261—417) посвящена библіографическому обзору за 1901 и отчасти 1900 и 1902 г. (по антропометріи, физіологіи, психологіи, гигіенѣ и патологіи). Конецъ книги (стр. 420—478) заключаетъ въ себѣ Протоколы Засѣданій Общества. Но главная часть сборника состоитъ изъ подробнаго отчета объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ надъ учащимися профессоромъ Schuyten'омъ. Постараемся познакомить читателей съ главными вопросами и методами, опредѣляющими эти работы.

1) *Вліяетъ-ли матеріальное положеніе жителей города Антверпенъ на мускульную силу дѣтей школьнаго возраста?*

Подобнаго рода вопросомъ уже занимался Макъ-Дональдъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ американскими дѣтьми. Слѣдуя въ общемъ методу этого ученаго, Schuyten вноситъ въ него нѣкоторыя поправки. Раздѣленіе учениковъ по Макъ-Дональду—на богатыхъ и бѣдныхъ согласно ремеслу родителей онъ находитъ недостаточно точнымъ и опредѣляетъ матеріальное положеніе родителей согласно налогамъ, которымъ они подлежатъ. Затѣмъ авторъ прини-

маетъ въ соображеніе возрастъ дѣтей (въ его наблюденіяхъ—10 л.) и время года. Наблюденія производились ежедневно въ теченіи двухъ лѣтъ, для каждой школы въ свой опредѣленный часъ, при совершенно одинаковой обстановкѣ и тождественныхъ условіяхъ, подъ правильнымъ контролемъ. Авторъ неоднократно указываетъ на то, что всѣ эти условія имѣютъ очень важное значеніе. Для своихъ наблюденій онъ раздѣлялъ школы для мальчиковъ на четыре группы (g), въ первую группу (для болѣе богатыхъ) и въ послѣднюю (для дѣтей бѣдныхъ родителей) вошли по четыре школы въ каждую группу, во вторую же и третью группы только по три школы. Для дѣвочекъ были организованы также четыре группы школъ—по четыре школы въ каждой группѣ.

Было произведено 27120 опытовъ, главнѣйшіе результаты которыхъ выражаются въ слѣдующей таблицѣ:

МАЛЬЧИКИ.

	Род. 1889.	1890.	1889 и 1890.
g^1	166.5	142.8	154.7
g^2	160.8	133.9	147.7
g^3	161.5	132.3	148.4
g^4	154.3	134.9	145.2
$g^1 + g^2$	163.3	138.4	151.2
$g^3 + g^4$	157.1	133.9	146.4

Приведенныя цифры выражаютъ въ килограммахъ давленія средніе выводы изъ наблюденій, произведенныхъ въ теченіе года надъ среднимъ ученикомъ.

Оказывается, что бѣдныя группы стоятъ ниже богатыхъ, въ особенности, если сравнить $g^1 + g^2$ съ $g^3 + g^4$. По отношенію къ дѣвочкамъ выводъ этотъ менѣе опредѣленъ.

Изъ сравненія группъ между собою видно, что сумма среднихъ группъ ($g^2 + g^3$) у мальчиковъ ниже g^1, но выше g^4, что указываетъ на нормальное соціальное положеніе. У дѣвочекъ скорѣе $g^4 > g^2 + g^3$.

Всѣ эти явленія тождественны въ теченіи всего года, и смѣна временъ года на нихъ не вліяетъ.

Раздѣляя учениковъ на богатыхъ и бѣдныхъ, Schuyten оговариваетъ, что начальныя школы посѣщаются далеко не всѣми богатыми и не всѣми бѣдными; онѣ посѣщаются лишь небольшою частью всего населенія города; въ школы попадаетъ скорѣе средній классъ и среди этого средняго класса и было сдѣлано раздѣленіе на группы.

Выводы Schuyten'а совпадаютъ съ наблюденіями Макъ-Дональда, производившимися въ опредѣленномъ городѣ, но при недостаточно точномъ методѣ. Изъ этого можно заключить, что вездѣ можно найти тѣ же однородныя группы, и весьма возможно, что выводы Шуйтена примѣнимы и тамъ, гдѣ производилъ свои опыты Макъ-Дональдъ. Въ концѣ своей статьи Шуйтенъ говоритъ, что по окончаніи изслѣдованій многія его предубѣжденія противъ метода Макъ-Дональда исчезли.

Наконецъ, Шуйтенъ приводитъ еще результаты 4800 наблюденій, сдѣланныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1900 года надъ мальчиками и дѣвочками, рожденными въ 1893 и 1894 г., причемъ мѣсяцъ рожденія преднамѣренно не принимался въ разсчетъ, раздѣленіе же по матеріальному положенію строго соблюдалось. Оказалось, что бѣдныя дѣти сильнѣе богатыхъ.

На основаніи этого Schuyten полагаетъ, что между мускульной силою богатыхъ дѣтей и бѣдныхъ существенной разницы нѣтъ и высказываетъ предположеніе, что въ будущемъ исчезнетъ и эта небольшая разница. Желательно ли такое будущее, спрашиваетъ онъ въ концѣ своей статьи, въ особенности если сопоставить его съ тѣмъ общимъ стремленіемъ къ уравненію всѣхъ классовъ, которое такъ ясно сказывается среди цивилизованнаго человѣчества? Не отвѣчая прямо на этотъ вопросъ Шуйтенъ представляетъ его рѣшеніе спеціалистамъ соціологамъ.

2) *Измѣненіе мускульной силы въ связи съ умственнымъ развитіемъ учениковъ.*

Многіе ученые выясняли соотношеніе между физическимъ строеніемъ человѣка и его психикой. Schuyten изслѣдуетъ вопросъ о соотношеніи физической силы съ умственнымъ развитіемъ дѣтей школьнаго возраста. Многочисленные опыты надъ силою давленія у дѣтей, которые авторъ имѣетъ подъ рукою, даютъ ему возможность прибавить новую страницу къ изслѣдованію соотношенія между душою и тѣломъ.

Трудною задачею при подобныхъ изслѣдованіяхъ является группировка дѣтей по ихъ умственному развитію. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно пользуются указаніями учителей, но опытъ не разъ показывалъ, что эти указанія часто ошибочны. Schuyten руководится другими соображеніями. Исходя изъ того общаго принципа, что ученикъ 10 класса болѣе развитъ, чѣмъ ученикъ 7-го и т. д. онъ размѣщалъ учениковъ, надъ которыми производились наблюденія, въ разные классы, и затѣмъ уже группировалъ ихъ согласно тому, въ какомъ классѣ они обучались. Всѣ дѣти были одного возраста *). Полученные результаты показываютъ, что наиболѣе развитые ученики (мальчики и дѣвочки) вмѣстѣ съ тѣмъ и самые сильные.

Изъ опытовъ, произведенныхъ затѣмъ надъ вышеупомянутыми четырьмя соціальными группами, выяснилось слѣдующее:

1) Дѣти богатыхъ родителей въ высшихъ и низшихъ классахъ (болѣе интеллигентныхъ и менѣе интеллигентныхъ) физически сильнѣе, чѣмъ дѣти бѣдныхъ родителей.

2) Въ среднихъ группахъ мальчики болѣе интеллигентные болѣе развиты въ мускульномъ отношеніи, чѣмъ мальчики крайнихъ группъ.

$$1.\ g^1 > (g^2 + g^3) = 5.7$$
$$2.\ g^4 < (g_2 + g^3) = 9.1$$

У менѣе интеллигентныхъ получается обратное отношеніе:

$$3.\ g^1 > (g_2 + g^3) = 15.1$$
$$4.\ g^4 > (g_2 + g^3) = 5.4$$

У дѣвочекъ опыты надъ обѣими категоріями дали слѣдующее:

$$\left.\begin{array}{l} 5.\ g^1 > (g^2 + g^3) = 4.5 \\ 6.\ g^4 > (g^2 + g^3) = 2.7 \end{array}\right\}$$
$$\left.\begin{array}{l} 7.\ g^1 > (g^1 + g^3) = 7.7 \\ 8.\ g^4 > (g^4 + g^3) = 7.4 \end{array}\right\}$$

*) Аналогичный методъ опредѣленія сравнительной интеллигентности учащихся см. въ «Педагогич. Сборникѣ» за 1901 г., въ статьѣ «Таблицы успѣшности учебныхъ занятій кадетъ». (Изъ отчета Педагогическаго Музея для Нижегородской выставки). *Прим. ред.*

Съ соціальной точки зрѣнія отношенія 1, 4, 6 и 8—не нормальны.

3) *Опыты всесторонняго анализа ребенка.*

Тѣло животныхъ представляетъ вполнѣ симметричное строеніе. Schuyten полагаетъ, что всякое отклоненіе отъ симметріи — всякую ассиметрію — какъ у взрослаго, такъ и у ребенка можно разсматривать, какъ задержку въ правильномъ ходѣ развитія, какъ болѣе или менѣе ясно выраженную атрофію. Основываясь на этомъ весьма распространенномъ мнѣніи, можно заключить, что воспитаніе ребенка непремѣнно должно считаться со всякой ассиметріей, которой ребенокъ можетъ быть подверженъ.

Авторъ дѣлаетъ попытку къ указанію пути для подробнаго анализа ребенка. Онъ по возможности всесторонне изслѣдуетъ дѣвочку $8^1/_2$ лѣтъ, ученицу одной изъ платныхъ городскихъ школъ.

1) Антропометрія (т. е. изслѣдованіе пропорціи тѣла).

2) Психо-физическое изслѣдованіе: мускульная сила, равновѣсіе движеній, осязаніе, зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, память и воображеніе, произношеніе, быстрота реакціи, эргографія (два послѣднія изслѣдованія не были произведены за неимѣніемъ приспособленій).

III. Особенности характера.

IV. Заключительный выводъ.

Изслѣдованія показали слѣдующее:

1) Ребенокъ болѣе чѣмъ нормально развитъ по росту, вѣсу и мускульной силѣ.

2) Симметрія тѣла почти полная.

3) Зрѣніе очень хорошее на оба глаза; ассиметрія же слуха выражена очень ясно, осязаніе (прикосновеніе) нормально: ошибки тѣ же, какія наблюдаются у всѣхъ хорошо сложенныхъ дѣтей.

4) Вниманіе отличное, но очень непродолжительно (общее явленіе).

5) Память на стихи и совершившіеся факты—очень острая, на прозу—слабѣе, на цифры крайне слаба.

6) Воображеніе богатое: ребенокъ можетъ выдумывать безконечные хорошо составленные разсказы.

7) Хорошо усвоенныя понятія прочно удерживаются въ памяти.

На основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что съ педагогической точки зрѣнія дѣвочка должна стать хорошей ученицей, если же эти ожиданія не оправдаются, то вина въ томъ падетъ не на нее, въ особенности если къ сказанному прибавить, что дѣвочка очень послушна, жива, но разсудительна, вкусы ея просты, она никогда не капризничаетъ, много смѣется, но только тогда, когда это позволено.

Съ помощью этихъ данныхъ легко можно рѣшить, какъ должно быть поставлено воспитаніе дѣвочки. Къ сожалѣнію современная школьная система не позволяетъ разсматривать учениковъ иначе, какъ во всей ихъ совокупности.

4) *Колебаніе памяти у учениковъ.*

Многіе авторы упоминаютъ о томъ, что дѣтская память подвержена многочисленнымъ колебаніямъ. Schuyten полагаетъ также заняться этимъ вопросомъ, но самымъ подробнымъ образомъ, такъ какъ до сихъ поръ этимъ вопросомъ занимались лишь вскользь, поскольку это было необходимо для изученія умственной утомляемости. Откладывая подробное изложеніе предполагаемаго метода изслѣдованія до другого раза, авторъ рѣшаетъ слѣдующіе два вопроса:

1) Дѣйствительно ли существуетъ колебаніе памяти?

2) Какія причины вызываютъ эти колебанія?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ Schuyten производилъ опыты надъ тремя группами дѣтей.

a) 10 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ одного возраста (9 л.) изслѣдовались съ точки зрѣнія цифровой памяти передъ началомъ уроковъ въ 8$^1/_2$ часовъ, потомъ въ 10$^1/_2$ часовъ.

в) 10 мальчиковъ отъ 15—18 л., ученики торговаго училища въ Брюсселѣ, изслѣдовались въ 3 часа и въ 4. (Это училище находится при новомъ университетѣ, производимые опыты демонстрировались передъ слушателями курса педологіи).

c) 143 мальчика и 151 дѣвочка одного возраста (10 л.) составили группу, съ которой производились также наблюденія надъ мускульной силой.

Общій итогъ произведенныхъ опытовъ, тождественныхъ для всѣхъ группъ, показалъ, что колебанія памяти зависятъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Отъ утомленія, вызваннаго умственнымъ напряженіемъ во время уроковъ.

2) Отъ упражненія.

3) Отъ мѣста, занимаемаго даннымъ впечатлѣніемъ въ ряду другихъ впечатлѣній, предложенныхъ къ воспріятію.

4) Отъ умственнаго развитія.

5) Отъ пола.

Къ этому можно еще прибавить, что колебанія памяти зависятъ еще:

6) Отъ временъ года,

7) Отъ общественнаго положенія дѣтей,

8) Отъ физическаго склада.

На этихъ пунктахъ должно основываться изученіе памяти учениковъ.

В. Лай. Экспериментальная дидактика. Experimentelle Didaktik. Ihre Grundlegung mit besonderer Rücksicht auf Muskelsinn, Wille und Tat. Von D-r W. A. Lay. I Allgemeiner Teil. Wiesbaden. 1903.

Въ этой работѣ Лай пытается выяснить общія основы преподаванія, выработанныя имъ на основаніи данныхъ, собранныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ путемъ наблюденія надъ умственной работою учащихся. Опираясь постоянно на данныя современной экспериментальной психологіи—Лай на ряду съ общими вопросами дидактики обращаетъ особое вниманіе на мускульное чувство, на его постепенное развитіе у дѣтей, и на связанное съ нимъ развитіе воли учащихся.

Первая, общая часть дидактики разбираетъ значеніе и примѣненіе экспериментальнаго метода къ области дидактики. Съ этою цѣлью авторъ останавливается на дѣтской психологіи, на вопросахъ эстетическихъ, религіозныхъ, патологическихъ и гигіеническихъ и указываетъ соотвѣтствующую литературу.

Непосредственно за основными положеніями слѣдуетъ изложеніе результатовъ экспериментальныхъ наблюденій, ставятся дидактическія задачи и указываются пути и средства къ ихъ разрѣшенію путемъ наблюденій. Многіе типичные примѣры такихъ опытовъ изложены подробно въ послѣдовательномъ порядкѣ при возникновеніи и проведеніи на практикѣ.

Изъ собственныхъ наблюденій автора, впервые опубликованныхъ въ этой книгѣ, отмѣтимъ его опыты надъ моторной памятью словъ и чиселъ (192—204) и опыты, произведенные для выясненія отношенія типовъ воспріятія предметовъ и словъ (214—124).

Заставляя учениковъ запоминать слова и числа въ разныхъ формахъ (слуховой и зрительной, въ соединеніи съ моторной и съ устраненіемъ послѣдней [1]), Лай пришелъ къ заключенію, что присоединеніе моторной формы воспріятія слова къ слуховой или зрительной значительно повышаетъ результатъ запоминанія. Наблюденія Лайя надъ тѣмъ, въ какой степени та или другая форма чувственнаго воспріятія словъ и чиселъ облегчаетъ учащимся усвоеніе даннаго матеріала, привели его къ слѣдующимъ выводамъ:

1. «Типовъ чувственнаго воспріятія» совсѣмъ не существуетъ, если ихъ характеризовать наличностью представленій словъ и чиселъ, являющихся въ одной лишь слуховой, зрительной или моторной формѣ; но слѣдуетъ различать людей зрительнаго, слухового и моторнаго типа въ томъ смыслѣ, что чувственныя впечатлѣнія извѣстнаго рода оказываются у нихъ господствующими и одни только (или въ соединеніи съ опредѣленными другими) даютъ лучшіе результаты при воспріятіи и запоминаніи.

2. Смѣшанный типъ обнимаетъ собою цѣлый рядъ подтиповъ.

3. Многіе ученики оказываются, по отношенію къ представленіямъ словъ, принадлежащими не къ тѣмъ типамъ, какъ по отношенію къ представленіямъ чиселъ.

4. Разные типы чувственнаго воспріятія не одинаково распространены среди учащихся. Больше всего представителей моторнаго и зрительнаго типа, меньше всего—слухового (212).

Изъ результатовъ, полученныхъ Лайемъ при опытахъ, имѣвшихъ цѣлью выясненіе отношенія типовъ наиболѣе легкаго воспріятія предметовъ и словъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій: представители зрительнаго, слухового, моторнаго или смѣшаннаго типа въ области воспріятія словъ часто оказываются представителями тѣхъ же самыхъ типовъ и въ области воспріятія предметовъ, хотя одинъ и тотъ же ученикъ можетъ обнаружить принадлежность къ различныхъ типамъ въ области представленій словъ, чиселъ и предметовъ (стр. 218).

Въ концѣ сочиненія авторъ еще разъ указываетъ на сущность и значеніе экспериментальнаго метода изслѣдованія въ области педагогики, говоритъ о значеніи дидактическихъ наблюденій, статистики и дидактическаго опыта—и говоритъ о необходимости учрежденія каѳедры педагогики при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и болѣе основательнаго учрежденія педагогическаго изслѣдованія въ учительскихъ семинаріяхъ и педагогическихъ институтахъ.

Авторъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что старыя требованія сдѣлать обученіе «натуральнымъ», «нагляднымъ» и т. д. въ послѣднія десятилѣтія не получаютъ дальнѣйшаго развитія, причемъ дидактическое уясненіе этихъ началъ обыкновенно сводится только къ діалектическимъ раздѣленіямъ и методическимъ хитростямъ. «Новая психологія,—говоритъ онъ,—объясняетъ, отчего это происходитъ. Она показываетъ, что начала натуральности и наглядности представляютъ собою великія психологическія и дидактическія проблемы, ко-

[1]) Для устраненія моторной формы воспріятія слова, испытуемый долженъ былъ зажимать кончикъ своего языка между зубами.

торыя могутъ быть разрѣшены только при детальномъ ихъ разсмотрѣніи. Мы должны углубить дидактическія требованія Коменскаго и Песталоцци. Что слѣдуетъ признать натуральнымъ въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ обученія? Что надо считать нагляднымъ при воспріятіи опредѣленнаго предмета или явленія извѣстнымъ ребенкомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ? Обсуждая эти вопросы, вспомнимъ только о разныхъ ступеняхъ душевнаго развитія, о разныхъ типахъ памяти и пониманія, о различіи въ работоспособности, и т. д.! Мы знаемъ множество примѣровъ того, насколько экспериментальный методъ (массовыя испытанія и экспериментъ въ связи съ наблюденіемъ) бываетъ въ состояніи заново и глубже обосновать дидактику и насколько существенна польза, которую онъ приноситъ успѣхамъ дидактики» (573 стр.).

При этомъ авторъ соглашается съ тѣмъ, что теоретическая психологія съ ея опытами не могутъ служить *единственнымъ* базисомъ педагогики или хотя бы только дидактики. Онъ признаетъ, что многія работы, выходящія изъ лабораторіи Вундта и другихъ современныхъ психологовъ, могутъ имѣть только въ высшей степени отдаленное отношеніе къ педагогикѣ. Но, по мнѣнію Лайя, «эти самые факты должны привести насъ къ убѣжденію, что дидактика не должна, подобно нищей, ожидать себѣ крохъ, падающихъ со стола теоретической психологіи, но сама должна примѣнять могучія средства экспериментальнаго метода» (573 стр.).

Первая часть «Дидактики» изложена общедоступно, многочисленные примѣры изъ дѣтской жизни подобраны удачно и изложены просто и наглядно. Начинающимъ педагогамъ эта книга откроетъ глаза на ту необъятную массу вопросовъ, которая встрѣтится имъ въ школьной практикѣ и облегчитъ имъ первые шаги въ области психологическихъ и дидактическихъ наблюденій и опытовъ

Вторая—спеціальная часть «Дидактики»—еще не вышедшая въ свѣтъ, займется изученіемъ—на экспериментальной почвѣ—методики отдѣльныхъ предметовъ преподаванія.

А. С.

---

2. *Психопатологія.*

Альбертъ Вильсонъ. Случай двойного сознанія. (The Journal of Mental Science. Vol XLIX, № 207, Oct. 1903).

Въ литературѣ извѣстны случаи двойного сознанія, когда больной имѣетъ такъ сказать двойное «я», часто совершенно не знаетъ, что онъ совершилъ во время второго «я», не знаетъ, напр., наукъ и ремеслъ, которымъ научился во время второго «я», однимъ словомъ живетъ 2 совершенно отдѣльными другъ отъ друга жизнями. Въ случаѣ же автора было не менѣе 12 такихъ состояній, изъ которыхъ нѣкоторыя длились по нѣсколько мѣсяцевъ. Больная никогда не помнила въ нормальномъ состояніи чего-либо, что случилось въ одномъ изъ ея патологическихъ состояній; каждое изъ послѣднихъ имѣло свои постоянныя проявленія, составляло, такъ сказать, особую личность; въ каждомъ изъ отдѣльныхъ состояній больная все знала, что было въ одномъ изъ прежнихъ періодовъ того же состоянія, но рѣшительно ничего не помнила о другихъ состояніяхъ. Впервые раздвоеніе личности появилось въ возрастѣ 12 лѣтъ, послѣ инфлюэнцы; тогда появилось состояніе, называемое авторомъ B_1, вообще повторявшееся рѣдко и характеризовавшееся рѣзкимъ возбужденіемъ, страхами

передъ воображаемыми гадами и сильнѣйшей жаждой. Въ состояніи B_2 больная называетъ себя вещью, пишетъ справа налѣво (но не зеркальнымъ письмомъ), говоритъ и держитъ себя какъ малый ребенокъ, иногда приходитъ въ гнѣвный аффектъ и въ состояніе каталепсіи. Состояніе B_3 продолжалось каждый разъ довольно долго, отъ 3 до 10 недѣль, больная называла себя «старымъ чертомъ», отличалась дурнымъ характеромъ. умѣла писать и читать правильно; въ этомъ состояніи всегда отличное физическое здоровье. Въ состояніи B_4 больная была глухонѣмой; это состояніе повторилось 5 разъ, каждый разъ по нѣсколько дней. Состояніе B_5 появилось только 1 разъ и продолжалось 3 недѣли; больная увѣряла, что ей только 3 дня отъ роду, между тѣмъ помогала хорошо матери въ хозяйствѣ, могла правильно писать, но при чтеніи по складамъ начинала всегда съ конца слова. Въ B_6 очень походила на B_2, но была гораздо любезнѣе и милѣе; въ состояніи B_2 больная научилась читать и писать, а въ состояніи B_6 ее снова должны были учить; въ этомъ же состояніи больная научилась французскому языку, но знала его только, когда снова переходила въ состояніе B_6; наоборотъ, она въ состояніи B_3 въ 1896 г. была на морскомъ берегу и научилась плавать, въ состояніи же B_6 въ 1898 г. тотъ же самый морской курортъ былъ совершенно незнакомъ ей и она не умѣла плавать. Въ состояніи B_7 больная не могла ходить, но отлично помнила всѣ обстоятельства до заболѣванія инфлюэнцой. Состояніе B_8 продолжалось очень недолго (4 дня), появилось послѣ судорожнаго припадка и характеризовалось потерей сознанія, напоминая состояніе послѣ приступа падучей. Въ состояніи B_9 больная была глуха, слѣпа, такъ что могла руководиться только чувствомъ осязанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, рисовала карандашомъ, каковая способность отсутствовала во всѣхъ другихъ состояніяхъ. Кромѣ того, существовало слабоуміе и параличъ нижнихъ конечностей. Въ состояніи B_{10} больная, проявляя признаки нравственнаго помѣшательства, обнаруживая крайнюю жестокость, хотѣла, напр., впихнуть свою младшую сестру въ огонь. Въ меньшей степени тѣ же наклонности были на-лицо въ состояніи B_{11}, такъ какъ она пристрастилась къ воровству. Отчасти это состояніе напоминало B_2, такъ какъ больная писала справа налѣво и B_6, такъ какъ она говорила по-французски. Наконецъ въ возрастѣ 17 лѣтъ появилось состояніе B_{12}, обнаружившееся крайнимъ упрямствомъ и половымъ возбужденіемъ.

А. Бари.

Д-ръ Анри Цбинденъ. Боязнь безсонницы. D-r Henri Zbinden. La crainte de l'insomnie. (Archives de Psychologie, 1903. № 6).

Авторъ выдвигаетъ значеніе психологіи, какъ психотерапевтической области. На основаніи личныхъ клиническихъ наблюденій онъ склоненъ придавать большое значеніе психологической этіологіи многихъ функціональныхъ болѣзней и обращаетъ вниманіе на благодѣтельное значеніе психическихъ вліяній въ примѣненіи ко многимъ нервнымъ больнымъ, страдающимъ безсонницей. Хотя теперь и появляется много новыхъ снотворныхъ, но всѣмъ имъ авторъ предпочитаетъ психотерапію. Главное, по его мнѣнію, это — отысканіе причины безсонницы. То, что прежде всего бросается въ глаза у субъекта (особенно женщины), страдающаго безсонницей—это *безпокойство*, сопровождающее послѣднюю. Больная обыкновенно безпокоится не только по поводу того, что безсонница можетъ отразиться на ея здоровьѣ, но она въ то же время постоянно думаетъ и говоритъ объ этомъ, ищетъ новыхъ средствъ и

т. д.—и въ концѣ концовъ отъ всѣхъ этихъ заботъ приходитъ въ столь возбужденное состояніе, что въ дальнѣйшемъ снова не можетъ уснуть. Авторъ сравниваетъ это явленіе съ боязнью покраснѣнія; и тамъ боязнь покраснѣть вызываетъ покраснѣніе, здѣсь боязнь безсонницы мѣшаетъ уснуть.

Достаточно, по автору, сумѣть успокоить больную удачнымъ разговоромъ, запретить ей думать и говорить о безсонницѣ—и больная пріобрѣтаетъ утраченный сонъ. Механизмъ вліянія безпокойства на безсонницу авторъ объясняетъ слѣдующимъ простымъ путемъ: безпокойное ожиданіе вызываетъ состояніе мозгового возбужденія, которое вполнѣ естественно противодѣйствуетъ тому состоянію, котораго требуетъ сонъ.

Безпокойное ожиданіе при безсонницѣ то же, что чувство стыда при боязни покраснѣнія. Психотерапія, предлагаемая авторомъ, какъ видно, очень проста и извѣстна уже давно; къ сожалѣнію, она мало цѣлесообразна въ тяжелыхъ случаяхъ агрипніи.

Ю. Португаловъ.

---

3. Гипнотизмъ.

Д-ръ Мильнъ Брамвель. О леченіи запоя и затяжного пьянства внушеніями въ гипнозѣ. *D-r I. Milne Bramwell* (London). (On the treatment of dipsomania and chronic alcoholism by hypnotic suggestion). The Quarterly Journal of Inebriety. 1903. April. стр. 122.

Dr. I. Milne Bramwell въ очень интересной статьѣ сообщаетъ свои результаты по леченію запойныхъ и затяжныхъ пьяницъ внушеніями въ гипнозѣ. Въ теченіи 10 лѣтъ у него было 76 такихъ больныхъ. Изъ нихъ 28 (17 мужчинъ и 11 женщинъ) выздоровѣли, т. е., совершенно не пьютъ въ среднемъ 3 года, maximum 10 лѣтъ. 36 больныхъ поправились (26 мужчинъ и 10 женщинъ), т. е., они пьютъ очень рѣдко и находятся подъ наблюденіемъ уже не менѣе $3^1/_2$ лѣтъ. Наконецъ, въ 12 случаяхъ (10 мужч. и 2 женщ.) успѣха не было и леченіе было вскорѣ прервано. Наибольшее количество сеансовъ, потребное для излеченія, равнялось 40, причемъ желательно, чтобы больной находился подъ наблюденіемъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Статья д-ра *M. Bramwell'*я представляетъ значительный интересъ въ томъ отношеніи, что почти всѣ больные автора принадлежали къ запойнымъ, случаи были очень запущенные и больные передъ тѣмъ уже безуспѣшно лечились и въ санаторіи, и другими способами, имѣющими въ основѣ внушеніе, напр., леченіе золотомъ по системѣ *Keeley*. Всѣ приводимыя авторомъ исторіи болѣзней замѣчательны сами по себѣ, но, по моему мнѣнію, особенно выдается одна (№ 5). Дѣло идетъ о 37-лѣтнемъ господинѣ съ алкогольной наслѣдственностью. Началъ онъ лечиться въ декабрѣ 1898 года. Онъ калѣка, вслѣдствіе дѣтскаго паралича, постоянно и сильно пьетъ уже много лѣтъ; лишь одинъ разъ, заключенный въ пансіонъ, не пилъ 6 мѣсяцевъ. Онъ богатъ, ничѣмъ не занимается, не имѣетъ друзей. Онъ постоянно пьетъ, хорошо переноситъ спиртные напитки, постоянно благодушенъ, тупъ и для него все безразлично. Подъ вліяніемъ леченія гипнозомъ онъ совершенно бросилъ пить, у него появились здоровые интересы и онъ сталъ вести дѣятельный образъ жизни. Выздоровленіе полное, продолжается

5 лѣтъ. Это поистинѣ чудесное преображеніе уже не молодого человѣка, котораго ни внѣшнія обстоятельства, ни личныя желанія не побуждали лечиться! Этотъ фактъ, по автору, какъ нельзя лучше доказываетъ, что влеченіе къ пьянству есть внушенное состояніе, которое подъ вліяніемъ внушенія же совершенно исчезаетъ. Всѣ случаи д-ра *Bramwell*'я самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что никогда не поздно лечиться отъ пьянства, что не слѣдуетъ отказываться отъ попытки леченія даже въ самыхъ трудныхъ случаяхъ. Выводы, дѣлаемые авторомъ изъ своихъ наблюденій, подтверждаютъ взгляды лучшихъ специалистовъ въ этой области (*Бехтеревъ*, *Рыбаковъ*, *Кнери*, *Forel*, *Voisin*, *Fares*, *de Jong*, *von Eeden*, *von Reutergheen*, *Bérillon*, *Wetterstrand*, *Schrenck Notzing* и др.). Въ большинствѣ случаевъ для успѣшнаго леченія необходимо доброе желаніе больного. Всѣ опасенія о возможности вреднаго вліянія гипноза на волю совершенно неосновательны: напротивъ, гипнозъ укрѣпляетъ волю. Д-ръ *Bramwell* высказывается противъ леченія въ закрытыхъ заведеніяхъ и требуетъ, какъ и мы [1]), чтобы больной находился на попеченіи вполнѣ надежнаго лица. Возрасты не должны ослаблять энергіи лечащаго врача: у многихъ больныхъ стойкое улучшеніе появляется послѣ нѣсколькихъ неудачъ. Наконецъ, уже поправившійся больной не долженъ порывать связи съ врачемъ, который долженъ его нравственно поддерживать въ трудные моменты жизни.

А. Пьвницкій.

Т. Осгудъ Мэзонъ. Пользованіе гипнозомъ и внушеніями для подъема нравственныхъ чувствъ при леченіи пьянства (*T. R. Osgood Mason*. Note on the higher use of hypnotism und suggestion, with special reference to the treatment of inebriety). The Quarterly Journal of Inebriety. 1903. Ianuary. стр. 18.

«Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что Сократъ былъ правъ въ своемъ хорошо извѣстномъ изреченіи: порокъ — это невѣжество, добродѣтель—это знаніе. Если добродѣтель знаніе, то добродѣтели можно учить, можно внушать добродѣтель. Нужно людямъ открывать глаза на хорошее, учить ихъ осуществлять правду. Не зная ея, они ея не изберутъ, не будутъ находиться подъ ея вліяніемъ», такъ начинается статья д-ра *O. Mason*'a. Убѣжденная рѣчь всегда производитъ большое впечатлѣніе, проповѣдь добра и высшихъ идеаловъ всегда захватываетъ. При леченіи же алкоголизма гипнозомъ мы имѣемъ возможность вести бесѣду прямо съ подсознательной сферой больного и точно такъ же, какъ мы вызываемъ у него внушенныя галлюцинаціи и настроенія, мы должны рисовать ему свѣтлыми красками картины трезвой жизни и подчеркивать всѣ мрачныя стороны пьянства. По автору, мало говорить больному: «Вы не пьете; не будете пить; спиртные напитки Вамъ противны», нужно соотвѣтственными внушеніями пробудить въ немъ здоровое стремленіе къ лучшему, дать возможность осмотрѣться и содрогнуться при видѣ той грязи, въ которую онъ погружался.

А. Пьвницкій.

---

[1]) *Леченіе алкоголиковъ гипнозомъ*. Юбилейный Сборникъ имени акад. В. М. Бехтерева. Спб. 1903 г.

4. *Криминальная антропологія.*

Когда и какимъ образомъ происходитъ совращеніе дѣтей на путь преступленій. (Безъ обозначенія автора). Quando e come si verifica il traviamento giovanile.

Въ весьма интересной статьѣ въ Rivista di discipline carcerarie неизвѣстный авторъ знакомитъ читателя съ результатами своего изслѣдованія надъ 160 малолѣтними итальянскими преступниками въ возрастѣ отъ 9 до 21 года, помѣщенными въ одну исправительную колонію. Послѣ общихъ соображеній авторъ приводитъ рядъ статистическихъ таблицъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ нѣкоторыя, дающія наглядное представленіе объ изученныхъ имъ несовершеннолѣтнихъ.

1. Возрастъ:

Отъ 9 до 12 л.	14 ч.
» 12 » 16 »	38 »
» 16 » 18 »	46 »
» 18 » 21 г.	62 »

2. Мѣстожительство. (Состояніе):

Городскіе жители	150 ч.
Сельскіе »	10 »

3. Общественное положеніе:

Дѣти достаточныхъ родителей	8 ч.
» род. служащ. класса	6 »
» » рабочаго	146 »

4. Родъ занятій:

Отданные въ ремесленное обученіе	120 ч.
Праздношатающіеся	40 »

5. Родъ преступленій, за которыя дѣти помѣщены въ колонію (precedenti giudiziari):

Преступленія противъ собственности	60 ч.
Преступленія противъ личности	2 »
Другія преступленія	3 ч.
Безъ прецедентовъ	95 »

6. Сколько разъ отбывали наказ. въ тюрьмѣ:

1 разъ	15 ч.
2 »	30
3 »	24 »
4 »	16 »
Свыше 4	10 »

7. Въ чемъ выражалось нравственное паденіе (precedenti morali):

Бродяжничали	130 ч.
Домашніе воры	140 »
Крайняя распущенность	120 »

8. Физическія особенности:

Неправильности черепа	40 ч.
» лица	15 »
» остальн. частей тѣла	6 »
Татуированные	30 »

9. Характеры дѣтей:

Хорошій	100 ч.
Средній	40 »
Дурной	20 »

Помѣщаемъ здѣсь, in extenso, выводы, къ которымъ приходитъ авторъ:

1) Возрастъ отъ 7 до 12 самый опасный для дѣтей изъ народа вслѣдствіе того, что родители, занятые какимъ-либо ремесломъ или работой, не могутъ съ достаточной бдительностью услѣдить за поведеніемъ сыновей, ни въ школѣ, ни дома.

2) Въ элементарной школѣ, соотвѣтствующей этому возрасту, дѣти находятъ первыхъ товарищей-совѣтниковъ, которые подстрекаютъ ихъ не ходить на уроки, а убѣгать на площади и улицы, лазить черезъ заборы, забираться въ чужія владѣнія, смѣяться надъ стариками, оскорблять прохожихъ, шататься на рынкахъ, играть въ кегли, въ деньги, совершать небольшія кражи, постепенно сходясь все съ худшими элементами.

3) Совершенное отсутствіе домашней дисциплины или, наоборотъ, чрезмѣрная строгость, ведутъ къ плачевнымъ результатамъ въ воспитаніи дѣтей,

которыя становятся лживыми, хитрыми, дерзкими и иногда даже грубыми съ самими родителями.

4) Наиболѣе населенные города и торговые центры, какъ, напримѣръ, Туринъ, Миланъ, Генуя, Флоренція и др. пагубны для мальчиковъ рабочаго класса, такъ какъ въ нихъ есть общественные сады, обширныя площади, пригороды, длинныя стѣны, толпы и сборища людей, что благопріятствуетъ бѣгству изъ дому и поощряетъ къ бродяжничеству, къ сообществу и знакомству со всевозможными негодяями.

5) Аресты въ полицейскихъ участкахъ и пребываніе въ тюрьмахъ уничтожаютъ въ мальчикахъ послѣдніе проблески стыда и извращаютъ настолько понятіе о добрѣ, что оскорблять, воровать и обманывать считается уже молодечествомъ и даетъ извѣстность.

6) Дѣти, имѣющія мачихъ, сироты и подкидыши, вслѣдствіе образа ихъ жизни, особенностей ихъ физическаго и нравственнаго воспитанія и вліянія на нихъ окружающей среды, представляютъ чрезвычайно подходящую почву для развитія болѣзни, порока и преступленія. *Ф. Малининъ.*

Г. Тардъ. Обзоръ преступности во Франціи за послѣднія 20 лѣтъ. Archives d'anthropologie criminelle. 1903 г.

Въ № 111 Г. Тардъ (G. Tarde) дѣлаетъ интересный обзоръ преступности во Франціи за послѣднія 20 лѣтъ (съ 1880 по 1900 г.). Знаменитый соціологъ не вполнѣ раздѣляетъ оптимистическіе выводы оффиціальнаго отчета по уголовной статистикѣ за 1900 г. Онъ указываетъ на то, что, на ряду съ уменьшеніемъ числа обвиняемыхъ или осужденныхъ, происходитъ увеличеніе числа дѣлъ или обвиненій, по которымъ производство было прекращено (classées sans suite). Между тѣмъ въ числѣ этихъ прекращенныхъ дѣлъ есть значительная доля дѣйствительно совершенныхъ проступковъ, виновники которыхъ остались не розысканными. Именно по этой категоріи прекращенныхъ дѣлъ въ 1881—85 гг. было 64112, а въ 1896—1900 гг. — 92064. Общее же число дѣлъ, прекращенныхъ производствомъ, хотя и представлявшихъ признаки проступка (présentant le caractère des délits), возрасло съ 202828 въ 1881—1885 гг. до 270632 въ 1896—1900 гг. Но, во всякомъ случаѣ, тяжкіе виды преступленій противъ личности—убійство, дѣтоубійство, растлѣніе и изнасилованіе — уменьшились какъ въ числѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ по существу, такъ и дѣлъ, прекращенныхъ производствомъ. Общее число уголовныхъ дѣлъ противъ личности, разрѣшенныхъ ассизными судами, было въ среднемъ за 1881—85 гг.—1601, въ 1896--900 гг.—1217. Число преступленій противъ собственности въ ассизахъ за тѣ же годы было 1742 и 1231. Въ исправительныхъ судахъ среднее ежегодное число проступковъ (за исключеніемъ маловажныхъ contraventions) было въ 1881—85 гг. — 160567, въ 1896—900 гг. — 160161, т. е. тоже нѣсколько уменьшилось. Сократилось, главнымъ образомъ, число проступковъ противъ собственности, въ особенности кражъ (vols simples), приблизительно на 4000 въ годъ. Тардъ однако противопоставляетъ этому уменьшенію числа разсмотрѣнныхъ судомъ проступковъ противъ собственности— увеличеніе числа дѣлъ, прекращенныхъ производствомъ, и находитъ, что въ сущности произошло не уменьшеніе этихъ проступковъ, а ихъ увеличеніе, приблизительно на 2000 въ среднемъ за годъ. Число нападеній на личность (coups et blessures) значительно увеличилось, параллельно и по разрѣшеннымъ, и по прекращеннымъ дѣламъ.

Въ видѣ общаго заключенія Тардъ выводитъ изъ цифръ уголовнаго отчета, что преступность архаическая, проявляющаяся въ грубыхъ формахъ какъ противъ личности, такъ и противъ собственности, уменьшается, хотя маловажная преступность противъ личности (нанесеніе побоевъ) увеличивается. Въ то же время уменьшается и профессіональная преступность, т.-е. рецидивъ, подъ вліяніемъ закона объ условномъ осужденіи и высылкѣ рецидивистовъ.

Со своей стороны мы полагаемъ, что уменьшеніе преступности во Франціи, особенно ея болѣе тяжелыхъ формъ, представляетъ безусловно отрадное явленіе, тѣмъ болѣе значительное, что вплоть до начала 90-хъ годовъ прошедшаго столѣтія общее число проступковъ (въ исправительныхъ судахъ) во Франціи постоянно возростало, и это постоянное увеличеніе хотя бы и мелкой преступности, при отсутствіи соотвѣтствующаго роста населенія, естественно порождало чувство тревоги и опасенія за нормальное развитіе общественной жизни во Франціи. Но за послѣднія 8—10 лѣтъ картина совершенно измѣнилась: не только преступность въ общемъ (за исключеніемъ маловажныхъ нападеній на личность) пошла на убыль, но, параллельно съ пріостановкой развитія преступности, перестало увеличиваться и число самоубійствъ, до 1892 г. возроставшее въ сильнѣйшей прогрессіи; даже число случайныхъ смертей въ 1896—900 уменьшилось по сравненію съ предыдущими пятилѣтіями, несмотря на общее развитіе промышленности, машиннаго производства и желѣзнодорожнаго движенія. Все это несомнѣнные признаки извѣстнаго успокоенія, уравновѣшенія жизни населенія. Есть основаніе съ увѣренностью предполагать, что дальнѣйшее мирное развитіе Франціи не будетъ задержано внутренними потрясеніями и переворотами.

Grosmolard въ своей статьѣ Criminalité juvénile (№№ 111—113) даетъ подробный очеркъ малолѣтнихъ преступниковъ, содержащихся во французской исправительной колоніи Eysses. Авторъ приходитъ къ тому выводу, что общее число содержащихся въ колоніи уменьшается, но въ качественномъ отношеніи составъ ихъ ухудшается. Это явленіе зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія благотворительныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью дать воспитаніе заброшеннымъ или нищимъ дѣтямъ до осужденія ихъ за какой-либо проступокъ, такъ что пенитенціарное воспитаніе выпадаетъ въ настоящее время только на долю малолѣтнихъ, по отношенію къ которымъ другіе способы воспитанія оказались недѣйствительными или случайно не были примѣнены.

Е. Тарновскій.

III. Корреспонденціи.

Отчеты о засѣданіяхъ Обществъ.

Русское Общество нормальной и патологической психологіи. Засѣданіе 16 марта 1904 г. подъ предсѣдательствомъ акад. В. М. Бехтерева.

Акад. В. М. Бехтеревъ демонстрировалъ новый устроенный имъ «приборъ для изслѣдованія слуховыхъ ощущеній» (подробное описаніе прибора будетъ дано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала). Благодаря особому механизму, два шарика, сдѣланные изъ любого матеріала, падаютъ одинъ за другимъ на одно и то же мѣсто деревянной подставки, производя при этомъ болѣе или

менѣе сильный стукъ въ зависимости отъ высоты паденія. Высота эта по желанію можетъ измѣняться, будучи въ то же время для обоихъ шариковъ или одинакова, или неодинакова. Выпаденіе шарика изъ ячейки, въ которой онъ содержится, производится совершенно безшумно и притомъ безъ всякаго посторонняго толчка сверху или сбоку. Кромѣ изслѣдованія слуховыхъ ощущеній, приборъ годенъ также для опытовъ со скоростью слуховыхъ воспріятій и для провѣрки хроноскопа.

Первая цѣль достигается тѣмъ, что шарикъ можетъ, по желанію экспериментатора, падать на тонкую дощечку и, прижимая ее къ подставкѣ, этимъ самымъ замыкать токъ. Для достиженія второй цѣли служитъ особый механизмъ, позволяющій замыкать токъ при выходѣ шарика изъ ячейки и размыкать его при паденіи на подставку. Такимъ образомъ, приборъ *В. М. Бехтерева* можетъ замѣнять одновременно три прибора: аппаратъ для изслѣдованія слуха (Schallpendel) Вундта; аппаратъ для паденія шарика (Fallapparat) и, наконецъ такъ называемый контрольный молотокъ. Передъ первымъ изъ этихъ приборовъ аппаратъ докладчика имѣетъ то преимущество, что оба шарика падаютъ на одно и то же мѣсто подставки, такъ что разница звуковъ не можетъ зависѣть отъ разницы въ консистенціи подставки; кромѣ того, въ аппаратѣ Вундта, послѣ того какъ мы установили высоту паденія шаровъ, возможны только двѣ модификаціи (первый звукъ сильнѣе или второй звукъ сильнѣе), здѣсь же— три: оба звука равны, первый сильнѣе, второй сильнѣе. Преимущество передъ Fallapparat'омъ заключается въ томъ, что шарикъ выпадаетъ изъ ячейки совершенно безшумно и при своемъ паденіи на тонкую дощечку не производитъ такого дребезжанія, какъ въ Fallapparat'ѣ. Наконецъ, будучи столь же точнымъ, какъ контрольный молотокъ, аппаратъ докладчика значительно превосходитъ его по своей дешевизнѣ. Общая его стоимость равняется 45 руб.

По окончаніи демонстраціи докладчику были заданы нѣкоторые вопросы проф. Л. В. Блуменау и докторами М. Л. Балькомъ и А. Л. Щегловымъ.

Докладъ Л. С. Павловской. *Экспериментальное изслѣдованіе мышленія при сравненіи различныхъ понятій.*

Опыты, поставленные докладчицей, заключались въ томъ, что испытуемаго просили сравнить два данныхъ ему понятія и отвѣтъ его подробно записывали.

Понятія, предлагавшіяся для сравненія стояли въ самомъ различномъ отношеніи другъ къ другу; были предлагаемы также и такія понятія, сопоставленіе которыхъ представляется совершенно безсмысленнымъ, напр.: математика и корова. По словамъ докладчицы, процессы, происходившіе въ сознаніи испытуемыхъ при сравненіи данныхъ понятій, представляли явные признаки мышленія, иногда довольно напряженнаго. Анализъ полученныхъ отвѣтовъ привелъ докладчицу къ заключенію, что процессъ мышленія, поскольку онъ сказывался въ ея опытахъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ четырехъ элементовъ: 1) напряженное состояніе и стремленіе выйти изъ него; эта послѣдняя черта указываетъ на активность мышленія и рѣзко отличаетъ его отъ другихъ душевныхъ явленій (памяти, воображенія и др.); особенно интенсивное чувство напряженія испытывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда сопоставленіе данныхъ понятій представлялось совершенно не логичнымъ (см. выше); 2) неясное сознаніе возможности сравнить данныя понятія и возникновеніе предметныхъ или словесныхъ образовъ, соотвѣтствующихъ этимъ понятіямъ; 3) нахожденіе опорныхъ пунктовъ сравненія, т. е. признаковъ, общихъ обоимъ понятіямъ, и обозначеніе ихъ словами. Этимъ заканчивается характерный для мышленія періодъ. 4) Далѣе

работа дѣлается почти пассивной и состоитъ въ нахожденіи другихъ сходныхъ, а иногда и различныхъ признаковъ. Всѣ разнообразные образы предметовъ и словъ, возникавшіе во время сравненія, докладчица дѣлитъ на необходимые и случайные.

Необходимые образы, обыкновенно немногочисленные, соотвѣтствовали первому активному мышленію; случайные же образы, многочисленные и разнообразные, часто не имѣющіе почти никакого отношенія къ сравниваемымъ понятіямъ, преобладали во второмъ періодѣ, когда мышленіе дѣлалось пассивнымъ. Кромѣ того выяснилось, какъ измѣняется мышленіе подъ вліяніемъ утомленія, привыканія, возбужденнаго состоянія и т. д. Продолжительность процесса сравненія (включая сюда также и время реакціи) равнялась въ среднемъ 1,931 сек.

К. Ѳ. Жаковъ указалъ на то, что докладчица слишкомъ расширяетъ понятіе мышленія, включая въ него даже такіе первичные простѣйшіе акты, какъ напр., ощущеніе. Кромѣ того, чувства замѣшательства и напряженія, появлявшіяся у испытуемыхъ при особенно трудныхъ сравненіяхъ и разсматриваемыя докладчицей, какъ необходимая составная часть акта мышленія, на самомъ дѣлѣ могли возникнуть искусственнымъ путемъ, будучи вызваны самой обстановкой опыта (необходимость торопиться, боязнь показаться смѣшнымъ и т. д.).

Докладчица. Ощущеніе не есть мышленіе, но чтобы ощущеніе вошло въ сознаніе, оно должно быть переработано мышленіемъ. Обстановка опытовъ не оказывала значительнаго вліянія на содержаніе отвѣтовъ; надъ однимъ испытуемымъ опыты производились дома и безъ измѣренія времени, а между тѣмъ его отвѣты по своему содержанію ничѣмъ особенно не отличались отъ отвѣтовъ другихъ лицъ.

Проф. Л. В. Блуменау полагаетъ, что едва ли можно сравнивать между собой продолжительность различныхъ отвѣтовъ. Процессъ здѣсь настолько сложенъ, колебанія его у разныхъ лицъ настолько велики, что наши цифры будутъ въ различныхъ случаяхъ соотвѣтствовать совершенно различнымъ по своему содержанію актамъ.

Докладчица возразила, что индивидуальныя колебанія являются постояннымъ спутникомъ мышленія въ обыденной жизни; поэтому она не считала цѣлесообразнымъ устранить ихъ и изъ своихъ опытовъ.

П. Ѳ. Каптеревъ не согласенъ съ тѣмъ, что активность является характернымъ признакомъ мышленія, отличающимъ его отъ памяти и воображенія. Чувство напряженія, усилія бываетъ при всякой дѣятельности (память, воображеніе, физическій трудъ), пока работа не наладилась и представляетъ значительныя трудности; когда же затрудненіе превзойдено, то процессъ принимаетъ ровное, спокойное теченіе.

Докладчица. Ваше вполнѣ правильное указаніе, что напряженіе испытывается также при работѣ памяти и воображенія и даже при физической работѣ, нисколько не противорѣчитъ однако, нашимъ положеніямъ; напряженіе постольку сопровождаетъ всѣ эти процессы, поскольку они сопровождаются мышленіемъ, которое бываетъ при всѣхъ душевныхъ явленіяхъ.

Д-ръ Ф. Ф. Фишеръ находитъ всѣ современныя попытки подраздѣленія акта мышленія на простые элементы пока еще такими шаткими и даже такими неопредѣленно-условными, что элементы эти въ отдѣльности не могутъ быть предметомъ точнаго экспериментальнаго изслѣдованія.

Акад. В. М. Бехтеревъ, отмѣтивши интересъ работы, замѣтилъ, что подъ мышленіемъ по его мнѣнію слѣдуетъ разумѣть опредѣленное, заключаю-

щееся въ анализѣ и синтезѣ, сцѣпленіе идей, въ которомъ существенную роль занимаетъ сравненіе и подводится итогъ этому сравненію. Безъ сравненія не можетъ быть и мышленія. Подобно всякому другому психическому процессу мышленіе можетъ быть какъ активнымъ такъ и пассивнымъ. Въ данной работѣ бралось активное мышленіе, такъ какъ этого требовали условія самаго опыта: требовалось сознательно и произвольно сравнить два понятія; но и здѣсь активность продолжалась большею частью до тѣхъ поръ, пока находились опорные пункты. Главный интересъ работы заключается въ томъ, что подробно изслѣдовались условія процесса, «обстановка» его. Что касается цифровыхъ результатовъ то ихъ, конечно, нельзя признать абсолютно точными, но все же они имѣютъ извѣстную относительную цѣнность. Такъ, напр., они демонстративно указываютъ на вліяніе утомленія и привычки въ процессѣ мышленія.

Засѣданіе 13-го апрѣля 1904 г.

Акад. В. М. Бехтеревъ. *Предложеніе объ учрежденіи психо-неврологическаго института въ С.-Петербургѣ* (см. отдѣлъ оригинальныхъ статей). На время доклада и послѣдовавшихъ за нимъ преній предсѣдательство было передано проф. В. С. Серебреникову.

Д-ръ П. Я. Розенбахъ находитъ, что стремленіе къ популяризаціи знаній, выражающееся въ открытіи курсовъ, едва ли можетъ быть совмѣщено съ чисто научными задачами, которыя ставитъ себѣ институтъ. Кромѣ того, чрезмѣрная широта программы также можетъ помѣшать дѣлу, такъ какъ опытъ показываетъ, что наука разрабатывается преимущественно узкими спеціалистами.

Докладчикъ. Высшія учебныя заведенія служатъ какъ для учебныхъ, такъ и для ученыхъ цѣлей: при нихъ читаются курсы и производятся научныя работы. Значитъ, такое совмѣщеніе не представляетъ не только чего либо новаго, но, какъ извѣстно, практика рѣшительно говоритъ за полезность совмѣщенія научныхъ и учебныхъ цѣлей въ одномъ учрежденіи. Что касается разносторонности программы, то она нисколько не мѣшаетъ спеціализаціи. Въ Академіи Наукъ, на которую ссылается оппонентъ, существуютъ различные отдѣлы, и каждый отдѣлъ ведется спеціалистами. Въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ мы имѣемъ то же самое. Нѣчто подобное можетъ быть и здѣсь. Широта программы представляется желательной для того, чтобы сразу же были намѣчены всѣ тѣ вопросы, къ разработкѣ которыхъ должно стремиться нарождающееся учрежденіе.

Проф. Л. В. Блуменау. Планъ проектируемаго института очень широкъ и прежде всего является вопросъ:—гдѣ взять громадныя средства, необходимыя для его осуществленія. На помощь правительства нельзя разсчитывать въ виду войны, могущей затянуться надолго. Едва ли можно вообще ходатайствовать объ учрежденіи новыхъ клиникъ, когда и существующія нервныя клиники (напр. клиника Института Елены Павловны) обставлены недостаточно и нуждаются во многомъ. Поэтому лучше, можетъ быть, ограничиться на первое время менѣе широкимъ планомъ, именно такимъ учрежденіемъ, какое имѣетъ въ виду и международная ассоціація, т. е. институтомъ для изученія неврологіи и экспериментальной психологіи (безъ клиникъ).

Докладчикъ указалъ на то, что самымъ дорогимъ учено-вспомогательнымъ учрежденіемъ при предполагаемомъ институтѣ явится клиника. Но опытъ

частныхъ психіатрическихъ учрежденій въ Петербургѣ показываетъ, что они могутъ вполнѣ свободно окупать себя. Другіе же отдѣлы, какъ отдѣлъ общей психологіи и криминальной антропологіи, не требуютъ для своего осуществленія почти никакихъ издержекъ. Между тѣмъ въ настоящее время имѣется уже предложеніе, обезпечивающее будущему институту устройство клиники. Кромѣ того, возможны частныя пожертвованія.

Д-ръ П. А. Останковъ думаетъ, что широкую постановку задачъ можно только привѣтствовать. Что же касается постепеннаго осуществленія этой программы, то на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено устройство клиники. Далѣе желательно было бы знать, чѣмъ именно общество могло бы содѣйствовать нарождающемуся предпріятію.

По мнѣнію *докладчика* общество могло бы: 1) въ качествѣ компетентнаго учрежденія выразить свое сочувствіе новому предпріятію; 2) выбрать изъ своей среды комитетъ, который могъ бы самостоятельно взять на себя организацію дѣла; и, 3) предоставить комитету начать сборъ пожертвованій на учрежденіе психоневрологическаго института.

Д-ръ В. П. Осиповъ указалъ на то, что учрежденіе должно быть разностороннимъ. Различныя спеціальныя учрежденія уже существуютъ въ настоящее время, но нѣтъ такого учрежденія, гдѣ объединены были бы всѣ спеціальности, относящіяся къ изученію психики, мозга и его функцій.

Докладчикъ полагаетъ, что учрежденіе съ болѣе узкой программой, какъ это предполагаетъ международная коммиссія, менѣе соотвѣтствовало бы потребностямъ времени. Устройство курсовъ необходимо. Такъ, напр., въ настоящее время основательное ознакомленіе съ гипнотизмомъ и психопатологіей доступно только студентамъ—медикамъ, да и то не вездѣ и, во всякомъ случаѣ, въ крайне общемъ видѣ.

Д-ръ П. Я. Розенбахъ спросилъ, почему предполагается устроить институтъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ? Кромѣ того, почему докладчикъ обратился съ своимъ предложеніемъ въ психологическое общество, а не въ общество психіатровъ, разъ что дѣло начнется, какъ это выяснилось изъ преній, съ учрежденія чисто неврологическаго?

Докладчикъ. Устройство института, какъ учрежденія ученаго, при томъ или другомъ министерствѣ, зависѣть будетъ отъ того, при какомъ вѣдомствѣ лучше можетъ быть обезпечено существованіе института. Уставъ же пока выработанъ лишь предварительный, а не окончательный. Въ психологическое же общество предложеніе внесено потому, что учрежденіе предполагается не спеціально врачебное. Клиника будетъ только учено-вспомогательнымъ учрежденіемъ, главныя же цѣли будутъ чисто теоретическія въ области психологіи и неврологіи.

Д-ръ А. Л. Щегловъ. Не слѣдуетъ ли вмѣсто открытія новыхъ учрежденій заняться объединеніемъ старыхъ, уже существующихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., клиника душевныхъ болѣзней, являются такъ богато обставленными? Тогда дѣло значительно облегчилось бы.

Докладчикъ. Всякое учрежденіе опредѣляется своими прямыми задачами. Широкая постановка научнаго дѣла въ клиникѣ вовсе для нея не обязательна, такъ какъ ея прямая задача—быть учебно и вспомогательнымъ учрежденіемъ при Военно-Медицинской Академіи спеціально по психіатріи и невропатологіи. Для института прямой задачей предполагается разработка научныхъ вопросовъ психологіи и неврологіи, для каковой цѣли у насъ не имѣется ни одного учрежденія.

К. Ѳ. Жаковъ. Я думаю, что и самый Институтъ надо привѣтствовать, и открыть его на самыхъ широкихъ началахъ. Въ Россіи нѣтъ такихъ учрежденій, гдѣ бы разрабатывались науки о духѣ. Въ университетѣ нѣтъ каѳедры антропологіи. Этнографу негдѣ учиться. Необходима широкая постановка дѣла.

М. И. Маляревскій считаетъ необходимой разностороннюю постановку дѣла. Такъ какъ только при такихъ условіяхъ можетъ происходить обмѣнъ мнѣній между спеціалистами.

Проф. В. С. Серебрениковъ спросилъ, будетъ ли институтъ имѣть цѣлью только распространеніе знаній, или подготовленіе къ какимъ нибудь спеціальностямъ?

Докладчикъ. Только распространеніе знаній

Проф. В. С. Серебрениковъ. Какъ будетъ входить въ предполагаемое учрежденіе педологическій институтъ, о которомъ здѣсь упоминалось?

Докладчикъ. Какъ учрежденіе, въ хозяйственномъ отношеніи и по своей внутренней организаціи самостоятельное, въ научномъ же отношеніи объединенное общимъ совѣтомъ.

Проф. В. С. Серебрениковъ. Изъ предложенія и послѣдовавшихъ за нимъ преній, повидимому, выяснилось, что главною цѣлью предполагаемаго института является изученіе мозга и психики. Далѣе слѣдуетъ практическая цѣль: распространеніе знаній среди всѣхъ интересующихся этимъ предметомъ и привлеченіе ихъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Широкая постановка дѣла большинствомъ одобрялась, и на возраженія противъ этого были даны удовлетворительные отвѣты. Что касается способовъ практическаго осуществленія, то они, повидимому, пока еще не установлены окончательно.

Послѣ этого по предложенію предсѣдателя было рѣшено: 1) высказать принципіальное сочувствіе и одобреніе институту; 2) избрать изъ своей среды Комитетъ для разработки устава и для дальнѣйшей организаціи дѣла; предоставить этимъ лицамъ право приглашать также и другихъ лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ составу Общества; 3) выработанный въ окончательной формѣ уставъ разослать членамъ Общества для замѣчаній; 4) выразить пожеланіе, чтобы собирались пожертвованія на учрежденіе Института; 5) отпечатать предложеніе В. М. Бехтерева и извлеченіе изъ протокола настоящаго засѣданія, относящееся къ предложенію объ учрежденіи психо-неврологическаго Института.

А. Лазурскій.

С. Петербургское Философское Общество. Засѣданіе 5 марта 1904 г. подъ предсѣд. проф. А. И. Введенскаго.

Докладъ **Б. М. Меліоранскаго:** *Троичность Бога передъ судомъ философіи и миѳологіи.* Основные типы воззрѣній разума и науки на догматъ Троицы почти такъ же древни, какъ и самый догматъ, варьируясь лишь въ подробностяхъ по эпохамъ и индивидуальностямъ. Воззрѣнія эти въ общемъ можно раздѣлить на двѣ группы. Къ первой группѣ относятся раціоналисты и мистики, отрицающіе существованіе непознаваемаго въ какой бы то ни было формѣ. Среди представителей этой группы могутъ встрѣчаться какъ защитники догмата троичности, такъ и противники его. Типомъ раціоналиста отрицателя въ наши дни является Л. Н. Толстой. Его критика догмата троичности страдаетъ, однако, по мнѣнію докладчика, крупными недоразумѣніями, разбору которыхъ и была посвящена значительная часть доклада. Далѣе, такъ

какъ для раціоналиста-отрицателя недостаточно подвергнуть критикѣ догматъ троичности, но нужно еще показать, откуда возникла эта идея и почему она такъ живуча, то и появился рядъ попытокъ объяснить происхожденіе этой идеи естественнымъ путемъ. Новѣйшая попытка въ этомъ родѣ дана Узенеромъ. По мнѣнію названнаго автора, понятіе Троицы вошло въ религію изъ народной миѳологіи, гдѣ число три встрѣчается буквально на каждомъ шагу. Типомъ положительнаго «раціоналиста-критициста-мистика» (выраженіе докладчика) является В. Соловьевъ. Онъ мистикъ, когда познаетъ Бога мистическимъ путемъ, раціоналистъ, когда изъ данныхъ этого познанія выводитъ свойства Божества, наконецъ, критицистъ, когда говоритъ, что помимо мистическаго познанія мы не можемъ постигнуть Высшаго Существа. Его построеніе Троицы, будучи близко къ прежнимъ вѣрующимъ раціоналистамъ и идеалистамъ, какъ, напр., Лессингу, въ то же время, по мнѣнію докладчика, превосходитъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Вторая группа воззрѣній на догматъ троичности также имѣетъ два варіанта, смотря по тому, признается ли непознаваемость количественная (неоплатонизмъ), или качественная (критицизмъ). Ученіе о количественной непознаваемости Божества представляетъ, согласно референту, лишь переходную ступень между раціонализмомъ и критицизмомъ. Докладчикъ привелъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, что въ твореніяхъ учителей церкви можно встрѣтить чисто кантовскія мысли. Критическая философія нисколько не противорѣчитъ ученію церкви, а можетъ скорѣе даже послужить орудіемъ противъ раціонализма: догматъ троичности непостижимъ для ума, но доступенъ для нравственнаго сознанія. Такимъ образомъ, задача критической философіи по отношенію къ догмату троичности должна заключаться въ томъ, чтобы: 1) формулировать его содержаніе, такъ какъ одна и та же истина можетъ быть представляема въ разныхъ формулахъ соотвѣтственно современному состоянію нашихъ знаній; 2) показать его отношеніе къ нравственному сознанію и, слѣдовательно, выяснить его права на существовніе въ метафизикѣ (въ Кантовскомъ смыслѣ).

Проф. А. И Введенскій указалъ на то, что точка зрѣнія докладчика является въ высшей степени оригинальной для нашей богословской литературы которая, вообще говоря, относится къ критицизму враждебно.

Въ преніяхъ по докладу принимали участіе также П. П. Лебедевъ, К. Ѳ. Жаковъ, П. И. Вознесенскій и С. А. Алексѣевъ. Сущность возраженій сводилась къ тому, что для того, чтобы примирить ученіе церкви съ критической философіей, намъ придется слишкомъ расширить понятіе этой послѣдней.

А. Лазурскій.

Отчетъ о засѣданіяхъ СПБ. Юридическаго Общества 6 и 13 марта 1904 г.

Вопросу *вмѣняемости алкоголиковъ* было посвящено два соединенныхъ засѣданія Уголовнаго Отдѣленія СПБ. юридическаго общества и Коммиссіи по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, происходившихъ 6 и 13 прошлаго марта мѣсяца при значительномъ числѣ присутствовавшихъ, состоявшихъ преимущественно изъ врачей и юристовъ.

Въ засѣданіяхъ были заслушаны три доклада: присяжнаго повѣреннаго

М. С. Маргуліеса [1]), доктора-психіатра В. В. Чехова [2]) и Ю. Я. Хейфица, разбиравшіе съ разныхъ точекъ зрѣнія одинъ общій вопросъ объ алкоголикахъ-преступникахъ и объ условіяхъ вмѣненія имъ совершенныхъ ими преступленій. Заключительныя пренія по всѣмъ тремъ докладамъ имѣли мѣсто въ засѣданіи 13 марта.

Первый докладъ **М. С. Мургуліеса** «*Вмѣняемость алкоголиковъ и обезвреженіе алкоголиковъ, признанныхъ невмѣняемыми*», выставлялъ слѣдующія положенія:

1) Наибольшія трудности при разрѣшеніи вопроса о вмѣняемости представляютъ хроническіе алкоголики.

2) Съ психіатрической точки зрѣнія хроническіе алкоголики—душевнобольные люди.

3) Невмѣняемость такихъ лицъ отрицается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ опасенія, что ихъ безнаказанность усилитъ пьянство и увеличитъ число преступленій.

4) Съ опасностью, проистекающею отъ безнаказанности признанныхъ невмѣняемыми алкоголиковъ, необходимо бороться путемъ принятія спеціальныхъ мѣръ надзора и лѣченія.

5) Вторая часть 39 ст. новаго уложенія редактирована въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что создаетъ возможность интернированія на продолжительные сроки лицъ, совершившихъ ничтожные проступки и, подчасъ, мало опасныхъ съ психіатрической точки зрѣнія.

6) Вопросъ о послѣдствіяхъ признанія алкоголика невмѣняемымъ долженъ быть быть всегда предметомъ особаго гласнаго производства, съ участіемъ защиты и съ инстанціоннымъ порядкомъ обжалованія.

7) Алкоголики должны заключаться въ спеціальныя лечебныя заведенія; порядокъ выхода изъ нихъ долженъ быть точно опредѣленъ.

Во второмъ докладѣ «*Условія вмѣняемости при остромъ и хроническомъ отравленіи алкоголемъ*» д-ръ **В. В. Чеховъ** представилъ слѣдующія положенія:

1) Понятія остраго и хроническаго алкоголизма соотвѣтствуютъ, вообще говоря, житейскимъ понятіямъ опьяненія и пьянства.

2) Условія вмѣняемости при хроническомъ алкоголизмѣ могутъ опредѣляться лишь при разсмотрѣніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степени развитія признаковъ этого болѣзненнаго состоянія.

3) Наличность развившихся на почвѣ хроническаго алкоголизма алкогольныхъ психозовъ (скоропроходящихъ или длительныхъ) устраняетъ условія для вмѣненія.

4) Острое отравленіе алкоголемъ (состояніе опьяненія) требуетъ для рѣшенія вопроса о вмѣненіи изслѣдованія каждаго конкретнаго случая особо со стороны степени нарушенія психической сферы отравленнаго; въ случаяхъ доказаннаго полнаго безпамятства, вызваннаго однократнымъ обильнымъ пріемомъ алкоголя, хотя бы у обвиняемаго не было никакихъ явленій хроническаго алкоголизма или какихъ-либо иныхъ рѣзкихъ измѣненій въ психической и физической сферѣ внѣ опьяненія—преступленіе, содѣянное имъ въ таковомъ состояніи, не можетъ вмѣняться ему въ вину.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ № 3 журнала «Вѣстникъ Права» за 1904 г. стр. 123 и сл.

[2]) Докладъ напечатанъ въ № 3 журнала «Вѣстникъ Права» за 1904 годъ. стр 157 и сл.

5) Случаи преступленія пьяницъ, предусматриваемые первою частью текста ст. 106 улож. о наказ., представляютъ не только исключительно рѣдкія явленія въ судебно-медицинской практикѣ, но и по существу едва ли могутъ быть ясно и точно доказаны.

6) Естественное желаніе врача и юриста, чтобъ карались не послѣдствія пьянства, а самый фактъ воспринятія въ организмъ отравы, есть мечта отдаленнаго и неясно себѣ представляемаго будущаго при существующихъ условіяхъ нашей жизни.

Въ третьемъ докладѣ **Ю. Я. Хейфица** *«О неполной или такъ называемой уменьшенной вмѣняемости»* были выставлены слѣдующія положенія:

1) Примѣненіе уголовно-правовой репрессіи въ формѣ наказанія обусловливается состояніемъ психическаго здоровья, т. е. нормальной опредѣляемости наказуемаго нормальными мотивами.

2) Между состояніями психическаго здоровья и душевной болѣзни нѣтъ рѣзкой границы, а наблюдается цѣлый рядъ промежуточныхъ душевныхъ состояній, не допускающихъ примѣненія къ нимъ понятій полной вмѣняемости или полной невмѣняемости.

3) Состоянія эти служатъ основаніемъ необходимаго признанія вмѣняемости неполной (уменьшенной).

4) Ни психологическій критерій невмѣняемости, устанавливаемый новымъ уголовнымъ закономъ, ни другія его постановленія (угол. улож., изд. 1903 г.) не даютъ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о вмѣняемости субъекта въ указанныхъ случаяхъ промежуточныхъ душевныхъ состояній.

5) Признаніе неполной вмѣняемости влечетъ за собою не количественно смягченное наказаніе, а качественно особое воздѣйствіе. Принципіально отрицая это положеніе, законодатель далъ ему практическое выраженіе въ опредѣленіяхъ объ уголовной отвѣтственности малолѣтнихъ.

Вмѣняемость алкоголиковъ и мѣры уголовной для нихъ репрессіи, несмотря на всю важность вполнѣ уже опредѣлившагося на этотъ счетъ взгляда, и въ новомъ уголовномъ уложеніи 1903 года затронуты весьма несущественно. Между тѣмъ въ той непроницаемой глубинѣ, въ которой зарождаются темные инстинкты человѣка-звѣря, надо всегда искать каплю яда алкоголя, такъ началъ свой докладъ г. Маргуліесъ. Въ практикѣ алкоголь виновникъ или пособникъ большинства преступныхъ посягательствъ. Статистика всѣхъ государствъ Европы показываетъ, что алкоголь замѣшанъ въ 40—60% всѣхъ преступленій. А въ такихъ преступленіяхъ, какъ посягательство на тѣлесную неприкосновенность, сопротивленіе властямъ, преступленія противъ нравственности, убійство—за счетъ алкоголя слѣдуетъ отнести 75—80%. Отсутствіе безпристрастнаго отношенія къ вопросу о вмѣняемости алкоголиковъ со стороны какъ суда, такъ и экспертовъ, а главное несовершенство судебнаго и психіатрическаго обслѣдованія, вотъ то, что, по мнѣнію, перваго докладчика, является существеннымъ пробѣломъ въ современномъ судопроизводствѣ. Государственный Совѣтъ, въ своихъ соображеніяхъ по поводу новаго уголовнаго уложенія 1903 года хотя и призналъ алкоголизмъ вмѣстѣ съ праздностью и тунеядствомъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ преступности, тѣмъ не менѣе не высказался категорически ни о вмѣняемости алкоголиковъ, ни о способахъ пресѣченія возможнаго отъ нихъ вреда. Въ этомъ отношеніи особенно характерно указаніе г. Маргуліеса на слѣдующее замѣчаніе Главнаго военно-морского прокурора на ст. 39 уложенія 1903 года: «подведеніе подъ общее начало

невмѣняемости по безсознательному состоянію и безсознательное состояніе, происходящее отъ опьяненія... предоставляется... неосновательнымъ и *неблагороднымъ*». (Св. замѣчаній, т. III,стр. 62). Въ уложеніи 1903 года существуетъ впрочемъ 2 часть ст. 39, въ силу которой судъ, оправдывая невмѣняемыхъ, можетъ ихъ интернировать въ лѣчебныя заведенія. Но съ этой стороны и въ настоящее еще время у насъ почти нѣтъ заведеній, приноровленныхъ къ содержанію и лѣченію алкоголиковъ, а съ другой—вопросъ объ интернированіи въ лѣчебное заведеніе человѣка, признаннаго не вмѣняемымъ, долженъ разрѣшаться не только одними коронными судьями, но и представителями защиты и обвиненія. Въ противномъ случаѣ за обыкновенный уличный скандалъ можно оказаться запертымъ на годы, что, конечно, являлось бы самымъ жестокимъ нарушеніемъ гражданскихъ правъ. Г. Чеховъ сообщилъ между прочимъ полученные имъ самимъ результаты 50 наблюденій надъ лицами, помѣщавшимися на испытаніе въ больницу Св. Николая Чудотворца, о которыхъ пришлось давать мотивированныя заключенія суду. Изъ этихъ 50 случаевъ, разнообразныхъ и по характеру заболѣваній, и по роду преступленій, — въ 40 было наблюдаемо участіе алкоголя, прямое или косвенное. При этомъ, главнымъ образомъ, участіе это сказывалось въ случаяхъ убійствъ или покушеній на него: изъ 26 лицъ, обвинявшихся въ этихъ преступленіяхъ, наблюдались: алкогольная наслѣдственность въ 16 случаяхъ, алкогольныя излишества въ 14—й непосредственное участіе алкоголя при совершеніи преступленія въ 19. Эти малочисленныя случайныя данныя въ результатѣ подтверждаютъ общій выводъ изъ данныхъ «большой» статистики. Останавливаясь на отдѣльныхъ сторонахъ вопроса о вмѣняемости алкоголиковъ, всѣ докладчики въ общемъ исходили изъ того положенія, что алкоголизмъ, если не совершенно устраняетъ вмѣненіе, то во всякомъ случаѣ долженъ служить обязательнымъ поводомъ для примѣненія неполной или уменьшенной вмѣняемости. На примѣненіи подобной вмѣняемости особенно настаивалъ въ своемъ докладѣ г. Хейфицъ. Если между здоровымъ человѣкомъ и душевно-больнымъ существуетъ цѣлая стадія постепенныхъ переходовъ отъ нормальнаго состоянія къ болѣзненному, то и вмѣненіе должно соотвѣтствовать постепенности переходовъ отъ полнаго психическаго здоровья къ душевной болѣзни. Строго обоснованное научное положеніе, что алкоголикъ—не нормальный, здоровый человѣкъ, въ настоящее время настолько укоренилось въ обществѣ, что противъ этого и не можетъ быть возраженій. Однако если алкоголикъ—не вполнѣ здоровый психически человѣкъ, то онъ вовсе еще и не душевно-больной. И, по мнѣнію г. Хейфица это воззрѣніе на алкоголика должно имѣть вліяніе и на качественное примѣненіе наказанія,—въ этомъ случаѣ должна явиться полная аналогія съ законоположеніями относительно малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Пренія по всѣмъ тремъ прочитаннымъ докладамъ были весьма оживленныя. Въ своихъ замѣчаніяхъ принимавшіе участіе въ засѣданіи юристы и врачи-псиxіатры сходились въ общемъ относительно значенія алкогольнаго отравленія, какъ факта вліяющаго на вмѣняемость. Но обращаясь затѣмъ отъ юридической и психіатрической квалификаціи алкоголизма къ практическимъ мѣрамъ, вызываемымъ интересами, какъ самихъ алкоголиковъ, такъ и общества, которому они угрожаютъ, оппонировавшіе расходились во мнѣніяхъ. Академикъ *В. М. Бехтеревъ* отмѣтилъ, что до сихъ поръ въ уголовномъ законѣ не установлено понятіе хроническаго алкоголизма. Государственный Совѣтъ

разрѣшилъ вопросъ о вмѣняемости алкоголиковъ лишь въ зависимости отъ существованія надлежащихъ лечебныхъ заведеній. Поэтому одни алкоголики должны будутъ содержаться въ психіатрическихъ лечебницахъ, а другіе — въ спеціальныхъ лечебныхъ учрежденіяхъ для алкоголиковъ. Однако вопросъ о принудительномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ эти послѣднія долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, что и было постановлено между прочимъ на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ. Обращаясь къ разбору понятія хроническаго алкоголизма, академикъ Бехтеревъ указалъ на необходимость отличать простое влеченіе къ вину, что не даетъ еще возможности причислять страдающаго этимъ влеченіемъ къ душевно-больнымъ, и degeneratio psychica— несомнѣнная душевная болѣзнь, развившаяся на почвѣ такого влеченія. При остромъ алкогольномъ опьяненіи нужно считаться съ его степенью. Если незначительная степень опьяненія даетъ возможность оріентироваться въ своихъ дѣйствіяхъ, то наоборотъ при значительномъ алкогольномъ отравленіи вмѣняемость должна быть исключена безусловно.

Доктора *П. Я. Розенбахъ* и *Б. В. Томашевскій*, остановившись на различеніи отдѣльныхъ видовъ хроническаго алкоголизма, въ общемъ высказались противъ повальнаго признанія хрониковъ-алкоголиковъ душевно-больными.

Д-ръ *М. Н. Нижегородцевъ* подробно остановился на трудностяхъ, представляемыхъ вопросомъ объ алкоголизмѣ. Между прочимъ необходимъ точно установленный критерій и если врачъ-психіатръ не можетъ съ увѣренностью приравнять извѣстный случай къ душевной болѣзни, то онъ обязанъ представить данныя, которыя судъ уже самостоятельно можетъ использовать для рѣшенія вопроса о вмѣняемости. Многіе случаи хроническаго алкоголизма давно признаны наукой за душевную болѣзнь, но въ обществѣ и до настоящаго времени господствуютъ противоположные взгляды, подобные опроверженіямъ д-ра Розенбаха. Для невмѣняемыхъ алкоголиковъ-преступниковъ нужны не тюрьмы, а лечебныя и врачебныя заведенія, не кара и возмездіе, а врачебная помощь, отъ этого выиграютъ и престижъ суда, и народное правосознаніе. Для алкоголиковъ, состояніе которыхъ не можетъ быть квалифицировано, какъ болѣзнь, вполнѣ устраняющая вмѣняемость, юристы уже должны озаботиться или смягченіемъ наказанія, или созданіемъ института уменьшенной вмѣняемости.

Проф. *И. Я. Фойницкій* принципіально возсталъ противъ введенія юридическаго понятія о неполной или уменьшенной вмѣняемости. Принятіе уменьшенной вмѣняемости несостоятельно по существу. Можно только вмѣнить или не вмѣнить; средняго нѣтъ. Уменьшеніе наказанія—это уменьшеніе мѣры отвѣтственности, а не вмѣняемости. Задача экспертизы на судѣ точно опредѣлить психическое состояніе подсудимаго алкоголика и если, согласно мнѣнію экспертовъ, подсудимый будетъ признанъ вмѣняемымъ, то и наказаніе надлежитъ примѣнить ему въ полной мѣрѣ. Такое положеніе обусловливается, по мнѣнію оппонента, и практическими требованіями. Куда дѣвать преступниковъ алкоголиковъ? Больницъ для нихъ доселѣ не имѣется, а выпускать ихъ на волю, значитъ подвергать новой опасности и общество и самого осужденнаго.

Д. А. Дриль замѣтилъ, что вопросъ объ отвѣтственности алкоголиковъ одинъ изъ интереснѣйшихъ, по его запутанности. Въ немъ прежде всего встрѣчаемся съ понятіемъ уголовной вмѣняемости или вмѣняемости въ вину, которое представляетъ собою комплексъ, сложившійся изъ разнородныхъ элементовъ, завѣщанныхъ сѣдой стариной. Что такое юридическое вмѣненіе? Поставленіе на счетъ дѣятелю его дѣянія, какъ ближайшей непосредственной причинѣ по-

слѣдняго. Для чего? Для послѣдующаго назначенія кары, т.-е. страданія. Съ какою цѣлью? Тутъ между юристами начинаются безконечные споры, вступить въ которые крайне опасно: зайдешь въ дебри.

Но всегда ли за преступнымъ дѣяніемъ и теперь слѣдуетъ кара для его непосредственной, ближайшей причины, т.-е. дѣятеля? Совершается преступное дѣяніе душевно-больнымъ, малолѣтнимъ. Кара не слѣдуетъ; назначается леченіе, надзоръ, воспитаніе и проч. Почему? По отношенію къ первому случаю одни отвѣчаютъ: за отсутствіе свободы воли, свободы самоопредѣленія. Но сама свобода воли вызываетъ нескончаемые контроверсы. Другіе говорятъ: за отсутствіемъ сооcобности сдерживаться. А кто возьмется и можетъ даже сколько нибудь приблизительно точно опредѣлить мѣру этой способности по отношенію къ каждому данному человѣку вообще и къ каждому данному случаю въ частности? Противорѣчія и споры безконечные, а главное отсутствіе сколько-нибудь достаточной обоснованности.

Не правильнѣе ли совершенно устранить или отказаться вообще отъ ни на что не нужнаго понятія уголовной вмѣняемости и невмѣняемости и въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать вопросъ *о выборѣ* по отношенію къ дѣятелю преступленія соотвѣтствующихъ цѣлесообразныхъ средствъ воздѣйствія. Каждому всегда должно и не можетъ не ставиться на счетъ всякіе его дѣяніе, доброе и злое, полезное и вредоносное, но выборъ послѣдующихъ мѣръ всегда долженъ быть различенъ, въ зависимости отъ особенностей случая, иначе этотъ выборъ не цѣлесообразенъ и не разуменъ. Что такое острое отравленіе алкоголемъ? Его справедливо опредѣляють, какъ искусственно вызванное сумасшествіе. Что такое хроническій алкоголизмъ? Органическія измѣненія, ясно посмертно констатируемыя и на секціонномъ столѣ, громко говорятъ, что это болѣзнь. Причемъ же тутъ наказаніе, какъ средство борьбы съ преступностью? Обязательство вознагражденія жертвы преступленія, быть можетъ, наказуемость самого отравленія ядомъ, принудительное леченіе и проч.—вотъ все, что можно примѣнять въ такихъ случаяхъ. Говорятъ о возможности злоупотребленій при примѣненіи принудительнаго леченія. Злоупотребленія, конечно, всегда и вездѣ возможны; ихъ надо возможно ограничивать, но они не доказательство. А что сказать, по сравненію съ ними, о всей той массѣ зла, которое въ настоящее время безпрепятственно совершается алкоголиками по отношенію къ ихъ семьямъ и окружающимъ вообще?

Алкоголизмъ, какъ показываетъ всеобщій опытъ, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ преступности. Но какъ бороться съ этимъ факторомъ? При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, можно ли дѣлать налогъ на алкоголь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на здоровье физическое и душевное, источникомъ государственныхъ доходовъ? Конечно, на запрещенія много надѣяться нельзя. Существуютъ глубокія причины массоваго алкоголизма. Но существуетъ также и Гойтеборгская система, которая употребляетъ значительную часть (можно бы и наибольшую часть), доходовъ отъ алкоголя на борьбу съ этими причинами, на ихъ устраненіе.

Д-ръ *В. Э. Ольдерогге* сдѣлалъ интересное сообщеніе о своей попыткѣ добровольнаго помѣщенія алкоголиковъ по системѣ проф. Кальбаума въ особыя лечебныя заведенія. Результаты этой попытки неудовлетворительны и г. Ольдерогге стоитъ за законодательное разрѣшеніе вопроса о принудительномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ больницы на продолжительные сроки и во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ лѣтъ.

Профессоръ юридической академіи *А. С. Лыкошинъ*, бывшій помощникъ военнаго прокурора, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу предложенныхъ докладовъ, познакомилъ присутствовавшихъ съ военно-судебной практикой. По воинскому уставу самое пьянство является преступленіемъ и карается, какъ самостоятельное преступленіе, тѣлесными наказаніями. Между тѣмъ не рѣдко бываетъ, то на почвѣ опьяненія военные чины совершаютъ нарушенія военной дисциплины, послѣдствіемъ чего является непомѣрное наказаніе, зачастую—каторжныя работы. Поэтому г. Лыкошинъ предложилъ во 1) высказаться г.г. психіатрамъ—«не представляетъ ли тѣлесное наказаніе, примѣняемое къ алкоголику, полную нецѣлесообразность, въ виду того, что, если разсматривать алкоголика, какъ душевно-больного, то тѣлесная кара не только не достигаетъ цѣли, которая вообще преслѣдуется задачами карательнаго возмездія, но можетъ еще служить причиной большаго разрушенія личности наказываемаго и безъ того подверженной, благодаря алкоголю, разрушенію»; во 2) возбудить ходатайство, чтобы при нарушеніяхъ, сопряженныхъ съ опьяненіемъ, наказуемо было только пьянство, проступки же, совершенные на почвѣ опьяненія, не подлежали карѣ, такъ какъ во многихъ случаяхъ несомнѣннымъ является то обстоятельство, что, хотя внѣшнимъ образомъ обвиняемые совершали нарушенія какъ будто сознательно и вслѣдствіе этого не возбуждается вопросъ о вмѣненіи, однако на самомъ дѣлѣ эти нарушенія явились исключительно результатомъ безсознательнаго, вслѣдствіе опьяненія, состоянія.

Крайне оригинальнымъ представляется «особое мнѣніе», высказанное въ засѣданіи военнымъ врачемъ г. *Тишковымъ*, которому въ продолженіи цѣлыхъ 20 лѣтъ приходилось многократно производить на судѣ психіатрическую экспертизу.

Мнѣніе этого врача весьма характерно во многихъ отношеніяхъ. Ни одна экспертиза, говоритъ оппонентъ, не давала ему нравственнаго удовлетворенія. Происходитъ это изъ того ложнаго положенія, въ которое ставится всякій экспертъ на судѣ. Строго говоря, медикъ экспертъ долженъ, исходя отъ научно-медицинской точки зрѣнія. признать больнымъ всякаго человѣка, употребляющаго алкоголь. Вотъ въ чемъ двойственность и ложность положенія. Поэтому г. Тышковъ считаетъ вообще экспертизу по вопросу объ алкоголизмѣ въ судебныхъ дѣлахъ—не только лишней, но и вредной, потому что она связываетъ судъ и ,внушая ему неопредѣленныя представленія о вмѣняемости, мѣшаетъ ему судить преступника и подвергать его установленной въ законѣ карѣ. Понятіе вмѣняемости есть не только понятіе общественно-государственное. Есть общественные и государственные интересы, которые стоятъ выше требованій, предъявляемыхъ наукой медицинской или юридической,—и во имя этихъ интересовъ, государство имѣетъ право и обязано примѣнять свое карательное воздѣйствіе и по отношенію къ тѣмъ, которыхъ наука врача или этика юриста объявляютъ невмѣняемыми. Къ числу такихъ интересовъ относится требованіе, чтобы общество было ограждаемо отъ опасности, угрожающей ему отъ алкоголиковъ. Что алкоголикъ есть человѣкъ ненормальный и опасенъ для общества—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, что бы ни говорили психіатры, потому что ясно, что человѣкъ, хронически вводящій въ свой организмъ, въ свой мозгъ ядъ, измѣняющій въ концѣ концовъ его физическую и интеллектуальную личность,—не можетъ не считаться психически-ненормальнымъ. Но слѣдуетъ ли поэтому такого алкоголика, посягающаго на общественную безопасность, освобождать отъ кары, потому что онъ невмѣняемъ

съ точки зрѣнія врачебно-правовыхъ понятій о невмѣняемости? Это было бы нарушеніемъ начала общественности, государственности, которое одно должно руководить дѣйствіями государства и должно быть дороже и выше началъ, выставляемыхъ наукой. Въ особенности нельзя допускать пьянство, какъ причину невмѣненія въ той странѣ, гдѣ очень часто и очень много людей пропиваетъ себя и своихъ близкихъ... Въ Россіи пьянство должно быть вмѣняемо и никакихъ вопросовъ по этому поводу въ судебныхъ дѣлахъ не должно быть возбуждаемо, и поэтому экспертиза по этимъ дѣламъ не нужна.

Въ виду крайне продолжительныхъ преній и выяснившейся настоятельной необходимости полнѣе и яснѣе разработать возбужденный вопросъ, предсѣдатель Уголовнаго Отдѣленія И. Г. Щегловитовъ, резюмируя высказанныя уже отдѣльныя мнѣнія и замѣчанія, предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ образовать особую коммиссію изъ представителей Юридическаго Общества, Общества охраненія народнаго здравія и Психіатрическаго Общества. Въ предсѣдатели таковой коммиссіи былъ предложенъ М. Н. Нижегородцевъ и въ качествѣ членовъ М. М. Боровитиновъ, А. К. Вульфертъ, Д. А. Дриль, М. С. Маргуліесъ, И. Я. Фойницкій, Ю. Я. Хейфицъ и В. В. Чеховъ, а также и всѣ члены редакціоннаго комитета Уголовнаго Отдѣленія Юридическаго Общества.

Ф. Малининъ.

Въ «Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ» при Духовной Академіи.

55-е засѣданіе, 5-го марта.

Л. З. Кунцевичъ прочелъ докладъ на тему: «*Значеніе философіи Канта для идеи естественнаго права*». Докладчикъ выступилъ сторонникомъ теоріи естественнаго права. По его взгляду, эта теорія, никогда не умиравшая въ исторіи человѣчества, нашла для себя блестящее подтвержденіе и разъясненіе въ философіи Канта. Если воспринимаемый нами міръ, какъ показалъ Кантъ, есть призракъ, создаваемый по законамъ нашего ума, то источникомъ нашихъ понятій о добромъ и зломъ, правомъ и не правомъ долженъ быть не внѣшній опытъ, а самый разумъ съ присущимъ ему всеобщимъ и необходимымъ требованіемъ долга. Изъ оживленныхъ преній по поводу доклада выяснилось, что положенія докладчика требуютъ значительныхъ ограниченій. а) Теорія естественнаго права не представляетъ собою такого ученія, которое бы на протяженіи вѣковъ оставалось однимъ и тѣмъ же. Существеннымъ измѣненіямъ она подверглась, напр., подъ вліяніемъ ученія исторической школы, показавшей, что правовыя понятія составляютъ явленіе естественное, развивающееся по опредѣленнымъ законамъ. Философія Канта имѣетъ значеніе для теоріи естественнаго права, но понимаемаго въ Кантовскомъ смыслѣ. б) Ученіе Канта о воспринимаемомъ мірѣ, какъ субъективномъ призракѣ, не выдерживаетъ критики, потому что призракъ этотъ не творится разумомъ, а образуется по указанію внѣшней дѣйствительности. в) Апріорность нравственнаго закона выводится Кантомъ изъ его всеобщности и безусловности. Но эта всеобщность и безусловность не доказывается Кантомъ, а устанавливается имъ догматически. Что касается положенія докладчика, что въ основѣ положительнаго права лежатъ присущія человѣку нравственныя нормы, то оппоненты соглашались съ этимъ.

56-е засѣданіе, 15-го марта.

Вниманію Общества былъ предложенъ **К. Е. Екшурскимъ** докладъ на тему: «*Ученіе Эпикура объ удовольствіи*». Докладчикъ, основываясь на сочиненіяхъ Гюйо, изобразилъ въ рельефныхъ чертахъ развитіе Эпикурова ученія, выдѣлилъ основные принципы этого ученія и сдѣлалъ краткую критическую оцѣнку ихъ. Оппоненты остановились сначала на вопросѣ, на сколько точно представлено докладчикомъ ученіе Эпикура, и затѣмъ обратились къ разсмотрѣнію критической части доклада. Было, между прочимъ, замѣчено, что Эпикуръ, взявъ за точку отправленія стремленіе человѣка къ личному счастью, не съумѣлъ привести это стремленіе въ согласіе съ идеальными запросами человѣческаго сердца. Отсюда объясняется двойственность его ученія, защита добродѣтели, съ одной стороны, и проповѣдь узкаго эгоизма, съ другой.

Извѣщеніе.

Второй Международный Философскій Конгрессъ.

Женева, 4—8 сентября / 22—26 августа 1904-го года.

Согласно рѣшенію членовъ Перваго Международнаго Философскаго Конгресса (въ Парижѣ, въ августѣ 1900-го года) Второй Конгрессъ имѣетъ быть въ Женевѣ отъ 4-го до 8-го сентября (новаго стиля) сего 1904-го года.

Конгрессъ откроется въ воскресенье 4-го сентября въ актовомъ залѣ Женевскаго университета въ 2 часа дня и продолжится до вечера четверга 8-го сентября.

Занятія Конгресса какъ въ общихъ, такъ и секціонныхъ засѣданіяхъ будутъ происходить подъ руководствомъ предсѣдателей секцій: послѣднія въ случаѣ надобности могутъ быть подраздѣлены на второстепенныя секціи.

На общихъ засѣданіяхъ будутъ обсуждаться исключительно тѣ вопросы, которые заранѣе намѣчены организаціоннымъ бюро и предложены докладчиками. Во время общихъ засѣданій не будетъ никакихъ засѣданій секцій.

Секцій намѣчено пять: *Исторія Философіи.—Общая Философія и Психологія.—Философія прикладная* (Мораль, Эстетика, Соціальная Философія Философія религіи, Философія права). — *Логика и Философія наукъ. Исторія наукъ.*

Сообщенія не могутъ продолжаться болѣе 15 минутъ. (Это правило не распространяется на доклады).

Оффиціальными языками Конгресса признаны нѣмецкій, англійскій, французскій и итальянскій.

Каждый членъ Конгресса уплачиваетъ за членскій билетъ 20 франковъ.

Организаціонное бюро, указывая на успѣхъ Перваго Международнаго Философскаго Конгресса, выражаетъ надежду, что всѣ, интересующіеся Философіею, отзовутся на его объявленіе и поспѣшатъ своимъ заявленіемъ о желаніи прочесть докладъ на Второмъ Конгрессѣ или вступить въ число его членовъ.

